

Тень шамани

**

В судьбе каждого из нас есть собственное призвание, свое место — та роль в юдоли бытия, которую мы можем взять наиболее хорошо. И это место суть единственная настоящая отрада, которую мы, бранные и мимолетные существа мира, можем испытать в своей жизни, полной трудности и печалей; это дар, который хранит для нас жизнь в запасе; и существует этот дар вовсе не благодаря какому-то покровительству, естественной справедливости или некоему свыше данному порядку, ведь воля природы яростна и слепа, ей нет дела до наших судеб, а для ясных глаз нет существ, что свыше вселенной. Просто каждый из нас имеет врожденную, природную склонность к определенному делу и действию. Каждому природа дает способность, иногда большую, иногда маленькую, реже расщедрится она на талант, и уж редкость вовсе — гений.

Казалось, будет нескромностью ожидать большего и лучшего. Пусть каждый возьмет, что ему причитается, и страданий станет меньше, а тщетных, чужих миру душ не останется вовсе. Каждый пройдет свой путь. Но! Плохих, чужих, не своих троп — полным-полно, а свое место лишь одно, иногда — несколько; попасть на него — дело скорее случая и удачи, нежели жизненной сноровки и упорства. Это зависит от нашей судьбы, хоть часто может казаться, будто это дело наших мыслей и желаний. Но не стоит им верить — ведь они настолько изменчивы. Наверное, именно поэтому шамани Больших гор любят наговаривать: «Пытайся тропу свою поймать когтями, но *вирд* сам изловит тебя когтем случая». Они знают, что личный путь каждого и каждой не дается никому просто так: его надо сначала уловить, а потом пройти.

Вирд — судьба, которая есть у каждого существа мира. И шамани Больших гор, эти хозяйки и хозяева намерения, которые, казалось, сами вершат свои судьбы и жизни как им вздумается, как никто знают, что именно вирд, твоя личная судьба, может дать шанс тебе поймать свою тропу; либо же вирд без спросу, жестоко забрет ее у тебя; или насмешливо обманет, пустив по ложной тропе.

Именно потому, что нету способа ублажить вирд, упросить дать больше шанса, чем причитается, подкупить или запугать, достать где-либо иной либо поменять, шамани Больших гор говорят:

— *Хайани мэи наи ахмар*, — что значит: «Охоться лишь за своей силой». Ну, а там — будь что будет. Имеет значение лишь твоя безупречность и твоя жизнь, которую нужно достойно прожить.

И свой вирд впервые встретила Сэнзали во время багрового заката; когда она родилась, то не было никаких знаков, знамений и прочих необычных вещей. Она пришла в мир тихо и незаметно, не возмущалась и не плакала, даже вовсе не потревожилась, а всё смотрела удивленными глазками на мать Зарару, шамани Ушалу, ее ученицу Фринаю и куст мирассы.

Также с нею родилась сестра, но она предпочла сразу же заявить о себе миру; может и правильно: ее никто не спрашивал, желает ли она такой участи — родиться. Потому стоит расплакаться, разгневаться: зачем и с чем пришла я сюда?

— Имя, имя!

«Ну давай, быстрее...», — так мысленно торопила шамани изможденную Зарару. Крупная, чуть неуклюжая Ушала, во весь рост стояла возле молодой матери, требовательно глядя, не давая покоя. Есть примета среди львиц, что если не сразу, не мгновенно дать имя новорожденному, то ждут его или ее невзгоды и несчастья. Будто есть кто, кого они не подстерегают. Ушала, от весьма больших ограниченно-

сти и косности, верила в сонм примет; в него входили всякие, даже самые незначительные и бессильные. Наставница Ушалы, по имени Хельза́, в свое время пыталась научить ее видеть знаки, как и подобает для шамани, но та чаще видела лишь заученные приметы.

Но это не значит, что Ушала — плохая шамани. Кое в чем она весьма хороша.

Это первые дети Зарары, она еще не привыкла к детям и трудности их воспитания, потому восприняла появление новой жизни с трепетом, как необычное, а не должное. Для нее всё было нелегко, боязно. С облегчением вздохнув, она растянулась по земле от усталости и, глядя на мягкое красное солнце заката, негромко молвила:

— Ее... будут звать Мааши. А ее, — невнятно указала мать лапой, даже не посмотрев, — Сэнзалли.

Вот так просто свершилось таинство имянаречения. «Мааши» — так звали львицу одного из дренгиров Делванни, что умер давно, очень давно (и она, верная, вместе с ним). С той поры во прайде пошла традиция: в нем должна быть хотя бы одна Мааши. Недавно умерла от старости львица, тоже по имени Мааши, а потому Зарара, хочешь не хочешь, но назвала так свое дитя.

А Сэнзалли... Так звали подругу далекого, призрачного детства Зарары. Пусть будет так. Зачем выдумывать новое, если есть на свете так много хороших имен? Она не помнила, что оно значит, но решила: именно так назовет дочь, если судьба ее подарит.

Она не могла оторвать взгляда от лучей неба: эйфория рождения новой жизни держала молодую мать Зарару, потому от томления она шевелила лишь кончиком хвоста, а больше ничем. «Родились... родились... родились», — лишь одна мысль жила в сознании.

Ушала чуть растерялась. Она хорошо не поняла, кого же Зарара назвала «Мааши», а кого — «Сэнзалли». Но шамани прайда Делванни, любящая простые решения любых недоразумений, переспрашивать не стала. Она взяла наугад одну из сестренок.

— Прекрасно. Что, ж... Мааши. Ты стала дочерью прайда Делванни и львицей Союза, — объявила для мира Ушала и продолжила вылизывать маленькую львицу. — Возьми... давай... Бери!

Это наставница подгоняла свою нерешительную ученицу, поставив ей под лапы Сэнзалли: чтоб училась обходиться с детьми. Фриная, до того нервно теребившая хвостом, взяла совсем еще маленькую львицу и объявила, правда, не так уверенно, как наставница:

— Сэнзалли, ты стала дочерью Делванни и львицей Союза.

Всё в мире так утихло, словно ждало некоего чуда либо конца всего. Фриная глядела на маленькую львицу, и ею овладело смутное, тяжело уловимое рассудком чувство. В ушах чуть зашумело. Вслушиваясь, она перестала вылизывать Сэнзалли, а лишь созерцала ее; и на миг показалось, что Сэнзалли всё понимает и тоже смотрит на нее со смыслом, что скрыт.

Ушала заметила неладное.

— Что? — спросила с подозрением и укоризной.

— Странное... ощущение, — чуть испуганно призналась Фриная, но не сразу, а чуть погодя.

— Какое? — Ушала чуть нахмурилась от непонятливости и медлительности ученицы: характер у наставницы деятельный, живой, она не терпит медленного течения.

— Сложно рассказать... Вот когда я смотрю на нее, — Фриная тронула носом Сэнзалли, — то...

Но Зарара уже отошла, лучи солнца больше не пленяли ее своей красотой, она вспомнила о себе и новорожденных дочерях; инстинкт матери тут же вырвался наружу, и она ревностно забрала их от двух шамани и начала заботиться о них сама.

Шамани-наставница с удовлетворением глянула на Зарару. Всё шло хорошо: молодая мать вела себя так, как подобает молодой матери — полюбила своих детей и не захотела отдавать их. И Ушала вовсе не стала выпытывать Фринаю о ее чувствах. Лишь молвила, вовсе не интересуясь, считая ученицу еще нестойкой, бестолковой:

— Такое бывает, когда кто родится. Ты меньше поддавайся мыслям. Иди лучше умойся, а потом извести прайд.

А Фриная не знала, что первый и последний раз в жизни, крайне мимолетно и слабо от недостатка сил, но ощутила *хламай*.

**

Зарара очень любила своих дочерей. И отец Аринай — тоже. С ранних лет их окружали опека родителей (Аринай оказался удивительно внимательным отцом, хоть и был младше Зарары), забота львиц и безопасность прайда Делванни — прайда Союза. Потому Сэнзалли и Мааши росли хорошими и умными детьми, хоть с разными характерами: капризная, упорная и крайне деятельная Мааши не всегда хорошо уживалась с мечтательной, романтической и трогательной сестрицей Сэнзалли.

Ну, например: львицы пришли с охоты, принесли какую-нибудь хорошую для детей добычу, «мягкую», как говорят. Это может быть зебра, антилопа или какая мелкая добыча (только не кролик — в нем много костей, потому лъвьятам давать его нехорошо). И вот, дети кушают. Любое, что понравится, Мааши может взять без церемоний, даже не опасаясь чьего-то недовольства и рычания. Через миг она отобрала лакомство прямо изо рта у вдвое большего от нее Ата́лла. А еще через миг уже хлюпается в непонятно где найденной луже. В сухой сезон.

А Сэнзалли обязательно спросит разрешения на то, на это. «Мама, можно я... Пусть извинит меня Эйтана, можно я... Прости, я не хотела...». Ее манеры всегда были хорошими, даже высокими; иногда это оказывалось очень кстати, но иногда — не шло на пользу.

— Резвей надо быть, дочь моя, — иногда говаривала мама для Сэнзалли, а дочь внимала. — Жизнь штука неблагородная, в ней надо уметь хватать свое. Свой кусок. Вот, взгляни на Мааши.

— Хорошо, — всегда соглашалась Сэнзалли с мамой, ведь с нею спорить — плохо. Мать, она больше прожила на свете — ей разве не знать? Сэнзалли, возвращенная во всем хорошем, доверялась словам, а тем более сказанным матерью.

Только кусок всё равно не выхватывала.

Даже внешне сестры сильно различались: Мааши с резвым, чуть сощуренным взглядом, порывистыми манерами вовсе не была похожа на мягкую, с нежностью в глазах Сэнзалли. Мааши — самая типичная львица Союза: широкие, смелые черты морды, большие и жесткие скулы, немаленькие уши, нехрупкое телосложение. Окрас — как у всех — цвета темного золота. Во все не страшенькая, нет. Но и не милая красавица. В общем, такую встретишь в Союзе где угодно, и удивляться будет нечему.

В кого же удалась Сэнзалли, никто толком не мог внять. Сложения она хрупкого, изящного. Черты мордочки тонкие и аккуратные, благородные; глаза всегда глядят на мир с загадкой и удивлением. А еще окрас у нее необычайно светлый. Нет, не такой ослепительно яркий и белый, как можно подумать, нет; всё — в пределах разумного. Но если в детстве вспоминали о Сэнзалли (неважно — хорошо ли, худо ли, просто так), то обязательно проскакивало: «А, та самая, светленькая». К ее отличительно светлому окрасу во прайде все привыкли и даже некоторое время прозывали «Белая», но потом прозвище почему-то не прижилось и сошло на нет.

Чем-то она напоминает львицу-Саргали, дочь Больших гор, у которой отец или мать были с равнины. Они с Мааши — вполне похожи, только с первого раза никто не мог сказать, что эти две львицы — суть сестры.

Аринай утверждал, что так выглядела мать его матери, Саймири́, хотя на самом деле это далеко не так. Просто таким образом он всегда старался подчеркнуть, что его род идет не из прайда Делванни, а из Иллари — другого прайда Союза.

Почему?

Всё просто: быть делваннийцем в Союзе — наименее почетно; это, скорее, бремя и неудача. Делванни — не самый большой, но и не самый маленький прайд Союза; находится он на юго-востоке его огромных земель. А что на юго-востоке? А ничего особенного! Если уйти на юг, то рано или поздно попадешь в пустыне, плоскогорные земли, где живут малочисленные, голодные, злобные прайды; если уйти на восток, то там равнина-равнина-равнина, а больше ничего, и живут на ней разрозненные прайды. И чем дальше идти по ней, то, как говорят львы и львицы, что пришли оттуда, — тем бедней земли. Правда, иногда рассказывали о каких-то огромных, охотных, прекрасных землях на юго-востоке, но утверждалось, что они очень далеко... Если уйти на запад, так это земли Союза — попадешь в прайды Хартланд или Велари́, а если на север — там Регноран.

Союзу никогда ничего не угрожало с юго-востока. Вольные львы и львицы, что приходили оттуда, никогда не доставляли особых хлопот: наученные жестокостью, трудной жизнью и борьбой за выживание, они обходили земли больших прайдов десятой тропкой. Больших и организованных прайдов там никогда не было — чем прокормить хотя бы десяток голов в пустом месте? Все разбегутся: кто подерется за последний кусок, кто уйдет куда глаза глядят, кто умрет в одиночестве... Если хочешь встретить прайды, так нужно идти на северо-восток или север: попадешь в Большие горы, а там львы-северняки или Саргали, как они себя называют. Далее, через эти самые Большие горы, можно попасть на северо-восточную равнину. Если пройдешь через земли Саргали, конечно. А то можно и не пройти. Встретят по пути:

— Цанна, чего ходишь, еду пугаешь? — спросят напоследок.

А потом или удирай, или умри.

Вообще же, в Союзе мало знают о жизни этой северо-восточной равнины — горы и северняки уже много-много лет — очень хорошая ограда.

Оттого прайд Делванни за всё время своего существования от безделья потерял свой дух и силы, которые вполне имел в самом начале (но это давно, так давно, что не стоит даже вспоминать). В нем редко что-то происходит. Жизнь течет неспешно и тихо, каждый день похож на предыдущий. Иногда, конечно, всколыхнет прайд какая новость: то погибнет кто на охоте, то чужака заметят на границах, то конунг пришлет посыльную и сообщит, мол, нужны львы или львицы в помощь регноранцам — отгрызаться от северняков. Но правитель Союза делает это редко, да и сами регноранцы не рады такой помощи, — все знают, что на делваннийцев редко можно положиться: от беспечности своей жизни они полагают, что мир — место,

где светит солнышко и бегают добыча, а острые клыки и когти — это не у них, это в другом месте.

Львица Союза редко хочет идти вместе со львом из Делванни на его родину; львицы Делванни совсем не прочь уйти из прайда вместе с каким-то, например, веларийцем.

Вот в таком прайде родилась львица Сэнзалли.

Но судьба не только определила ей такое рождение, она также подарила особое место, назначение, — Сэнзалли с очень маленького возраста (даже еще плохо говорила!) стала ученицей шамани Фринаи, которая, в свою очередь, сама еще принимала наставления от Ушалы.

Фриная всегда говорила себе так, когда вокруг никого не было:

— Потом Ушала уйдет себе прочь, как бывает. Или ее не станет. Как тогда я учить буду? А род знания, линию, нужно продолжать. Такова традиция. Так что пускай лучше Ушала поможет... Потому я возьмусь пораньше учить Сэнзалли...

Она боялась самостоятельности, ответственности, неверного шага. Фриная не знала, что будет делать с ученицей, потому надеялась на помощь Ушалы; но то, что Сэнзалли она должна учить, чувствовала хорошо и верно, как ничто больше в жизни. Утопая в нерешительности, она дотронулась к левой щеке маленькой Сэнзалли, которая еще не понимала происходящего:

— Отныне ты, Сэнзалли, ступила на путь знания.

Сначала Фриная очень волновалась, но потом привыкла. Вопреки ожиданиям, Ушала не слишком помогала, по крайней мере внешне, но Фринаю успокаивало ее присутствие.

Время шло, Сэнзалли потихоньку начинала учиться. Фриная не особо учила Сэнзалли собственно знанию шамани, *ахмэне́* и *нихмэне́*, то есть «как вести себя» и «как действовать», потому как сама в этом не была сильна. В чем-то это было правильно и честно: если сам не знаешь, так не надо давать ложных знаний другим. Вместо сложностей духа Фриная учила всяким травам, корням и прочему. Иногда помогала Ушала, но осторожно, ненавязчиво.

В общем, всё шло к тому, что в мире появится еще одна посредственная, маленькая шамани для прайда, что продолжит не слишком сильную линию Фринаи и Ушалы. Ну, прайд Делванни, что с него взять? Какой он, такие и шамани — робкие, мягкие, обыденные, без больших достоинств и дерзких пороков. Излечить могут кое-что. Испуг там у львенка снять. Поговорить с кем-то по душам. *Сновидеть*? Это удастся редко, по капризу и прихоти случая, да и зачем, собственно, оно надо... Видеть иные миры? Ну, видела несколько раз в молодости, попадала. Но толку-то, что там найдешь... Много силы — много бремени; лучше заняться насущными делами.

Влиять на других?

Слышать чужие души?

Видеть *знаки* и чувствовать опасность?

Нет, нет, всё это — в другом месте. А у нас — спокойнее.

Несмотря на всё, Сэнзалли интересовалась знанием, старалась понять и превратить его в силу. Особенно любила слушать предания о шамани древности, наивно пытаясь отыскать в них скрытые смыслы. Еще совсем юная, молоденькая, она по свежести жизни ощущала этот диссонанс между силой тех шамани из преданий, и тем, как неспешно влачилось ее обучение.

— Всему свое время, — зевала Фриная, не вполне понимая ученицу.

Сэнзалли даже уходила в ночь (она краем уха услышала, что так делали многие шамани), но Фриная тут же пресекла такое на третьей попытке:

— С ума сошла, что ли? Осторожней будь. Мало ли что в ночи может случиться. Да зачем это? — молвила наставница, преградив путь.

— Хочу учиться. Шамани не должна знать страха, — довольно дерзко, неожиданно для самой себя, возразила Сэнзалли. — Что за шамани, что не знает свой страх?

— Не ищи в ночи ничего. Потому как там нету хорошего, лишь мрак. Ну, увидишь ты его — а что дальше? Не ищи хорошего, лучше гляди, как не получить беды.

Уши юной ученицы прижались:

— Хорошо, как наставница скажет.

С течением времени Сэнзалли часто задавалась тем самым вопросом: «Куда и зачем ступают мои лапы?». У пути шамани нету цели, но хорошая наставница всегда дает ученику или ученице путь к силе и дает увидеть то самое дарование, тот самый талант и склонность, которую имеет каждая и каждый из львов и львиц знания. Каждый склонен что-то делать и умеет это лучше других — так приказала природа, и так будет всегда. Сэнзалли же не знала, как и зачем учиться, и нужна ли она миру вообще.

«Раз явилась, значит, нужна», — думала она иногда, подложив под мордочку лапы.

Так и было в этот день. Сэнзалли отдыхала в тени мирассы у подножия холма, всё так же скрестив лапы вместе, опершись о них подбородком и прижав уши, с неизбывной мечтой глядя в саванну. Травы мешали ей видеть даль, мелькали перед глазами, словно стараясь убедить в бесполезности полета мысли.

Во прайде Делванни нету скал как таковых, а есть своеобразные скалистые холмы с довольно пологими склонами. Всего их три: Верхний, Южный и Дальний. Верхний — пристанище дренгира прайда, а также место общего сбора. Возле Южного течет основная жизнь прайда. Дальний когда-то был пристанищем лишь для шамани, что само по себе необычно (шутка ли — шамани Делванни были хозяйками целой холма), но когда во прайде ставало всё больше и больше голов, то и возле него начали располагаться на ночлег.

Сэнзалли сегодня отдыхала на Дальнем. Сон было укрыл ее, но тяжелая лапа дотронулась к спине.

Юная львица не ожидала такого и вздрогнула.

— Спишь? — с истинной теплотой спросил Аринай.

Он очень любил свою дочь, больше жизни. Мааши он тоже любит конечно, но... Сэнзалли — это всё.

— Ах, папа... Это ты. Уже нет.

— Навостри ушки. У меня есть интересные новости.

Что Сэнзалли и сделала.

— Готовься. Завтра утром мы уходим.

— Но куда, папа? — чуть отстранилась дочь, глядя удивленными, сверкающими глазками на отца.

Отец у Сэнзалли умен. Он не из благородного и старого рода, но знает многие древние традиции хороших родов; Аринай знает, что в былые времена отец брал сыновей и дочерей в путешествие по Союзу. Он хочет показать дочерям мир, зная, что потом, во взрослой жизни, у них много времени на путешествия не будет. В походе приобретается ум, кругозор, самостоятельность, в других прайдах дети учатся новому. Кроме того, Сэнзалли-шамани такое будет вдвойне полезно.

И, если не таить правды, то Аринай не желал, чтоб его дочери остались во прайде Делванни. Пусть увидят мир... Пусть захотят чего-то другого.

— Ты, я и Мааши побываем во всех прайдах Союза, — торжественно сказал Аринай и улегся возле дочери. — Вы должны увидеть мир, в котором живете. Вы — не только дочери Делванни, но и дочери Союза. Не так ли?

Она лизнула лапу, потом закусилась в задумчивости. Признаться, это было крайне неожиданно. Отец несколько раз намекал на такую возможность, но лишь намекал, и намеки забывались сей же миг.

— Ой, папа, это будет так интересно!.. — взмахнула Сэнзалли хвостом. — А с чего вдруг такое решение?

— Нужно ведь когда-то решить.

— Хорошо, папа, — потерлась дочь щекой о гриву отца.

Сообщить Мааши ту же самую новость они отправились вместе. Сестра Сэнзалли с восторгом восприняла будущее путешествие и тут же, первой, разболтала о нем матери и заодно всему прайду.

Мать Зарара немного попечалилась, что родные души идут в такое далекое путешествие, но вполне смирилась.

Фриная с Ушалой с подозрениями отнеслись к этой идее. Точнее, Фриная была полной непонимания, а Ушала говорила, мол, рано еще тебе, маленькая Сэнзалли, ходить по прайдам и глазеть на других. Но тут вдруг юная львица-шамани проявила завидную непреклонность и заявила, что пойдет несмотря ни на что.

— Мы идем с отцом. И я уже давно могу охотиться! — слова эти были вполне правдивы. Сэнзалли действительно уже неплохо охотилась и любила охоту, несмотря на свой светлый окрас, что иногда играл с нею злые шутки.

Она даже решилась пригласить Фринаю с собой. Наставница и ученица путешествуют вместе! Но та отказалась. Почему? Сэнзалли не могла ответить на этот вопрос до своего последнего вздоха.

Аринай же попросил составить им компанию друга детства (а заодно — ярла Делванни), что звался Мазари. Его присутствие придавало всему этому предприятию больше безопасности (двое львов — это не один!) и солидности. Хотели еще взять кого-то из львиц, чтобы опекали совсем еще юных сестер-охотниц, но потом раздумали, да и никто особо не горел желанием — всё же дорога немаленькая. Маму нельзя было брать: поход должен стать символом самостоятельности и взросления Сэнзалли и Мааши, а мать будет лишь мешать опекой. Зарара станет символом родной земли, оставшись позади.

Так и случилось: на следующий день, без особых приготовлений, все четверо отправились в путь. Аринаю некогда посчастливилось много путешествовать по землям Союза, потому он хорошо знал, что и куда. Сперва, потратив два дня, зашли во прайд Регноран. Сэнзалли он тогда не запомнился ничем хорошим: они попали в него именно тогда, когда все печалились из-за смерти еще весьма молодого дренгира прайда — тот умер от странной, непонятной болезни. Старые шамани прайда, Хайтана и Сазарри, были заняты и страшно злились из-за того, что не смогли предупредить беды. Потому никакого внимания Сэнзалли они не уделили.

Потом пошли в Иллари. По дороге к нему заблудились, но потом смогли найти себе путь. Также их поразило обилие слонов в этих землях.

— Они с Морлая бегут, с севера. Что-то им там не нравится, вот и бегут на юг, — сетовали в Иллари.

Слоны, вообще-то, весьма мешали жить, ибо гоняли львиц на охоте, да и со львят теперь глаз и ушей не спустишь.

Местная шамани — худенькая теменькая львица, скромной внешности, с вечно печальными глазами и трагичной судьбой — вдруг разоткровенничалась со

Сэнзалли и призналась, что раньше вообще хотела сбежать из Союза в Большой мир. Или во прайд Черной луны, что недалеко в Больших горах.

— Там, говорят, неплохо... А здесь что? Скука. И ученицы от тебя сбегают, — так говорила эта шамани по имени Саймина. Дело в том, что она ощутила *хламай* к одной из дочерей дренгира Иллари и, как честная львица знания, взяла ее на обучение. Только многого с этого не вышло: мать и отец вскоре строго-настрого запретили дочери иметь отношение ко всем этим темным делам шамани. Саймина пыталась устеречь их от такого дурного шага, старалась убедить маленькую львицу, но ничего не вышло (то ли не хватило сил Саймине). Оттого она, понапрасну отторгнутая дренгиром и прайдом, нелюбимая, хотела уйти прочь.

История впечатлила Сэнзалли; взгрустнулось. Но ее заинтересовало кое-что: о прайде Черной луны она слыхала, но лишь краем уха.

— Что это за прайд, Саймина? — чуть прищурившись от любопытства, спросила Сэнзалли.

Саймина всегда говорила отрывисто, нервно, без покоя. Вот и сейчас отвечала в том же духе:

— Раньше на том месте был прайд северняков Таллалу, — она прижала к земле ветки акации, а потом отпустила. — Но их согнал с места какой-то кочевой прайд, и там остался. Как он это сделал — ума не приложу. Этот кочевой прайд и стал прайдом Черной луны. А Таллалу теперь живут намного дальше. И хорошо — в давние времена, говорят, надоедали страшно.

— Откуда они пришли? Откуда этот кочевой прайд? — интересовалась Сэнзалли.

Шамани Иллари повела ушами, покачав по земле косточку, что осталась после ужина:

— Никто не знает.

— И что... Эти... из Черной луны...

— Чернолунцы, — ухмыльнулась Саймина. — Чернолунцы мы их зовем.

— Они хорошо себя ведут?

— Сносно. Хартланд всегда давит на нас, илларийцев, мол, или подружитесь с ними или поссорьтесь, ибо так нехорошо — и не друзья, и не враги... Но их не проймешь. Свою землю стерегут, но на чужую не зарятся, — Саймина продолжала играть косточкой.

Сэнзалли вздохнула. Так много интересного на свете, и сколько не живи — всё равно ничего не ухватишь.

— К ним шамани приходят со всего Морлая, — вдруг, с какой-то скрытой завистью, молвила Саймина, бросив игру и посмотрев на юную шамани.

— Зачем? — наострила ушки Сэнзалли.

Та не отвечала долго: всё смотрела на знаменитые каменные столбы Иллари — чудо природы — что неброско отражали закатные лучи.

— Знать не знаю. Мне наставница говорила, что там утес есть, и он — место силы. Есть предание, что с него сбросилась какая-то шамани Союза. Мол, пришли львы и львицы Союза с миром к Таллалу, и с ними была некая шамани. Тоже наша. Я давно забыла имя, ну это и неважно. Так вот, пришло им время идти домой, а она решила остаться. Наши упрашивали: «Идем домой, идем!». А та не хотела. Ей у северняков, видишь ли, понравилось. Пришлось нашим ее оставить. Естественно, после этого львицей Союза она быть перестала. А северняки с нее посмеялись и к себе не приняли. Вот и осталось ей лишь спрыгнуть с утеса от тоски и ненужности, — Саймина дрогнула на этих словах «тоска и ненужность», и Сэнзалли учуяла тяжелый осадок ее души.

— Неужели? Я о таком не слышала! — искренне сказала юная шамани, уютившись поудобнее и поджав лапу под себя.

— Да брось ты. Не было там ничего. Думаю, эта легенда и сломанного клыка не стоит. Выдумают всякое... Да, мне рассказывали старые львы, что такой поход был, много лет назад, но это ничего не значит. Есть место силы — и всё тут. Такое бывает в мире. И не надо придумывать сказки.

Сэнзалли что-то укололо в левую лапу. Посмотрела, а там колючка акации. Отрянула ее. Призадумалась.

— Но ведь остальные, согласно этой истории, вернулись в Союз... Это они, наверно, поведали, что и как случилось. Значит, предание может быть правдивым. Зачем им врать? Всегда есть правда, а есть ложь, и можно одно от другого отделить, — по-детски, наивно возразила Сэнзалли.

— Знаешь, эту историю все каждый раз по-другому рассказывают. Так что неизвестно чему верить. Лучше уж тогда ничему.

Сэнзалли это запомнила.

Потом путь их направил во прайд Юнити: большой прайд Союза, старый, со славной историей и славными предками. Сэнзалли этот прайд очень понравился: дружный, крепкий.

И тут же Сэнзалли впервые влюбилась. У нее с одним молодым львом прайда по имени Сэнгай прошло небольшое, легкое, приятное и ненавязчивое любовное приключение. Впервые узнав волнение и робость простой, чистой влюбленности, многозначительного взгляда, юной любовной интриги, мягкое, растекающееся чувство поцелуя, Сэнзалли была в полнейших восторге и очаровании. Очень жаль, что это, как и всё прекрасное, длилось недолго — неполных три дня. Потом пришло время идти в другой прайд, и как Сэнзалли ни упрасивала отца остаться еще чуть-чуть — жизнь оказалась неумолимой.

Когда пришло время прощаться, то было так:

— До свидания, Сэнзи, — легко молвил Сэнгай, поцеловав и пригладив за ушком.

— Ты правда думаешь, что мы еще увидимся? — сверкали ее глаза, когда она доверчиво прильнула к нему.

— Как знать.

Сэнзалли оглянулась вокруг. Никого нет? Нет.

— Приходи ко мне в Делванни, — переборов стыд и гордость, вспыхнула влюбленностью юная шамани. — Ты придешь?

— Если смогу...

Ей захотелось что-то сделать для него, что-то такое, чтобы помнил всю жизнь. Сэнзалли лихорадочно думала, время истекало, но не могла придумать. А потом случилось быстрое, непредсказуемое:

— Запомни меня, Сэнгай, — она сама поцеловала его, остранилась и сделала шагок назад. — Мне пора.

— Постой!

— Мне нужно идти...

— Погоди.

Сэнгай догнал ее, и Сэнзалли вроде как нехотя остановилась. Вместо слов он обнял ее, прижал к себе и вдохнул ее запах.

— Я буду помнить, — серьезно сказал он.

Пришло время уходить, и они ушли. Конечно же, Сэнзалли потом всплакнула; но так, чтобы никто не видел, ни-ни. Надо сказать, что Сэнзалли совершенно не призналась Сэнгаю, что она — суть шамани. Боялась, что он... да мало ли что.

Побоится такую.

Не захочет иметь с такую дела.

Мааши прекрасно знала о ее приключениях в Юнити, но, как ни поразительно, расспрашивала очень немногое. А когда подходили к Хлаалу, заметила:

— Я слыхала, что Сэнгай — сын дренгира Юнити. Не наследник, а так... Так-то у дренгира две дочери. Ну, ты понимаешь.

Сэнзалли этого не знала. Выходит, и у него были свои тайны.

А Хлаалу наоборот — не понравился. Когда-то Хлаалу был маленьким прайдом, а теперь стал больше, но это не поменяло замкнутого и сдержанного к другим характера. Мааши хорошо сказала:

— Здесь каждый думает одно, говорит второе, а делает вообще третье.

Но именно в Хлаалу Сэнзалли научилась весьма многому; местная шамани, Умалла, заметив, что Сэнзалли весьма и весьма не хватает знания, которое можно сделать силой, не хватает той самой основы, помогала ей *сновидеть*, а также измучила упражнением в гляделки.

— Наставница тебя как, не учила *взгляду*? — требовательно, пытливо спрашивала гордая и неприступная Умалла, не терпящая вольностей, высокая, стройная. Она имела в привычке постоянно взмахивать хвостом.

Сэнзалли с извинением покачала головой, глядя на ее хвост:

— Извинения для львицы... Нет...

— Я тебя за день ничему не научу, — безнадежно махнула лапой шамани Хлаалу. — Но попытаюсь — потому, что должна.

А потом заставляла подолгу глядеть ей в глаза, с разной эмоцией и намерением. Это оказалось крайне трудно, даже в чем-то мучительно; Сэнзалли даже не подозревала, что простой взгляд может вызывать такие чувства, эмоции, сражение духа. Ее гордая наставница ничем не оставалась довольна и всё требовала от Сэнзалли то того, то этого. Чтоб не быть голословной и дать пример, Умалла позвала первую попавшуюся под лапу львицу (это оказалась сестра одного из ярлов) и взглядом свалила ту в некое подобие полубморочка-полусна, нисколько не заботясь о последствиях.

— Ушла ты, уходишь ты, уйдешь ты... — следуя своей натуре, зло и резко выражала намерение Умалла. Юную шамани это впечатлило: она прежде такого не видела, ни со львятами, ни со взрослыми — Ушала и Фриная несильны и такого не могут.

Потом Умалла решила поговорить с нею об искусстве лжи и его применении.

— Ложь. То, что неистинно. То, что неправильно, — начала она, прогуливаясь взад-вперед. Потом села хвостом к Сэнзалли, наблюдая жизнь прайда издали.

— В мире лжи нет, бытию она неведома. Ложь рождается лишь в наших душах и назначена лишь для других душ. И первое, о чем должна помнить шамани: ложь не есть зло. Всегда знай или пытайся понять: почему кто-то врет? Хитрость ли это для выгоды? Блуждание во мраке самообмана?

Умалла посмотрела на Сэнзалли, оценивая влияние своей речи на молодую львицу; но та внимала и покоилась, не шевелясь.

— Второе, что ты будешь помнить: ложь — не только придуманная или искаженная истина. Ложь — это и ее сокрытие. Третье: тебе непременно надо уметь врать. Четвертое: вводя в обман других, ты раскроешь, сколь часто лжешь себе. Невозможно истребовать, чтоб ты вовсе себе не врала — это невозможно: жизнь прекратится в сущий кошмар. Но нужно помнить, что все мы носим такой порок в наших сердцах.

— Львица говорила, что ложь — не зло. А теперь я слышу, что ложь есть порок, — отметила Сэнзалли.

Ей, честно говоря, не очень нравилось то, о чем начала говорить шамани Хлаалу. Ложь есть ложь. Есть правда, а есть она. Ложь плоха — ведет по неверному пути. Правда хороша — ведет по верному. Разве не так?

— И последнее: в этом мире нельзя отыскать полную истину; всё, что будет — лишь полуправда, — продолжала Умалла. — Гляди, ты поймешь со временем, что ложь не есть зло. Но в то же время ты уловишь, что она — порок души, потому что ложь портит намерение и волю шамани. А что еще хотеть? Мир скрывает свои правды от нас, потому что он нам непрестанно лжет.

Отряхнув головой, Сэнзалли чуть прижала уши и осторожно молвила:

— О, небо... Я запуталась, будто в терновнике. Львица говорила, что в мире лжи нет. А теперь львица говорит, что мир скрывает правды от нас, а потом лжет. Как же быть? — подняла она взгляд.

Маленькая птичка села на терновник неподалеку. Сэнзалли удивилась тому, что совсем недавно упомянула это растение, как тут на него села вот эта птица.

— Хорошо. Ты слушаешь, что я говорю, и думаешь над этим. Удивляйся, сколько хочешь, но есть так. Ты сейчас скажешь, будто я выжила из ума, и говорю чепуху ради своей важности. Нет же: мир, который ты видишь, слышишь и осязаешь — это мир, что живет вот здесь, — Умалла погладила Сэнзалли по голове, и молодая львица с неизвестной робостью приняла эту нежность. — Это мир твоего сознания, и ты живешь в нем; а сколь наши души мастерски умеют врать, то — сама понимаешь... Потому на мир нужно смотреть, как на непрестанную правду, но не забывать о его лживости.

Сэнзалли с осторожностью слушала всё, что ей говорила эта шамани. Принимать ли в душу, либо тихо отбросить?

— И какой ты из этого усвоила урок? — спросила Умалла, и Сэнзалли не хотела этого вопроса.

Но надо ответить.

— Буду честной: никакого. Лишь потерялась. Теперь для меня стало всё еще сложнее, а если учишься, так вещи должны проясняться.

— Прекрасно. Мне нравится твоя чистая душа — ты не врешь себе, и не врешь мне. Урок в том, что слова не могут принести к истине; они всегда касаются ее, ходят вокруг, но не более. Посмотри, сколько мы беседовали, а проку — мало. Ведь созданы слова для другого: они изначально назначены вести волю и намерение. Первые слова — это охотничьи жесты, если хочешь. «Стой тут!», «Беги!», «Хватай!». Из языка, созданного вести волю, нельзя составлять правды, как камешки один на другой: рано или поздно твое творение рухнет. А намерению истина не нужна — оно ее не знает; оно знает лишь само себя.

— Сложно всё, наставница Умалла... — молвила Сэнзалли, в самом деле желая сказать, что она всё усложняет.

— А кто говорил, что будет просто? Если тебе так говорили, значит, солгали, — веско сказала Умалла, тщательно наблюдая за нею. — Что ж, мы потерялись в общем, но утратиться в частном сложно, — продолжила она. — Тем более, что оно — самое нужное. Я хочу, чтобы ты умела видеть обман, и обманывать сама. За день чему тебя научишь... Ничему, верно. Но пытаться надо.

Умалла села прямо возле Сэнзалли и начала смотреть в одно направление с нею. Поставив лапу на ее, сказала:

— Правда — вещь простая. Она одна. Лжи полно, какой хочешь. Обмана полно, какого угодно. Я расскажу тебе кое-что, и ты начнешь понимать. Около луны

назад случилось в нашем прайде такое: одна львица — имени не скажу — оставила ногу зебры в тени дерева. Назначалась она для львят. Поскольку идти за ними было недалеко, то оставила без присмотра. Ведь это дерево — известное место сбора охотниц; все знают, что туда приносят еду для детей и старых. Она вернулась и увидела, что этой ноги нет. Кто взял? Всех спрашивали. Никто. Выяснилось, что в то время, в том месте близко находился лишь один лев. Причем не абы кто, а один из ярлов, ближайший друг нашего дренгира. Ну, охотницы всё ж спросили у него: «Не брал ли?». Он ответил: «Нет, знаете, шел мимо, увидел, утащил и всё сожрал!». Понятно, что охотницы смутились и далее расспрашивать не стали.

— Но это он съел? — легко догадалась Сэнзалли.

Нетрудно догадаться. А она говорит сложностями! Нетрудно всё, на самом деле...

Нетрудно.

— А как же. Я лично говорила с ним — признался сам. И вот тебе: наш ярл вроде как и не соврал, сказал всю правду, как есть.

— ...но сделал так, чтобы ему не поверили, и сочли это ложью, — заключила Сэнзалли, не пронзившись простотой истории.

Тем не менее, Умалла продолжала:

— Как видишь, даже правду можно сделать ложью. Если уметь. Потому первое: ложью не есть сами слова обмана. Они не значат ничего. Ты можешь обмануть, даже слова не проронив. Ты можешь обмануть, просто смолчав. Ты можешь обмануть, сказав истинную правду. Потому что намерение обмана рождается в тебе; но сама ложь возникает в чужой душе, чужая душа сама вбирает ее в себя, поддается ей, принимает ее. А потому ты должна помнить — так же, в жизни, будут пытаться обмануть тебя.

Сэнзалли неопределенно кивнула. Как же, будут пытаться. Но смысл? Все знают, что у шамани есть *чувство*. Если всё остальное подводит, то оно не подведет.

— Второе: жертва обмана. Кто она? Или кто он? Хочет ли он быть обманутым? — настаивая на важности, коготком стучала Умалла по земле.

Молодая шамани решила возразить:

— Мне кажется, никому не хочется быть обманутым.

— Кажется, — уверенно отбила возражение Умалла. — Например, лев, что тебя любит. Впрочем, как и ты. Ты тоже захочешь от него обмана.

— Зачем врать любимому? — удивилась Сэнзалли.

— Ах, мое дитя. Забыла ты то, что ранее говорилось, — ложь не есть зло. Ты не обманываешь его со зла. Наоборот. Из любви. Сутью игры, которая зовется «любовью», и есть ввод друг друга в заблуждение.

Сэнзалли сощурилась от подозрения и непонимания, прямо посмотрев на Умаллу:

— Как так может быть? Разве так бывает? Обман — и по любви?

— Бывает. Что за неверие к моим словам?

Вдруг Сэнзалли совершенно дерзнула:

— А зачем верить? Вдруг львица мне врет? — смотрела она прямо в глаза, не мигая. И даже не боясь взгляда Умаллы.

В глазах шамани Хлаалу нечто мелькнуло; Сэнзалли не могла сказать: злость или ярость; обида или укор. Но это очень быстро угасло, и Умалла ровно ответила:

— Не вру. Я себе не враг, и тебе тоже. Я сейчас передаю тебе знание; это — изъяснение сестринства шамани. Здесь нет места для неправды.

— Ха! Как знать! — решила Сэнзалли немедля повернуть весь разговор наизнанку.

Умалла молчала, потому она добавила:

— Не может быть правдой то, что я должна врать своей любви! Смысл тогда в этом чувстве?

— Ты не должна врать, никто не принуждает. Сделаю упрощение: представь себе, что его сестра приводит тебя в бешенство своими выходками и поступками. Но он привязан к ней, любит ее. И ты что, скажешь ему, что терпеть ее не можешь?

— Если любит, то поймет! — с наивностью молодости откусила Сэнзалли, проявив совершенно несвойственные ей упрямство и недоверчивость.

Хотя она понимала, что поступает неправильно. Так часто бывает. Понимаешь, что ведешь себя как последняя дурость, но упрямо продолжаешь упорствовать в глупости; ибо сдаваться — не принято.

Умалла ответила печально и меланхолично:

— Что ж, ты не горишь желанием принимать мое знание. Не буду тебя терзать. Оставим это.

Она хотела ей многое показать и рассказать: как врать; как врут; что не делать, когда врут; что делать, когда врут. Много хотела. Ну, не вышло вложить душу. Бывает с любимым начинанием, даже самым благородным.

«Не готова еще», — рассудила Умалла.

И под конец Сэнзалли, когда отец уже вызвал ее, услышала от шамани Хлаалу:

— Он у тебя появится, *взгляд*. Обязательно появится, — так молвила она, словно давая обещание.

Юную Сэнзалли это втайне обрадовало. Что поделаешь, она еще почти ребенок, любит мягкую похвалу и нежное слово, слова вроде: «У тебя обязательно получится!». Но ее настрой был разорван на куски, когда она услышала на прощание от Умаллы: очень тихое, только для нее, прямо в ухо:

— Ужасной шамани ты будешь, Сэнзалли, — верно кивнула шамани Хлаалу, дотронувшись к левой стороне ее шеи.

Это подарило плохое настроение на весь день, и лик грусти укрыл ее. «Но почему ужасной? Ах, нет. Я ни на что не годна... Но ведь я стараюсь! Как умею. Как знаю... Мстит! За то, что не слушала ее болтовню о лжи! Точно отомстила! Ну и предки с нею...», — печально она глядела под лапы, шагая. Сэнзалли, по молодости и недостатку силы, не смогла уловить всех оттенков и смыслов этого слова — ужасная.

«Ложь есть ложь», — заключила Сэнзалли. — «И нечего тут особо выдумывать».

Мааши очень нравилось их путешествие. Она каждый день в кого-то влюблялась, в ком-то разочаровывалась, даже ругалась, бывала то тут, то там — в общем, спешила жить. И всё корила сестру:

— Сэнзи, да иди себе, погуляй. Погляди — с тебя глаз не спускают, — говорила так, будто в Юнити у сестры ничего не было.

На Сэнзалли и правда львы обращали самое пристальное внимание. Волнуя их своей мягкостью и непровлением, уступчивостью в словах и поведках, Сэнзалли в то же время держала всех на расстоянии. Всякий, узнав, что она — шамани, хоть еще совсем юная, начинал вести себя сдержаннее, бояться лишнего шага: не знал, как к ней подступиться; Сэнзалли же, у которой случилось легкое, влюбчивое приключение, еще не могла от него отойти, и лишь вздыхала о том, что всё прекрасное в жизни ускользает так быстро, оставляя лишь серость будней.

В Хлаалу, под конец, к ней пристал некий лев; своими некрасивыми приставаниями он так надоел Сэнзалли, что она начала прямо отпихивать его лапой, если

тот вдруг подходил. Или уходить самой. Потом за сестру вступилась Мааши, наговорив этому молодому нахалу всяких обидных слов.

И никто не верил, что они сестры — настолько Сэнзалли и Мааши были разные.

Потом назрел вопрос, который требовал разрешения: идти в Хартланд или идти во прайд Велари. Аринай и Мазари долго спорили. Разрешили вопрос, спросив одну из посыльных Хлаалу:

— Куда ближе: к Хартланду или Велари?

Та ответила:

— К Хартланду тропки лучше. Я бы шла туда.

Сэнзалли и Мааши ждали от Хартланда чего-то необыкновенного, а он оказался обычным прайдом. Ну, он больше, чем остальные... Ну, и всё. А прохладного отношения к гостям (это у крови хартландцев — они привыкли к ним) не могли не заметить. Потому сначала Мааши, капризно вздернув хвост, заявила:

— Папа, идем отсюда, здесь глупо и неинтересно. Идем к веларийцам.

— Но Мазари хочет еще поведать брата, а я — отдохнуть. Возьми Сэнзи, иди погуляй куда-то...

Мааши фыркнула:

— Фу. Пошли, сестра, скоротаем время.

Но уже утром следующего дня она пылала от восторга.

— Ох, Сэнзи, я с таким львом познакомилась! С таким львом! — молвила она громким шепотом, свесив лапы с большого бревна, на котором покоилась. Оглянулась — вдруг кто рядом?

Сэнзалли слышала это почти десяток раз за всё путешествие, потому восприняла очень спокойно. Она сидела возле сестры, рисуя на земле когтем бесцельные, плавные узоры.

— Ух ты. Вот как, — задумчиво молвила она, паря в облаках мечты.

— Он говорил... — Мааши говорила так тихо, как только могла, потому Сэнзалли пришлось наострить уши. — Говорил, что вечером меня найдет, и мы... пойдём. Погулять.

— Оу. Ой, — Сэнзалли оставила узоры. — Мааши, а тебе не страшно?

— Нет. Нисколько, — соврала та.

Сэнзалли немножко подумала, смущаясь.

— Тогда будь осторожна.

— Я попытаюсь, — хитро ответила Мааши.

Следуя своему смущению, молвила Сэнзалли-шамани:

— Но ты знаешь его... всего день.

— Эй, мы уже взрослые. Мне просто любопытно. Я хочу попробовать. Кроме того, он такоооой милый, честно-честно.

Мааши встала и отряхнулась, посмотрела на сестру. Соскочила с бревна.

— А давай я на него гляну? — вдруг предложила Сэнзалли.

— Да он ушел куда-то, его нету во прайде, — быстро ответила Мааши, посмотрев вдаль.

— Отцу что скажешь? — резонно спросила Сэнзалли.

Аринай знал, что за дочерьми нужно приглядывать — они еще не взрослые, еще не подросли. Потому он запрещал ночью дочерям далеко от него отлучаться, да и днем не особо жаловал длинные прогулки.

— Что-нибудь придумаю.

Но придумывать ничего не пришлось. После полудня Аринай и Мазари решили уходить прочь из Хартланда. Их лапы устали путешествовать, потому они огласили, что сейчас же отправляются домой.

Быстрая, практичная на ум Мааши сразу смекнула. Она отвела сестренку в сторону:

— Сэнзи, очень прошу... Возьми отца во Велари, скажи, что тебе очень хочется на него посмотреть! Сестра, ну должно получиться! Я не могу сейчас идти!

На том и решили. Сэнзалли убедила отца пойти во Велари, а Мазари — остаться еще в Хартланде на ночь. Это было несложно: шамани (и ученицы тоже) прекрасно врут и вдохновенно убеждают — даже небольшое умение владеть сознанием и эмоциями никому не проходит даром. Может показаться, что юная шамани приняла это решение легко, без раздумья. Но это лишь кажется. На самом деле одолевала сомнения: юные, чистые. «Ах, отца обманывать плохо... Хорошее ли я сделала для Мааши? Как бы с нею чего не случилось...». Но, тем не менее, решение принято, потому отступить некуда.

— Удачи тебе, сестра...

— Пока, Сэнзи! Скоро увидимся! — с восторгом попрощалась Мааши, предвкушая и опасаясь этих вечера и ночи.

И Сэнзалли с отцом ушла во прайд Велари. Ей было интересно, так как отец ее матери, Намиру, был из этого прайда, а потому в крови Сэнзалли — часть прайда Велари.

Сначала было всё как обычно: переход, занявший полтора дня; легкое удивление местных от неожиданного визита; коротенькая встреча вежливости со старым, вечно недовольным дренгиром Велари; отдых после похода. Поначалу, как они только начали поход, у Сэнзалли болели лапы от непривычки. Но потом она обвыкалась, научилась щадить и хранить силы в себе. Потому встала Сэнзалли очень рано и пошла исследовать земли прайда Велари — она никогда на них не была.

Как водится, разговорилась с местными. Конечно же, следовало навестить местную шамани, что юная, не знающая забот Сэнзалли и решила сделать. Львица со шрамом на щеке и челюсти указала носом на одинокую, очень крутую, гладкую скалу вдалеке.

— Вот ее место. Там должна быть...

Эта шамани — уже немолодая, грузная львица с нелегким взглядом, маленькими ушами и тяжелой лапой. Сэнзалли прижала уши в знак смущения и незнакомства; она, на самом деле, не знала прежде ни одну шамани Союза, кроме своих наставниц. И все это воспринимали вполне нормально, но только не она, Халлана:

— Тебе что, Фриная обо мне не рассказывала? Как так? Велари и Делванни почти рядом, а ты даже моего имени не знаешь!

Хмыкнула.

— Что Фриная, что Ушала — одно и то же. Ай, что взять, — делваннийцы... — неповоротливо отвернулась Халлана.

Сэнзалли привыкла к спокойствию и добродушию, потому не знала, как поступить и что делать. Села, прижав к себе хвост, рассматривая землю. Та же поведала, вполоборота, скрываясь в тени скалы:

— Меня зовут Халлана. Я — не рода Велари, — снова хмыкнула. — Я из Хлаалу. А моя предшественница была из Юнити. Здесь нету своей шамани уже много лет, да будет тебе известно. Последняя из шамани Велари, хах, давным-давно сбежала в Большой мир. Ни ученика, ни ученицы у меня нет — не хочу я их, да и хламая не было.

— Прайд Велари просил дать шамани из прайда Хлаалу? — осторожно спросила Сэнзалли, зная, что есть такая традиция.

— Да. А я, глупая и тогда молодая, согласилась.

— А в чем глупость? — задала вопрос неопытная Сэнзалли.

Халлана смерила ее взглядом. Юная шамани ощутила презрение, что таилось в нем. Ответа не последовало.

— Чего стоишь? — наконец, жестко молвила та.

— Я хотела побеседовать со львицей... — разочарованно и грустно ответила Сэнзалли.

Халлана повела ушами.

— Не о чем.

— Я поняла это.

Ни разу не ожидая такого холодного приема, Сэнзалли с тяжелым чувством отвернулась и начала уходить. Из-за мыслей, что ее одолели, она не заметила, как прошла прямо по скопищу всяких вещей и вещиц, что в большом беспорядке находились в хозяйстве Халланы.

— Осторожней!.. Перевернешь мне тут всё!

— Пусть львица простит, очень прошу, — не очень искренне извинилась Сэнзалли.

— Бестолковая... Пользы от тебя... На, вот! Вынеси это, раз наделала бардак, — сказала Халлана с таким видом, будто раньше здесь был образцовый порядок. — Вынеси это старье, — пнула она панцирь к лапам Сэнзалли.

У юной львицы разыграла гордость: как можно снести такое отношение?! Чем она заслужила? Но решила, что это будет последней каплей. Еще одна грубость — и ответ вместе с открытым презрением не заставит себя ждать. Сэнзалли не знала, чем ответит этой Халлане, но решила твердо не давать себя и свою честь в обиду.

— Он что, не нужен львице? — холодно спросила она.

Та обыденно ответила, улегшись снова:

— Старый он, ни на что не годный, треснул почти. Я знаю, что местные шамани хранили его долгое время... — говорила она, и Сэнзалли даже показалось, что Халлана оттаяла. Но вдруг уши юной шамани услышали злобное: — К гиене его. Отнеси куда подальше, выброси или детям отдай. Всё меня раздражал. Как ты. Вот и катитесь вы... оба.

Сэнзалли без раздумий взяла этот панцирь в зубы и спешно ушла прочь, не желая больше общаться. Лишь преодолев прыжков сто, остановилась и положила панцирь. Рассмотрела. Он и вправду был старым, ветхим, в пыли и земле.

— Какой грязный. Фу, — фыркнула и перевернула лапой. Потом еще. Ударил его лапой — он завертелся.

Это обычный панцирь, который используют шамани в качестве емкости для разных жидкостей и смешивания. Лишь посредине, на тыльной стороне — глубокая царапина. Множество потертостей, каких-то пятен, мелких изъязнов. Что ж, обычная негодная, старая вещь... Нужно бросить и забыть. Но Сэнзалли почему-то медлит. Она взяла его, потом снова положила, не зная, что с ним делать. Ей претило оставлять его или выбрасывать куда подальше. Но брать и ходить с этим панцирем — нелепо и смешно.

«Пойду к воде, отмою», — решила она. — «А потом где-то оставлю... Раз его хранили, так не буду выбрасывать — пусть себе стоит».

Панцири всегда считались большой ценностью, ибо поиски черепахи — дело унылое, да и редкость они. Найти целый панцирь просто среди саванны вообще считалось среди шамани доброй удачей и хорошим знаком. Панцири хранились,

передавались из поколения в поколение; некоторые наставники и наставницы требовали, чтобы каждая ученица или ученик находили собственный панцирь. Также панцирь — символ шамани для прайда; символ тех шамани, что живут в них и помогают остальным. Нет здесь никакого трепета перед вещью, ведь шамани знают — вещи мира суть лишь тлён, в них нету силы, сила таится в ином. Но всё равно — символ есть символ, свои знаки стоит уважать.

Сэнзалли отмыла его возле водопоя, оставила прямо у кромки воды. «Может, Халлана передумает выбрасывать такую старую вещь. Выкидывать панцирь... Не дело это, плохой знак!».

Потом юная-юная шамани пошла по своим делам — жизнь ждала. Да и забыла обо всём. Вечером они с отцом, как гости прайда, беседовали с дренгиром Велари, и Сэнзалли, как воспитанная дочь, всё больше молчала при разговоре львов. Одолевали безделье и легкая дрема; она лежала ровно и стройно, поджав под себя лапы и хвост, и только блуждающий взгляд выдавал скуку. Но взгляду не за что уцепиться — на землях Велари лишь холмы и свободная даль.

— Сэнзи, ты, понимаешь, беседовала с нашей Халланой? — мягко, даже ласково обратился к ней дренгир.

Застигнутая врасплох, она тут же молвила то, что было на уме:

— Халлана мне нахамила... Даже не знаю, зачем.

Дренгир помотал гривой.

— Как так, понимаешь... Нахамила? Что значит — нахамила?

— Ну... — замялась Сэнзалли, подбирая слова. И в самом деле, как описать?

— Ты, молодая львица, больше следи за собой, понимаешь. Халлану я уважаю, она умеет многое, лечит хорошо и еще ни один львенок не умер, когда она роды принимала. Так что ты продумай лучше, чем могла ее разозлить. Понимаешь?

Ариной с укоризной поглядел на дочь. Сэнзалли прижала уши.

— Она исправится. Пусть дренгир простит ее характер, — извинился за поведение дочери Ариной.

Прошел один день.

Второй...

На третий уже следовало возвращаться.

— Дочь моя, ты увидела весь Союз. Так или иначе, ты теперь знаешь мир, в котором живешь, — со скрытой гордостью сказал Ариной, когда они шли к водопю Велари перед дорогой домой.

— Разве, отец? — спросила Сэнзалли после небольшого молчания. — Разве знаю мир, в котором живу?

Но Ариной не понял смысла того, что желала выразить Сэнзалли, потому ей пришлось бессмысленно отшутиться. Непонимание, оно частый гость среди душ, даже самых родных.

Когда они пришли к воде, то Сэнзалли заметила, что панцирь покоится возле воды, как прежде. Никто его не трогал. «Странно, столько провалялся, и хоть бы кто лапой пошевелил...». Отец продолжал пить, а она подошла к этой ненужной никому вещи.

Она еще ученица. Она никогда не чувствовала никаких особых вещей, не видела никаких *знаков*, с нею не случались чудеса. Да, Сэнзалли смутно и приблизительно, но может иногда уловить чей-то настрой... *Сновидеть* и *выйти из тела*, в принципе, тоже. Ненадолго, не всегда, но ей это знакомо. Но лишь знакомо... Иногда Сэнзалли казалось, что она — львица, каких полно в мире, и вырастет таковой; и что Фриная каким-то образом глупо ошиблась, избрав ее в ученицы. Ведь всё, что она имеет в запасе — послушность и прилежность. Но как же талант, способности и

склонность? Нет, такого Сэнзалли за собой не чувствовала. А тем более никто не видел. Никто не говорил: «Ах!». Если не с другими, то с собою стоит быть откровенной. Нет же, она — обычная юная львица, вполне ступившая на тропу взросления. Разве что красивая, очень даже; светлая, стройная, с толикой крови львиц Больших гор. Ой, она еще шамани? Ну ничего, детей лечить сможет, травы и коренья будет знать, роды сможет принять. Такое никогда самке не мешает. Всё верно.

Но теперь Сэнзалли утратилась, ибо почувствовала, почувствовала сильно и хорошо, будто чувство кто насильно втолкнул в душу. Прижав уши, большими глазами смотрела она на панцирь, чувствуя тот самый озноб вокруг тела, который так хорошо знаком всем шамани, что *сновидят*.

Для Сэнзалли оказалось очень трудно объяснить даже самой себе, что именно донеслось к ее сознанию. Но стало очевидным следующее: панцирь этот — вещь многих поколений шамани, и даже страшно представить, сколько из них касались лапой к нему; а еще его ни в коем случае нельзя бросать, а нужно взять с собою.

— Пап, я возьму это домой, — не вопросительно, но с утверждением молвила Сэнзалли, когда подошла к отцу, поставив панцирь.

Отец принюхался, потрогал панцирь когтями.

— Это что? Панцирь?

— Да.

— А зачем? — действительно удивился отец.

— Нужно. Очень нужно.

Ариной, подозревая, что здесь укрыта какая-то юная блажь, прихоть, возмущился от непонимания:

— Оставь его. Нам идти еще дня два. Как тащить-то будешь?

Конечно же, Сэнзалли была непреклонна. Отец возмущился от такой непрактичности и странности; он привык, что дочь всегда послушна и разумна, не делает необычных и неправильных поступков. А тут — такая несурезица... Два дня в зубах тащить это домой! Сейчас ей кажется, что путь с такой ношей прост.

«Но ничего», — подумал Аринай, зная жизнь. В пути прихоть уйдет. Сэнзалли мягка и податлива, вовсе не упорна; она согласится со своей усталостью, ей надоест играть. И она бросит то, что несла.

«Так... И действительно. Зачем мне этот панцирь? Ты смотри, взяла и утащила из прайда Велари», — подумала она. Но потом успокоилась. Нет, не утащила, ведь его выкинули. Даже сказали забрать вместе с собою.

«Раз его Халлана выбросила, как ненужное, а мне суждено его взять... Но куда и зачем? Зачем он мне? Что я буду с ним делать у себя дома? Что за глупости... Вещь древняя, несомненно, вещь предков. Очень хорошо. Но зачем я ее тащу? О небо, я что, поглупела или вовсе сошла с ума? Отчего мне так решилось?», — раздирали сомнения и чувство бессмыслицы ум Сэнзалли, но лапы продолжали твердо идти вперед.

И действительно, это оказалось труднее, чем Сэнзалли представляла. Другого способа, чем тащить этот панцирь в зубах, не было; сначала она несла его так, что он мешал глядеть на путь, но потом сообразила и взяла его наоборот — за верхнюю кромку изнутри. От этого стало чуть легче, но лишь чуть. Нижняя челюсть уставала: она, сильная, не предназначена для длительного напряжения, а лишь для краткого, но мощного. Сказать уже ничего не скажешь, потому с отцом разговор оказался невозможен. Панцирь немного мешал шагать передним лапам; это «немного» не заметно, когда несешь панцирь на несколько прыжков, но в длинном пути сразу приобретает огромное значение.

Аринай с сожалением смотрел, как дочь творит глупости и при этом выглядит еще более глупо. Сначала ругался:

— С ума сошла, зачем тебе мусор!

Потом начал упрашивать и взывать к здравому смыслу. Когда и это не помогло, то предложил помощь. Сэнзалли отказалась и лишь попросила:

— Папа, поверь, так мне нужно. Его отдала Халлана. Я дала себе слово, что донесу его домой. Что ж мне теперь, не держать слова?

Отец лишь вздохнул, не зная, что ответить.

Когда вечером они проходили мимо стада слонов, то отец начал опасаться, чтоб те случайно не начали гнаться за ними, как иногда слоны любят.

— Так, давай, бросай его. А то большие сейчас затопчут, — деловито сказал отец, зорко наблюдая за опасностью.

«Нет», — покачала она головой.

В общем, кое-как добрались домой под закат следующего дня. Начали собираться грозовые тучи: темные, мрачные, большие — на всё небо. Оттого на земле стало неуютно и темно, и начал дуть пронзительный ветер, напоминая всем о том, что жизнь протекает в непростом мире. Сэнзалли крайне устала, потому первым делом оставила панцирь у большого баобаба на Дальнем холме, а только потом пошла приветствовать прайд.

Как выяснилось, Мааши и Мазари уже вернулись из Хартланда.

— Ну что? Как ты? — бесцветно спросила Сэнзалли сестру, потирая лапой онемевшие скулы. На землю упали первые тяжелые капли. Они упрятались под скалу.

— Дурак он, вот что, — улегшись, разочарованно ответила Мааши, подразумевая свое приключение в Хартланде. — Лучше бы с вами пошла. А что это ты за штуку принесла? Отец говорил...

— Ай... Надо. Потом объясню.

Сестра начала вылизывать загривок Сэнзалли.

— Устала?

— Угу, — вздохнула Сэнзалли, прислушиваясь.

Так немного помолчали, лишь Мааши мурлыкала.

— Лишь бы... лишь бы никто не дергал, — изъявила желание Сэнзалли и тут же, словно нарочно, явилась Фриная. Юная шамани снова вздохнула, тяжело поднимаясь. Она знала характер и повадки наставницы, потому не особо уповала на то, что та даст спокойно отдохнуть и поспать.

— О, Сэнзалли! Я соскучилась по тебе!

— Рада видеть Фринаю-наставницу.

Они потерлись щеками, немного робко, как всегда бывает после долгой разлуки.

После яркой молнии ударил такой раскат грома, что все вокруг невольно прижали уши. Дождь уже лил сплошным потоком, и на земле появились ручейки. Все вокруг, кто еще не сообразил спрятаться, поняли, что лучше таки это сделать.

Тройку львиц от ливня укрывал небольшой навес скалы.

— Рано наступает сезон дождей! — возмущенно молвила Мааши, словно ругаясь с природой.

Фриная села возле Сэнзалли, по левую сторону.

— Я слышала, ты панцирь принесла из Велари, — осторожно начала наставница.

Юная львица удивилась, что та уже всё знает. «Отец сказал», — подумалось.

— Да.

— Зачем? — с каким-то подозрением спросила Фриная, глядя на ученицу.

Она не ответила взглядом, лишь смотрела в серость пелены дождя. Глазам не во что уцепиться, и это так приятно — можно забыться, раствориться в нем.

— Я... Я не знаю, — в какой-то мере солгала Сэнзалли.

— Ты подумала, что мы с тобой не найдем панцирь? Или что я не передам тебе какой-либо из наших? — настойчиво старалась найти разумный ответ Фриная, начиная обижаться.

— Нет-нет. Пусть наставница поймет... Халлана... — Сэнзалли было хотела рассказать, как она пришла к шамани Велари, как она плохо ее приняла, как указала катиться вместе с этим панцирем прочь, который, кстати, древний и какой-то особенный. Сэнзалли хотела пожаловаться, что не знает, почему именно этот панцирь особенный, но его долгие годы жизни хранил род знания Велари. Но расхотелось пускаться в длинные объяснения для наставницы: — Мне его дала Халлана.

— Для чего?

Сэнзалли не смогла соврать:

— Халлана указала мне вынести его прочь и выбросить.

— Так зачем ты его принесла?

Мааши притворялась, будто не слушает разговора, а спокойно себе отдыхает, положив мордочку на лапы.

«Да что они всё заладили: панцирь, панцирь!», — пришел в раздражение дух Сэнзалли. — «Будто больше не о чем говорить. А, может, и вправду — зачем я его принесла... Может, это действительно глупо...».

Ударил молния, осветив всё вокруг: скалы, небо, непонимающую Фринаю, шерсть Мааши, блеск глаз Сэнзалли. Грянул гром. А потом Мааши первой заметила вдалеке вспышку:

— Смотрите, вон там! — наострив уши, указала на Дальний холм. Там нечто вспыхнуло и начало гореть.

Огонь — зрелище редчайшее. Большинство львов и львиц ни разу не видели его. Потому многие, особенно молодые львы, устремились к Дальнему — поглядеть на невероятное.

— Сэнзи, побежали, посмотрим! — Мааши уже сорвалась на упругие лапы, желая побыстрее услышать «да» или «нет» от сестры.

Вместо ответа Сэнзалли побежала вместе со сестрой к огню.

— Осторожней с этим! — прорычала Фриная вослед.

Никто не подходил к пылающему дереву ближе, чем на пять десятков прыжков — все опасались огня. Лишь Сэнзалли решилась смотреть на пламя вплотную, несмотря на взволнованное требование сестры уйти прочь от опасности. Она узнала этот баобабаб — тот самый, под которым оставила панцирь. Сэнзалли заморожено глядела на огонь и искры, что странным образом витали среди дождевого мира, и знакомый озноб обнял всё тело; потом пылающее дерево начало крушиться и падать, и некто сильно толкнул ее. Это был один из молодых львов прайда, Аталл.

— Сэнзалли, уходим, а то нас съест огонь!

Юная шамани очнулась, и вместе с Аталлом вернулась к остальным, чтобы наблюдать, как догорает и тушится дождем баобабаб. Он истлел и изошел паром весьма быстро. Насытившись зрелищем, все разошлись.

— Сэнзи, ты как, идешь? — последней уходила Мааши, ожидая сестру.

— Я сейчас... Сейчас.

Мааши еще несколько мгновений глядела вполоборота на сестру, но настаивать не захотела.

Дождавшись, пока все уйдут, Сэнзалли начала одиноко бродить среди пепла, фыркающая от дыма. Под лапами она чувала тепло, и даже несколько раз отдергивала лапку, чуть не обжегшись; лапы почернели. Она искала панцирь посреди этой пустоши, но не смогла найти: дерево упало прямо на него, и он изошел в прах вместе с ним.

— Пропал, пропал, совсем пропал... — говорила себе.

Она утратилась такого редкого, странного, сильного знака. Она совершила нечто, вроде бы мелочь, но это нечто оказалось до странности важным. Сэнзалли внутри, темными глубинами духа, поняла, что добровольно приняла вызов, взяв этот панцирь домой, и, поскольку довела всё до конца, то была услышана кем-то. Или кем-то.

Она принята, ее приняли.

Ей был дан знак. Шамани говорят, что знаки дает лишь сила, что пронзает мир насквозь, и каждый из нас хранит в себе часть этой силы. Потому Сэнзалли тихо молвила, сидя посреди пепла:

— Что сила хотела мне поведать?..

Юная шамани не знала, совершила ли огромную глупость либо же ее поступок был безупречен. Может, этот знак — плох для нее? Разрушение, оно всегда разрушение; и панцирь древних шамани, уничтоженный огнем — не тому ли подтверждение? Но, может, это символ иного? Сэнзалли, что честна с собою, не знала, на что решиться.

Побродив еще вокруг, она робко ушла спать.

На следующий день Фриная спросила:

— А где тот панцирь?

А Сэнзалли, наверное, впервые в жизни солгала ей твердо и уверенно:

— Я выбросила его прочь. Наставница открыла мне глаза. Зачем он мне? Мне Фриная передаст свой либо мы вместе найдем другой.

Фриная довольно мурлыкнула.

А Сэнзалли поняла, что знак ей дан, и ничего не остается, кроме как ожидать своей участи. И она начала ждать неизвестного, что непременно должно последовать.

**

— Там та-там та-там... Там-там... Эй, сестрица, живей! Не влачись за хвостом! — весело окликнула Мааши родную душу, встряхнув ушком.

Но Сэнзалли не поспевала: она внимательно рассматривала цветущий строфант.

— Грррр, Сэнзалли! Сейчас я тебя поцарапаю. Поцарапаю!

— Тише. Строфант цветет.

— Ну и что? — фыркнула Мааши, удивляясь такому вниманию к растению. В жизни-то есть вещи поважнее.

Шамани продолжала сидеть и разглядывать свое, чуть шевеля кончиком хвоста.

— Фриная говорила, что строфант бывает разный, и его виды трудно отличить. Но когда цветет, то по цветкам видно — где сильный, где слабый. Я должна хорошо запомнить. Запомнить каждый вид. Понимаешь? — спросила Сэнзалли, не глядя на Мааши.

— Ай, ну тебя, — Мааши сделала еще несколько шажков по тропке. Потом обернулась, всё-таки не желая продолжать путешествие в одиночку. Одному или одной, оно всегда труднее. — Идешь?

— Идем... — согласилась сестра.

С того самого времени, о котором хорошо помнила Сэнзалли, прошло четыре луны. Сэнзалли и Мааши подросли и превратились в почти готовых к взрослой жизни молодых львиц; это стало настоящим соблазном для всех львов. Мааши приобрела еще больше живости, решительности, практичности и жизненной хватки. А что же взяла у времени Сэнзалли? Чуть больше силы, еще больше красоты, много больше доброй меланхолии, которая неизменно не нравилась матери:

— Не мечтай слишком много, — предупреждала Зарара, — вредно это.

Шли дни, но ничего не происходило. Солнце оставалось на своем месте, сестра-луна тоже, небо и земля оставались прежними для Сэнзалли; ее неспешная жизнь не менялась, ничто в нее не приходило, ничто не убавлялось. «Может, я лишь выдумала, что это *знак*, а не ощущала это. Думать — не чувствовать. Разве настолько я сильна, чтобы ловить безмолвное знание, которое приносит знаки? Будь умницей. Не думай сверх того, что есть. Старый панцирь — это старый панцирь, истлевшее дерево — лишь пепел». Сэнзалли даже меньше стала уделять внимания знанию: толку с него, травы и корни она уже знает, полечить кое-что может, а что смертельно — и так не лечится, так что лишние эти заботы...

Она хорошо помнит, как учила Фриная: «Иногда — вылечить, часто — облегчить, всегда — успокаивать». Вот ее жизненный смысл: он прост и понятен; следуя ему, она станет неплохой шамани для прайда. А хотеть знания для себя, для своей силы, — так зачем? Стоить оставить это другим: у них лучше получится.

Ведь она — дочь обыденности, призванная жить в покое дней, во всем знакомом. Сэнзалли никогда не бросала вызова ни себе, ни судьбе; она ждала лишь мерной жизни, сутью которой будут не слишком трудные обязательства шамани для прайда, охота и дети. По крайней мере, она так думала все эти годы, что жила...

Но так ли это в самом деле?

«Кто я? Зачем дышу в мире?», — спрашивала себя иногда, потому как никто больше не мог ответить. Но спрашивала тихонько, словно такие вопросы задавать неприлично. Иногда могла всплакнуть, просто так, чтоб стало легче.

Фринаю и Ушалу всё это не особо заботило.

В этот миг они с Мааши идут на рискованное предприятие, на которое решились сами: поохотиться на бородавочника. В последние дни на охотных землях Делванни, которые и так никогда не испытывали недостатка в добыче, появилось множество бородавочников. Опытные охотницы не беспокоили их: возни много, всегда есть опасность от клыков, а еды — ни себе, ни другим не хватит. Потому львицы разве что в свободное время, для развлечения, охотились на молодых кабанчиков, но только опытные, набравшие силу, тяжелую лапу и вес. Хозяйки охоты — Анасси и Эйтана — всем молодым львицам ловить бородавочников запретили. Лучше б этого не делали, ибо Мааши тут же загорелась соблазном доказать охотничью ловкость.

Сэнзалли под напором сестры сдалась, да и упрашивать долго не пришлось — охоту она любила; Сэнзалли-шамани нравилось забываться в ней. Надо сказать, что у Сэнзалли была скрытая, даже от своего сердца, тайная, странная склонность к риску, авантюризму, несмотря на внешне покладистый, мягкий характер; она словно на миг, но желала сбросить свою спокойную жизнь.

Они приблизились к ручью, который обозначал ближнюю границу прайда на восточных угодьях.

— Я думала, ты потемнеешь, когда вырастешь, — едко заметила Мааши, намекая на окрас сестры. Он не особо мешал охотиться Сэнзалли, просто делал шансы чуть хуже. Но это ничего: юная шамани — очень хорошая охотница, ей ничего не надо занимать.

— А я так не думала, потому не потемнела, — ответила Сэнзалли.

Мааши засмеялась. Но, словно в ответ на насмешку, она, неудачно выбрав путь, наступила на гладкий мокрый камень, поскользнулась и упала на бок. Сэнзалли не стала веселиться с неудачи сестры, а помогла ей привести себя в порядок. Та молчала, словно поняв частью сердца строгость справедливости и бессмысленность всякой насмешки.

— Будь осторожней, Мааши. Жизнь и так непроста, — разглядывала ее Сэнзалли, пытаясь понять: не больно ли?

— К чему это ты? — подарила ей пристальный взгляд сестра, застыв лапой в движении.

Сэнзалли чуть прижала ушки.

— Я так... От заботы сказала для тебя.

— Ты тоже не плошай, сестрица. Фриная и Ушала любят тебя пичкать всякой ерундой. Жить — просто, лишь надо уметь, — лизнула Мааши лапу, мурлыкнув. — И в первую очередь нужно уметь... охотиться! — сделала она смешной, веселый

оскал и выпустила когти, словно угрожая кому-то незримому, а Сэнзалли улыбнулась хорошему настрою сестры.

Мааши всегда утверждала, что Сэнзалли зря превратили в шамани. «От этого ты стала печальна и странна, иногда молчишь много — не слишком ли много для того, чтобы просто знать целительство?», — так любила сказать сестра. В примерно том же духе любила высказаться мать, но осторожно, вкрадчиво, стараясь не обидеть. Но Сэнзалли никогда не обижалась, ибо не считала себя вполне ступившей на тропу. «Чего они беспокоят себя? Я такая же, как все. И жить хочу так же. Если дано, так дано, а если нет — нечего зря себя мучать, и других тоже».

Сегодня юная шамани не имела никаких обязательств во прайде: за детьми приглядывали иные львицы, никому не надо делать ни рамзану, ни лечить ран, ни просто успокаивать. Фринае не надо ничего помогать. Иногда у Сэнзалли мелькала шальная мысль: а, может, Фриная лишь практиковалась на ней, пробовала — как это, быть наставницей? Конечно, мысль наивная и глупая, но иногда любила явиться без спросу. Нет, ревности у Сэнзалли не было, ничуть. Она просто слишком хорошо помнила эти неуверенные поступки, жесты, глаза; Фриная иногда волновалась больше самой Сэнзалли, что сильно вредило обучению и вовсе не вселяло ту самую уверенность, которая нужна каждой ученице и всякому ученику.

Мааши бодро и уверенно шла вперед, помахивая хвостом и ревностно глядя на двух гепардов, что смели появиться вдалеке:

— Хватать кусок, Сэнзи! Хватать свой кусок! Впиваться когтями в свое. Тогда жизнь будет проста. Согласна ведь? — глянула на сестру.

— Может, и так, — слегка кивнула Сэнзалли. — А мне вполне хватит взять столько, сколько нужно. Толку от множества кусков, что поставишь возле себя? Их и так не съешь.

— Ай, ай, сестра, — смеется Мааши. — Наивно ведь как!

Сэнзалли лишь улыбнулась, мурлыкнув. Родной душе можно и нужно прощать всякую несуразицу. Мааши и дальше бойко говорила, перескакивая с одного на другое, заодно высматривая добычу и принюхиваясь к запахам родных земель:

— Вот что, сестрица. Вот что. Я вот всегда хотела тебя спросить...

Сэнзалли хорошо знала это вступление: «...всегда хотела спросить». Вздохнула.

— Что там у тебя с Аталлом? — вкрадчиво спросила сестра.

Юная шамани загадочно хмыкнула, ничего не ответив; притворилась, будто высматривает вдали добычу или еще что.

— Не томи. Об этом уже весь прайд говорит, — преувеличила Мааши, взмахнув хвостом, являя собой воплощенное любопытство. — Все видят, как он на тебя смотрит.

По правде, на Сэнзалли так или иначе с любопытством глядят почти все самцы Делванни.

— Мааши, у нас нету с ним ничего. Да, он уделяет мне внимание. Вежлив, обходителен. Но это всё. Чувствую: ему я нравлюсь. И что мне тут сказать?

— Сэнзи, Сэнзи... — с неизвестной укоризной покачала головой сестра.

— Но что я могу поделать? Да, он уделяет мне внимания больше, чем остальным. Но... он не делает никакого первого шага. Он не идет на меня, — Сэнзалли не глядела на сестру, а рассматривала то небеса, то землю, то дроматию, мимо которой они проходили. — Не показывает, что я ему нужна. С чего мне тогда волноваться?

— А ты возьми и сделай с ним глупость. Уверяю, это приятно! — улыбалась Мааши.

— Пусть первый пожелает сделать со мною... как ты говоришь... глупость. А я подумаю.

— Не знаешь ты львов. Осторожно! — Мааши заметила змею и чуть отскочила. Потом продолжила: — Не знаешь ты их. Всякий из них — ленив, и только ждет, когда кусок мяса сам упадет ему в рот.

— Я не желаю сама бросаться кому-то в гриву. Пусть лучше... я ему понравлюсь.

— Нет, Сэнзи, его нужно этим куском по-ма-ни-ть. Такова наша суть: манить, вызывать, волновать, — увлеченно молвила Мааши, хищно прищурив глаза. Потом добавила, подумав: — Соблазнять.

Подобные разговоры отчего-то вселяли печаль в сердце Сэнзалли. Она понимала, что не слишком приспособлена к жизни вообще; только в чем же таится суть этой ненужности в мире, даже себе объяснить не могла. У нее тихая и кроткая душа, а таким непросто жить среди ясности, суеты и простоты дня. В сердце Сэнзалли не было и нету дерзости. То ли дело сестра! Та не пропадет, нет-нет. «Какие мы разные», — в который раз в жизни подумала Сэнзалли.

— Я не против него. Мне он нравится. Аталл — хороший лев. Но пусть он приходит ко мне, — заключила она для сестры и для себя.

— Гляди, сестра, чтоб ты потом не стосковалась в одиночестве, — с изрядно притворной опекой молвила Мааши. Юная шамани ощутила фальшь и на миг сжала зубы. — Как Фриная или еще кто.

Наставница Фриная одинока, и всегда таковою была — это знают все во прайде.

— Это хорошо — быть со львом, Сэнзи. Давай, уйди с ним погулять, прими его приглашение. Прими его, — выразительно молвила Мааши последние слова.

У них с сестрой не было запретных тем. Мааши уже знала, как быть со львом, и не раз своеобразно упрекала Сэнзалли в том, что она не решается. Что не знает томной ночи.

— А каково оно? — вдруг юная шамани изъясвила любопытство, хоть раньше никогда не спрашивала, просто уводя разговор в иное русло.

Сестра повела ухом.

— Что? А... Это. Да увидишь. Страшновато сначала. Но ты, главное, если не знаешь что делать, то ничего не делай. Лишь ложись. А потом сама поймешь.

— Всё равно: зачем мне спешить? Да и дети... — попробовала возразить Сэнзалли.

— Трусиха же ты. Видимо, все шамани боятся жизни, — заключила Мааши, намекая заодно и на Фринаю, и на Ушалу.

Впервые подобный упрек сестры задел когтями душу Сэнзалли. А действительно, есть ли в ней страх и робость? Есть! Но ведь шамани должны быть наиболее бесстрашны из всех живущих душ...

Но вскоре они бросили эту тему, перескочили на другое, а позже занялись собственно охотой. Как назло, бородавочников сейчас нигде не было. Сестры выискивали следы, принохивались, высматривали их обычные места — бесполезно. Потом пошли к водопоям; там их ждал успех — они хорошо подкрались к старому кабану. Дальше их ждала неожиданность. В целом, они знали, что охота на бородавочников — дело трудное, неблагодарное. Но опыта в охоте мало, ведь заря их жизни только взошла, а на кабанов — так вообще почти нет: Мааши однажды поймала поросенка, а Сэнзалли несколько раз гонялась за ними, но без успеха.

А тут — кабан-секач, с такими клыками, как лапа юной львицы. Он и не вздумал куда-то убежать или даже особо суетиться. Сэнзалли и Мааши старались

обойти его с двух сторон, но тот быстро вертелся на месте и даже сам наступал, угрожающе махая головой. Наученные осторожности опытными львицами, сестры чуть отбежали, но не отставали от кабана.

Но шло время, охотничий азарт спал и охота превращалась в глуповатую возню. Еда пугала охотниц, попеременно обращаясь клыками то к одной, то к другой. Мааши почему-то постоянно подавала охотничьи жесты, желая принять на себя главную роль. Вот и сейчас, обращенная к Сэнзалли мордочкой, несколько раз вздернула левым ухом, мол, давай сестра, заходи к нему справа.

Сэнзалли не выдержала этого:

— Что ты ушами теребишь? Так говори!

— Да он испугается и убежит! — молвила Мааши, и тут же отскочила от клыков, в который раз неудачно приблизившись. — Кто ж болтает на охоте?!

— Это, скорее, мы испугаемся. Испугаемся и убежим, — засмеялась Сэнзалли, уже бросив серьезные попытки подступиться к бородавочнику. Она лишь неспешно заходила ему со спины. Чуть было не цапнула его когтями по спине, но тот держал ухо востро. Пришлось ретироваться, да быстро.

Кончилось тем, что секач убежал, гордо подняв хвост.

Постояли, глядя ему вослед. Потом сели, отдышались.

— Кошмар... Какие клыки. Видела? — стараясь отбелить свою честь и гордость, первой начала Мааши разговор о неудаче. Она от досады притаптывала лапой высокую траву.

— Его втроем нужно валить. Или львов с собой брать, чтобы наверняка ухватили. Если с ним возиться — посечет.

— Да-да, — закивала Мааши.

— Идем, сестра. Не удалось — так ничего.

Сэнзалли не особо раздосадовалась.

— Ну его. Нам что, зебр не хватает?

— С доброй охотой, — молвила Сэнзалли по традиции, но не удержалась, и прыснула.

Мааши вяло ответила, покачав головой:

— С доброй, да.

Ее всегда расстраивают неудачи на охоте; Мааши сызмальства, когда только начала ловить бабочек и тушканчиков, переживала всякий промах как маленькую личную трагедию.

Ничего не оставалось делать — вернулись во прайд, к Южному холму. Но тут на Сэнзалли ждала неожиданность:

— Сэнзи, присмотри за детьми. Мне очень нужно отлучиться, — настойчиво просила немолодая львица Мирси, зная, что юная шамани не откажет. В конце концов, это ведь одно из главных обязательств шамани в каждом прайде — заниматься детьми.

— Хорошо, как львица скажет. А сколько лъвят? И кто со мной?

Львицы во прайде стараются никогда не приглядывать за детьми в одиночку: две пары глаз — это намного лучше, чем одна.

— Минлана. А лъвят сегодня семь. Ты не переживай, она сейчас будет. Ты пока управись сама.

«Минлана!», — подумала Сэнзалли. Все знают, как она может отлучиться «на крошечный миг» и пропасть на целый день. Придется, наверное, печься о детях самой.

Мааши решила посидеть с сестрой. Сэнзалли, как всегда, строго-настрога запретила лъвьятам далеко уходить (но кто же ее, юную, такую красивую, послушает-

ся?) и взобралась повыше, чтобы всех хорошо видеть. Потом Мааши первой заметила:

— Гляди, Сэнзи, сюда идет Аталли... — она наострила уши, цепко глядя на молодого льва, который шел со стороны Верхнего холма.

— Да, вижу, — притворилась безучастной Сэнзалли.

Мааши встала, вздохнула с улыбкой.

— Ладно, сестрица, я пить хочу. Пока-пока.

— Ах, ты! — игриво возмутилась Сэнзалли, но сестры уже и след пропал.

А молодой лев действительно шел к юной шамани.

«Ему по пути?.. Или действительно ко мне? Как же я выгляжу? Он с ума сошел! Прямо сейчас! Я страшная-страшная после охоты», — подумалось Сэнзалли; оттого она начала умываться, с чуть преувеличенным тщанием вылизывая лапу.

Знаки внимания и симпатии Аталл начал изъяслять после того самого случая с деревом; его Сэнзалли вспоминала часто, но время изгладило впечатления. Во прайде было еще несколько молодых львов, которые могли бы стать парой для Сэнзалли. Но именно Аталл вел с нею ничего не значащие, но долгие беседы, а также предлагал помощь в разных маленьких делах. Симпатия его была странной: Сэнзалли манила его, но Аталл никогда не переходил границы простой дружбы и привязанности к сестре по прайду, и даже без стеснений заводил отношения с другими львицами.

Между нею и другими львами словно был ручеек, легкая пелена тумана, которую никто не решался перейти. Сэнзалли давно ощутила эту преграду, еще тогда, когда путешествовала вместе с отцом и сестрой по Союзу. Разве что Сэнгай... Ах нет, он далеко, да и было это давно, чуть-чуть и неправда. И вообще, тогда она была еще слишком юна; теперь у нее — именно тот возраст, когда все львы обращают к ней любопытный, а чаще — жадный взор. Фриная и Ушала никогда с нею не говорили на эту тему, потому Сэнзалли не связывала эти странности с тем, что она — молодая шамани, а потому на нее смотрят с известной опаской. Но смутно об этом догадывалась.

«У меня нету большой силы. Я такая же как все, по сути души...», — так себе решала Сэнзалли в красивые ночи, действительно не чувствуя за собой ничего особенного. — «Так что мой лев найдет меня; ему нечего страшиться необычного».

— Привет, Сэнзи, — сказал он, и тут ему в лапу врезалась двойка играющих львят. — Оп... — поднял Аталл лапу.

Сэнзалли перестала умываться, недовольно заурчала на них, и проказники быстро ретировались.

— Привет, Аталли, — мурлыкнула Сэнзалли, всегда приветливая.

Он прилег возле нее, справа. И не сводил взгляда с нее. Чувствуя легкую неловкость от взгляда самца, Сэнзалли вопросительно мурлыкнула:

— Мммм?

— Думаю, как начать разговор, — тут же молвил Аталл.

Сэнзалли повела ушками, улыбаясь. Уже ведь начал.

Но вместо интересности и флёра ее ждал некий сбивчивый рассказ о том, «как неважно сегодня прошел день у Аталла». Утром его разбудили приятели, цапнув за гриву, отчего он пришел в ярость; потом ему не дали покушать вчерашнего мяса, оставив его для детей; потом ярл, пребывая в плохом настроении, отчитал его ни за что; а еще он проиграл другу в небольшом поединке. Сэнзалли слушала всё это вроде как внимательно, кивая и смотря на него большими, серьезными серозелеными глазами, иногда даже что-то спрашивала; но на самом деле думала ну совсем о другом. Она чувствовала, что лев не мог придти ради всей этой чепухи.

— Сэнзи... — вдруг сказал он, ожидая ответа.

— Да? — учуяла юная шамани важный поворот разговора, и чуть вздернула голову вверх.

— Идем со мною на длинную охоту. Ненадолго, на несколько дней. Но идем... Сэнзи...

Неожиданно! Сэнзалли чуть отстранилась, глянув вниз. На длинную охоту прочь из прайда идут, как правило, пары с основательными намерениями. Ведь естественно, что Аталл не будет там, возле нее, спокоен и сдержан.

— Ох, Аталл... Мрррр... Не ожидала. Но...

— Идем, Сэнзи? Завтра утром! — решил брать всё и сразу Аталл. Он не боится — он лев. Чего бояться? Она хорошая львица, а то, что шамани — ничего. Так даже лучше, по-особенному. И нету в ней никакой бездонной загадки, нету глубочайшей тайны; есть только такая тайна, как у всякой львицы, которая ему вполне по зубам. Вон же она, сидит, смущенно улыбается, слегка впускает и выпускает когти — это она так дразнится, заманивает. Вольно или невольно, как и всякая львица.

Она вздохнула и серьезно молвила, сверкая глазками:

— Но Аталл, гляди. Разве завтра кто-то идет в длинную охоту? И разве завтра нас отпустят? — наострила Сэнзалли ушки, продолжая оставаться удивленно-серьезной с легким ветерком наивности.

— Отпустят! Увидишь! И никто больше не идет, я спрашивал — не хотят, — рассказал всю правду Аталл; сначала было хотел всякого налгать, а потом передумал. Шамани ведь умнее других львиц, ложь могут поймать, это всякий с детства знает.

— Хм, мрррр, неожиданно...

— Идем.

Нужно решаться. Чего ждать. «А что! Он мне нравится. Сестрица в свое время решила. И мне пора...».

— Ну ладно, я согласна. Лишь...

Только хотела еще нечто сказать, очень важное, как тут что-то врезалось ей в бок.

— Ведите себя хорошо! — Сэнзалли пыталась говорить строгим тоном, но не слишком получалось. Аталл неволью залюбовался ею.

Два виновника присмирели:

— Как Сэнзи скажет, — молвили они и тут же продолжили играть в догонялки.

Сэнзалли хотела взять с Аталла обещание «вести себя хорошо», но поняла, что оно попросту глупо и бессмысленно.

— Так что ты говорила?

— Лишь пообещай, что... мы вернемся через три дня.

— Конечно-конечно, — согласно закивал Аталл.

— Просто Фриная с Ушальной будут недовольны, если я буду дольше...

— Тогда пошли, скажем об этом дренгиру, — Аталл понял, что предложение полностью принято. Что ж, теперь всё в его лапах. Всё оказалось не так уж сложно. Даже просто.

Но юная шамани остановила его, дотронувшись лапой:

— Погоди, стой. Я не могу — дети. И еще Минлана не пришла, она должна мне помочь... Дети! Идите сюда! — Сэнзалли решила вместе с ними сходить к скале дренгира, а потом вернуться.

Все, услышав призыв сегодняшней няньки, непослушными лапами нестройно прибежали к ней.

— Кого не хватает? — спокойно спросила Сэнзалли, быстренько сосчитав.

Все молчали, не шевеля хвостами и глядя в землю. Так. Ясно.

— И кто отлучился без спросу?

Молчок.

— Признавайтесь быстренько, а то...

— Аярри! — устрашилась наказания одна из маленьких львиц.

— Ты зачем рассказала? — со сдавленной злостью молвил друг Аярра.

Та требовательно топнула лапкой:

— Не хочу из-за него, тупого, получить! Накажут еще, и ни за что! Он пропадет, а мы его искать будем. Сэнзи, — серьезно обратилась она, — он удрал гулять. Взял себе, и удрал!

Это вызвало тихое негодование у маленьких самцов:

— Девчонкам нечего верить...

— Бе-бе-бе, — дразнились все они в унисон.

Обычное дело: кто-то из маленьких сорванцов прайда в очередной раз убежал по своим, несомненно, очень важным делам, и в очередной раз получит хорошую трепку по возвращению.

— Ой... — вздохнула Сэнзалли, а потом издала зов: — Аярр! Аярри!

Но на зов никто не отозвался и никто не прибежал.

Тут в юной шамани все утихло: душа, сердце, тело. Тишь взяла ее, она наострила уши, а озноб прокатился по телу. Сэнзалли глянула вправо, а потом влево. Аталл участливо смотрел на нее, стараясь заботливым видом еще больше понравиться. Самки это любят — заботу, внимание... Но шамани вмиг утратила интерес к нему, к длинной охоте, к флирту и вообще ко всему. Она принялась, хорошо рассмотрела всё вокруг, а потом потребовала ответа от львят:

— Куда он ушел?

Снова молчание. Все прижали уши от той острой тревоги, что шла от слов Сэнзалли. Все дети боялись взять на себя ответственность, предать друга и сказать что-то не то.

— Куда он ушел?!

— Мы не знаем, — ответил за всех друг Аярра.

Юная шамани требовательно глядела на него, стараясь уловить: врет ли? Но попробуй тут пойми...

— Я видела, что он побежал в сторону Дальнего.

«Подождать его, что ли... Может, сам придет?». Нет. Нет-нет. Нужно найти Аярра, и немедленно. Сэнзалли, как и всякая львица прайда, знает, что делать в случае пропажи — поднимать всех на лапы.

— Аталли, слушай меня. Беги и говори искать Аярра каждому, кого увидишь.

— Не понял.

— Аярр куда-то пропал! Найти надо! — Сэнзалли на миг пришла в ярость от непонятливости самца.

Молодой лев примирительно улыбнулся и постарался говорить как можно мягче:

— Не беспокойся так, он уже ушел или еще куда. Что тут такого? Так ведь? — последнее Аталл сказал для львят, которые всё так же сидели возле лап Сэнзалли. Но они никак не ответили, боясь, что Сэнзалли всё расскажет матерям или (о, ужас!) какой-нибудь из старых львиц, а потом им не поздоровится.

Сэнзалли же бросила Аталлу полный укоризны взгляд и, не став повторять дважды, быстро убежала, напомнив детям:

— Будьте тут!

Это часто случается. Львята куда-нибудь идут без спросу, засматриваются на что-то, начинают «охотиться», убегают куда-нибудь в играх и так далее. Маленьким львятам запрещается далеко отходить от няньки, пока мамы на охоте, но они, конечно же, часто это делают. Вообще-то, нет особого смысла волноваться: змей, гиен и шакалов в окрестностях прайда нет, гепардов тем более. Но Сэнзалли такая — она волнуется, чувствует ответственность.

«Уж этот Аталл меня заболтал... И знаю ведь, что Аярр так и норовит куда-то удрать!», — думала она.

В тени дроматии лежали три старые львицы вместе с хозяйкой охоты Эйтаны: та подвернула лапу и не могла не то что охотиться, а даже быстро ходить. Сэнзалли предупредила их, что идет искать Аярра, поскольку тот пропал. Ее тон был настолько тревожен, что львицы сразу зашевелились. Пришлось потерпеть неизменные нападки:

— А ты как смотрела?

— Всего лишь отвернулась... — солгала Сэнзалли.

— Смотреть надо было, — говорила старая львица, тяжело поднимаясь. Следя опыту жизни, она знала: чем раньше начать искать детей, тем быстрее найдутся. И нужно помочь незадачливой няне. Пропавших завсегда ищут всем прайдом.

— Беги, ищи. А мы сейчас подтянемся, — молвила Эйтана.

Когда Сэнзалли уже быстро бежала к Дальнему, то услышала рык-зов Эйтаны, что означал нечто вроде: «Собирайтесь возле меня!». Она постоянно оглядывалась по сторонам, но иногда высокая трава не давала этого сделать, потому Сэнзалли опиралась о дерево или залезала на поваленное бревно. И непременно звала его:

— Аярри!

Не поленилась и взобралась к их пещере, пещере шамани; ни Фринаи, ни Ушалы не было — куда-то ушли. Отсюда хорошо видно окрестности. Но тоже ничего, лишь заметила вдалеке молодого льва прайда Ульмара, еще подростка: у него только-только проявилась грива: тонкая полоска на шее и голове.

Сэнзалли издали позвала его, и он, наострив уши, неспешно встретился с нею у подножья Дальнего холма. Без предисловий начала, сверкая глазами, полными беспокойства:

— Ты видел Аярра? Не пробежал здесь?

— Видел, Сэнзи. Я так и знал, — засмеялся Ульмар. — Я так и знал!

— Чего ты знал?

— Что он удрал без разрешения. Я спросил, куда спешит, а он мне ответил, мол, ему разрешили, ему сказали. Такой себе торопливый. Хо-хо.

— Так куда он убежал?! — взъерилась Сэнзалли. Нашел время для шуток!

Ульмар не страшился гнева молодой львицы; скорее, получал от него безмятежное удовольствие. С опытным и важным видом ответил:

— Известно куда. Наверное, к яме. Куда же еще.

«Ямой» львы прайда называли место, полное песка и камня-песчаника, где когда-то давно, очень давно, кто-то (история уже и не помнит, кто именно) нашел несколько красивых прозрачных камушков. Это породило неугасимый интерес львят к этому месту — они старались найти их, да побольше. Самое интересное, что находки всё же случались. Сначала мамы запрещали туда бегать, так как львята прибегали неизменно перепачканные, но потом смирились — яма от прайда не очень далеко. Поскольку львята разрыли это место вдоль и поперек, то там образовалось небольшое углубление.

— Ты почему, почему его не задержал?! — начала Сэнзалли трясти Ульмара за плечо.

— Сэнзи, чего ты, да успокойся! Сейчас его там и цапнешь за хвост. Мы тоже туда бегали в детстве, — будто вспоминая очень давние времена, сказал Ульмар.

— Я не бегала! — почему-то сказала Сэнзалли.

— Ну, ты ж девочка, а мы — львы, — хоть Сэнзалли и была старше, но он в разговоре старался держаться наравне.

Юная шамани оттолкнулась от него, бросив держать за плечо; он отшатнулся от довольно ощутимого толчка и долго смотрел ей, убегающей, вослед.

— Хм... Сэнзалли. Сэнзи. Вот какая ты. Попалась б ты мне... — подумал о чем-то своем и побрел дальше.

Она искала его долго и исступленно, даже принохивалась, хотя знала, что это почти бесполезно. Возле ямы, на удивление, никого не было, хотя молодая шамани была почти уверена, что там и найдет виновника. Сэнзалли побежала дальше, по наитию. Немножко посомневалась: возвращаться во прайд или продолжить поиски? Почти сразу приняла решение: нужно искать. Чего возвращаться, с чем, с кем, да еще так рано? «Найду... Сила выведет», — вдруг вспомнила, что есть она — шамани. Сил у нее немного, совсем немножко, хотя... Почему немного? «Не стоит сдаваться раньше времени», — думала она. Хорошо тешить себя мыслью, что в трудный час ты будешь именно такой, как и должна быть.

Лапы вели дальше, уже ближе к границам прайда. Она не знала усталости.

«Может, уже нашелся...», — думала Сэнзи, ступая по невысокой, желто-серой траве. — «А я тут зря тревожусь. Ушел пить или кто-то его позвал, а мне забыл сказать. Наверное, так и есть. Зато вернусь во прайд, и все скажут: «Какая ж ты, Сэнзалли, осторожная, волнуешься о детях, печешься о прайде, себя не жалеешь. Хорошо!». Аярра накажут за то, что такой беспечный. Так и будет. Но еще поищу», — утешилась она мыслью. Как-то сразу стало понятно: с Аярром ничего не случится, он дома, он вернется туда, откуда ушел.

Из-под лап брызнула в разные стороны стая сурикатов, отчаянно покрикивая: Сэнзалли бесцеремонно шла прямо по их норам.

Шел день. Жгло солнце.

Вот и небольшая речушка, что условно обозначает ближние восточные границы прайда. Здесь много кустов и зарослей мирассы, а также одинокая небольшая скала, которую огибают эта река. Вода в ней совсем не пригодна для питья, здесь «плохая» вода, в ней плещутся слоны и бегемоты, но это выше по течению.

«Ох, ну я уж забрела...», — подумалось Сэнзалли. Села.

Чужой запах!

Она сразу наострила уши, привстала, оглянулась.

Вообще удивительно, как она раньше не заметила этой львицы! Та, не таясь, сидела на камне скалы, хвостом к Сэнзалли, и, кажется, просто глядела на воду. Никакое движение не нарушало ее покоя, разве что хвост, словно существуя сам по себе, слегка поднимался, а потом бессильно падал на равнодушный, горячий камень.

— Чего тебе здесь, чужая? — уверенно молвила Сэнзалли. Всё-таки это ее земли, ее родина, хоть она и знала, что при встрече странных незнакомцев лучше уйти и позвать львов, но ни в коем случае не прогнать самостоятельно. Но здесь не шайка львов, а всего лишь одна львица.

Та вздрогнула, обернулась. Сэнзалли подошла к ней на расстояние нескольких прыжков.

Худая, высокая, тонкой кости. Не длинный и не короткий хвост, темноватый окрас. Смешная деталь: она из тех, у кого не полностью сошли детские пятна на животе, такое бывает. И это в таком-то возрасте; львица уже не молода, это точно. Узкие, сощуренные, высматривающие глаза.

Сэнзалли сразу признала в ней свободную львицу, причем пришедшую сюда издалека: черты ее мордочки, черты тела и движения сразу говорили об этом. К свободным львицам союзные намного благожелательнее, чем ко львам; некоторые из них даже могут охотиться на угодьях союзных прайдов, если их присутствие ненавязчиво. Иногда они даже могут остаться на несколько дней в гостях во прайде. Так, как правило, делают те львицы, что некогда состояли в больших прайдах и умеют себя вести, поддерживать разговор, соблюдать приличия. Очень редко, но бывает, что заходят во прайд свободные, бродячие шамани: сообщить всякие новости и вообще рассказать, что есть в мире, а чего в нем нету.

Мгновение молчания. Львица немного боязливо глядела на Сэнзалли, осмотрелась по сторонам.

— Снова мы ступили на чужую землю. Извини, молодая, уже идем.

— А кто — «мы»?

— Я и моя дочь — Нера́, — молвила та. После заминки добавила, чуть поклонившись: — Шамани — наш путь.

— Ох, так львица — шамани! — Сэнзалли сразу нашла в себе вежливость и благожелательность.

— Есть так, молодая ученица, — осторожно молвила львица, наблюдая за Сэнзалли: что скажет? как себя поведет?

— Пусть львица подскажет мне. Здесь не пробежал львенок, маленький еще, мне по грудь ростом?

Львица прикрыла глаза и вдохнула воздух.

— Львенок... Я чувю — ты его ищешь.

— Да.

— И прайд ищет тоже, — та открыла глаза.

Сэнзалли пустилась в длинные объяснения, словно это могло как-то помочь:

— Я за ним приглядывала, только на миг отвернулась — а он уже убежал. Теперь вот бегаю, ищу... И...

— Не грусти. Он найдется, если в тебе... Если в тебе есть сила. Я не видела, и его здесь нет. Он убежал в другую сторону, и, скорее всего, его... его уже нашли.

«И я так думала», — поразила Сэнзалли.

— Львица так думает? Кстати, смею спросить имя...

— Чье имя? Мое? — молвила львица, и почему-то обернулась. — Гради́ва.

— Градива? — переспросила Сэнзалли, услышав непривычное имя.

— Именно.

— Я, честно говоря, тоже чувствую: он в другой стороне, — призналась Сэнзалли, стараясь унять тревогу.

Львица встала справа от нее, помотала головой и снова прикрыла глаза, прижав уши:

— Жив он, жив. Только в иную сторону побежал. Наверно, его уже нашли. Ты, молодая, просто не туда пошла искать. Обманулась. Видимо, кто-то плохо указал тебе путь либо сама себе так придумала.

— Я примерно так и чувствовала... — светлела Сэнзалли.

— Нужно верить своей силе, — мягко дотронулась львица к груди юной шамани. — Видимо, тебя... тебя что-то иное привело ко мне, раз уж нам дана... судьба

встретиться, — глаза львицы часто бегали, словно она пыталась в один момент рассмотреть всю Сэнзалли.

Кроме того, Градива свершала странные заминки в речи.

— Идем, — неожиданно поманила за собой Градива, оценивающе глядя на Сэнзалли от ушей до лап. Но юная шамани не спешила с этим. Это еще куда идти и зачем?

— А где дочь львицы? — спросила Сэнзи.

Бровь львицы поднялась в удивлении.

— Ты что, ее не видела?

— Нет.

— Так вон же, — и она указала вниз.

Только теперь Сэнзалли, выглянув за краешек камня, заметила, что у самой кромки воды под скалой стоит другая львица, вся в грязи этой речушки. Она стояла по грудь в воде, глядя странным, затравленным взором на Сэнзалли.

— Эй, Нера... — неуверенно позвала ту юная шамани, но та не отозвалась, даже не пошевелилась.

Они так и глядели друг другу в глаза; на миг у Сэнзалли почернел мир вокруг, но потом всё быстро стало, как прежде.

— Она какая-то... странная, — тихим голосом молвила она, обратив взор к Градиве.

Покачав головой, та спешно молвила, словно оправдываясь:

— Я знала, что ты так скажешь... Прости ее поведение. Она слаба умом и больна душой. Это тяжкая ноша для меня. Она так и будет стоять в воде, пока сама не выйдет.

Вдруг Сэнзалли услышала, что эта Нера прыснула, а потом начала смеяться, но тут же стихла.

На миг повисло неловкое молчание.

— Вот... Видишь, — наконец, грустно сказала Градива, тяжело вздохнув.

— Печально, — прижала уши Сэнзалли в знак сочувствия.

— Ничего. Она добрая, охотиться умеет, и я ее люблю. Она тоже шамани, как ни странно. Она умеет хорошо сновидеть.

— Надо же...

— Идем, молодая. Нера так и будет стоять. Потом выйдет и будет меня ждать. Идем.

Градива соскочила со скалы и пошла на север, иногда вопросительно глядя на Сэнзалли: идет ли?

— И куда мы идем? Я должна всё же найти Аярра... — неуверенно сказала юная шамани, в то же время испытывая странный, сильный интерес к происходящему.

— Не стоит печалиться. Его, скорее всего, уже нашли. А тут, как сама видишь, его нету.

Сэнзалли осмотрелась и неуверенно согласилась:

— Верно.

— Ты, я вижу, тоже шамани.

Сэнзалли кивнула.

— Да, я учусь. Наставницу зовут Фриная...

Градива перебила:

— Фриная. Славное имя.

— Но она не дает мне столько знания, сколько я бы хотела... Сколько я бы хотела принять, осилить, взять. Я не чувствую за собой большой силы, — вдруг ни с того, ни с сего начала жаловаться Сэнзалли.

— Ты как, недовольна своей наставницей? — испытующе глянула Градива, чуть замедлив шаг.

— Не то что бы недовольна... Но мне иногда кажется, что нету у меня ничего, и от шамани у меня лишь то, что меня так называют.

— Чего ж ты хочешь? — задала извечный вопрос Градива, смахнув пыль из-под лап.

— Я не знаю. Наверное, знания. Силы. Я никого не виню в этом, — Сэнзалли прикрыла глаза, чувствуя, что звучат ее слова немного глупо. — Может, я не способна.

— Хм... Мрррр, — по-доброму замурлыкала Градива. — Да... Я просто увидела тебя и решила... что это непростая встреча. С тобой нужно побеседовать.

Молчание.

— И, возможно, дать тебе урок.

Сэнзалли вдруг вспомнила о том самом *знаке*. Нет-нет, здесь всё не случайно. Все эти события — лишь повод для чего-то. Может быть, этим «чем-то» и есть встреча с этой шамани? Почему она пошла именно сюда? Почему она решила, что Аярра следует искать непременно возле ямы? Ведь Ульмара она встретила возле Дальнего холма, а оттуда можно уйти куда угодно! И от ямы Аярр мог уйти куда угодно. Почему он вообще пропал именно тогда, когда здесь очутились эти двое? Да и не пропал он вовсе — это ясно. Уже вернулся туда, откуда пришел: так говорит Градива, и так чует Сэнзалли.

Она чувствовала важный момент судьбы. Сэнзалли не раз слышала истории о большой силе свободных шамани...

«Нужно быть внимательной. Не упusti ничего», — собралась она. — «Смотри хорошо, Сэнзи».

«*Вирд*», — вспомнила она слово, которое слышала от Ушалы. Слово, которым в Больших горах зовут судьбу, только не всякую, а свою, личную; ту самую силу, что ведет тебя и только тебя. Твою звезду. — «Вот мой вирд».

— Мне был знак, — Сэнзалли постаралась молвить это как можно веселее, с чувством. — Это случилось несколько лун назад, и...

— Не говори мне о знаке, прошу тебя, — помотала головой Градива. — Ни в коем случае. Знаки очень личная вещь. Скажи лишь такое: ты ощущала, что встретишься с некоей шамани?

— Нечто вроде того. Я вообще чего-то ждала всё это время. А может, всю жизнь.

Градива поманила ее за собой. Сэнзалли шурилась от солнца: лучи пронзили глаза. Потому слушала она слова незнакомой шамани, как в полусне:

— У тебя есть знание. Но не хватает силы. Я вот что тебе скажу, моя милая... Милая, — Градива не знала, как зовут юную шамани (Сэнзалли от волнений забыла представиться!), потому осеклась. — Тебе уже поздно догонять тех, кому судьба дала хорошую наставницу. Или наставника...

«Судьба дала!», — молнией пронзило Сэнзалли.

— ...Ведь суть в том, что всякая из них передает часть силы ученице, которая вначале очень нужна. А если наставница сама не имеет силы, тогда что она передаст? Ничего. Или очень немного. Потому тебе остается надеяться лишь на себя. Охотиться за силой в одиночку. Но это крайне сложно.

— Да, я знаю. И Фриная, и Ушала говорили мне об этом. Нужно быть безупречной. Не потакать себе. Не знать страха. Иметь...

— Да-да, всё оно так. Верно. Но этого не хватит, чтобы достать силу. Видишь, кой-какое знание у тебя есть, а силы нет. Как вести себя — знаешь, а делать что-то — не можешь. Да и вообще... эээ... — запнулась Градива на полуслове.

Молодая шамани участливо спросила:

— Что случилось?

Выглядела такая заминка нелепо, но вдруг Сэнзалли подумала, что истинная мудрость всегда слегка похожа на глупость.

— Ничего... Вот. Да и вообще, знание приходит с силой. Толку знать, если ничего не можешь. Сила, она всегда первой ступает. Верно?

— Верно.

— Потому таким шамани, как ты, остается лишь одинокая охота. Почти без всякой возможности, маленького шанса. Нелегкая, жесткая, полная препятствий.

Сэнзалли остановилась. Она сразу ощутила всю тяжелую обыденность собственной жизни.

— Что ж теперь?..

— Я ждала этого вопроса. Ты слышала это слово: «Почти».

Юная шамани навострила уши.

— Так вот, ты мне понравилась. Потому я тебе расскажу, что надо делать. Я дам тебе *нихмэну*. Укажу тебе, что делать.

Сэнзалли не знала этого слова, но устыдилась своего незнания. Вместо этого удивленно спросила:

— Но... зачем львица это делает? — ей действительно показалось странным, что кто-то совершенно посторонний готов тратить на нее свою жизнь и время.

— Шамани должны помогать друг другу, — немного подумав, ответила Градива. — Пойдем в тень той дроматии, зачем стоять на солнце... Идем.

Они прилегли друг напротив друга и Градива без предисловий и вступлений начала рассказывать: быстро, чуть сбивчиво, иногда саму себя поправляя, неизменно глядя Сэнзалли в глаза, делая передышки лишь на малое мгновение. Юная шамани слушала молча, не шевелясь, даже хвост не двигался. Небольшая веточка с дроматии упала ей на загривок и где-то вдалеке затаивались гиены, но Сэнзалли не обратила на всё это никакого внимания.

Улучив момент молчания, она чуть испуганно молвила, глядя в землю:

— Но я еще не делала этого.

— Значит, уже пора, — просто заключила Градива.

Всё, что Сэнзалли услышала, вогнало ее в осязательную растерянность.

— Но с кем же?

Градива легко махнула лапой.

— С кем хочешь. Но чем их больше, тем лучше.

Сэнзалли думала долго, очень долго, но Градива сидела спокойно, без суеты, и задумчиво разглядывала молодую львицу. Потом встала, повернув голову туда, где оставила Неру.

— Я не знаю, что думать. Это так... странно, — сказала Сэнзалли, не поднявшись.

Градива сощурилась и смерила ее суровым взглядом от ушей до когтей.

— Ты думала, что путь шамани прост и не требует усилий? — с напором спросила она.

— Нет-нет, просто... — потупилась Сэнзалли, неуверенная. — Я... А вреда не будет? Для...

Насмешливое выражение мордочки Градивы ясно говорило: «Нет!».

— Для них вреда не будет. Может немного поболит голова и... легкое недомогание. Всё такое. Не переживай, не о том беспокоись. У тебя и так сил немного, потому много ты и забрать не сможешь. Понимаешь? — свободная львица отвернулась, равнодушно всматриваясь в теплую бесконечность саванны. Ветер волновал ее шерсть на загривке и ушах.

«Убедительно», — робко подумала Сэнзалли, не понимая, где в этом мире правда, а где — место для лжи.

— Кажется простым и сложным одновременно, — чуть печально сверкнули ее глаза.

— Как есть, — ответила Градива, не обернувшись.

— И моя наставница об этом не рассказывала...

— Кажется мне, что кто-то миг назад жаловался на нее, — твердо молвила Градива, чуть повысив голос. Потом смягчилась, встретившись взглядом с юной шамани: — Может, она и не знает. Скорее всего, не знает. И ее наставницы тоже этого не знали. Знание шамани хранит всякие тайны; все сразу никто знать не может. То, что я поведала тебе — одна из тайн, и она может помочь тебе; теперь это твое знание, и твори с ним, что вздумаешь.

Сэнзалли одолел сонм разных чувств. Ей и нравились, и не нравились слова этой Градивы; ей этот урок выдался странным и вполне правдивым одновременно; а мысли ее вполне хорошо ступали во след мыслей Градивы. «Что я могу знать об истинных путях шамани?», — искренне заключила Сэнзалли. — «Немного, ведь так. И всё это... вполне возможно. Если осторожно. В этом что-то есть...».

— А как я почувствую, что сделала всё правильно? — Сэнзалли внутренне приняла всё сказанное Градивой.

— Почувствуешь. Даже увидишь, — улыбнулась та, и на миг юная шамани увидела клыки старой, опытной львицы.

Слова кончились: юная шамани пребывала в смятении и большой задумчивости, а Градиве уж пора возвращаться и идти дальше.

— Теперь иди домой. Твоя пропажа, наверное, уже нашлась. Как хоть зовут тебя? — с небольшой насмешкой спросила Градива.

Юная шамани вздрогнула от собственной невежливости:

— Ох... Искренние извинения для львицы... Сэнзалли мое имя.

— Ну хорошо, ну прекрасно. Ступай. Делай с моим уроком, что хочешь. Сделала для тебя всё, что могла, — решительно начала уходить львица Градива.

— Спасибо большое! — чуть поклонилась Сэнзалли.

— Надеюсь, эта *нихмэна* тебе пригодится.

Сэнзалли осторожно кивнула в знак неуверенного... но согласия, и провела взглядом уходящую в даль Градиву.

«Это так... Да это ведь так! У шамани — блеск глаз, извив тела, красота, хорошее и острое чувство, недоступность и тайна. Ясно, как день, что она может делать такое! Ясно, что я могу быть такой... и стать такой, как должна. Для этого нужна смелость. Смелость стать сильной, верной шамани», — думала Сэнзалли по пути во прайд, всё больше соглашаясь с тем, что говорила Градива.

**

Во прайде ее дожидались большая суматоха и тревожность. Выяснилось, что Аявр вовсе не нашелся, и все уже знают — он пропал. Сэнзалли сходу забросали вопросами: «Нашла? Видела?». Юная шамани испуганно говорила, что не нашла;

отчего-то ранее схватившая уверенность, что Аявр непременно нашелся, рассеялась, и теперь она бегала в поиске с львицами ее охотничьего отряда.

Ярлы тоже собрали всех львов своих яскарлов, стараясь найти Аявра.

Так продолжалось до глубокого заката. После него в ночь отправились лишь львицы.

Нечего и говорить, что Сэнзалли все расспрашивали, хаяли, злились на нее. Даже Фриная и Ушала говорили:

— Как могла ты?!

На защиту Сэнзалли попробовал встать Аталл, стараясь взять часть вины на себя:

— Это я отвлек ее. Это всё я!

Но его никто не слушал, считая, что он так говорит от симпатии и жалости.

Сэнзалли от всего этого вдруг стало действительно плохо: бросило в жар. Но прайд думал, что таким образом она лишь пытается вызвать к себе сочувствие, увильнуть. Дренгир сурово глядел на нее, львицы прайда с укором и серьезностью сверкали взглядами, наставница вместе с Ушалой скептически и недоверчиво смотрели на ученицу, но юная шамани враз истоцилась, утратила силы, а потому ее отпустили, провожая взглядами, и оставили со своей печалью.

«Аярри...», — думала она. — «Что ж ты, где ж ты? Куда и зачем ты убежал, а нас тут оставил?».

«Во мне не нашлось силы найти его. Во мне ни на что не находится силы. Бесплезная ты тварь, вот кто ты. И Градива...», — подумала о сегодняшней встрече Сэнзалли. — «...и Градива была слишком хорошего мнения о тебе. Даже она думала, что мне хватит сил его найти. Она говорила, что Аявр жив. Что ж, буду жить надеждой...».

Естественно, все друзья Аявра подверглись самому пристальному расспросу. После недолгих утаиваний все признались, что не знают, куда он удрал, но предполагали: скорее всего, пошел к яме, ибо поспорил, что добудет блестящий камешек. Но, как известно, Сэнзалли была возле ямы и никого там не нашла; впрочем, знает это только сама Сэнзалли — никто в спешке не спросил, куда именно она ходила искать Аявра.

И, конечно же, юная шамани свершила тайну: никому не сказала, кого увидела во время поисков, даже родителям и наставнице — считала это слишком личным, да и попросту боялась чужого негодования: а что хорошего скажут, если узнают, что вместо рьяного поиска Сэнзалли беседовала с незнакомой львицей? Странное, пугающее и ненормальное знание, которое подарила Градива, как оказалось, досталось очень большой ценой, и Сэнзалли сознавала это; понимала, что не тратя она времени на разговоры со старой шамани, то, возможно, успела бы найти Аявра. Она и сама не могла внять толку, почему столько драгоценного времени утратила в беседе с Градивой, смутно надеясь на то, что Аявр объявился и беспокоиться не о чем. Но что сделано, то сделано, время идет лишь вперед, и нет смысла сожалеть о прошлых поступках.

«И почему она говорила, что Аявр уже нашелся?.. Неужели всё же найдется? Ночью, завтра, послезавтра? Ах, было бы хорошо. Как хорошо...».

Она лежала возле отца, на Южном холме, безвольно вытянув лапы. Аринай прикрыл ее сверху лапой от жестокого мира, совсем не расспрашивая, как и почему она упустила львенка из виду; мать и сестра вместе с остальными еще искали Аявра в этой ночи.

— Ты вся в огне. Ты вся из огня, — сказал для нее отец, лизнув ее щеку и потрогав ее нос своим. Добавил для простого утешения, понимая, что говорит пустое: — Доченька, Аярри найдется. Должен найтись...

Сэнзалли чуть пошевелилась.

— Отец, расскажи мне что-то...

— Что? — немного погодя, спросил он.

— Не знаю. Придумай хоть что-нибудь. Выдумай, чтоб унять грусть. А то я не могу ни уснуть, ни найти себе места, — тяжело, болезненно молвила Сэнзалли, чувствуясь всё хуже.

Аринай замолчал, не находя слов. Он подумал, что стоит пойти за Фринаей или Ушалой — пусть поглядят, отчего дочери так жарко и плохо — но вспомнил, что они ушли вместе со всеми на поиски.

Желая ее отвлечь, задумался. Потом оживился: вспомнил кое-что интересное. Нет, ему есть что поведать дочери.

— Я вот тебе рассказывал о матери моей матери — Саймири?

— Ты расскажи о ней, отец. Я должна знать о своем роде. Должна знать о роде, который так опозорила... — сомневалась она в правильности собственной жизни.

— Не говори так, — упрекнул отец.

— Я готова понести любое наказание, — чувство совести без сожаления пыталось сердце.

Отец смолчал на это, а рассказал такое:

— Саймири рассказывала моей маме, что некогда в молодости, когда мама была еще маленькой, она ходила вместе с несколькими львами и львицами к севернякам. Тогда, знаешь, с ними пытались примириться. И с ними шла одна шамани. Саймири рассказывала, что северняки приняли их хорошо и учтиво. Они остались ночевать во прайде. Но один из наших львов в ту ночь по какой-то причине убил одного из северняков.

— Зачем? — слабо спросила Сэнзалли.

— Не знаю. Никто этого не видел, но к утру все северняки узнали бы о случившемся. Наши оказались... ну... как бы сказать... в ловушке. Идти не могут, потому что всё станет ясно, и ссора обеспечена. Остаться тоже не могут — такое быстро станет явным. И шамани сказала, что пойдет и соврет, будто видела, кто это сделал. Но из-за этого ей пришлось идти куда-то с львицей убитого... После этого Саймири ее не видела. А их всё равно раскусили — один из наших, трус, признался правителю северняков о том, что произошло. И пришлось нашим быстро уходить — их чудом отпустили. Но ту шамани они больше никогда не видели. Мама рассказывала, что Саймири всегда жалела о том, что они сделали. Жалела, что не осталась сама, на худой конец. И всегда очень плакала, будто переживая всё каждый раз снова и снова. А, вот что еще... Северняки после того случая почему-то ушли со своей земли. Так говорила Саймири.

Молодая шамани внимательно слушала, не перебивая. Она вспомнила рассказ шамани прайда Иллари, и это изрядно отвлекло ее.

— А где теперь эти северняки? — тихо поинтересовалась она.

Аринай забылся от собственного рассказа, потому ответил обыденно, без тревоги:

— Не знаю. Где-то есть. На их месте теперь прайд Темной луны. Или Черной... Уже не помню. Это у илларийцев нужно спрашивать. Я точно не помню.

— Черной. Илларийцы их зовут чернолунцами, — поправила Сэнзалли.

Помолчали и подумали каждый о своем.

— Пап. А как звали ту львицу? — чуть расслабившись, спросила дочь.

— Я забыл, — ответил отец.

Сэнзалли стало жалко всех позабытых, потерянных и заблудившихся на свете; чувствуя с ними родство, она тихо заплакала — так, чтобы не слышал мир. Она не знала, как теперь будет жить с таким позором и бременем сердца; чутьем она теперь поняла, что Аярра больше никогда не найдут — такое ей пришлось безмолвное знание. В ней никогда больше не будет незапятнанности и безупречности: всегда можно вспомнить, что некогда совершилось по твоей вине, тем самым утратить покой и убить всякую радостную мысль.

Юная шамани еще раз вспоминала сегодняшний день, корила себя за то, что слишком много болтала с Аталлом.

Отец гладил ее.

— Ну как же звали ту шамани? — настойчиво и чуть капризно спросила Сэнзалли, желая знать.

— Не помню, доченька. Не помню... — беспомощно повел ушами Аринай. И действительно не помнил имени, хотя некогда мама назвала его.

Она наострила уши и вгляделась в ночь: кажется, возвращается часть львиц, что искали Аярра. Молвила, не отрывая взгляда:

— Пап, отчего ты рассказал такую печальную историю? — голос ее прозвенел в ночном воздухе; в нем были такие полутона, что Аринай испугался — это был словно голос души, вобравшей в себя все грусти и черноту.

Аринай и сам был готов укунить себя за лапу. Неужели нельзя было рассказать что-нибудь веселее, да хоть соврать? «Шакал... Взбрело ведь в голову рассказать именно это!».

— Прости, Сэнзи.

Немного смолчал, а потом добавил, встав и лишив ее тепла своей гривы и лап:

— Зря, дочь моя, мы отдали тебя учиться путям шамани. Надо было не отдавать.

Отец такого никогда не говорил. Сэнзалли яростно и ревностно спросила, утратив над собою власть:

— Это почему?!

Сэнзалли думала, что отец скажет обычные, трудные для ее ушей глупости, которые имела обыкновение говорить мать.

— Душа твоя стала слишком нежна для окружающего. Иная уже бы нашла себе оправдание. Мааши бы нашла себе оправдание. В тебе же есть чувство.

Это запало в сердце. Сэнзалли прижала уши, и, глядя в землю, молвила:

— Может быть. Может, и зря. Но шамани ступает на путь от зова, ее избирает сила. Так меня научили Ушала и Фринай. Я... не была вольна выбирать.

Аринай вздохнул, не вполне доверяя словам дочери. Он мало верил во всю эту ерунду. А то как еще это назвать? Ну, говорят шамани могут невероятные вещи. Ну, может быть. Говорить можно что угодно, но где они, где невероятности, где разительное и чудеса? Удивительное всегда далеко от нас, а обыденное — тут оно, рядом.

— А где они, Ушала и Фринай, когда тебе плохо? Думаю, сейчас наставница нужна тебе.

— Была нужна, отец, — пошла на глубочайшую, темнейшую откровенность Сэнзалли. — Теперь я сама себе наставница.

Он кивнул. Аринаю уже следовало идти: дренгир Аргир сказал всем взрослым львам прайда собраться, когда вполне засветит луна. Сделав несколько шагов, вернулся, чтобы обнять дочь и дать ей уснуть.

«Чувствую себя пустой», — не раз мелькало в ее сознании перед сном. — «Я всех подвела. Я подвела себя... Аявр. Градива. Аявр. Черная луна. Градива. Аявр...».

**

— Бха-ха-ха-ха! — засмеялась Нера так, что у нее даже сбилось дыхание.

Кстати, ей вообще от рождения труднее дышать, чем остальным (какая-то врожденная болезнь), отчего у нее немного хриплый голос. Это худая молодая львица, весьма симпатичная, с задорным огоньком в карих глазах. Милый облик портит лишь посеченное ухо и строгие, резкие очертания рта, что выдают властное, склонное эго.

— Но почему именно так? Это ж додуматься надо! Ну, ты и придумала! — отдышавшись, спросила она. И тут же зарычала: наступила на очень острую колючку.

Градива ответила:

— Сама не знаю, как так вышло. Прямо как что-то нашло. Рррраз — и всё!

Градива действительно не врала, говоря, что не знает, почему всё вышло именно так. Она действительно не знала, почему так решила выкрутиться из ситуации. Подумав, что тут сработало ее хорошее чутье шамани и прекрасная смекалка, Градива чуть улыбнулась.

Нера тешилась:

— Слыхали, мальчики? Это просто разорвало меня на куски.

— Изврат какой, укуси меня шакал, — молча выслушав весь рассказ, флегматично заметил один из львов.

— О, тогда нужно было позвать нас... Мы бы ей показали всё, — веселее молвил второй.

— Ба-ха-ха! — с хрипотой смеялась Нера. — Бедненькая, жалкая. И поверила?

Серьезно подумав, Градива сказала, очень медленно, словно замечтавшись:

— Вроде... да. Поверила-поверила, аж рот раскрыла. Ученица-ученица. Ученичка. Училась-училась, вот и научилась.

— Ба-ха-ха! — истинное веселье для Неры.

— А не проще было ее просто загрызть? — спросил первый лев.

Градива повела ушами, внутри чуть испугавшись — ее всегда страшили увечья и драки:

— Не проще. Она, конечно, совсем молоденькая... но союзные, я знаю, драться умеют, даже львицы, — убежденно молвила она. Это она слышала от матери, а ее мать — от своей матери. Страх перед Союзом еще хорошо жил между свободными львами и львицами, и даже очень далекие прайды знали о нем. — Зачем зря раниться, рисковать? Всё можно делать изящно и умно.

Нера вдруг осмысленно и серьезно спросила, перестав смеяться:

— Градив, а почему ты решила, что она поверит?

— Учужала. Сразу поняла ее суть и что ей говорить.

Молодая шамани Нера понимающе кивнула.

— Сама себе удивляюсь.

— Бывает, — согласилась Нера.

Львы утратили всякий интерес к происшествию на землях Союза (куда две шамани по неизвестной для них причине непременно желали попасть, хотя бы на небольшое время, и оставили их ждать на далекой окраине) и начали болтать о более интересных вещах. Они были совершенно случайными компаньонами этих двух шамани и плелись с ними постольку, поскольку те шли в Морлай, и Градива знала туда путь. Ну а там, говорят, пища обильнее, трава зеленее и прочее. Эти двое очень пригодились Градиве и Нере на тяжелых южных землях, где пищи мало, но много шакалов, гиен, мелких прайдов, небольших шаек львов и прочих опасностей. В обмен Нера и Градива сквозь когти смотрели на неряшливые приставания и иногда позволяли довести их до предсказуемого конца.

— Она, знаешь, — уже тише добавила Градива, — наивная еще, совсем юная. И шамани с нее никакая — ей ничего не дали. Поймать ее душу было очень легко. Хорошая шамани растет в трудности и борьбе, а не в спокойствии благополучного прайда.

— Угу.

— Я, заметив ее, честно говоря, чуть не сдохла от испуга. Союзные часто ходят группами, причем большими, — призналась Градива.

Нера сказала, не отвлекаясь от пути:

— Дааа, могло быть плохо... Львенок-то пропал, ясно, что его искать будут. А я как раз его под водой держу, а тут такое! Рисковые мы с тобой, Градив, — взмахнула хвостом.

— Но она, слава силе, была одна, — с готовностью продолжила Градива. — И я решила увести ее прочь и наговорить всякой чепухи, чтобы она шла от нас не с подозрением, а с благодарностью. Чтобы не рычала на помощь, и мы не убежали.

— Умно. Но ты сама знаешь, что это не совсем чепуха. Совсем не чепуха. Это — сильное знание, — заметила Нера, мельком взглянув на подругу. — Ты могла выдумать какую-то ерунду, но зачем передавать такое?

— Я знаю. Но ложь должна быть почти похожа на правду. И она совсем слаба, потому силы от этого взять не сможет. Но если примет всё и будет делать всё, тогда очень быстро ее изгонят из прайда. Потому что узнают. Такое рано или поздно точно узнают. Или даже какая-нибудь ревнивица убьет. Весело!

Хоть вроде и весело, но безрадостно помолчали.

— Ну а если сила откликнется на ее *ритуэль*, в чем я очень сомневаюсь, то издохнет она или лев. Либо даже двое.

Градива иногда говорила на манер северняков, поскольку выросла на восток от них, а ее наставница училась у шамани-отступницы из Больших гор.

— К этому нужно иметь дар, — деловито прищурилась Нера, вынюхивая воду и осматривая окрестности. — Дар иметь. Откуда у такой никчемности найдется дар, да такой сильный? Перенести такое — с ума сойти можно.

— В общем, напортили мы на славу, — заключила Градива.

— И поделом для врага, и сила для нас, — яростно кивнула Нера, сказав обычные слова для шамани-порченницы.

Снова помолчали.

— Со всем этим спросить забыла... А как дело прошло?

— Отлично. Только в ил уходить не хотел — живучий был, гаденыш. Вот, царапнул, — Нера показала следы от маленьких когтей на лапе. — Я так и держала его под водой, пока ты с ней разговаривала.

— Я видела, — Градива посмотрела на царапины с потаенным страхом. — И старалась ее заболтать. Нер...

— Что, Градив? — спокойно спросила она.

— Тебе не страшно именно в тот момент? Страшно смотреть в его глаза? Я бы не смогла так... Хотя амарах однажды показывала.

— Страшно, — сразу ответила молодая шамани темного знания. — Но моим врагам будет страшнее. Я мщу из всей ярости.

Нера, чтобы отвлечься, бросила отстающим львам: «Эй, догоняйте!». Но отвлечься не вышло. Сказала чуть погодя:

— Правда, я обычно ощущаю страшный холод после такого ритуала, прямо озноб, словно из воды вышла. А сегодня — ничего. Наверное, привыкла. Или что...

— Это у тебя какой раз?

— Третий.

— Рановато тебе привыкать. Да и я знаю, что холод должен быть.

— Но теперь нету, — честно ответила Нера.

— Слушай, может хватит? Я не знаю, смогу ли свершить *зов* в четвертый раз.

Градива было думала, что Нера изумленно уставится на нее и засмеется от ее малодушия. Но та тут же ответила:

— Я тоже про это подумала. Вражине своей я уже изрядно отомстила, и ее брату тоже, а теперь вот пришел черед ее подлой матери. Первые двое уже мертвы — это я точно знаю. Умрет убийца отца — тогда всё, моя родовая месть готова. Ждем ее смерти. Я узнаю.

— Умрет он, умрет. Сквозь смерть юной души — это очень сильное проклятие. Сильнее нет, — определила Градива с нервностью.

— Да, — кивнула Нера. — К чему нам четвертый раз? Это забирает слишком много сил, как ни крути.

— Согласна.

— Спасибо, что помогла мне, сестра, — Неру с Градивой связывало очень многое. Потому-то Градива и согласилась помочь ей, использовав свое сильное умение *звать* для того, чтобы вынудить придти к ним какого-нибудь львенка. Лучше всего это делать возле больших прайдов — шансы больше — но и рискованнее. Для этого им пришлось провести возле тех скал полдня...

— Да не за что.

Нера же, в свою очередь, убила Аярра в цели особого ритуала, чтобы таким образом тяжело проклясть последнего кровного врага своего рода, от которого осталась лишь она. Совсем одна.

**

Сон был невозможно тяжким, полным бредовых красок, темноты, одержимости, тревожного чувства и страха. Сэнзалли желала проснуться, иногда даже полностью осознавала себя во сне, но пробудиться не могла, и даже верные приемы выхода из сна предавали — ее поглотила мощная волна. Удивительно, что она хорошо сознавала свой сон, но его не помнила по пробуждению — странная вещь, с которой Сэнзалли столкнулась впервые; только осталось в памяти, что в нем было много «темного света»: так она назвала это для себя.

Сэнзалли проснулась уже подавно после рассвета, и сквозь дрему, которая словно укрывала сознание серой дымкой, слушала, как тихо говорят между собой мать, отец и Мааши. Она слышала всё лишь маленькими кусками: «...искали...», «...Сэнзи...», «...что делать?..», «...ужасно...», «...Фриная придет...».

Она заставила себя подняться, хоть это оказалось нелегко. Трудные, грустные взгляды родных душ. Ясно ведь... Хорошего о ней теперь во прайде не говорят, это точно. Выяснилось, что ее старались разбудить на рассвете, но Сэнзалли лежала,

словно неживая — лишь дышала. От испуга мать тут же послала за Фринаей, чтобы помогла своей ученице и ее дочери придти в чувство; но та что-то неприлично долго задерживалась.

Наконец, она пришла с панцирем в зубах и почему-то корнем трамы в панцире. Отец, сестра и мать оставили их наедине.

— Ну что, — молвила наставница, поставив панцирь, — как себя чувствуешь?

Сэнзалли не ответила. Нет такого слова, чтобы описать эту темную юдоль печали; да и отвечать ей не хочется. Когда-то, во время тоски, Сэнзалли нравилось, если кто утешит или обнимет; но теперь это казалось чуждым и бессмысленным.

Юная шамани вдруг поняла, до чего же они с Фринаей разные, и даже чужие. Казалось бы, наставницу и ученицу должны связывать ярые, сильные узы, в которых есть всё: и признательность, и преданность, и любовь, и даже ненависть (истинную наставницу ученица может ненавидеть, потому как путь знания — труден. Истинную наставницу и любишь, и ненавидишь одновременно). Но между ними связи не было; хвосты их не сплетались, как говорят. Помнила Сэнзалли, что основным вещам ее научила Ушала, но не Фриная; например, *сновидеть* учила именно Ушала. Фриная в этом ограничивалась лишь маленькими, пустяковыми замечаниями и всё почему-то призывала к осторожности, хоть Сэнзалли была на таком уровне, на котором осторожность и не очень-то нужна — сложно себе навредить, если у тебя нету особого знания, а тем более силы. С маленькой высоты падать — не ушибешься. Это свысока падать больно, это каждый знает.

— Это... Мне сказали, что ты не просыпаешься. Вот зачем так делать?

— Как? — темно спросила Сэнзалли, не глядя на Фринаю. Солнце восхода блеснуло ярким золотым огнем в ее влажных глазах.

— Притворяться, будто тебе настолько плохо, что встать не можешь? — тебила панцирь Фриная.

Слова Фринаи были настолько пусты и глупы, что Сэнзалли даже не разозлилась, а просто приняла их, как еще один бессмысленный удар судьбы.

Неловкое движение — и панцирь вместе с корнем трамы перевернулся.

— Шакал... — тихо выругалась наставница.

Юная шамани равнодушно наблюдала, как Фриная спешно пытается переложить всё назад в панцирь. «Оставила бы здесь, зачем это собирать». Навострив уши, осмотрелась вокруг. Всё так знакомо: трава саванны, три скалы причудливой формы, деревья, глубокая дымчатая даль. Ее дом, враз ставший каким-то чужим и неуютным. Привычный местный ветер немного пошевелил листья деревьев, но потом устал, и наступила тишь.

Тем временем Фриная, решившись, торопливо молвила:

— Сэнзалли, я хотела бы с тобой поговорить.

— О чем поговорить? — измученно, со вздохом молвила юная шамани; в голосе звучали необычные уверенность и... укор, но вовсе не личный, а какой-то очень общий, будто для всего бытия. И то, и другое было пугающим для наставницы.

— Так... Ладно. Ладно, перенесем разговор, — поступила Фриная в обычной манере. Она всегда бросала всё, в чем не была уверена. И здесь Фриная-шамани не была уверена, что сейчас следует беседовать с ученицей. Пусть сама справится, зачем зря ее раздражать?

Да и действительно, что тут скажешь? «Такое нужно лишь пережить», — так рассудила Фриная. Спешно попрощавшись, Фриная ушла.

«Вот так», — подумала Сэнзалли.

Сразу же подошел Ариной: он внимательно наблюдал, когда Фриная уйдет. Без предисловий сказал, видимо, всё утро собираясь с духом для таких слов:

— Сегодня будет общий сбор. О тебе.

Юная шамани молчала, прекрасно понимая, зачем и почему. Она также знала, что ее не изгонят: за такой проступок не изгоняют; но шрам на всю жизнь останется на ней: все будут помнить, что это та самая Сэнзалли, дочь Ариная, что невнимательно следила за детьми. И уж тем более ей не поручат присматривать за львятами.

Что может быть хуже для будущей шамани прайда, чем такая плохая репутация?

Сэнзалли обдумывала всё это отрешенно, с принятием собственной судьбы. Ничего уже не исправить.

— Если чувствуешь себя плохо, то я скажу, что ты тяжело больна. Тогда сбор будет без тебя. Тебе так, может, будет лег...

— Вздор. Я буду на нем, живая или мертвая, — очень решительно, необычно решительно сказала Сэнзалли. Мать испуганно глядела на нее, Мааши (доселе молчавшая, что ей несвойственно) — с неким замешательством и даже оценивающе.

— Хорошо, — развернулся и кивнул матери, мол, уходим, но та не ушла.

Зарара вместо этого немного поплакала возле дочери, обняла ее, потом снова и снова спрашивала о подробностях: как, почему, зачем так много говорила с Аталлом (чтоб ему!), почему хорошо не расспросила львят, почему побежала искать именно туда, а не иначе...

— Мама, я искала его. Очень старалась его найти, — из сердца вымолвила Сэнзалли, и вдруг стало еще стыднее. Ведь сколько времени она потратила с Градивой! «Наверное, она тогда повлияла на меня», — пронзила ее догадка. — «И моя тревожность тут же улеглась. Завладела вниманием». Сэнзалли помнила острый взгляд Градивы, изучающий.

— Всё будет хорошо, Сэнзи, — наконец молвила мать и тоже ушла, уже не плача, но тяжело вздыхая.

— Сестра... — сказала свое первое слово за этот день Мааши.

— Мааши, оставь меня, пожалуйста.

Сэнзалли, если совсем честно, не имела этого в виду. Было бы хорошо, если сестра осталась — вдвоем переживать легче. Но Мааши вовсе не стала настаивать:

— Как хочешь.

Она никогда не настаивает дважды. Гордость львицы — ее суть.

«Интересно, когда сбор? В полдень, наверное. Нужно слушать, когда зарычит дренгир».

Иногда мимо нее проходил кто-то из прайда, и бросал то укоряющий, то сожалующий, то любопытный взгляд. Но никто ее не трогал, кроме хорошей подруги по имени Менани: хорошей, верной, небольшой ростом львицы. У нее темные глаза с приятной загадкой, она почти всегда улыбается и очень любит бегать. Она почти никогда не ходит — только трусит либо бежит.

— Сэнзи... Как же так? — молвила она без упрёка, но с непониманием.

— Не знаю, Менани. Вот он был — и тут его нет. Словно позвал кто-то, — сказала Сэнзалли, не подозревая, насколько близка к истине. — Словно испарился, как вода в сухой сезон. Так не бывает, и Аярри не был глупым львенком... но так случилось.

— Ох... — потерлась мордочкой о ее щеку Менани. Этот простой и теплый жест враз сделал тяжесть Сэнзи чуть легче.

— Иди, Менани. На сборе увидимся.

— Будь сильной, Сэнзалли, — вдруг, уходя, в совершенно несвойственной для нее манере сказала Менани.

А шамани осмысленно ответила, верно качнув головой:

— Буду.

Менани уходит... Но один вопрос не дает покоя, и Сэнзалли остановила подругу:

— Постой! Что там говорят... во прайде?

— Всякое, — повела ушами Менани. — Все удивляются, как такое могло случиться. Сетуют на твою невнимательность. И еще на то, что Аярр поступил так непослушно: взял и убежал. Знаю, что часть группы Эйтаны всё еще пытается найти его. На тебя, Сэнзи, никто сильного зла не держит, и все даже понимают, но... — запнулась Менани.

Юная шамани кивнула, закрыв глаза:

— Спасибо. Хватит, Менани. Увидимся на сборе.

— Не падай духом.

— Моему духу некуда упасть.

Сэнзалли еще немного посидела, потом прошлась взад-вперед. Хотелось пить, но не пошла: сейчас вряд ли кто-то пошел на охоту, и лишь пара львов на обходе, а все остальные — во прайде; потому наверняка около водопоя сейчас полно голов. А как выдержать все эти взгляды? «Лучше вытерпеть. Потом пойду. Пусть это будет мелким наказанием для меня».

**

Когда Сэнзалли услышала четыре протяжных рыка дренгира, то с робкой неспешностью пошла к месту сбора прайда возле Верхнего холма. «Так... Спокойно. Я спокойна. Мне нужно вынести всё достойно...», — думала Сэнзалли, ступая непослушными лапами по жесткой траве.

Но вдруг Сэнзалли остановилась. Нежданно снова обнял тот самый жар, как вчера, а к нему пришла еще и тошнота, и мир начал крутиться; в какой-то момент Сэнзалли без испуга подумала, что, верно, так уходят из жизни. Уши заложило шумом; управлять взглядом оказалось крайне тяжело, а мир вокруг казался ирреальным и даже чересчур живым одновременно.

А потом всё мгновенно прошло, и юная шамани обнаружила, что стоит, широко расставив лапы и глядя перед собой. Это очень напомнило ей *сновидение*. Но с нею никогда не случалось такого посреди белого дня.

«Что со мной делается? Как всё это вынести? Какой кошмар...».

Помотала головой, прилизила шерстку. Закрыла глаза, немного подышала и прислушалась к себе.

Теперь же, после всего этого, Сэнзалли стало много лучше, а волнение странным образом ушло; даже совесть малость поутихла, и пришла молчаливая решительность встретиться с будущим. Она поглядела вверх: там, в небе, летали птицы; ей на миг захотелось стать легкой, малосознательной, как они. Посмотрела на лапы: нет, нету выбора, надо быть тем, что есть.

Когда она подходила к месту сбора, то заметила внимание всего прайда: и львы, и львицы глядели на нее, собравшись нестройным полукругом. Уже все были здесь; кажется, все только и ждали ее. Дренгир уселся на большом, в трещинах, камне. Сэнзалли бегло, но спокойно осмотрелась и заметила, что матери нету, но есть Ушала и Фриная, сестра с отцом, Аталл, который глядел на молодую шамани с большим беспокойством и мать Аярра в окружении сестер. «Сейчас я пойму свою

вину», — подумала Сэнзалли. — «Пусть всё станет на свое место. Видит судьба: не желала я этого, но так случилось».

Не зная сначала, что делать, Сэнзалли встала возле камня дренгира. Но потом поняла, что так она прячется ото всех и от себя. Потому вышла вперед, в центр полукруга и оказалась спиной к дренгиру.

— Она тебе показывает хвост, — недовольно молвила львица дренгира, с редким и необычным именем Нарсимарі. Она сидела подле него, недовольно глядя на Сэнзалли, и без конца вздыхала и дарила всем подряд уничижительно-тяжелые взгляды. — Негодяйка такая.

— Молчи.

Ему была очень неприятна вся эта гадкая история. Он терпеть не мог такие разбирательства. Дренгиру нравился тихий порядок во прайде, а не подобное безобразие.

Аталл вдруг решил, что ему следует сидеть возле молодой шамани: из чувства внутренней справедливости (ведь это он занял ее разговором), а также от большой симпатии к Сэнзалли. Он даже успел сделать несколько шагов.

— Назад, Аталл! Стой, как все! — очень резко прорычал дренгир.

— Ты куда?! — в унисон зарычали остальные.

Тот сначала растерялся, а потом неуверенно вернулся назад.

Сэнзалли наблюдала за ним. Их взгляды встретились, и она почему-то кивнула ему головой. «Не переживай» — так шептал ее взгляд, хотя у самой суть глаза раненной газели.

— Гррмм... Итак, все мы знаем, для чего мы тут собрались, — начал с характерной для себя нелепости Аргир. Он обычно всегда с нее начинал. И вдруг, после заминки, добавил: — Так, знаете, я ненавижу, когда в моем славном прайде случается что-то плохое. А особенно такое. Это мне портит настроение.

Ханая, мать Аярра, со придержанной, мстительной злобой поглядела на него. Кто-то против собственной воли засмеялся, но тут же стих, устыдившись. Львица дренгира еще громче вздохнула и начала теревить хвостом о землю.

— Давайте сразу приступим. Сначала выслушаем, что случилось в тот день. Сэнзалли, — дренгир неуклюже соскочил с камня и пошел к молодой шамани.

— Да, мой дренг... — обернулась она, но не успела договорить.

Аргир сильно тронул ее лапой, почти толкнул:

— Расскажи, что случилось в тот день. По порядку.

Сэнзалли помолчала немножко, для собрания мыслей. Только теперь она вспомнила, что с нею должна была быть Минлана: она ведь тоже присматривала за детьми в тот день. Ну ладно...

— Это был не мой черед, но Мирси попросила меня подменить ее...

Юная шамани думала, что сможет всё рассказать сама: обстоятельно и подробно. Но рассказ тут же превратился в расспрос:

— Когда попросила? — требовательно посмотрел на нее дренгир, усевшись слева от нее. Сэнзалли было трудно глядеть на него: солнце саванны не щадило глаз.

— Загодя, утром, — зачем-то соврала Сэнзалли.

— Это правда, Мирси? Ты где там... — Аргир начал искать ее взглядом. — Где Ми...

Отозвался слабый голосок, полный страха:

— Я тут. Да, правда.

— Хорошо. Кто был с тобой? — вопрос от дренгира для Сэнзалли.

Сэнзалли из-за прямых лучей солнца не видела его глаз, потому Аргир показался ей некоей безличной тенью судьбы. «*Вирд*», — вспомнила она, и стало одиноко посреди этого большого и странного мира.

— Минлана. Но она ненадолго отлучилась.

— Почему?

— Я точно не знаю, мой дренгир. Но она предупредила, — еще раз соврала Сэнзалли. Она вообще не видела Минлану в тот день.

Чуткий слух юной шамани уловил, как в сторонке начали что-то тихо, но очень бурно обсуждать. Она не могла понять, кто это, а повернуть голову не решалась.

— Дальше.

— Потом я... Потом я приглядывала за детьми, и...

— Я пришел к ней и занял ее разговором, — Аталл продолжил вместо шамани.

Аргир степенно повернулся к нему; его тяжелый, властный взор надолго задержался на Аталле.

— Ты беседовала с ним, так?

— Да, — ровно ответила Сэнзалли.

— Долго?

— Не очень.

— А потом что?

— Потом... Потом я заметила, что не хватает Аярра. Дети сказали мне, что он убежал к яме. Я устремилась за ним и по дороге предупредила прайд.

— Это так, — подтвердила Эйтана, привстав. — Так и было.

— По дороге я встретила Ульмара. Он подтвердил, что видел Аярра — тот бежал к яме.

— Я знаю, мы уже расспрашивали Ульмара, — раздражался дренгир.

— Но я возле ямы его не обнаружила. Ни его, ни следов, ни запаха.

— Анасси? — требовательно спросил дренгир у хозяйки охоты.

Та сделала шаг вперед и степенно ответила:

— Мы яму осмотрели. И возле нее — тоже. Там действительно ничего не было.

— Хорошо смотрели?

— Очень хорошо. Как в воду канул.

У Сэнзалли на миг похолодели шея и грудь; ей знакомо это чувство — так бывает с шамани. Бывает-бывает: при предчувствиях, безмолвном знании и прочей тайне жизни.

— И что дальше было? — это дренгир уже спрашивал у Сэнзалли.

Она устало, сощурившись, отвернулась от солнца влево. Так и продолжила стоять, не шевелясь и закрыв глаза. Темнота пред ними была не черной-черной, а сине-красной, с кругами, как обычно бывает, если посмотришь на солнце.

— Я искала его. Я пошла дальше, к границам прайда. Искала до тех пор, пока не поняла, что ничего не найду.

Аргир решил, что Сэнзалли отворачивается от стеснения и стыда.

— И ничего больше не видела? Даже никаких намеков?

— Нет.

Ушала, сидя в общем полукруге, чуть склонилась к Фринае, не сводя с юной шамани взгляда:

— Здесь что-то не так.

— Она врет?

— Да.

Фриная немного помолчала.

— Зачем? — вдруг вся аж дернулась.

— Она или кого-то покрывает... или что-то скрывает. Не знаю, зачем. Странное дело.

Фриная снова помолчала.

— Сэнзалли никогда не врала. Она не может врать. И даже не умеет, — наконец, сказала она.

Старая шамани хмыкнула, глянула на Фриною. Но та казалась бесстрастной.

— Что ж, Сэнзалли. Выходит, ты упустила Аярра, и он убежал на восток, — говорил дренгир, поднявшись с места. — Где и безвестно пропал.

— Да. Я знаю свою вину, мой дренгир. Она душит меня ночью.

— Это плохой случай, мой прайд. Очень плохой. Львицы, а особенно шамани, — кивнул на Сэнзалли дренгир, и та вовсе поникла, — плохо смотрят за детьми, но и сами дети, — он сделал сильное ударение на «дети», — плохо воспитываются матерями. Куда мог так беспечно убежать твой сын, Ханая?

— Я не знаю. Он всегда хорошо себя вел, — ответила Ханая со злостью и тяжестью.

— Нам остается лишь надеяться, что Аярр еще сможет вернуться сам. А всё это... Это будет хорошим уроком для всех нас.

Сэнзалли теперь знала, что Аярр мертв. В этом она была уверена даже больше, чем в том, что живет.

— Мой дренгир... Аярра нету среди живых, — решила она сказать, внутренне обмирая, изнывая.

— Что? Это почему ты так считаешь? — удивленно спросил он, повернувшись к ней.

— Правда это, мой дренгир, — отозвалась Ушала с места.

Аргир долго смотрел на шамани своего прайда:

— Откуда она знает? — спросил он Ушалу, указав на Сэнзалли.

— Она чувствует. И я чувую.

Продолжительное молчание Аргира заставило всех напрячься; кроме того, простой фатализм слов Ушалы поверг всех в уныние.

— А когда надо было, то вы ничего не учуяли. Поздно уж, — сказала родная сестра Ханай, разорвав тишину. — Когда надо, так вы ничего не можете. Где вы были раньше, шамани?

Ушала с покорностью приняла тяжелый упрек, Сэнзалли тоже. Фриная сидела ровно, словно это ее не касалось.

— Ты, Ханая, лучше бы воспитывала сына. Почему он не знал об опасности непослушания? Ты ему не говорила? — так сказала львица дренгира.

Та ничего не ответила; она собиралась, но как-то растратила весь дух и силы, а просто снова расплакалась.

— Вы, верно, забыли, для чего собрались. Нужно понять, какова вина Сэнзалли. Больше глядите на нее, а не на дитё, которого уже не вернуть, — с обреченностью молвила одна из старых львиц прайда. — Дайте ей наказание, потому как иначе она не уяснит ответственности перед прайдом. Это главное! Пraid — это главное!

«Пraid — это главное», — отозвалось эхом в сердце молодой шамани Сэнзалли.

Ей вторил старый лев:

— Правда, так и есть.

— Что же, Сэнзалли, давай пойдем, насколько тяжким есть твой проступок, — кивнул Аргир и посмотрел на нее.

— Я виновен, а она нет! — снова выступил вперед Аталл, но без прежней смелости, готовый в любой миг скрыться назад.

— Тебе никто слова не давал!

— Но это моя вина!

— Молчи и сядь.

— Не буду!

Дренгир тяжело поглядел на него, и молодой лев повинился.

— Он тяжкий, этот проступок, мой дренгир, — сказала Сэнзалли, полностью скрывшись от мира, закрыв глаза. — Я не хочу отмываться ни от чего.

— На ней нету вины, — молвила Эйтана. — Это страшная случайность. Дети не должны убегать.

— Но львицы, что глядят за детьми, не должны думать лишь о себе. Иначе будет страшно львят оставлять. К чему тогда мы скатимся? — снова молвила та самая старая львица.

Поднялся шум.

— Дело странное и темное, — еще раз тихо, для себя, сказала Ушала и твердо решила начистоту поговорить со Сэнзалли.

Юная шамани сидела, прислушиваясь к себе и чувствуя, как маленькая веточка больно впилась ей в лапу. С ней продолжались странности: она и дальше чувствовала себя, словно во сне. Она подумала о Градиве.

«Почему я утратила Аярра, но получила знание? Неужели такая большая плата?..». На миг подумала: а не солгала ли Градива, сказав, что не видела львенка? Нет, вряд ли. Зачем им это? Они — две странствующие шамани, мать и дочь, причем дочь явно больна. Что им до чужих львят? Да и там его явно не было. Куда тогда подевался? Убежал, верно, куда-то. Утонул, схватил шакал, встретил глупого бродячего льва... Мало ли страшного на свете.

Она знала, что приняла некий вызов от жизни, сказала чему-то внятное и резкое «да». Но чему именно — пока не знала. С того времени, как взяла тот самый панцирь, что истлел в огне молнии. И всё это, даже этот сбор — часть вызова.

«И даже раньше. Когда пошла в этот поход, пришла во прайд Иллари. Когда услышала рассказ Саймины. Когда услышала о той шамани... Вот я живу простой и неказистой жизнью, но ведь жили же иначе. Да как! Стремилась, видели, желали, чувствовали, совершали поступки...».

— Сэнзалли!

Все взоры устремлены к ней. Наверное, ее старались окликнуть не раз, и не два.

— Да... Да, мой дренгир! — Сэнзалли, наконец, распрямилась.

— Так что ты скажешь о своем проступке? Что думаешь?

— Я истинно ненавижу себя за это. Я хочу искупить вину.

— Вот как, — дренгир вздернул бровь и повел ушами. Он ожидал чего угодно: ярой защиты, увиливания, моления о прощении. Но не такого ярого утверждения собственного упущения. Непривычно. Он-то привык, что всякий старается улизнуть от ответа.

Вместо всяких лишних слов Сэнзалли пошла к матери Аярра. За нею трепетно наблюдал Аринай.

— Прости меня, сестра по прайду. Я не желала худого, но оно случилось мимо моей воли. Но я обещаю, что это запомню на всю жизнь. Мой дух — дух шамани, и я должна служить прайду, и я буду делать это; и я буду всегда помнить эту

ошибку. Если ты не найдешь для меня прощения, то я никогда не смогу чувствовать себя хорошо. Помните все: Сэнзалли делает из этой трагедии выводы. Я впредь буду служить прайду — я клянусь.

Звучало это очень необычно и вовсе не обыденно, потому многие слушали с открытыми ртами.

— Я ошиблась и упустила самое важное. Знаю лишь, что твой сын погиб не зря.

— Погиб... не зря?

— Именно так.

Ханая большими глазами смотрела на Сэнзалли, стараясь понять: то ли это издевка, то ли это такое успокоение, то ли нечто иное. И вдруг замахнулась, чтоб исполосовать когтями красоту ее мордочки. Пусть хоть так ощутит всю утрату и пусть ей тоже будет больно. Но... Но она не смогла, и не захотела. Она знала, что реально этого не хочет.

— Что? Что я могу сделать для тебя? — искала ответа Сэнзалли.

Все, даже дренгир, медленно, но верно сошли с мест, прислушиваясь. Что скажет мать?

— Ты уже всё сделала. Лучше следуй тому, что говорила.

— Клянусь... — тут Сэнзалли желала поклясться душой Аярра, но остановилась: не чувствовала за собою такого права. — Клянусь своей силой.

И чуть прижала уши — в быстроте мгновения она не нашлась с другими словами; и прозвучало это «...своей силой» глупо и смешно, даже для нее самой, потому как клясться почти нечем. Шамани устремила взор вниз и влево, к земле.

— Я желаю лишь одного, мой прайд: простите меня.

Никто ничего не сказал.

— Что ж... — зашевелился дренгир. — Мы выслушали всех, кого должны были выслушать. Если есть кто со словом, то пусть не боится говорить.

Он обвел взглядом присутствующих. Отстраненное молчание.

— Когда так, то пришло время поговорить о вине и наказании для Сэнзалли. Думаю, ее стоит на луну отстранить от общей охоты и на две луны — от детей. И...

— Не давай ей наказания, мой дренгир. Не давай, — вдруг попросила Ушала.

— Как это не давать? — всполошились некоторые от такого не порядка. Прощение прощением, а наказание должно быть. Без этого — никуда, нет-нет. Жизнь основана на наказании и страдании, зачем менять этот извечный порядок?

Аргир не стал суетиться с мыслями; он прошелся взад-вперед, поглядел на растерянную Сэнзалли, потом — на Ушалу.

— Почему ты так думаешь? — даже чуть вкрадчиво спросил он у старой шамани.

Многие закивали, мол, действительно, почему так думаешь? Но Ушала не уважила их мнение, ни на кого не смотрела, а лишь держала взглядом дренгира:

— Ты меня послушай! Такое наказание будет справедливым, но... Она — будущее этого прайда. Она будет тогда, когда меня не станет. И Фринаи тоже. Я вижу, что она осознает случившееся, и очень сожалеет. Если запретить Сэнзалли приглядывать за детьми и заботиться о прайде, а также ходить на охоту, то это сильно... очень сильно повредит, — старалась уверить его Ушала. — Она утратит уверенность, так сейчас нужную. Прайд должен верить ей, верить в нее. Братья и сестры Делванни, если вы отвернетесь от Сэнзи, то потом...

— Так нельзя! Оставлять такой проступок! — зарычал кто-то, боясь несправедливости.

Сказала старая львица:

— Не прячь ее в траве, Ушала. Не прячь. Она уже взрослая. И то, что она — шамани не значит, что ей можно делать глупости и извернуться от наказания, — с каждым словом она повышала голос.

Сборище как-то враз надоело Сэнзалли; ее удивляло, что каждый хочет изгаляться над ее страданием и всячески его обсудить. Сказали бы: да-да, нет-нет, так и так. От всего этого ей стало тоскливо и задумчиво, а еще шамани не смогла решить для своего сердца: сколь огромна ее вина? Аярр исчез быстро и таинственно, и она честно пыталась найти его. Но... честно? Почти полдня болтовни с еле знакомой львицей — это честный, отверженный поиск?

Знать бы сразу всю правду о мире, так не было бы никакой муки. Только где ж ее взять...

— Вы послушайте, вы ничего не поняли! — настаивала Ушала.

— Мы всё поняли, — мягким, даже ласковым тоном молвил Аргир. — Я понимаю тебя, Ушала. Но извини.

— Сделайте так, как она говорит, — тихо, но внятно сказала Ханая, мать.

Мааши смотрела на сестру, и подумала: «А что я бы делала на ее месте?». Ей было жаль сестру, но в то же время странное, тихонькое злорадство одолевало ее: «А что хотела? Сидеть, мечтать, носа своего не видеть? Так ясно, что львята теряться будут. И львы тоже. Всё на свете...», — так себе думала. Мааши вообще ни о чем себе не запрещала думать. Это очень хорошо, что никто в мире не видит, не слышит мысли и души; и это прекрасная отрада для любого, кто имеет мысли и душу.

Хотя — как знать.

— Ханая, ты серьезно?! — сестра Ханай не могла найти места и глядела на всех подряд, ища поддержки.

— Сделайте. Оставьте Сэнзалли в покое, — кивнула мать Аярра, решительно кивнув.

— Но ведь есть вина Сэнзалли. Где справедливость?!

— Не нападайте на мою дочь! — вконец не вытерпел Аринай.

Аргир понял, что стоит заканчивать.

— Хорошо. Так... Сэнзалли... луну не будешь приглядывать за детьми. Если кто-то не согласен, — сказал дренгир таким тоном, что все поняли: лучше быть согласными, — тот может сказать это сейчас. Есть такие? Нет. Вот и хорошо. Впредь не допускай таких проступков, Сэнзалли.

Дренгир решительно ушел, поманил кивком за собой свою львицу и они пошли наверх, к своей скале.

— Ты почему за львицами не смотришь? Где твои глаза и уши? — злобно смотрел по сторонам Аргир.

Нарсимари постаралась с достоинством ответить:

— Аргир, послушай, я...

Лев быстро растоптал это достоинство, небрежно прервав:

— Посмотри, что делается! Одни детей не могут хотя бы чуть-чуть воспитать, вторые вконец забыли, чем должны заниматься! Распустились все... настроение мне портите. Какое глупое и бессмысленное дело. Ничего не пойму! Куда тот убежал? Куда та глядела? Как так быстро пропал? Непонятно и отвратно. Фу, — фыркнул он.

— Ты...

— Молчи. Молчать! А теперь приглядывай за львицами лучше. Поняла? Лучше! Иди, иди. Давай!

Все медленно разошлись. Мааши с отцом подошли к Сэнзалли, но она попросила оставить ее. Они лизнули ее в щеку и, тихо беседуя, ушли прочь.

«Странные дни», — подумала Сэнзалли. И снова пошла к матери Аярра, которая теперь сидела без поддержки, в одиночестве, не слыша птиц и не видя неба. Ее отстраненность пугала: будто душа ее покинула тело и теперь витала где-то в своем мире воспоминаний и полуснов.

— Прости меня, Ханая, — с легким поклоном молвила молодая шамани.

Та ответила сразу, будто загодя подобрала слова:

— Чушь всё это. Иди, Сэнзи. Уходи. Каждый думает лишь о своем; ты знаешь это, и я знаю это. Мы вроде все заодно, но на самом деле — чепуха. Вздор. Я думаю о себе и своих детях, ты думаешь о своем будущем и счастье, когда говоришь с молодыми львами. Это понятно. Все мы покорны лишь сами себе. Пройдет время, и ты забудешь этот случай. Я не держу на тебя зла — это бессмысленно.

Но потом взглянула так, что Сэнзалли запомнила навсегда. Будто сняло пелену и между ними проскочила тень:

— Только не говори, не говори ты мне, что он ушел из жизни не зря! Не оскверняй смерти сына выдуманным утешением! Все мы живем и умираем просто так.

**

«Странные дни», — утвердилась в этом Сэнзалли через пять закатов и пять восходов. — «Как в них жить?».

Раньше жизнь была проста и понятна, дни катились степенно и плавно. Теперь же каждое мгновение ее терзали разные чувства, а ночью, во снах, происходило что-то невообразимое. Ей снились какие-то горы, причем огромные, такого размера, что их даже трудно видеть; темные реки и необъятные пространства тихой, угрожающей воды; облака со светлыми нитями, что сияют; странные, далекие звуки и близкие, очень близкие шорохи; какие-то львы и львицы под темным небом, что говорили с ней, и Сэнзалли даже отвечала, но потом не помнила ничего из разговора — помнила лишь, что даже не знает языка, на котором они говорят; повсюду было какое-то присутствие, причем Сэнзалли пугало даже не то, что ей повсюду мерещился Аярр. Несколько раз Сэнзалли вполне ощущала, что она с Аярром — будто одно целое; при этом она неизменно тонула в мутной воде, но это не было страшным, а словно так и должно быть.

Вот обычный сон, Сэнзалли идет, и тут земля словно исчезает или разверзается; Сэнзалли начинает прекрасно осознавать и себя, и происходящее, она помнит, что спит на уютной желтой траве, прислонившись спиной к дереву. Но проснуться или взять себе контроль нельзя! Невозможно. И со страшным ревом, который никогда (она уверена, что никогда!) не слышала в жизни, Сэнзалли проваливается вниз, среди сияющей темноты. В какой-то момент ей кажется, что она больше не выдержит, уши устанут слышать такое, а чувство стремительного полета совершенно уничтожит ее. Но вот рев стал еще мощнее, а чувство полета вниз — невозможно стремительно; и оказалось, что она может выдержать больше, что предел ее выдержки и способностей ушел выше, так же, как убегает горизонт от идущего по тропе.

«Пределов нет. Предел — это горизонт. Уходит под лапами идущей», — однажды решила она, сама не понимая, как могли появиться в ней такие мысли.

И повсюду витает некий зов, обращенный к ней; кто-то или что-то словно звало ее, неизбывное и вечное. И вины за собой Сэнзалли, как ни пыталась, не чувствовала, будто так и должно быть: гибель этого львенка — неизбежность.

Да так оно и есть, в конце концов — всё, что случается, должно было случиться.

Сновидеть Сэнзалли уже пугалась, не решалась: тени в сновидении наполнили одна на другую, контроль был плох, а чувство страха — огромно.

Все эти чувства, происшествия, случайности и знаки Сэнзалли никак не могла осмыслить, понять, составить вместе, чтобы определить свою участь; оттого ее терзало чувство, будто она во что-то погружается, тонет, тонет, тонет...

«Отчего я? Отчего же я?! Что это со мною...».

Сэнзалли в какой-то момент возжелала поджать хвост, взмолиться, по-детски сказать «Я больше не буду!», словно таким образом могла кого-то или что-то убажить, убедить оставить ее. А в чем именно заключалось это «не буду»? Сэнзалли смутно понимала. Брать чужие панцири. Разговаривать с незнакомыми львицами. Терять львят. Думать об ином, когда есть то, что есть. Но в последний момент она решала, что встретится с чем угодно, но со свободным хвостом и не прижатыми ушами.

«Шакал со мной. Будь что будет...».

Сегодня утром охотничья группа ушла на север. Сэнзалли в последние дни постоянно находилась поблизости места сбора (будто случайно), но никто не звал ее, а хозяйка охоты даже не смотрела в сторону молодой шамани. Конечно, можно попроситься, тогда она пойдет... Но это совсем не то. Юной шамани объявили молчаливый, упорный бойкот.

Мать вчера грустно рассказала ей, что слыхала, будто львицы прайда между собой решили самостоятельно наказать Сэнзалли вот таким игнорированием. «Да, так и есть», — думала Сэнзалли, глядя вослед свободным охотницам. — «Мать правду сказала».

Для нее сегодня нету никакого дела и занятия. Это обычный пасмурный день межсезонья, с немного душным воздухом, что предвещает небольшой, нудный дождичек. Сестра ушла на охоту, мать спит, отец с несколькими львами ушел прогонять гиен на юге, Ушала ушла набрать каких-то листьев, Фриная вообще неизвестно где. У подруг не хочется находить общения. Сэнзалли в эти странные дни предоставлена сама себе, и ходит по миру, как по легкому сну, ни к чему всерьез не касаясь, ни на чем не задерживая взгляда надолго.

«Пойду к озеру. Еще вчера хотела», — бесцветно подумала она, зная, что холодная вода не особо поможет от того, что она ощущает в эти странные дни. Ведь она, к собственному удивлению, сильно возжелала...

— Сэнзи! Сэнзалли! — это очень далекий зов Ушалы.

Мысли прервались.

Молодая шамани наострила уши. Где же старая наставница наставницы? Ах, вон она. Сэнзалли шла по тропке вдоль очень длинной возвышенности, которую часто звали просто «Змеей». А Ушала внизу и слева, среди кустов акации. К ней около двух сотен прыжков.

Сэнзалли села и острым глазом наблюдала, как Ушала взяла неправдоподобно огромный лист хум, пронесла его немного, и оставила под одним из кустов. Потом передумала и спешно подошла вместе с ним к молодой шамани.

У Ушалы рот темно-коричневый от сока марзары. Сэнзалли, конечно же, знает, почему так. Этот сок ужасен на вкус, терпкий, но обладает полезным свойством: во рту от него пересыхает, слюна перестает течь вовсе. Потому он часто весьма кстати, если желаешь перенести листья, стебли, корни и прочее.

Молодая шамани вдруг вспомнила историю, которую когда-то рассказала Ушала. В целом, она почти никогда не рассказывала о себе, будто она суть личность

безо всякого прошлого. В этом есть резон: шамани стараются не сковывать себя ничем, в том числе и личной историей. Рассказами о себе ты начинаешь плести собственный образ, и неосознанно все начинают воспринимать не тебя, а именно твои рассказы о себе. Но в тот вечер Ушала рассказала историю о том, как еще совсем молоденькой львицей пережила одно приключение со львом из Регноран, который по какой-то причине пришел во прайд Делванни.

Он встретил ее вечером, по дороге домой, явно поджидая. Но в тот день Ушала собирала всякое нужное для прайда, и ей пришлось раздавить в зубах несколько стебельков марзары.

Лев начал приставать.

Ушала строптиво не поддавалась его ухаживанию. Не только из-за желания, но еще и того ощущения, что явно выглядит не лучшим образом. Ведь он, вообще-то, Ушале нравился. Но он проявлял настойчивость, кружа вокруг Ушалы. А потом и вовсе решился броситься на нее и свалить на спину. И попытался поцеловать ее. За первым разом не получилось — Ушала отпихнула лапой, но он совершил еще одну попытку, и шамани надоело сопротивляться.

Через мгновение он весь напрягся, а потом резко отпрянул, глядя на Ушалу напряженным, непонимающим взором.

— Что за ерунда? — начал он лихорадочно облизываться.

Ушала засмеялась, привставая.

— Разве сладость моего поцелуя не убила горечь марзары? — спросила она весело, но с глубоко спрятанным укором.

Но тот впал в самолюбивую панику, пропуская всё мимо ушей:

— А я не отравлюсь? Что это за гадость?!

— Да как же отравишься, если это у меня во рту. Я ведь живая, — печально ответила она, хорошо ощущая его душу. — Живая, вот погляди.

— И ты не могла хотя б испить воды, чтоб не кормить меня такой дрянью?

— Ты сам видел, что целуешь шамани.

В итоге лев ушел, даже не попрощавшись.

Эта история всегда казалась для Сэнзалли интересной и в чем-то очень правдивой для всех шамани. «Все мы носим в себе марзару для всякого льва. У всех нас горько-сладкий поцелуй... Лев... Лев. Лев», — так помыслила Сэнзалли, выжидающе глядя на Ушалу.

Они встретились точно так, как хорошие друзья, что не виделись много времени: чуть осторожно, аккуратно. Ушала оставила ношу.

— Как ты? — спросила она, не глядя на Сэнзалли, бесцельно поправляя лист хум на земле, будто от этого ему станет лучше покоиться.

Юная шамани поняла, что Ушала выжидает со взглядом, хранит его к нужному моменту. Значит, хочет рассмотреть, понять, уловить настрой и мысли.

— Хорошо, — сдержанно ответила Сэнзалли.

Приятно, что тобой интересуются. Но теперь внимание это раздражает, даже если это — внимание Ушалы.

— Но настрой у тебя тяжел, — Ушала еще не смотрит на нее, а будто что-то делает.

Сделав несколько шагов к склону, юная шамани села и посмотрела вдаль.

— С кем не бывает. Кроме того... Все эти события дают мне мало причины для веселья.

Молчание.

— Понимаю, Сэнзи. Иди ко мне...

Юная шамани обернулась, и они обнялись. Сэнзалли ощутила терпкий запах марзары, смешанный с родным запахом Ушалы.

— Расскажи, что там случилось. Что было, когда ты искала Аярра?

Сэнзалли никогда не любила притворной глупости, ни от себя, ни от других. Уловив, о чем речь, сразу ответила:

— Пусть львица не обидится. Но нет.

— Расскажи... — взглянула Ушала в глаза молодой шамани. — Ты ведь хочешь сказать.

Устоять оказалось на удивление несложно.

— Нет. Это мое.

Будто сразу ощутив тщетность всяких попыток, Ушала вмиг оставила ее взгляд.

— Хорошо. Но скажи мне, Сэнзи, по правде: на тебе больше вины, чем знают все? Чем знаю я?

— Нет. Я виновна, но виновна лишь в том, что упустила Аярра из виду. Но его гибель стала для меня источником нового знания.

— Вот как. Ты там видела его, мертвого? — старалась понять Ушала.

— Нет, — в который раз сказала это слово Сэнзалли. — Я возвращалась во прайд еще с надеждой на то, что он жив.

Ушала глядела на ученицу собственной ученицы. «Это блажь и выдумки молодости, помутнение рассудка от ощущения вины?.. Что могла ей дать смерть Аярра, какое такое знание?». Тем не менее, тем самым чувством, которым обладает всякая шамани, Ушала знала: львица, что находится перед нею, вступила в безжалостную битву и ведет себя в ней достойно.

У каждого — свое. Потому Ушала, чуть вздохнув, прикоснулась кончиком носа к ее щеке в знак любви.

— Приходи перед закатом, для нас найдется занятие, — буднично молвила она и взяла в зубы лист хум.

Так же обычно спросила Сэнзалли:

— Фриная будет?

Ушала утвердительно кивнула и ушла прочь, к прайду. Сэнзалли проводила ее взглядом, но лишь чуть. Она, уходя, не думала о состоявшемся разговоре, как обычно бывает. Она вдруг вспомнила нечто совершенно иное, более важное.

Ведь сегодня ночью был тот самый вязкий сон, тот самый, где она тонула в мутных водах, зная о своем странном родстве с Аярром; раньше для нее он кончался лихорадочным пробуждением со стучащим сердцем и пленил ночным страхом. Но теперь всё изменилось: она, мокрая и злая, невероятным образом выбралась из нее, ушла от дна, вцепившись когтями в камень. Небо было темным, окружающее — мрачным, но она выбралась на свое холодное место. Сэнзалли даже там, в сновидении, чувствовала, как струйки текут по шее и щекам.

— Львица я, львица... — отчетливо вспомнила собственные слова.

Ей в последнее время было робко даже вступать в воду из-за этих снов, но Сэнзалли показывала клыки своим страхам. Вот и сейчас она продолжает идти к озеру возле скал, тех самых, где она встретила Градиву. Там по одну сторону болото, по другую — озеро. Они никогда не пересыхают, ведь там подземные источники. Озеро совсем маленькое, почти с трех сторон окружено скалами.

Стоит поплавать, хоть Сэнзалли знает, что холодная вода не особо поможет от того, что она ощущает в эти странные дни. Вода вовсе не поможет от этих навязчивых, преследующих томности и желания.

Раньше она никогда этим особо не интересовалась, не думала, не маялась. Так, ну было любопытство, что сказать... Ей интереснее были отношения, дети, как и большинству молодых львиц. Намеки, интрига, нежность. Игра. А отдаться льву — ну это так, часть всего этого, неизбежная необходимость. Не больше, не меньше.

Вот так было раньше, но не теперь.

Сэнзалли прижала уши и окунулась. Она никогда не боялась плавать и полностью нырять, как некоторые. Ощутила неприятное мягкое дно, мутное и неизвестное, холод источников, что били из дна. Это так неприятно, когда наверху тепло, а в глубине, внутри — суть холод.

А потом вынырнула. И точно так же, как во сне:

— Я — шамани Сэнзалли, я — львица Сэнзалли... — вцепилась когтями в камень и легко вскарабкалась на него.

Слушая, как холодное стекает с нее, она чуяла в себе нехарактерную для своей природы злую решительность, странно смешанную с растекающимся томным позывом.

«Уже пора... Надо. Время пришло».

Сильно подстегивало к этому и то, что ей передала Градива.

Вскарабкавшись выше, на камень, поросший мелким мхом, Сэнзалли села. «Если уж мне удалось такое знание и такой ценой, то надо... стоит попробовать», — подумала она, отряхнувшись. — «Но как? Я ведь не знаю, как это... Я же никогда не сделаю первого шага, никогда. Это — удел льва».

Она подумала о том, кто ей симпатичен.

Подняв лапу, чтоб ее вылизать, Сэнзалли поглядела вдаль. Совпадение было слишком явным, даже навязчивым: там, по грудь в траве, шли двое львов. Одним из них был Аталл. Она сразу узнала его по окрасу гривы.

У нее появилось желание позвать его, но не понадобилось: он сам заметил ее и заторопился. Второй лев шел, как и прежде, в сторону прайда. Через миг Сэнзалли узнала и его: это был ярл Мазари.

«Надо же...», — подумала она.

Подбежал Аталл.

— Сэнзи, что ты здесь делаешь? — отстраненно сказал банальность, явно думая о другом.

Молодая шамани ощутила, что он чем-то сильно взволнован.

— Уходи отсюда, — тут же продолжил.

— Почему?

— Потом объясню, идем со мной.

А теперь Сэнзалли заметила четыре глубоких царапины на его задней лапе, явно от когтей льва. Пригляделась... Еще несколько!

— Что такое, Аталл? Я вижу, ты весь исцарапан. Дай, я тебе...

— Некогда, некогда. Давай, скорее, идем со мной во прайд.

— Так что стряслось?

— Слушай... — чуть погодя, сказал он. — Я льва убил. Только что.

Что ж, жизнь и смерть — они рядом. Сэнзалли не испугалась.

— Кого?

— Не знаю, — словно удивляясь самому себе, ответил Аталл.

— Чужака, что ли? Свободного?

— Да... то есть, нет. Не знаю я, кто это был.

Сэнзалли поняла, что Аталл слишком взволнован, чтобы внятно говорить. Она умно решила переждать, пока в нем всё утихнет; потом он всё четко расскажет сам. Так и случилось. Они прошли где-то сотню прыжков, как он заговорил:

— Мирра́й тяжело ранен... Так, слушай. Я и он были на обходе, с нами еще шел Мазари. Он в последнее время ругался, мол, плохо делаем обходы, шакалов не гоняем и всё такое. Мы шли возле кривого баобаба. Знаешь? А, откуда тебе знать, ты ж обходы не делаешь... Так вот, шли мы все трое, и тут Мазари — хороший у него глаз! — заметил что-то странное впереди нас. Это было далеко, высокая трава, и всё такое. Даже не знаю, как он увидел.

— Что там было? — не выдержала заминки Сэнзалли, нетерпеливо взмахнула хвостом.

Аталл продолжил, будто и не услышав:

— Он говорил, что они на какое-то время вышли из высокой травы. Короче говоря, там был лев и две львицы. Мы рыком вызвали их, начали неспешно бежать к ним. Они же давай убегать, но ведь знаешь, там есть провалы в земле...

— Да, знаю.

Сэнзалли знала, о чем говорит Аталл. Там земля крайне неровная, каменистая, там действительно много странных провалов, часто скрытых травой, в прыжок-два длиной, некоторые из них скрывают взрослого льва с головой.

— Так одна из них споткнулась со всего бегу, и очень сильно ударилась мордой о землю. Бежать дальше она не могла, а мы за это время, пока они возились... догнали их. Мы, вообще-то, не особо хотели драться, просто хотели выяснить, кто такие. Тем более, что они шли со стороны нашего прайда. Мы подбежали очень близко, лев рычал и орал на странном наречии, что к нам придет смерть. Я никогда не слышал, чтоб так говорили: вроде и все слова знакомые, только... какие-то другие. Морда одной из львиц была вся в крови, она уж споткнулась так споткнулась. А вторая была очень странной, я никогда такого не видел... — снова замолчал Аталл.

— А что с ней не так?

Лев промолчал немного. Он собирал по памяти тот необычный образ и вид.

— Она глядела на нас так, будто мы передушили ее львят. Жесткий, безумный взгляд. Ростом такая как ты, примерно. И стройная... как ты. Хотя нет, ты стройнее. И красивее.

— Брось, Аталли. Сейчас не время. Рассказывай дальше.

Но он почему-то не рассказывал.

— Ведь знаешь, что ты мне всегда нравилась, Сэнзи, — сказал он как обычно, словно шутя.

— Правда? — наострила она уши.

— Истина.

«Он уже не раз это говорил. Но никогда ничего не делал. Негодяй! Подлец! Да не бойся меня!».

А внешне лишь мурлыкнула и смущенно поглядела вниз.

— Так вот, насчет той львицы, — продолжил он. — У нее глаза были совершенно черные. Уши тоже. Постой, я объясню, попробую. У нее шли большие черные полосы вот здесь... — показал он лапой под правым и левым глазом. — И здесь... — провел короткую полоску центру лба к носу. Грива мешала, потому пришлось показывать несколько раз. — Это сейчас выглядит нелепо, но поверь, смотрелось необычно. Чем-то напоминало те самые полоски, которые я несколько раз видел на тебе. Такие же темные.

Древний знак шамани — три полоски на левой щеке — Ушала, Фриная, а вместе с ними и Сэнзалли, наносили очень редко. Точнее, Ушала — изредка, Фриная — почти вообще никогда, ибо ей было всё равно, ну а Сэнзалли не чувствовала за собой такого права: ведь стоит сперва быть, потом выделяться.

— Лев с ненавистью бросился на нас, мы не ожидали. Пока возились, то львицы успели убежать. Миррая он успел ранить. Но Мазари прижал его к земле, а я убил.

Аталл умолк. Потом добавил:

— Дрался он хорошо. Простые бродяги так не дерутся. Львиц мы не стали догонять, хотя по запаху и следу догнали бы. Уверен, та... с разбитой мордой... далеко бы не ушла точно.

— А что с Мирраем?

— Ему сильно поцарапали шею и прокусили заднюю лапу. Мы его в прайд сначала вели, потом несли. С него крови утекло много. Но жить будет.

— Фриная или Ушала им занялись? — тут же спросила Сэнзалли. Она должна знать, нужна ли ее помощь.

— Да.

— Тогда и я пойду. И...

Сэнзалли хотела сначала сказать «И ты иди за мною». Ведь, конечно же, если всё делать правильно, то нужно придти к Дальнему холму, где всё есть, и хорошо обработать его глубокие царапины корнем альхамбры, дать немного ибogi для сна и снятия боли. Потом показать Аталла Ушале и Фринае, посоветоваться с ними. Они ему тоже что-то там сделают. И всё будет хорошо, все довольны.

Но дерзко хочется сделать неправильно, совсем неправильно.

— Но сперва я тобой займусь...

— Пустяки, не стоит, — вяло отмахнулся Аталл.

— Иди сюда, не спорь, это нельзя так оставлять. Хочешь огонь в крови?

— Не хочу.

— Не хочешь? — еще раз спросила Сэнзалли, поглядев ему в глаза.

— Огонь в крови?

— Да.

Аталл не ответил; его сильно поразила странная двужначность ее последних слов, озадачила и в то же время еще больше взволновала. Он уже забыл о своем приключении и понял, что нужно уделить внимание кое-чему иному. В это же время Сэнзалли приняласьлизывать раны на его задней лапе; он себя чувствовал чуть неловко, но подумал: «Это дело шамани — лечить, вот она и делает, что надо. Так что ничего такого себе не придумывай...».

Заминку стоило занять разговором:

— Меня поразило, как ты повела себя в ответ на мои слова: «Я убил льва».

— Как? — внимательно посмотрела Сэнзалли, оставив лапу в покое.

— Ты не начала стонать, охать и ахать, глупо рычать от испуга и задавать глупые вопросы.

— Это плохо или хорошо?

— Это мне очень понравилось. Так и должна себя вести львица. Мне кажется, таких все меньше и меньше.

— Лъстец! — вздохнув, она отвернулась.

— Нет. Это правда.

Хитренько посмотрела на него:

— Лъстец-лъстец.

Сэнзалли прилегла и, положив мордочку на лапы, снизу вверх, с маленькой покорностью смотрела на него.

— Ты ведь прежде не убивал львов? — серьезно и грустно спросила она.

— Нет, — после легкой заминки ответил Аталл.

Она вздохнула.

— Кто это мог быть? Может, это — северняки? — спросила, почему-то вспомнив о том, что в ее крови есть и кровь северняков. Точно есть — есть же у нее светлый окрас и хвост длиннее обычного. Так и отец говорил.

Он задумался:

— Не знаю. Вряд ли, не похоже.

— Ты разве видел северняка хоть раз в жизни. Или севернячку?

— Нет, — равнодушно покачал лев головой.

— Так откуда уверенность?

— Ну, не поспоришь... Но что им здесь делать? Если они бегают где-то, так возле регноранцев. Илларийцев. Для чего им так далеко заходить? Зачем им мы? — Аталл ставил резонные вопросы. — И, самое главное: я никогда не слышал, чтобы львы-северняки вот так бегали со львицами возле чужих прайдов.

Он незаметно (по крайней мере, так думал) придвинулся к ней поближе.

— Это кто-то другой. И это не простые свободные. Я это сразу понял. Нужно будет поговорить с дренгиром, обстоятельно ему всё рассказать. Ему, наверное, Мазари уже всё рассказывает. Но я хочу поделиться и своими соображениями.

— погоди, вы ведь уже отнесли Миррая к Дальнему холму, во прайд?

— Ну да.

— Но вы же шли со стороны границы. Почему вас было двое? Вы что, еще раз бегали на то место?

— Да, Мазари так сказал. Нас было больше: он взял еще наших, чтоб они там остались. Мало ли, на всякий случай.

Сэнзалли снова вздохнула, поглядела вниз и вправо, чуть поигрывая хвостом.

— Сэнзи...

— Что? — с неожиданным даже для себя мурлыканьем спросила Сэнзалли. Ей стало стыдно: сейчас вовсе не время и не место для заигрываний и нежностей, но какая-то часть ее не желала слушать, но желала просто отдаться.

Наверное, Аталл хорошо уловил эти неожиданные мурлыканье, придыхание, томность. Это должно было окончательно убедить его в том, что Сэнзалли готова убежать от него.

Ведь если львица не хочет, то она стоит на месте и рычит.

— Так... Ничего.

— А, ну хорошо, — с мастерским равнодушием молвила молодая шамани и, вспомнив, начала спешно вылизывать ему особо большую царापину. Тот снова принял заботу, как должное.

— Я просто хотел спросить, да за все эти дни тебе было, наверное, некогда... И мне было неудобно. Так как насчет длинной охоты?

Сэнзалли просто телом ощутила его скрытое желание, и оно теплотой растеклось по телу. Он сейчас пребывал в той самой эйфории, которая бывает после всякого успешно прожитого опасного момента, что сжигало его еще сильнее.

Оставив царпины, она посмотрела на него, стараясь вложить во взгляд всё то, что не могла сказать. Аталл застыл: пленял этот взгляд и то, что витало в воздухе. Прошел момент. Второй... Третий. Аталл всё так же покоился, потом нервно вдохнул и поглядел в сторону.

«Он не решается... Нет. Не уверен в моем огромном «Да!». Ах, до чего же мерзко иногда быть *иной*! Отвратительно. Хочется побыть просто львицей... Ладно, хорошо. Я дам ему еще шанс поймать меня. Не поймет его только последний дурак».

— Нет.

Аталл удивленно, быстро повернул голову, весь в недоумении. Это как «нет»?! Она заметила, как его челюсть чуть отвисла. Даже жалко стало.

— Не сейчас. С такими ранами куда ты пойдешь? Нам сейчас нужно кое-что другое...

Тон этих «нам» и «нужно» был таким, что Аталл сразу воспрял и наострил уши.

— Мы должны закончить это, — сказала молодая шамани, явно намекая на его царапины, указывая на них лапой, а скрытно — на совсем иное.

Сэнзалли втайне ожидала глупого «Закончить что?», но такого, к ее удовольствию, не случилось:

— Я тоже так думаю.

Аталл думал, что просто получит согласие на длинную охоту. А получил много больше.

Сэнзалли встала, повернулась к нему боком, а кисточка ее хвоста очутилась у его лап.

— Если ты не захочешь — то не приходи. Но если... наоборот, то жди меня возле озера на закате, — буднично сказала молодая шамани не глядя на него, стараясь звучать как можно более ненавязчиво. Да, это он должен ее пригласить, это должны быть его слова, но... кое-что в ней было слишком сильным.

— Возле того, что мы встретились? — уточнил Аталл, чтоб не ошибиться.

— Да-да-да, — нараспев молвила Сэнзалли.

Аталл лежит и молчит, не зная, что сказать. Хорошо львицам — им, если не находишь слов, можно болтать всякую чушь или засмеяться, а льву так нельзя — у него всё солидно должно быть.

— Это ведь нужно вылечить, — совершенно серьезно говорит она, да так, что Аталла снова начинают грызть сомнения: правильно ли всё понял? — А на Дальнем сегодня будет Миррай с наставницей. Или Ушалой... Там мы будем им мешать. А до заката у меня дела. И возле озера есть корни поблизости, и всё, что нужно.

— Ага, ага, понимаю, — так же серьезно ответил Аталл, поняв и приняв игру. По телу прошла мелкая дрожь.

Она повернулась к нему и села. Ее облик, который мгновения назад обещал так много, сейчас снова обычен, чуть недоступен и непорочен. «Мучит, издевается! Точно! Ах, шакаля дочь, а может еще и не придти!».

Так они немного посидели, молча. Между ними еще нет полной связи, прекрасного, естественного понимания; они еще не знают, чего ждать друг от друга, чем дышит каждый из них, потому их молчание без расслабления, но с легким напряжением. Потом Сэнзалли легко встала, чуть потянулась.

— Хорошо, Аталли. Иди во прайд, отдыхай.

— А ты куда? Разве не пойдешь со мной?

— Говорила же: меня еще ждут дела. Много-много дел.

— Хорошо. Только... сильно не опаздывай, — сказал он, и тут же пожалел. Глупость ведь сказал.

— Вот уж не обещаю. Мне ведь нужно подготовиться, — многозначительно умолкла Сэнзалли. — Панцирь взять, хум взять. Ибогу еще, наверное.

— Аааа...

— Пока, Аталл, — равнодушненько молвила молодая шамани.

— До вечера, Сэнзи.

Она повернулась и ушла назад, в направлении озера, чуть поигрывая кончиком хвоста.

Он долго глядел ей вослед, а потом побрел во прайд.

У Аталла были львицы. Точнее, одна. Но это было крайне обычно, наполовину нелепо, и наполовину смешно; а в итоге, не очень интересно.

Тут же он чуял какую-то тихую, хорошо скрытую дикость. В тихой норе, как известно, спит барсук, да и не только он. Аталл чуял нюхом самца, что с шамани будет нечто очень интересное и совершенно-совершенно неправильное. А ведь Сэнзалли всегда ему нравилась, она день ото дня становилась всё красивее и обаятельнее. И теперь сказала «да». «Да»? Точно? Скорее всего... А почему бы и нет? У нее с ним ведь самые близкие отношения во прайде, это ему хорошо известно.

«Наверное, пришло ее время. И здесь у нее есть лишь кто? Правильно, я», — в чем-то вполне верно рассуждал Аталл. — «Я, лев».

Правда, тут есть мелочь одна, такая... Интересно, знает ли Сэнзи, что у него начался флирт с ее сестрой? Не знает, наверное. Или знает, и таким образом старается его переманить? Ух ты, может, сестры уже из-за него дерутся. А что, это уже более, чем интересно; да и приятно так.

Мааши неизменно предлагает ему свою компанию; но ее намерения просты и понятны, ясны как день. Она сперва хочет привязанности, слов и обещаний; она уже не маленькая, всё знает, а тем более то, чего хочет. Сначала хочет получить, потом — дать. В принципе, Мааши тоже ничего, хоть и не такая, как Сэнзалли... Вредноватая, но деятельная, живая. Удивительно, как по-разному могут выглядеть и вести себя родные сестры.

Он знает, что у Сэнзалли никого никогда не было. Откуда? Как ни странно, от Мааши. Та ему рассказывала о сестре до неприличия всё, в особенности об их путешествии по Союзу.

— Ни с кем не гуляла! Почти. Лишь о чем-то своем постоянно думает. Ой, не знаю, что с ней будет... — как будто сокрушалась Мааши. — Львами вообще не интересуется, понимаешь? На нее обращали внимание, но куда там — ей совсем другое в голове.

Аталл неглуп, и тогда хорошо понял то, что желала сказать Мааши: «Ты не гляди на мою сестру, она неправильная. Лучше на меня — я правильнее. Такая, как нужно». Что ж, обычные штучки львиц, это обычно, на такое все смотрят сквозь когти.

Подумал, посмотрел по сторонам.

«Мааши ей совершенно проигрывает. Совершенно, абсолютно. Они вообще разные. Сэнзалли, на самом деле, вообще невероятна. Она даже пахнет совсем по-иному, чем обычная львица».

«Странно... Я ей нужен весь, с обещаниями, клятвами, условностями? А это скучно. Или просто как лев, безо всяких условностей, что, гиенья мать, просто невероятно хорошо?»

«Или я слишком много себе подумал? Может, она просто робкая девчонка, которой просто нужно побродить по ночи, повздыхать и послушать всякие влюбленные глупости?». Он знал спокойный и кроткий нрав Сэнзалли, и такого можно ожидать. Но нечто подсказывало ему: отнюдь нет. Он видел этот взгляд.

Да или нет? Нет или да? Может, она сама не знает, чего хочет, желая лишь, чтобы лев решил за нее? Возможно.

«Шакал с ним. Я пойду на нее, и пусть поступает, как хочет. Оно того стоит. В конце концов, лев я или кто?».

Сэнзалли шла, чувствуя, как нечто сжимает грудь и горло. Да, она сделает это. Страшно? Страшно вдвойне... Но она приняла игру еще раньше, и отступить поздно.

Да, Аталл ей нравится. Он хороший, приятный. Но он лишь нравится, она лишь *не против*. Она не хочет его всей душой; в то же время он ей нужен, это нужно. Сэнзалли знает это.

«В жизни нету ничего идеального. Пусть будет так».

Она пришла назад, к воде озера. Ей сейчас нужна вода.

«Может, потому мне постоянно снились мутные воды?».

Наставница не передала много силы и знания для Сэнзалли. С этим ничего не поделаешь, и так думала Сэнзалли до того, как встретила Градиву, считая, что широкий путь для нее прикрыт навсегда. Но Градива передала ей знание, как она говорила, очень древнее, передала нихмэну, то есть образец, путь действия. «То, что нужно делать ради силы». И, как ни странно, Сэнзалли сразу ощутила правдивость этого знания, еще тогда, под знойным солнцем саванны, слушая рассказ малознакомой львицы. Перед нею словно предстали шамани древности во всей своей жестокости и красоте. Она действительно поверила, что они делали такое.

Силу шамани обретают в сновидении и наяву, тренируя внимание, осознание и следуя дисциплине духа, отбрасывая всё ненужное. Но силу можно взять, и взять ее можно только у живого существа.

И шамани, настоящая шамани, которая вступила на путь по хламаю и полоски на щеке не видно, но они есть — только такая может взять силу живого существа. Способов забрать силу есть несколько, но лишь один из них напрямую не связан с убийством и смертью.

Градива говорила, что шамани может взять силу льва, отдавшись ему. Она поведала, что такой путь для Сэнзалли — суть единственный, если она желает обрести хоть какую-то силу и с достоинством служить прайду. Сэнзалли, возможно бы, никогда и не приняла такого. Но все те знаки, что привели ее к Градиве, смерть Аярра, панцирь и огонь молнии... Молодая шамани знала, что всё это — вовсе не прихоть случайности. Значит, так и должно быть?

Подробности просты и сложны одновременно. Всё равно, что это за лев и как он к тебе относится; лучше всего, конечно, если это молодой и здоровый самец. Его можно любить или ненавидеть — это почти неважно. Можно даже спросить разрешения забрать его силу, а можно ничего не спрашивать. Теплое чувство, любовь скорее мешают, ведь сложно забирать силу у любимого существа. Но Градива уверяла, что можно и так — вреда это особо не принесет, ни ему, ни шамани. Так, легкое недомогание, голова поболит, и всё. Время суток, в принципе, не главное, но лучше всего на закате. Перед этим обязательно следует войти в воду, глубокую или мелкую — не суть важно, и сказать такое, глядя на саму себя: «Суть твоя — отдавать свое, моя — принимать твое. Возьми, сильный, меня — слабую, желай, сильный, меня — слабую, отдай, сильный, мне — слабой».

Градива говорила, что лучше говорить на древнем языке, если знаешь. Но Сэнзалли с него знает лишь несколько слов, потому — увы. На древнем не получится.

— Когда он тебя возьмет, то намеревайся. Ты должна намереваться вобрать его силы. Ты не должна думать об удовольствии, которого и так не получишь. Тебе начнет казаться, что вылетаешь в сновидение. Это хорошо, так должно и быть. Ему же всё очень понравится, так что он не будет обращать внимания, как ты спокойно и тихо поводишься: когда уходит сила, то это невероятно приятные ощущения. Когда всё закончится, то не прогоняй его и не рычи на него, хотя очень захочется прогнать. Пусть будет на тебе — чем дольше, тем лучше.

А в итоге, говорила Градива, сразу почувствуешь результат:

— Тебе сразу будет хорошо, а ему не будет большого вреда. Чуть души будешь лучше, сновидеть — лучше, чувствовать себя — лучше. Всё — лучше. Сила притягивает силу, а там уже посмотришь. Будь настоящей, не бойся ничего! — говорила она. — Ах да, и забеременеть так нельзя.

Молодая шамани взошла на тот самый камень, на который немногим раньше вскарабкалась с воды. Поглядела на собственное отражение. Отблескивало солнце, играя с водой.

Градива не уточнила, когда именно стоит говорить на воду. «Какая разница...», — подумала Сэнзалли. — «Сейчас скажу. Главное — намерение».

Что ж, можно приступить.

— Но постой. Погоди, — прошептала Сэнзалли. Она застыла, уже войдя передними лапами в воду.

«Так быть не может...».

Не всё так просто.

Разве Сэнзалли глупа? Разве она не шамани, и не понимает, что если откуда-то силу взять, то там ее убудет? Понимает, конечно. Градива говорила, что в ней немного силы, а потому она немного сможет и принять. Потому вреда почти никакого не будет.

Но Сэнзалли знает, что так быть не может.

«Это сильный и тяжелый ритуал», — знала безмолвным знанием, и чувствовала сквозь свои стремительные сны в эти дни; знала, что это — дерзко, жестоко и очень трудно. А вовсе не весело и приятно, как можно было бы понять со слов Градивы. А иначе бы всякая шамани не утруждала себя дисциплиной многие годы, принимая бесчисленные вызовы судьбы, а лишь отдавалась львам, легко и просто получая, что нужно. Просто и приятно, никаких забот!

Ясно, в жизни так не бывает. Ничего в ней не дается даром.

«Знаки ясно дают мне знать, что так и нужно делать», — трогала она подушечками лап тихую воду, слушая шелест листвы. — «Но я боюсь. Ладно, шакал со мною, я сама на это пошла, но что будет Аталлу? Градива сказала, что ничего особенного. Но я не уверена. Не может быть так, не может...».

А как же быть тогда сегодняшнему вечеру?

«Может, спросить у него разрешения? Это будет очень-очень странно, конечно же... Но всё равно, это ничего не меняет. Совершенно ничего. Не могу я брать силу, навредив ему. Вредить кому-то, чтобы кому-то потом помочь? Глупо и смешно, смешно и глупо... Сэнзалли, что ты себе возомнила? Нет, так я не могу. Конечно же, не могу».

И Сэнзалли с трудом и жалостью вышла из воды.

— Что ж... Всё зря?

Получалось, что так. Знаки вели ее, но впустую — шамани сдалась в последний момент. Казалось бы, нужно проявить характер, безжалостность и решительность. Но Сэнзалли не может и не сможет; ее съест жалость и совесть, если Аталлу от такого станет плохо или что-то еще хуже...

Сэнзалли ведь знает, что так может случиться. Она ведь чует всю серьезность такого ритуала. Градива или сама не понимала, что это может быть опасно; либо намеренно это утаила, чтоб приободрить; либо для нее это вообще не вопрос. Она ведь свободная шамани, вольна делать что угодно, что ей до судеб каких-то львов...

«Извини, судьба. Оставь это другим. Я — шамани для прайда. Моя безупречность — помогать другим. Вредить я не могу. Но я всё равно буду здесь вечером. Я хочу этого, так или иначе я желаю льва, и мне пора стать львицей».

**

Он, конечно, уже с нетерпением ожидал ее.

— Привет, Сэнзи, — голос Аталла неожиданно дрогнул.

Она поставила панцирь на землю, который прихватила для видимости и приличия. В принципе, можно было и не брать — зачем? Но Сэнзалли решила, что играть нужно до конца. Это хорошее правило в жизни — играть до конца.

— Привет. Так, я вот тут кое-что принесла... — и снова взяла панцирь в зубы.

— Да полно тебе, Сэнзи. Поставь.

Поставила.

— Сэнзи. Подойди ко мне.

— А почему? — сделала она два шажка назад, столько же он — вперед.

— Хочу ощутить твой запах, Сэнзи.

— Мой запах? — чуть капризно молвила она, но неосознанно чуть подняла голову для объятий.

Аталл вдохнул запах ее шерсти, потом поцеловал, обняв лапой. Она не противилась и не мешала.

— Я хочу тебя, Сэнзи, — сказал он всё и сразу. — Я всегда тебя хотел, всё это время, всю эту жизнь.

Она, закрыв глаза, прислушалась к словам желания, а потом игриво отстранилась.

«Нельзя оставаться в долгу нежности», — подумала она и поцеловала его в ответ. Легонько, в щеку. И тут за мгновение она отскочила и начала убегать, взмахивая хвостом из стороны в сторону.

— Я поймаю тебя!

— Так сделай это.

Она убегала от него недолго: Аталл, разъяренный желанием, уже не имел терпения на игры, и чуть грубо поймал ее, повалив на спину. При этом Сэнзалли больно ударилась о что-то, но не подала виду.

— Будь осторожен. Я еще боюсь, — тихо молвила она.

— Не надо, Сэнзалли, я люблю тебя.

— Любишь?

По телу прошла теплая волна.

— Больше жизни... Расслабься, Сэнзи. Ложись... Ложись для меня.

— Мне страшно, Аталли.

— Не бойся, хорошая моя. Не бойся, охотница моя. Это лишь игра. Видишь — мы играем.

— Ну раз так... Любовь — всего лишь игра?

— Да-да, — Аталлу меньше всего хотелось сейчас говорить.

Тогда Сэнзалли-шамани вконец сдалась.

— Тогда поиграй со мною.

**

Они не были вместе целую ночь. Аталл взял от нее всё, что хотел, а потом его начало неудержимо клонить в сон, хоть он честно пытался изобразить бодрость, и в итоге Сэнзалли, желающая разговора и нежности, осталась ни с чем; вместе решив, что лучше не спать возле озера, а во прайде, они вернулись домой.

Молодая шамани пошла отдыхать на Дальний холм. Она сейчас не хотела разбудить Мааши или маму.

«Нельзя сказать, что было сплошное удовольствие. Но, в целом — ничего так, приятно», — подумала Сэнзалли, свернувшись и подложив под мордочку лапы для сна. Но всё же она явно чувствовала в себе небольшое разочарование. Она думала, что это будет... чуть по-другому. Ну, ладно. Было хорошо. А уж ему — тем более, Сэнзалли это видела и ощутила.

— И ладно, — чуть слышно, только для себя, сказала она.

«Не сделала я того, что должна. И ничего. Не могла я так. Не могла я ему причинить вреда... И не смогу никому, кого люблю или кто мне нравится».

С этими мыслями она спокойно уснула, считая, что со знаками и странностями всё кончено. Они ведь не донимают тех, кто решил им не следовать или тех, кто сдался.

Но в эту ночь ее ожидал сущий кошмар. Сновидения, из которых нельзя выйти, наполнились, ко всему, навязчивым, тяжелым ночным страхом, которого не было прежде. Какие-то львицы с жутко горящими глазами, строгими ликами и большими полосами на левой щеке (а иногда и по всей мордочке и груди) что-то показывали и рассказывали ей, и рядом с ними чувствовала себя Сэнзалли маленькой и нищей духом. Каждая из них словно рассказала ей о собственной жизни, и Сэнзалли неизменно плакала и боялась, слушая их. Но Сэнзалли ничего не запомнила, кроме чувств, что испытывала.

Повсюду был зов, как и раньше. Он иногда приходил в виде образа, иногда — звука (это похоже на то, как одновременно завоют десять десятков гиен, только не обычных, а огромных, с гору высотой — Сэнзалли не смогла бы рассказать об этом иначе), иногда — мысли. И этот зов стал настолько сильным, а видения настолько живее реальности, что молодой шамани показалось, когда она проснулась, что окружающее — просто еще одно снопоподобное видение.

Когда Сэнзалли пила утром воду и отстраннено желала всем доброго утра, то окончательно поняла: всё уже никогда не будет так, как раньше. Раньше она жила день за днем, не зная цели и смысла; теперь же он, непонятный и странный, довлел каждым ее вздохом и шагом.

Аталл, увидев ее возле водопоя, подошел и всячески уделял внимание (это не ускользнуло от глаза львиц), но она рассеяно принимала его: собственные странные мысли и чувства донимали.

— Сэнзи, пойдем! — улыбался он для нее.

Молодая шамани отрицательно качала головой, серьезно говоря:

— Не могу, Аталли. Должна помочь Ушале. Прости.

— Всё хорошо? — искал он ее взгляда.

— Да. Все хорошо. И было хорошо тоже, — легко лизнула она его в щеку.

— Я рад...

В первый день, стараясь пребыть в одиночестве, она всё время находилась на Дальнем холме. Чтобы никто не донимал, вечером решила пойти с Фринаей на два дня искать большую редкость — смолу дерева ига. Она знала свою наставницу: та может молчать хоть целый день, а это даст ей покой и время на раздумья.

Ей чего-то хотелось. Каждый миг этих дней, ей хотелось что-то сделать, куда-то пойти.

Да нет, не «куда-то».

Отца она по несколько раз на день просила припомнить подробности той самой истории, и Аринай удивленно смотрел на нее; она старалась вспомнить, что ей говорила шамани Иллари Саймина о львице Союза и чернолунцах.

Она решила, что туда стоит пойти. Туда, к чернолунцам. Бездна видений в ее снах словно тихо, но настойчиво говорила об этом. Надо — и всё.

Сначала затея показалась ей глупой. Но к вечеру третьего дня, когда они с Фринаей вернулись с небольшим пластом смолы ига, Сэнзалли решила и пошла сразу к дренгире. Отца, сестру и мать решила просто поставить перед решением: утром она отправляется в Иллари. Да, а еще нужно попросить сестру передать Аталлу, что ее не будет несколько дней. «Если сказать ему лично, то, чего доброго, он тоже возжелает пойти, а здесь это будет очень неуместно», — думала Сэнзалли. Аталл точно будет настаивать на совместном походе, и может обидеться, если ему настойчиво отказать. Сэнзалли знала, тут совершенно ясно, — нужно идти одной.

Она подошла к пещере дренгира, и Аргир оказался на месте.

— Доброго вечера, мой дренгир! Можно по личному делу?

«Счастье, что застала его в пещере...».

— А, это ты, Сэнзалли. Можно, можно. Не стой, садись.

— Спасибо, мой дренгир, я так, постою...

— Да не стесняйся, не стесняйся уже, — как обычно, раздражился по пустяку Аргир. Он всегда так, если что-то выходит вопреки его словам. — Ты уже взрослая — можешь и не стесняться!

«Так, не поняла. Во прайде знают, что ли?.. Аталл что, кому-то разболтал?!», — изумленно подумала Сэнзалли, но виду не подала; она прекрасно уловила тон и задорное чувство, с которым были сказаны слова. Львы вообще плохо скрывают мысли — они просты и прямы.

Молодая шамани смущенно ответила:

— Здесь просто камень холодный, мой дренгир. Пусть дренгир меня простит, но молодым львицам нельзя садиться на холодное.

— А... Ну тогда пойдем, пройдемся, молодая львица.

Как и полагается, Сэнзалли пошла за дренгиром чуть сзади и слева.

— Слушаю, — требовательно молвил он, по старой привычке непрерывно глядя по сторонам. Во прайде должен быть порядок.

— Мой дренгир, я прошу отпустить меня в Иллари. Я хочу их посетить.

— Ты что, хочешь уйти в Иллари? — сразу спросил дренгир, всё еще не глядя на нее.

Он сразу подумал об этом. Ведь после смерти Аяра львицы во прайде стали воспринимать Сэнзалли не так хорошо, как раньше. Он знал, что львицы не берут ее на охоту. Он знал, что о ней говорят глупые и несправедливые вещи. И также он знал, что всё-таки это был ее проступок.

— Нет. Я лишь на несколько дней.

— Несколько дней длиною в жизнь? Учти, Сэнзи, дренгир Иллари не сможет тебя принять, если я не дам тебе разрешения перейти в Иллари. И ты это знаешь. А я тебе его не дам, если не скажешь всё прямо и открыто. Примерно так: «Хочу перейти в Иллари».

Сэнзалли терпеливо и спокойно ответила:

— Нет, мой дренгир. Я не хочу уходить из нашего прайда, ведь поклялась ему служить. Я хочу лишь посетить илларийцев. Это мое слово.

— Слово? — криво улыбнулся Аргир.

Она выдержала значительную паузу.

— Слово шамани.

— Да какое может быть слово у львицы? — расслабленно засмеялся он. — Ой, ну Сэнзи. Львица, а особенно молодая, сегодня думает одно, а завтра забыла, что думала вчера.

— Я не давала слова львицы. Я дала слово шамани.

— Ну какая ж ты шамани?

Повисла напряженная тишина, в которой каждый думал о своем. Аргир понял, что чуть ступил за черту. Вздыхнув, он остановился и начал глядеть на нее с теми простотой и толикой нахальности, с которыми смотрят на своих подчиненных всякие львы, держащие в лапах власть.

— Давай поговорим честно, без поджатых ушей, как говорится. Я помню, что ты говорила на собрании. Это был хороший выход из положения. Но всё это лишь легкая болтовня молодой львицы, которое ни к чему не обязывает. Ты молода, симпатична, и у тебя лишь одно на уме. Не надо прикрываться тем, что ты шамани: такая молодая, как ты, может лишь учиться. Знаешь, как тебе скажу, буду прям: хорошая ученица хороших шамани никогда бы не упустила львенка. А если бы упустила, то сразу нашла.

Он перевел дух и продолжил идти:

— Но такие где угодно, но не у меня. Думаешь, я этого не знаю? Думаешь, я хороших шамани не видел? Или о них не слышал? Вы у меня так... чтоб были. Ну так будьте, только не надо тут раскидываться пустыми словами.

«Ах, плохая у тебя память, Аргир», — беззлобно заметила Сэнзалли в уме. Ведь именно они с Ушалой (Фриная тогда ушла в Хартланд) вытянули его дочь из смерти и тяжелой лихорадки, и неизвестно, кто сделал больше: Ушала, что постоянно делала рамзану или Сэнзалли, что постоянно была возле нее и давала эту самую рамзану.

— Мой дренгир, не отвергай меня из-за моей маленькой силы, — прижав уши, начала притворно маяться Сэнзалли. Как ни странно, но его слова почти не задели. От них Сэнзалли получила лишь легкий сплин.

— Уй-уй, не надо этих маленьких обид. Не надо, — заговорил он с нею, как с маленькой. — Не надо всей этой чепухи.

Они прошли место сбора и сели под баобабом.

— И чего это тебе так захотелось посетить Иллари? Надо сказать, родни у тебя там нет, никого нет. Знаешь, если ты приведешь льва, то все наши будут смеяться. Эй, не то что бы я против... Просто такое всегда выглядит смешно. Это я тебе говорю чуть жестоко, может, но правдиво. Чтоб ты не витала в облаках.

Сэнзалли думала, что начнет раздражаться и терять дух. Но вовсе нет — снова его слова не слишком задели. Она решила сказать с явной издевкой:

— Почему нет родни? Мать матери моего отца, по имени Саймири, — была из Иллари.

Аргир издевки не понял и молвил:

— Ну ладно. Что мы впустую болтаем. Иди, иди. Я разрешаю. Вернешься когда?

— Через... дней десять... думаю, — ответила Сэнзалли. На самом деле она не представляла, сколько это займет дней, потому сказала наугад.

Аргир нахмурился и помотал гривой:

— Десять дней? Почему так долго?

— Так мне нужно. Кроме того, для меня и так во прайде дел нет. Хозяйки охоты меня с собою не берут, детей мне никто не оставляет, Фринае и Ушале я уже помогла, что нужно.

— А ты, надо сказать, хотела, чтоб тебе детей так сразу оставляли? — ехидно заметил дренгир. — После всего этого? Нет уж, уволь. Мне во прайде главное — покой. Вот своих львят принеси в мир, выходи, а потом присматривай за ними, сколько хочешь. И теряй их тоже, сколько хочешь. А нам неожиданностей не надо.

Сэнзалли встала, что, вообще-то, когда дренгир сидит, весьма неприлично.

— Хорошо-хорошо, мой дренгир. Пусть лев при свободном времени соберет весь прайд и спросит у него: хотят ли делваннийцы, чтобы впредь им служила Сэнзалли-шамани? Сейчас есть Ушала и Фриная, но когда-то приду я. Захотят ли все, чтобы я и мои ученицы были здесь? Меня не будет достаточно времени, потому прайд всё сможет обсудить, как нужно. А я, когда приду, приму любой ответ.

Дренгир снова засмеялся над выходками самки, потом мгновенно умолк и грубо спросил:

— А что сделаешь, если прайд скажет: «Нет!»? Будешь реветь целыми днями?

Молодая шамани невозмутимо повела ушами:

— Уйду в Большой мир, наверное. Или отравлюсь строфантом. Поглядим.

Мгновения Аргир сидел спокойно, обдумывая: это шутка? издевка? всякие глупости? какая-то серьезная ерунда с претензией?

— Что за требования?! Что за тон?! — вспыхнул он.

— Это моя просьба, мой дренгир. Спасибо, что лев выслушал. Завтра утром я иду в путь, — молвила и начала уходить.

Аргир лежал на месте, потом вскочил, аж пыль земли поднялась от лап:

— А ну, стой! Стой сейчас же!

Сэнзалли остановилась.

— Что за неуважение! А ну, повернись!

Она сделала это. Ощувив знакомую власть над чужими поступками, дренгир сказал:

— Что ты себе возомнила?

— Пусть прайд решит. Пусть дренгир спросит у прайда. Пусть даже сам дренгир решит: нужна ли ему либо его последователю Сэнзалли-шамани.

У Аргира есть только две дочери, потому наследника нет. У него будет «последователь», то есть тот, кто будет избран прайдом, как следующий дренгир.

— Ты не перекаладывай с большой головы на здоровую. Не делай из себя жертву, когда сама суть виновна. Я знаю эти штучки самок, знаю, надо сказать! — говорил он, проходясь перед нею влево-вправо. — Ты же, вместо того, чтобы смиренно почувствовать вину и снова заработать доверие, занимаешься чепухой и стараешься нагнуть к себе внимание!

Он остановился. Сэнзалли заметила, как небольшая группка львиц, где была и ее мать, сидела неподалеку и, наострив уши, старалась не пропустить ни слова.

— Так, довольно, что я с тобой тут развел болтовню. Сиди во прайде.

— Пусть мой дренгир отпустит. Мне очень нужно.

— Не очень нужно, — небрежно махнул лапой Аргир. — Иди, охоться, проси разрешения снова приглядывать за львятами. Делай то, что подобает львице.

— Пусть дренгир сделает то, о чем я просила: соберет прайд и поставит ему вопрос.

— Я сам знаю, что мне делать! Заладила: спроси да спроси! Что тебе, плохо живется?

Молодая шамани не ответила. Она не чувствовала ни обиды, ни стеснения, ни большой злобы, ничего такого, хотя знала, что сейчас такое стоит ощущать; наверное, эти годы всё ж таки не пропали даром, и она уже могла хорошо держать свое сознание и эмоции, а может, это было что иное... Она ощущала, что вирд, что ее ведет, никакого внимания на всю эту мышиную возню не обратит. В ней была лишь злая целеустремленность. Она уж знала, что пойдет, несмотря на всякий запрет.

— Поняла? Понятно?

— Понятно, — кротко ответила Сэнзалли, совравши так, как только могут соврать шамани: просто, легко, более похоже на правду, чем сама правда. Протривиться и спорить с ним, конечно, бесполезно — не отпустит точно.

— Отлично. Теперь давай, иди.

— До свидания, мой дренгир.

— Давай.

**

Вечер и хорошая погода. Конунг Союза находился на скале, когда ему сообщили о некоем странном посетителе — судя по всему, этой был лев из Большого мира — что просил разрешения поговорить с ним.

Конунг Умтай долго глядел на него, ожидая слов. Это худой лев средних лет, с потрепанной черной гривой и усталыми карими глазами, которые глядят по сторонам чуть неуверенно; его лапы — в многочисленных шрамах; узкий нос, небольшой рот и здоровые зубы говорят о хорошем происхождении. Но он молчал — ждал, пока разрешат говорить.

Рядом с конунгом на всякий случай остались три молодых льва. Свою львицу конунг отправил посмотреть, что творится во прайде. Умтай — лежит, лев — стоит.

— Кто ты? — с вялым интересом спросил правитель Союза.

Тот выдержал многозначительную паузу, которая показалась Умтаю лишней.

— Меня зовут Хеналу. Меня несколько лет назад изгнали из Регноран.

— Вот как. И чего ты хочешь? — степенно молвил конунг, стараясь по возможности припомнить, что это было за дело.

Хеналу чуть улыбнулся:

— Хочу лишь предупредить конунга, и весь Союз заодно, о возможной опасности. Из памяти уважения к тому, где я родился.

— О чем речь? — очень спокойно спросил конунг.

— Пусть конунг позовет свою шамани, чтобы она видела правду в том, что я сейчас скажу.

Умтай повел ушами и махнул лапой.

— В Хартланде нету шамани. Последняя шамани здесь служила еще конунгу Аману много лет назад. С той поры в Хартланде никогда не было шамани. Разве не знаешь?

— Почему? — удивился тот, ответив вопросом на вопрос.

— Это важно для нашего разговора?

— Кое в чем — да.

Умтай улегся поудобнее, заложил лапу за лапу. Что ж, нужно хоть как-то скрасить вечер, хотя бы беседой с этим странненьким незнакомцем.

— Важность этого разговора буду решать я.

— Так почему в Хартланде нет шамани? — Хеналу оказался на редкость настойчивым в присутствии конунга.

«Какое глупое упорство. Я, наверное, трачу время на какую-то чушь...», — подумал конунг. Но вежливо ответил:

— Они скорее помеха, чем помощь. Кроме того, никому — ни мне, ни моему отцу — не удалось пригласить хотя бы одну из них. А приказывать шамани придти в мой прайд я не могу, если ты еще помнишь наши законы.

Хеналу нахмурился и как-то даже скривился:

— Это плохо. Такой закон давно пора поменять.

— Хватит! Говори по делу или уходи прочь! — прикрикнул конунг, но не сильно, чтоб не слишком напрячься.

И тот начал по делу:

— Скоро — не знаю когда, но скоро — через земли Союза будут проходить прайды Ваал-сунгов.

— Кто-кто будет проходить? — наклонил голову и наострил с усмешкой уши конунг.

Хеналу терпеливо повторил:

— Ваал-сунги.

— И что? Кто это?

— Это прайды, очень большое объединение прайдов. Они — с юго-востока. Оттуда, куда приходят все стада, что идут по землям Союза.

Конунг смерил его взглядом:

— Я никогда о них не слышал.

— Это неудивительно. Они жили далеко, очень далеко отсюда. Нужна луна или даже две, чтобы добраться туда, где Ваал-сунги жили прежде. Я точно не знаю. Но теперь они идут на северо-запад, к нашим... то есть, вашим землям.

— Будут проходить, говоришь... Что ты имеешь в виду? Что им надо?

— Они будут убивать всех, кто не будет им покоряться. И кто будет мешать охотиться на их землях. И кто не будет жить и верить так, как они. Они уничтожают всех, кого посчитают нужным.

Наверное, конунг бы в этот момент просто прогнал льва. Или даже приказал убить, чтобы не мешали всякие глупцы. Но кое-что вспомнил. О чем-то подобном мельком упоминал дренгир Велари в недавней личной беседе. Он говорил, что среди мелких южных прайдов, которые испокон времен находились под присмотром Велари, ширятся слухи о каком-то огромном походе некоего объединения прайдов. И что южные прайды очень боятся, как бы этот поход не случился сквозь их земли. Тогда они с дренгиром Велари просто посмеялись над суеверностью и глупостью мелких южных прайдов.

Теперь же приходят подобные сведения, как говорится, на совсем других лапах. К этому стоит прислушаться.

— И много их? — немного подумав, спросил конунг.

— Очень много. Это множество прайдов, объединенных одной верой. Я даже не знаю, сколько их. Где-то два десятка, не меньше.

«Два десятка... Он что, считать не умеет?», — удивленно подумал конунг. — «Как могут вместе объединиться два десятка прайдов?»

— Какой верой?

— Я не знаю точно. Мне лишь известно, что они верят Ваалу. Это нечто вроде духа льва или вроде того. Для них Ваал — самое главное в жизни.

Конунг задержал всё свое внимание на морде этого льва.

— Ваал — их правитель?

— Нет.

— Так ты говоришь — два десятка прайдов? Не меньше?

— Не меньше.

— Чушь, — очень уверенно сказал Умтай.

— Не чушь, м... конунг, — по старой привычке Хеналу хотел вымолвить «мой конунг». — Не чушь.

Умтай жестом показал, что молодые львы — его охрана — могут уходить. Что они, с недоверчивостью к незнакомцу, и сделали.

— Как, по-твоему, такое огромное количество голов может совершать поход? Поход одного прайда — это целое событие! Скажи мне.

Говоря медленно и делая паузы между предложениями, Хеналу рассказал конунгу, глядя ему в глаза:

— Они идут неспешно. Они могут месяцами и сезонами сидеть на одном месте, но неизменно медленно и верно идут вперед. Всякий прайд, что повстречается им на пути, они или заставляют полностью покориться, и он начинает охотиться для Ваал-сунгов, или изгоняют прочь. Или убивают весь прайд. Редко, но некоторых принимают к себе. Раньше, два или три года назад, они сидели на своих огромных землях и всё было хорошо. Всем было спокойно. Но у них что-то случилось... и они теперь идут на северо-запад. А все бегут оттуда, где появляются Ваал-сунги.

— Куда? Куда идут эти... вольсунги? — конунг нечаянно чуть исковеркал слово.

— Это знают лишь они. Но я боюсь, что они будут идти через земли Союза.

Умтай встал, прошелся с одной стороны скалы на другую, поглядев немного на свои владения.

— Как я могу знать, что ты не смеешься надо мной?

— Именно поэтому конунгу нужна шамани.

Конунг хмыкнул. Мать учила его не верить шамани. В то же время дренгиры Хлаалу и Юнити говорили, что никого полезнее шамани у них во прайде нету. «Правда всегда где-то посередине», — подумал он.

— До меня доходили слухи... Но я думал, что всё это чепуха и выдумка, — в задумчивости конунг дальше прохаживался вперед и назад. — Но что может объединять столько прайдов? Что может держать вместе столько голов? У меня семь прайдов и, кажется, каждый живет собственной жизнью...

Хеналу играл со своими когтями, втягивая и вытягивая их.

— Я не знаю. Наверное, эта вера. И еще у них есть какие-то львицы. Они зовут себя сестрами... Какими-то сестрами, не помню названия. Они и служат этому Ваалу; они как бы посредники между ним и Ваал-сунгами.

— Вот как. Хорошо, и через сколько они подойдут к границам Союза? Примерно? — конунг подошел к нему совсем близко.

— Не знаю. Может, через пять дней. Может, через сезон.

— Они сейчас далеко? — Умтай принял беспокойство в сердце.

— А... Не очень. Думаю, дней пять от Регноран.

— О, небо. Это ж весьма близко! Они идут на Регноран?

— Я не могу этого знать. Они могут идти ближе к горам, могут и дальше. Севернее. Южнее. Это им известно, не мне. Можно сказать одно — они недалеко от восточных границ.

Конунг наблюдал, как вечерний ветер гонит тучи по небу. Ему стало неуютно и жалостно. Хочешь спокойно пожить? Нет же, жизнь всегда подготовит кое-что беспокоящее.

— Откуда тебе всё это известно? — отстраненно спросил конунг, втайне надеясь, что эти сведения — обман и сплетни.

— Я теперь свободный лев. Уши и глаза всякого, кто бродит, как я — мои уши и глаза. Мы всегда рассказываем друг другу о новостях и опасностях.

— Хорошо. Что ты еще знаешь?

— Да особо ничего. Это всё, что я слышал.

— Ты видел вольсунгов?

— Нет.

— А знаешь тех, кто их видел?

— Да.

— Что они рассказывали?

Хеналу задумался.

— Их много... Они странные. Они дерзкие. Дружные. Великие. Их все боятся на грани почтения. О них ходит много слухов, некоторые даже чересчур невероятны.

— Ты можешь привести того, кто расскажет о них больше?

— Вряд ли. Мне найти таковых не так уж трудно, труднее убедить их пойти в Хартланд. Я и сам долго сомневался.

— Необязательно в Хартланд, — мягко заметил конунг, враз ощутив полезность этого льва. — С ними могут встретиться мои львы и львицы.

Хеналу скептически хмыкнул.

— В Большом мире все подозревают всех. Не думаю, что получится. Кроме того, меня сразу спросят о личной выгоде. А что я смогу им предложить? Могу попробовать, хотя вряд ли... Даже не знаю, как это сделать.

— А что они захотят?

— Да как кто, — ответил Хеналу, чувствуя свое превосходство в опыте жизни.

— Ну например?

— Львы, что молодой, что старый, известно чего захотят. Пищи и львицу, а лучше львиц, причем до такой степени, пока их тошнить не станет от первого и второго. Львицы — те осторожнее. Некоторые могут попросить просто пищи. Некоторые — права поохотиться на здешних охотных землях. Некоторые могут попроситься во прайд. Свободные львицы со львятами на какую-то встречу не пойдут никогда и ни за что.

— Даже если я им пообещаю, что они смогут войти в любой прайд Союза?

— Хм... даже так... это говорить надо. Мы делим еще не убитую добычу. Идеально вот как: конунг дает мне хороших молодых львиц, лучше — самых красивых, три-четыре головы. Можно еще нескольких львов, но это лишь для защиты, они никакой роли играть не будут. Я иду на восток, юго-восток и нахожу там того или тех, кто реально что-то знает о них. Они мне — всё, что знают, я им — львиц. От такого мало кто откажется, самки в Большом мире — это, шакал подери, действительно редкость. Попробуй какую излови.

— Львиц что, насовсем отдать нужно? — спросил конунг и ощутил острую наивность собственного вопроса.

— Неет, — заулыбался Хеналу. — На ночь. Или там на день. Пока сваливаться с лап не начнет, в общем. Пока ему не надоест. Когда достаточно, то к вам вернутся львицы с обширными сведениями, а я пойду своей дорогой. Это самый лучший способ. Конунг так может?

Идея, конечно, сумасшедшая. Умтай честно признался:

— Нет. Конечно, нет, и ты знаешь это. Я лучше пошлю разведчиц.

— А Ваал-сунги такое могут запросто. Я о таком слыхал. Они на всё идут. На всё. Там исполняется любое указание, — тут же заметил Хеналу, будто получая удовольствие от такого превосходства Ваал-сунгов над Союзом.

Наступила тишина.

— Да и не только Ваал-сунги, — неожиданно продолжил Хеналу. — На юге, например, почтенному гостю предлагают, кроме еды, еще и львицу, и такого не бывает, чтобы та ослушалась и не пошла к нему. Хорошо там быть почтенным гостем, правда? — расслабившись, позволил себе пошутить Хеналу и захохотал.

Конунг хотел было разозлиться, но подумал, что этот лев всё ж смельчак, а самое главное — помнит, откуда родом. Такое заслуживает уважения. Потому лишь слабо улыбнулся в ответ.

— Жаль, что в Союзе так нельзя, — досадно заключил Хеналу.

— Почему же. Я разрешу тебе остаться на ночь. Найди львицу, что согласится, вот и всё. Я закрою на это глаза.

— Нуу... — засмеялся лев. — Да кто согласится? Чужаку, который только пришел во прайд и остается на одну ночь? Когда на меня устремлены десятки глаз, и все всё будут знать на следующее утро? А в Союзе за связь с чужаком не жалуют. За такое во Велари, насколько помню, вообще изгоняют. Кому я нужен-то? — смеялся он.

Снова помолчали.

— Вот представь, что ты — на моем месте. Твои действия? — Умтай знал, что такое всегда полезно спросить.

— Если бы я желал погибнуть в жестокой и славной битве — лучше не придумаешь просто остаться на месте и собирать прайды для большой драки.

— А если не желал? Если бы желал всё сохранить?

— Нужно или всем куда-то уходить, или...

— Куда?

— В Морлай, например. Не на юг же. Или на запад. Куда-то с их пути.

— Это нереально, — возразил конунг.

— Тогда надо договариваться с ними.

— Они на переговоры идут? — тут же спросил Умтай.

— Не знаю. Думаю, если захотят, то кто-то от них придет.

Конунг вздохнул и посмотрел на землю.

— Ты рассказал всё?

Хеналу ощутил тяжесть его взгляда из-под гривы.

— Да всё! Свободные, если б узнали, так со смеху бы лопнули, что я такое проделал.

— Почему?

— Прodelать немаленький путь, опасаться обходов и не знать, как тебя примут в Хартланде и пустят ли тебя вообще к конунгу, чтобы сообщить ему же, что его прайдам угрожает опасность... Это или глупость или... зов крови, нрав предков. Не знаю, как правильно сказать.

— Ты хочешь вернуться в Союз?

— Нет, — твердо ответил изгнанник.

— Хорошо, Хеналу. Куда ты сейчас пойдешь?

— Не знаю. Я уже много лет иду, куда хочу.

— Тогда оставайся на ночь. Ты хорошо сослужил мне, я не могу такое оставить без благодарности. Мои львицы тебя накормят.

— За это спасибо, мой конунг, — у Хеналу снова по старой привычке вырвалось «мой», хотя ему, как чужаку, так говорить запрещено. — Оп, пусть лев простит...

— Да ничего, ничего, — благожелательно ответил Умтай. — Я тебе премного благодарен.

— Жаль, что львицы конунга могут лишь только накормить, — досадно сказал лев.

«Он может быть полезен мне в будущем», — подумал конунг. — «Он неглупый лев. Его нужно держать при лапе».

Конунг издал негромкий рык, который значил вызов порученца. На этот зов должны прибежать все молодые львы и львицы, что есть поблизости.

— Позови мне Манасси́, — конунг даже не посмотрел, кто прибежал.

Хеналу лежал молча, наслаждаясь покоем.

Явилась львица конунга.

— Отойди на миг. Я тебя позову, — не потребовал, но попросил конунг льва.

Он с готовностью сделал это. Сев у края скалы, он притворился, будто наблюдает закатный пейзаж Хартланда и начал украдкой глядеть, что делают конунг и его львица. Он ей что-то говорил, кивая на гостя, львица несколько раз недовольно хмурилась, потом что-то начала было протестовать, но конунг надавил. После разговора Манасси бросила раздраженный взгляд на Хеналу и ушла вниз.

Конунг подозвал его жестом.

— Итак, я уже рассказал льву всё, что знал. Хотел бы пойти поспать... и покушать, при возможности, — по-свойски заметил Хеналу.

— Можешь идти. Или подожди немного, если хочешь большего.

Заинтригованный, тот сел и начал нетерпеливо ждать.

Прошло чуть больше времени, чем «немного». Солнце почти село. Конунг не говорил ничего, ровно как и он. Наконец, послышались мягкие звуки шагов, и на скалу вышла Манасси с недовольным выражением мордочки и еще какая-то львица, с любопытно-ожидаящим. Она еще вполне молодая и складненькая, стройная, весьма симпатичная, но тут он заметил ее в поклоне для конунга — вместо правого глаза оказался лишь большой шрам.

Поговорив с этой львицей, которая сразу прижала уши, нахмурилась и отвернулась, конунг подошел к Хеналу.

— Вот. Это тебе за то, что ты сегодня сделал для меня и Союза. Бери эту львицу и делай с нею всё, на что будет согласна. Строптивиться она не будет. Только с двумя условиями. Первое. Не обижай. Обидишь — убью. Второе. Если ты еще что-то узнаешь о вольсунгах, то обязательно сообщи мне. Обязательно. Если не сможешь лично мне, то любому дренгиру.

— Не обижу, — уверенно ответил лев. — И сообщу. Если узнаю, конечно.

Конунг вздохнул и приблизился к нему, перейдя почти на шепот:

— Не смотри на ее маленький недостаток. Она этого не любит. А вообще, она неплохая львица.

— Я вижу, — честно сказал Хеналу.

— Иди наверх, вон по тем камням. Там выйдете на самый верх скалы. Вниз, во прайд, не идите — тебе и мне не нужны лишние уши и глаза. А наверху никого нет. И никто туда не придет.

— Всё понял. Можно идти?

— Можно.

Наблюдая, как Хеналу со своей неожиданной добычей ушли наверх, конунг прилег.

— Ты с ума сошел! — подскочила львица конунга, как только те исчезли. — Зачем ты его так обхаживаешь?! Еще бы лапы ему вылизал! Да туда, наверх, ходим только мы с тобой! Ты в своем уме?!

— Успокойся, — холодно и спокойно ответил Умтай. — Думаешь, ты умнее меня? Он мне нужен. Он действительно нужный лев. Его нужно пригреть.

Манасси лишь досадно фыркнула, остро глядя на своего льва. Совсем с ума сошел. Совершенно.

— Алені что-то имела против? — неуверенно спросил конунг.

Манасси повела ушами и ответила:

— Куда ей деваться.

— Так тем более. Тут никому плохо не будет. Напомнишь ей потом, чтоб молчала.

— Что этот лев говорил? — требовательно спросила Манасси. — С чем он приходил?

— Где сыновья? — вместо ответа спросил конунг. Умтай имеет троих молодых сыновей, совсем еще молодых: у них уже есть грива, но еще, как говорят, «не встретились», то есть не сомкнулась на груди.

— Откуда я знаю.

— Что «откуда я знаю»? Что это такое? Мать, и не знает, где дети!

— Чего ты кричишь?

— Найди их мне и скажи, чтоб пришли.

— Я пошлю Ни...

— Шли кого хочешь, только чтобы были.

Хеналу и Алени карабкались наверх.

— Это самое... Если они тебя угрозой заставили, то я не буду. Потом заснуть не смогу.

Львица промолчала. Он разглядывал ее.

— Что смотришь... Что смотришь на мой шрам?! И ты туда же!

— Оу, погоди. Я не хотел тебя обидеть. Мне это вообще всё равно. Это лишь значит, что ты яростная охотница. Вот и всё.

Она смотрела в нерешительности вниз, словно раздумывая: удрать или не удрать отсюда? Вся в сомнениях, подумала, что всюду скрылось зло: если согласится, то сделает по нужде и требованию; если сбежит, то наверняка ждут большие неприятности, и конунг, возможно, даже изгонит ее... Умтай может, легко. И тогда оставайся одна против всего мира.

— Умтай сказал, что ты не обидишь меня. Не знаю, кто ты и что тебе наобещал Умтай, и зачем он вообще это сделал... Один раз я стерплю. Так, давай побыстрому, и закончим поскорее, — неровно, сбивчиво молвила Алени, не глядя на него.

Хеналу сел, жестом приглашая это сделать и ей, но она продолжила напряженно стоять на лапах, свесив хвост.

— Кто тебе приказал? Львица конунга? Или он? — живо спросил он.

Она, немного подумав, вдруг рассыпалась словами, не удержав обиды внутри:

— Манасси сказала, что меня на скале кое-кто ждет, с которым я должна «хорошо сладить». Ха-ха. Мол, «так сказал конунг». Еще какой-то трухи наговорила, аж сама запуталась. Я только на скале поняла, что к чему, когда Умтай сказал: «Иди с ним и будь послушна. Тебе это нужно, и Союзу тоже. Он не станет тебя обижать, обещаю». Фу, как низко. Фу. Я знаю, что о мне говорят во прайде, знаю, — отвернулась она. — Ах, какая забота, Манасси! Очень мило! Ай, спасибо тебе, что позаботилась о мне! Если у меня нет льва, то это не значит, что я готова отдаться кому попало! Разорвала бы ее сейчас! Всех бы вас разорвала!

Хеналу искренне засмеялся. Алени зло посмотрела на него единственным глазом, не ведая: смеется ли над нею или над чем иным?

— Пффф. Я думал, что она тебе всё сказала, как есть. Мол, так и так, нужно кое с кем...

— Заткнись! — она отвесила ему оплеуху лапой охотницы.

Он потер лапой щеку.

— Ладно, извиняй, что так вышло. Просто я привык к другому.

— К чему? — перекривила она его тон.

Хеналу попытался легко притронуться к ее груди, но львица отстранилась.

— Видишь ли... Эм. В Большом мире львицы, которых так присылают, прекрасно знают, на что идут. Им не говорят идти с кем-то «ладить». А говорят прямо, что от них требуется. И они приходят с настроем, на всё готовые. Ладно, это такое. Неважно.

— Я пойду, — сказала Алени, и действительно начала уходить. — К хвосту всё.

— Стой. погоди... Если ты сейчас пойдешь, то конунг может быть потом недоволен. Он там, внизу, точно с кем-то разговаривает. Он тебя увидит.

— Плевать на него, — фыркнула она.

— Лучше не иди. Потом пойдешь. А я скажу, если он спросит, что всё было как полагается. Честно.

Она недоверчиво посмотрела на него, вздохнула. И села.

— Давай познакомимся. Тебя как зовут?

— Алени, — ответила она, чуть подумав.

— Меня — Хеналу. Я, кстати, когда-то был союзным. Я родился в Союзе.

— Вот как? Я думала, ты — чужой.

— Теперь да. Кстати, не называй меня так. Это обидно.

— Прости, — повела она ушами. — А ты не смотри на мой шрам. Смотри мне в левый глаз. А то иногда так плятятся, что так и хочется разорвать.

— Хорошо. Знаешь, я был регноранцем.

— Выходит, тебя изгнали, — сказала Алени так, будто ей всё стало понятно: кто этот лев, что и как у него за душой. Но любопытство самки вдруг взяло верх: — А за что?

— Идем, расскажу. Так вот...

Уже наступила ночь, когда к отцу пришли три сына.

— Так, мать, — сказал конунг своей львице, когда сыновья собрались возле отца полукругом. — Ты пока зайди в пещеру. У нас тут серьезный разговор.

— Я и так буду подслушивать, — прошипела та.

— Я знаю. Но всё равно иди.

Когда Манасси ушла, конунг отошел на край скалы, слушая ночных сверчков.

— послушайте меня. Наступают трудные времена.

Он хотел, чтобы получилось драматически и веско, а вышло устало и уныло.

— Мне стало известно из нескольких источников, что на Союз идет огромная группа прайдов. Насколько я знаю, они не идут с войной, им просто нужно пройти через наши земли. Если начать защищаться, то Союз славно, но быстро погибнет. Если попробовать договориться, то Союз также погибнет и никогда уже не будет прежним. Уйти мы никуда не можем.

Сыновья переглянулись.

— Мне не с кем идти сражаться. Мы и я прекрасно знаем, что такое Союз сейчас. В древние времена в нем не могли драться лишь очень старые либо очень маленькие. А мы и наши предки насквозь погрязли в трухе.

Конунг сел и приложил лапу к левому уху, ероша гриву.

— Если мы решим собраться для драки, то я смогу взять наших хартландцев. Хотя у наших больше дурной спеси и глупого ощущения особенности, чем реально-го боевого настроения. Это знаю и я, и вы знаете тоже. Еще регноранцев, хоть этому и очень обрадуются северняки. Веларийцев еще. Юнианцев, но им собираться и идти далеко. Вот и всё.

— Отец, но что случилось? Что может угрожать Союзу? Нас же целая куча и еще кучка! Что с тобой? — молвил старший сын.

— Сын мой, ты просто не знаешь, что такое «много». А про кучу и кучку — хорошо подмечено. Мы именно куча. Кучка. Только не спрашивайте меня «Почему?». Таким я принял Союз, и таким принял Союз мой отец.

— А сколько их там? Кто на нас идет? — осведомился самый младший.

— Это около двух десятков прайдов.

Повисла гнетущая тишина.

— Но дело даже не в количестве. Я преклонюсь перед тем, кто сможет провести куда-то три прайда хотя бы три дня. Но я даже побоюсь взглянуть в глаза тому, кто ведет два десятка прайдов целыми лунами. Я буду бояться одного прайда, который способен на такое. Это должен быть каменный прайд, соединенный чем-то большим, чем просто общностью. Но их два десятка, дети мои. Два десятка, идущих вместе. Это сущее безумие, дети мои, но так говорят мои источники, и выдумать такое невозможно. Потому очень похоже на правду.

Умтай начал беспомощно и устало маяться; в эти мгновения он вовсе не был похож на грозного правителя.

— Поймите, дети мои, что Союз уже никогда не будет таким, как раньше. Если мы все уйдем со своих извечных мест, то будем другими. Если останемся, то нас останется очень немного: лучшие из нас падут, и мы опять-таки будем другими. Если примем их со словом, и уступим что-то, то снова-таки... будем другими.

— Так что делать? — задал вечный вопрос старший сын. «Старшим» он был лишь потому, что первым появился на свет, а за ним и братья.

— А они точно идут на нас? — одновременно спросил младший.

Средний молчал. Он, как никто, понимал, как это плохо.

— Да, на нас. Мы ведь на западе от них, с севера зажаты Большими горами... а юг пустынен и малоохотен. Я теперь начинаю понимать... Да-да. Начинаю понимать! Они ведь идут по пути стад. А мы почему живем тут? Потому что сквозь Союз всегда шли стада! Да хоть бы эти вольсунги проходили через один прайд — это мало что меняет.

— Вольсунги?

— Да. Они себя так называют. Вольсунги. А теперь я постараюсь ответить на вопрос «Что делать?», хотя еще... толком не знаю сам.

— Что же?

— Нужно сперва разузнать, что к чему, по всей восточной границе. Где они, сколько их, насколько далеко... Сидеть и просто ждать мы не можем, это ясно. Я сейчас же pošлю посыльную в Регноран с подробным описанием того, что и как нужно сделать. Пусть сделают несколько групп из разведчиц. Насколько мне известно, вольсунги... ближе всего к регноранцам. Примерно так. Но, боюсь, регноранцам самим не справиться. У нас в Хартланде нормальных разведчиц нет, и никогда не было. Потому от нас пойдут львы, и ты, Ману́, будешь во главе одной из групп. Я дам тебе разведчиц Иллари и Велари, я сейчас же скажу посыльным отправиться в эти прайды. Но им нужен по меньшей мере день, чтобы придти сюда, так что пока готовься. Юнианцев и Хлаалу пока беспокоить не будем, они и так слишком далеко.

Ману, средний сын, слабо кивнул.

— А что с Делванни, пап? — суетился с вопросами младший.

— Вот это самая наша большая проблема. Это самое слабое место, и оно совсем некстати именно на юго-востоке. Как ты говорил, — конунг указал лапой на младшего сына, — нас куча и кучка. Так вот, Делванни — та самая кучка. Ману,

пойдешь туда, возьмешь лучших из лучших, что знают местность востока и юго-востока. Советов Аргири не вздумай слушать — он просто тупой, и как дренгир, и как лев. Реально бери тех, в ком видишь хоть чуть сообразительности. А потом пойдешь разведать местность. Не бойся, разведчицы Иллари и Велари подскажут, если ты не будешь чего знать. Я знаю реально хороших, старых разведчиц, они пойдут с тобой...

Конунг по делу всегда говорил только с Ману. Остальные два сына были совершенно негодны ко всякому самостоятельному поступку и принятию решений: старший — балагур, любитель самок, игр и развлечений, привольной жизни; младший — суетлив, наивен, нескладен да еще суть дурак дураком.

— Разведчиц разве нет в Делванни? — наконец, озвался Ману, сузив глаза.

— Как бы есть, но считай, что нет. Обязательно смотри лично, кого берешь. И опирайся на советы тех, кого я тебе дам.

Конунг от переживания говорил неровно, сбивчиво.

— Если первые вольсунги появятся на землях Регноран, то еще ничего... Но если на Делванни — то я боюсь, как бы делваннийцы чего не выкинули... Какой-то дурацкой глупости. Скажешь им, Ману, прямо, что на Союз надвигается большая группа прайдов, и что играть в маленький, но гордый прайд не имеет смысла. Пусть принимают посыльных, если таковые будут, и пусть уходят прочь вместе с детьми и старыми, если на них пойдут с боем. Делваннийцы даже небольшого боя не выдержат. Хотя нет, это нужно сказать сейчас же, немедленно. Я пошлю посыльную...

— Пап, уже четыре посыльные, — с какой-то ехидцей заметил старший.

— И что? — устало переспросил Умтай, реально не поняв замечания.

— Ну, больше нет. А одна должна быть на запас, ты же сам учил.

— Запас существует для таких случаев...

На следующий день выяснилось, что Хеналу и Алени пропали, а точнее, ушли вместе. Умтай узнал это весьма необычным образом: от львенка. Тот вместе с матерью пришел к нему утром и сказал, что:

— Алени попросила меня передать конунгу «Спасибо».

— А ты когда ее видел? — даже испугался конунг.

— Рано утром, не спалось, охотился... — гордо сказал он. Потом тише добавил: — На крыс. А они через кусты шли, где я был. Ну, я спрятался, думал, что она не увидит. А она увидела! И попросила передать, и вот я передал.

— Кто — «они»?

— Она и еще какой-то незнакомый лев, что вчера пришел.

Конунг похвалил маленького за исполнительность и отпустил.

— Ну, и как это назвать? Взял, пришел себе чужак и забрал одну из лучших охотниц прайда! — разъярилась Манасси, всегда думающая об охоте, пропитании, очередях охоты, детях, беременных и прочих житейских штуках. — Ты зачем ее отдал? О предки, Умтай, мне кажется, ты чем старше, тем глупее становишься! Что ты вытворяешь? Что ты делаешь?

— Перестань. Я никому ее не отдавал. Она нашла себя, что прекрасно, — меланхолично ответил он. — Все мы — рабы жизни. Ее никто не спрашивал, хочет ли она родиться в этом Союзе, в этом Хартланде, а потом получить страшную рану. Ты лишь думаешь о прайде... А что, прайд состоит из чего? Из песка? Травы? Из львов и львиц, а у каждого — своя судьба. Каждый хочет прожить жизнь хорошо. Думаешь, меня кто-то очень спрашивал, хочу ли я быть конунгом? Может, я и не хотел... А надо! Так что пусть Алени бежит с ним... Пусть летит вперед, к своим свободным мечтам. Она, может, и смогла вырваться к своему.

Львица растаяла от искренних и простых слов, а потому молвила:

— Да я так... Для приличия... Странно просто получилось. Пусть идет, пусть помогут ей предки.

— Кстати, ты слышала, о чем я вчера беседовал с сыновьями?

— Нет, если честно. Устала за день, сразу уснула. А что, было что-то важное?

— Так... Потом расскажу.

Конунг вздохнул и закрыл глаза, приглаживая гриву:

— Каждому свое.

**

В это утро, поздно проснувшись, Сэнзалли потянулась и зевнула, потом снова разлеглась. Это ее шестое утро в путешествии. Про себя отметила, что начала просыпаться от жары, когда уж солнце давно в небе. Это от недосыпа ночью: она не привыкла спать сама, не в прайде, потому любой шорох или тьякканье гиены мгновенно прогоняли сон. Также иногда ночью ей не давало покоя ощущение холода в груди и под горлом; иногда Сэнзалли оборачивалась, явно чувствуя на себе чей-то взгляд, иногда видела некие ускользающие тени.

За эти дни она уже успела побывать в Иллари, куда дошла за три дня, и остальные два дня она ищет путь во прайд Черной луны в предгорье Больших гор; хоть Саймина и говорила, что путь прост, но, получается, не совсем.

Когда Сэнзалли ощущала на себе теплый дневной ветер саванны, или прохладный вечерний, то казалось, что ее продувает насквозь, а душу будто уносит ветром прочь, потому как не было никого другого, с кем можно держаться вместе, а мир стал пугающе большим. Только мир, зов и тени собственных *сновидений*, что не отпускали даже в самый яркий полдень. «Не зря ж говорят — Большой мир...». Вокруг лишь земля, добыча, саванна и небо над головой, а больше ничего.

Львов-одиночек, а особенно тех, что ходили группами, она старалась избегать, а львиц-одиночек Сэнзалли видела лишь пару раз, но те вовсе не желали общения и не проявляли к ней никакого интереса; они всегда имели какой-то измученный и недовольный вид, всегда куда-то спешили, и молодая шамани недоумевала: куда спешить, если ты одинок?.. Львицы со львятами воспринимали всё с неприкрытым подозрением, потому с ними также было невозможно сладить.

«Та-там-та-там», — тихо напевала она простенький мотив. Она в густой люцерне и на ровном-ровном месте пологого холма — это уже предгорье; и виднеются далекие горы, а больше ничего, лишь деревья и желтизна трав.

Сэнзалли вскарабкалась на дерево со странным, кривым стволом, чтобы рассмотреть мир вокруг получше и понять свое место в нем. Вдруг, прямо под деревом, в густой траве (Сэнзалли нечаянно отметила, как шамани, что это заросли редкой у нее дома воканги), она заметила льва и львицу; львица зло смотрела на нее, а лев лежал на боку, не шевелясь и не поднимая головы.

Они оказались необычно близко, и от большой неожиданности, вместо прыжка вниз, Сэнзалли, потеряв равновесие, просто свалилась, смягчив приземление тем, что успела вцепиться когтями в дерево.

Незнакомая львица угрожающе зарычала, быстро оглянулась по сторонам, потом снова начала рычать.

— Пусть львица извинит... — начала Сэнзалли.

— Иди отсюда! — безо всяких церемоний ответила та.

Сэнзалли, от природы скромная и деликатная, вдруг вспыхнула от такого неуважительного, грубого тона. Последние события и шесть дней одинокого путешествия успели изменить ее характер.

— Это еще почему?

— Потому!

Шамани, конечно, осталась на месте. Львица сделала несколько шагов к ней, и Сэнзалли оскалилась тоже. У львицы появился страх — молодая шамани сразу же учуяла. Ведь она моложе и проворнее, а та — львица уже в годах.

«Страх... Вот что правит душами», — вдруг подумала Сэнзалли; скорее, даже не подумала — мысль сама пришла, как бывает, когда получаешь безмолвное знание.

— Уйди. Не мешай. Ты ничем не можешь помочь, — львица скорее попросила, чем пригрозилась.

— А что случилось? — поинтересовалась Сэнзалли, рассматривая неподвижного льва, которого она старалась собой скрыть.

— Почему я должна тебе рассказывать? — спросила та львица и вдруг из нее просто излилась целая история: — Это всё они, это они пришли! Они просили нас уйти, но мы не согласились. Это всё они, это мелкий прайд ублюдка Ханли! Говорила я этим дуракам, что ничего хорошего не выйдет! Где там... «Мы не бросим нашей земли», то и сё, то да сё! А те пришли и Нея убили, и Ренава тоже, детей Аниссы чуть не прикончили, а вот моего... побили. Уже ходить не может. Шел, потом говорит «Дай прилягу», и вот... даже говорить не хочет... потерял сознание.

Львица всячески мотала головой, ходила кругами и в конце приложила лапу к щеке:

— Страшное... Что ж теперь будет? — села, оцепенев.

Сэнзалли решила подойти чуть ближе, и начала рассматривать льва, но ей не удалось ничего увидеть, кроме крови на лапах и морде, потому как львица остро смотрела на нее со смесью недоверия, страха и ревности.

— Что ты смотришь? Что высматриваешь? Не видела чужой беды? Так иди дальше: тебе она ни к чему.

— Может, я смогу помочь... — Сэнзалли не спрашивала, но скорее, утверждала.

Львица возмутилась и снова закрыла собой своего льва, при этом нечаянно, но больно ударив молодую шамани в нос хвостом.

— Меана, кто там такой? — гулким басом отозвался лев, совсем не похожим на голос раненого. Он был вполне в сознании, всё слышал, но просто не желал тратить силы на разговор.

— Никто, никто, хороший. Сейчас она уйдет, — успокаивала она его.

Сэнзалли попробовала еще раз:

— Но всё же...

— Ты не можешь ему помочь, лишь навредишь! — решительно молвила львица, махнув лапой, мол, быстро уходи. Но потом, сузив глаза, со смутной догадкой спросила: — Или... или ты шаманая?

Меана издалека, родом с востока. Там не говорят «шамани», но «шаманая». Поначалу Меана реально испугалась, что эта львица — из прайда мерзостного Ханли, но к великому счастью, это не так. Теперь же Меана подумала, что если эта львица, возможно, шаманая (а их в Морлае полно, правда, они намного чаще бродят парами или тройками, а не в одиночку), то тогда можно понять и принять ее намерение помочь; обычной львице-одиночке не придет в голову придти на помощь в

такой ситуации — она сочтет за разумное обойти неприятности и их видимость, и чем дальше, тем лучше.

— Ах... Шаманая? — догадалась Сэнзалли. — Я? Да. Можно сказать, да.

— Тогда помоги ему, хоть как-то. Он умирает, а я не знаю, что сделать, — тут же преобразилась Меана.

— Меана, ты что?! Пусть идет, куда ее дорога! — заревел лев, даже чуть привстав.

— Лучше она на тебя посмотрит, — слезливо упрашивала Меана своего льва. — Чем плохо?

— Пошла она! Сам отлежусь!

— Нет, лев. Не отлежишься. С тобой всё может быть. Например, кровь внутри. Или огонь изнутри. И от первого, и от второго умирать ты будешь в страшной боли и муке. И мало кто сможет тебе помочь. Я же, по крайней мере, помогу тебе уйти быстро и без боли.

Лев утих. Меана глядела большими, испуганными глазами то на него, то на нее.

«Страх правит...», — снова подумала шамани.

— Так что дай на тебя посмотрю. Чтоб ты знал, чего ждать.

Сэнзалли подошла и попыталась его осмотреть. Но лев оказался упрямым, он не поворачивался, когда она пыталась его перевернуть, и никак ей не помогал. Удивительно, но на нем, по сути, не было ни одной царапины, ни одного ушиба, и даже не было никакого явного перелома — лишь кровь. Сэнзалли-шамани даже чуть растерялась от такого: вроде и цел, и жив, а лежит — помирает. Напоследок она попыталась посмотреть ему в глаза, просто для того, чтобы увидеть взгляд — не мутен ли, не затуманен. Но тот, как маленький львенок, упрямо не давался и закрыл глаза.

Чувствуя, что ему плохо и что он наверняка нездоров, Сэнзалли решила: «Не жилец... В таких условиях, с одной львицей — точно не жилец. Нужно спросить сначала о своем — потом Меана не сможет мне внятно ответить».

— Тебя зовут Меана, да? — пространно начала Сэнзалли.

— Да.

— Меня — Сэнзалли. Послушай, ты не знаешь, где прайд Черной луны? — будто между делом спросила молодая шамани, всё еще делая вид, будто осматривает льва.

— Знаю, — на удивление резво, охотно ответила львица. — Почти что рядом. Вон, видишь справа те две горы?

Сэнзалли наострила уши, посмотрела вдаль.

— Вижу.

— Так он перед ними, возле утеса. Это прямо, пока речку не увидишь, пойдешь по ней, прямо по ущелью, а там уже не заблудишься... Или чернолунцы встретят, или к утесу подойдешь.

— В самом деле, он так близко? — удивилась Сэнзалли.

— Близко-близко. Только не иди, они гостей не очень жалуют, да и поохотиться особо не на что. Так что с ним? Ты его вылечишь?

«Вот я уже знаю всё, теперь можно уходить...», — подумала молодая шамани. — «И ему уже не помочь. Такое можно залечить лишь во прайде, имея панцири, шамани, хорошую пищу, тепло, покой, присмотр... А не среди горной саванны с одной львицей».

Но она так не может. Сэнзалли — мягкого нрава и доброго, печального сердца, которое знает и понимает страдание каждого существа мира. Именно из таких получают лучшие шамани.

— Его нужно взять к чернолунцам, — вдруг решила она, и аж сама изумилась от своих слов.

— Как это? — совершенно не поняла Меана.

Сэнзалли-шамани долго смотрела на него, наблюдая, как он неровно дышит. Вдруг ей кое-что пришло на ум, и она попробовала его нос. Потом взяла лапу и тут же отпустила; та без сопротивления и воли упала.

— Лапы отнимаются? — спросила его, и строго.

— Отнимаются, — страдальчески ответил он.

«Это вообще не похоже на последствия драки. Либо падения. Тут или болезнь какая, или что...».

— Тут, среди саванны, ни я, ни ты, ни мы вместе ничего не сделаем. Я смогу лишь оттянуть его смерть либо ускорить ее. Там же можно попробовать его спасти, — посмотрела Сэнзалли на Меану, не шевелясь.

Та села.

— Да кому мы там нужны... — со знанием жизни ответила Меана, наклонив голову к матери-земле.

— Иди со мной и они примут его. Если не примут, то мы погибнем все вместе.

Меана слушала, не веря собственным ушам.

— Там должны быть хорошие шамани, — уверила ее и себя Сэнзалли. — Я скажу им, в чем дело. Если они настоящие, то они помогут нам. Если же нет — он умрет, ты получишь горе и тоску, а я жила зря. У тебя есть знакомые львы?

Она не совсем понимала Сэнзалли. Зачем ей всё это? Где подвох, где выгода, где эта неизбежная хитрость?

— Были. Все погибли, — осторожно ответила Меана.

— Сам он идти не сможет и десять прыжков. Тогда придется тащить его нам двоим, — заключила Сэнзалли.

— Как?

Шамани задумалась. Действительно, как?

— Как добычу, только большую. Сейчас покажу. Он еще в сознании? Нет? Нет. Подлезай под его передние лапы... Да нет, не так... Не спереди, а со стороны. Я подлезу под задние... И так вместе с ним пойдем. Подлезла?

— Трудно очень. Еще нет.

— погоди, я попробую его разбудить.

Сэнзалли начала тормошить льва и дуть на уши, глаза, нос. Он немного пришел в себя.

— Намтаву, чуть привстань, слышишь! Намти! Привстань! — начала помогать ей Меана.

— Ах, так вот как зовут нашего льва, — сказала Сэнзалли.

Тот ответил низким вздохом и впервые посмотрел на нее. Меане удалось под него подлезть.

— Держишь?

— Да.

— Встань вместе с ним, мне так будет легче.

— Хорошо.

Сэнзалли подлезла под задние лапы, уложила льва между лопатками. Всё, теперь он весь покоится грудью и животом на двух львицах, что стоят вместе. Тяжелее, конечно, Меане — на ее стороне голова с гривой и грудь.

— Твою сторону будет перевешивать. Можешь его зубами за гриву ухватить?

— Могу... но так неудобно. Идти так плохо.

— Ладно, оставь. Он... и так... на твою сторону сползает будет.

— Угу.

— Постой, тихо. Остановись.

— Что? — нервно спросила Меана.

— Идем ровнее. Мы идем не в лапу. Ставь левую лапу, и я поставлю. Вот. Теперь правую. Левую. Правую. Аях. Ута. Аях. Ута. Говори со мной: аях, ута! Аях, ута!

— Аях, ута, аях, ута... — нестройно заговорила Меана.

— Да вместе с лапами! Ты слушай когда говоришь, и в то же время ставь лапу.

— Аааа...

— Аях, ута, аях, ута. Ровнее идем.

— Хорошо.

Немного приловчились.

— Вот... Вот и пошли. Так делают в Союзе, — сказала Сэнзалли.

— Откуда знаешь, как делают в Союзе? Разве там была? — с робкой насмешкой спросила Меана эту престранную львицу.

— Я сама — союзная.

Свободная львица смолчала, даже не зная, что сказать. Сказать, что эта львица суть сплошная странность — ничего не сказать. Шаманая? Союзная? Идет к чернолунцам? Помогает тащить ее слабого льва? Это или большая удача, либо бессмысленный подвох.

— Хорошо, что он у тебя не очень большой...

Меана тяжело спросила, выдохнув:

— А он выдержит переход?

— Не знаю. Но валяться под деревом это точно не способ.

— Мне кажется, он сползает.

— Чую. Поправь у себя... Да. Пошли. Аях, ута...

— Откуда ж ты всё знаешь, как делать?

— Жизнь была такая. Молчим, так легче идти...

Путь, который бы занял у самой Сэнзалли чуть больше четверти дня, длился весь день и часть ночи. Они останавливались у реки, чтобы самим попить и напоить Намтаву. Они делали частые передышки. Потом они спали в беспокойной ночи, и Сэнзалли перед этим дала ему первое, что попало под лапу — пережеванные семена воканги, чтоб ему ничего не болело, и чтобы заснул. Искать что-то другое она была просто не в силах. От воканги действительно клонит в сон, но галлюцинозный, тяжелый, полный бреда. Из семян воканги вместе с ибогой и сладким тростником (или просто водой) шамани вообще делают наралэ, один из наркотиков. Нажевавшись воканги, хоть и не глотая ее, Сэнзалли сама впала в сумеречное состояние, тем более, что за день очень устала.

Меана притащила ночью большого поросенка и свалилась с лап мертвым сном. Она к нему не притронулась, ибо есть совершенно перехотелось от усталости, а уснула прямо на нем, чтобы никто ночью не стащил. В это время Сэнзалли уже спала прямо на задней лапе Намтаву.

И уснув, к ней пришло самое сильное видение в эти дни; это было *сновидение* — она прекрасно сознавала себя, помнила о себе, лежащей на задней лапе неизвестного льва. Тем не менее, она никак не могла действовать — ни идти, ни вырваться из него, ни что-то говорить, ни даже думать. Казалось бы, если ты не сможешь мыс-

лить самостоятельно, то это уж не ты; но нет — «я», чистое сознание, всё равно остается, ибо все мы значительно больше, чем просто колючий клубок мыслей.

В этом *сновидении* Сэнзалли стояла на огромной горе под темно-красным небом, с провалами сияющей темноты, которая знакома всякой сновидящей. Сэнзалли знала, что внизу кто-то есть, ощущая присутствие множества душ; но ее положение было так высоко, что невозможно даже разглядеть в тумане дали то, что внизу. Здесь, наверху, дул невероятно быстрый ветер, но Сэнзалли это не вредило — ее словно продувало насквозь, потому ветру не было что унести.

Потом она поглядела себе под лапы. Пыль земли превратилась в поток быстрой, темной и чистой воды. Теперь она стояла уж не на краю утеса, а на краю водопада огромной реки, которой нет берегов. Совсем неглубоко, и вода даже не доходит к ее груди. Сэнзалли-шамани смотрит — там, на воде, ее хорошее отражение хорошей, красивой, юной львицы с печальными, нежными глазами; но в ней нет ничего особого. Но отражение волнуется раз — и она уже не может видеть саму себя, на воде слишком много ряби; отражение волнуется еще раз — Сэнзалли видит снова себя, но иную. Молодая львица в отражении чуть повзрослела, неуловимо похорошела, вместо чуть неуверенной полуулыбки обрела действительно многозначительную, не притворную серьезность облика и сверкающие глаза, что переливались тем светом, что не приходит и не может придти извне.

«Я стала еще... лучше?..», — спрашивает она себя. Ведь, как и всякая львица, она хорошо сознает свою красоту. Она знает, что красива.

«Те, что носят силу, всегда носят и красоту», — приходит к ней безмолвный ответ, как бывает в сновидении.

Она возжелала разглядеть себя пристальнее: повернула голову влево, потом вправо. Гордо, чуть вздорно подняла подбородок вверх, потом приклонилась чуть вниз, а потом...

— ...Эй... Эй, симпатяшки... Симпатяшки! Просыпаемся, поднимаемся!

Меана проснулась быстрее, оскалилась и уцепилась когтями в давно остывшего поросенка.

— Так, пошли вон, ничего не дам! — зарычала она, хорошо зная трудность жизни.

— Да зачем нам твоя тухлятина! — засмеялся один из них.

Меана поднялась:

— Тогда пошли отсюда! Чего надо?!

— Ну извини, твои лапы на нашей земле. Так что уйти не сможем.

Сэнзалли еще пребывала в полусне и очень сонными глазами глядела на двух львов: одного молодого, со светлой гривой и почти пепельной шерстью, а второго — средних лет, примерно такого же, каких она привыкла видеть у себя дома, в Союзе. Тот, что моложе, пристально, с интересом смотрел на нее.

— Вы — чернолунцы? — спокойнее спросила Меана.

— Да, мы принадлежим прайду Луны. Еще раз услышу «чернолунцы» — поругаемся, — ответил старший из них.

— Доброго утра львам... — отозвалась Сэнзалли, вставая. — Мы пришли к вам.

— К нам — это к кому? — спросил старший.

— Мне нужна самая старшая шамани.

— Хм, вот сразу так и нужна? Так это важно?

— Важно это или неважно — решит она сама.

— Даже так... Тогда пошли, — сразу молвил тот.

— Хорошо. Мы немного перекусим, уж извините... потом возьмем нашего льва, он не может ходить. И ведите нас к вашей главной шамани. Ни к кому другому.

Сэнзалли и Меана по-быстрому наглоотались больших кусков. Львы оказались неожиданно вежливыми и обходительными, взяв на себя Намтаву.

— Как он? — кратко спросила Меана.

— Плохо, но я надеюсь на лучшее.

Ах вот он, этот утес, так близко... Это точно он, она сразу узнала, хоть никогда не видела. Для Сэнзалли уже прекрасно виднеются несколько одиноких, небольших деревьев на вершине.

Какая-то львица встретила их прямо на тропе:

— Это чьи хвосты? — спросила без предисловий.

— Эти трое... точнее двое, а третий говорить не может... утверждают, что у них дело к амарах, — ответил лев с пепельной гривой, и поправил безвольно лежащего на нем Намтаву.

Львица утвердительно кивнула головой, словно действительно только и ждала их прихода.

— Айна, хорошо. Льва тащите к нам. А ты — шамани, — утвердительно молвила молодая львица, без робости подойдя к Сэнзалли.

— Да.

— Я радуюсь, что ты есть, — загадочно молвила львица.

— Я также, — чуть смущенно ответила Сэнзалли, поняв, что она с нею — на одном пути.

Сэнзалли проводила взглядом уходящих львов и Меану, что неуверенно плелась за ними, постоянно оглядываясь на нее. Она кивнула, мол, иди.

— Это кто пришел с тобой? — спросила львица-шамани.

— Я встретила их по пути, в саванне, раньше я не была с ними знакома. У этого льва... сложно мне сказать. Он чем-то болен, но не лихорадкой, и огня в крови нет. И не дрался. Странно, но боюсь, он умрет, если его не лечить. А может, его кто испортил, но я такого не смогла ощутить, — Сэнзалли-шамани было слегка стыдно за то, что она с уверенностью не могла назвать причину слабости льва.

— Ты принесла льва сюда, чтобы ему помогли? — без удивления или осуждения спросила львица.

— Да. Так получилось, случайно. К вам просто... оказалось ближе всего.

Львица села.

— Нэй-нэй... это будет дело для нашей маленькой Нирзари. Она навернет его в мир теплой крови.

Сэнзалли чуть приклонилась для нее:

— Спасибо, что приняли нас...

Помолчали. Сэнзалли, львица Союза, чуть тяготилась такой легкой неловкостью; но, похоже, дочь Больших гор (а Сэнзалли уже начинала понимать, что это — суть она) совершенно не обременялась им, будто молчание и есть самый главный способ говорить. Внезапно она разлеглась, прямо на густой и приятной траве, положив под мордочку лапы.

— Вчера, когда умерло солнце, амарах на костях смотрела в завтрашние дни, — сказала она, не смотря на Сэнзалли. — Увидев кости, приказала нам ждать хорошо, ибо сегодня к ней должна придти гостя, которую нельзя упустить.

Шамани Союза решила последовать ее примеру, и тоже улеглась, но не так вольно, а строже, аккуратнее.

— Вам — это кому? Вы меня ждали?

— Ждали наши души, ведь амарах приказала. Нас — три ученицы. Вот я первой тебя учуяла и поймала. Нэй, нэй, я хороша! — звонко засмеялась львица, а потом даже довольно заурчала. — Я — дочь Больших гор, что пришла в этот прайд учиться у хорошей амарах Кары.

— Ты принадлежишь прайду... эээ... ээээм...

Сэнзалли знала, что северняки ненавидят, когда их называют «северняками». Но, шакал схвати, забыла, как они называются по-настоящему!

К счастью, неловкости удалось избежать:

— Нет, я не дочь какого-либо прайда. Я просто дочь Больших гор. Иди в мой след.

Она встала, взмахнув длинным хвостом с необычной, большой кисточкой. И когда шли по тропке, то львица до легкого неприличия внимательно изучала Сэнзалли. Для этого даже чуть отошла, и так следовала вперед, пока веточка куста не ударила в нос. Она фыркнула, помотала головой и спросила:

— Ты устала?

— Да. Мы вчера целый день тащили льва Меаны на себе.

— Меана — львица, что приняла честь идти с тобою? — со странной, непривычной вежливостью спросила львица.

«Она так обходительна и добра ко мне...», — мелькнула мысль у Сэнзалли.

— Да.

— Отдохнуть желаешь?

— Нет. Я сперва должна увидеть амарах, — покачала головой Сэнзалли.

— Как пожелаешь, — смахнула ушком львица, которая, похоже, не спешила выдавать своего имени.

Сэнзалли деликатно, но с оттенком настойчивости спросила:

— Львица сможет меня к ней отвести?

— Какая львица? — удивилась та.

— Ну, то есть, ты. Извини, у нас так в Союзе принято говорить...

— Ты из Союза?! — уже изумилась львица.

— Да... Прайд Делванни.

— Сибила думала, ты свободная львица!

— Это что-то меняет?

Дочь гор думала до неприличия долго.

— Нет. Ничего не меняет. Просто впервые Сибила видит шамани Союза.

— Сибила — тебя так зовут?

— Отдаю твоим ушам свое имя, — утвердительно кивнула львица. Вопреки заверению, тон ее чуть охладел.

— Приятно познакомиться. Меня зовут Сэнзалли. Ты отведешь меня к амарах?

— Сибила уже делает это... Идем мы. Почти пришли.

Они шли по тропке посреди густых зарослей и сплетения деревьев. Вопреки ожиданию Сэнзалли, они не подошли к подножию утеса, хотя к нему осталось всего ничего, судя по нависающим прямо над головой каменным стенам. Когда они шли вброд через ручеек шириною в прыжка два, то невольно, в унисон, повернули головы влево — там некая львица пила воду из ручья, аккуратно поджав одну лапу и закрыв глаза.

Сэнзалли сразу, без слов, признала в ней шамани-наставницу.

Сибила первой подбежала к ней, что-то тихо молвила; Сэнзалли отвела уши назад — так полагается из вежливости, когда желаешь показать, что не подслушиваешь разговор, а она — воспитанная львица. Амарах несколько раз сдержанно кив-

нула, глядя на ручей. Потом Сибила быстро попрощалась со Сэнзалли и тут же исчезла.

Когда львица села напротив Сэнзалли, то она заметила, как причудливо играют свет и тень на ее светлой шерсти — это солнце пробивалось сквозь листву и ветви. Яркие серо-зеленые глаза чуть устало глядели на молодую шамани.

— Хорошая погода... — вдруг сказала амарах сущую банальность и кивнула, мол, пошли.

— Согласна, — чуть прижав уши, уступила ей дорогу Сэнзалли.

— Никогда бы не сказала, что ты — из Союза, — молвила она, намекая на светлый окрас Сэнзалли, общую стройность сложения и длинный хвост.

Сэнзалли смущенно повела ушками. Уж какая есть; миру нужны всякие — и темные, и светлые, и стройные, и крупные — и вот она такая, как есть. Никто не выбирает, каким родиться и какую судьбу взять. Все мы — пленники жизни, которым должно соглашаться с тем, в какой форме пришли наши души в безбрежный мир.

Они вышли на тропку и продолжили путь к утесу.

— Вижу в тебе усталость. Дорога была трудной?

Всеобщая здешняя вежливость поражала Сэнзалли. Она ожидала трудностей, косых взглядов, словесной борьбы и тяжелой добычи сведений. Вместо этого она получала прекрасный прием.

— Немного. Пусть простит меня львица, но я пришла не одна... — очень мягким, извиняющимся тоном молвила Сэнзалли.

Львица заулыбалась:

— Мне уже сказали. Он не останется без помощи — для моих учениц это будет хорошим испытанием.

— Так же говорила и Сибила.

— Ах, Сибила... Не знаю, как я ее отпущу. Люблю ее больше, чем дочь.

Улучив момент, когда молчание только начало превращаться в тягость, Сэнзалли спросила:

— Амарах ждала меня?

Та ответила не сразу, успев несколько раз посмотреть в глаза Сэнзалли:

— Вчера, на закате, я раскинула кости, хоть делаю это редко, — амарах убрала лапой ветку с тропки. — Узнала, что завтра ко мне придет молодая шамани с чем-то... важным. Знаки сказали мне, что я должна не упустить тебя. Верь, мне любопытно, с чем ты пришла. И меня зовут Кара.

«Если бы я до конца знала, с чем пришла», — подумала молодая шамани.

— Я не знаю, как правильно сказать... И с чего начать. Буду краткой. Я — Сэнзалли, из прайда Делванни, союзного прайда. Я почувствовала зов к этому месту. Мне рассказали о прайде Черной луны, об утесе, историю, с которой связан этот утес... Рассказали не так давно, во прайде Иллари, совершенно случайно. С того времени множество знаков вели меня сюда, и я не могла не покориться им. Мне вообще было дано множество знаков, которые мне сложно понять, но которые что-то требуют от меня... Мне было дано знание, с которым я не смогла справиться. Мои сновидения и видения раздражает зов и приказ придти сюда, чтобы... узнать всё об этом месте.

Сэнзалли закончила. Они продолжали идти, амарах в задумчивости легко водила хвостом из стороны в сторону.

— Хорошо, что ты знаешь о нем? — сказала Кара, и легкий белый пух пролетел мимо нее; он приятно пощекотал нос Сэнзалли, но пришлось чихнуть. Здесь, в предгорье, сейчас такая пора: много белого пуха от какого-то растения.

— Пусть львица простит... Очень немногое. Я знаю, что много лет назад, когда еще была жива мать матери моего отца — Саймири ее имя — здесь погибла некая шамани Союза, преданная своими друзьями. И что после этого здесь появился прайд Черной луны. Еще я знаю, что мать матери моего отца была в той группе... той, что предала эту шамани. Я не знаю имени этой шамани. Я не знаю ее прайда. Но я хотела бы знать. Очень хотела, — молвила Сэнзалли с истинным, неосторожным любопытством.

— В Союзе никто не знает? — непритворно удивилась Кара.

Сэнзалли стало чуть стыдно оттого, что она и ее сородичи хранят столь плохую память.

— Нет, — покачала головой, повела ушками, чуть отвернувшись от Кары. — Я спрашивала многих. Потому я здесь... Чтобы узнать. Не знаю почему, но это важно для меня. Пусть львица расскажет всё, что знает, и я буду благодарна жизнью. Тогда зов... отпустит меня.

Кара сразу сказала, быстро и уверенно:

— Зов не отпустит тебя. Он вел и ведет тебя вовсе не к месту. Место — оно лишь место. Важно другое.

Они вышли на вытопанную сотнями лап полянку, свободную от травы и деревьев. Сэнзалли посмотрела вверх — утес был немаленьким, со стремительными вертикальными стенами, прыжков сто высотой. Она, дочь ровной саванны, не привыкла к таким высотным, стремительным формам, потому долго сидела, чуть приоткрыв рот.

— Идем на вершину, — сказала Кара, не обращая внимания на ее изумление. — Я расскажу тебе то, что знает прайд Луны от Таллалу-Саргали, которые когда-то жили здесь. И расскажу то, что узнали шамани Луны за все эти года, *сновидя* на этом месте.

Другая сторона утеса сравнительно пологая, по ней с двух сторон пролегают тропы на вершину. Сэнзалли и Кара пошли по одной из них. Кара рассказывала, делая остановки для мыслей и для дыхания:

— Много лет назад это были земли прайда Таллалу-Саргали. Ты из Союза, и я знаю, как ваши враждовали с ними. Между вами или драки, или нестройное перемирие... Вы на духу друг друга не терпите. Я уже заметила, как Сибила ощутила к тебе легкую неприязнь. Она хорошо скрыла это. Не беспокойся, в ней лишь играет память крови — она тоже Саргали, львица гор, хоть и не состоит во прайде. Извини, говорю как есть... Так вот, в те давние дни Таллалу искали перемирия с прайдом Иллари и Союзом вообще. Они пригласили к себе гостей из Союза. Приглашение было принято, потому к Таллалу пришли шесть союзных львов и львиц. Предание не сохранило их имен, кроме одной. Ты говоришь, там была Саймири, твой предок... Что ж, я запомню это. Если это правда, то теперь мне известно два имени. Так вот, всё было хорошо, пока один из союзных не убил ночью льва прайда Таллалу. Этого никто не видел. Он прибежал к своим друзьям и рассказал о случившемся...

Кара подошла к дереву, которое жило непонятно чем на скалистой почве, несколько раз втянула и вытянула когти в кору. Сначала Сэнзалли подумала, что это имеет какой-то смысл, и ей стоит сделать то же самое, но потом поняла по тому, как Кара разглядывает когти, что она просто точила их.

«Видимо, от постоянного лазанья по камням и твердому когти тут часто тупятся», — догадалась молодая шамани.

Они продолжили путь.

— Им следовало бежать, потому что иначе их точно ждала смерть. Но это означало бы новую, бессмысленную вражду со Саргали. Среди них была шамани

Аратта... Да, я вижу, как ты вострепелась. Да-да, это она самая. Аратта — ее имя. Она решила спасти своих и обмануть прайд Таллалу. Ах да, стоит упомянуть: лев Таллалу, что погиб, был львом шамани Таллалу-Саргали. Так вот, Аратта обманула всех, в том числе и ее, рассказав неправду: будто бы видела, что убийство совершил какой-то незнакомец. Шамани Таллалу — она звалась Линэ — не смогла поймать лжи, поверила и почему-то решила, что это совершил кто-то из Менаи-Саргали.

Кара заметила, что Сэнзалли что-то сосредоточенно шепчет себе под нос, и прекратила рассказывать. Молодая шамани извинилась:

— Я просто стараюсь всё понять. Всё чуть путано...

— Просто внимай. Линэ — так ее звали — попросила Аратту пойти с нею, чтобы узнать возможного убийцу. Ведь Аратта наврала, что она — суть свидетель убийства. Та не могла отказать. Но по пути между ними что-то произошло, и Аратта убила Линэ. Но пока происходило всё это, в Таллалу тоже кое-что случилось. Аршах прайда Таллалу, то есть правитель, начал что-то подозревать и хорошо спросил тех пятерых, что остались. Они не выдержали и сдались, рассказав всё начистоту. Никто не знает, как это удалось аршаху и почему те признались. Возможно, он узнал что-то новое или нашелся свидетель... Так или иначе, он приказал гостям немедленно убираться, пообещав, что вреда Аратте не будет, и он тоже отпустит ее с миром.

— Но когда Аратта пришла, то аршах убил ее? — печально сказала Сэнзалли.

— Нет, вовсе нет. Он и когтем ее не тронул. Никто теперь не знает, почему так. Говорят, Аратта понравилась аршаху. Когда она возвратилась без Линэ, то он принял ее очень хорошо. Аратта снова соврала: рассказала, будто Линэ совершила самоубийство, спрыгнув со скалы. Аршах предложил ей остаться на ночь, и она осталась — спала в пещере аршаха. Там внизу, заметила, когда были у подножия? Там давно никто не живет, кстати. Она вся давно поросла травой, вся в грязи и пыли.

Сэнзалли остановилась, снуя в кольцах своих мыслей. Серый, невзрачный камень, что по самую верхушку врос в скалистую землю, был единственным, спокойным зрелищем для ее глаз. Вообще, это с нею в последнюю луну часто происходило, слишком часто. Идешь-идешь куда-то, что-то делаешь, а потом — раз! — и встаешь, словно очнувшись, предаваясь престранному изумлению: и то, что она львица — это так странно; и что шамани — тоже; и то, что зовут ее Сэнзалли; и что она здесь, живая, именно в этом месте, именно в такое время. Так необычно, что можно лапами ходить по земле, а ушами — слушать звуки мира.

— Между аршахом и Араттой что-то было? — вострепелась.

— Я так и знала, что ты это спросишь. Что еще может интересовать львицу в твоём возрасте? — засмеялась Кара и тоже остановилась, а Сэнзалли чуть смутилась от своего любопытства. Амарах указала на высоту, которую они уже успели покорить, махнув лапой. От непривычки у Сэнзалли чуть закружилась голова — ведь она привыкла к пологим холмам и невысоким скалам.

— Этого я не знаю. Может, было, а может — нет. Смотря какой смысл вложить в это «что-то». Это неважно. Также нам известно, что аршах предложил Аратте стать шамани его прайда. Тебе, может, и не выдается это странным, но для Саргали это почти что невероятно. На то должны быть большие причины, много большие за простую симпатию. Как знать, может, Аратта и стала бы ею. Но случилось непредвиденное. Утром следующего дня во прайд пришла старая шамани, Асгарда. Это была сильная *видящая* и амарах Линэ. Она, увидев Аратту, сразу поняла, что это шамани Союза повинна во смерти Линэ. Они пошли на вершину утеса... ту самую вершину, на которую сейчас идем мы. Все видели, что шли они туда в спокой-

ной беседе. Но что случилось здесь, на вершине — известно лишь вечности. Асгарда сбросила Аратту с вершины и вернулась вниз, объявив, что Аратта и есть убийца Линэ. После этого Асгарду никто не видел. Вскоре отсюда ушли Таллалу-Саргали, которые начали беспокойно здесь чувствоваться, а потом с далекого запада пришел наш прайд. Заприметила это место шамани моей линии — Асса-Уána; она же и узнала те подробности, что я тебе рассказала. Такова вся история.

Остальной путь они проделали в полном молчании.

Когда они взобрались на ровную, каменистую вершину, то Сэнзалли впервые, по-настоящему увидела горы. Кара знала, что в такие мгновения любого, кто к горам не привычен, бесполезно что-то спрашивать, одергивать и тому подобное — они смогут выдать лишь нечто невнятное в ответ.

— У меня странное чувство.

— Какое? — мягко спросила Кара.

— Если со слов, то вся эта история не имеет благородства. Она низка, глупа, в ней много гнусности и лжи. Но это словно лишь... поверхность воды, отражение. Глубина совсем иная. Я стою здесь, чувствую это место, и оно мне нравится. Не знаю, чем. В нем витает некий дух... верности. Верности себе и другим. Со слов, Аратта жила полной ложью. С чувства: она была преданной и правдивой, как мало кто в мире.

Сэнзалли походила у самого края, глядя вниз, чувствуя и изучая собственный страх; Кара внимательно наблюдала за ней, зная, что на высоте могут случаться сильные порывы ветра, и они могут здесь сыграть злейшую роль.

«Страх правит», — снова подумала Сэнзалли. — «Мои лапы ступают робко и напряженно, хоть внешне я стараюсь слыть невозмутимой. Тот, кто говорит, будто не знает страха — лжец. Лжец. Лжец! Все мы — его дети, дети страха».

— Я здесь чую величие и тяжесть судьбы настоящей шамани. Не такой, как я, — перестала играть с острыми ощущениями Сэнзалли, отойдя от края.

— В судьбе каждой шамани, что взбирается на свой утес, есть что-то роковое. Знаешь, гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. Жить просто, день за днем, без вызова. В этом мире всегда схватят первый кусок глупцы, подхалимы, наглецы и уроды. Им достаточно жевать свой кусок и спокойно смотреть на борьбу других, даже не понимая ее сути, — так сказала Кара.

Потом она пригласила Сэнзалли прилечь. Молодая шамани ощутила холод камня и быстроту ветра; но странным образом ей не было холодно.

— Видишь как у нас тут: сверху небо, а снизу — земля; стало быть, мы где-то посередине, — мечтательно заметила Кара.

— Но ближе земле или к небу?

— Я бьюсь над этим целую жизнь борьбы. Пока не знаю. Наверное, это плохой вопрос. У неба нету края, а у земли он есть. Потому землю всегда легче увидеть и ощутить, по земле ходить хорошо — всегда знаешь, что она под лапами, и понимаешь, на чем стоишь, а упасть невозможно. Вверх же можно стремиться сколь угодно — пути не будет конца. И там легко потеряться — слишком много свободы.

Видимо, у Кары говорить иносказаниями вошло уже в привычку. В конце концов, она ведь наставница, амарах, ей нужно думать не только для себя. Молодая шамани хотела пуститься с нею в плавную, красивую беседу о мире и жизни, как тут вспомнила, что есть еще один, крайне важный вопрос. Сердце застучало от догадки.

— Львица не знает, из какого прайда была Аратта?

Кара подарила ей ясный взгляд. Сэнзалли присмотрелась к ней. «Странно, какого она происхождения? На Саргали не похожа. Но и на дочь равнины — тоже», — подумала юная шамани.

— Я не знаю, хорошо ли сохранилось имя прайда сквозь предания за эти года. Я знаю, что Аратта была дочерью прайда то ли Вилери, то ли Вилари. Возможно, теперь он зовется по-другому...

— Велари! Велари-прайд! — яростно сказала Сэнзалли, но вовсе не из-за того, что Кара вымолвила имя прайда чуть неправильно.

— Значит, имя сохранилось неплохо... — заметив бурные чувства молодой шамани, повела ушами Кара.

Сэнзалли лежать уже не могла.

— Теперь мне понятно... Теперь мне понятно много больше, чем раньше!

Потом она застыла на месте, не сводя глаз с мелочи — маленькой косточки, которая неизвестно как оказалась на вершине — как это часто бывает в те моменты, когда сознание полностью поглощено мыслью.

— Мне во прайде Велари отдали панцирь, очень древний, — наконец, молвила Сэнзалли, продолжая глядеть на косточку. — Точнее, не отдали, а выбросили, а я подобрала: не могла его просто так оставить: я знала, что это вещь многих поколений шамани прайда Велари... И, скорее всего, Аратта — последняя в этом поколении. Это — я уверена — была ее вещь. Это — панцирь Аратты.

Теперь Сэнзалли, ярко ослепленная верной догадкой, подумала, что всё поняла. Но, чуть остыв, уловила — это кое-что объясняет, но лишь кое-что. Не главное.

Но всё равно ее сердце согрело то, что *знаки* оказались совершенно, точно верны.

Кара сидела молча, ибо Сэнзалли стояла с таким выражением мордочки, будто вот-вот желала что-то сказать, но никак не находилась со словами.

— Но этот панцирь истлел, — на выдохе молвила молодая шамани, поглядев на амарах.

— Истлел? — повернула Кара голову чуть набок.

— Сгорел в огне. Я принесла его в свой прайд, оставила под деревом, а в дерево попала молния. Оно упало, и панцирь сгорел вместе с ним. С того времени я маюсь...

Кара не могла себе представить полной картины того, что случилось со Сэнзалли. Она понимала — происходило и происходит что-то очень важное лично для нее. Почтительно выждав, она заметила:

— Молния — это всегда знак очень большой силы. Шамани Больших гор считают молнию символом тропы знания.

Сэнзалли села спиной к амарах, забыв о приличиях, и начала теревить хвостом, совершенно уйдя в себя.

— Сэнзалли, я сказала всё, что знала, — подошла к ней Кара.

Молодая шамани повернулась к ней:

— Теперь, выходит, я всё знаю... Но что дальше?

— Сэнзалли... Дочь, послушай меня. Тебя ждет очень многое. Я даже не буду брать кости — я это насквозь чувую.

— Я совершила то, что должна. Что мне делать дальше? — хотела совета Сэнзалли. — Я не знаю, как поступать. Хорошо, когда знаешь... Но когда — нет?

Кара долго и обстоятельно подбирала слова, чтобы как можно лучше передать собственные ощущения Сэнзалли.

— Не знаю. Ждать. Ты, скорее всего, стала преемницей новой линии шамани, и эти шамани были очень сильны. Я вижу, что твоя наставница — ничто по сравнению с ними. Твоим предком знания стала Аратта и вся ее линия. Потому твоя сила приказывала тебе придти сюда — на то место, где эта линия оборвалась. Аратта была молодой львицей, у нее не было учениц.

— Что со мною будет? — с меланхолией жизни спросила Сэнзалли, с непередаваемым изяществом обвив себя хвостом.

— Не знаю. Вполне возможно, что ты не выдержишь и погибнешь. Ты сама приняла это, и тебя ухватил *вирд*. На тебя обратила внимание сила. Это никогда не бывает легко. Будь сильной. Я не знаю, чем это закончится. Как и ты. Чем-то должно закончиться. Всему приходит конец, а в этом и наше проклятие, и наше счастье.

Кара взяла правую лапу Сэнзалли и поглядела между когтями: молодая шамани, взбираясь, поцарапалась и там чуть выступила кровь.

— Ты сделала то, что должна была сделать, — молвила амарах, пригладив ее лапу. — Ты пришла сюда без пятен, притащив на себе раненого льва, не ожидая награды и действуя ради безупречности. Ты проделала большой путь и следовала знакам. Ты мне нравишься, Сэнзалли. Я была бы польщена иметь такую ученицу. Всё это точно приведет тебя... к чему-то. Не знаю, что тебе уготовано. Но если ты всё пройдешь так же безупречно, как шла до этого, то точно станешь той, которой должна стать.

Сэнзалли так и подмывало спросить «Кем?», вопрос аж светился в ее глазах. Кара поймала это.

— Не знаю, Сэнзалли, кем станешь ты. Когда я пытаюсь к этому прикоснуться, то не могу. Хорошо видишь лишь простые и понятные судьбы, которые схожи, как две капли крови — это всегда просто. Но здесь — непроглядная темнота. Такая, что невольно получаешь страх.

Кара оставила ее лапу в покое и сказала:

— Я оставлю тебя наедине, Сэнзалли. Подумай то, что должна подумать.

— Амарах Кара!

— Да? — обернулась та, и ее взгляд показался Сэнзалли чуть испуганным, словно она опасалась оставлять Сэнзалли одну.

— У меня есть еще вопрос. Прошу львицу. Если я не спрошу у Кары, мне больше не у кого будет спросить.

— Спрашивай, конечно.

Сэнзалли, усмирив робость и неловкость, рассказала о случае с Аярром и о том, как встретила Градиву.

— ...Градива сказала, что для меня это почти что единственный способ набраться силы. Нужно отдаться льву, но перед этим пойти к воде и заговорить такую речь: «Суть твоя — отдавать свое, моя — принимать твое. Возьми...».

— ...сильный, меня — слабую, желей, сильный, меня — слабую, отдай, сильный, мне — слабой, — продолжила Кара, не сбившись.

— Вижу, львица знает, — смутилась Сэнзалли.

— Конечно. Можешь дальше не рассказывать. Известен мне этот древний ритуэль.

Сэнзалли замолчала, поджав лапку, молчала и Кара. Полагаясь на ее чувство разговора и ум, Сэнзалли ждала от нее какого-то ответа, слова, хотя бы оценки. Но Кара терпеливо ждала, пока не прозвучит сам вопрос.

— Я не знала до этого льва. Я решила, что сделаю это с... одним из моего прайда, — Сэнзалли решила не раскрывать имени. — Но в последний момент я побоялась. Не за себя — а за него. Я побоялась это делать.

Поняв смущение Сэнзалли, Кара ответила:

— И очень правильно побоялась. Тебе эта Градива рассказала не всё, либо сама мало что знала. Да, это правда — таким путем можно получить весьма много силы. Всё верно. Верно и то, что лев при этом получает сильнейшее, страстное удовольствие — так из него выходит сила жизни. Но потом он в лучшем случае тяжело заболевает, если крепок телом и духом. А скорее всего — умрет, за один-два дня. Именно поэтому это знание тяжело и опасно — кто ж отдается тому, кто не нравится; а разве желаешь гибели и страданий тому, кто нравится? Ладно, спросишь ты: мы готовы на всё ради силы, и можно найти кого-нибудь, кого не жалко, и проделывать с ним такое, разве не так?.. Но! Насколько будет плохо льву, так еще хуже будет шамани — так в нее будет входить чужая сила. Я знаю, что при этом она будет испытывать невероятные мучения, и вполне может от них тоже умереть. Так что получается, что эта погоня совсем не стоит добычи. Так что вот так... Можешь ведать это знание лишь для того, чтобы его остерегаться.

Сэнзалли решилась: раз уж спрашивать, так всё. Кто знает — может и не будет больше случая.

— Кара знала тех, кто делал такое?

— Ах, всё еще любопытствуешь, — без особого одобрения сказала Кара, и сделала шаг навстречу. — Нет. Но моя наставница — знала.

— Она что-то рассказывала о них?

— Не рассказывала. Она лишь дала мне это знание, и сказала, что оно очень опасно. Это знание — от шамани древности, а все они были полубезумны. Она советовала мне «лишь знать, чтобы внять, чего опасаться». И амарах Кара советует тебе то же самое, — сдержанно и твердо закончила речь амарах.

— Благодарю, Кара, — Сэнзалли действительно ощущала к ней огромную благодарность. Хорошо, что хоть кто-то может дать ответы на вопросы, что мучают тебя. Всегда бы так. Неважно даже, плохие ответы, либо хорошие; главное — что они есть.

Кара походкой усталой львицы, что идет с охоты, поплелась вниз. Чуть склонив голову вниз и расслабленно ставя лапы, она влачила хвост почти по земле.

— Ты еще что-то хочешь спросить? — вдруг обернулась она.

Сэнзалли подумала.

— Нет. Нет, спасибо.

— Хорошо. Пребывай здесь столько, сколько ощутишь нужным.

Сэнзалли думала, что Кара уже ушла, как тут услышала голос:

— Этот Аявр, львенок... Он тебе родственником был? — громко спросила Кара, находясь уже весьма далеко внизу.

Амарах выглядывала из-за каменной стенки, что скрывала тропу вниз.

— Нет, — покачала головой молодая шамани. — А что?

Поколебавшись, Кара ответила:

— Так... Ничего.

И мелькнул ее хвост.

Сэнзалли осталась одна.

Она начала одиноко ходить взад-вперед, раздумывая. «Сегодня я узнала много, очень много. За этим я и шла — знаки оказались верны. Но что дальше? Что всё это значит?». Сэнзалли считала, что когда придет во прайд Черной луны, то всё расставится по местам, всё станет понятно. Она ждала окончания всего, какого угодно. Но тут она получила лишь больше понимания, теплый прием, внимание, кой-какое знание и... и всё.

Прекрасно: теперь она знает, что ее предками знания стала Аратта и ее линия. Теперь понятно, когда всё это схватило ее душу: именно тогда, когда она взяла панцирь из Велари.

Кстати, о панцире.

— Прости, Аратта-шамани, что твоя вещь истлела в огне молнии. Не желала я этого, но так случилось, — поклонилась Сэнзалли обрыву и снова взглянула вниз. Желание смотреть вниз, на мир земли, было почти непреодолимым.

Может, вовсе не стоило его брать, этот панцирь? И если она действительно теперь преемница рода знания Аратты, так что с нею станет?

«Нет-нет, такие мысли трусливы».

А, может, в этом и есть суть: Сэнзалли просто должна придти и почтить это место, где погибла та, кому надлежал своевольно взятый панцирь? На этом можно умыть лапы, вздохнуть и вернуться домой, тешась, что с тобою приключились такие интересные. Будет что детям рассказывать. Или ученицам.

Но тогда что делать с тем, что она стала преемницей этой линии? А если это правда? Почему так?

Это ведь к чему-то да обязывает, а Сэнзалли верна своим обязанностям. Это похоже на то, как встретить родного брата сквозь года, даже не подозревая о нем. Прекрасно, вы встретились, обняли друг друга и... как жить дальше? Всё так же, как было, или нет?

«Ах, может Кара просто ошиблась или оговорилась?», — разлеглась Сэнзалли, греясь на солнце и смотря в небо.

«А если не ошиблась, то куда мне? Что мне? Кара ведь сказала, что Фриная не идет ни в какое сравнение с теми, чью линию я получила. Но я-то сама мало чего стою... Я даже не могу уловить, что всё это значит, и понятия не имею, что делать дальше».

И что, шакал возьми, делать с Аярром, Градивой и ее знанием? Зачем Градива сказала ей полуправду? Это часть всего этого, не часть? Как собрать эти загадки воедино?

«Что от меня требуется? Что именно жизнь хочет от меня? Что именно... Если бы умела предсказывать, так непременно бы это сделала».

К сожалению, Сэнзалли не умела ни на чем предсказывать.

«Может, попросить Кару раскинуть кости для меня? Или попробовать задать вопрос «Что дальше?» в сновидении? Или оно снова будет лишь чередой смутных видений безо всякой возможности контроля?».

«Может, я схожу с ума? Верно, так сходят с ума, да?».

«Почему Градива не рассказала мне о той опасности?».

«О небо, как много «почему» для меня, молодой...».

Только теперь Сэнзалли ощутила, насколько она устала. Вытянув передние лапы в пустоту, она прилегла у обрыва, несколько не заботясь о дикой опасности такого положения. Страх у нее вообще как-то притупился, спрятался где-то в уголке души, не смея надоедать собственной назойливостью, и Сэнзалли даже нечаянно подумала: «Может, это знак того, что мне следует улететь туда, за Араттой? Ха-ха, судьба знает иронию, почему бы и нет. Вот я приду домой, а там мне скажут: «Прости, дорогая, мы тут все подумали и посоветовались, потому вот что: не нужна ты нам, как шамани. Поступай как хочешь, ступай, как угодно». Я ж говорила Аргиру, что в таком случае, мол, наемся строфанта. Ага. Наешься... Обьешься. Все мы хороши на слова, все мы лишь болтаем. Ведь страх правит...».

«Или к шакалу прайд? Пусть живут, как хотят, а я буду в нем, беззаботная».

«Нет, не выйдет. Ведь поклялась я смертью Аярра, что буду служить ему, а такие клятвы не нарушают».

Наконец, она встала и отряхнулась. О, странность! Ей показалось, что прошло не так уж много времени, но уже... закат! Сэнзалли быстро сошла вниз, и сразу наткнулась на десяток львов и львиц, которые устремили к ней любопытные взоры.

Среди них была Кара, Сибила и еще две львицы-подростка, у которых на левой щеке находились три полоски.

— Посмотрите на эту львицу, — сразу же молвила Кара, указав носом на Сэнзалли.

Отозвались лишь ученицы:

— Глядим, амарах, — нестройно сказали они.

— Это — дочь рода знания Аратты. Имя ее — Сэнзалли. Запомните.

Они кивнули, глядя то на Кару, то на Сэнзалли:

— Запомним, амарах.

Сэнзалли в неловкости сделала шагок назад:

— Спасибо за всё, амарах Кара. Я, верно, пойду.

— Хорошо. Ты возвращаешься домой, в Союз? — подошла к ней амарах.

— Да. А почему львица спрашивает?

— Чтобы я знала, на какую тропу тебя вывести. Пойдем.

Пошли.

— Это был ваш прайд? — Сэнзалли удивилась, что ей было такое внимание.

Кара просто ответила:

— Да, только не все. Львы ушли по какому-то делу. Да нас немного — два десятка голов.

Сэнзалли призналась, с легкой тревогой посмотрев на алое небо сумерек:

— Я зачем-то представляла, что прайд Черной луны — большой.

И вдруг подумалось ей: «Вот любопытно — почему «Черная луна»? Луна-сестра хранит в себе белизну и чистоту, что ей до черноты? Если в небе взойдет черная луна, так ее не увидеть; а если не видишь, не ощущаешь вещи — так считай, для тебя ее нет».

Ход мыслей Сэнзалли стал странноватым и парадоксальным: было совершенно невозможно предугадать, к чему одна приведет другую.

«Здесь нет места глупой серьезности или желания утратить. Ведь «Черная луна» звучит странно и непонятно, должно нагнать страху и опасения. Но, я чую — здесь совсем не это. Должна быть причина, хорошая причина для такого названия».

— Нет... И никогда таким не был, — ответ Кары прервал рябь размышлений.

— Но известный, — заметила Сэнзалли.

— В Больших горах — весьма. К нам часто Саргали-шамани приводят своих учениц.

— «Саргали» — так себя называют северняки, да? — спросила Сэнзалли, чтобы окончательно увериться.

— Именно.

Юная шамани кое-что вспомнила:

— Я не отдала почтение главе вашего прайда. Нехорошо получилось.

— Он ушел со львами. Не переживай, у нас не всё так строго, как у вас в Союзе. Или у Саргали. Мы просто живем, — беззаботно ответила Кара.

— А почему прайд львицы так зовется? Что такое Черная луна? — хвост предательски дернулся. «Ох, до неприличия любопытна я! Пришла тут, расспрашиваю всё на свете... Наглость — она счастье для других, но не для меня».

Кара же охотно отвечала на любое:

— Дело в том, что здесь, на утесе Аратты, всякая шамани себя превосходно чувствует не в полную луну, но в новолуние. Новолуние и есть черная луна. Именно она здесь дарит силу. Так, по крайней мере, говорит предание и так говорили мои предки.

— А что, на самом деле не так?

— Как у кого, если честно. Мне, например, лучше всего в полную луну.

— А почему прайд Черной луны поселился здесь... а прайд северняков, насколько я понимаю, ушел?

— Тот прайд назывался Таллалу-Саргали, я уже говорила. Они ушли, потому что им стало плохо после смерти Аратты; а наши предки поселились, потому что здесь они почувствовали себя хорошо. Только потом они узнали подробности об этом месте. Аратта стала для нас одним из символов шамани. Совершенно удивительно, что об этом не знают в Союзе...

Кара с неким укором поглядела на молодую шамани Союза, и та приняла укор.

— В конце концов, здесь хорошие земли, — подытожила Кара.

— А где теперь Таллалу-Саргали?

— На север и запад, два дня хорошего пути.

— А они никогда не желали вернуться?

— Нет, — очень твердо, жестко ответила Кара.

Сэнзалли подумала, что надо прекращать все эти расспросы. Хватит с нее сведений, не стоит бессовестно хватать лишний кусок. Мягко поинтересовалась:

— Кстати, как себя чувствует Намтаву?

— Мы его вытянем. Отравили его, — вздохнула Кара, перепрыгнув через большущий корень.

— Отравили?

— Да.

— Я так и знала, что он не дрался. Не от драки его слабость! — фыркнула Сэнзалли. А Меана так утверждала, что он дрался! Нет, тут дело куда темнее... Впрочем, все мы живем во лжи, легкой или большой. Пусть так.

— Отравили неумело, правда, вот и жив. Ладно. Идешь по этой тропке, пока не выйдешь полностью из гор, потом следуй...

— Да я знаю, спасибо. Благодарна за всё.

— Не за что, пустяки. Было приятно познакомиться, поговорить, — очень просто и буднично молвила Кара, словно они были просто подругами, что ненадолго прощаются. — Будешь когда-то проходить мимо — заходи.

— Хорошо, — так же просто ответила юная шамани.

— Что ж, тогда пока.

— До свидания, амарах Кара.

Сэнзалли немного постояла, а потом решительно затрусила навстречу югу, домой. Она прошла уже довольно много, как тут сзади послышался рык, что у всех львиц примерно означает «Стой! Постой! На месте! Оставайся!».

Не зная, ей ли предназначен рык, она всё же очень сбавила темп.

— погоди, Сэнзалли! погоди! — услышали уши Сэнзалли. Она обернулась.

— Я даже не поблагодарила тебя! — быстро бежала Меана. — Пусть твой путь будет добрым и счастливым!

— Пожелай лучше: сильным.

— Пусть твой путь будет сильным, львица Сэнзалли! Пусть будет сильным!

И...

— Ничего не говори больше. Пожалуйста. Закончи только этим.

Меана было раскрыла рот, чтобы еще что-то сказать, но потом вняла просьбе и лишь кивнула. Сэнзалли почему-то обняла ее и ушла прочь, в ночь.

**

Когда Хеналу сообщил конунгу, что прайдов Ваал-сунгов — два десятка, то он немного приврал. На самом деле их ровно один десяток и восемь.

И когда конунг Союза изумлялся, как такое возможно: два десятка прайдов?! вместе?! и еще куда-то медленно, но верно направляются?! этого быть не может! — то это изумление суть вполне справедливо. Это действительно невозможно, правда с одним условием: если у прайдов нет того, что соединяет их вместе.

А у Ваал-сунгов («Ваал-сунги» примерно значит «львы и львицы Ваала») это более, чем есть. Это — вера. У них есть Ваал: тот, кто вдохнул в них жизнь, сделал избранными, дал законы, по которым надо жить и пообещал Нахейм — то место, где всем и каждому будет хорошо, и в которое неизменно попадешь, если будешь следовать вере, родившись, прожив и умерев правильно.

Ваал-сунги — это не маленькая группа прайдов, которая верит в какую-то свою мелочь, вроде гунналов на западе от Союза. Ни гунналы, ни какие-либо другие прайды не идут ни в какое сравнение с Ваал-сунгами. Далеко-далеко от Союза, примерно три луны пути льва, на родине Ваал-сунгов, никто и не помышлял случайно или намеренно забрести на их земли. А тем более бросить вызов. Никто даже не жил на окраинах их земель. И когда они все медленно, но верно, согласно пророчеству Высокой Матери, отправились искать Нахейм — место, обещанное Ваалом — то всякий прайд или группа прайдов, что попадались им на пути, понимали: лучшее, что можно сделать против Ваал-сунгов — так это удрать с их пути.

Те, кто решался остаться и договориться, видели, что Ваал-сунги совершенно повсюду чувствуют себя, как дома. Никаких церемоний. Вот уже пятерка львов спит там, где раньше спал уверенный в себе правитель прайда, дети Ваал-сунгов играют в водопое, а Ашаи-Китрах, взобравшись на ближайшую возвышенность, творят там нечто совершенно непонятное. Эта крайняя уверенность пугала и завораживала остальных, парализуя и без того небольшую волю к сопротивлению.

Оставшиеся, в принципе, могут рассчитывать на сносную жизнь, если будут послушны всякому Ваал-сунгу и каждой Ваал-сунге, если будут охотиться для них и уступать всё, о чем ни попросят. Можно жить лишь надеждой, ведь пройдет луна или год, а может два — но Ваал-сунги точно рано или поздно уйдут. Ведь им надо в Нахейм.

Некоторые — как правило, это молодежь — живут надеждой, что Ваал-сунги примут их. И такое иногда случается: кто-то из старших сестер Ашаи-Китрах вместе с главой прайда внимательно осматривает желающих и выбирает несколько самых лучших.

Но кто решится сказать что-то против, тому путь один — в никуда.

Конечно, не всё всегда так гладко. Вот кто-то решился на сопротивление, и вот уже драка с очень предсказуемым концом. Вот два прайда Ваал-сунгов смели какой-то маленький прайдик и решили ненадолго остаться, пока остальные чуть пройдут вперед. Но львы и львицы, а их был десяток, что спали в пещере здешней ведьмы-шаманаи (уже убитой, естественно — мерзкие шаманаи, неугодные Ваалу, должны умирать всегда и везде) почему-то почти все поумирали от странной болез-

ни — сестры Ашай-Китрах смогли спасти только двух. Ну, неприятность, бывает. И так встретимся в Нахейме. Ведь с нами — Ваал, а с ними что? Правильно. Ничто.

Ваал — это не совсем бог, не лев и не львица, не дух и не что-либо другое. Ваал — это Ваал, и он воплощает в себе как начало льва, так и начало львицы. Он не создал мир, но создал самих Ваал-сунгов.

Впрочем, если Ашай-Китрах однажды скажут, что Ваал создал мир, то Ваал-сунги примут это безо всякой заминки. Им виднее, ведь они видят Ваала.

Ах да, Ашай-Китрах. Это львицы, что «знают Ваала» и суть посредники между ним и всеми Ваал-сунгами. Хотя бы одна из сестер Ашай-Китрах должна быть в каждом прайде. Без них прайд считается совершенно неполноценным, и быть прайдом Ваал-сунгов уже не может.

У каждого прайда есть глава — муганг.

И есть правитель всех Ваал-сунгов. Титул у него простой и понятный каждому: «Лапа Ваала».

А вот, кстати, и правитель Ваал-сунгов. Сегодня чудесный день и он, Мирэмай-Халу, лежит в тени огромного баобаба после хорошего обеда, во прайде Дэнэнай. У правителя нет своего прайда, любой из прайдов Ваал-сунгов — его. Он их иногда меняет — для разнообразия или согласно обстановке. Если мирное время, «время постоя», как говорят Ваал-сунги — то, как правило, он находится том прайде, который сейчас в центре огромной формации Ваал-сунгов, что растягивается на многие дни хода (ведь каждому прайду нужно свое место для комфортного проживания и пропитания). Если «время похода» — то, как правило, ближе к авангарду, то есть тем прайдам, что идут во главе огромного потока Ваал-сунгов.

У Мирэмай-Халу есть лишь небольшая охрана из четырех львов, которая почти повсюду ходит вместе с ним. Она лишь так, на всякий случай — от гиен с леопардами разве что. Ведь его защита — это все Ваал-сунги.

Он вытянул лапы, подумав: «Нужно меньше жрать».

Умная мысль. Мирэмай-Халу всегда знает время, когда надо остановиться. Ведь если будешь слишком толстый, то делать переходы станет трудно, некомфортно.

С ним лежат две его львицы, из четырех. Остальные две отдыхают — всяческое обхаживание и доставление удовольствия Лапе Ваала это тоже работа, которая требует отдыха. В их обязанностях вообще лишь три вещи: отдыхать, смотреть за собой и ублажать правителя. Можно охотиться, а можно и нет. Можно приглядывать за детьми прайда в свободное время, а можно и нет. Беременеть можно, но не очень часто — Мирэмай-Халу не слишком любит, когда его любимая львица должна уходить и приходится выбирать другую, еще неопытную.

Впрочем, Мирэмай известен своим добродушным нравом, так что сетовать не на что.

Так или иначе, вдруг забеременевшая львица правителя с почестью отпущается в свой прайд, откуда пришла. Это большая честь — носить под сердцем дитя лапы Ваала; правда, это не даст ему в жизни почти никаких поблажек. Он или, тем более, она, никогда не станут наследниками.

А Лапа Ваала, если хочет, ищет себе новую либо же кому-то это поручает (самому ведь все прайды попробуй обойди).

Некто может подумать, что этот толстоватый, неуклюжий лев с грязно-желтой от природы шерстью, да еще небольшого роста — комичен, глуп и смешон. Отнюдь, нет, отнюдь. Это создание, обладающее почти абсолютной властью. Кроме того, за узкими глазами скрывается хороший, прагматичный ум, всегда точно знающий, что делать стоит, а чего нет. Он умеет и наказывать, и поощрять. И, самое

главное, он прекрасно знает, на что опирается его власть. Потому он невероятно благосклонен к любой Ашаи-Китрах, даже ученице.

Также можно подумать, что свои дни Лапа Ваала коротает лишь в сплошном удовольствии. Это не так. Кроме того, как ни странно, почти всё то, что доступно ему, доступно и всякому взрослому Ваал-сунгу.

Но всё по порядку.

Мирный и сладкий покой Мирэмая-Халу был потревожен львицей. Она вся в пыли, грязи, лапы чем-то посечены, а хвост, похоже, и вовсе побывал в болоте.

— Мой сиятельный и храбрый хозяин, Лапа Ваала! Я удостоилась принести тебе новые вести от авангарда, — поклонилась она до земли, глубоко, но быстро и чуть небрежно, как и все посыльные: это им слишком часто приходится делать.

Мирэмай-Халу тут же отозвался:

— Говори.

— Авангард сообщает, что на пути у них появится некий союз прайдов, известный на тех землях, на которые мы ступим. К нему еще не очень близко, но о нем знают все свободные, и охотно о нем рассказывают.

— Хорошо. Что, это всё? — с чувством сытого превосходства спросил Мирэмай-Халу, спихнув со своей спины львицу, что спала.

— От свободных мы узнали, что в этом союзе — семь прайдов. Каждый насчитывает около пяти десятка голов. Свободные говорят, что этот союз сильнее обычных прайдов.

— Ооо, вот как, — с преувеличенной озабоченностью молвил Мирэмай, и сел. — Он у нас на пути?

— Именно так. На севере — горы, на юге — трудное плоскогорье.

Правитель Ваал-сунгов махнул лапой.

— Сметем его. Хехе, это будет веселее, чем обычно. Так. Так. Ну наконец-то что-то интересное. Кто у нас теперь в авангарде? Какие прайды? Э, эй, Синарр, напомни, — окликнул он своего верного порученца и советника.

Тот спал неподалеку; удивительно, но, сразу же встав, он так же сразу и сказал:

— Ху́стру, Дэнэна́и и Йону́рру, Лапа Ваала, — и потер сонные глаза.

Мирэмай потрогал нос, потом зачем-то подул на когти. Посыльная внимательно наблюдала за ним, ожидая указа.

— Поручи это поначалу Ху́стру и Йону́рру, — после раздумья молвил Мирэмай. — Мне сейчас лень уходить с этих земель. Пусть всё разузнают. Если к ним кто-то придет из этого... союза... то пусть подождут меня, пока я приду. Или нет, нет. Пусть лучше говорят, как обычно: или полное послушание, или смерть. Если Ху́стру и Йону́рру не справятся, то пусть просят о помощи. А Дэнэна́и пусть ждут и отдыхают. Они и так славно сражались последний год. Потом к авангарду подойдут и остальные. Центру, чтобы поднянуться, нужно шесть-семь дней. А хвост может пока вообще не спешить.

— Да, хозяин, Лапа Ваала, — кивнул Синарр.

— Это всё? — спросил он у посыльной. Та кивнула утвердительно.

Сина́рр подошел к правителю, легко поклонился и спросил:

— Как передать сообщение авангарду? Посыльной или через Вестающую?

— Через Вестающую. Дело хоть и не очень-очень важное, но не пустяки.

В распоряжении правителя Мирэмая (как и его предшественников) есть нечто совершенно необычное, что может привести в трепет любого, кто не принадлежит к Ваал-сунгам, и внушает уважение всякому Ваал-сунгу. Он может передать

небольшое сообщение за одну ночь, причем расстояние не играет совершенно никакой роли.

Как? Сейчас станет понятно.

У Ашаи-Китрах совершенно особый подход ко всему. Из всего они стараются вытащить пользу, в первую очередь — пользу для прайда. Когда-то очень давно, когда Ашаи хорошо научились *сновидению* (а научились они у шамани, которые вообще, по сути, есть предками знания для всякой Ашаи-Китрах), то сразу возник вопрос: а чем оно может быть полезно? Поиски свободы, смысла, абстрактное созерцание, изучение других миров и сила не особенно интересовали Ашаи — для них ответы на все основные вопросы бытия уже готовы. Ваал — их ответ. Они сразу же смогли сосредоточиться на практической стороне вопроса. Потому, как ни странно, они добились, помимо всего прочего, и невероятной вещи — научились передавать сообщения друг другу в *сновидении*.

Всё было бы идеально, если бы такое умела каждая Ашаи-Китрах. Но это лишь удел немногих избранных, у которых есть талант, способности, и которые прекрасно научились сновидеть. Их называют Вестающими. И сейчас Вестающих среди всех Ваал-сунгов всего лишь четыре. Четыре на все восемнадцать прайдов. Одна, самая сильная — всегда там, где правитель. Две — во прайдах авангарда. Одна — в хвосте, арьергарде. Каждая из них, что не с правителем, обязана каждую ночь входить в сновидение и принять сообщение, если оно будет. Как правило, это односторонняя связь — Ашаи, что с правителем, сообщение передает, а остальные принимают. Но часто Вестающие из прайдов передают действительно важные сообщения.

Несмотря на кажущиеся ненадежность, странность и эфемерность, на практике такая связь убедительно доказала свою огромную ценность.

Вестающие, естественно — совершенно особая каста. К ним даже нельзя притрагиваться без разрешения. Любой, кто разбудит ночью Вестающую, обречен на смерть. Охотиться им вообще нельзя, да и не нужно. Любая Ашаи-Китрах, став Вестающей, независимо от возраста становится старшей сестрой. Все Вестающие знают друг друга лично — это крайне необходимо для связи. Также только Вестающие отбирают сред учениц тех, кто может продолжить их ремесло в будущем.

— Хорошо. Я передам Вестающей. Да, еще воины нашего прайда утром поймали шаманаю, — оживился Синарр.

— Ох, ну что за пустяки ты мне говоришь! Лучше сбереги мне время на сон! — раздраженно сказал Мирэмай, махнув лапой посылной, мол, можешь уйти.

Посылная устало побрела прочь.

— Мой хозяин, Лапа Ваала, ты говорил, что сам будешь выцарапывать глаза каждой шаманае, — напомнил порученец Синарр.

— А. Да... Нет. Не хочу. Меня на всех не хватит. Обленились совсем! Поручи это молодым Ашаи-Китрах. Это укрепит их дух.

— Не советую, мой хозяин, Лапа Ваала, — раздался вкрадчивый, поставленный голос.

— Аааа... Ваалу-Шима, подойди, моя хорошая. Говори, что желала.

Ваалу-Шима — одна из старших сестер того прайда, в котором сейчас находится Мирэмай.

— Пусть Лапа Ваала не отдает молодым ученицам неверную шаманаю. Пусть лучше ею займутся молодые воины.

— Это почему так?

— Ученицы еще, естественно, учатся. Потому нестойки и в них может взрасти жалость. Кроме того, убивать — не дело сестер Ашаи-Китрах.

— Всякая сестра, что служит Ваалу, должна уметь убивать в его имя! Это говорю я, Мирэмай-Халу.

— Именно так, мой сиятельный и храбрый хозяин, Лапа Ваала. Львы могут охотиться, а львицы — быть воинами. Но каждый будет лучшим лишь на своем месте. Так приказал Ваал, — ловко и умно выкрутилась Ваалу-Шима. Вообще, почти все Ашай изворотливы и хитры.

— Что ж... Пусть так, — подобрел Мирэмай. — Кстати, как нашли шаманую?

— Ее случайно учуяла Ваалу-Нирзая. Ученица, хорошая и способная. Она была с воинами на обходе. Они поймали ее спящую.

Мирэмай немного подумал и спросил у советника:

— Ваалу-Нирзая — уже хаману?

Тот напрягся, ибо не помнил.

— Еще нет, — ответила за него Ваалу-Шима.

— Хорошо. Это очень хорошо. Пусть придет сегодня вечером, я лично рассеку ей ухо.

— О, я передам Нирзае эту приятную новость, — сразу же подхватил Синарр.

— Какая щедрость, — заметила Ваалу-Шима. Ваалу-Нирзая — еще совсем юная львица, и стать хаману в таком возрасте, да еще от самого правителя — огромная честь.

— Сегодня он в прекрасном настроении, — шепотом, со смешком молвила одна из львиц Мирэмая.

Львицы Ваал-сунгов, в том числе и сестры Ашай-Китрах, не могут иметь детей по праву, данному природой просто так, от рождения. Они даже не могут быть со львом, пока не прошли инициацию во взрослую жизнь. Разрешение на это может дать лишь правитель Ваал-сунгов, глава прайда и еще старшие сестры Ашай-Китрах. После разрешения львица-вольсунга становится «хаману», то есть «принятой». Всех красивых и хороших львиц превращали в хаману в юном возрасте, как они только стали готовы принять льва и быть матерями. За проступки, непослушание и наказание львице могут и не дать отличие хаману вовремя; это, как правило, сразу выбивает глупости из головы, ибо становится серьезным пятном для львицы и ее рода, да и сразу вносит сильное беспокойство в душу и тело той, с которой случилось такое несчастье. Безобразным, увечным и некрасивым львицам хаману не позволяют быть вовсе; также забрать отличие хаману могут в качестве очень сурового наказания.

В общем, отличие хаману могут как дать, так и забрать. Забранное звание хаману не отдается больше никогда. В знак того, что львица стала хаману, ей сильно рассекают когтем левое ухо. Если у львицы забрали звание хаману, то ей рассекают правое ухо, а часто — и откусывают половину. Львица, что родила львят, еще не ставши хаману (или утратив этот статус), сразу изгонялась прочь, а ее потомство убивали. Иногда убивали и саму мать. Также она не может даже просто отдаться любому льву — за это также изгонят, да никто и не возьмет. Но жить во прайде можно, охотиться тоже, всё как обычно. Кроме одного — нет права на льва и на детей.

Само собой, о связи с чужаком большинство львиц Ваал-сунгов боится даже подумать — это абсолютно запрещено. Если львица уж очень хочет какого-то льва-чужака, то сперва он должен стать Ваал-сунгом и получить отличие ринасу.

Потому в среде львиц Ваал-сунгов правят прекрасные послушание и дисциплина.

Со львами — чуть иначе. Право обладать любой принятой дочерью Ваал-сунгов — хаману — нужно не смиренно дожидаться, а заслужить. Это значит стать «ринасу». Заслужить можно лишь несколькими способами: поучаствовать в реальной драке и, тем самым, стать воином; еще лучше — не просто поучаствовать, а убить врага или неверного, и это должны подтвердить братья по прайду; выполнить рискованное задание, требующее смелости, по поручению главы прайда, причем задание всегда обсуждается на собрании прайда (чтобы никому не досталось слишком легкого); отличиться умом, сообразительностью и лидерскими качествами перед правителем Ваал-сунгов.

Также любому ринасу позволено обладать любой львицей-чужачкой, будь она хоть во прайде, хоть вне его. Всё равно. Это не зазорно. Но не Ваал-сунгой, что еще (или уже) не хаману! Это строго воспрещается.

Сестры Ашаи-Китрах, по традиции, не имеют никакого влияния на то, станет ли какой-либо лев ринасу или нет. Но, на самом деле, в этом вопросе старшие сестры часто становятся советчицами правителей прайдов и властелина всех Ваал-сунгов.

Львы Ваал-сунгов также могут утратить свое право обладать львицами; причем утратить свой статус им намного легче, чем львицам. У львицы звание хаману забирают при очень тяжких проступках или при отрицании веры Ваала. А звание (Ваал-сунги называют его «отличием») ринасу могут забрать при проявлении трусости, нежелании покоряться старшим и главным, и даже невыполнении какого-то задания или ошибке. Также сестры Ашаи-Китрах могут посоветовать главе прайда или правителю забрать ринасу у какого-то льва, только это должно быть обосновано.

В знак того, что лев стал ринасу, ему рассекают правое ухо. Если он утрачивает это звание, то ему откусывают половину правого уха. Но ведь есть еще левое! Потому среди Ваал-сунгов ходит поговорка о «левом ухе» — то бишь, о втором шансе в каком-либо деле. Сын Ваал-сунги может во второй раз обрести звание ринасу, в отличие от львицы. Тогда ему рассекают левое ухо. Но если он снова утратит право самца, то ему откусят и половину левого уха. Всё, ушей больше нет, а значит и шанса.

Оттого Ваал-сунги дерзки, смелы, ищут битвы, крайне исполнительны и преданны. Каждый хочет быть ринасу, и никто не хочет утратить это отличие.

Льву, что еще не обрел звание (или утратил) ринасу, и который был уличен в связи с любой львицей, будь то вольсунгой или чужачкой — грозит смерть. Или изгнание, если он успеет убежать. Убегать из одного в другой прайд Ваал-сунгов практически бесполезно: о том, кто пришел жить в другой прайд, всегда узнают как можно больше, дотошно выпытывают о причинах такого поступка и обязательно как-нибудь отправят посылную в тот прайд, откуда пришел лев. Если там не подтвердят, что он там жил — то смерть. Если заявиться в другой прайд с откушенным ухом или ушами и с желанием переселиться к нему — это тоже практически верное изгнание, в подавляющем большинстве случаев даже разбираться не будут.

Львице-хаману можно иметь детей от любого льва, что стал ринасу. После этого они могут стать парой, отец может воспитывать детей и заботиться о них по мере времени и сил; а могут вообще больше не иметь друг с другом дела. И даже никогда больше не видятся. Дело совершенно личное, свобода отношений — полная. Но при наступлении беременности имя отца своих детей львице нужно обязательно объявить перед всем прайдом (а в большинстве случаев — еще и показать самого отца). При этом кто-то из старших сестер Ашаи-Китрах обязательно присутствует при этом, чтобы учуять возможную ложь. Лев должен подтвердить, что он обладал этой хаману, а потому вполне может быть отцом ее детей. Любое отрица-

ние влечет за собой крайне тщательные разбирательства, а сестры Ашаи-Китрах свободно допрашивают каждого, вместе и по отдельности. Чувство правды у жриц Ваала, как правило, очень сильно, потому до истины докапываются быстро.

Иногда львица-хаману может и не знать, кто именно отец ее детей. И потому должна назвать имена и привести всех возможных отцов. Само собой, все они должны быть ринасу. Это считается вполне приемлемым и, по традиции, никак не возбраняется. Но это также расценивается львицами как низкое и бесчестное легкомыслие.

Чувство ревности считается среди Ваал-сунгов глупым и бессмысленным, хотя, конечно же, часто возникает. Но любая хаману может отдаться любому ринасу, когда посчитает нужным; также и любой ринасу может взять любую хаману, хоть львицу правителя. Другое дело, что она ему вряд ли отдастся — статус слишком дорог, и вряд ли она его примет — побоится возможной скрытой мести. Но никакого наказания или порицания за измену не предвидится, потому как самого понятия измены как таковой у Ваал-сунгов попросту нет.

Ашаи-Китрах — жрицы Ваала. В первую очередь они должны славить его, нести веру и вести определенные обряды. Главные из них всего три: приветствие восхода; прощание заката; перед групповой охотой. Но кроме этого, Ашаи выполняют множество иных вещей: лечат других, причем в знании трав многие из них достигли высокого мастерства; определяют, хороша ли вода; определяют погоду.

В ученицы Ашаи-Китрах берут с детства, иногда — с раннего юношества. После того, как ученица пройдет три испытания, она становится сестрой. Теперь она — полноценная часть сестринства; над нею совершенно запрещено подтрунивать или как-то сомневаться в ней, что часто случается с ученицами. Она может самостоятельно вести любые обряды и совершать любые действия, даже оставшись во прайде одна. По прошествии длительного времени, либо за особые заслуги, сестра получает отличие старшей сестры. Старшие сестры имеют одно, но очень важное право — наделять львиц отличием хаману.

Кроме того, есть еще Вестающие — совершенно особая каста. И Высокая Мать — главная над всеми Ашаи-Китрах. По сути, она даже не подчиняется правителю; и многие Матери часто этим пользовались, а то и перебирали на себя роль скрытого лидера.

Также сестры Ашаи-Китрах принимают роды. По крайней мере, хотя бы одна из сестер должна при этом присутствовать. Если это старшая сестра или, еще лучше, Высокая Мать, то это — большая честь для роженицы. Роды без присутствия хотя бы одной сестры или (на самый крайний случай) ученицы считаются нечистыми, и такие дети обречены если не на смерть, то на крайне трудную жизнь. При этом сама львица не лишается права хаману и вполне может родить еще раз. При том при всём сестры не обязаны присутствовать при каждом родах — они могут придти, а могут и не придти. Если львица родит сама, а в ее прайде есть сестры Ашаи-Китрах, то никто не может их упрекнуть в том, что они не приняли роды. Так что все львицы стараются волей-неволей поддерживать с Ашаи-Китрах как можно лучшие отношения.

У сестер Ашаи-Китрах есть особые привилегии, которые часто превращаются в их же обузу. Например, старшие сестры могут не охотиться в группе и для прайда, более того — это прямо запрещено (обычным сестрам можно, но нечасто). Вообще, всех кормит прайд, их не заботит пропитание. Также любой сестре охотиться просто так, для самой себя, весьма не одобряется и с оговорками допускается, только если сестра очень голодна либо разрывают инстинкты охотницы. Получается, что сестры крайне зависят от прайда; также они не могут быть сами по себе, а

лишь в составе какой-то группы. За нарушение обета не охотиться для прайда старшей сестре грозит, в лучшем случае, изгнание из сестринства и лишение отличия хаману; также это большой проступок пред Ваалом. Частая охота «для себя» также наказуема. Еще сестры Ашаи-Китрах, по негласной традиции, не могут иметь слишком много детей. «Слишком много» весьма расплывчатая вещь, и каждый понимает ее, как хочет.

Они могут не воспитывать собственных детей. Заботиться о них прямо обязаны львицы прайда. В общем, любая сестра Ашаи-Китрах может в любой момент оставить свое дитя или детей на попечение львиц прайда, причем на неограниченное время, а они не вправе отказать. Реально очень редко сестры полностью оставляют собственных детей — инстинкты самки слишком сильны; но правом на время оставить чадо львицам прайда пользуются весьма часто и с удовольствием.

Ученицы Ашаи-Китрах, перед тем как стать сестрами, должны пройти три испытания, а также стать хаману. Первое: ритуально преклониться и помолиться восходу и закату, этим чудесам от Ваала, а также сделать напутствие на охоту, которое делает любая сестра Ашаи-Китрах каждый раз перед всякой групповой охотой; второе: не спать целую ночь и оставаться на определенном месте; третье, и главное: принять огромную дозу наркотической смеси, которая делается по особому рецепту именно для такого случая.

Естественно и абсолютно очевидно, что львы не могут стать Ашаи-Китрах и не могут учиться их путям. В шутку говорят, что у них уши гривой прикрыты, а потому они не смогут даже услышать Ваала.

Первое испытание считается самым практичным и нужным в повседневной жизни. На самом деле преклонение восходу и закату, а также напутствие на охоту являются лишь самыми необходимыми, без них первого испытания быть не может. Это минимум, который нужно пройти почти идеально. Ашаи-Китрах почитают искусство речи и соблюдение формальностей, потому всякая заминка, путаница, забывчивость или незнание того, что нужно делать, практически всегда означает, что испытание не пройдено.

На самом деле в первом испытании вещей, которые нужно исполнить, как правило, больше. Это может быть и принятие родов, и убеждение кого-то в чем-то (да-да, Ашаи-Китрах — мастера убеждения), и вылечить кого-то (или, по крайней мере, понять причину болезни), и приготовить какое-то снадобье (которых Ашаи знают великое множество), и пойти куда-то с группой. Во всех этих частях испытания молодая ученица — возможная сестра Ашаи-Китрах — действует абсолютно самостоятельно, помогать ей строго запрещается.

Второе испытание считается самым неинтересным. Суть его проста: ученица встает на то место, на которое ей укажет Испытующая — сестра Ашаи, которая следит за ходом испытаний — и стоит на нем от заката до восхода. Можно сидеть. Лежать нельзя. Спать нельзя. Можно ходить, но в очень небольших пределах. Это время для того, чтобы подумать: а хочу ли я этого? Стоит думать о Ваале, о вере, о пути Ашаи-Китрах. В это время принято ученицу пугать, сеять в ней сомнения всякими разговорами («Да зачем тебе это нужно?!»), ставить в опасные места.

После второго испытания можно отказаться идти дальше. Это, вообще-то, позорным не считается, просто часто сопровождается большим разочарованием сестер, которые учили отказавшуюся ученицу. Однажды отказавшись, на путь Ашаи-Китрах ступить больше невозможно. Передумать тут нельзя. Львица, что отказалась, перестает быть ученицей и не стает сестрой; формально, с этого времени она становится обычной Ваал-сунгой, не имеющей к Ашаи-Китрах никакого отношения. Но негласно такие львицы считаются приближенными к сестринству, их так

и называют — «Приближенные»; ведь бывшие ученицы знают и умеют очень многое. Они могут помогать сестрам во всяких мелочах, лечить других, укреплять дух веры во Ваала, а также могут — невероятно редко, но могут — на короткое время заменить собою учениц и сестер Ашаи-Китрах (например, если во прайде все они погибли). Приближенным также негласно разрешено носить отличие ученицы — черные уши (это делается соком хирайи) — но с изменением: красить можно лишь левое ухо. Это даже рекомендуется делать, если львица окажется в группе, где будут незнакомые ей сестры Ашаи — так они смогут определить, на чью помощь можно рассчитывать в первую очередь.

Очень важно то, что Приближенными не могут стать те ученицы, которые не прошли первого и второго испытаний, либо же оказались изгнаны из сестринства во время учебы.

Раскраска шерсти у Ашаи-Китрах вообще играет большую роль. Делается она черным-черным соком хирайи, который считается одним из даров Ваала, держится два-три дня. Традиция пошла из тех мест, откуда происходят Ваал-сунги — у них на родине есть большое чернильное озеро, полное темных чернил. Странное и невероятное озеро заслужило дурную славу, но страшно привлекло Ашаи-Китрах на заре их рождения. Когда Ваал-сунги ушли с родных мест, им пришлось заменить озерные чернила на сок хирайи — средство, которое они подсмотрели у шамани.

Ученицы с первого дня могут красить уши; это значит, что теперь они «слышат Ваала». Но еще не видят. Видеть начнут, когда станут сестрами: им теперь можно и нужно наносить полосы над и под глазами. Форма, размер могут быть (в разумных пределах) любыми, и каждая сестра вырабатывает свой стиль, который ей больше всего нравится. Это могут быть две маленькие, тоненькие и скромные полосочки под каждым глазом, или даже точки, а могут быть большие, интенсивные, плавные полосы, которые скрывают чуть-ли не пол-мордочки, и среди этой темноты видно лишь глаза.

Старшие сестры иногда наносят еще и линию от носа до темени либо же ставят небольшую полосочку в центре лба.

В целом, сестрам можно и не краситься, только это считается дурным тоном, особенно если нету внятной причины для такой лени.

Ашаи-Китрах умеют *сновидеть*, как и шамани. У них это называется *снохождением*. Именно поэтому видеть Ваала для них не метафора: сознание, омраченное верой, вполне может придать всем видениям снохождения окраску и смысл согласно с этой верой. Когда сестры видят Ваала, то они не врут: они действительно видят его по-разному в своих снохождениях; кроме того, Ашаи, естественно, получают силу в снохождении, а потому их вера сильна и чиста, и в итоге прекрасно передается остальным Ваал-сунгам.

Любая хорошая шамани смогла бы объяснить им, что они делают великое чудо — воплощают то, во что верят, и это одна из главных тайн и основ сознания.

Отчасти поэтому Ашаи-Китрах истинно ненавидят всех шамани, считая их злыми отступницами от веры, которые используют темные силы и знание, и которые «ведают, но презирают». Ведь все Ашаи глубоко в сердце чувствуют, своим коллективным бессознательным они знают: шамани — их предки духа.

Ашаи-Китрах — лишь одни из немногих наследников шамани древности.

И самые сильные Ашаи смутно понимают это; они также смутно, тайком догадываются о природе веры и сути самого Ваала.

Но не могут сменить правила игры, в которую вступили с малого возраста.

**

Сэнзалли упорно шла почти до полночи, но потом поняла — сквозь усталость идти нехорошо. Нужно хотя бы поспать, не говоря уже о голоде.

Голод у нее всегда наступал быстро, внезапно. Вот ты идешь-идешь, вроде всё хорошо, и тут — вот! — и чувствуешь, что страшно проголодался и съел бы слона. Сэнзалли возненавидела себя за то, что не поела во прайде Луны или хотя бы не передохнула там. Ведь можно было спокойно переспать эту ночь, а утром отправиться! Ведь некуда спешить. Спешить домой? А неизвестно, что там...

«Наверное, мама и отец волнуются. Мааши тоже», — нашла она себе небольшое оправдание. — «Всё ж не очень хорошо вот так пропадать. Мне-то известны свои поступки, но им — нет».

«Что ж, вернусь во прайд. Вряд ли дренгир собрал всех... Он, наверное, и забыл через полдня. Заживу, как прежде. Ну, а что делать? Пока что — только так.

Приду, отдохну от всего, начну жизнь заново. У меня завяжется спокойная любовь с Аталлом, я рожу детей и буду умиротворенно созерцать закаты в своем мирном прайде... Всё образуется, всё забудется. Нельзя же, чтобы именно меня всегда держала судьба. Пусть другим подергает хвосты, в конце концов», — устало думала Сэнзалли, уютившись под деревом, поросшим мягкими кустами мирассы.

Подул ветер. Убывающую луну начала застилать огромная, мерзкая туча. Оглянувшись, Сэнзалли заметила, что она находится у единственного дерева на множество прыжков вокруг. «Какая удача. А то бы сейчас измокла», — подумала и тут же услышала шелест дождя.

«Что ж, я могу посмотреть на всё попроще. Сложность — мать ошибок. Жизнь никогда не усложняет, это делаем лишь мы. Я взяла чужое. Чужое брать не хорошо, а тем более портить, потому мне пришлось помаяться и придти отдать почтение владелице панциря. Аяръ? Это ужасно, но такова жизнь. Убежал и пропал. Градива и ее знание? Совпадение, которое я почему-то приняла за благо... хотя это, скорее, досадное совпадение. Градива утаила от меня опасность? Она сама плохо понимала, о чем говорит. Так мы часто делаем — желаем отдать дань чувству своей важности: начинаем говорить о вещах, которые сами краем уха слышали. Видимо, решила научить меня тому, на что сама не решалась. Либо же это такая злобная ирония. Кара сказала, что я преемница Аратты? Смешно. Сила тянется к силе, а что у меня есть, что с меня взять? Ее просто поразили все эти *знаки*, ослепили, вот она так решила; на самом деле они — след того, что я взяла чужое. Видимо, сильной была эта Аратта, что даже после смерти сила дает зов вместо нее, мертвой... Всё наложилось друг на друга, смешалось, но... такова жизнь, в ней всегда всё мешается, вот и поделом».

Она уютилась получше, свернулась, поджав под себя хвост. Ее охватила дрема, она уже в полусне:

«Зря я вздорил с дренгиром. Я всегда была у него на хорошей лапе. А теперь будет думать, что я своевольная глупышка. Мои странные поступки никто не поймет, никто не оценит и никому они не нужны. Единственное, что я смогу... ими... добиться... так это поругаться со всеми. Повздорить, вздор, глупость... Хочу есть, вздор, глупость... Не буду больше... делать глупостей...».

Она почти уснула, покрытая усталостью и мягким шумом дождя. Ни одна капля не побеспокоила ее: дерево оказалось густым и большим.

— Сэнзалли Стремительная, дочь молнии!

Она в ужасе вскочила и прислонилась к стволу дерева. Сердце бешено колотилось, поднялась шерсть на загривке, клыки оскалились сами. Когти вытянулись. Глаза и уши искали того, кто так внезапно нарычал ей на ухо.

«Кто меня позвал?! Кто меня окликнул?! Что такое?!».

Молодая шамани отчетливо слышала эти слова, причудливо смешанные с раскатом грома. Но где тот, кто их изрек? Кто-то же должен быть. Она ж не *сновидит*? Да нет, не сновидит.

И тут Сэнзи охватил настоящий, непритворный ночной страх. Она когда-то мельком слышала о нем от Ушалы — от Фриной попробуй что услышать — и знала, что он бывает у маленьких львят (и это обычно), и у молодых шамани; а также у простых львов и львиц при болезни либо проклятии.

Раскаты грома превратились в мучительные, пробирающие до кости звуки пытки; молнии в небесах превратились в яркие вспышки перед глазами. Казалось, что всюду обступили враги, причем такие, которых нельзя поцарапать когтем и вонзить в них клык. Ужасное одиночество и смутные тени...

Совершенно продрогнув от ужаса и сырости дождя, Сэнзалли смогла прикорнуть лишь под утро. Она не могла заснуть полночи. Ее выдержка, знание и тренировка как шамани оказались практически бессильны. Она совершенно сдалась и ощущала лишь глубочайший страх, который можно пережить только в детстве. Перед чем? Да перед всем. Этой темнотой. Голосом, что неведомо откуда взялся и разбудил. Этими тенями. Одиночеством. Тем, что живет.

Изможденная, она безвольно растянута, смутно подумав, что скоро наступит новый день, и он рассеет этот страх, хоть ненадолго. Сэнзалли уже не сомневалась, что или заболела, или проклята, или начала сходить с ума. Либо всё вместе.

Но вскоре проснулась от ощущения, что ей не хватает воздуха и что-то очень сильно давит на бок.

Обнаружилось, что она лежит на левом боку. Попыталась пошевелиться, но это почти совсем не удалось. Ее кто-то держал, прижав шею и передние лапы. Чье-то сбивчивое дыхание, какая-то возня... О небеса, да что ж такое?!

Сэнзалли открыла глаза.

— Не шевелись, милашка. Не дергайся.

Она изо всех сил попробовала вырваться, но где там — ее держали два взрослых льва. Сделав несколько рывков, она утихла и постаралась вытянуть голову — чтоб хотя бы не задохнуться.

— Вы кто? — сдавленным, хриплым и тихим голосом спросила она.

— Твои друзья! — ответил кто-то очень весело. Она видела лишь его гриву.

— Хану, сойди с ее спины, ты мне мешаешь, — прозвучал сзади свойский, деловитый, низкий голос.

— Она еще вырывается, — пробубнил унылый, бесцветный голос.

— Не вырвется, не бойся, — уверенно молвил тот же бас.

— Что вам надо?! — на краткое мгновение смогла прорычать Сэнзалли, когда чуть удалось освободиться от чужих лап.

— Что нам надо? Ахаха, что нам надо?! — снова зазвучал очень веселый голос. — А что ты предлагаешь, ахаха?!

— Сейчас покажем... Танарй, ты тоже слезь. Лучше держи голову. Я не могу вот так, пока вы на ней уселись.

И Сэнзалли поняла и в то же время со всем ужасом ощутила, что именно от нее надо. Вся сжалась, попробовала вырваться всем телом. Попыталась поджать хвост, но кто-то очень предусмотрительно (видимо, с опытом) уже держал его вытянутым. Оскалилась, вытянула когти, но клыкам охотницы нечего хватать и когтям не во что впитаться — лапы и голова прижаты.

— Успокойся, иначе убьем, — пригрозил низкий голос. Угроза прозвучала просто и реально.

«Таки убьют», — поймала она. Прекратила дергаться и тут же ощутила насилие над собою.

«Это конец. Позор. Конец... Допрыгалась сама. Вот тебе и походы, капризы и знание. Конец... Знание. Знание!».

В неосознанном порыве она протянула лапу ко всей воде, что имела — небольшой лужице от дождя в траве, и сдавленно, быстро прошептала:

— Суть твоя — отдавать свое, моя — принимать твое. Возьми, сильный, меня — слабую, желай, сильный, меня — слабую, отдай, сильный, мне — слабой.

Судорожно вдохнула воздух, ибо его не хватало.

— Что-что ты говоришь, милашка? — некто отвратительно лизнул ее ухо.

«Пусть издохните вы со мной, уйдете в ничто вы со мной», — это была последняя ее осознанная мысль.

Расслабилась и больше ничего не предпринимала.

Потом ее голову окружили спокойствие и холод, будто всё это происходит вовсе и не с нею, а с какой-то другой Сэнзалли.

Потом — ощущение, хорошо знакомое: будто из макушки или затылка вылетает душа. Так очень часто начинается сновидение. Потом она ощущала, будто находится в двух местах одновременно: одна Сэнзалли была там внизу, и с нею происходило непоправимое; вторая совершенно не заботилась судьбою первой, а пребывала в бесконечности сияющей темноты, с которой часто начинается всякое сновидение, только теперь сквозь нее словно пронеслся беззвучный и невидимый ветер безумной силы. От этого ветра вторая Сэнзалли куда-то летела быстрее света и мысли.

— О, подруга уже успокоилась... Похоже, ей начинает нравиться. Гляди, Хану, а? — указал лев на то, что Сэнзалли совсем расслабилась, и даже убрал лапу с шеи.

Хану дотошно наклонился и даже внимательно поглядел в полузакрытый глаз львицы.

— Ага.

— Сидай, как дела? — весело и с предвкушением осведомился Танари.

Тот не ответил. Он, закрыв глаза, крайне сосредоточенно делал то, что и делают самцы.

— Не мешай ему, — вяло махнул лапой Хану и прислонился к дереву, лениво наблюдая за сценой.

Вдруг Сидай зарычал так, что, казалось, с дерева опадут листья. Хану, оскандившись, зажмурился и потер ухо:

— Придурок...

Танари засмеялся.

Но Сидай, похоже, вовсе не спешил поделиться удовольствием с друзьями. Он всё так же, но уже неподвижно застыв, покоился на львице. Глаза всё так же закрыты.

— Сидай, ты чё? — легко подтолкнул его Танари.

Вместо ответа выдал лишь несколько нечленораздельных неприличностей, медленно сполз, сделал несколько шагов в сторону и там прилег.

— Так, Хану, моя очередь.

— Я подержу, если что.

— Ага.

С Танари было примерно то же самое, что со Сидаем. Хану внимательно смотрел на львицу и удивлялся ее покорной расслабленности. Как правило, те царапаются и дерутся довольно долго, почти до самого конца. Он-то знает, не впервой. Пока хорошо не дашь по голове или не расцарапаешь до алой крови. А тут — ничего. Сама покорность, просто лежит на боку. Даже, кажись, улыбается... Или это кажется?

— Танари, а она не сдохла? — на всякий случай спросил Хану. Это ж он держал ее за шею. Может, переусердствовал.

Тот не обратил ни малейшего внимания на вопрос.

— Чё это с ними? — удивленно почесал лапу Хану.

Наблюдая за выражением простого, безмерного блаженства Танари и за Сидаем, что по-прежнему валялся, Хану с радостным любопытством произнес:

— Да чё это с ними? У них что, первое свидание?

Вгляделся в ее мордочку и тело — раньше на это времени особо не было:

— А хороша ...

Танари пришлось столкнуться с львицы. Хану показалось, что он на ней просто заснул.

«Они что, посмеяться так решили?..», — подумал он.

Но, когда пришла его очередь, всё понял.

Сидай очнулся первым и начал тормозить Танари:

— Чего надо? — вяло замахал лапами тот.

Поглядев на львицу, Сидай отметил, что она по-прежнему лежит на боку, и, кажется, даже не шевельнулась.

— Идем.

— Куда? — лениво спросил Танари

— Куда-куда. Прочь идем.

Танари сел.

— Ты еще хочешь?

— Неа. Странно, но вообще нет.

— Но, согласись, было нереально.

— Очень. У меня еще такого не было.

— У меня разве что в молодости... — задумчиво сказал Сидай, подумав, что соврал.

— Ладно... Идем. Дерни Хану.

Дернули Хану.

— Куда мы идем? Давайте еще! — с энтузиазмом проснулся тот.

— Ты как хочешь, а мы больше не хотим, — не захотел Сидай говорить «не можем».

Хану почесался:

— Да и я, если честно, как-то устал.

— Ну, так пошли.

— Пошли.

— Пойдите! — бросил Хану. — Я гляну, что там с ней.

Сидай засмеялся:

— Да что с ней может быть? Брось, идем.

— Я гляну. Вдруг умерла.

— Да ничего ей не будет, для этого самки и есть ... Ну, беги-беги. Позаботься. Давай.

Хану подбежал. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы она оказалась мертвой.

Не мертва. Лежит. Дышит. В ней есть тепло. Хану легко толкнул ее. Она не пошевелилась.

«В обмороке, что ли... Ладно, шакал с ней».

— Ну что, живая? — смешливо спросил Сидай.

— Живая.

— Да что ей будет. На то они и есть...

Отошли уже порядочно, шли молча. Одинокое дерево уже казалось совсем маленьким.

— Самая лучшая из всех, что я имел, — раскусил тишину Танари. — Хоть вообще ничего не делала. Странное дело, да?

— Это точно, — согласился Сидай.

— Слушайте, как так может быть?.. — смотрел Танари на приятелей.

Сидай повел ушами:

— Не знаю.

Хану молчал.

— Да молодая она просто, — подумав, нашел объяснение Сидай. — И... род в ней видится. Породистая. Она не из бродяжек, я вам точно говорю!

— Та ну... — недоверчиво нахмурился Танари.

— Говорю же. Она из какого-то прайда. Простенькая львичка никогда не спала бы под одиноким деревом посреди голых трав. Тем более в дождь. Ведь ясно, как день, что оно привлекает внимание.

Танари засмеялся:

— Помнишь, ты говорил, что между львицами разницы нет?

— Похоже, таки есть, — уверенно сказал Сидай. — Есть разница.

— Мда, похоже на то.

— Слушайте, у вас было то же самое? — наконец отозвался Хану.

— Ага.

— Меня совершенно разорвало, — признался он.

Танари остановился:

— Слушайте, давайте вернемся, ее разбудим и с собой заберем.

— Ага. Так она и пойдет... — скептически усмехнулся Хану и подумал, что это, по сути, неплохая идея. Захотелось увидеть ее еще раз.

— А вдруг?

— Зря мы так быстро ушли... — с истинным сожалением молвил Танари.

— Точно.

И дальше Танари начал делиться мельчайшими подробностями, как это бывает среди самцов; Хану и Сидай внимательно слушали.

— В общем, славное начало славного утра, — подвел итог Сидай.

— Йах! — выразил одобрение Танари, причем так, как принято в тех землях, где он родился.

Утро и полдень вообще оказались щедры на приятные сюрпризы. Вскоре они почти без труда загнали и свалили молодую кобылу зебры, которая не могла быстро бежать лишь из-за того, что повредила копыто. Причем произошло это совсем недалеко от местного водопоя.

Согнав леопарда с дерева, они важно устроились после очень сытного обеда. Хану прихватил себе берцовую кость и медленно грыз — привычка зловещего, трудного детства.

— Я тебе говорю, Танари, если мы провернем это дело, — энергично говорил Сидай, — то мы надолго посадим наши хвосты в тепло.

— А сколько львиц в этом прайде? — деловито осведомился Танари.

— Он мне говорил, что семь или восемь. Еще дети, нет смысла их считать. Ну, и еще этот старый дурак и его сын. У нас куча возможностей: можно придти и перебить тех двух. Но мне подсказали сделать еще лучше.

— Как? — стучал когтем о коготь Танари.

— В округе их не трогают лишь потому, поскольку они позволяют другим бездельникам иногда приходить во прайд и охотиться на его землях. Получается, что всем вроде хорошо, но на самом деле — отнюдь. Я уверен, что львицам это точно надоело — они годны терпеть какие угодно попираательства, но от своих львов, чем выносить мелкие приставания чужого. Если мы уговорим этих двух присоединиться к нам — я, естественно, стану главой — и возьмем прайд под свою опеку, то у нас получаются неплохие виды.

— Нас будет пять голов. Ну, если не считать этого старика — четыре. Это не так уж мало, но совсем не много.

— Есть еще львицы, — махнул лапой Сидай.

— А львицам всё это будет очень глубоко. Им всё равно, главное, чтобы новый правитель не был мерзее предыдущего. Они и когтем не пошевелят, — со знанием ответил Танари.

— Пошевелят. Если к ним относиться хорошо. Понимаешь?

— Пятеро львов и семь львиц... Со жратвой будет не очень... — задумчиво протянул Танари, в шутку попробовав забрать у Хану кость. Тот не дал.

— Придется им помогать на охоте.

Танари крайне скептически скривился:

— А, не-не, зачем мне тогда прайд.

— Какой ты тупой, в самом деле! Это ж своя земля, свои львицы, свое всё! — от убеждения Сидай аж дёр когтями землю.

— Ты просто постарел. Тебе хочется свой уголок, спокойное место... А я иду туда, где не будет скучно.

— Пройдет несколько лет, и ты поймешь.

— Ладно. В любом случае, это может быть интересно. Но учти, я с тобой, пока мне это не надоест.

Сидай тяжело смотрел на него.

— В любом случае, тебе будет жалко бросать то, чего мы добьемся.

«Что-то мне плоховато... Переел, что ли?», — подумал Хану, прекратив грызть кость. Челюсти как-то сами переставали его слушаться: он хотел укусить кость сильнее, а получалось слабо. Странно, очень странно.

— Слушайте, мне как-то... слабо, — меланхолично пожаловался он.

— В смысле?

— Вот хочу грызть кость, а не получается.

Танари мгновение смотрел на него, а потом рассмеялся.

— И лапы покалывает, будто я их заспал. Вообще, какая-то слабость.

— Наелся просто, — махнул лапой Сидай.

Но вскоре поплохело и Танари. «Да, что-то мы действительно объелись».

Вскоре им обоим стало совсем худо. Хану будто уснул, а Танари слабым голосом говорил Сидаю:

— Слушай, ты знаешь эти земли?

— Очень слабо... — перевернулся на живот Сидай.

— Есть тут какой-то прайд?

— Да какой прайд, здесь свободные земли.

— Найди шаманая, скажи, что сделаю для нее что угодно... Пусть придет...

Сидай с подозрением и недоверием посмотрел на Танари:

— Где я тебе ее найду?

— Хоть как-то найди... Я, похоже, чем-то отравился.

— Чё вы ели, два дурака? А? — прорычал Сидай.

— Ничего мы не ели... Шакалья мать, Сидай, беги найди...

Сидай и продержался дольше всех. Он побрел на запад, наугад. Это почти Морлай, а потому есть шанс встретить шаманая. По дороге он несколько раз грыз траву, которую ему когда-то в детстве показала мать как средство от любой болезни и усталости; она неплохо бодрила и придавала сил. Сидай не знал, как она зовется, мать так ее и называла — «трава». Он вдруг очень живо вспомнил как она, вся посреди солнечных лучей, водила его по саванне и показывала мир.

Сидаю очень повезло — он большим чудом нашел шаманая, под вечер, когда лапы уж еле-еле слушались его. Каждый шаг давался с невероятным усилием, но лев знал: остановка равна смерти. Какими-то судьбами он встретил охотящихся львиц, чей маленький прайд решил подойти очень близко к границам угодий со-

юзного прайда Иллари. Слабо умоляя отвести его к шамани, он вскоре повис на одной из старых охотниц; те сжалились над ним, охотиться прекратили и отправили младшенькую позвать их шамани.

Когда пришла молодая шамани со своей совсем маленькой ученицей, то Сидай был без сознания и умирал. Поняв, что жизнь его подошла к концу, шамани не суетилась и без спешки осматривала его, заодно рассказывая ученице, что к чему. Та смотрела на всё огромными глазами: она никогда не видела умирающего льва.

Пока шамани осматривала его, Сидай умер. Она нахмурилась, ибо не поняла причины смерти этого льва; кроме того, она выслушала рассказ львиц о том, что он подошел к ним вполне самостоятельно, и тихо, но говорил. Ей стало любопытно; кроме того, шамани решила показать своей ученице предсказание на крови.

Она рассекла кожу под левой передней лапой. Шамани только смочила когти и лапу в крови, поглядела на нее — и решила дальше не продолжать. Она внимательно глядела на его кровь, потом что-то показала ученице. Та, наострив уши, внимала всему и так близко смотрела на лапу наставницы, что замарала нос в чужой крови.

Остальные львицы спокойно беседовали о своем. Охота и так сорвана, так хоть стоит узнать, что это за лев и почему умер.

— Так что с ним? — спросила старшая охотница.

— Его прокляла какая-то сильная шамани, — и ошибочно, и вместе с тем очень близко к правде ответила шамани свободного прайда, — причем насмерть. Испила из него силы, как воду вылакала. Наверное, он ее очень разозлил. Так что он зря меня искал. Я б такое даже не решилась снимать.

— А кто он?

— Тот, кто очень разозлил сильную шамани. Талант, такое еще уметь нужно. Сильные не разоряются на мелочь...

**

Ранним вечером того дня у дерева проходила Нимала, львица возраста силы. Она совершенно не собиралась здесь отдыхать. Оно было лишь ориентиром в ее путешествии.

Она учуяла чужой запах, остановилась. Приухалась, наострила уши. Чего не терпит всякая свободная львица — так это неожиданного знакомства и ненужной компании. Лапы медленно пошли вперед, и тут Нимала ее увидела, прямо под деревом. Молодая львица покоилась так, как обычно лежат при тяжелой болезни: на боку, поджав хвост, скрестив лапы. Рот чуть открыт.

Нимала обошла ее вокруг. Тронула лапой. Молодая львица слабо застонала, даже посмотрела на нее и будто попыталась встать; но вместо этого ей получилось лишь слабо протянуть лапу к Нимале. Лапа скользнула по шерстке Нималы и безвольно упала.

Опытная, повидавшая жизнь Нимала, снова принюхавшись, заметила следы львов на грунте у дерева. Осмотрела их. Еще немного принюхавшись, поняла, что тут произошло.

— Несчастливая юность, доверчивое дитя! Какая ж львица спит у одного дерева в открытой саванне? Головы бы поотгрызала... — застонала Нимала, не понаслышке зная, что с ней произошло. У нее тоже были свои ошибки молодости.

Она немного погладила Сэнзалли, потом начала тормошить ее, считая, что молодая львица упала в полную отстраненность и безволие от произошедшего.

— Вставай, соберись, жить дальше надо, а ты лежишь...

Кое-как Нимала смогла ее поднять, и Сэнзалли чуть шла сама, но взгляд ее был полностью отсутствующим. На все расспросы молодая шамани отвечала очень тихим и ровным голосом:

— Плохо.

Свободная львица подвела ее к большой, но уже высыхающей луже.

— Попей воду хоть отсюда.

Та не пила, потому Нимале пришлось лапой обтереть ей мордочку и уши, а потом и побрызгать водой на нее — чтоб очнулась. Сэнзалли таки немного попила, но потом снова начала валиться с лап. Оттянув ее от лужи на несколько прыжков, Нимала лишь вздохнула.

— О небо, сколько ж их там было? Я видела следы троих... или четырех... Ну вот же лапы таких носят!

Еще раз внимательно осмотрев ее и нигде не заметив крови, Нимала ушла. На скорую лапу поймав детскую добычу — кролика — она оставила его у лап Сэнзалли. «Очнется — есть захочет», — по-матерински подумала Нимала.

Но она — не мать, а потому надолго оставаться тут не может. Погладив ее на прощание, Нимала беспокойно ушла дальше. Сильная — очнется, слабая — так пусть уйдет сейчас; слабым нечего жить в Большом мире.

**

Неуверенно очнувшись и открыв глаза, Сэнзалли лишь подумала: «Жива я, или уже нет?». Ей холодно и неудобно; сырость проникла в шерсть — так бывает, если долго находиться под дождем — и это отвратительно.

Их было трое. Сэнзалли лишь смутно знала, что с нею сделали; она еще смутнее помнила, как поставила лапу в грязную лужу, ибо для нее не оказалось другой воды; но потом она совершенно оторвалась от этого мира, уже не зная о самой себе и своем теле. Вместо этого она выпала в сновидение и хорошо запомнила чувство вселенского одиночества и тот самый пронизывающий ветер, что пронзал душу. Было хорошо забыться, покинув тленность тела. Потом оно закончилось, Сэнзалли пропала в серости сна без сновидений, всё вроде успокоилось...

Она проснулась и даже было начала подниматься на лапы, чтобы как-то жить дальше.

И сжал такой ужас и ночной страх (хотя вокруг — белый, сырой день), что Сэнзалли не могла ни идти, ни лежать. Небо казалось темным; вещи вокруг — красными; мимо проходили все те испуги и страхи, что она познала за свою жизнь. Проходили даже чужие, незнакомые ей. Давили то полная тишина, то жуткие звуки.

Пребывая в мраке своих видений, она лишь прибилась к дереву, сползла по нему. Стало плохо, очень плохо; Сэнзалли словно заболела, только не медленно, как обычно бывает, а мгновенно. Подумав, что умирает, шамани лишь хотела, чтобы конец пришел поскорее.

«Лучше б я не родилась, чтоб не умереть».

Зная теперь страх смерти, она какой-то частью души еще могла соображать, и решила: «Вот ведь почему боятся конца. Он спасителен, но, о кровь, какой ужас предшествует ему!». Шамани чувствовала, что нечто разрушается в ней от страха, некая очень важная для нее часть души, часть «Я», которую она опекала всю жизнь от рождения. Она старалась спрятать ее, успокоить, не отдавать страху, но тот оказывался сильнее и всё глубже проникал в душу, подавляя всякую волю.

Потом он добрался к этому и разрушил; Сэнзалли стало нечего защищать в себе, она в какой-то мере перестала существовать. И всё отступило.

Только было по-прежнему ужасно плохо, как при лихорадке.

Сэнзалли лежала, и было даже трудно открыть глаза. Она сквозь пелену помнила, что некая львица старалась растормошить ее, даже поставила перед нею какую-то добычу, которую потом некие урвыши (то ли гиены, то ли шакалы, то ли еще кто) ночью, цапнув в зубы, унесли.

«Как я замерзла... Хорошо, хоть утро», — оглянулась она вокруг, поднимаясь. Лихорадку и жуткое самочувствие как лапой смахнуло, в какой-то единственный момент. Помотала головой, отряхнулась. — «Сейчас меня согреет солнце, и так станет лучше».

Посмотрела на дерево, что находилось в прыжках десяти, презрительно оскалилась. Да, вот место ее позора. Что ж, сейчас стоит, как обычно полагается в таких случаях, немедленно расплакаться; или решить лишиться себя жизни: либо строфантом, либо прыгнув со скалы, либо (как она раз слышала) — яростно наброситься на стадо слонов и сдохнуть в бессмысленной битве; либо возненавидеть весь род самцов раз и навсегда; либо взять и скрыться ото всех, всегда помня о своем позоре; либо всё вместе. Да, сейчас такое стоит делать и ощущать...

Но ничего такого. Душа Сэнзалли обрела тяжесть и спокойность, как гладь огромного озера. Раньше оно волновалось, и было сложно увидеть в его отражениях вещи, а тем более судить о них. Теперь же в нем всё видно ясно и хорошо, а потому мысль течет свободнее и яснее, безо всякого сомнения и боязни. И тут же, сразу, она *знала*, что тех трех, которых она даже не видела, а лишь слышала, нет в живых: жизнь строга, и отдает всякому долг.

Шамани не посмеялась с такой мести, и не возрадовалась ей, а лишь приняла, как должное: знание, которым она обладала, оказалось силой. «Ритуэль исполнился, и я, как говорила Кара, должна была погибнуть. Тем более, этих глупцов было трое. Но отчего я не погибла?».

Прислушалась к себе.

«Хотя это еще как сказать».

Оглянула себя. Странно, но ничего не болит, лишь небольшая слабость. И холодно.

«Вся в грязи! Нет, так не подобает мне жить. Нужно отмыться», — Сэнзалли даже не пыталась вылизать лапу, потому что вся она оказалась измаранной.

Вспомнив, что ближайшая хорошая река есть лишь только возле прайда Иллари, немедленно и резво побежала на юг, к нему, предварительно чуть испив из лужи. Она знала, что в лужах плохая вода, особенно таких, но сейчас очень донимала жажда.

Сэнзалли уверенно трусила на юг, хорошо помня дорогу назад, лапы сами несли ее. Уши хорошо и верно ловили звуки мира, глаза безупречно отмечали вещи мира. Она бежала, и в то же время старалась понять свое новое состояние и положение в мире. Так... Очень странно, но раньше зрение, как полагается, покоилось в глазах, а «Я» сидело в голове. Теперь же ее всё сознание словно отошло назад и приютилось в незримой точке меж ушей; нет, она, в целом, видит мир так же, как и раньше; но ее «Я», центр самости, центр самой себя словно вышел из тела и нашел себе место вовне, между ушами. Она не могла подобрать даже для себя слов для такого нового ощущения.

Сэнзалли постоянно ощущала очень легкие тепло, холод, покалывание вокруг собственного тела. Странные потоки, невидимые, но осязаемые, похожие на мягкую, но чуть колючую воду, струились вокруг тела: то от ушей к хвосту, то наоборот, то по бокам, то по лапам.

Вот она бежит и вдруг чувствует-знает, что следует чуть отпрыгнуть в сторону. И верно: тут же мелькнуло черное в скомканной траве саванны, потом бросилось на нее, шипя. Да, это ядовитая змея, каких сейчас полно в траве. Инстинкты охотницы, конечно, спасли бы. Но Сэнзалли даже не сжалась, не одернулась, а сделала всё быстро и мягко, не ощутив никакого испуга.

Сэнзалли на мгновение раньше знала опасность, чем та наступила.

«Вот теперь как», — без страсти подумала она, кивнув самой себе. — «Это хорошо».

Да, а почему ни одной мысли о том, что произошло? Ведь мыслям стоит роиться, как пчелам, жалить и доставать, еще больше измучивать, чтобы позор и грусть стали вернее. Позор и совесть должны мучить.

Но и такого нет. Вместо этого Сэнзалли взялась насмешливо думать о них.

«Совесть есть страх перед другими, что поселился внутри тебя. Совесть — это страх. Все пути жизни ведут к страху...», — молчаливо решила Сэнзалли. — «Но если я не знаю страха, то куда идти мне?».

Раньше словно было две Сэнзалли: одна действовала, а вторая всячески оценивала эти поступки; будто бы сговорившись с другими львами и львицами, она смотрела на Сэнзалли строгими глазами, указывая на то, как делают «все» и как стоит вести себя «как все».

Но теперь нету страха, как нет второй Сэнзалли: она то ли исчезла, то ли слилась с первой; сознание обрело целостность и единость. А еще — стремительность решения и поступка без всяких сомнений. Теперь она хозяйка своих мыслей и чувств, а не они — ее.

По дороге к реке Сэнзалли хорошо поела. Когда наступил полдень, она пришла к реке, отмылась и хорошо привела в порядок шерсть, и легла на песке отдыхать, под тенью ив. Захотелось взглянуть на саму себя, но в реке слишком быстрое течение, слишком много волнения. Надо тихую воду.

— Потом взгляну, — тихонько молвила для своих ушей Сэнзалли.

Когда жар солнца, иссушив всю росу от дождя и всю сырость, спал, то Сэнзалли пошла дальше. Подумав немножко, решила не идти в Иллари, как раньше собиралась.

«Нужно домой. Меня нет слишком долго, а мой прайд не может быть без меня», — так решила.

И она легко и быстро продолжила свой путь.

В эту ночь она спала крайне спокойно, безо всяких снов и не сновидя. Не было страха одинокого путешествия, который шел за нею блеклой тенью все эти дни; не было страха пойти неверным путем (Сэнзалли и так знала, что ее путь — верен); не было ничего, кроме умиротворенности отдыха и мягкой ночи. Утром она встала и сразу же, по запаху, нашла небольшое, мутное озерцо с ручьем. К нему захаживают часто, и это заметно: множество следов (и львиных, и других) поместили его берега. Совсем недалеко идет тропка из Хартланда в Регноран, которую молодая шамани пересекла вот только что.

— Как много я вчера прошла, — молвила Сэнзалли, удивившись самой себе, и тихонько подошла к воде.

В кустах у воды зашуршало и с визгом начал удирать молодой, маленький бородавочник. Видимо, он заметил охотницу-Сэнзалли слишком поздно и решил обождать опасность в кустах; но нервы не выдержали присутствия львицы, и он решил доверить жизнь собственным коротким ножкам.

Инстинкты безотказны: Сэнзалли бросилась в погоню, хоть и не очень желала кушать. Убежать у него не получилось.

С неожиданной добычей и недоумением, что не ощутила запаха бородавочника (ведь ветер дул на нее, а такие вещи охотница, даже молодая, отмечает подсознательно), молодая шамани вернулась к водной глади. Она хотела взглянуть на саму себя. Оставив добычу, она сделала несколько шажков вперед, к воде, и глянула.

Но не увидела себя хорошо: мешали блики солнца и нестройное отражение.

Сэнзалли, вздохнув, решила уж посмотретья у себя дома — там есть место со спокойной водой, где утром и вечером можно прекрасно себя увидеть. И тут она лишь на миг, но увидела себя, настолько четко, что в это невозможно поверить. Но так было. Это была та самая львица, что глядела на нее из отражения в *сновидении*, из отражения в темной воде огромного водопада.

Чуть отпрянув, Сэнзалли снова взгляделась, но всё было как прежде — нестройное отражение и темное небо с облаками, что волновалось.

«Но мне хватит. Я всё увидела», — вздохнула Сэнзалли. — «Что ж, Сэнзи... Иная ты, чем прежде, и хранишь ты то, чего раньше не было».

И что теперь? Пред нею витал молчаливый вопрос.

А ничего.

«Ну, наверное... нужно лишь нести свою силу с благородством и достоинством», — таков она нашла ответ для самой себя. — «Хотя, может, мне нужно забыть это слово — «нужно». Теперь я вольнее, чем прежде... Или нет?».

Она, прижав уши и закрыв глаза, вышла из воды и села у кромки берега. Сэнзалли еще хотела для себя решить, где теперь ее суть на самом деле, чем она обладает и что будет дальше, как не дали: чуткие уши услышали звуки шагов по траве. Это — лев и две львицы; у лап матерей крутились трое львят. Трое взрослых пытливы и выжидающе глядели на Сэнзалли: кто такая?

«Оу... Чужие...», — подумала шамани, рассмотрев их. Ничего странного: от прайдов далеко. Вообще, всякому свободному вполне можно ходить по землям Союза незамеченным, если ходить осторожно и знать тропы. Вместе с тем она еще заметила черную глину возле зарослей тростника и камыша. Да, черная глина любит тростник. Или он ее? Вопрос показался Сэнзалли забавным, и она весело думала об этом, разглядывая черную глину на лапе: хороша ли? Глина, она вообще-то хуже сока хирайи, но сейчас его тут не достанешь. Плохая глина, к тому же, не дает хороших полосок, а лишь размазывается, превращаясь в обычную грязь.

Но всё равно Сэнзалли хочет нанести себе три полоски на левую щеку.

Сзади слышно какое-то копошение, тихий разговор и смешки.

Сэнзалли не встрепенулась, не устрашилась, не встревожилась — вообще ничего. Она ясно и чисто продолжала думать о своем: хороша ли эта черная глина либо нет?

Послышался характерный звук, как будто кто тащит тушу добычи.

Сэнзалли аккуратно отряхнула лапу от глины и обернулась. Да, так и есть: львенок постарше и понаглее уцепился в ногу бородавочника клыками и с тяжелым усилием старается тащить тушку к своим. Львицы зорко наблюдали за ним, а лев пил воду.

Да на здоровье. Сэнзалли поймает себе еще. И еще. Кушать и так не хочется; а что легко достается, то должно легко уходить. Но в жизни должно быть место справедливости. Если ты берешь чужое, то стоит спросить.

— Ты берешь мое без спросу. Разве так положено делать? — без угрозы, даже мило спрашивает шамани, вовсе не глядя на него, а чуть в сторону: не хочет взглядом причинить ему беспокойство. Она продолжает отряхивать лапу, чтобы отстала вся черная глина.

— Не твое, а наше, — отвечает за него мать.

Сэнзалли уже *знает*, что это — мать. Она хорошо чувствует каждого из них, даже не глядя им особо в глаза; она чувствует душу и сердце каждого из них тем самым осязательным чувством, что простирается теперь не только в ее теле, но и вне его. Каждая из этих душ словно попала в круг ее сознания.

Вот взять эту львицу, мать. Она уверена в своих словах, хорошо следит за сыном, и незыблемо знает то, что наглость в жизни — второе, третье и четвертое счастье. Она довольна, что сегодня дети покушают без особых усилий. Вторая проявляет слегка заинтересованное безучастие, ее лишь забавляет небольшая сценка; она иной натуры, более пугливой и кроткой. Лев делает вид, что расслабленно пьет. На самом деле он нервозен и только ждет момента, когда следует вмешаться. Дети, как всегда, чуть боятся незнакомки, хоть рядом матери; в то же время ждут зрелища и приключений. Львенок-наглец, во-первых, весьма недоволен, что мать поручила именно ему хватать свой кусок; во-вторых, опасается, как бы эта молодая львичка не хряпнула его прежде, чем мать подоспеет на помощь.

— Да берите. Я не голодна. Только спрашивать всё равно стоит.

— А что мы должны у тебя спрашивать? Ты кто такая? — начала наступать вперед мать.

Так всегда. Почти всякий, услышав мягкость и вежливость, считает это слабым местом. Слабостью. По правде говоря, небезосновательно. В этом мире, где все привыкли к слову силы, никто не внимает мягкости. Но мягкость — разве слабость?

— Меня зовут Сэнзалли.

Лев перестал пить; вторая львица с большей живостью наблюдала за происходящим.

— Мне плевать, как тебя звать. Убирайся отсюда, не мешай глазам.

Вдруг тот самый львенок, что тащил тушу, исподтишка подкравшись откуда-то сзади, толкнул Сэнзалли лапой и отскочил.

— Эй... Оставь меня. За что ты меня ударил? — сожалея, глянула на него шамани.

— Ахаха, дура! — просто изрек тот с детской жестокостью. — И что ты мне сделаешь?

Сэнзалли повела ушами:

— Ничего. Ты еще дитя.

— Так убирайся отсюда поскорее, — нос к носу подошла к ней львица-мать.

Какая глупость! С такого расстояния смотреть шамани глаза в глаза, чтобы пригрозить ей!

Не надо было ничего делать. Сэнзалли не нужно было что-то говорить, делать, даже делать усилие. Намерение шамани, что сейчас верно жило в ней, легко и просто схватило душу львицы, причем всю, со всеми добродетелями и неправдой, мыслями и глубинами сознания. Сэнзалли ощутила легкий ветер, просквозающий душу, что угрожал превратиться в ураган; увидела, как вокруг странно всё темнеет и краснеет, даже небо. Она знала, что теперь может сделать со львицей, что захочет. Она может подарить ей тот самый ночной страх, что пережила сама, мутный и вязкий, как топь; темно-серый, как ранние воспоминания о детстве; с красной полосой, как алая кровь жизни. Львица может погибнуть от такого страха или потерять дар речи на полжизни, страшась собственной тени.

Ведь теперь Сэнзалли знает свой страх и страх других.

Шамани чувствовала, как сила желает изойти, найти применение для своей хозяйки, услужить. *Намерение* должно вести силу; и, конечно же, Сэнзалли не чувствовала никакой обиды от всех невежливов слов. Она, может быть, и желала бы

ощутить ее — но не могла. Ведь при обиде нужен упрек: для себя ли, для другого ли; но для себя упрека у нее нету; а для других — так тем более, ведь у Сэнзалли есть лишь свой путь под лапами, и до чужого какое ей дело?

Потому она подарила для этой львицы сквозь взгляд лишь небольшой испуг. Отпуг, чтобы не беспокоила.

Львица-мать резко отпрянула назад, чуть не отпрыгнув. Сердце забилося от неожиданного чувства неуверенности и боязни, а зрачки расширились. Перед глазами у нее словно промелькнуло черное крыло, что на миг закрыло всё на свете, кроме глаз этой... молодой львицы, что стоит перед нею.

Сэнзалли также легко, мельком глянула в глаза львенка, чтобы больше не вздумал пинаться. Тот, поджав хвост, прибежал к лапам матери.

— Ешьте свое, — молвила для них шамани и вернулась к глине. Надо всё же решить, хороша она или нет.

«Сгодится. Потом, во прайде, возьму сок хирайи», — задумчиво глядела она на глину, не заботясь о том, что происходит сзади. Там был какой-то разговор, суета, как обычно бывает в жизни, но Сэнзалли вместо того, чтобы уделить ей внимание, тихо и с тщанием нанесла три небольших полоски на левую щеку, как и ее предки знания.

«Мои лапы уже позабыли, как это делать быстро, изящно. Но вспомнят».

Она закончила, встала и пошла.

«Страх правит. Но, вижу, я правлю страхом, что во мне, и в других. Но что тогда правит мною?..»

«Или непременно что-то должно править? Ведь я могу быть свободной. Лишь звезды наверху, луна между ними, и моя лунная дорожка под лапами — ведь всё это, что мне нужно».

Сэнзалли, задумчивая, прошла мимо них, погруженная в мысли. Она еще не всё додумала, не всё решила. Ведь когда придет во прайд — будет некогда.

Компания чужаков с опаской глядела на нее и эти черные полоски, скучковавшись.

«Нужно быть осторожной со своею силой. Она может растоптать и других, и меня. И тогда я не... Что я не?.. Не смогу помогать прайду? Или не дойду к своей звезде? А, может, пусть топчет и меня, и других, но лишь пусть взъярится, яростная? Как молния, звезда, что падает».

Лев подошел и тихо спросил, заметив черное на левой щеке Сэнзалли:

— Шаманая, что ли?

Львица-мать быстро и чуть более высоким тоном, чем обычно, ответила:

— А... Шакал с ней. Не хотела лапы о нее марать.

«Ха-ха. Казалось, когда у тебя появляется сила, то есть ответ на всякий вопрос. Но вопросов, мне кажется, стало больше. И тех, кто на них может ответить — почти нет».

Вздыхнув, Сэнзалли легко и просто бросила мысли, как можно пнуть мелкую кость от своих лап. Она пошла вперед — домой, идя напрямую, не выбирая троп. Шла она настолько быстро и уверенно, что вечером оказалась недалеко от прайда, в знакомых землях. Уснув после захода солнца, она мирно и спокойно уснула. Прележала она так целую ночь, а потом еще полдня. Потом неспешно пошла, бесцельно рассматривая облачную, серую погоду и прислушиваясь к себе.

Во прайд Сэнзалли пришла вечером. К дренгиру, как полагается в первую очередь сделать при возвращении, вовсе не пошла. Почему? А просто не хотела. Сперва желала повидаться с родными. Но, как ни странно, все куда-то разошлись по

всяким делам. Первыми встретились двое львов из прайда, которые расспросили ее о путешествии в Иллари.

— Как прошло?

— Очень хорошо.

Потом встретился Ульмар который почему-то был очень рад возвращению Сэнзалли и охотно потерся с нею щекой в знак приветствия.

— Ты так изменилась! — отступил он на шаг, чтобы рассмотреть ее получше.

— Разве? И как же? — села Сэнзалли, чуть вздорно повернув голову набок.

— Не знаю... Как-то изменилась. Подросла, что ли? — говорил он, мгновенно утопая в ее глазах. — Сэнзалли, ты стала такая...

Сэнзалли засмеялась и отвела взгляд, который ее выдавал. Шамани может скрыть практически что угодно, но только не взгляд. Это могут лишь сильные видящие, но Сэнзалли, конечно же, еще не имеет такого контроля и воли. Она смеялась не столько с его слов, но с того, что остро ощутила простое и незамысловатое течение мысли и желаний молодого льва. Чтобы не дразниться собой, Сэнзалли сослалась на усталость и спешку, и быстренько ушла.

Тот даже сделал несколько шагов ей вослед, сам не понимая зачем.

— Глядите, вот моя дочь! — заметив Сэнзалли, Зарара побежала вперед, оставив охотничью группу позади.

Затем степенно подошли и охотницы вместе с помогающими им львами. Все хорошо, но сдержанно приветствовали Сэнзалли и немного удивлялись тому, как она подросла; а так же тому, как она вдруг ни с того, ни с сего может хихикнуть, засмеяться, необычно посмотреть. Такого за ней раньше не замечалось. А Сэнзалли просто еще не могла вполне привыкнуть к тому, что может ощущать чужую душу так же, как она видит отражения облаков в воде. Отражение, конечно, не сама вещь, но по нему можно сказать очень многое.

— Ну что, сходила уже к дренгиру? — спросила мать — Идем, поговорим... Ой, как я по тебе соскучилась. Где же ты бродила, пропажа моя?

— Нет, еще не ходила, мам. Идем, конечно...

— Иди сейчас же, скажи что пришла! — испугалась мама так, будто дочь совершила огромный проступок.

— Ай, ну его, давай сначала побеседуем.

— Нет-нет, иди, так полагается. Он злиться будет, зачем тебе это.

— Хорошо, идем.

— Он, наверное, у пещеры.

Сэнзалли чуть прикрыла глаза, на миг остановилась.

— Что такое? — насторожилась мать, попутно заметив три слегка истершиеся полоски на левой щеке.

— Да он рядом где-то.

— Как рядом?... А, точно, идет с Южного... Пошли к нему.

Сэнзалли и мать пошли ему навстречу. Он тоже заметил их и медленно пошел к ним.

— Доброго вечера, мой дренгир, — слегка поклонилась шамани, как полагается.

— Аааа, доброго, доброго. Я уж думал, ты осталась в Иллари. И не только я. Ну, подойди, поприветствуй уж меня...

Они слегка потерлись щеками.

— Мой дренгир, можно вопрос? — опередила его Сэнзалли, хотя Аргир было уже раскрыл рот, чтобы сказать.

Тот решительно кивнул, приглашая Зарару и Сэнзалли сесть, как он.

— Лев сделал так, как я просила?

— А что ты просила? — нахмурился он, припоминая.

— Чтобы лев собрал прайд и спросил о том, желает ли он...

Дренгир встал и прошелся возле нее.

— Вот об этом я хотел поговорить, только чуть позже...

— Нет, я прошу прямого ответа сейчас, — посмотрела ему вслед Сэнзалли.

— Нууу... Хорошо. Я сделал это, — обернулся он.

«Нет? Неужели они сказали «нет»? О, странность...».

— И что же?

— Сэнзалли, давай потом. Сейчас не время, ты устала, ты с дальнего пути.

Пойдем, — встревожено сказала мама, чуть ли не когтями оттаскивая ее прочь.

— Мама, пожалуйста, погоди, — не сошла с места Сэнзалли. — Я договаривалась с дренгиром. Просто хочу знать.

А тот уже упал в свою обычную, нетерпеливую злобу:

— Только не надо устраивать здесь невесть что. Я-то запомнил, как ты пригрозила мне... то ли убежать... то ли... ай, даже не буду говорить. В общем, мы во прайде посоветовались и решили, что тебе будет легче, если ты не будешь нести это тяжелое бремя. Ты слишком переволновалась в последние дни. Кроме того, ты ведь ушла в Иллари. По крайней мере... по крайней мере, я так думал. А как шамани Делванни может быть в Иллари? Так ведь? И ты, наспех сообщив, и то не всем, куда-то убежала. Что должен думать прайд?.. В общем, вот так. А там видно будет.

Сэнзалли спокойно поглядела на него, потом на маму. Ее взгляда Аргир, неожиданно для самого себя, выдержать не смог. Зарара же была вся участие: предупредительно глядела на дочь, стараясь поймать тот момент, когда придется ее успокаивать.

— А что говорили Ушала и Фриная? — мягко поинтересовалась она.

— Ну как... Раз прайд так считает, что ты не должна быть шамани, то им оставалось лишь согласиться. Верно?

— Верно. Вполне. Но кто тогда будет шамани Делванни в будущем?

— Вот об этом ты... ты не беспокойся, — хитро заулыбался Аргир; так всегда улыбаются, если хотят доказать власть и превосходство.

Но и превосходство, и власть суть такой тлен...

— Как же не беспокоиться, — спокойно заметила Сэнзалли. — Я теперь львица прайда, и мне интересно, какая у него будет шамани в будущем.

— Будет как-нибудь. Поживем — увидим. Верно, Зарара?

— Правильно, — спешно закивала мать.

— Вот видишь, так и мать твоя говорит, — с неким торжественным тоном молвил Аргир.

Молодая шамани согласилась просто и плавно:

— Хорошо, — чуть улыбаясь, ответила она.

— Так, Сэнзи. Только без глупостей, — сразу же предупредил дренгир, помня о прошлом разговоре.

— Хорошо, — еще раз ответила Сэнзалли, прикорнув к матери.

Дренгир топнул лапой, отряхнул гриву и даже чуть торжественно сказал:

— О, вот видишь, как всё тихо-мирно разрешилось. Наказание, и так небольшое, с тебя я решил снять. Эйтану предупредил, никто не против. Продолжаем жить дальше, в конце-концов. Живи, Сэнзалли, будь хорошей львицей прайда, принеси детей, сойдишь с кем-то... например, с Аталлом. Будешь хорошей львицей?

— Буду. Обещаю, — честно ответила Сэнзалли. Она будет хорошей львицей прайда. Она будет.

— Ах, как хорошо, — сиял дренгир оттого, что очередная проблема решена без лишних хлопот и суеты. — Ну, хорошего вечера. Ступай, Сэнзи, отдыхай.

— Спасибо.

Мама и дочь пошли дальше, к Южному холму.

— Хорошо, что ты стала такой взрослой, Сэнзи. Я боялась, что ты воспримешь это слишком близко к сердцу.

— Ну, раз прайд не хочет меня, как шамани, тогда что могу я сказать? Кроме того, меня не изгоняют. Так ведь?

— Ой, что ты такое говоришь! Не говори такого! Конечно, нет! — перепугано сказала мать. — Просто пойми... это не для твоего характера... Видишь ли, может когда-то Фриная ошиблась или что-то вроде того.

— А что, все были против меня?

Мать немного подумала, что ответить.

— Нет, конечно. Некоторые желали, чтобы ты в будущем стала нашей шамани для прайда. Просто они не понимают, что это слишком тяжело для тебя, для твоей натуры... Ой, хорошо, что всё так просто обошлось, — вздохнула мать, довольная тем, что теперь дочь всегда будет с нею рядом и не будет больше заниматься странными вещами.

— Да это ничего, мама. Пока я во прайде, я помогу ему всем, чем могу. Это ж и так ни на что не влияет. Получается, что я не шамани для прайда... но шамани во прайде. Как-то так.

Мама с подозрением поглядела на дочь. Она не совсем поняла, что Сэнзалли имеет в виду; в то же время Зарара не могла не заметить той вполне уловимой внешней и, кажется, внутренней перемены во Сэнзалли. Она как-то чуть повзрослела, похорошела, и нечто обрела. И что-то случилось с глазами. Неправдоподобно отражают свет. Неправильно, не как у всех. А это плохо, что не как у всех — рискует дочь! Все, кто выделяются, рискуют собою.

Немножко подумав, Зарара спросила:

— Сэнзи ты что, плачешь? Это... слезы на глазах?..

— Отнюдь мама. Совсем нет.

— А... Прости, привиделось.

Болтая, они пришли к Южному холму. К сожалению, ни отца, ни Мааши пока не было. Сэнзалли вспомнила, что хочет пить, и пошла на водопой перед сном. Уже почти ночь.

Спустившись по крутой тропке вниз, к берегу с мелкими камешками, Сэнзалли начала аккуратно пить. Нет, конечно, она чувствует себя не лучшим образом оттого, что прайд решил ее просто и неказисто отторгнуть как шамани. Что ж... Пусть так. Теперь это не задевает ее. Теперь, по сути, она простая львица Делванни, но в то же время шамани. Как странно... И что теперь делать? Ничего. Просто жить в нем.

«Удивительно, что Фриная и Ушала так легко согласились. Ладно остальные, но они-то должны знать, какой это может быть удар для неподготовленной, юной души. Шамани, отторгнутая своим прайдом, самое меньшее уходит в Большой мир. А может и строфанта испробовать».

Сэнзалли перестала пить, села у воды и закрыла глаза, слушая воду.

«В то же время — я спокойна. И, тем более, остаюсь во прайде. Хм... Действительно, получается не шамани для прайда, но шамани во прайде. Забавно. Уйти

я не смогу, это точно — если только не изгонят. Не боюсь я уходить, теперь мне легко, но обещание есть обещание».

Затылок и спина ощутили чье-то присутствие сзади. Шамани обернулась. Там была Ханая, мать Аярра. Она без предисловий начала, тоже подойдя к воде:

— Знаешь... А я говорила, чтобы ты осталась шамани для нашего прайда, — темно молвила она, глядя на воды.

— Спасибо, — сказала Сэнзалли, ибо больше нечего было ответить.

С неким безответным удивлением Ханая молвила, уютившись возле нее:

— Но все решили, что ты ушла прочь, в Иллари.

— Ты так не решила? — вздрогнула шамани.

С печальной улыбкой мать Аярра посмотрела на нее:

— Конечно, нет. Я помню твою клятву. Ты не могла ее нарушить. Я знаю это.

Они вместе немного сидели. Потом Ханая, смахнув москита лапой, молвила:

— Мне просто в последние ночи снится Аярр...

— Печаль раздирает мою душу при мысли о нем, — сказала Сэнзалли.

— Нет, я устала грустить, хоть мне так положено. Я вот что хочу сказать. Как сказать... Вот он мне, во сне... Постой, может ты не согласишься или подумаешь, что я спятила... Он говорит во снах, что погиб не зря, прямо как ты. Он еще говорит, играя у моих лап, что ты невиновна. Он чем-то связан с тобой. Не знаю... Как есть, так и сказала.

Ханая подошла к ней ближе, переводя дыхание. Она сбивчиво продолжила, а Сэнзалли сделала шаг к ней, чуть подняв переднюю лапу.

— Ты послушай меня, Сэнзалли. Не слушай их, а слушай меня. Вот что я тебе скажу. Я точно знаю, что именно ты будешь нашей шамани. Не принимай глупцов всерьез. В мире очень много глупости, зла и зависти. Ты хороша, я по тебе вижу, что ты — чистая душа. Не все были против тебя, поверь. И твои наставницы тоже старались защитить тебя. Но всякий посчитал: если ты ушла в Иллари, значит, решила сбежать от прайда. Я старалась всех убедить, что ты не могла уйти в Иллари, а просто пошла по своей причине; старалась убедить, что станешь ты прекрасной шамани для всех нас. Но все думали, что я начинаю сходить с ума. Ведь мне... мне положено тебя ненавидеть!

Она прекратила говорить и очень устало притронулась лапой к щеке, на миг прикрыв глаза.

— Хотя, если ты уйдешь, я не буду тебя осуждать. Честно.

— Я не уйду, — Сэнзалли обняла Ханая, потершись ухом о ее шею.

Они постояли так вместе, забыв о времени. Потом Ханая приглушенно молвила:

— Пойду я спать, — и отстранилась.

Вдруг Сэнзалли прислонила ей лапу к щеке, потом к лапе, вглядываясь в ее глаза.

— Ты беременна.

— О... — наострила уши Ханая, но лишь на чуть. — Тогда тем более пойду.

Сначала они вместе ушли к Южному холму, не говоря друг другу ни слова. Пожелав друг другу доброй ночи, они разошлись, а потом молодая шамани встретила отца и сестру. Родные обнялись, немного порадовались возвращению, а потом пошли спать, отложив все разговоры и рассказы на завтрашний день, который непременно должен настать.

Таков порядок вещей.

**

С Ману ко прайду Делванни ушло семь львов и львиц. Три львицы — из Велари, две — из Иллари. Все они, из слов дренгиров, очень ловкие разведчицы, хорошие охотницы и верные львицы. Два льва — из Хартланда.

— Сы́на, иди с этими, что я тебе дал, — тихо говорил ему конунг и отец Умтай. — Зайди обязательно в Делванни по дороге, объясни им всё так, как я тебе говорил. Потом разделитесь на две части. Как разделитесь — решай сам. И постарайся побольше узнать, не приходи с пустыми лапами. Мне нужно знать, где эти вольсунги, чем они дышат и что они хотят. Давай. Я никогда не говорил тебе этого, но сегодня скажу: ты у меня лучший. Всё-всё, теперь иди. И будь осторожен, я прошу тебя!

— Хорошо, отец, я постараюсь, — с готовностью ответил Ману, с видом серьезным и в то же время чуть растерянным.

Умтай несильно похлопал его по плечу, потом, словно припомнив, обнял, и ушел.

— Пошли, — сказал он тем, кто с ним должен идти общим путем; расслабленно беседуя, сидя, стоя и лежа, они ждали своего предводителя.

Все, услышав короткое и преисполненное скрытого напряжения слово, поднялись и пошли в его след...

— Сэнзи, вставай... Слушай-слушай, а куда ты ходила? — спросила на рассвете Мааши, теребя ее за ухо, чтоб сестра пробудилась.

А Сэнзи встала не сразу, потому Мааши пришлось сильнее потрясти ее:

— Ну, расскажи!

И шамани проснулась, правда, не без труда.

Сегодня она *сновидела*, заснув рядом с матерью. Такого сроду с нею не случилось: рядом с кем-то да сновидеть. Дело в том, что другие сбивали ее настрой и намерение, и без того нестройные, зыбкие. В одиночестве Сэнзалли еще кое-как могла добиться сновидения, но если спал рядом кто другой — это очень мешало.

Теперь же всё случилось иначе. Совсем иначе. Грань между явью и сновидением преодолелась очень быстро, малозаметно; не было ни терпеливого засыпания, ни долгого провала в серость сна. Сэнзалли сразу очутилась во втором теле (которое имеет всякое существо мира) возле себя, спящей; не зная своего желания, не имея цели, Сэнзалли просто немного побродила вокруг, поражаясь четкости того, что видит. Потом она решила, что негоже знать лишь свой мир, и тут же переместилась с ревом в иное пространство — как она *узнала*, это был уже иной мир, очень похож на ее, домашний, только чуть иной, с каким-то очень вялотекущим временем. Она перемещалась по древу мира ради чистого созерцания, любопытства и ощущения собственной силы; за эту ночь удалось посетить еще два и вынести удивительное, странное знание, которое очень трудно, почти невозможно передать в словах.

Для себя Сэнзалли, проснувшись, мысленно изрекла его так: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

Проснуться было вообще трудно, но не в смысле того, что молодая шамани хотела спать. Оказалось, очень непросто возвращаться домой, в окружение всего привычного. Оглядываясь по сторонам, Сэнзалли удивлялась тому, как всё призрачно и почти нереально.

Сэнзалли по-настоящему начала действовать в сновидении. Это было невероятное ощущение; словно она избавилась от вязкой, тягучей пелены и мутной слабости сознания. Она очутилась по ту сторону ото всех остальных львов и львиц, она словно стояла одной лапой во сновидении, а второй — в обычном мире; разделение

на явь и сновидение, которое раньше было незыблемым и твердым, теперь стало невероятно призрачным, как нежная стена утреннего тумана.

А еще Сэнзалли стала предельно внимательной, во всех смыслах; она почти физически ощущала силу своего внимания. Главным образом это странное, невероятное чувство таилось в глазах. И снова подивилась Сэнзалли мудрости всех шамани, которую слышала от Ушалы, и которой раньше не понимала и понять не могла: «Сила и намерение рождаются в глазах».

Наверное, и сама Ушала не понимала ее, просто приняв ее от своей наставницы как данность.

И вспомнила она шамани Хлаалу с ее взглядом и с тем, как она желала убедить Сэнзалли в его важности.

— Насколько я завишу от мира, настолько и он — от меня...

— Сэнзи, что ты сказала? — послышался молодой, яркий голос.

Она чуть не подскочила, но некое внутреннее чувство времени, что теперь бежало лишь вперед, а не оглядывалось назад, помогло угасить собственный испуг и ненужное движение.

— Привет, Мааши. Прости, я так... — зевнула Сэнзалли. Это, как ни странно, помогло окончательно проснуться.

Сестра села напротив нее и смешно повернула голову набок: то ли из хитрости, то ли игривости.

— Я рада за тебя, Сэнзи.

— Спасибо. Ты о чем говоришь? — Сэнзалли вылизывает лапу, прижмурившись. Слова сестры теплы извне, но теперь у нее есть чуткость для эмоции, острое видение сердца; потому она знает внутреннюю прохладу этих слов.

— Ты так спокойно приняла то, что больше не шамани.

— Почему ж ты решила, что я больше не шамани?

— Как... Ведь прайд так решил. Извини, но это так. Это слишком трудно для тебя, Сэнзи. Зачем брать на себя лишнее?

Она не будет переубеждать, спорить. И так больше всего машут крыльями те, кто летать не способен. А кто летать научился, тот никогда не сделает лишнего движения.

— Раз так, то так.

— Ну, тем более. Кстати, Аталл очень взволновался.

— Из-за того, что я ушла?

— Да... Я, конечно, предупредила его, всё как положено сказала...

Важный поворот разговора. В последнее время это острое чувство уже начало утомлять Сэнзалли; для нее было мало тайны в чужой душе, а это отнюдь не так хорошо, как может показаться на первый взгляд. Совсем не так хорошо.

— Расскажи, где была? — с притворно слабым любопытством спросила Мааши.

— В Иллари. Думала задержаться в гостях на пару дней, а пришлось остаться намного дольше. Было весьма интересно.

— Что, ты со мной говорить не хочешь? — с укором и некоей скрытой надеждой на конфликт молвила Мааши.

— Сама ты так решила, а потом свою выдумку переложила на меня.

— Что-что?

«Странно. Странные дни...», — подумала Сэнзалли. — «Теперь я знаю страх и могу видеть иные миры, но не нахожусь со словами для собственной сестры».

— Мааши, давай не будем об этом, — мягкая по своей сути Сэнзалли всячески избегала взгляда сестры.

— Аааа... — с полуусмешкой молвила сестра. — Как хочешь. Кстати, знаешь ли, ты повзрослела за свое путешествие. Ладно, я пошла.

— Хорошо.

— «Хорошо»! Хоть бы «пока» сказала! — внезапно набросилась Мааши, как на добычу.

Сэнзалли тихо, даже покорно молвила:

— Пока, сестра.

Мааши ушла. Умывшись, Сэнзалли пошла к водопоя, где встретила братьев и сестер по прайду; Эйтана, одна из хозяек охоты, сказала ей явиться после полудня у места сбора. Теперь Сэнзалли — обычная львица прайда, и отнюдь не может ссылаться на занятость, как шамани. Она кивнула, чувствуя, что никакой охоты для нее сегодня не будет.

Также к ней подошел Аталл. Сходу он обвинил ее в том, что не предупредила, куда идет, зачем идет:

— Я уже думал, что ты останешься в Иллари! — говорил он это, как страшное обвинение.

Странно, но Сэнзалли не пронзили радость встречи и душевный трепет. Прочувствовав его суть, шамани утратила к нему интерес и сохранила лишь легкую теплоту прошлого чувства.

— Перестань, Аталли. Если б ты интересовался мною, то мы бы ушли в этот путь вместе.

— Понятно, что ты там решила себе кого-то найти, — решил он на язвительную грубость из ревности и беспомощного чувства от тех глупостей, которые он успел натворить, пока Сэнзалли не было. — Но ничего не нашла, либо тебе отказали, и ты вернулась сюда. Вот как!

— Не говори глупости, Аталли. Они тебя не красят.

Аталл, мучаясь от того, что она неуловимо похорошела и стала еще притягательнее, ушел.

Вскочив на старое поваленное бревно, что уже много лет лежало у берега водопоя — а водопой у Делванни суть река Большой Маар — Сэнзалли разлеглась на нем, легко, даже чуть фривольно свесив хвост. Это бревно во время сезона дождей часто скрывалось под водой, но почему-то не смывалось течением и очень неспешно гнило; видимо, дерево было какое-то твердое, прочное. Положив мордочку на лапу, Сэнзалли вздохнула, вдыхая его запах (ей почему-то с детства нравился запах старой древесины). Теперь день, и не видно, что зажглась ее звезда; Сэнзалли знает, чувствует это, но больше сказать ей нечего: куда она приведет и что обещает — неизвестно.

Она не желает никого видеть и ни с кем общаться; теперь среди других ей не слишком уютно. Ощущение такое, что каждый давит своей душой; их характеры, мысли и настроения без спросу вторгались в душу Сэнзалли, и она пока не могла управиться с этой волной впечатлений и тем, что каждый словно бесцеремонно влиял на тот бестелесный круг осязания, который невидимо, но прочно образовался вокруг нее.

Заколело левую щеку и прошел озноб вне тела. Молодая шамани неосознанно повернула голову в ту сторону. Ах, да, это идут Ушала и Фриная. Вот они подошли, проявляя живой интерес ко своей, наконец вернувшейся, ученице... Сэнзалли, расслабленно лежа, глядела им в глаза. Фринаю она почти не чувствовала, как шамани; но, как ни странно, ее сердце оттаяло по отношению к своей неважной наставнице — ее душа, суть слабая, робкая и неуверенная, понравилась тихой, глубоко скрытой чистотой. В ней не было ни мерзкого порока, ни обыденной подлости.

А Ушала уже довольно неплохо чувствовала, как шамани. Это из-за нее прошел озноб по левой щеке.

— Сэнзи, ну наконец-то ты вернулась! Я волновалась. Что только не говорили! Мол, сбежала в Иллари, и всякие глупости... — потерлась Фриная носом о щеку юной шамани.

Ушала не сразу бросилась в вежливости и приветствия. Она села и начала словно изучать Сэнзалли, немного шурясь. Конечно же, для нее перемена более чем очевидна.

— Приветствую львиц... Я соскучилась за вами, — поднялась Сэнзалли и легко соскочила с бревна. — Немножко задержалась, но так было нужно.

Не спуская с нее взгляда, сидела Ушала.

— Сэнзи, ты уже знаешь? — наставница очень быстро переменялась в облике.

— О чем?

— О собрании прайда.

Фриная искренне оправдывалась, прятала глаза — казалось, чуть не плакала.

— Что теперь — даже не знаю. Честное слово, не знаю. Очень прошу тебя, Сэнзи, только не делай неразумного. Я знаю, что такое непросто пережить, но если прайд не захотел, так что сделать?.. Значит, плохо мы с тобою старались, что-то плохо сделали. Ну вот случилась такая беда, пропал Аярр, так что с того — ломать тебе судьбу? Но всем показалось, что ты убежала в Иллари, что ты слишком легка на мысль, слишком ветрена. Все хотели тобой пользоваться, но не уважают... И...

— Это ничего. Всё равно спасибо за всё, — ответила Сэнзалли. — Пусть Фриная успокоится и не терзает себя.

— Да за что? За что тут «спасибо»? За что?.. — сетовала Фриная.

— За *хламай*.

Ушала по-прежнему сидела молча, чуть в сторонке. Сэнзалли же обняла лапой свою наставницу, чудовищным усилием подавив желание заплакать из нежности и жалости к ней (когда много силы — появляется много чувства, таково в мире!), поглядела на старую шамани.

— Ушала, есть ли у нас сок хирайи? — спросила Сэнзалли.

— Есть. Для тебя — есть. Пойдешь со мною, я дам, — с готовностью кивнула та.

Потом Сэнзалли убедила Фринаю пойти дальше, по своим делам, пока она сходит с Ушалой на Дальний холм. В пути они не проронили ни слова; ни слова не проронила Ушала, когда достала из глубины пещеры панцирь, в котором была уже сухая смесь черной глины и сока хирайи; ни слова не было, когда они у воды размачивали сухую смесь; и не проронилось ни слова, когда Ушала сама нанесла три полоски на левой щеке Сэнзалли.

И она сама удивилась их красоте и стремительности.

Когда завершили, она всё же, мучаясь, задала один вопрос:

— Откуда столько силы?

Сэнзалли повернулась мордочкой к бесконечности горизонта, как при всяком тяжелом признании.

— Сквозь боль.

Больше Ушала не спрашивала, хорошо понимая тайну и то скрытое, что всегда носит в себе шамани.

Взяли панцирь и медленно пошли назад, к Дальнему холму, по травам саванны. Когда почти пришли, то встретила Менани, которая торопливо молвила:

— Идемте к Верхнему холму, там пришел сын конунга с какими-то новостями!

Сэнзалли последовала за Менани, чувствуя важное. Заметив, что Ушала отстала, обернулась:

— Львица не идет?

Ушала махнула лапой.

— Не идет... Пошел он, Аргир этот, — фыркнула. — Дурак напыщенный. Смотреть на него не могу. Пойду лучше к Ульмару — посмотрю, как он.

— А что с ним?

— Лапу изранил.

— Почему тогда он не здесь? — кивнула Сэнзалли в сторону пещеры шамани.

— В Южных пещерах. К нам, в Дальнюю, не захотел.

— Потом схожу, гляну, — чуть подумав, сказала юная шамани.

И пошла за Менани, к месту сбора прайда.

Группу Ману, как ни странно, заметил обход, хотя они, как и полагается, шли со стороны Хартланда, а на этих землях обходы делались нечасто. Поняв срочность дела из серьезного облика сына конунга, обходящие тут же помчались во прайд и предупредили дренгира о неожиданных, важных гостях.

Тот миг оставил все дела (а дел осталось еще много — подремать, покушать, а потом еще подремать) и быстро затрусил навстречу Ману и его группе. Он всегда боялся конунга; и всякий раз, когда хорошо видел его презрение к нему, боялся еще больше.

— А, Ману, дорогой, рад тебя видеть, — превратился в само благодущие.

— Здравствуй, Аргир. Извини, дело важное и спешное, потому буду выкладывать всё сейчас, на ходу...

— Хорошо, хорошо. Только покушать, отдохнуть с такой дороги, — говорил Аргир, разглядывая тех, кто прибыл с Ману. Те отвечали ему чуть смешливыми взглядами, но сохраняли серьезность.

— Нет времени, я...

— Как же, сначала нужно немного отдохнуть, потом... — казалось, Аргир совершенно не слушает.

— Хватит перебивать! — у молодого льва был такой же вспыльчивый характер, как у отца. Он вспыхал мгновенно, и так же угасал. Со стороны выглядело чуть нелепо: юный лев, у которого только сомкнулась грива на груди, рычит на много старшего дренгира прайда. — Аргир, я не пришел спать, кушать и развлекаться! Я пришел по важному делу и ненадолго!

В этих словах было много юности, максимализма и нервозности; в то же время каждый в группе ощутил простую, прямую правоту Ману. Во время своего перехода они только и говорили, что о вольсунгах.

Дренгир Делванни мгновенно умолк, а Ману решил, что лучше всё же сообщить новости по прибытии во прайд. Когда они подошли к месту сбора, то многие собрались у Верхнего холма и с любопытством глядели на гостей. Ману, хорошо всё обдумав, решил сначала рассказать новость лишь дренгире. Пусть потом сам донесет новость прайду, когда он и его группа уйдут. Если рассказать всё сейчас, то это вызовет лишь поток вопросов, которые останутся без ответа, и долгое обсуждение, в котором будет мало толку, но много страстей.

— Я должен поговорить со львом наедине, — тихо сказал Ману после того, как поприветствовал прайд.

— Идем к моей пещере, — с унылостью молвил Аргир.

Они зашли внутрь. Там никого не было.

«Вот я дурак. Нужно было остаться внизу и просто отойти в сторонку. Мы и так пришли лишь на миг», — с досадой подумал сын правителя Союза.

— Что случилось?

— Случилось. Союзу угрожает большая опасность...

— Аааа... Я так и знал, так и знал. Я так и думал... Уже понимаю, уже знаю, — глубокомысленно закивал головой Аргир.

— Что, они уже приходили? — внутри Ману всё похолодело. Да, он знал, что в эти дни всё происходит быстро, но, шакал, не настолько же...

Налет мудрого предвидения с Аргира слетел, и он непонимающе одернулся:

— Кто?

— О чем лев сейчас говорил? — уловил поспешность суждений дренгира умный Ману.

— О том, что Хлаалу желают отстраниться от Союза. Я об этом слышал...

— Что за глупость? Разве лев думает, что ради этого глупого слуха я бы пришел сюда со семью хвостами?

Аргир засуетился, замешкался на месте:

— Тогда прошу прощения... О чем речь?

— С востока на Союз надвигается большое объединение прайдов. Большое — это значит около двух десятков прайдов. Конунг очень сильно подозревает, что они будут проходить через наши земли. Ничего хорошего это нам не сулит. Зовутся они вольсунгами. Сейчас они подходят к нашим границам; скорее всего, к ним дня три ходу, если не ближе. Это в общем всё, что мы знаем.

«И...», — читался немой вопрос в глазах Аргира.

— Дренгиру следует принять все меры для того, чтобы вольсунги не вошли на наши земли незамеченными. Нужно всячески усилить обходы, особенно восточной и южной границ. Аргир, восточная граница Делванни — это восточная граница Союза. Мы не знаем, как, когда и откуда появятся вольсунги. Но они появятся.

— Когда появятся, то...

— ...то ни в коем случае не бросать им открытого вызова. Всячески нужно склонить их к переговорам. Если они будут слишком враждебны, то надо быть готовым убрать весь прайд прочь. Но пусть лев постарается не допустить этого. Это самая крайняя мера. Нужно склонить их к переговорам, оттянуть время; если надо, мой отец лично придет сюда побеседовать с их правителем. Мы не должны вступить с ними в бой — это главное. Лучше всего, если они тихо, мирно пройдут... — молвил Ману, понимая, что говорит наивность. — Мы же за это время постараемся разузнать о них как можно больше. Мы постараемся вернуться со сведениями. Отец дал мне хороших львиц и львов. От прайда Делванни лишь требуются те, кто хорошо знает местность востока. Аргир, лев должен дать мне лучших из лучших.

На морде дренгира проступило мучительное напряжение мысли:

— Хорошо, я подумаю, кто сможет пойти...

— Здесь не вопрос «может — не может», мы не идем гулять. Мне просто нужны лучшие. Я их требую, — топнул лапой Ману. — Два или три хвоста, не больше.

— Понимаю.

Дренгир задумчиво пригладил гриву.

— Два десятка прайдов?

— По нашим сведениям — около того.

— Да ну, не может такого быть, — одернулся Аргир после раздумья.

Ману нервозно вздохнул:

— Я тоже так подумал. Но отец так говорит, а у него уши хорошие. И глаза тоже.

Ману заметил за ним странную привычку: при раздумьях Аргир чуть оскаливался, словно мысли и работа ума досаждали ему, и таким образом он пытается прогнать их прочь.

— Послушай, Ману... Я не знаю, насколько это может иметь отношение к делу, но вот что. У нас тут недавно был один случай. Наши львы на обходе встретили очень странную компанию...

— На какой границе? — сузил взгляд сын конунга.

— Восточной.

— И что? — с еще большим подозрением спросил Ману.

— Случилась весьма кровавая стычка. Один наш лев ранен, но с их стороны — один погибший. Остальные две львицы убежали, правда, одна из них разбила морду в кровь.

— О небо, почему же от вас не было известий об этом?!

— Так... Как-то... — Аргир совсем растерялся от такого вопроса.

— Кто там был? На обходе? Они есть сейчас тут? — Ману понял, что всё нужно брать в собственные лапы.

— Есть, — с готовностью ответил дренгир, в душе возрадовавшись тому, что разговор не перетек в сплошное порицание.

— Пусть дренгир позовет их сюда немедленно.

— Сейчас.

Дренгир вскочил на лапы, вышел из пещеры и позвал свою львицу.

— Немедленно позови мне Аталла. Сейчас же.

Пришел Аталл, с любопытством глядя по сторонам. Ману оценивающе окинул его взором, посмотрел на Аргира, потом снова на него.

— Как тебя зовут?

— Аталл, — просто, без всяких вежливостей, ответил молодой лев.

— Меня зовут Ману, — сын конунга легко дотронулся лапой к его плечу в знак приветствия и знакомства. — Аталл, я пришел с важным делом. Твой дренгир потом расскажет все подробности тебе и твоим братьям с сестрами по прайду. А теперь, попрошу тебя, присядь и постарайся ответить мне как можно лучше.

Удивленный такой вежливой и высокой речью, Аталл сел.

— Я слушаю.

— Дренгир сказал, что ты принял участие в стычке на восточной границе.

— Да, было дело, — ответил тот, глядя то на Аргира, то на сына конунга.

— Расскажи мне о ней.

— Эм... Я, Миррай и Мазари... мы были на обходе. Мазари — это наш ярл. Так вот, мы повстречали там некую троицу — лев и две львицы — что шли со стороны прайда...

— Вашего? — удивился Ману.

— Ну да, — ответил Аталл, тоже только что удивившись такой вещи. Как он раньше об этом не задумался?

— Что они там делали?

Хороший вопрос.

— Не знаю, — повел ушами Аталл. — Уходили, наверное.

Ману нервно вздохнул. Он не это имел в виду. Что эти чужие делали во прайде? На самих землях прайда?

— Кто-то их еще видел?

— Нет. Только мы. Если б не Мазари, так они бы точно остались незамеченными.

— Хорошо, что дальше?

— Мы их окликнули. Спокойно, без враждебности.

— Чужие свободно разгуливали на ваших землях — и вы окликнули «спокойно»? — нерасторопность, вялость и даже какая-то тупость делваннийцев начала плохо действовать на душу Ману.

Аталл заторопился с объяснением:

— Нет, Ману, может лев меня не так понял... Мы не собирались вот так сразу с ними драться, они же вдалеке были — попробуй разбери, кто это такой. Всякое может быть. Они начали убегать, и, наверное, убежали бы, но там у нас есть такие ямы, провалы в земле. Там густая трава, можно не заметить и споткнуться. С одной из них это случилось... Она упала очень сильно и встать сразу не смогла. Мы за это время их догнали.

— Сколько их было? Что они делали, как выглядели?

— Я уже говорил: нас трое, их трое. Две львицы, один лев. Льва... Льва убил я, а за это время львицы успели уйти. Да мы их не преследовали.

— Вы с ними говорили?

— Нет. Лев сразу на нас набросился. Да, кстати, у него было странное наречие; вроде все слова есть, язык знакомый, но как-то по-другому всё звучит... А одна из львиц была весьма удивительной, я хорошо ее запомнил.

— Что ты хочешь сказать?

— У нее были полосы вот здесь, — провел Аталл лапой под глазами. — На ушах еще были. Черные такие полосы. Такого я еще никогда не видел. И взгляд такой... полный ненависти, что ли.

— Это не могли быть простые бродячие головы?

Хоть вопрос предназначался Аргире (Ману задал его ради самоуспокоения, чтоб убедиться во всем наверняка), но ответил Аталл:

— Я еще тогда сказал, что нет. Почти точно нет. А Мазари утверждал, что это не могли быть северняки. Совсем на них не похожи, да и что им здесь делать у нас, в Делванни... А что, Ману знает, кто это может быть?

Сын конунга недобро ухмыльнулся.

— Догадываюсь. Но это дренгир тебе потом расскажет.

— Что ж... — растерянно молвил Аталл.

— Итак, пусть лев мне посоветует тех, кого можно взять, — обратился Ману к дренгиру. — А я выберу... Тебе, Аталл, спасибо.

Они вышли наружу, и Ману с Аргиром сошли вниз, ко прайду Делванни, который собрался тут почти весь; присутствовали даже самые маленькие. Все ждали чего-то, каких-то новостей; в воздухе витала неопределенность. Ману мельком смотрел на них всех; внешне он выглядел уверенно, но внутри — полное смятение. Так оно бывает — все смотрят на тебя, все думают, что ты точно знаешь, что делать, ибо ты главный, лучший, на тебя вся надежда; а на самом деле тебе тоскливо и страшно оттого, что попросту нечего ни придумать, ни сказать.

«О небо, о камни, кого же выбрать, как не ошибиться?... Или, право, всё равно, кого брать? Делваннийцы, что с них возьмешь-то? Главное, чтобы дорогу показали, и всё... Да какую дорогу тут покажешь? Как всё просто выглядит со стороны, и как на самом деле трудно принимать решения. Как же непросто. Теперь понимаю отца, теперь понимаю эти тихо прижатые уши под конец дня, устало повисшую гриву...».

Ману вздохнул.

«Аргир, вот же дурак. О таком случае — и забыть сообщить! Непонятно кто рыскает по прайду, непонятно кого ловят на границах, непонятно кого убивают! Это не надо много соображения, чтобы понять, что... Ай. Ладно. Львица с черными полосами. Черные полосы. Да, это скорее всего, вольсунги. Кто, как не они. Но почему черные полосы? Что это значит? Ах, шакал, забыл спросить Аталла, обе ли львицы были с этими полосами. Ты, Ману, тоже дурак».

Он сел под большой драматией, в сторонке от прайда. Рядом с ним уселся и Аргир.

— Так кого лев посоветует мне для разведки? Да, кстати, хочу сказать: Делванни не должен вести разведку. Вы должны лишь зорко глядеть за своими границами. Так приказал отец. По идее, первыми с вольсунгами должны встретиться... — Ману неожиданно захрип, кашлянул и помотал головой, фыркнув. — Первыми должны встретиться регноранцы. Так что просто следите за своей землей.

Дренгир согласно кивнул:

— Конечно, как конунг сказал, так и сделаем.

— Ну, так кого можно...

— Ах да, — Аргир весь напрягся, раздумывая. — Итак... Тебе нужно две-три головы?

— Да?

— Львов или львиц? — участливо спросил дренгир.

Ману сбросил жука с лапы, который неведомо как там оказался.

— Неважно. Впрочем, лучше львиц. Так будут еще охотницы и разведчицы.

Подумав, Аргир выдал:

— Можно взять хозяйку охоты Эйтану. Хотя нет, нет, она недавно лапу подвернула, еще не вполне здорова... Тогда лучше Анасси. Она тоже хозяйка охоты.

Нет ничего хуже, чем хозяйка охоты. Ману, конечно, такого не скажет. Но хозяйку охоты он брал бы в последнюю очередь. Все они своенравны и желают непременно всё проделать по-своему.

— Мне не нужны просто хорошие охотницы. Я верю, что хозяйки охоты у льва хорошие, но... Дело очень серьезное, Аргир. Мне нужны те, на кого лев сам бы положился в случае... чего.

— Полностью положиться я могу лишь на Нарсимари. Это моя львица, — то ли пошутил, то ли серьезно сказал Аргир, почесав за ухом.

Ману устало вздохнул, глядя по сторонам.

И заметил вот что.

В сторонке от всех, от всего прайда, в полном одиночестве (хоть она и совсем недалеко от других, но так почему-то кажется) и тени акации, лежит молодая львица. Она недалеко, всего в шести-семи прыжках от него. У нее на щеке три полоски. У нее светлый окрас, длинный хвост и безумный гений изящества.

«Ученица местных шамани», — подумал Ману, встряхнувшись. Он, следуя отцу, неплохо знал, что и кто есть во всех прайдах Союза. Он помнил, что в прайде Делванни есть две шамани, и знал, что у них есть ученица (или ученицы). Правда, не знал, что они уже настолько взрослые. Совсем-совсем взрослые, можно сказать. Только вошли за черту взрослости. Эй, почему «вошли»? Лучше сказать «вошла»; она ведь одна. Нескольких быть не может, таких — точно не может. Не может... Эта светлая шерсть, эта стройность; красивые черты мордочки.

Он чуял, что весь застыл, когда встретил ее взгляд.

Потом она отвернулась, уделив внимание чему-то иному, и Ману отпустило.

«Кто это? Я думал, ученицы в Делванни еще маленькие...», — заинтересовался.

Кроме того, эта молодая львица выдалась ему знакомой.

«Где-то я ее видел... Видел. Ах, да... Да! Это та самая, что приходила несколько лун назад... или около того».

Он вспомнил ее. Да-да, это она приходила с тем ярлом из Делванни и его другом. Ману уж не помнил, чья она дочь: ярла или его друга. Ладно, это и так неважно.

— ...также еще советую обратить внимание на то, что можно брать любую охоту... — продолжал болтать дренгир, не заботясь о своих словах.

— Аргир... Аргир. Кто это? — слегка качнул головой и повел ухом Ману.

— Где?

— Ну вот, вот же — слегка кивал головой Ману в сторону молодой львицы, не показывая лапой. Показывать лапой — грубость.

Дренгир пригляделся, понял и засмеялся.

— Ах, это... Это — Сэнзалли, дочь Ариная.

Ману снова украдкой поглядел на нее. О, шакал! Уловила взгляд! Смотрит! Тут же, напустив деловой вид, повернулся к Аргире.

— Я вижу полоски на ее щеке? Она шамани, верно?

— Аааа... Она их еще не стирает? — и себе пригляделся дренгир, даже встал. — Вот упрямица. Нет, она вовсе не шамани.

— Как? Я думал, что да. Насколько помню, моему отцу в Хартланде представляли ее как ученицу шамани Делванни. Как так?

— Она решила прекратить учиться. Да и прайд ее поддержал, — уклончиво ответил Аргир, вовсе не желая, чтобы Ману (а тем более конунг) узнали о неприятной истории с Аярром, которая... в общем, которая очень неприятна и может повредить репутации Делванни. Ну и его, дренгира, репутации. Зачем же, как говорится, ходить с неумытой мордой?

Ману повел ушами. Он никогда не слышал, чтобы шамани или даже их ученицы решали вдруг перестать быть теми, кем они есть. Но всякое бывает в этой жизни. Раз дренгир так говорит, значит, так оно примерно и есть. Дренгирам ведь следует верить, верно?

«Раз прекратила учиться, то почему на ее щеке — полоски?».

Хоть в Хартланде и не было шамани, но Ману кое-что знал о них. Некогда он провел довольно много времени во прайдах Иллари и Юнити, где поближе познакомился с ними. Он проявил к ним любопытство, просто для расширения кругозора; ранее он считал, что шамани — это целители, которые иногда любят помяться «какими-то пустыми вещами», как говорила мать. Неожиданно шамани Юнити и Саймина из Иллари откликнулись на его любопытство и начали отвечать на некоторые вопросы; также Саймина однажды показала нечто настолько удивительное, что он ходил дня два сам не свой, ошеломленный. Вернувшись домой, Ману с истинно подростковым энтузиазмом начал убеждать отца взять хотя бы одну из них к себе в Хартланд. Но тот лишь с усталым видом отвечал, что не может, ибо приказывать шамани переходить из прайда во прайд, согласно древнему закону, нельзя и не имеет смысла.

— Пап, ты тогда попроси!

— Никто не пойдет, — упрямо твердил конунг. — Разве что какая-то сама решит.

В разговорах с ними Ману кое-что узнал о шамани вообще; в частности, он хорошо знает, что нельзя носить полоски никому, кроме самих шамани и учениц; если дети, даже для игры, их себе нанесут, то шамани обязательно изотрут это, да еще накажут.

— Это не только наша отметина, но и наше бремя, — сказала ему некогда Саймина.

Продолжив болтать, Аргир начал медленно отходить, желая подвести Ману поближе ко прайду. Чего они стоят так, в стороне? Пусть сын конунга подойдет поближе ко всем, выберет того, кто ему подойдет, как и полагается. Вот, даже вся его группа там, беседует с делваннийцами. Вот, оттуда даже идет старшая львица, что пришла вместе с Ману. Наверное, чтобы намекнуть на то же самое.

Ману заметил, что к нему трусит Хизая, одна из разведчиц Велари и его главная советчица по всем вопросам. Это львица уже угасающего возраста силы, опытная, сильная, здравомыслящая, замечающая всё и всех.

— У нас не так много времени. Нужно выбирать и уходить, — прошептала она на ухо, не обращая внимания на Аргира.

— Да... Сейчас, — он мельком посмотрел туда. Да, именно туда, где та самая молодая львица Сэнзалли.

А она снова ответила ему взглядом! Будто ждала!

Ману быстренько отвернулся, стараясь прибавить своим действиям и движениям побольше уверенного спокойствия; мол, ну взглянул, ну бывает спонтанно...

— Хизая, — Ману никогда не называл эту, много старшую за него львицу ласкательным «Хизи», хотя она ему неоднократно говорила, что можно. — Уведи Аргира к остальным. Он от меня не отстает. Я сейчас подойду.

Таково ее правило: сначала сделать, а потом расспрашивать. Она чувствовала смекалку и ум в молодом Ману, потому без роптаний следовала тому, что он говорит. Хизая тут же подошла к дренгиру:

— У меня есть еще пару слов для льва. От конунга.

Ману чуть повел ушами. Это была явная ложь. Видимо, Хизая не нашла ничего получше, полагая, как всякая охотница, что скорость принятия решения — самое главное. А что за решение — это уж не такой важный вопрос.

— Вот как... Что же?

— Пойдем, я скажу.

Он не стал смотреть им вслед, а твердо и уверенно направился к этой львице. Твердо и уверенно, конечно же, внешне. Изнутри его ела некая непонятная робость, ощущение того, что он, с одной стороны, делает нечто совсем неправильное, а с другой — самое правильное, что только можно в жизни сделать правильного.

Она вовсе не упокоилась на месте, заметив, что Ману направляется к ней. Сэнзалли встала и сделала несколько маленьких шажков. Когда они с Менани пришли на место сбора, никто не знал, что случилось и зачем пришел сын конунга. Говорили лишь, что «новости важные». Сэнзалли села в сторонке — ей после того, как она обрела силу, претило находиться среди множества душ, близко к другим. Нет, не потому, что она ханжа. Нет. Просто это оказалось трудно и неприятно: та самая сфера незримого осязания, что теперь окружала ее, постоянно волновалась и беспокоилась; потому Сэнзалли очень смутно улавливала чужие настроения, эмоции, урывки мысли. Ей было физически трудно усидеть среди многих.

Сэнзалли узнала его, конечно же. Как у всякой самки, у нее хорошая память на имена и личности. Тогда, в Хартланде, он представился сыном конунга, а его имя...

«Нужно вспомнить... Такое кратенькое, хорошее... Ах да. Ману».

Когда он подошел — села.

— Здравствуй.

Он сел довольно далеко, в прыжке от нее. Мать Ману — львица конунга — научила множеству правил приличия, как полезных, так и бесполезных; причем

учила им настолько рьяно и хорошо, что они попросту вошли в его кровь: он следовал им неосознанно.

«Знакомиться следует на почтительном расстоянии!», — вот одно из этих правил.

— Привет, — с небольшим поклоном ответила Сэнзалли. Простота приветствия и учтивость легкого поклона обескуражила его.

— Эм... — забыл имя Ману. Аргир вымолвил его, но как-то очень блекло и поспешно, потому имя совершенно не осталось в памяти. — Насколько я знаю, ты... была... ты — молодая шамани прайда?

Чуть-чуть подумав над услышанным (Сэнзалли задумчиво и мило посмотрела вверх), она ответила:

— Я просто молодая шамани.

— Ты знаешь земли на восток и северо-восток отсюда?

Ману уже решил, что разделит свою группу надвое. Так ему посоветовала опытная разведчица Велари, и советовал отец. Десять голов в одной группе — это слишком. Ее можно спокойно разделить на две или даже на три.

— Знаю, конечно. Я ходила по травы и корни, путешествовала с наставницей.

— Вот как.

— Ману, возьми меня за собой. Я тебе пригожусь, — подняла она взгляд, тихо, спокойно, и вместе с тем неожиданно; у него прошла волна по душе от этого взгляда.

Он не успел ответить, прислушиваясь к себе. В это же время шамани поднялась и прошла вокруг него, почти дотрагиваясь хвостом к нему:

— Я вижу, что ты идешь в опасный путь. В тебе много сомнения, ответственности, переживания. Ты идешь искать врагов; я смутно понимаю, каких, но я буду помогать тебе. Мой прайд отверг меня, потому я вольна отправиться в путь сейчас же.

— Аргир говорил тебе, зачем мы идем? — насторожился он, повернув голову.

Сэнзалли снова встала перед ним:

— Я шамани, Ману. Я вижу то, что другие не умеют видеть.

Он, конечно же, уже знал, что возьмет ее. Здесь, в Делванни, на него смотрели десятки разных глаз, он видел десятки разных обликов, но ни за что не мог уцепиться в них; они словно плыли мимо, как неспешная вода в реке. Ману понятия не имел до сего момента, как и кого выберет, и нужен ли ему кто-то из Делванни вообще. Яростно не желая ошибиться, желая не подвести отца, Союз и свою честь, Ману в то же время блекло понимал, что здесь можно взять кого угодно: не сделаешь ни большой ошибки, ни какого-то удачного выбора. Бери любую — она покажет дорогу, как все. Во всех них есть мера здравомыслия львицы, мера глупости львицы. Бери любого — он будет идти с тобой, как все. В нем: в меру храбрости, в меру трусости.

Здесь же, взяв эту молодую, с легкой странностью и нелегкой красотой шамани, можно либо совершить фатальнейшую ошибку, либо во всем Союзе не найти компаньона лучше. К ней есть нечто безмерное, без меры; беспредельное — без предела.

— Я возьму тебя. Как тебя зовут?

— Сэнзалли, — представилась она, приложив лапу к сердцу.

Удивленный, Ману спросил, истинно не понимая:

— Почему прайд отверг тебя?

— За проступок. Я не уследила за львенком, и он погиб, — ответ ее оказался полным печали и скрытых упреков: то ли себе, то ли еще кому. — После этого я ушла в Иллари по делу, а все подумали, что бросила прайд. Потому решили на сборе, пока меня не было, что им не нужна такая шамани. Я вернулась, но мне сказали, что уже могу не помогать прайду. Знай себе ходи, делай, как все делают... Теперь я не шамани для прайда, но лишь шамани во прайде. Такая вот странность, — заключила она, и Ману возжелалось дотронуться к ней, чтобы успокоить.

Но нельзя, конечно же. Они ведь еще так плохо знакомы.

Немножко погрустили вместе, а потом лев первым вышел из этой серости:

— А еще шамани здесь есть, ведь так? — нахмурился Ману, припоминая.

— Да. Моя наставница Фриная и старая Ушала, ее наставница.

— Зря прайд так решил, мне кажется. Поспешно. Поспешные поступки всегда глупы... — пригладил он гриву.

— Верно, Ману, — сверкнула она глубиной глаз.

Момент рассеялся и он обыденно сказал, как глава группы и сын конунга:

— Твои знания нам пригодятся. Ты умеешь лечить, так? Знаешь местность хорошо?

Ману заметил, что Сэнзалли всегда чуть думает перед ответом. Хорошо? Плохо? Она старается облачить мысль в слова получше? Или это пауза для незаметной лжи?

— Местами, — ответила она.

— Хорошо, что еще можешь? — испытующе спросил он и сразу же ощутил неловкость за такой настрой слов и тон. «Я выбираю живую душу для рискованного похода, а не умения», — подумал он, устыдившись себя.

В конце концов, компаньон может быть хорошим, даже ничего не умея.

— Еще могу укусить себя за хвост. И не отступать до самого конца, — ответила она, будто всерьез.

Ману невольно засмеялся, хоть момент и обстановка претили веселью. Укусить себя за хвост сложно, это могут только львицы с длинным хвостом.

— Думаю, даже этого вполне достаточно, чтоб я тебя взял, — улыбнулся он.

— Славно, Ману, — ответила Сэнзалли и блеснула глазами. — Когда уходим?

Он повел ушами. Чего ждать-то?

— Да сейчас. Посоветуй: кого взять еще? Мне нужна еще одна львица, которая знает земли на востоке и юго-востоке.

— Менани возьми, — сразу сказала Сэнзалли.

— Так сразу готов ответ... Словно готовилась, — пошутил, удивившись, Ману.

— Менани возьми. Она — верная, не отступит, — еще раз повторила шамани.

— Хорошо.

— Я за это время быстро попрощаюсь с родными и прайдом, можно?

— Конечно можно.

Сэнзалли знала, что действительно пойдет с этим Ману куда угодно, всё равно куда и во что. Во-первых, ей стало очень тоскливо сидеть во прайде; по крайней мере, при мысли об этом она неимоверно унывала. Во-вторых, она идет на важное и опасное приключение, которое, при успехе, принесет пользу Союзу и прайду — а потому ее клятва, которую никто не отменял и отменить не может, останется чистой. В-третьих, она ясно *знала*, что сила ей не дана просто так (разве дается в мире нечто просто так, будь то сила, талант либо вызов?), силе нужны цель и смысл; ей

нужно намерение. Шамани, у которых есть сила, изнывают, если она не находит выхода, если ее не направляют, не придают ей смысл и цель; вообще, сила имеет женскую природу, а всякая самка изнывает от ненужности и невостребованности.

Шамани пошла ко прайду, нашла маму и отца, и тут же рассказала родителям, что сын конунга берет ее в свою группу. Те аж не поверили и сами пошли спросить у Ману; они с непониманием спрашивали «Правда ли это?», но серьезный Ману ответил, что да. Так нужно Союзу.

Зарара тут же заплакала, ведь Аргир уже рассказал, что сын конунга с группой уходит в какой-то опасный поход и что появились некие смутные враги, которые еще не близко, но уже не далеко.

Ариной ревностно спросил:

— Отчего ты берешь мою дочь? Она еще молода и неопытна, для чего она тебе?

Ману не знал, как правильно ответить. Он даже, в какой-то мере, не мог дать полный ответ и себе. Как сказать другому, если не знаешь ответа для себя?

— Она — шамани. А их в нашей группе нет! — напористо сказал он, как откусил.

— Она уж несколько дней как не шамани!

Ману нашелся:

— Тем не менее, умеет лечить. Потому нам пригодится. Она не будет в риске, обещаю. Кроме того... Разве не честь для отца, что из всего прайда была выбрана именно его дочь для такого... — Ману хотел сказать «опасного», но потом передумал, и нашел замену: — ...ответственного дела?

Эти слова хорошо повлияли на Ариная, он больше ничего не говорил, хоть и не успокоился.

Мааши изумилась совершенно. Отчего сестре идти, куда, какой в этом смысл? Почему она теперь лишь ходит неизвестно где? Почему она так странна в последнее время, в эти странные дни?

— Куда она идет? Почему?! — расспрашивала она у Ману.

— Надо.

— Сэнзалли, куда ты идешь? Куда ты? Мать говорит, что это опасно! — уцепилась она в Сэнзалли.

Молодая шамани остановила сестру лапой.

— Мааши, сестра, будь спокойна... Веди себя, как подобает. Я иду с этой группой ради нашего прайда и ради Союза.

— Но есть множество тех, кто может пойти вместо тебя. Ведь это — не для тебя! Мне-то не знать твою натуру!

— Ты не веришь мне? И ты не веришь в меня? — без страсти, меланхолично спросила Сэнзалли, чувствуя окружающее чуть грустно и таинственно. Это не было укором, а лишь вопросом, на который не будет ответа.

Мааши не знала, что сказать, лишь слеза скатилась по щеке, которую она тут же утерла.

— Я теперь обычная львица Делванни, — посмотрела Сэнзалли вдаль, на миг позабыв о жизни и смерти. — Так мне сказал прайд, не желая моей верности. Но, тем не менее, я не могу быть иной. А потому я тем более должна покориться тому, что приказывает сын конунга, — обняв сестру, говорила Сэнзалли ей на ухо.

— Так ты лишь покоряешься? Не хочешь идти? — робко спросила Мааши.

— Наоборот. Хочу. Во прайде какая из меня польза? А так она будет...

Сэнзалли дотронулась к груди сестры, где душа.

— Вот ты бы пошла. Разве отказалась?

— Не отказалась, — неуверенно ответила Мааши.

— Так почему держишь меня, а себя бы отпустила?

— Я — это я... Но ты — ведь ты. Ты мягка и кротка, разве я тебя не знаю? Тебя заставили, вот ты идешь. Ему всё равно, кого брать, этому Ману. Может, ты просто понравилась, а на остальное ему плевать? Это ж сын конунга — у него не такая жизнь, как у нас. Что хочет, то делает.

Сэнзалли твердо ответила.

— Не заставили. У него течет такая же жизнь, как у всех. И разве мягкость и кротость тут могут помешать?

— Не знаю, не знаю... — качала головой Мааши, теребя траву.

— Хорошо, сестра. Отправь меня в добрый путь, и я рано или поздно, но вернусь.

— Слушай, слушай... Постой. Я должна тебе что-то сказать! — встрепенулась Мааши, вспомнив важное.

— Что?

— Я... Мы... Когда ты ушла, то... Сэнзалли, я тебя люблю, и прости.

Отвратительная вещь, эта сила! Кажется, с нею жизнь красочнее, лучше, мудрее, глаже! Чувь, ничего подобного. Теперь Сэнзалли знает, что Мааши соврала, она сказала совершенно не то, что желала сказать. И где именно соврала, что соврала? Это сеет смуту и сомнение в душу; для осознания чужого порока и души нужна чистота сердца и холодная страсть мысли. Их еще вполне нет у Сэнзалли, а силы теперь верно служат своей хозяйке, неспособные предать. Они не могут подвести, не дать знания.

«Обладать силой — это суть чепуха», — вдруг истинно решила Сэнзалли для самой себя. — «Важна лишь безупречность души; силы можно набраться как угодно, но, вижу я, мой путь на вершины от этого не стал короче. О, мое небо, шамани — это не ее сила!».

— За что простить, сестра? Ты никогда не делала мне худого.

— Так. За всё. Мне виднее.

Сзади неслышно, мягко подошел Аталл и встал возле Сэнзалли, слева.

— Они взяли тебя потому, что ты умеешь лечить? — с некоей строгостью спросил он.

— Да. У них нет шамани, — честно ответила Сэнзалли.

Он изобразил странный жест, более всего похожий на нравоучение: лапой указал на нее, нахмурился, недоверчиво сузил глаза.

— Но ты ведь не шамани. Ты сказала об этом Ману? — с непониманием смотрел на нее.

— По крайней мере, я не забыла, как ею быть. Не пойму, почему все так заботятся о моем уходе. Проводите меня с гордостью, а не с жалостью. Что вы, считаете, что я настолько плоха? Либо боитесь без меня остаться? — избегала она смотреть Аталлу глаза, ибо никак не могла усмирить свой взгляд: он крайне непредсказуемо действовал на чужие души, а также давал такое знание, какое лучше не знать для спокойной жизни.

Он посмотрел в сторону и ухмыльнулся.

— Пока, Аталл, — подошла Сэнзалли близко, чтобы поцеловал на прощание.

Всё ж таки совсем не чужая душа; да ведь они не просто живут в одном прайде, их связывает нечто большее. Точнее, связывало — Сэнзалли это поняла.

— Пока, — он ничем не ответил, кроме слова.

Дренгир с удивлением и непониманием, но принял решение Ману взять за собой Сэнзалли. А куда ему деваться? Только решил выразить свой не слишком напористый протест:

— У нее нет должного опыта... И она молода, да еще тиха...

— Тихони не сбегают в другие прайды на несколько дней, — Ману уже успел расспросить львов и львиц Делванни о Сэнзалли.

Вообще-то, он еще чуть колебался в своем решении, но к нему подошла львица, что представилась Фринаей:

— Обязательно возьми ее, — молвила, даже не поприветствовав.

— Львица так думает?

— Клянусь жизнью — она тебе пригодится, как никто.

Менани и Сэнзалли еще раз попрощались со всем прайдом, а потом пошли за группой Ману. Они только успели принять ритм ходьбы, как тут Ману всех остановил.

— Так. Пришло время разделиться. Менани, ты пойдешь с группой Хази. Вот... Вот это — Хази. Он — глава твоей группы. Слушайся его и показывай местные земли. Хорошо?

Менани согласилась, решительно взмахнув хвостом для бодрости духа:

— Да, Ману.

Получив согласие, сын конунга обратился к остальным:

— Так. Переговорено уже десять раз. Все знают, что делать. Не будем долго прощаться. Встречаемся в Хартланде. Повторяю: никаких новостей иным нашим прайдам, а тем более Делванни. Всё — сразу в Хартланд! — напомнил Ману, не стесняясь львиц из Делванни.

— Знаем, Ману, — ответил Хази.

— Менани. Я сожалею, что ни тебе, ни Сэнзалли не успел рассказать о сути того, что сейчас происходит. Времени мало, потому суть дела тебе объяснит Хази. Всё... Кажется, всё. Расходимся.

— Обнимемся напоследок, — предложила Хизая.

Так и сделали.

— Будь осторожна, — сказала Менани для Сэнзалли. Для них это разделение оказалось полной неожиданностью; но раз они выбрали свою судьбу и согласились, то нечего роптать.

— Ты тоже.

И все, не прощая друг друга взглядом, тихо разошлись.

По земле, что по ней шли два льва и три львицы, стояла тишина ветра и спокойствие трав. Солнце не слишком жарило — затянуто тучами. Это нестройное сочетание туч и спокойствия ветра озадачило Хизаю — она во Велари, помимо всего прочего, предсказательница погоды. И такое видела нечасто.

Первым идет Ману. Сразу за ним — Хизая. За нею — Сарнисса́, молодая, маленькая и темненькая, безрассудная, ловкая, жгучая, дерзкая во всяких смыслах львица Иллари, с постоянным вызовом в глазах и блеском порока в них. Потом идет Сэнзалли, а за нею — Нихмуд. Молчун, лев неопределенного возраста. Вроде не молод, вроде и не стар. От него шамани не слышала пока ни слова. Большой, даже очень, словно нескладно слепленный с камня; рядом с ним Сэнзалли кажется совершенно маленькой и хрупкой. Только рыжая грива небольшая, весьма короткая.

— Итак, Сэнзалли. Подойди ко мне поближе. На ходу говорить плохо, но я должен объяснить тебе всё, что сейчас происходит, — позвал ее Ману.

— Для простоты можно «Сэнзи», — молвила она, подбежав вперед.

Чтобы хорошо слышать разговор, подтянулись остальные, даже Нихмуд. Нестройная цепочка превратилась в нестройную группку.

— Не надо так сразу упрощаться, милая Сэн... — в злую шутку бросила Сарнисса. Она мельком, но помнила Сэнзалли, когда та пришла с отцом в Иллари. Помня ее спокойный нрав, она не могла не предаться злобной шутке. Не с особого зла; просто она всегда дерзит, нужно или не нужно.

— Не зли меня!

Слова были настолько яростны и сильны, что все вздрогнули, а потом остановились. Оказалось, что Сэнзалли стоит, распрямившись; ее хвост, что спокойно обращен к земле, как полагается, взвился кисточкой кверху, к небу. Сарнисса то ли отошла, то ли отбежала, то ли откатилась на несколько прыжков, и почему-то полулежит, глядя по сторонам растерянно и чуть затравленно, словно вокруг есть враги, но их не видно.

— Э, эй. Начинать разведку с ругательства — знак плохой. Усядьтесь, беспокойные, — бесстрастно молвила Хизая, направившись к Сарниссе. — Ты чего развалилась?

Подошел и Ману. Нихмуд и Сэнзалли остались на местах.

— Сарнисса, всё в порядке? — спросил глава группы.

— Да... — ответила она так, что стало понятно: совсем не в порядке.

Вдруг Нихмуд, доселе молчавший, захохотал, как и все большие львы — громко и со снисходительным чувством. Потом посмотрел на Сэнзалли и подмигнул с усмешкой. Всё, он идет с нею одной дорогой. Он ее признал. Что-то довольно проурчав, Нихмуд сел и начал осматриваться по сторонам.

Вздыхнув, Сэнзалли тоже подошла к Сарниссе, которая уже поднялась на лапы, но весь ее неуверенный облик вызывал сожаление.

Сэнзалли, как говорится в таких случаях, «не хотела», «само вырвалось». Только у простой львицы будут лишь простые слова, которые вызовут смех и новую порцию насмешек; у шамани с силой, но еще непрочной душой, как у Сэнзалли, это будет именно то, что получилось. Эго, «Я» Сэнзалли никуда не делось, оно дает то высокие послы, то низменные, простые и нескладные. Бессмысленная насмешка разбудила глубокие, хорошо спрятанные, тайные обиды, которые хранит в себе всякая мягкая, кроткая душа. Взыграла мимолетная эмоция, обида, желание защититься и наказать.

Ну, а силы защищают свою хозяйку. Ведь если ее не будет, то где им жить?

— Дайте мне, — протиснулась Сэнзалли к уstraшенной львице, которую еще не отпустил угасающий страх. — Сниму испуг... Прости, сестра, но у меня вырвалось. Не люблю пустой обиды.

— Я не хотела, извини, не надо, не трогай! — Сарнисса отпрянула от Сэнзалли, снова приняв полулежачую позу, как испуганный львенок.

Ману и Хизая переглянулись.

— Смотри в глаз, — помня от Ушалы, что при такой просьбе часто путают право и лево, Сэнзалли указала лапой на левую щеку. Лапа мелькнула возле трех полосок, и эти черные полосы еще больше обеспокоили Сарниссу, которая стала сама не своя.

Не зная точно, что делать, Сэнзалли решила снять это обычным способом, как снимают испуг львяткам.

— Пусть сердце твое станет смелым и свободным, не ведая страха, и лапы ступают по земле, не зная сомнений, — молвила шамани, приглаживая ее по загривку.

Сарнисса не ослушалась и продолжала смотреть в левый глаз. Шамани же легонько хлопнула ее по мордочке. Так, чтоб очнулась.

— Хорошо?

— Да. Нормально, — ответила обычным тоном Сарнисса и снова отпрянула, чуть прижав уши, но уже не от страха, а от стыда, что валялась по траве, как пугливая тварь или малое дитя.

Сэнзалли предложила:

— Подойди ко мне. Нас ждет путь вместе, потому давай обнимемся, как сестры.

Та молча подошла и так сделала.

Несмотря на то, что Сарнисса причинила для Сэнзалли мелкую и бессмысленную обиду, шамани прониклась к ней чувством, обнимая ее. Хорошо уловив ее душу, вобрав ее дух сквозь глаза, Сэнзалли поняла, что Сарнисса не отступит и будет рядом в нужный момент. Это — главное, а остальное — так... Ее дерзость и смелость забавляются с нею, заставляют делать странные поступки. «Они забавляются с нею так, как со мною — моя сила. Да и моя ли она, в самом деле?».

Эта душа знает свой порок, и не считает его зазорностью. «А это хорошо — знать себя», — подумала Сэнзалли. — «Мне бы так».

— Всё хорошо? — выждав, спросил Ману, присматриваясь к обоим. Но больше к Сэнзалли.

Да, так и есть. Его предчувствия оказались верны. Сэнзалли таит в себе много больше, чем можно подумать или увидеть.

— Да, Ману. Отлично. Идем дальше, — ответила Сарнисса, помотав головой и неуверенно обретая прежнее состояние духа. — Идемте, чего стоим?

— Вот и хорошо, — так же спокойно заключила Хизая.

Что ж, возможно, это даже хорошо. Сарнисса не будет теперь испытывать ее на прочность всякими глупостями. А будет хорошим компаньоном.

— А я уже хотел спрашивать, зачем мы взяли эту красивую юность. Но уже не буду, — заметил Нихмуд и умолк.

Все продолжили свой неизвестный путь.

— Слушай, что с тобой? Ты аж укатилась. Что произошло? — тут же тихо, шепотом спросила Хизая у Сарниссы.

— Потом расскажу, — наморщилась Сарнисса, прижав уши.

— Забудешь потом.

— Не забуду, — оскалилась та.

Громко выдохнув, Ману сказал для всех:

— Кто еще не знает, забыл или еще чего... Сэнзалли — это шамани. Львица из Делванни, — он помнил, что делваннийцы отвергли ее, потому сказал именно так. — Она с нами для того, чтобы показывать пути на здешних землях, помогать мне с выбором направления и лечить в случае необходимости. Надеюсь, такой необходимости не возникнет... Как видите, ее следует жаловать, а не доставать дуростями. Сарнисса?

— Да я поняла, поняла, Ману, — огрызнулась та.

Для нее сейчас лучше всего, если всё это забудется.

— Ману, не надо обо мне. Расскажи, что нас ведет, — попросила Сэнзалли, не желая больше этого слушать.

Обрадовавшись перемене настроения, Ману с готовностью начал:

— А, да. Сэнзи, поскольку тебе следует знать всё, то я расскажу всё. Я не буду делать долгих вступлений... — молвил он и заметил, что как раз это делает. — Мой отец, конунг Умтай, недавно узнал, что к Союзу приближается огромная груп-

па прайдов, которая идет вместе. Их, по нашим сведениям, два десятка. Прайдов, имею в виду.

— Два десятка?

— Да.

— Это же считать собьешься!

— Да, Сэнзи. Никто, услышав впервые, не верит. Я и сам не знаю, насколько это правда. Мы идем для того, чтобы узнать — так ли это.

— Полагаю, мы идем не только за этим, — заключила Сэнзалли.

— Верно. Мы должны узнать вообще всё, что можно. Известно, что они недалеко от наших восточных границ. Они должны быть ближе к регноранцам, но это так... полуправда. Нам было известно, что они в пяти днях от нас, но это было известно еще тогда, когда я был дома... Если они движутся, даже очень медленно, то получается довольно безрадостное дело. А суть в том, что они — а они зовут себя вольсунгами — проходят сквозь чужие земли, и всех убивают, либо склоняют к мирному сожигательству. То есть, для них нужно охотиться, всячески потакать прихотям и такое прочее. Насколько известно, проходить через наши земли они будут обязательно. С севера их поджимают Большие горы с известным гостеприимством северняков, с юга — плоскогорье и бедность тех земель. Там ведь сухо, а Союз — в богатой долине. Идут они с далекого востока либо юго-востока... Точно неизвестно, но примерно так. Куда идут — мы совершенно не знаем. Умно предположить, что куда-то на запад, но это всё, что мы пока можем подумать. Как стало известно, Сэнзи, та драка, что недавно случилась на восточной границе твоего прайда, скорее всего, была с участием вольсунгов. Лично я более чем уверен, что это они. Кстати, ты знаешь об этой стычке?

Естественно, Сэнзалли о ней знает. Но никогда о ней не задумывалась. Тогда ей было не до того.

— Да, конечно. Я одной из первых о ней узнала. Тогда был ранен наш лев и погиб один из... этих. Как ты говоришь, вольсунгов. Ну, я не знаю, может это и не они были... Мне неизвестно. С ним было еще две львицы. Одна из них споткнулась и разбила морду в кровь, а вторая, судя по всему... шамани. Скорее всего.

Ману насторожился. Он отвлекся от созерцания далекого-далекого стада буйволов, и даже обернулся:

— Почему ты так думаешь?

Чисто и ясно Сэнзалли отвечала ему:

— Мне Аталл рассказывал о раскраске, которую он видел на ней. Раскраска под глазами и на ушах редко делается черной глиной, для этого лучше сок хирайи. Вот как эти полоски... — она показала свои на левой щеке. — Сок хирайи вещь капризная, и собирать его умеют лишь шамани, причем часто это нужно делать впрок, чтобы он иссох. Хотя я никогда не видела и не слышала, чтобы делали раскраску под глазами и на ушах. Может, у этих вольсунгов всё иначе... Тем более, если они издалека. Они ведь точно издалека. Никто никогда не слышал о каких-то вольсунгах. Ну, по крайней мере, в Делванни.

Ее голос необыкновенно влиял на него, тихо проникая в душу. Ману даже не особо слушал, что она говорит. Главное — как.

Да и вообще, часто это очень важно: не «что», а «как».

— Да. Говорят, к их родным землям две или три луны отсюда, — только и отметил он.

— Ого. Но зачем делать такой большой путь? Да еще всем этим прайдам! — удивилась Сэнзалли.

— Мы не знаем, — вздохнул Ману. — Это пахнет безумием, но так говорят.

— Что еще я могу узнать от тебя? — поинтересовалась Сэнзалли, стараясь понять, с чем имеет дело.

— Да больше ничего.

— Ты забыл о Ваале, — напомнила внимательная Хизая.

— Что? — нахмурился Ману.

Хизая с терпеливостью охотницы повторила:

— Их главный лев. Ваал или как его там.

— Аааа... Да-да. Правда, это не лев, Сэнзи. Это как-бы... верховное существо. Такое есть у гунналов. Знаешь гунналов?

— Что-то слыхала... краем уха, — неуверенно ответила Сэнзалли. На самом деле она лишь слыхала такое название — «гунналы». Говорят, когда-то были такие опасные враги, но не здесь, а на западе Союза. А больше ничего.

— Они на западе от Союза, также их есть немного в Морлае. Они уже не дают о себе знать много лет. Но по историям отца я знаю о них. Но ладно, это такое. Ваал — верховное существо, которое нельзя увидеть глазами. Вольсунги почитают его даже больше, чем правителя. Между этим существом и вольсунгами есть как бы посредники. Те, кто всё знают о нем. Которые славят его, если так сказать. Насколько мы знаем, ими могут быть только львицы.

— И вполне возможно, что та зарисованная подруга — одна из таких львиц, — заключила Хизая.

— Вполне возможно.

Сэнзалли, нахмурившись, подумала. Это слишком много вестей за один раз.

— Ладно, всё это хорошо. У тебя есть твердые мысли о том, как и что делать? — спросила у Ману.

— Для начала нам нужно определить, как далеко и где именно находятся вольсунги. Потом побольше о них разузнать. Всё, что сможем. И, самое главное, — определить их планы. Наше направление — восток или северо-восток.

— Если на северо-восток, то я знаю, куда примерно надо идти.

— Куда?

— Это день ходу. Мы несколько раз ходили туда с Фринаей. Там есть большое озеро-водопад и мягкие скалы. Если некий прайд или прайды находятся на тех землях, то наверняка возле того озера.

— Ты знаешь туда путь? — с надеждой спросил Ману.

— Да.

— Тогда поведешь нас. Веди нас!

— Мы и так пока верно идем.

— А как это — мягкие скалы? — поинтересовалась Сарнисса.

— Они крошатся одними когтями. Потому и мягкие. Там есть множество всяких знаков и царапин на местных камнях: всякому было интересно оставить знак.

— А вы с Фринаей там что-то оставили? — взвеселилась Сарнисса и подошла ближе к Сэнзалли.

— Насчет наставницы не знаю. А я... начертила несколько линий. Не удержалась.

— Ха-ха. И я там тоже чего-то оставлю! — засмеялась Сарнисса.

— Если там нет вольсунгов, — мрачно отметила Хизая.

— К гиене их, я не упущу такой забавы! Всех перебью и позабавлюсь.

— Вот какая приткая, — незлобно молвила Хизая. — Сэнзи, а эти скалы — они на восток или на север отсюда?

— Я уже говорила. Это северо-восток. Совсем рядом начинаются Большие горы.

— И оттуда можно напрямую попасть в Регноран?

— Я не знаю, есть ли там хорошие тропки... Но можно, конечно.

Ману, подумав, весьма радостно сказал:

— Отлично. Поскольку вольсунги собираются сначала придти к регноранцам, то, думаю, мы выбрали хорошее направление.

— Ты так в этом уверен? — с подозрением и сомнением спросила Хизая, стараясь, чтобы глава их группы не витал в облаках.

— Мне остается лишь предполагать. Это лучше, чем ничего не думать.

— Слушай-слушай, Сэнзи, — говорила о своем Сарнисса. — Я вот оставлю там знаки после себя, потом мои дети станут взрослыми, у них тоже будут дети. И я, старая, отведу их на то место и покажу, что нацарапала в молодости! Каково?

— Это прекрасно, — совершенно искренне заключила Сэнзалли.

Ману старался улучшить момент для слова. Когда дождался, то тут же молвил:

— Если мы не найдем вольсунгов у этих скал, то продолжим путь на восток. Всем напомню, а тебе скажу, Сэнзи — обязательно старайтесь запомнить путь. Всё, что бросается в глаз, нужно запоминать. Нам нужно не только уйти, но и вернуться.

— Верные слова. На этом и закончим, — молвила Хизая.

— Что закончим?

— Болтать на ходу плохо, Ману. Когда изголодаемся и устанем, то после еды приляжем. Тогда и говорите, сколько угодно.

Ману вздохнул и, как ни в чем ни бывало, продолжил разговор:

— Сэнзи, сколько примерно к тем скалам?

— Мы с Фринаей шли целый день от утра, спали ночью... Утром, после рассвета, уже были почти на месте, — вдохнула Сэнзалли воздух, вспоминая.

— Тогда сегодня рано ложимся спать. Завтра встанем на рассвете, — с удовлетворением ясности решил Ману.

Каждый умолк, думая о своем, предчувствуя напряжение грядущего. Оно медленно, но верно подкрадывалось в сердца; не было обычного спокойствия и будничности, которую все так привыкли ощущать. Оказывается, это весьма приятно: встать утром и знать, что завтрашнее утро будет похожим на это.

Жаль только, что рано или поздно такому приходит конец. Или не жаль?

— Может, всё это чушь, и нет никаких вольсунгов? — изрезал тишину голос Сарниссы.

Вздвогнув от него, Ману ответил:

— Я сомневаюсь, что это чушь.

— Но их никто не видел!

Такое не оспоришь, но Ману ответил:

— Делваннийцы уже видели.

— Это еще как сказать. Ману, ты никогда не говорил, на чем основаны все эти слухи.

— Основаны, — коротко откусил Нихмуд.

— На чем же? Мне интересно, — настояла Сарнисса. — Прошло столько времени, но я еще не знаю.

— Первые об этом узнали веларийцы... — с какой-то неохотой ответил сын конунга.

— Поправлю: не веларийцы, а дренгир Велари, — заметила Хизая.

— А потом об этом сообщил один лев, которому мой отец склонен верить.

— Да, но этого недостаточно, разве не так? — старалась уцепиться к словам Сарнисса.

— Недостаточно для верности, но вполне достаточно для беспокойства. Слушай, Сарни, не доставай, — скривился Ману, вздохнув.

— Ой, ой, — тоже покривилась та.

— Вы зря спорите, — озвалась Сэнзалли, доселе покорявшая свой путь с тихой серьезностью.

Все наострили уши и повернули головы налево, к ней.

— Вольсунги есть.

— Сэнзи, если на твоих землях случилась эта стычка, то это... — тут же начала Сарнисса, но не договорила.

— Вольсунги есть. Верьте. Я знаю. Только что *узнала*.

— Может, ты сможешь еще что-то нам сказать? — серьезно спросил Ману и даже замедлил шаг.

— Нет. Пока нет.

Потом была долгая и какая-то вымученная охота. Все пятеро на ней уморились, пока поймали себе ужин. От усталости проголодались, а потому почти все поглощали пищу быстро, жадно.

— Кушай аккуратно, — посоветовала Сэнзалли для Ману, заботясь о нем. Он от спешки проглотил целую небольшую кость и начал кататься по траве, чтобы перестало колоть в спине. Заботилась она не из особого чувства; просто желала пригодиться, показать свою полезность и верность группе, с которой волею судьбы идет в неизвестность. Совет был пуст и не мог снять его небольшого страдания; потому, в конце концов, шамани подошла к нему и несколько раз пристукнула лапой по спине, чтобы ему стало легче.

— Спасибо, — встал он, стыдясь своего неловкого положения. Сын конунга, Ману, молодой и гордый лев — и катается по траве!

— Пожалуйста, — ровно ответила шамани и продолжила трапезу.

Она одна из них всех особо не спешила с трапезой; потому шамани достались не лучшие куски.

Выбрав место на возвышении и согнав оттуда леопардов, улеглись для ночлега. Наелись до отвала, потому захотели пить; но вокруг нигде не было воды. Нихмуд молча встал и ушел ее искать. Остальные, дремая, сидели, иногда перекидываясь ничего не значащими словами, фразами и просто вздыхали; Сэнзалли сидела чуть в сторонке от всех, ровно и тихо, прикрыв глаза.

Вскоре Нихмуд вернулся, чтобы показать всем воду. Вернее, не саму воду, а направление к ней — учуял ее нюхом.

Идти пришлось немало, и на небе уж появились звезды.

— Завтра будет погодка не ахти, — заодно заключила Хизая, глядя на закат.

Потом снова улеглись недалеко от воды, в густых зарослях, подальше от чужих глаз.

Сэнзалли сначала снова разместилась в сторонке, но потом передумала. «Нехорошо получается: все вместе, а я будто сама по себе. Всё ж так нельзя».

— ...он был просто редким дураком, вот и всё! — развлекала всех Сарнисса рассказами о своей довольно интересной и непростой жизни. — Потому я одним прекрасным утром решила, что так дальше продолжаться попросту не может. А остальные во прайде совершенно мне не нравились. Трусливые, мелкие души, и всё такое прочее. Львы совершенно перевелись, я даю честное слово. Перевелись!

— Но, тем не менее, дети у тебя есть, — с ухмылкой сказал Нихмуд, покачиваясь.

— Да, и что? — раскинула лапой Сарнисса; потом что-то себе решила, и даже толкнула Нихмуда. Правда, тот даже не пошевелился.

— Значит, всё таки кто-то оказался чуть храбрее, да? — смешливо спросил он, спокойно вытерпев ее шалости.

— Ой, да заткнись. Я просто пошла в Юнити и всё. От дураков дети глупые рождаются. А в Юнити львы лучше. Они хоть понимают, с какой стороны подходить.

— О предки, и тебе не стыдно? — возмутилась Хизая, прижав уши.

Сарнисса привстала и начала с убеждением говорить, словно упрекая всех присутствующих:

— А что мне стыдно? Что стыдно? Если во всём прайде ни одного нормального льва? Я не говорю уже о какой-то любви и прочих нежностях!

— Я то всё понимаю... Но вот так, при всех, сознаваться! Это, извини, фуй. Недостойно, — ворочалась Хизая от неудобства и стыда за Сарниссу.

— А что тут такого? — с притворной невинностью, но без ханжества спросила львица Иллари. — Достойно... Недостойно... Всё это — лишь болтовня.

Хизая молчала и смотрела на нее. Потом, как ей казалось, веско ответила:

— Как для кого. У львицы должна быть честь.

А та словно и ждала такой фразы.

— Да что ж такое эта честь львицы, о которой прожужжали все уши? Не говорить правды? Стыдиться того, чего не следует стыдиться? Если так, то вот честь львицы: хорошо охотиться, быть верной себе, не бояться, воспитать детей в смелости и быть страстной!

— Ох, фуй, Сарнисса, — с чувством бесполезности вздохнула Хизая.

— Хе-хе, — засмеялся Нихмуд. Он решил еще к ней пристать; ему просто нравилось слушать Сарниссу. Интересная она. Всегда любопытно, если кто-то поступает необычно и говорит не так, как все. — Но ты не осталась в Юнити, насколько я понял.

Пощарапав коготками шею, Сарнисса манерно махнула лапой:

— Еще чего. Мое имя — Сарнисса, львица Иллари. Как я могла бросить сестер по прайду?

— Бедняжка из Юнити, наверное, себе искусал весь хвост от горя, — Нихмуд старался говорить серьезно, но его душил глупый, предательский смех.

— Слушай, заткнись, тебе говорю!

— Ой, ой, очень страшно.

Сарнисса встала и двумя лапами толкнула его в гриву, но тот еле сдвинулся.

— Ты долго была тогда в Юнити? — невозмутимо спросил Нихмуд, не обращая внимания на такие нежности.

— А что такое? — с подозрением спросила та.

— Просто спрашиваю.

— Не скажу, — фыркнула Сарнисса.

— Да ладно тебе. Ты ж не стыдишься.

— Три дня, — мгновенно ответила и покосилась на него: начнет раззадоривать ее или нет.

А то, как нет. Конечно, начнет:

— Быстренько, хе-хе.

— Точно сейчас дам лапой! Нихмуди, не нарывайся!..

Хизая всё хмурилась и качала головой, думая об испорченности нового поколения. Ману вяло наблюдал это небольшое представление, хотя разговор ему инте-

ресен; просто он имел кое-что более достойное для наблюдения, но это он наблюдал, как ему казалось, украдкой.

Сэнзалли растянулась по траве и совсем не двигалась; лишь ее глаза говорили о жизни внутри нее: она глядела то на небо, то на своих компаньонов (друзьями звать их еще чуть рановато, хотя все они ей нравятся); кроме того, глаза ее чуть переливались очень-очень легким светом, еле заметным, но... заметным.

Именно это зрелище пленило Ману. Он старался не подавать виду, старался изъяснить интерес к смешной болтовне Нихмуда и Сарниссы, старался напустить на себя скучающий вид. Он мельком, украдкой глядел на глаза шамани, чтобы понять: ошибается? не ошибается? есть свет, нет? Это постоянное сомнение волновало даже еще больше, чем уверенность.

Потом он увидел, как Сэнзалли прикрыла красоту глаз, упрятавшись от мира. С одной стороны, это хорошо, потому что уже можно не притворяться, с другой стороны — плохо, потому как тихого света уже не видно.

Ей же чуть мешало внимание Ману, которое она, конечно, ощутила. Оно мешает *сновидеть*; впрочем, для нее это теперь несложно...

— ...бессердечная ты, Сарни, — издевался над нею Нихмуд.

Та же принимала всё за искренность. Либо же хотела принимать.

— Я? Я?! Бессердечная?! Нет же! Сердечная я! Как может быть бессердечной та, у которой есть дети, ты мне скажи! У тебя они есть?

— Есть.

— Сколько? — тут же спросила она.

— Ну, двое так точно. Может быть, больше...

— Как это: «Может быть»?

— Львам сложнее посчитать своих детей, честное слово, — невозмутимо ответил Нихмуд, перевернувшись на другой бок.

— А ты, Хизая, скажешь, что я бессердечная?!

— Ой, отстань, — ответила та, распластавшись по земле, лишь лениво взмахивая хвостом.

— Нет, ты скажи, — наседала Сарнисса.

— Скорее, глупая. Глупая, но смелая. Я бы так сказала.

— Ты тоже, Хизая. Но не глупая, а просто тупая, как слоновья нога.

— Гррр... — привстала Хизая, то же сделала Сарнисса.

— Но-но, не ругайтесь, — оживился Ману, поняв, что душевная беседа ушла чуть не туда, куда следует. — Успокойтесь. Вспомните, зачем мы здесь. Успокой ее, — последнее предназначалось Нихмуду.

Тот с каким-то удовольствием и без лишних церемоний навалился на Сарниссу; от такой тяжести она просто слегла, но не без протеста.

— Хизаи, сядь, пожалуйста. Прошу тебя, как сын конунга.

— Хорошо, Ману, — легко согласилась та.

— Пусти, толстяк! — вырывалась Сарнисса.

— Я — толстяк? — обиделся Нихмуд и отпустил ее.

— Толстяк!

— Какая же ты хамовитая, Сарнисса. Как тебя еще терпят во прайде?

— Терпят. Терпят, не переживай, — сказала она и отряхнулась.

Ману, вздохнув, молвил:

— Я вас только очень прошу: в разведке не ругайтесь. А то врагам и ловить вас не нужно — сами друг друга перегрызете.

«Наверное, нужно жестче ими править... А то не группа получается, а кучка болтунов», — подумал он.

Снова улеглись, перевели дух.

— Только не говорите, что я бессердечная! — вдруг снова на миг вспылила Сарнисса.

Нихмуд оправдался:

— Да ладно, ладно. Я пошутил, не бери в душу.

— Никто, у кого есть дети, не может быть бессердечным. У Хизаи они есть. Потому я с нею буду ругаться, как угодно. Но в разведку пойду. А ты, Хизая? Пойдешь со мной? — говорила Сарнисса, весьма нестройно и хаотично, но с чистым сердцем.

«Что на уме, то на языке», — подумал о ней Ману.

— Несомненно. Ты смелая, я ж говорила. Только думать буду я, предупреждаю, — ответила Хизая, всё так же распластавшись и не открывая глаз.

— Да пожалуйста. Меня от думания голова болит. А ты, Ману?

— Что я?

— Дети у тебя есть?

— Эм... Я... Это... Я не знаю.

— Хоть приблизительно! Да или нет?

— Это... Сложно сосчитать... Это посчитать нужно, подумать.

Сарнисса засмеялась, Нихмуд ухмыльнулся. Хизае надоела болтовня, и она окончательно улеглась на другой бок — спать.

— Посчитать? Ого, Ману, скольких львиц ты имел?

— О предки, Сарнисса! Да когда на тебя найдется стыд? Спрашивать такое у сына конунга! — снова возмутилась Хизая, не разлепляя век.

— О предки, Хизая! Ты — не сын конунга! — Сарнисса бесстыдно передразнила тон старшей львицы.

— Скольких львиц? — чесал гриву Ману, раздумывая, что б такое ответить.

— Да-да-да, — в совершенно неповторимом тоне произнесла Сарнисса. В этом «да-да-да», сказанном быстро и певуче, было очень многое: и уверенность в себе, и заигрывание, и требование, и некое скрытое коварство. — Это ты, по крайней мере, сосчитать вполне можешь. А потом вспомни, какая из них заимела детей.

— Так... Ну, если немножко прикинуть... Наверное, трех львиц. Или четырех. Да, четырех. Но никто из них от меня детей... не имел.

— Ого, молодец, Ману! — подмигнул ему Нихмуд.

— Что за молодежь пошла! Одна бесстыдничает тут всюю... Теперь молодой лев, у которого лишь появилась грива, уже не помнит, сколько у него было львиц. Прости, Ману. Я знаю, что ты глава нашей группы и сын конунга. Но я — честная львица Велари, — всё это Хизая сказала лежа, даже не открыв глаза.

Сарнисса смеялась:

— Зря ты так, Хизая, честная львица Велари. Очень зря. Тоскуешь по тому, чего у тебя не было? А вот у меня всё было в молодости, ха-ха! И любовь, и вождение, и жажда самоубийства. Я всё знаю!

— Фуй, — перевернулась львица Велари. — Знаешь...

— Сарни, ты так говоришь, будто старая, дряхлая туша, — дотронулся Нихмуд к Сарниссе, и она ударила его по лапе. — Всё знаешь, всё знаешь... Да ты совсем молодая львица. Ты даже еще не вступила в свою силу. Ты совсем молода и вполне симпатична.

Она молча выслушала и, чуть погодя, ответила:

— Приятно, Нихмуди, что не законченный хам. Думала, что за «тушу» тебе выцарапаю, наконец, твои наглые глазёнки. Приятно. Спасибо. Ладно... Сэнзалли?

— Тише, она, кажется, спит... — почти шепотом молвил Нихмуд, уважая чужой сон.

— У нее нет детей, — ответил за шамани сын конунга. — Если ты об этом.

Сарнисса вкрадчиво молвила, чуть прильнув вперед:

— Слушай, Ману, расскажи нам о ней.

— Не-не. Нет. Ишь, хитра. Сначала ты нам расскажи, что тогда было, — вдруг резко встала Хизая, словно и не дремала. — Что было? Почему ты аж укутилась?

— Да, Сарни. Расскажи, — поддержал Ману. В нем загорелось любопытство.

Просьба оказалась явно неожиданной. Сарнисса чуть растерянно смотрела на друзей. Сознание, даже смелое (а, скорее, именно смелое), стремится как можно раньше вытеснить непонятные, странные, ужасающие мгновения жизни, оставляя место лишь для ясности дня, и не давая шансов бездонной неопределенности ночи. Но вопрос поставлен и надо ответить.

— Всё потемнело в глазах, — был маленький ответ.

— Оттого ты испугалась? — с недоверием спросил Ману.

— Я не испугалась! Просто немножечко утратила землю под лапами, словно голова закружилась. Всякая охотница знает это ощущение, когда сядешь после очень быстрого бега. Вот и всё. А небо... — и Сарнисса посмотрела на звезды. — Обрело оно красные тона. И мне заложило уши... А теперь простите, не буду дальше. Не хочу вспоминать.

Все промолчали, больше ничего не спрашивая. Стало понятно, что Сарнисса больше ничего не скажет.

— Слушай, Ману, а как ты выбрал именно ее? — спросила Хизая.

— Я как пришел во прайд, так сразу заметил. Ее даже слепой заметит.

Радуюсь смене темы, Сарнисса тут же подхватила:

— А она тебе нравится?

— Ну... — стесненно произнес Ману, почему-то оглянувшись по сторонам, словно его начали окружать недруги.

— Да ладно, Ману, скажи. Ну давай, скажи, — начала упрашивать Сарнисса, падкая, как и всякая самка, на романтические истории и сложность взаимоотношений. Даже Хизая молчала, скрытно интересуясь ответом.

— Послушайте, я ее взял лишь потому, что она — хорошая шамани, — замаhal лапой Ману. — Она полезна для нашей группы. Она — лучшее, что можно вы-брать в Делванни. По крайней мере, за несчастные четверть дня, что я там провел.

— Зря ты так, — неожиданно заметила Хизая. — Зря. Я вижу, что она — прекрасная львица. Не знаю, какая она шамани, но львица — прекрасная. Вполне под стать будущему конунгу.

Вот так сразу. Неожиданно!

— Ух! — только и сказал Нихмуд.

— Все три сына конунга одинаково имеют право стать конунгом! — чуть фальшиво возмутился Ману. — Впрочем, как и любой лев Союза!

Все пропустили это негодование меж ушей. Понятно, что Ману станет конунгом. Двое остальных братьев никуда не годятся. Это ясно даже простым львам и львицам.

— Вот так сразу, за один день — и видишь? — язвительно спросила Сарнисса у Хизаи.

— Вижу, — уверенно молвила Хизая.

— А что он будет делать с шамани? — с мастерски скрытым ядом спросила Сарнисса. Охотница, она терпеливо поджидала неверного слова от жертвы.

Но Хизая тоже непроста по сути, и у нее есть опыт жизни. Крайне многозначительно спросила, поднявшись:

— В каком смысле?

— Во всех, — сыграла в простоту Сарнисса.

Львица Велари чуть подумала.

— Только не говори какой-то пошлой чепухи.

— Я вообще. С шамани ведь трудно. Мне-то не знать.

— А откуда тебе знать? — спросил Ману, рассеянно потирая лапой лапу.

— Саймина, шамани моего прайда — моя двоюродная сестра.

— Ну и что?

— А то, что у нее очень сложная личная жизнь. Точнее, ее почти не было. И нет. Шамани в этом смысле очень странные, с ними всё крайне усложняется, и они сами всё усложняют. Потому львы стараются их избегать. Не зря, конечно же, — кивнула Сарнисса.

— Что ж... Доля правды в твоих словах есть. Наша шамани так вообще... — начала было говорить Хизая.

— Вот-вот, — тут же ухватилась Сарнисса.

— ...впрочем, это не означает, что наша Сэнзалли любит всё усложнять. Возможно, даже наоборот, — повысила голос Хизая.

— Да, возможно, она любит всё упрощать. Я такое помню из нашего первого знакомства, — засмеялась Сарнисса.

— Сейчас она встанет и тебя пришлепнет, как муху. Не боишься? — ухмыльнулся Нихмуд.

Та смело ответила, взмахнув хвостом и зацепив им Ману:

— Не боюсь. Кроме того, она со мной, не против меня.

— В общем, Ману, советую...

— Что ты советуешь мне, Хизая? — как-то ревностно, чуть раздраженно спросил сын конунга.

— Советую не глупить. Глядишь, еще получишь шамани в Хартланде. А она там нужна. Честное слово, — всё прямо и ясно сказала Хизая.

Ману с деланным спокойствием смотрел на львицу Велари.

— А как ее убедить пойти в Хартланд?

— Она может стать твоей львицей, — в упор смотрела на него Хизая, не опуская взгляда.

— Это мое дело.

— Твое. Но подумай.

— Подумаю.

Сарнисса смотрела то на опытную разведчицу Велари, то на Ману. Потом серьезно молвила:

— Хизая, ты ведь ее не знаешь. Ты знакома с нею лишь день. Как можно так сразу давать такой совет? Я бы поняла, если бы ты просто посоветовала ему... Ладно, а то сейчас меня снова обвинят в пошлости. Он еще молод, — Сарнисса указала на Ману. — Ему можно еще об этом не думать. Когда придет его время, то желающих будет вот так, — провела она лапой по шее. — Выбирай — не хочу.

Хизая посмотрела на сновидящую Сэнзалли. Конечно, со стороны кажется, что она просто спит.

— Сыну конунга не нужен кто попало, — ровно сказала она, не шевелясь.

Сарнисса улыбалась:

— Ой, да не надо всякую чепуху молоть. Конунг может делать, что хочет.

— Молчи... В ней есть дух. Она не пустая глупышка, о нет, — молвила Хизая, отстраненно глядя на шамани. — Не манерная дочь хорошего отца. Не хитрая тварь, что ищет во всем выгоду. Не простоватая охотница. Не пошлое дитя бессмысленного порока, нет. Если у следующего конунга будет такая львица, то я могу быть спокойна за судьбу своих детей. Я вижу в ней дух... не знаю... Союза. Прайда. Шамани, наконец. Мне даже кажется, что в ней живет часть моих предков — львиц Велари.

Сарнисса не удержалась и захихикала, тщетно пытаясь скрыть это.

— Еще вопрос, кто будет следующим конунгом... — тихо молвил Ману, но все услышали. Ему очень хотелось добавить «И будут ли конунги вообще...». Острое чувство тревоги изнутри изъедало его. Вольсунги, вольсунги... Двадцать прайдов. Два десятка. Хорошо, если ложь и насмешка. Но если правда?

— Ты о чем? — чуть недовольно спросила Хизая. Ей не нравилось, когда умный Ману притворялся.

— Так. Просто.

— Проклятье, сквозняк какой-то, — заметил Нихмуд, оглядываясь по сторонам.

— Ветра нет. Какой может быть сквозняк, да еще в таких зарослях? — заметила Сарнисса.

— Не знаю. Меня сейчас так продуло, что гиена дери, — ответил он, устраиваясь поудобнее.

Сарнисса скорчила гримасу непонимания и легкой насмешки. Но сама тут же ощутила странный, весьма сильный холод на спине. Даже обернулась.

— Ладно, ложимся спать. Кажется, завтра будет непростой день, — решительно сказал Ману; все, вмиг ощутив усталость и предчувствуя ранний подъем, улеглись.

Его схватили слова Хизаи. На самом деле Сэнзалли ему очень понравилась; как и всякому самцу, в первую очередь запал в душу ее облик. О характере еще трудно судить, но точно ее натура не проста.

Она стройна, ладна, изящна; в ней есть легкость движения и свободная непринужденность. Вот, Сэнзалли даже спит аккуратно и мягко, подложив лапу для подбородка, чуть свернувшись и прижав к себе длинный хвост. Глаза, даже если она спокойна и обыденна, всё равно хранят тайну и небольшой, нежный блеск печали. Тонкие черты мордочки и неширокий нос. Всё это намекает лишь на хрупкую нежность и томную слабость; с такую львицей можно невероятно прожить полную романтики звездную ночь. Но Ману уже убедился, что она хранит еще нечто иное: сильное, яростное, дерзкое и страстное. Кажется, от молодости и неопытности Сэнзалли еще не знает своей силы, и не может вполне управиться с нею. Он видел эту безумную дерзость и стремительность, что будто молнией рассекла мир; он видел испуганную Сарниссу, предавшуюся иссыхающему сердце страху. Ману уже неплохо знал Сарниссу: несмотря на ее порочность и глуповатую склочность, она действительно не робкого десятка, ее утратить сложно.

Нечто подобное, похожее он видел в шамани Юнити, Иррае; намек на это ощутил в Саймине, шамани Иллари. Кстати, в этом прайде он был еще подростком, и когда пришел, то сразу влюбился в Саймину, хоть она чуть ли не вдвое старше него. Та мгновенно всё ощутила и пришла к нему со словами:

— Ты в меня не влюбляйся, — так предупредила.

— Но... почему? — от изумления Ману даже не стал отрицать или возмущаться.

— Незачем царапать душу пустым чувством, — повела она ушами, посмотрев в сторону.

— Почему пустым?

— Ты еще очень молод, а мне нужны львы постарше. А тебе нужны другие львицы, твоего возраста, а в жизни очень плохо терять время. Не теряй времени и беги искать ту, что ответит тебе. Или, скорее, ответят — ты хорош.

Комплимента Ману не заметил и по-юношески взъярился:

— Саймина, да я тебя не любил! Просто ты мне понравилась, не более того!

— Тем более, — вздернула она головой к небу.

Странно, но после этого они еще не раз беседовали, будто ни в чем не бывало. Но влюбленность Ману, действительно, как лапой смахнуло. Саймина стала для него просто львицей, шамани Иллари, не более. Видимо, как-то повлияла, а не просто сказала.

Ему очень захотелось дотронуться к Сэнзалли. Как угодно, к чему угодно. Просто так, чтобы ощутить ее жизнь, ощутить мягкость ее шерсти. Сблизиться, пусть даже таким способом. Ведь, если откровенно, то Ману, сын конунга, не знает, как действительно сблизиться со львицей. Он приятный собеседник, вежлив и уступчив, и уже не одна молодая львица вздохнула по нему; он так мил, умен и симпатичен, тем более, еще преемник правителя Союза! Казалось бы, мир у его лап, и львицы тоже, готовые на всё и ко всему. Но это, конечно, не так; это, конечно, иллюзия для чужих глаз, для которых всё всегда просто.

«Что за глупости... Я, сын конунга, и буду делать что-то украдкой... Фу, как недостойно», — думал Ману, порицая себя и всё равно понимая, что сделает это.

Неровно вздохнув, он улегся рядом с нею, на расстоянии вытянутой лапы. Он так же, как она, подложил лапу для подбородка и начал глядеть на нее. Навострив уши, он прислушался к тому, как она дышит: чуть более часто, чем обычно бывает во сне. В какой-то момент ему странно померещилось, что Сэнзалли тоже смотрит на него сквозь закрытые веки. Кто-то из друзей зашевелился, засыпая, и Ману дернулся, боясь чужого внимания. Нервно оглянулся. Нет, всё хорошо.

Он поднял лапу и так застыл с нею; чуть помедлив, Ману очень осторожно положил ее на кончик хвоста Сэнзалли. Шакал, а если она проснется и увидит это? Увидит, что он лежит рядом и теребит ее хвост. Без спросу. Это ж вовсе неприлично, да еще как! С другой стороны, будить ее и спрашивать «А можно тебя потрогать за хвост?» намного глупее и смешнее. Получается, он сделал то, что очень хочется... но нельзя. Но почему нельзя? Что такого в том, что молодой лев так хочет дотронуться к молодой львице? Лев и львица созданы друг для друга; так возможно, она сама хочет, чтобы он дотронулся к ней? Но не признается, ибо это тоже не принято.

Только вряд ли она захочет, чтобы он лишь робко ощутил кисточку ее хвоста. Львицам нравится смелость в самцах, а потому они должны действовать решительно. Например, обнять лапой.

«Я сошел с ума. Сразу! Обнять! Лапой!» — ужаснулся Ману своим желанием, которые требовали отбросить все приличия и всё воспитание. — «О небо, она не знает меня, и я не знаю ее... А чтобы кого-то обнять, нужно хорошее, долгое знакомство. Ясно, что она, по меньшей мере, удивится. Или даже разозлится. Если проснется».

Ману думал, думал и думал.

«А что скажут остальные, если утром увидят, как я ее обнял? Наверное, ничего не скажут, ведь я сын конунга, глава группы... Подумают: раз так ему захотелось, то пусть. Но что-то подумают, эдакое плохое. Ну и гиена с ними, пусть из-

мышляют, что угодно. Но что скажет Сэнзалли на такую наглость? Может, прочь это всё?.. В следующий раз. Но если я погибну завтра днем, что тогда?».

От борьбы мысли и желания у Ману разболелась голова.

«Под хвост всё. Столько прожить, завтра погибнуть, и ни разу по-настоящему не ощутить львицы. Катись оно...».

Украдкой, как предатель, Ману встал и перешел на другую сторону от Сэнзалли: сначала она была слева от него, а теперь справа, и лежит к нему спиной. Улегся рядом с нею; в заднюю лапу впился какой-то шип. Придвинулся чуть ближе: теперь он совсем рядом, за гранью любого приличия. Так отдыхают лишь влюбленные либо крепкая пара. Ману оглянулся на своих — не смотрят ли, спят ли? Спят. Поднял левую лапу и так застыл с нею. Еще чуть подумав, решился, и очень осторожно положил ее чуть ниже шеи Сэнзалли. Сначала напряженно держал ее на весу, но потом расслабил; и вес лапы лег на ее тело.

И миг почувствовал себя невероятно глупо. А что, если сейчас молодая шамани проснется? Отдергивать лапу, нет? Нет... Идти, так до конца.

Тут вдруг Сэнзалли зашевелилась: она вся вытянулась в длину, будто потягиваясь, закинула голову назад со странным стоном, ударив Ману затылком по щеке. По ее телу прошла мелкая дрожь, которую Ману ощутил очень хорошо. «Что с ней?!», — взволнованно, испуганно и вместе с тем возбужденно подумал Ману. Подумать только...

Она еще раз застонала, громко выдохнула и проснулась. Вырвавшись из его объятий и решительно встав, Сэнзалли горящим, вовсе не сонным взглядом несколько мгновений осматривалась: как и почему ее потревожили, что случилось?

Увидев, где лежит Ману и помня, как скользнула его лапа по шее, Сэнзалли всё поняла. Широко расставив лапы, зло молвила ему:

— Никогда, никогда не трогай шамани, если она *сновидит!*

Все проснулись.

— Там по тебе полз жук, я хотел его... это... забрать его... Это не то, что ты...

— Не трогай, когда сновиджу! Когда сплю, понимаешь?! Понял ты?

Повисло молчание.

— Не трогай! — Сэнзалли сильно приложила лапу к груди Ману, и даже чуть вытянула когти. Ману ощутил легкую боль.

Сарнисса прыснула и начала смеяться, уткнувшись в гриву Нихмуда.

Сэнзалли убрала лапу и посмотрела в сторону, сделав несколько шумных вдохов-выдохов. Потом снова глянула на него; глаза ее уже не горели тем огнем, что прежде, и молвила шамани уже более мирно, спокойно:

— Мое второе тело — моя душа, если хочешь — связано с первым, и когда его беспокоят, то второе, теряя силу, должно немедленно возвращаться домой! Понимаешь ты, нет?

— Понимаю... — сглотнув, кивнул Ману. На самом деле он не совсем понял.

Нихмуд потер лапой нос и зевнул. Хизая очень внимательно смотрела на обоих. Сарнисса с веселым видом старалась придать мордочке серьезное выражение, но получалось плохо.

— Ладно, это мое упущение... Нужно было спать в стороне. Или хотя бы предупредить.

Все посмотрели на Сэнзалли.

— Прости, что разбудил.

Все посмотрели на Ману.

— Пойми, Ману, шамани не просто спят, — она уже совсем мягко обратилась к нему, причем так, будто вокруг никого не было. — И они не просто так стараются спать в сторонке. Если ты шамани, то вообще всё происходит не просто так.

Шамани отошла на два прыжка в сторону и начала лапой прижимать к земле высокую траву — готовила новое место для ночлега.

— В мире вообще ничего не случается просто так, — напоследок сказала Сэнзалли. И улеглась.

Ману виновато посмотрел на остальных. Хизая, вздохнув, тоже улеглась. Нихмуд махнул ему лапой, но настолько неопределенно, что сын конунга совершенно не понял этого жеста. Зато очень хорошо понял Сарниссу: она тихонько показывала лапой на Сэнзалли и скорчила злобную гримаску, а потом заулыбалась. Мол: «Сэнзалли-недотрога, бе-бе-бе, неприступная и злючая, бе-бе-бе». Более того, ко всему совершила то, чего Ману совершенно не ожидал: очень легонько, почти незаметно, но подмигнула. И тут же завалилась набок. А что это значило, Ману понять не смог.

«Какой же я дурак», — подумал сын конунга. — «Шакал, как завтра буду смотреть ей в глаза... И вообще, о чем я думаю? Проклятье, Союз в опасности, вольсунги, поручение отца! А я маюсь всяким... таким...».

Засыпал он очень трудно и долго. Но заснул — всем нужен отдых от самих себя.

**

Странные дни... Сэнзалли больше не смогла войти в сновидение, хоть пыталась, и просто уснула.

Снилась вечность.

— Мои хорошие, кажется мне, что погода нам сегодня покажет... хвост, — заметила Хизая, когда встали на рассвете.

Так оно и случилось. Сначала тучи никак не могли разродиться дождем. Но потом хлынул такой ливень, что пришлось коротать время под деревьями. Далее дождь чуть ослаб, и они продолжили путь; по их шерсти стекали капли небесной влаги. Зато повезло с другим — группа попала на неожиданно широкую, большую тропу.

— Нам нужно идти по ней! — обрадовалась Сэнзалли, узнав ее. Они с Фриной шли к скалам именно таким путем. Нужно просто наскочить на нее, а после этого можно не заботиться о верности направления — дорога сама выведет.

Хизая и Сарнисса без особого восторга встретили такую идею:

— Слишком заметно, — в унисон ныли они. — Идти прямо по дороге — подарок для врагов.

— Чепуха, сейчас дождь. Кроме того, наша задача — вовсе не избегать любой встречи, а даже наоборот, — убеждал их и себя Ману.

— Ну-ну, — вздохнула Хизая, всегда настроенная скептически.

Ману решительно сказал:

— Не нунукаем, а идем.

И они пошли по этому пути, слегка недоумевая, почему он настолько протоптан и широк.

— Наверное, слоны протоптали, да и не только, — разумно предположил Ману. — Если такая дорога ведет к этому озеру, значит, оно действительно важное. Значит... там могут быть вольсунги.

Улучив момент и решившись, Ману подошел к молодой шамани.

Следует сказать, что утром они лишь перебросились вежливым:

— Доброе утро, Сэнзи.

— Доброе утро, Ману.

С того времени они говорили лишь строго по делу. Ману это мучило. Он хотел извиниться, но при том, как говорят, сохранить гриву; он не мог подобрать хороших слов. Также он боялся того, что ее весьма хорошее расположение сменилось на плохое.

Подумав хорошо, сын конунга решил, что врать не надо. Правда, и только правда. Так будет проще, лучше и яснее. «Времени на всё это нет... Я должен забыть о личном сейчас. Укуси тебя шакал, она шамани твоей группы, что идет в неизвестность! А ты думаешь о глупостях! Так... Просто нужно увериться в том, что она не злится на меня. Это важно, важно! Сэнзи должна хорошо ко мне относиться и видеть во мне предводителя группы, а не извращенного мерзавца».

Вот так, благородно терзаясь, Ману подошел к ней, когда они очутились в хвосте группы. Он не знал, что Сэнзалли умышленно начала плестись сзади, сразу уловив, как Ману хочет с нею побеседовать.

Ничего плохого на самом деле Сэнзалли о нем не подумала. Всё дело в том, что он разбудил ее в крайне ответственный момент: она, очутившись во втором теле, очень удачно выразила намерение найти вольсунгов и хотя бы приблизительно понять, как и где их искать. Его лапа дотронулась к ней именно тогда, когда Сэнзалли очутилась в некоем месте... Всё, что она помнила из этого сновидения — то, что «там» есть «каменный потолок». Вот и всё знание, что Сэнзалли смогла вынести. Потому и досада.

А то, что решил обнять и дотронуться... Значит, так хотел. Раз так хотел, значит, нравится. Значит, хочет. Для молодого льва это совершенно нормально. Но нет, она не согласна так быстро и внезапно. В ином случае, проснувшись, она бы мягко, с легкой улыбкой, увильнула. Львице претит быть доступной вот так сразу. Кроме того, сейчас есть много дел поважнее. Ей нужно управиться со всем: уберечь группу, найти вольсунгов, понять вольсунгов, понять себя и свою силу, и быть безупречной. А чувство всегда отвлекает внимание, скрадывает силу и может помешать намерению. Не время, не место...

Но, несмотря на всё, Ману тихо нравится ей. Сэнзалли чувствует необъяснимое, но верное родство между их душами. Она чувствует к нему заинтересованное любопытство.

«Что ж, покажи самого себя и свой характер. Мы все идем в опасность, и ты — главный. Так будь отважен и умен, тогда я последую за тобой».

Ману, прежде чем что-то сказать, почему-то отряхнулся. Мелкие капельки брызнули во все стороны, и Сэнзалли, шедшая рядом с ним, зажмурилась и отвернулась, прижав уши:

— Ой-ой.

— Прости, Сэнзи, я забыл... Забыл! Ох, прости, — засуетился он.

— Забыл, что я иду рядом? — с ироничной серьезностью спросила она; но иронии Ману не уловил, а уловил лишь серьезный тон.

— Нет же, не забыл... Как же глупо всё выходит! Послушай, Сэнзи. Я должен поговорить с тобой, иначе мне конец.

— Раз это настолько важно, то конечно, — будто чуть подумав, молвила Сэнзалли, и пошла в более размеренном темпе. — Я готова.

— Скажи прямо: ты обиделась? За то, что я вчера... потревожил, знаешь, твой сон... и обнял тебя. Да, я не буду увиливать, и скажу — я делал именно это. Не было никаких жуков.

Молодая шамани сделала удивленную гримаску, потом вздохнула.

— А ты как думаешь? — мельком взглянула на него.

Выдохнув сквозь зубы, Ману сказал:

— Я не знаю... Я повел себя недостойно. Не знаю, что на меня нашло...

«Говорить только правду...», — вспомнил он обещание, данное самому себе.

— «Врешь же! Знаешь, что нашло!».

— А ты зачем сделал это? — тут же спросила Сэнзалли, еще раз мельком подарив взгляд. Она почти всё время глядела вперед, наблюдая остальных.

— Мне просто очень захотелось этого. Я желал оказаться ближе к тебе, а ты казалась такой незащитной... Сэнзи... Честное слово, я не хотел так тебя обидеть. Не хотел помешать. Мне просто нужно успокоиться и знать, что львица-шамани из моей группы не держит на меня зла. Я совершил поступок, недостойный любого льва, а тем более — сына конунга, — говорил он торопливо и с чувством.

Сэнзалли заметила, как несколько раз обернулась любопытная Сарнисса. Продолжая наблюдать за нею, шамани молвила:

— Обнимать львицу — недостойно льва?

— Да нет же. Сэнзи... Я хотел...

Она поглядела на него; Ману заметил странную влажность ее взгляда, а потом понял, что никакая это не влага — это тот самый блеск. Сначала серьезная, она заулыбалась, причем открыто и ясно, прижав уши.

— Ладно тебе, Ману. Всё хорошо. Не на что обижаться. Я не ханжа, поверь.

У него отлегло от сердца. С облегчением, он заулыбался тоже.

— Просто ты разбудил меня ну очень не вовремя. Я во сне пыталась разузнать, где и как находятся вольсунги, и ты всё сбил в самый важный момент.

— Прости... Я знаю, о чем ты. Это называется сновидением.

Сэнзалли хмыкнула от легкого удивления.

— Да, это так. Тебе рассказывали?

— Рассказывала Саймина из Иллари.

— Однако ты смог, коварный, вытянуть ее на откровенный разговор. Шамани кому попало такое не рассказывают.

— Я не знаю, как так вышло. Просто мне было интересно, вот и всё.

Сэнзалли остановилась и вся повернулась к нему, не заботясь об уходящей группе. Ману сделал несколько шажков от неожиданности, но потом развернулся и стал ждать.

— Ману... — молвила она, глядя не на него, но в землю.

Он понял, что это — главный момент разговора. Вообще главный момент с того времени, как они познакомились. Совершенно понятно, что она хочет сделать: Сэнзалли желает расставить всё по местам.

«Ну конечно же! Она хочет намекнуть мне, что я ее не интересую... Ненавязчиво, вежливо. Да ведь точно! Совершенно точно. У такой львицы не может не быть льва. У нее кто-то есть. У такой красивой львицы должен кто-то быть... Должен».

Сэнзалли вдруг взглянула на него; Ману ощутил, будто он прозрачен, а шамани видит его насквозь.

— Если ты...

«...еще раз ко мне подойдешь», — сознание Ману начало мгновенно предугадывать слова. Но это предсказание совершенно не связалось с тем чувством, которое излучала Сэнзалли. Это была некая... нежная неопределенность. Точно не враждебность, точно не желание оттолкнуть. Потому Ману застыл на месте, прекратив думать: мысль и чувство совершенно разошлись.

— Если ты действительно хочешь того, что ты хочешь... Тогда не торопись. Для всего свое время.

Сэнзалли подарила ему миг, чтобы осознал сказанное.

— Сейчас мы с тобою должны исполнить важное. Сейчас это — главное. Враги рядом. Ты веди меня хорошо, а я пойду за тобой. И в этом пути мы станем ближе, узнаем друг друга во многом. Ты поймешь, чего желаешь и... *ту* ли желаешь; я пойму — давать ли ответ.

Она легонько дотронулась к его гриве.

— Верь мне: я чую твою душу — ты хороший лев. С плохим я даже не вышла бы из прайда.

Сэнзалли заметила, что остальные молча остановились, ожидая главу группы и свою шамани.

— Не торопись. Идем, — молвила она мягко и первой продолжила путь; когда шла мимо, то очень легко дотронулась кончиком хвоста к его левой лапе.

— Что, обсуждали план действий? — с плоховатенько скрытым сарказмом спросила Сарнисса, когда Сэнзалли и Ману подошли к своим.

Хизая недовольно посмотрела на нее.

— Молчи, Сарнисса. Вчера еще могли быть шутки, но сегодняшний день их не потерпит, — серьезный Ману вышел наперед, нахмурившись. Его глаза начали искать в пелене дождя силуэты врагов. Он как-то враз осознал, что они реальны, и что они — близко.

— Как скажешь, — неожиданно покорно ответила львица Иллари.

— Пошли. Смотрите в оба.

Все невольно рассредоточились, превратившись из праздной группки в львов и львиц Союза; у них появился тот же острый взгляд, как и у предков, что когда-то непрестанно проводили время в битвах, выросли мгновенно, любили быстро и умирали рано. Сэнзалли, по зову крови, шла рядом с Ману, как с главой, смутно чувствуя, что точно так же шли рядом со своими предводителями шамани древности, готовые в любой момент предупредить опасность и всячески помочь.

Они идут по тропке долго, весьма долго; из-за дождя невозможно сказать, какое уже время. Иногда Сарнисса и Хизая неслышно трусили вперед, исчезая из виду и появляясь в неожиданности. Ману напряженно думал, потом немножко посоветовался с Нихмудом и решил, что лучше всего подойди к этим мягким скалам, там скрытно переждать непогоду, а после того хорошо осмотреть местность.

— Как увидите любого свободного льва или львицу — немедленно цепляйтесь с расспросом. Будет убегать — даже хватайте. Ценны любые сведения, — предупредил Ману своих разведчиц.

— Постараемся, — уверенно ответила Хизая.

Потом дождь крайне внезапно сменился тяжелым, мутным туманом. Все краски вокруг посерели, и каждый хорошо ощутил свое одиночество; кроме Сэнзалли, конечно — ей не привыкать, это ее *вирд* — знать свое одиночество. Сарнисса и Хизая перестали совершать небольшие вылазки. Так они шли, пока Сэнзалли не остановилась, вся тревожная, насторожив уши. Чуткие, готовые ко всему, остальные остановились тоже, прижавшись к земле.

— Что такое? — Ману спросил скорее не ртом, но взглядом.

— Они близко, — ответила Сэнзалли с закрытыми глазами. Она сделала шаг, потом другой. Потом остановилась.

— Вольсунги?

— Да, — шамани, прижав уши, высоко подняв голову и приоткрыв рот, будто стараясь поймать на вкус очень мелкую, редкую морось.

Все хищно осмотрелись по сторонам, еще больше прильнув к матери-земле.

— Не бойтесь... Они не рядом, они нас не видят. Но они близко, — чуть изменившимся тоном сказала Сэнзалли. Ее голос обрел странную глубину и силу, а взгляд — невозможную для такого молодого и прелестного облика решительность.

Ману молча подал охотничий жест: «Пошли!». Они, ступая тихо и осторожно, продолжили путь. Сарнисса было вышла вперед, чтобы исполнить свой первейший долг — разузнать, что впереди — но Ману яростным жестом вернул ее назад.

— Там или они, или какая-то шамани, — тихо молвила Сэнзалли для Ману.

— Шамани?

— У меня очень смешанное чувство... Я будто чувствую врага. И в то же время — шамани. Вдобавок ко всему, чуть по-иному, чем обычно. Прости, что не могу более внятно... Короче — надо навести уши, но идти вперед.

Видимость очень плохая — не более десяти-пятнадцати прыжков. Хизая и Сарнисса уже не особо доверяли зрению; вместо этого всю обострились слух и обоняние. Но в первую очередь они всё же увидели скалу впереди. Ее заметила Хизая:

— Скала!

Тут же сказала Сарнисса:

— Вроде унюхала льва.

Ману прикрыл рот лапой, что означало: «Полное молчание!».

Сарнисса с Хизаей без боязни начали красться вперед. Вскоре очертания скалы стали четкими; это была очень большая скала, в которой находился огромный сводчатый проход. Сарнисса заметила, что проход одновременно суть еще и очень большая ниша в скале. Находилась она справа. Увидеть, что там, с входа не представлялось возможным — мешал камень в три прыжка высотой. Сарнисса первой подбежала к нему и почему-то решила, что нужно на него вскарабкаться и рассмотреть с высоты окружающее; Хизая молча показывала ей лапой «Спустись!», но та упрямо продолжала карабкаться. Разведчица Велари лишь стукнула себя лапой по лбу от досады. Сарнисса может соскользнуть либо камешек упадет на землю, и тогда они себя выдадут.

Тут все уши союзных ясно услышали чей-то разговор. Причем это были явно не два, и даже не три голоса. Потом услышали-ощутили, что кто-то приближается.

Сэнзалли закивала головой Ману, глядя на него большими, яростными глазами; у нее появился небольшой оскал, и он понял — сейчас что-то будет. В какой-то момент он дрогнул, поняв, что этих пока невидимых врагов намного больше, чем их.

В тумане призрачно явились два силуэта. Ману поглядел на Сэнзалли, чтобы напоследок что-то узнать от нее. Но увидел, что на прежнем месте ее нет: она чуть вышла наперед и встала во весь рост.

«О небо, что она делает?!».

Поскольку слабый свет солнца шел со стороны врагов, а также потому, что группа союзных оказалась на фоне скал, то те двое заметили их немного позже. Это — лев и львица. И он, и она выглядят встревоженно; у львицы — черные кончики ушей.

Только заметив союзных, а в первую очередь Сэнзалли, лев немедленно издал совершенно непонятный клич:

— Хостурры! — при этом угрожающе протянув «ууууу».

Клич этот не судил союзным ничего хорошего.

«Так вот вы какие, вольсунги», — подумал Ману. Он сразу понял, что это они. Мгновенная враждебность, которую он ощутил от них, была какой-то даже запредельной.

— Что вы за дрянь? — очень нагло спросил тот лев, что пришел со львицей.

Ману поднялся, поняв, что смысла скрываться больше нет. И пошел вперед.

Но когда он шел, то за те несколько шагов, что он успел сделать — увидел многое.

Всё было так, словно время замедлилось. Сначала ему стало как-то не по себе. Просто не по себе. Возникло ощущение, что он находится вовсе не там, где надо; возник тот самый извечный вопрос, который может коснуться любой живой души: «А что я здесь делаю? Может, мне снится весь этот кошмар?». Потом Ману заметил, что примерно такой же вопрос возник у его врагов; только постановка вопроса у них оказалась намного острее. Он увидел, что их всего семеро: одна львица, шесть львов. Один из них такой же огромный, как и Нихмуд. Еще один даже больше его. Но у всех них — растерянные морды, чуть поджатые хвосты; очень быстро вместо растерянности на их облике проступил ужас, все оскалились, хвосты поджались совершенно, уши прижались. Вдруг один из них, сначала медленно пятясь, как-то боком убежал, жалобно завывая.

Ману оглянулся. Он стоял рядом со Сэнзалли. Она выглядела совершенно нереально: жуткий оскал, прижатые уши, сузившиеся глаза; на прах земли стекала слюна. На миг ему показалось, что проскочило нечто красно-темное, и на миг померчнело в глазах. Ее левый глаз вертикально пронзила ярко-алая, кровавая полоса, которой доселе не было. Ману моргнул от испуга, и полоса пропала.

Он поглядел на своих. Нихмуд и Хизая стоят чуть позади, в неведении, верной готовности и удивлении. Сарнисса покоится наверху, на камне, с мерзкой, угрожающей улыбкой, затаенно радуясь, что ее не заметили — значит, можно будет наскочить внезапно. Посмотрел на врагов.

Самым странным было то, что медленно пятились все львы, но львица всё же оставалась на месте. На их мордах был написан уже простой, детский страх, не омраченный больше ничем, а тем более мыслью; уже никакого противостояния, ни ярости борьбы, ничего — только страх. Но молодая львица с черными ушками упорно, мрачно сопротивлялась чему-то, сцепив зубы; Сэнзалли шла на нее, но та пока не отступала. Ману видел, что огромное внутреннее напряжение съедает эту вольсунгу; она пока что находила в себе силы сопротивляться чему-то, чего не смогли выдержать ее львы. Сэнзалли подошла к ней совсем близко, нос к носу. У львицы начали прикрываться глаза, она вся пригнулась, уже глядя на Сэнзалли снизу-вверх. Похожая на ту, что держится за краешек скалы одной лапой, она еще держалась.

Шамани Союза зарычала. Сначала тихо, а потом настолько громко, насколько может зарычать львица. Львица же еще какое-то мгновение отвечала взглядом на взгляд, но потом глаза ее закрылись, она свалилась с лап, но лишь на миг. Беспорядочно встав, она обрела то же самое выражение ужаса, что и остальные. Спотыкнувшись, она просто убежала, вопя изо всей силы:

— Ваал! Ваал, о Ваал, спаси меня!

«Так, один убежал, убежали четыре льва. Исчезла львица. А где же еще один?», — забеспокоился Ману, обретая строгость и практичность мышления.

Справа раздался какой-то глухой звук, потом послышалась какая-то возня. Ману быстро повернул голову, заметив, что Сэнзалли измождено села, не обращая внимания на окружающее; но причиной шума была Сарнисса, которая с большой высоты попросту спрыгнула на льва, который от ужаса и потерянности прижался к

стенке того самого камня, на котором наверху сидела разведчица Иллари — она не нашла ничего лучшего, как броситься на него с такой высоты. От неожиданности и удара он потерял сознание.

Она мертво уцепилась в загривок почти безвольной туши, да так, что выступила кровь.

— Что стоите?! Тащим его! — на миг бросила она свою ношу. Быстрая на ум, Сарнисса уловила, что не следует упускать возможности допросить этого вольсунга. Это ж просто находка! Ее не заботит суть того, что произошло. Потом будет время об этом подумать. Главное — результат.

— Помогите ей! — тут же сказал Ману, а сам торопливо затормошил Сэнзалли. — Пошли, Сэнзалли, уходим... Что бы здесь ни случилось, нам пора убираться.

Шамани отстранено, устало поглядела на него. Похоже, она тоже еще плохо соображала, где находится. Потому Ману решительно толкнул ее и даже было подумал, что придется забросить ее на спину, но шамани нетвердо, чуть заплетаясь лапами, пошла сама.

Они нестройно, спешно направились туда, откуда пришли. Хизая, которая шла первой, сразу же нырнула в густую траву; ее примеру последовали остальные. Сарнисса и Нихмуд тащили вольсунга вместе: он взял в клыки загривок и легко тащил его таким жестоким способом; Сарнисса же взяла в зубы его хвост. Сначала Ману хотел было посмеяться и подтрунить над нею, мол, какая тяжелая у нее ноша, но потом понял, что это очень даже имеет смысл. Но особо засматриваться на зрелище времени не было, поскольку в его внимании нуждалась Сэнзалли, которая, по всему, совершенно истощилась.

— Ты как?

— В порядке. Не переживай, — легонько отпихнула его Сэнзалли, настаивая, чтобы он вернулся к делу.

— Так, давайте быстро! Если они вернуться, то сразу найдут нас — мы оставили такие следы, как стадо слонов, — остановилась Хизая и тут же подпрыгнула к пленнику. — Ману, иди сюда!

— Сейчас... Хизая, пригляди за Сэнзалли пока.

— А что с ней?

— Просто пригляди.

— Я в порядке. Иди, спрашивай его. Я буду рядом, — молвила шамани.

Ману еще чуть задержался возле Сэнзалли, но потом кивнул самому себе и подошел к лежащему на земле вольсунгу. Удивительно, но он в сознании, хоть и слабым.

— Кто ты? — требовательно спросил Ману.

— Аааа... — застонал он, поочередно глядя на каждого из союзных. Он видел Ману, Хизаю, Сарниссу, Нихмуда. Последний положил лапу ему на гриву возле горла, чуть выпустив когти, не обещая ничего хорошего. Сэнзалли сидела позади Ману, не смотря на него, но слушая. И... умывалась. Это ей всегда помогало успокоиться и привести дух в равновесие.

— Ну! Кто ты? Имя!

— Динганэ, из Йонурру.

— Ты вольсунг?

— Что?

— Ты из вольсунгов? — встряла в разговор Хизая. — Воль-су-нги. Слышишь?

— Да, я Ваал-сунг. Йонурру-прайд.

Говорил этот лев внятно и понятно, каждое слово союзные понимали без проблем. Только говор был совершенно чужим: все звуки были чуждыми. Динганэ непомерно растягивал гласные звуки и придавал им странный оттенок.

— Что ты здесь делал?

— Где?

— Здесь! Что это за львы и львица были с тобой?

— А... Мы шли... просто... охотиться...

Шамани Союза прекратила умываться и вышла из-за Ману.

— Врать не надо, — спокойно предупредила она.

— Нет-нет, заберите ее, я больше не буду! Не буду! — завопил он, как испуганное дитя, и уцепился в лапу Нихмуда от ужаса. — Лучше убейте, не пускайте ее! — хрипло простонал он, придавленный им.

— Сэнзалли, пожалуйста, сядь за меня. Ты его очень пугаешь, — попросил Ману с насмешкой.

— Как скажешь, — бесцветно ответила шамани и снова начала умываться.

— Говори, что знаешь, и будешь жить! — злобно сказала Хизая.

Обещание впечатлило Динганэ.

— Так куда ты шел со своими? — начал расспрос Ману.

— Мы шли ко прайду.

— Какому прайду?

— Впереди нас есть какой-то союз прайдов. Мы шли к одному из этих прайдов.

Сын конунга Союза прошелся перед вольсунгом.

— Зачем?

— Получше всё разведать, узнать местность и кого-то схватить.

— Зачем? — угрожающе повторил вопрос Ману.

— Муганг приказал.

— Кто это такой?

— Самый главный лев во прайде.

— Зачем он приказал?

— Потому что мы идем через земли союза прайдов... Наш путь к Нахейму пролегает сквозь них. Нужно или убить всех в этом союзе, либо они согласятся служить нам, пока мы будем жить на этих землях.

— Нахейму? Что это? Где это?

— Место, которое обещано Ваалом.

— Кто это — Ваал?

— Ваал — дух мира для всех нас! Для всех Ваал-сунгов.

Все переглянулись. Ничего не понятно.

— Что ты знаешь об этом Союзе? — Ману желал выяснить, что они реально знают о Союзе. Это важно. И еще важно вести себя так, будто они не имеют к нему прямого отношения.

— Я многого не знаю... Мое дело маленькое. Знаю, что есть семь прайдов, и два из них сейчас впереди нас. Мы, Йонурру, сейчас на северном крыле авангарда. Ниже, на юге, основной авангард. В нем соединились южное крыло и центр. Там есть Хустру, Дэнэнаи и остальные... Именно они ступят первыми на землю этого Союза, а мы последуем за ними.

— Эти Хустру, Динэнэи... должны ступить на землю того Союзного прайда, что на юге?

— Да. Да, — согласно закивал пленник.

— Они знают, где он? Знают его расположение?

— Знают.

Сэнзалли застыла, перестав умываться и уставившись в одну точку.

— А где северный Союзный прайд, вам известно?

— Да. Мы уже знаем его земли.

— Как так? — с плохо скрытым удивлением спросил Ману.

Динганэ неуверенно пошевелился, а Нихмуд сильнее выпустил когти.

— Там уже всё разведано.

— Тогда зачем шли, раз всё разведано?

— Воины должны запомнить местность. Чтобы потом не теряться.

— Когда вы будете нападать? — самый главный вопрос от Ману.

— Я не знаю. Этого никто не знает. Никто не знает, будем ли мы сразу нападать либо сначала идти со словом. Это решит Лапа Ваала.

— Кто-кто? — вмешалась Хизая.

— Мой властелин, и властелин всех Ваал-сунгов. О боже, не подпускайте только эту... Просто убейте меня, дайте умереть, как воину! Кто вы такие?!

— Кто надо. На какой прайд будут нападать первым: южный или северный? Отвечай!

— Я не знаю... Скорее всего, если будем нападать, то одновременно. Пожалуйста, не надо... Я знаю очень немного...

Сарнисса и Хизая вместе навострили уши: послышался шум от тех скал, откуда они пришли.

— Кажется, за ним возвращаются. Там какой-то шум. Поторопимся.

Сэнзалли резко встала и подошла к Динганэ, а тот весь сжался.

— Кто была та львица? — спросила шамани.

— Это ученица Ашаи-Китрах. Ее зовут Ваалу-Нирзая, — сжался Динганэ, видя ее.

— Кто такая Ашаи-Китрах? — настояла Сэнзалли на этом «кто».

— Ашаи-Китрах много. Она не одна. Это те львицы, что знают Ваала и общаются с ним.

— Общаются с Ваалом?

— Да, они жрицы Ваала, будь свято его имя. Нирзая, точнее, должна ею стать. Она не из Йонурру; она — родом из Дэнэнаи. Отправившись с нами, она как раз проходила испытание. Она нарочно пришла в авангард, чтобы его пройти...

— Передашь ей, что почти прошла, — кратко сказала Сэнзалли. — Она неплоха.

— Не делай со мной того, что ты делала, молюсь к тебе...

— Наелся? Сожрал? — смеялась Сарнисса. — Скушал?

Хизая беспокойно прислушивалась к шуму, что был еще вдали, но приближался.

— Ману! Уходим... Нету в жизни двух удач, — потребовала опытная львица.

— Хорошо, — согласился он.

— Того? — спросил Нихмуд, указав на пленника и проводя когтем по шее.

— Нет времени, — махнул лапой Ману. Своими воплями пленник может выдать всю группу.

Все начали уходить, лишь шамани задержалась.

— И еще, — сказала Сэнзалли. — Вольсунгов действительно два десятка прайдов?

— Нет, госпожа. Восемнадцать.

— Это... Десяток и восемь?

— Да.

— Сэнзи, уходим, быстрее! — Ману задержался ради нее.

— Передай этому хвосту Ваала, Динганэ, что нападать на Союз — плохая затея. Понял? — Сэнзалли намеренно, с презрением, поменяла «Лапу Ваала» на «хвост».

— Да-да, я всё скажу, скажу...

Сэнзалли зло блеснула взглядом, а потом затрусилась в туман за своими.

Трусилась она долго, иногда переходя на бег. Туман рассеялся. Наконец, когда перешли вброд какую-то мелкую, очень мутную речушку, то остановились на противоположном берегу.

— Гиенья мать, я не спросил его всё, что надо! — Ману с большой досадой сломал ветку дерева. Потом, для пущей верности, и вовсе растоптал ее.

— Но вполне достаточно для того, чтобы взять первое впечатление, — заметила Хизая. — Хотя, если честно, вышло плоховатенько.

— Почему? По-моему, всё очень даже, — возразила Сарнисса.

— А потому, что теперь вся их шайка будет тут бегать на ушах, высматривая нас. Придется уходить с этих земель и идти, наверное, на юг.

— А зачем это нужно? Думаешь, мы узнаем больше?

— Мы узнали очень мало, Сарнисса.

Львица Иллари бесстрашно улыбалась.

— Мы узнали главное: вольсунги есть; их действительно два десятка... ну ладно, десятков и восемь прайдов; они настроены идти через наши земли; они в одном дне хорошего хода от наших земель. Они готовятся напасть на Регноран и Делванни. Правильно я поняла, Ману? — с деланной неуверенностью самки спросила она.

Тот кивнул.

— Правильно. Только он сказал, что они могут и не нападать. А придти «со словом» — это, я так понимаю, на переговоры...

Хизая сидела, непрестанно потирая нос от напряжения ума.

— Эти переговоры вряд ли будут лучше нападения. Они захотят сделать из всех нас свою подстилку, — пессимистично заключила она.

— Что думаешь, Сэнзи? — спросил Ману.

— То же, что и вы. Всё верно сказано, Сарнисса, — молодая шамани прислонилась щекой к стволу дерева.

Он подошел к ней.

— Тебе плохо? — очень тихо поинтересовался Ману, пока другие начали спорить.

— Нет.

— А что это за львица была, Сэнзи? — теперь громко спросил Ману. — Та самая, что убежала последней.

Все собрались вокруг нее, слушая.

— Ученица Ашай-Китрах. Запомните это: «Ашай-Китрах». Так у них зовутся львицы, что пекутся об их... этом... Ваале. Несмотря на это, вижу, что они кое-что умеют. У них есть знание, как ни странно.

— Эти Ашай-Китрах — нечто вроде шамани у вольсунгов? — поинтересовался Нихмуд.

«Верная догадка», — согласилась Сэнзалли.

— Именно так.

— Кстати, Сэнзалли... Что это было? Что ты сделала с ними?

— Я старалась быть полезной, — молвила она и вдруг начала сползать по стволу дерева.

— Так... Ману, придержи ее. Кажется, она больше, чем устала, — забеспокоилась Хизая.

Ману уложил ее на траву и спросил на ушко:

— Сэнзи, ты измучилась?

— Да...

— Тогда отдохнем. Поспи, а мы будем рядом. Ладно?

— Хорошо.

Распластавшись по земле, Сэнзалли тут же уснула, а Ману вернулся к своим.

— Так, будем решать, что дальше. Кое-что у нас уже есть.

— Это не кое-что. Это почти всё.

— Молчи, Сарни! Этого недостаточно! — вспыхнула Хизая.

— Достаточно! Мы должны как можно быстрее предупредить конунга. Если мы будем бегать здесь целую луну, то узнай мы хоть всё на свете — будет уже поздно! — напористо настаивала Сарнисса.

Ману рыкнул:

— Не ругайтесь. Лучше предлагайте конкретно. Ты, Нихмуд, что думаешь?

— Мы уже не зря сходили. Но, думаю, еще день в запасе есть. Нужно остаться на этой земле и постараться еще что-то узнать.

— Сарни?

— Идти домой немедленно. Прямо к твоему отцу, — она уверенно мотнула головой.

— Не называй его моим отцом. Называй конунгом. Хизая?

— Идти на юг или пробовать остаться тут. Но еще не уходить. Нихмуд дело говорит: у нас еще день в запасе. Лучше придти на день позже, но с полными сведениями.

Ману смотрел на совершенно одинокую зебру вдалеке, что бессмысленно уставилась на львов. Зебры никогда не бродят поодиночке, только больные или раненные. «Наверное, ей хочется умереть», — подумал он. А сам сказал:

— Жаль сейчас нельзя спросить Сэнзалли. Может, она что-то сможет узнать... своим способом. Или даже предсказать.

— Хорошая идея, — серьезно молвила Хизая.

— Я могу пойти сама. И сообщить, — предложила Сарнисса, и в знак готовности тут же поднялась.

— Нет, я за тебя в ответе. Саму не пущу, — и себе привстал Ману, будто опасаясь, что та сейчас убежит.

— Сядь, Сарнисса. Если по дороге с тобой что случится, то всё будет много хуже, — Хизая лапой пригласила ее сесть.

Ману сказал:

— Ладно. Пока отдыхаем. Наше положение я понял. Пересказывайте друг другу то, что услышали от вольсунга, чтобы запомнить. А я подумую.

Он улегся, подложил две лапы для подбородка и, глядя на мутную речушку, начал размышлять. Или скорее делать вид, что размышляет. На самом деле он устал от мыслей, и единственное, чего сейчас реально хотел — так это немного поспать. Но белый день и положение группы вовсе не располагали к этому. Он — ее глава. Ему следует бодрствовать.

— Ману.

Он обернулся.

— А, это ты, Сарни.

— Да, это я, — молвила она, переливчато смеясь.

«Ей что-то нужно», — догадался Ману. Он, в целом, не знаток душ самок. Но умен и смышлен; а до многого можно пойти не чувством, но умом.

— Итак, что ты решил? — спросила она так, будто Ману должен был размышлять о какой-то легкомысленной и забавной шалости.

Он вздохнул.

— Пока ничего. Но склоняюсь к тому... что нужно еще здесь побегать. Сегодня ночью и завтра утром. В полдень, как бы ни было жарко, отправимся домой. Я должен... должен увидеть, сколько здесь вольсунгов и что они затевают.

— Ты решаешь, — с покорностью молвила Сарнисса, уютно распластываясь по земле. — Но не лучше ли сразу пойти и предупредить конунга? И Регноран с Делванни по пути?

Ману тут же вспомнил, что отец довольно строго указал ему не предупреждать прайды по дороге. Сейчас это указание показалось крайне сомнительным.

«А ведь она права. Надо предупредить».

— Нет, не лучше. А регноранцев мы предупредим. Обязательно предупредим, — решил всё же перейти отцовское предупреждение.

«Отсюда виднее», — подумал Ману.

— Хорошо. А Сэнзалли спит?

Необычность вопроса вынудила Ману вздрогнуть.

— Не знаю, наверное. А что? — повел он ушами.

— Думаю, — молвила львица, сладко зевнув, — что и мне можно немножко поспать.

— Мы немного передохнем, а потом отправимся дальше. Вздремни, если хочешь.

Сарнисса еще немного поглядела на него, будто чего-то ожидая. Потом, закрыв глаза, растянулась всем телом по траве, лениво пошевеливая хвостом. Ману невольно засмотрелся; потом понял, что так таращиться на львицу слишком неприлично, потому деликатно возвратился к созерцанию дали.

Сэнзалли повсюду видела свет. Белый, ослепительно белый свет из всех сторон; шамани шла по этому свету, и он ласкал лапы. Это не был сон, это было *сновидение*, в котором прекрасно осознаешь себя. Полусновидение-полувидение было невероятно приятным, волнующим, трогательным. Потом словно нечто пронзило ослепительный мир, в котором она очутилась. Из ничего появились какие-то львы и львицы, много львов и львиц; все они были красивы, белы и яркие. Их стройные лапы оставляли алые следы на белизне тумана, который служил здесь опорой для лап. Некоторое время они сновали вокруг, не зная о ней; но потом обратили внимание на странную для них гостью.

«Кто ты?», — не голосом, но смыслом спросили ее.

«Сэнзалли-шамани из нижнего мира».

«И что ты здесь делаешь?», — без укора спросили они.

«Наблюдаю то, что позволяет мне сила».

«А зачем?».

«Чтобы знать истину. Чтобы знать, в чем правда».

«Правда в силе, львица нижнего мира. Правда приходит туда, где сила».

«Но ведь есть истина, что не зависит даже от силы?».

«Нету такой истины, что не принадлежит тебе. Ты есть — есть истины, нету тебя — нету истин».

«Я — не сила».

«Ты сплошь создана из силы», — витали они вокруг нее. — «Как очутилась ты здесь, не зная такой простоты, такой очевидности?».

«Простите меня. Я молода и еще учусь».

«Тогда иди без упрека».

И шамани очень мягко, чувствуя затылком, как душа тянется назад, вернулась к себе домой; глаза глядели на корень дерева, по которому мирно сновали муравьи.

«Интересно, что это за мир? В нем еще не была...», — подумала она с большим сожалением. Белый мир очень понравился легкостью и величием.

«Интересно сколько всего миров?»

Ее охватило меланхоличное и благостное настроение. Хотелось любить всё и всех, убеждать в безграничности и красоте мира, кого-то целовать и кому-то отдаваться без остатка — быть созданием любви. Но память и мысли уверенно твердили, что в этом мире такое невозможно, здесь всегда есть свои «но...»; здесь всякое удовольствие — наполовину, но страдание — сполна; и Сэнзалли помнила, что идет со своими друзьями не для того, чтобы вместе радоваться бытию, но для того, чтобы противостоять, хитрить, остро глядеть, убивать и рычать.

«Мы тут живем. А они куда-то идут», — подумала она об этих вольсунгах, которых должна ненавидеть. — «И зачем грызть друг другу глотки? Ведь можно просто договориться, обняться. Или нельзя? Нет, нельзя. Еды всем не хватит. А потому должен кто-то погибнуть, а кто-то остаться. Что за жизнь... Вот так!».

Перевернулась на другой бок.

«Выживают лишь сильные, всюду и всегда! Так иногда говорил отец. Но для чего? Даже я, имея силы, не знаю, что мне делать со своей жизнью. Мое назначение — дать миру новые жизни? Но для чего? Где будет смысл для этих новых жизней?».

«Что ж, остается лишь оставаться той, что я есть. Моя сила — не моя по сути. Если бы я взяла ее безупречностью, то вряд ли бы терзалась такими вопросами», — вздохнула Сэнзалли, не подозревая, что заболела болезнью тех, «кто начинает знать», как говорили все шамани-наставницы. Все они, поймав ее в молодости, хорошо помнили тот мрак и печаль.

«Хватит хандрить! Ты охотница, ты охотница, ты охотница... Охотница, что знает свой страх», — подумала Сэнзалли и взмахнула хвостом; до щемящего чувства в животе возжелалось, чтобы кто-то обнял и просто подарил любовь. Но поскольку рядом никого такого нет, то чувство, что не имеет выхода, мгновенно превращается в злобу и огонь:

«Все готовы поверить в самую отвратительную ложь, лишь бы выжить... и схватить свой кусок добычи. Всякий предаст себя, если это будет ему нужно! Или ей! Все!», — яростно подумала молодая шамани, сама не понимая, откуда и почему такие мысли.

Настроение колебалось до невозможности ярко и быстро.

«Но мне претит бросаться за своим куском... О небо, почему я верна себе? Или напротив — я предаю себя много глубже, чем остальные? Почему хочу свободы? Но какой свободы я хочу? К шакалу этот мир. Я видела столько миров, и единственная свобода в жизни — свобода осознания, ясность мысли и безупречность...».

Настроение снова качнулось в другую сторону. Снова благостное настроение, снова нежная истома. Подумала о Ману:

«Он хорош. Слегка неуверен в себе... Но старается. Симпатичен, приятен, воспитан. И я чувствую с ним родство и близость... Интересно бы взглянуть на него глубже... Или даже предсказать о нем. Нет! Не хочу ничего знать. Не хочу знать о нем. Не хочу знать о нас. Пусть это будет тайной. Предсказание разрушает *вирд*. А вдруг он — часть моей судьбы?».

Ману всё так же лежал и почти задремал, как тут Сарнисса поднялась и начала уходить. Это согнало его сон.

— Сарни, ты куда?

— Ой, прости Ману. Думала, ты спишь, — встрепенулась она.

— Ты хромаешь?

— А что, так заметно? — по ней видно, как вопрос Ману огорчил ее.

Он быстро солгал:

— Нет, почти нет.

Сарнисса посмотрела на переднюю лапу, пошевелила когтями:

— Чуть ударилась, когда прыгала с камня, — весьма безразлично молвила она.

— Может, пусть Сэнзалли посмотрит?

— Нет-нет! Не надо! Со мной всё хорошо, — как-то даже слишком широко заулыбалась Сарнисса, но глаза не улыбались. Ману понял, что не совсем хорошо: ей действительно больно. Еще бы, спрыгнуть с такой высоты на льва и не ушибиться.

— Я сейчас. Я недалеко, по делу, — уходя вниз к речке, бросила разведчица Иллари.

— Понял.

Вспомнив о Сэнзалли, Ману встал и осторожно подошел к ней. Краем глаза отметил, что Нихмуд и Хизая уснули, как львята. Сэнзалли смотрела на него сонными глазами, вытянув задние лапы и положив на них хвост.левой стороной она оперлась о дерево.

— Привет, Сэнзи.

— Привет, — мурлыкнула она.

— Спасибо тебе.

— Пожалуйста, — прикрыв глаза, ответила шамани.

Он сел возле нее.

— А как ты это сделала?

— Даже не знаю. Вообще-то, я старалась дать страх лишь тому льву. Но выходит, что можно давать нескольким душам сразу.

— А ты сможешь еще такое повторить? — с практическим любопытством спросил он.

Сэнзалли посмотрела вниз, потом на него, а потом снова на землю.

— Сложно сказать.

Ее внешнее спокойное благодушие и нежный взгляд очень располагали, поэтому Ману вдруг решил задать очень непростой, мучивший его вопрос:

— Сэнзи, а можно кое-что спросить? Очень личное.

— Ой... Я ведь не знаю, что за вопрос. Так что ответа не обещаю.

— Ну, я тебе его задам, а ты отвечай... если считаешь нужным.

— Хорошо, Ману. Я готова. Говори мне.

— У тебя есть лев?

— Ману, вот такое молодую львицу спрашивать неприлично, — смущенно забила она хвостом и прижала уши, снова ища взглядом что-то интересненькое на земле.

Он понял, что это игра, только игра приятная, мастерская, без скрытой фальши.

— Прости, не хотел тебя задеть.

— Раз уж ты решился на вопрос, то я решусь на ответ. Я поведаю тебе.

Сэнзалли перестала опираться щекой о дерево, а взглянула прямо на него, довольно сильно склонив голову к земле и прижав уши, будто глядя снизу вверх. Так наблюдают за добычей, так смотрят на врагов; но еще именно так представлял себе Ману взгляд влюбленной, что вблизи, совсем вблизи глядит на своего льва, который, конечно же, выше и больше ее, чтобы защитить от всякой опасности...

Вспомнились багровые закаты, багровая луна на небе и вечерний ветер.

«Бояться не надо...».

Он то ли услышал шепот этих слов, то ли некто подумал за него. Очень странное, до невозможности странное ощущение. Ману не удержался от того, чтобы глупо оглянуться. Ум отказывался верить в такое, глаза желали выискать того, кто шептал на ухо.

Но, ясное дело, вокруг никого не было, кроме него и нее. Сэнзалли уже не смотрела на него, как прежде; она снова расслаблено растянулась, опираясь о дерево. На ее мордочке играла очень легкая, почти неприметная, но оттого волнующая улыбка.

— Ты доволен ответом, Ману? — грудным, темноватым голосом молвила она.

— Вполне, Сэнзи.

— Тогда и ты ответь мне, — взмахнула она хвостом.

— У меня тоже... никого нету.

Юная шамани еще раз взмахнула хвостом, но уж теперь — от разочарования и досады. Всё ж таки нечувствительность и тупость души самца иногда переходит всякие черты. Разве словами отвечают на такое?

Ману же радостно, взволнованно и довольно вздохнул. Теперь он знал, что Сэнзалли сказала ему «Да».

Теперь отношения можно развивать.

Не так ли?

**

Она стояла перед своею наставницей и плакала. Нет, даже не плакала — ревели, совсем как маленькая. Слезы текли ручьями, пока юная Ваалу-Нирзая старалась объясниться:

— Выслушайте меня еще раз... Молю вас.

— Слышали уже, Нирзая, — устало и расстроено молвила старшая сестра Ашаи-Китрах, которая волею судьбы стала Испытующей для ученицы Ваалу-Нирзаи. — Слышали.

По давней традиции и строгому правилу, наставницы-Ашаи какой-либо ученицы не могли стать для нее Испытующей; Испытующая — это та, кто дает три задания для ученицы и наблюдает за их прохождением, чтобы ученица смогла войти в сестринство Ашаи-Китрах. Испытующей может стать любая старшая сестра либо Высокая Мать.

— Нет, еще раз дайте мне свое внимание! — не унималась Нирзая.

— Что говорят те, кто с нею шел? — спросила Испытующая у печальной наставницы Ваалу-Нирзаи.

Она была печальна лишь внешне. Изнутри наставница Ваалу-Нирзаи была опустошена. Совсем одно: говорить ученице, мол, как пройдешь свое испытание, то и заслужишь, я научила тебя всему, что нужно, а дальше уж твое дело; совсем другое: понимать, что твоя ученица не может стать сестрой Ашаи-Китрах, потому что не справилась с тем первым заданием, которое ей дали судьба и Ваал.

Ваалу-Нирзая пришла во прайд Йонурру, чтобы пройти часть своего первого испытания. И вот — она не выдержала его.

— Хныкают невнятное. Никто не признается, что боялся, но это и так понятно...

— Ясно. Это весьма необычно. И вызов для всех нас. Этот союз прайдов начинает показывать свои зубки. Но с Ваалом мы дойдем до чего угодно... Нирзая!

— Я здесь, — искренне глядела она на Испытующую, еще питая маленькую, крохотную надежду: «А может быть, всё-таки...».

— Прости, но я... — отвела взгляд старая Ашай-Китрах.

— Я еще раз расскажу, — быстро заговорила Ваалу-Нирзая, ища взгляда Испытующей. — Мы отдыхали под скалами все вместе. Я почувствовала чужую силу. Я сразу поняла, что это сильная шаманая. Шаманая — рядом! Было много тумана, очень много тумана... И тут появились они! Она сразу схватила меня взглядом!

Рядом проходили охотницы Йонурру; шли они нарочито медленно, чтобы не упустить ни слова — будет о чем посудачить!

Испытующая со гневом молвила:

— Все говорят, что шаманая смотрела именно на них. И ты говоришь, что смотрела на тебя. Динганэ, трус, тоже так говорит. Все остальные так говорят. Как так может быть? — спросила Испытующая у наставницы, но ответила сама Нирзая:

— Не знаю. Но клянусь Ваалом — она глядела на меня. Я чувствовала, как она желает дать мне страх. Я очень старалась, я не пускала ее, моя воля была как коготь, что уцепился в шкуру добычи... Но я буду честна. Я, прости меня Ваал, сдаюсь. Спасовала. Шаманая победила меня.

— Мне нравится твоя честность, Нирзая.

Та всхлипнула, прислушиваясь к словам Испытующей. Ей очень не нравилось то, что Испытующая называла ее лишь «Нирзая», а не «Ваалу-Нирзая» — это очень плохое знамение. Значит, она никогда не станет Ашай-Китрах; она, лучшая ученица своих наставниц отважного прайда Дэнэнай...

— Но прости, ты не прошла первого испытания. Его даю не я, а Ваал. Я — лишь его уши, глаза и рот; но он дал тебе такое испытание сквозь меня: пойти с этой группой на разведку прайда союзных.

— Я понимаю... — совсем печально ответила Нирзая, не желая ничего понимать на самом деле.

Наставница Нирзай злобно шикнула на любопытных охотниц, и те быстренько ушли. В то же время Испытующая старалась ее поддержать:

— Но ты честна и отважна. Мне сказали, что убежали все, но ты еще оставалась против всех союзных. Безусловно, эти львы союза, наконец, всполошились и послали свою лучшую и самую сильную шаманую. Его волею ты столкнулась с нею. Но Ваал никогда не дает нам испытания, что мы не можем снести.

Повисла тишина. Испытующая в задумчивости стучала когтями по шее.

— Потому всё, что я в силах сделать для тебя: ты можешь стать Приближенной. Я скажу, что ты прошла первое испытание, но всем будет понятно, что это ложь... И, пройдя второе, ты объявишь, что не желаешь войти в сестринство Ашай.

— Нет-нет... О Ваал, о мой бог, я так долго к этому шла. Я не могу стать лишь Приближенной...

— Прости. Это всё, что можно сделать.

В жизни бывает всякое, и случалось так, что первое (либо — что бывает крайне редко — второе) испытание ученица проваливала не по своей вине либо из-за каких-то сложных, мало от нее зависящих обстоятельств. Провалившая первое испытание не может даже стать Приближенной, хотя может быть прекрасно подго-

товлена; Приближенной можно стать, лишь с честью пройдя два испытания, но отказавшись от прохождения третьего. Потому для действительно хороших учениц, что волею случая не справились, иногда делали своеобразную уступку. Объявлялось, что два испытания ею пройдены, но от ученицы бралась негласная клятва, что она откажется от прохождения третьего. После этого, по традиции, Ваал-сунга становилась Приближенной и могла чернить левое ухо. Этим преследовались две цели: во-первых, не допустить того, чтобы юная львица упала в полнейшее уныние; во-вторых, получить хорошую Приближенную, которая своим рвением будет всю жизнь служить Ваал-сунгам и Ваалу.

— Я побегу на юг. Я обращусь к Лапе Ваала и Высокой Матери... Я буду служить, я исправлюсь, я обещаю...

Испытующая хотела было возражать и даже разозлиться, но тут призадумалась. Она знает Нирзаю. Это действительно одна из лучших учениц, что она видела вообще. Нирзая умна, смыслена, сильна и знает всё, что должна знать Ашаи-Китрах; недавно, еще пребывая во своем родном прайде Дэнэнаи, где сейчас находится правитель Ваал-сунгов, она, возвращаясь с охоты вместе со львами и львицами, случайно учуяла и поймала шаманаю. Этот случай стал известен всему авангарду; Лапа Ваала лично рассек ей ухо, и она стала хаману. Никто и малейшего сомнения не имел в том, что она пройдет все испытания легко и непринужденно. Теперь же сказать «нет» означало убить столь долгую подготовку и огромное количество потраченных сил всех наставниц, что имели дело с Нирзаей.

Но в то же время этот случай нельзя было прикрыть, скрыть, спрятать. Во прайде Йонурру о нем уже знали все; он наверняка, как говорится, станет несмываемым пятном на шкуре не только Нирзаи, но и прайда. Там было шесть львов и одна львица. Шесть львов Йонурру и ученица Ашаи-Китрах из Дэнэнаи. И все убежали в страхе от врага. За трусость Ваал-сунги изгоняют, а иногда просто казнят. Всех шестерых львов решили не предавать казни, не изгонять, ни даже забирать звание ринасу, и вообще как-то особо наказывать. Решили повременить и выяснить до конца, с чем они теперь имеют дело.

Здесь важно заметить, что друзья Динганэ не выдали его и себя. Все слишком хорошо понимали, чем может обернуться добровольное признание в том, что одного льва утащили и допросили. Когда друзья, очнувшись от страха, побежали назад, за ним, то обнаружили его в траве, по запаху и следу. Все они, обсудив незавидное положение, строго поклялись никому ничего не рассказывать о похищении Динганэ. Иначе всем им будет не просто худо, а очень худо.

Дело вообще необычное, но предсказуемое. Разведывая территорию Союза и расспрашивая о нем свободных, Ваал-сунги уже знали, что в Союзе издревле водятся сильные шаманаи. По крайней мере, так говорили все свободные. Также Йонурру вот прямо вчера поймали «дочь гор», как она себя называла. Прокусив лапы, ее потащили во прайд как пленницу, источник сведений и необычную диковинку — шерсть у нее была светло-серого, пепельного окраса, а хвост оказался необычайно длинным. От нее многого не узнали, так как она ухитрилась чем-то отравиться ночью, но из разговоров с нею Йонурру услышали, что горы на севере называются Большими, и что они действительно большие, и что их ждет месть от «всех Саргали», а также то, что если они вздумают сунуться на запад, «равнинные львы перегрызут ваши мерзкие глотки, а их шамани превратят ваши души в труху».

Испытующая помнила случай, что призошел много лет назад. Ваал-сунги наткнулись на какой-то небольшой, но совершенно безумный в своих неуступчивости и отваге прайд. Он создал им намного больше проблем, чем до того все осталь-

ные, вместе взятые. Она помнила, что так долго они смогли продержаться благодаря мерзким и противным Ваалу шаманам.

Но, конечно, с помощью Ваала все они были уничтожены.

Не зная, что делать, Испытующая молвила:

— Сейчас приду. Обращусь в молитве к Ваалу. Пусть он даст мне знать.

Она ушла, и тут же пришел муганг Йонурру. Муганг — это правитель прайда.

— Так. Изгонять не будем никого. Вместо этого... — зло молвил он и довольно двузачно поглядел на Нирзаю. Та гордо выпрямилась, решив, что понесет наказание вместе с ними.

— Я советую не спешить, — покачала головой наставница Нирзаи, готовая вступить за нее.

Муганг Йонурру всегда прислушивался к Ашаи-Китрах. К ним очень хорошо прислушиваться. Это хорошо и для дела, и для личного благополучия.

— Из всего, что мы узнали, получается, что это была очень сильная и опасная шаманая, — тихо, но очень внятно и четко говорила наставница Нирзаи. — Этот союз прайдов начинает показывать когти. Наша группа действительно не могла управиться со своим духом. Их не стоит наказывать, а тем более, изгонять: все они — достойные львы. И львицы, — поглядела она на Нирзаю.

— Что же тогда? — дельно поинтересовался муганг.

— Нужно позвать в авангард побольше сестер Ашаи-Китрах. Мы победим их всех. Но это будет интересное сражение. Ваал хочет, чтобы наш враг был сильным.

— Но это — проявление трусости...

— В сказании говорится, что согрешивший однажды уже знает грех и слабость, а потому ведает, как стать сильным.

Муганг понял, что говорить больше ничего не надо. Он и сам не хотел этого пятна на своем прайде. Прайде авангарда! Лучше тихонько отложить это в сторонку.

— Хорошо. Я передам эти слова мудрости... для них... Пусть знают. Ты слыхала, Нирзая?

— Я всё услышала, о смелый муганг Йонурру.

— Так-то.

Немного погода вернулась Испытующая.

— Иди в Дэнэнаи, к Высокой Матери. Скажешь ей... скажешь ей всё, как было. Ничего не утаивай. И скажи, что это я прислала тебя к ней. Она решит, что делать.

— Спасибо! Спасибо!

— Иди немедленно...

Ваалу-Нирзая не пошла — она побежала. В ее жизни никогда не было такой бешеной, изнурительной, подвижнической спешки. От Йонурру, что сейчас на севере авангарда, к южным Дэнэнаи и Хустру добрых полдня хорошего ходу, даже больше. Ваалу-Нирзая долетела за четверть дня.

Вся неприглядная, в пыли и грязи, с открытым ртом и горящим взглядом она, вопреки словам Испытующей, сразу побежала к правителю Ваал-сунгов, а не к Матери. Ее пропустили без единого вопроса, посчитав, что с таким видом можно принести только очень важные новости.

— О Лапа Ваала, о мой сиятельный хозяин! Выслушай меня...

Мирэмай-Халу совсем недавно пришел в авангард и уже немного сожалел о содеянном. Муганг Дэнэнаи больше не решался принимать важные решения самостоятельно, потому со всех сторон на главу Ваал-сунгов посыпались донесения, со-

общения и прочее. Нужно было принимать решения, причем иногда настолько мелочные, что Мирэмай реально злился.

Его сейчас заботило лишь одно: как верно начать и далее поступать с этим союзом прайдов. Ему нужно думать о стратегии, а его одергивают на мелочи.

— Слушаю... Боже, ты кто такая? — рассмотрел он ее, грязную, с ушей до лап.

— Прости, Лапа Ваала. Я очень... очень спешила, — не поднимая головы, молвила Нирзая.

— А... Аааа. Ваалу-Нирзая, — у Мирэмая прекрасная память на имена и мордочки. — Ученица, которую я сделал хаману. Ты уже вошла в сестринство?

— Еще... еще нет. Я должна кое-что рассказать...

Ваалу-Нирзая рассказала всё без утайки: как ее отправили на испытание, как она пошла разведать с группой северный прайд врага, как они, спокойно отдыхая, встретились нос к носу с союзными львами и львицами, что среди них была сильная шаманая, и что все они поддались страху и удрали, в том числе она, Нирзая. Что Испытующая сказала ей придти к Высокой Матери, но она решила сначала обратиться к нему, правителю Ваал-сунгов, ведь он суть Лапа Ваала и воплощенная справедливость бога.

Мирэмай внимательно ее выслушал. Он всегда крайне обходительно и хорошо относился ко всем Ашаи-Китрах, даже порочным и плохим. Как и всякая самка, любая из них тает от хорошего слова и похвалы, и неосознано начинает стараться для такого самца, всячески его обхаживая и защищая; конечно, при этом самка становится избалованной и капризной, но Мирэмай рассудительно считал, что это намного лучше, чем иметь Ашаи в качестве скрытых противников и ловить от них недружелюбные взгляды. Он знал, что если будет относиться к ним плохо, то падет жертвой интриг, ибо Ашаи-Китрах мастера всего скрытного, как и всякие самки.

Да и он всегда понимал, что всё устройство и вся жизнь Ваал-сунгов во многом опирается именно на них; а глупо грызть ветку, на которой сидишь. Тем более, такую красивую и прочную ветку. Без Ашаи-Китрах вряд ли бы вообще Ваал-сунги были тем, чем они есть.

— Раз Испытующая говорила тебе сразу пойти к Матери, то почему ты не пошла?

— Виновна, Лапа Ваала... Виновна...

— Ладно, идем к ней вместе.

Он тут же взял Ваалу-Нирзаю и пошел с нею к Высокой Матери. По старой негласной традиции, правитель Ваал-сунгов и главная среди сестер Ашаи не должны находиться в одном прайде. Но традиция касалась лишь спокойного времени. Сейчас по-иному, потому Высокая Мать вместе с лапой Ваала — в авангарде.

Ваалу-Нирзая редко видела Высокую Мать, и никогда не говорила с нею. Дело в том, что с Высокой Матерью запрещено говорить «просто так», даже сестрам Ашаи, не то что простым Ваал-сунгам. Привилегия самостоятельно начать обычный разговор с Высокой Матерью всегда принадлежала лишь старшим сестрам и Вестающим. Ну, еще правителю Ваал-сунгов, естественно. Все остальные не могут сказать ей и слова без необходимости. Говорить с нею можно только по поручению либо важному делу. С нею можно и нужно здороваться; ей можно сказать, что ее ждет Лапа Ваала; ей можно говорить что угодно, но только непосредственно по делу. Со своими проблемами и разговорами за жизнь к ней подходить нельзя.

Сейчас прайд Дэнэнаи находился на полностью открытой местности, и здесь было весьма неудобно безо всякого укрытия; прайд Хустру совсем рядом, и Мирэмай уже подумывал, не перейти ли ему в Хустру. Но лишь подумывал, ведь Хустру

ближе всех к врагам, а самому главному Ваал-сунгу нужно держать расстояние от врагов.

На этих землях Высокая Мать облюбовала себе подножие большого баобаба,

В разные времена Высокой Матерью становились совершенно разные львицы. Как говорят Ваал-сунги, какова Мать, такие и сестры Ашаи. Предыдущая предавалась безумствам порока и сновала в таком разврате, что все Ваал-сунги, несмотря на свои вполне свободные нравы, лишь недоуменно и досадно переглядывались между собой. Удивительно, но тогда от этого все Ашаи-Китрах приобрели в своем характере определенную вольность, иногда даже вульгарность.

Когда эта Мать, по традиции, добровольно ушла из жизни, то все вздохнули с каким-то облегчением. Высокой Матерью стала львица с именем Ваалу-Ринарита. Так случилось, что в это же время правителем стал Мирэмай-Халу, и такое все считали хорошим знаком. В истории Ваал-сунгов не раз бывало такое, что правитель и Мать почти не разговаривали друг с другом, словно существуя в параллельных мирах; он не интересовался делами Ашаи, она же просто к нему не подходила — не о чем было говорить. Но это совсем не так в случае Мирэмая и Ринариты: Лапа Ваала просто обожал ее компанию и очень любил с нею советоваться по любым вопросам. У них возникла некая душевная связь, и он не раз рассказывал ей такое, чего не мог рассказать никому.

Ринарита — настоящая Высокая Мать, в самом прямом смысле. Она выше многих львов. Худая, тонкой кости, темноватого окраса, в глазах — тяжелое сосредоточие духа. Ее особенностью и большим преимуществом есть то, что она когда-то была Вестающей; потому она может свободно и наравне общаться с остальными Вестающими сквозь *сновидение*. А все Вестающие во многом похожи друг на друга: молчаливость, даже угрюмость (но лишь внешняя), отрешенность (а часто — полнейшее равнодушие и спокойствие при практически любых обстоятельствах), худоба, небрежность в любых межличностных отношениях, и то совершенно потустороннее выражение глаз, которое спутать невозможно ни с чем.

Вот Нирзая предстала перед Матерью. Она склонилась и, не поднимая головы, стала ждать, пока Ринарита сама не заговорит с нею.

— Здравствуй, мать Ринарита.

— Рада видеть тебя, Лапа Ваала.

Они могли поприветствовать друг друга намного проще, но при Ваалу-Нирзае такого делать не следует.

— И с чем ты пришла, ученица? — Мать сразу приступила к делу.

Нирзая рассказала всё то же, что и раньше. Ринарита слушала рассказ с истинным спокойствием Вестающей. Но не равнодушием. После того, как ученица закончила, она обратилась к Мирэмаю, глядя влажными глазами, которые всегда укрывала невидимая дымка:

— Эти союзные учуяли неладное.

— Как думаешь, у них еще много вот таких шаманай? — Мирэмая волновали практические вопросы; он еще точно не знал, как следует поступать с этим Союзом.

— Пока мне не дано знать. Но не думаю, — ответила Ринарита, чуть кивнув в сторону Нирзаи. Мол, при ней говорить не стоит. — Вряд ли.

Правитель еле заметно кивнул.

— Ты беспокоишься о том, что не прошла первого испытания? — спросила Ринарита, медленно покачав головой.

— Да, — кротко ответила та, не поднимая взгляда.

— Посмотри на меня.

Нирзая сделала это.

— У тебя еще остался испуг. Вцепился за тебя. Сейчас... — молвила Ринарита, а потом с небрежностью мастерства и без церемоний взяла ее лапой за подбородок, а потом подула на ее щеку.

Ученице мгновенно стало легче и теплее на душе.

— Тебя не готовили к этому, и тебе попалась злобная, сильная шаманая. Так что нет никакого позора. Так... Дай сюда. Дай гляну.

Ринарита смотрела в левый глаз ученицы. Она несколько раз поворачивала ее голову то так, то эдак.

— Она молода... Да, молода. Примерно твоего возраста. Ой, какая светлая шерсть... Сильна, действительно. Но не своей силой. Добыла она ее низко... подло даже, я бы сказала. Впрочем, как и весь гнусный род шаманай... Род шаманай ведь гнусен, Нирзая? — туманно усмехнувшись, спросила Ринарита у Нирзаи.

Та с яркой готовностью ответила:

— Да!

Ринарита чуть закивала в ответ внутреннему чувству и продолжила:

— Сложно увидеть, как именно она ее добыла. Но бояться ее особо не стоит. Она не умеет еще с собой справляться. В ней нет той основы, что... Ах ты, вот какая. Учужала, что на нее кто-то смотрит. Спряталась, сякая-такая.

— Почувствовала? — не шевелясь, тихо спросила Нирзая, хотя ей и не следовало говорить. Но интерес просто распирал.

— Да. Испугалась, что на нее кто-то смотрит, — ровно ответила Ринарита и оставила подбородок ученицы в покое.

— И что, Ваалу-Нирзая, так сказать, может продолжить... испытание? Либо начать его заново? — заступался за молодую львицу Мирэмай. Он хорошо понимал, что нужно Нирзае; и не дать ей этого — глупость.

В глазах юной львицы светились огромная благодарность и восторг. Она немигающе, глупо улыбаясь, глядела на Лапу Ваала. Она обожала его. Она обожала Ринариту. Их всех.

— Вполне. Теперь, Нирзая, я лично буду вести твое первое задание. Потом лично дам тебе второе. А потом лично проведу тебе третье.

От счастья и облегчения можно упасть в обморок. Рассек ухо сам глава Ваалсунгов. Испытующей у нее стала Высокая Мать собственной персоной. Будет чем гордиться всю жизнь!

— Иди в Хустру, — сказала ей Ринарита. — Там они будут проводить последнюю разведку южного союзного прайда. Пойдешь с ними и докажешь свою достойность. Наверняка какая-нибудь Ашай из Хустры будет с ними идти, но ты заменишь ее.

«Однако, у нее прекрасная осведомленность в том, что где происходит...», — удивился Мирэмай, хотя, по сути, удивляться было нечему.

— Я докажу, о Высокая Мать! Я докажу! — восторгаясь, говорила Ваалу-Нирзая.

— Хорошо. Тогда иди немедленно.

— О слава Ваалу... О, слава, — поклонившись, Нирзая стремглав убежала прочь.

Высокая Мать, вздохнув, провожала ее взглядом.

— Неплохая будет сестра, — кратко заметила Ринарита, глядя вдаль.

— Из нее, может, даже Вестающая получится? — спросил Лапа Ваала. Так, просто, чтобы спросить.

— Нет. Не получится. Но будет верной до последнего вдоха. Таких иметь полезно.

Мирэмай почесал лапу.

— Определенно. Так что... что ты думаешь обо всем этом?

— Свободные верно предупреждали, что в этом союзе непростые шаманаи. И это так интересно.

— И что теперь? Я, если честно, в легком смятении. Не знаю, как начать сражение.

— Я тебе уже говорила, — мягко, без хитрости посмотрела Ринарита на него.

— Так скажи еще раз.

— Мы победим. Более того, мы станем сильнее. Это я тебе уверенно говорю. Ваал-сунги будут победителями.

— Прекрасно, — довольно молвил Лапа Ваала.

— Не иди к ним сразу с войной, хотя это очевидное решение. Поступай с ними грубо, но не нападай сразу.

Он постучал когтем по клыку, демонстрируя простоватые манеры. Но на самом деле это всегда подкупало обычных Ваал-сунгов. Простота и чисто житейская справедливость — этого у Мирэмая не отнимешь.

— Знаешь, правильно. Я кого-то пошлю на переговоры в южный прайд, и им прикажут убираться. Я уже думал об этом. Посмотрим, как среагируют. Если они уйдут — значит битва будет легкой. Ну, а если нет... Нет ничего хуже прайда, что уцепился в свою землю, как крот. Тогда я подтяну центр и перебыю их всех как можно скорее. И северный, и южный прайды.

Ринарита равнодушно согласилась:

— Вот так и начни. Только будь осторожен.

— В чем именно?

— Так. Вообще.

— Хорошо.

Помолчали, подумали о своем.

— И эта молодая шаманая... — вдруг помыслила вслух Ринарита.

— А что с ней? — наострил уши Мирэмай.

Ринарита пожалела, что сказала это вслух. Но с бывшими Вестающими и не такое бывает. Они иногда поесть и попить забывают, не то что упускают слова. Но нужно что-то сказать, завершить речь, и Ринарита молвила:

— Она опасна. С нею нужна осторожность.

— Даже так?

— Будем говорить откровенно. Беспokoит она меня. За ней что-то стоит, а такое бывает нечасто.

— А что стоит?

— Как тебе объяснить... Вот за нами — Ваал. Все мы его дочери и сыновья. Мы воздаем ему хвалу, а он дает нам силы и удачу взамен. И делает нас тем, кем мы есть. Конечно, это сказка для всех. Мы с тобою это знаем. Но, тем не менее, этот фантом нашего ума, эта вера, делает нас сильными. А за остальными, как правило, ничего нет. Это касается простых голов, шаманай и всяких прочих. За каждым из них лишь личная судьба и личная сила. Такую или такого поймать и сломать несложно. На всем своем далеко не уйдешь, — туманно говорила Высокая Мать.

Она сделала несколько шагов в сторону, но потом вернулась к нему.

— Ее сила, в каком-то смысле — вовсе не ее. Мне сложно сказать, откуда она. Возможно, это сила рода. Возможно, она потомственная шаманая. Или что-то такое.

— Может, у этого союза тоже есть свой никчемный бог? И он дает ей защиту? — язвительно спросил Мирэмай.

Этот разговор показался бы любому Ваал-сунгу нелепым, потому что и Высокая Мать, и Лапа Ваала в крайне странном тоне отзывались об их смысле, об их боге.

Но ни Мирэмай, ни Ринарита не верили в него. Это было их главной, строгой тайной, в которую посвящены лишь единицы.

— Нет. Союзные по мелочности душевной ни во что не верят. Или напротив — по силе души. Это я знаю — у них нет веры. Я думаю, у нее сила рода. Знаешь...

— Ринарита закрыла глаза, стараясь получше увидеть и получше изъясниться. Она ритмично махала левой лапой в пустом воздухе: — Вот черед за чередом... Одна за другой. Раз-раз-раз. Это очередность, линия, род. Понимаешь?

Мирэмай честно ответил, поджав лапу:

— Нет.

Подумав, добавил для своей уверенности:

— Ладно, ерунда всё это.

Ринарита ничего не ответила и лишь смотрела тяжелым, монолитным взглядом Встающей в небо, словно ища там путь.

Ваалу-Нирзая, наспех перекусив, хотела было помчаться в Хустру. Но ее остановили: сейчас бежать туда нет смысла. Группа пойдет в земли союзных львов только на следующее утро.

— Лучше поспи, под рассвет встанешь и пойдешь, — посоветовали.

Так она и сделала.

Потом, проснувшись на рассвете, снова уже в какой раз стремглав бежала в Хустру, очень опасаясь, что опоздает присоединиться к группе. К счастью, не опоздала. Одна из Ашаи прайда Хустру, по имени Ваалу-Харана, узнав, что первое испытание Нирзая получила лично от Высокой Матери, искренне поздравила ее и, естественно, уступила место в группе.

— Удачи, сестра! — пожелала Харана.

Потом нестерпимо медленно потянулось время. Ваалу-Нирзая вместе с тремя львами и четырьмя львицами своей группы лежит под деревьями у затхлого, поросшего тростником озера. Сегодня будет прекрасный, полный солнца день, и это сполна чувствовали львята, которые неподалеку нашли себе важное занятие: бегали от одного дерева к другому.

Один из старейшин прайда Хустру, который должен возглавить группу, сильно опаздывал. Его вызвал к себе муганг; время тянулось, начиналась жара, и львам ничего не оставалось, как улечься кучкой и чем-то себя занять. К ним подошли остальные львы прайда, и большая компания самцов то и дело взрывалась хохотом.

Ваалу-Нирзая от безделья и волнения завела поверхностную беседу с какой-то львицей Хустру, которая говорила очень много, но главное — ни о чем. Для отвлечения внимания — то, что надо.

В группе оказался и Саймунд, главный шутник прайда Хустру и причина воздыханий, слез и ревности всех львиц. Он патетически начал:

— Сказание о гиенах с шакалами. Главное в жизни, или Нахейм шакальского рода.

Все заулыбались. Уже много раз слышано это «сказание». Нахеймом, как известно, Ваал-сунги называют то место, куда попадает после смерти душа любого льва и львицы, которые во время жизни были преданны Ваалу.

Саймунд же известен тем, что постоянно, на лету, сочинял самые невообразимые истории, как правило, смешные. Подражая серьезным сказаниям Ваал-сунгов, он придумал свое для шакалов с гиенами. И сейчас его с интересом слуша-

ли, чтобы скрасить скучные мгновения ожидания. Говорить и так не о чем, как и нечего делать.

— Под гнилым деревом с огромным дуплом собралась кучка шакалов и томится от безделья. В дупле покоится самый толстый шакал. Вдруг, — Саймунд делает драматическую паузу и продолжает, — к ним, высунув язык, подбегает еще один и ударяется головой о дерево.

Прокатились смешки.

Расскажчик выждал положенную паузу.

— Самый толстый из них спрашивает: «Что такое? Уже спокойно ходить не можно?». Подбежавший расплывается по земле и уверенно говорит: «Там падали — полно!». Все дергаются: «Где?». Подбежавший отвечает: «Там!». Но не показывает. И умирает.

Снова кто-то засмеялся.

— Мимо них мгновенно пробегает гиена и исчезает вдали. Шакал с оторванными ушами говорит: «Бежит, как укушенная зебра». Все глупо смеются.

И слушатели тоже смеются.

— Подбегает еще одна гиена, старая и вся в грязи. «Чего сидите, кучка дураков?!». Она пинает шакала с оторванными ушами, тот скулит. Старая гиена убегает. Мимо спешно проходят три шакала с довольными мордами. Один из лежащих заискивающе спрашивает: «А что это, друзья, правда, будто там падали полно?». Трое громко смеются и убыстряют шаг. Все провожают их жадными взглядами. Тот же шакал говорит: «Э, чего здесь сидим? Знаете, сколько идиотов туда сейчас набегит?». Самый толстый вдруг орет: «За мной!». Все, спотыкаясь, срываются с мест, кроме одного, самого тупого — он натужно думает.

Львы долго смеялись. Львицы рядом скривились от этого дружного хохота самцов, совершенно не ценя такой юмор. Кто-то из львиц зашипел на них, но те не обратили внимания.

— Издалека слышно рычание, визг и звуки борьбы. Возвращаются те самые трое шакалов; каждый в зубах тащит по огромному куску старого мяса. Они постоянно о него спотыкаются, поскольку оно волочится по земле. Один из них выпускает свой кусок и говорит: «Жизнь прекрасна!». Второй, заметив, что тот кусок больше, выпускает свой, хватая чужой и пытается убежать. Первый бросается в погоню. Третий видит, что кусок второго бесхозен, и старается запихнуть его в рот, чтоб утащить. Ему это удается, и он еле уходит.

Саймунд остановился, чтобы перевести дух, заодно показывая, как тому трудно тащить такую ношу.

— Четверо тащат огромную тушу быка; каждый шаг дается им с огромным трудом. Вдруг один из них говорит: «Эй, слышите?!». Другие спрашивают: «А?». Вместо ответа первый смотрит в живот быку. Внутри него сидит шакал с оторванными ушами и сосредоточенно жрет. Заметив неладное, он тут же сбегает туда, где полно падали. Самый тупой, задумчиво почесываясь, смотрит ему вослед. К дереву подходят три шакала, в том числе и самый толстый. Они раздулись и переваливаются с лапы на лапу; в их глазах — счастье. Самый тупой с медленным озарением смотрит на них. Толстый говорит: «Падаль — самое главное в жизни». Остальные согласно кивают. «А самое главное в жизни — это и есть смысл. Мы сожрали целую кучу падали, значит, наша жизнь полна смысла. А если жизнь наша полна смысла, значит мы — великие». Остальные двое со стуком бухаются головой о землю: «Мудрец!». Возле них проходят шакал и гиена. Шакал говорит: «А я тебе говорил, что этот день настанет, это будет, а ты не верила!». Самый тупой вдруг бьет себя лапой по лбу: «Я умер, и я в Нахейме!»...

Все ухмылялись. К сожалению молодых львов, этот вариант истории оказался весьма поправленным, а также в нем недоставало кое-каких интересных подробностей, поскольку здесь сидели старшие львы и львицы, при которых употреблять плохие слова, ругаться и выражаться не принято.

Наконец, старейшина пришел, и группа молча отправилась в путь. По традиции, к врагу идут безо всякой лишней болтовни. Волнуясь, Ваалу-Нирзая шла вместе с ними. Теперь у нее нет права на слабость и ошибку. Судьба ей дала такой второй шанс, который мало кому выпадает вообще.

— Главное — понять, готовы ли союзные к сражению. Если нет, то завтра мы идем к ним в гости. А если да... то тоже идем, — вдруг сказал старейшина.

Простые Ваал-сунги не знают никаких планов тех, кто правит ими, потому весть о том, что завтра предстоит поход к врагу, приободрил, но в тоже время каждого схватило щемящее чувство.

Львицы Хустру шли впереди уверенно, по-свойски. Они уже хорошо знали эти земли. Мало того, они хорошо знали пути обходов прайда Делванни. Потому очень быстро, как-то даже слишком, они добрались к границам.

Их ждал сущий подарок: молодой лев, еще совсем юнец, оказался на обходе один.

— Союзные просто безумны, — тихо вынес вердикт старейшина, зорко наблюдая из густой травы. — Я еще не помню такой беспечности.

Льва, естественно, схватили и прижали к земле.

Сначала он испуганно твердил, что ничего не скажет, что скорее умрет и всё такое прочее. Ну, поначалу все играют в смелость. Но тут объявилась Ваалу-Нирзая. Со рвением она подошла к нему и, придавив горло лапой, молвила:

— Говори, иначе сделаю безумным, — пригрозила, оскалась и рыча.

Но тот упрямо сопротивлялся и не смотрел в глаза. Потому Нирзая, не долго думая, просто схватила его за нос клыками, как учили.

Это очень больно и лев взвыл, чуть не раскинув тех, кто на нем покоился.

После этого допрос пошел бодрее. Старейшина начал расспрашивать, и все узнали, что его зовут Ульмар, что Союз уже знает о вольсунгах, что делваннийцам приказано не лезть первыми в драку, и прочее-прочее. Все это время Ваалу-Нирзая ни на миг не отпускала его нос.

— Передай своим, что завтра придут Ваал-сунги со словом. Передашь? Понял?! — зарычал старейшина.

— Аааа... — только и простонал лев в знак согласия. Ваалу-Нирзая до того крепко сжала его нос челюстями, что он почти обезумел от боли. На самом деле он не расслышал слов, и совершенно не понял, что надо передать.

— Нирзая, пусти его.

Будущая Ашаи-Китрах отстранилась, оттолкнувшись от Ульмара лапой.

И Ваал-сунги растворились в траве, словно их не было.

Всё, задача была выполнена. Можно возвращаться назад. Но Ваалу-Нирзая сказала:

— Здесь еще есть шаманая, совсем рядом. Я ее чую. Надо ее поймать.

Это было правдой. Нирзая действительно чувствовала шамани. Всех их научили чувствовать, когда шаманай рядом: тогда словно дует легкий, невидимый ветер по левой или правой щеке. Когда рядом сестра-Ашаи, то такой же ветер дует по затылку; чем она сильнее, и чем ты лучше чувствуешь свою ауру — так Ашаи называют второе тело — тем больше расстояние.

Мысленно воздав короткую молитву Ваалу, что назначалась для случаев встречи с врагом, Ваалу-Нирзая уверенно и безошибочно направилась туда, куда

нужно. Ее хотели было приостановить, мол, сейчас не время. Но ни старейшина, ни остальные не решились на такое, ведь в таком случае всегда можно обвинить в трусости, а за трусость можно лишиться званий ринасу.

Ушала устало тащила корни трамы в зубах. В последние дни ее одолевала какая-то непонятная слабость. «Старею», — думала она. — «Как тут не постареть. Пожила сама, так дай жить другим».

Когда к ней приблизились Ваал-сунги, то Ушала не была застигнута врасплох, хоть и не видела их. Уши наостроены, хвост выпрямлен. Убегать она не могла и не хотела: во-первых, она старая, а старые львицы всегда обладают своеобразной, тяжелой, неуступчивой смелостью; во-вторых, бегать ей уже не так просто, как прежде; во-третьих, убегать недостойно, а тем более для львицы-шамани Союза; в-четвертых, Ушала прожила целую жизнь борьбы, а потому она ничего не боится, и смерти тоже.

Без предисловий, вступлений и прочего Ваалу-Нирзая молча подошла к Ушале, которая зорко наблюдала за нею, по мере приближения прижимая уши и предупредительно скалясь. Нирзая поступила довольно хитро: она приближалась серьезно, но без оскала и рычания. Это, в какой-то мере, сбило с толку Ушалу.

Старая шамани видит, как к ней приближается молодая львица с черными ушками; по привычке отмечает, что это — сок хирайи. Она чувствует, что эта львица — тоже шамани, только ее сила чувствуется как-то совсем по-другому; Ушала никогда не ощущала такого. «Шамани какого-то особого рода... Шамани этих вольсунгов», — почти верно заключила Ушала.

Львицу Союза окружили; Ушала спокойно оглянулась и бросила корни трамы себе под лапы.

— Львица, — кратко обратилась к ней молодая.

— Что?..

Когда Ушала спрашивала, то Ваалу-Нирзая чуть пригнулась, а потом снизу дерзко и коварно бросилась к шее Ушалы.

Ваалу-Нирзае почти не помогали. Лишь один из львов не очень смело придерживал Ушалу сверху. Дело в том, что среди Ваал-сунгов ходило стойкое, небезосновательное поверье, что простому льву или львице нельзя убить шаманаю без последствий. После этого обязательно заболеешь, или дети будут уродливы, либо буйвол на охоте спину перебьет. Это лишь Ашаи, как говорят, «ходят под Ваалом», а потому им ничего не будет. Если сестра Ашаи-Китрах убьет шамани, то ей это сойдет с лап. Остальным надо быть осторожными с этим. Именно поэтому очень часто, поймав шаманаю, львы сами ее не убивают, а с опасением отдают это дело в лапы Ашаи-Китрах.

Ушала сильно уцепилась когтями в бока Нирзайи. После того, как Ушала перестала шевелиться, у Ваалу-Нирзайи на долгую-долгую память остались глубокие, рваные следы, которые со временем превратятся в шрамы.

— Нирзая, да ты сушая лютость, — сделал комплимент старейшина.

— Знаю, — ответила Нирзая, тяжело дыша.

Ей тут же зализали рваные раны. Медлить нельзя: нужно немедленно возвращаться домой, чтобы обработать эти раны кири — особым вязким, густым раствором, который умеют делать Ашаи-Китрах для заживления ран.

По дороге обсуждали:

— Эта Ашаи далеко пойдет.

— Ученица. У нее испытание. Рвет и мечет.

— Говорят, у нее сама Мать — Испытующая.

— Ого...

В Хустру, прослышав о ее поступках, Нирзаю пришел проведать сам муганг, а также все местные Ашаи. Они, обработав раны, уложили ее отдыхать.

Она всех безустанно спрашивала, скалясь от острой боли:

— Как думаете, прошла? Справилась? Как думаете?

Все уверяли, что так ярко испытание, наверное, еще никто не проходил.

— Сразу можешь стать старшей сестрой, — шутили Ашаи.

Наступил вечер, и Ваалу-Нирзая уснула.

Она запомнила этот сон на всю жизнь. Ни до, ни после ничего подобного ее душе не снилось.

Снилась та самая шаманая, которую она убила. Только теперь не были они врагами, а просто беседовали, забывшись. О чем? Да о всём на свете, как старые подруги. А потом шаманая спросила: «Отчего ты убила меня?». Не умоляя, не отчаяваясь. Просто спокойно спросила: «Отчего?». Для какой цели? В чем смысл? Ваалу-Нирзая разъярилась, вспомнив всё, и хотела было ответить, но слова как-то пропали: ответить было нечего. Просто нечего. Нирзая если и знала ответ, то забыла. Заметавшись, она зарычала; сон из благостного превратился в какую-то темную гнусность. Ваалу-Нирзая во сне очнулась, опомнилась. Наставницы учили ее «летать в мире снов», «вершить снохождение»; это умение, дарованное для Ашаи самим Ваалом, ценилось превыше всего. Нирзая поняла, что это злобные силы шаманай стараются проникнуть в ее душу, посеять сомнение и смуту, а потому решительно проснулась.

Помолилась Ваалу.

— Храни меня, о Ваал, твою верную, твою преданную, твою служащую... — закончила она молитву.

Это успокоило, Нирзая спокойно растянулась, поморщившись от боли.

Рядом, но на вежливом расстоянии, спал какой-то молодой лев из Хустру, что был вчера в ее группе. Нирзая даже не помнила его имени. Молодая львица, что только-только стала хаману, всегда вызывает живейший интерес у самцов: все ринасу просто забрасывают такую вниманием, комплиментами, ухаживаниями. Вот и этот вчера неустанно находился рядом, заботился о ней, раненой, иногда надоедая слегка навязчивым присутствием.

Надеется.

«Ну и пусть. Помучаю его», — решила она. — «Пусть себе попрыгает».

Но всё равно — как-то неуютно.

Потом Нирзая вдруг перевернулась на спину и посмотрела на звездное небо. И тихо спросила:

— О Ваал, сейчас мы убиваем ради тебя, и непрестанно идем к нашей цели. Я знаю, что это — в твою славу, и такова твоя воля. Но, не сочти слабой свою жрицу Ваалу-Нирзаю... О, Ваал, такого ведь не будет в Нахейме? Правда?

**

Сэнзалли, Ману, Нихмуд, Сарнисса и Хизая полночи скрывались на землях Йонурру, иногда находясь в опасной близости от самого прайда. Таким образом, Ману и Хизая решили выведать как можно больше; тем не менее, эта смелость не принесла существенного результата. Всё, что они узнали — во прайде Йонурру примерно четыре десятка голов, не считая детей.

Кстати, львят во прайде оказалось очень мало, да и те что были — уже весьма рослые. Дело в том, что всех маленьких отправили на попечение в центральные прайды: это у Ваал-сунгов самое обычное дело.

Также стало понятно, что у Йонурру дела с пропитанием обстоят весьма неважно. Ману сделал предположение, что так у всех вольсунгов:

— Они живут очень плотно, слишком плотно. Ясно, что они всю добычу съедают, а еще живая — убегает.

Нихмуд заметил:

— Наверное, любая земля, по которой они идут, становится пустошью. Теперь понятно, почему они кочуют туда-сюда.

Сэнзалли непрестанно твердила:

— Мы так ничего интересного не узнаем и зря рискуем. Кроме того, меня могут ощутить. Здесь повсюду эти Ашаи.

Кого-кого, а ее в трусости обвинить нельзя, потому Ману еще до рассвета решил уходить с этих земель домой. Но домой нужно возвращаться через Регноран, ибо, судя по всему, этот прайд первым подвергнется нападению. Обсудив это, все резонно решили, что нужно идти в тот союзный прайд, который ближе. Ведь и Делванни, и Регноран — в опасности.

— Нужно идти в тот, который ближе. В Регноран, то есть, — так заключила Хизая. — А из Регноран в Хартланд ближе, чем из Делванни. Верно, Сэнзи?

— Да.

— Вот. Потому так будет лучше.

Но прямого пути отсюда в Регноран никто не знал. Да и как мог знать? Поэтому решили сделать так, как предложила Сэнзалли:

— Идем прямо на запад. Выйдем на наши северные охотные земли. Туда и регноранцы, и мы часто ходим на длинную охоту... Я хорошо их знаю. Оттуда вы по тропе пойдете в Регноран, на север, а я пойду в Делванни, на юг. Вы предупредите регноранцев, а я — своих.

Идея была вполне хорошей, но Ману начал протестовать:

— Но как мы тебя саму пустим... Я не могу тебя бросить.

— Ману, я смогу за себя постоять, поверь.

Все, кроме сына конунга, засмеялись.

— Не беспокойся, у меня есть опыт. Я умею ходить сама, — старалась уверить его Сэнзалли.

Молодая шамани имела в виду, что не раз делала походы самостоятельно, но прозвучало это, как сарказм. Потому Сарнисса, Хизая и Нихмуд засмеялись снова.

— Ладно. Это разумно, — согласился Ману, вздохнув.

Потом случайно встретили свободную львицу, которая непонятно как оказалась в такой опасной близости от вольсунгов. Она не могла быстро от них удрать: возле нее было двое львят.

Она была обычной и самой типичной свободной львицей, у которой есть дети: средний возраст; тощее тело; усталые, недоверчивые глаза; посеченные мелкими царапинами лапы; обязательный большой шрам на теле, полученный на охоте; грязный, непонятный окрас шерсти; неразговорчивость.

— Не трогайте меня, — сразу предупредила. — Тогда я не трону вас.

— Как тебя зовут? — спросил Ману.

— Имра́. Давайте я пойду, и вы меня не будете трогать.

— погоди, я только кое-что спрошу, — побежал за убегающей матерью Ману.

Та остановилась, понимая, что убежать не сможет, и лишь ближе придвинула к себе детей.

— Говори, и тогда мы ничего не сделаем твоим львям, — вышел вперед Нихмуд, пугая своими размерами.

Ману зло покосился на него, но не сделал замечания. Всё-таки сведения ценнее, чем переживания этой никому не известной Имры. Кроме того очевидно, что Нихмуд на самом деле ничего им не сделает. Обидеть свободную львицу с львятами всегда считалось в Союзе бесчестным поступком, тем более для льва.

Та зарычала, воспринимая угрозу реально.

— Скажи, пожалуйста, — вежливо обратился Ману, — ты давно на этих землях?

— На каких «этих»?

— Где есть вольсунги. Слышала о таких?

Имра сразу поняла по разговору, по виду, по повадкам, что перед нею — союзные львы: молодость она провела на южных границах Союза.

— Будь они прокляты. Я иду с юга. Они просто повсюду, как термиты. Раньше их не было, а теперь их тут полно. Придется идти на север, через горы.

Ману подошел еще чуть ближе и приложил лапу к груди:

— Ты что-то знаешь о вольсунгах?

Львица помотала головой:

— Ничего. Кроме того, что они повсюду, и жрут всю добычу.

— Они тебя не трогали?

— Встречалась. Не тронули. Но прогнали. Отпустите меня... У меня больное дитя... Отпустите, — вдруг взмолилась она.

— Ладно... Ступай, — не посмел большее держать Ману.

— погоди. Расскажи нам еще что-то. Всё, что видела. Что знаешь. А я помогу твоему львенку. Я — шамани.

Это сказала Сэнзалли. Пока Имра и Ману беседовали, она каким-то ловким образом оказалась слева от нее, почти рядом. У Имры забегали глаза. Она прижала уши и сузила взгляд. Видимо, размышляла, что ответить. Наконец, выдала:

— Ничего, он сам оклемается.

— Я посмотрю, не бойся, — мягким тоном молвила Сэнзалли.

— Он не болен. Я обманула. Я всем так говорю, чтоб отпустили.

Скорее всего, Имра хорошо знала, что шамани умеют чувствовать ложь. Поэтому решила не рисковать и сразу признаться.

— Тогда просто скажи нам что-то еще... И мы уйдем.

— О вольсунгах?

— Да, — кивнула Сэнзалли, жалея ее непростую жизнь.

Имра посмотрела на каждого, причем с вниманием, граничащим с неприличием.

— Бойтесь их. Они злобные и чем-то одержимые. Будете теперь иметь веселых соседей.

Замолчала.

— Ну, я пойду?

— Хорошо. Иди с миром, — сказал ей Ману, и львица тут же, схватив одного львенка в зубы, ушла прочь. Второй поспешил за мамой сам.

Группа ушла из земель Йонурру.

— Это Большой Маар, — сказал Ману, когда они вышли к реке.

Сарнисса, прежде чем пить, понюхала воду и зачем-то потрогала водную гладь лапой:

— Здесь он еще маленький.

Сэнзалли по грудь зашла в воду:

— Маар чистый, можешь не нюхать.

— Ой-ой, будешь мне говорить, что делать, — вдруг огрызнулась разведчица Иллари. Капли брызнули от нее.

— Не будь противной, Сарнисса. Не будь, — устало молвила Хизая. — Ману, скажи ей что-то.

Ману тоже устал. Устал от всего. Потому лишь сказал:

— Сарни.

— Да?

— Что-то.

Хизая с укоризной посмотрела на Ману. Сын конунга понял, что поступает не так, как ему положено по статусу, потому как-то виновато добавил:

— Сарнисса, живи с другими мирно. Честное слово, это проще, чем ругаться, как попало.

— А разве я ругалась? Я просто защищаю саму себя, — возразила темная львица, вздернув подбородок.

— В каком смысле?

— Почему она говорит мне, что делать? Я ведь не говорю Сэнзалли, как стоит поступать. Или она считает себя лучше и умнее?

Повисла тягостная тишина.

— Сарни, ты смелая, но глупая. Странное сочетание, — сказал Нихмуд. Судя по всему, он не шутил. — Она ж тебе просто посоветовала...

— Отнюдь. Любое общение — это борьба двух «Я». Кто уступит, тот и проиграл. Сэнзалли молвила: «Зачем ты пробуешь, воду можно пить». Желала сообщить: «Я знаю лучше. Потому умнее тебя».

— Так можно что угодно притащить за уши, — повел ушами Нихмуд.

— Верно. Потому что любое общение основано на этом. Нужно понимать скрытый смысл, — сверкающие капли стекали с подбородка Сарниссы.

— Скрытый смысл? — наконец, озвалась Сэнзалли, до этого молча наблюдая происходящее. Она по-прежнему стояла по грудь в воде, уцепившись когтями в каменное дно — ведь сносило течением.

— Да, Сэнзи. Скажи мне, ты честна с собой? — быстро спросила Сарнисса.

Сэнзалли немного подумала.

— Это одна из основ пути шамани: быть честным с собою.

— Скажи мне, разве я не права? Разве общение — не драка? Разве тебе действительно было безразлично, как я пью воду?

— Так, снова эти глупости... Успокойся ты, наконец! — строго сказала Хизая.

Шамани вышла из воды, отряхнула лапы и села напротив Сарниссы. И тут же молвила:

— Слушай сюда: я тебя ненавижу.

— Что-что? — презрительно молвила Сарнисса.

— Какой скрытый смысл ты видишь в этих словах? Он есть? Есть или нет?

— Его нет. Ненавидишь — ну, и ненавидь себе дальше. Я не боюсь тебя. Не боюсь твоих сил. Я никого не боюсь.

Они сидели друг напротив друга, и мягкость Сэнзалли отражала агрессивную готовность Сарниссы.

— Вот видишь. А ты говоришь, что все слова имеют скрытый смысл. Иногда слова есть чисты и понятны. Они ближе всего к намерению.

— Это не меняет сути. Ты призналась, что ненавидишь меня.

— Это был пример. Мне нету резона ненавидеть тебя. Скорее, наоборот — я думала, что мы сестры по крови Союза.

Сарнисса смолчала.

— Ты проиграла. Сначала ты сама себе поставила правила игры. Потом следовала им. Потом проиграла. А я всего-навсего хотела сказать, что вода чиста. Ибо мой долг — говорить такие вещи. Заботиться о здоровье, о воде, о жизни... Не дать кому-то напиться плохой воды.

— Я не проиграла. Я никогда не сдамся, до последнего вдоха.

Сэнзалли подошла к ней, глядя глаза в глаза. Сарнисса смело и гордо выдерживала этот взгляд; Сэнзалли не крупная львица, но та еще меньше, потому смотрела чуть снизу вверх, слегка прижав уши: знак недружелюбия и неприятия.

— Я знаю, — вдруг ответила шамани. — Ты действительно не сдашься. Я вижу это.

— Так... Мы все устали, я понимаю. Заканчивайте эти глупости, иначе разозлюсь, — подошел к ним Ману.

Они не обратили на него никакого внимания.

— Ты привыкла к враждебности и тяжести мира. Твое детство было ужасным.

Львица Иллари угрюмо ответила:

— Что было, то ушло.

— Всё, успокойтесь! — настойчивее сказал Ману, опасаясь за свой авторитет предводителя группы.

— Ладно. Прости, — внезапно сказала Сарнисса, причем так, что сразу стало понятно: она действительно просит прощения.

Они обнялись.

Неподалеку от реки они улеглись на отдых. Хизая и Сарнисса разместились в тени густых кустов; уже начал доносить голод. Ману и Нихмуд сказали, что пойдут осмотреться и заодно что-то поймут, если повезет.

— Ну, идите-идите, охотнички, — иронично сказала им вослед Сарнисса.

Сэнзалли куда-то ушла. Говорила, что уйдет недалеко, но кто знает...

Оставшись наедине, Хизая и Сарнисса принялись болтать.

— Что ты так оскалилась сегодня на Сэнзалли? — недовольно спросила Хизая.

— Так... Устала.

Хизая — львица строгих правил. В молодости она подчинялась старшим; теперь же она чувствует себя вправе отчитывать младших. А дерзость Сарниссы всегда удивляла и злила ее. Как это так? Жить нужно строго и скромно. Это знает каждая душа Велари. А тут — не поймешь что!

— Не делай такого. Она ж не абы кто, — сурово молвила она.

— Это так, вырвалось. Не будем об этом, — смотрела Сарнисса по сторонам.

— Хорошо. Я рада, что тебе, пройдохе, хоть за что-то стыдно.

— Я так понимаю, они с Ману уже вместе, — сменив тему, осторожно заметила Сарнисса.

— Ну, у них еще такой период... Осторожности, робости, знаешь. Но, по всему — да.

— Эхе, — вздохнула Сарнисса, причем так двусмысленно, что это могло значить что угодно.

— И я очень рада, что у них всё получается, — утверждающе сказала Хизая, стараясь рассеять всякое сомнение в себе, и в ней.

— Смею спросить: почему? — гладила себя по шее Сарнисса, мечтательно глядя на юг.

— Что «почему»? Как почему... Во-первых, всегда приятно посмотреть на молодую пару. Но это такое. Во-вторых, Сэнзалли — просто идеальна для него. Он будущий конунг, понимаешь? А она — молодая шамани, его возраста. А в Хартланде уже давно нет шамани, что очень плохо, скажу тебе... А тут сразу приходит, да молодая, да еще львица конунга! Причем она настоящая шамани — мы имели возможность убедиться.

Хизая перевела дух, и подытожила:

— Нет, для него это — самое лучшее. Лучше он в Союзе не найдет. От добра добра не ищут. Сейчас всех нас ждут непростые времена, и как знать, что будет дальше. Сэнзи будет советовать ему, что да как, помогать и всё такое. За видным львом всегда есть умная львица... Союзу нужна такая пара. Это очевидно.

Свежий ветер, что донес запах воды, сухих трав и цветов саванны, обласкал шерсть Хизай. Ей стало приятно от ощущения, а вместе с телом растаяла и душа, потому дальше она говорила со светлой грустью:

— Я бы с таким удовольствием посмотрела, как он станет правителем... Нет, обязательно посмотрю. Нарочно пойду в Хартланд. Он и она на этой скале, знаешь, в Хартланде... Ну знаешь, та скала конунга. Молодые, красивые — и вместе. Мрррр... Если это будет так, то эту пару полюбит весь Союз. Может, хоть тогда мы все воспрянем.

— А что, сейчас все приуныли? — Сарнисса хотела спросить это смешливо, но этого не получилось. Получилось серьезно и темно.

— Союзу давно нужна встряска. Свежая кровь, новый дождь. Понимаешь? Сэнзалли умна, очень умна. Я с нею беседовала — исключительно вежлива и приятна в разговоре. Мягкая такая, ненавязчивая. Да и не странно: считай, чтобы ухватить всё это знание шамани, нужно быть умной. Это ж ясно.

Хизая подумала о том, что это очень интересно — быть шамани.

— Очень жаль, что ей придется идти к себе в Делванни. Намного лучше, если Ману заберет ее за собой сразу в Хартланд. Им сейчас нужно постоянно находиться вместе. А в Хартланде его отец посмотрит и поймет, что именно такая львица нужна Ману. Я уверена, он будет от Сэнзалли в восторге.

Сарнисса прилегла на траву, растянувшись во всю длину. Потом перевернулась и растянула лапы, выпустила когти. А Хизая всё говорила, и больше для себя, чем для нее:

— Главное ему — не наглупить! Вот. Я, знаешь, успела немного изучить характер Ману. Толковый он, очень неглупый, справедливый. И вроде решительный. Не боится, драться умеет — ты видела... Но вместе с тем у него есть эта... какая-то мягкость что ли, совершенно лишняя нерешительность. Он словно до конца не верит самому себе.

— Это как? — подняла голову Сарнисса, чтобы посмотреть на Хизаю.

— Сложно объяснить, ну...

Львица Иллари махнула лапой:

— Да нормальный он. Вполне очень даже.

— Я не говорю, что он ненормальный. Ману тщательно всё скрывает. Но это есть.

— Мне кажется, ты выдумываешь. Нужно смотреть, что лев делает. А делал он всё хорошо.

— Может быть... Слушай, Сарнисса. У меня идея.

— Какая?

— Давай ты вместо Сэнзи пойдешь к делваннийцам. Расскажешь им всё, как есть.

— Я дороги не знаю, — тут же ответила львица Иллари, беспокойно зашевелившись. — Кроме того, а что потом? Сейчас всё понятно: я должна вернуться в Хартланд, а потом — как скажет конунг. А тут получится непонятно что. Я отказываюсь.

Она помолчала.

— Кроме того, Ману говорил, что отец запретил ему предупреждать прайды.

— Слушай, мы ведь это уже обсуждали. Предупредить прайды нужно! — вспыхнула Хизая.

— А как же указание конунга? Это что, просто чих, который можно пропустить меж ушей? — правильное резонерство от Сарниссы звучало смешно.

Хизая непонимающе уставилась на нее:

— Чего ты споришь? Ты ведь была согласна!

— Но всё же. Может, Умтай что-то знает?

— Конунг ничего не знает. Именно поэтому мы тут все лапы исцарапали! Он просто не понимал всю опасность!

— А мне кажется, понимал, — Сарнисса плюхнулась и продолжила валяться.

— Тогда почему распорядился ничего не говорить прайдам?

— Хороший вопрос. Мне кажется, потому, что он им не верит.

Хизая долго не отвечала.

— Делваннийцам и регноранцам?

— Да-да-да, — мелодично протянула Сарнисса, словно соблазняя льва, а не беседуя со львицей.

Хизая повела ушами:

— Почему?

— Делваннийцам он не верит вообще. Он боится, что они или разбегутся, или предадут, или вытворят какую-то глупость. Это исключительно тупой прайд.

— Не говори так, — не очень уверенно сказала львица Велари.

— Хизая, мы говорим начистоту, или нет? — смешливо хмыкнула Сарнисса.

— Ладно... Но Сэнзалли — из Делванни.

— Это ни о чем не говорит. Я согласна — она крутая. Таких не хватает. Но она — просто очень большое исключение.

— Хорошо, но регноранцам не верить глупо. Те всю свою жизнь только то и делают, что грызутся со северняками. Им опыта не занимать.

— В том-то и дело. Умтай тут боится другого. Он боится, что регноранцы сразу бросятся в бой. И сгинут в нем, понятное дело — вольсунгов всё равно намного больше.

— Если так рассуждать, то мы все сгинем только потому, что вольсунгов больше, — с неверием молвила Хизая, отвернувшись в сторону.

— Вот именно. Потому Умтай, по сути, желает одного. На самом деле он хочет договориться с ними. Я не знаю, как. И не могу знать. Но конунг не настроен драться. Прискорбно, Хизая, но так. Потому он хочет, чтобы ни Делванни, ни Регноран ничего не предпринимали сами. Туда уже точно пришли посыльные с распоряжением ни в коем случае не дергаться. А сидеть и ждать.

Хизая молчала-молчала, а потом начала понимать.

— Ты всё это серьезно? — задала вопрос, хотя и понимала, что Сарнисса не шутит.

— Совершенно.

— Это очень плохо. Договор с вольсунгами может очень плохо кончиться, — тяжело вздохнула львица Велари, враз почувствовав неуютность. Покинутость. Легкое ощущение безнадежности.

— А договора и не будет. Когда вольсунги начнут кромсать Делванни и Регноран, тогда конунг очнется. Тогда все поймут, что надо драться, — с каким-то остервенением сказала Сарнисса, словно стараясь убедить сам мир в этом. Потом глянула на Хизая: — Только не говори этого Ману. Если он знает больше нас, то ему этого не нужно. Если он знает меньше нас, то тем более.

«Не надо падать духом», — помыслила себе Хизая.

— Это не знание. Это догадки, Сарни. Умей отличать первое от второго.

Сарнисса взмахнула хвостом.

— Хм. Ты так сама до всего додумалась? — задумчиво спросила Хизая.

— Нет. Мы говорили с Нихмудом.

Хизая устала думать о будущем. Оно ее не радовало. Хотелось отвлечься.

— Да, кстати... У вас с ним что-то есть? — равнодушненько поинтересовалась Хизая.

Сарнисса засмеялась, будто собеседница сказала большую глупость.

— Ой, фу, он не в моем вкусе. Он там ко мне приставал, но ему я дамся лишь тогда, когда он будет последним львом в мире.

— О предки, Сарнисса, не будь такой пошлой. Я спрашивала о...

— Хизая, ну честное слово, мы ведь знаем друг друга не первый день. И кое-что уже успели пережить.

— Ладно, пусть так, но... — повела ушами Хизая, но была перебита:

— Кроме того, посмотри на него, и посмотри на меня. Этот толстяк же меня просто раздавит и не заметит!

Хизая привстала:

— Сарнисса, ты снова о своем! У тебя всякий разговор сведется к одному, вот честное слово.

— К чему сведется? — с озорством спросила та.

Хизая беспомощно оглянулась, словно ища того, кто угомонит эту молодую львицу.

— Сама знаешь, к чему! — нехотя бросила слова.

— Ну, скажи это, — улыбалась во все зубы Сарнисса. Но мило.

Чувствуя робость, прямо как маленькая, Хизая отворачивалась:

— Что говорить, сама понимаешь.

— Ну, давай, скажи это слово. Давай, ты можешь.

— Что я должна говорить?

— Ты, опытная львица, разведчица Велари, у тебя есть дети — и ты боишься одного слова?

— Не боюсь я слов. Слова — пыль, — сказала Хизая, и тут же посмотрела в сторону.

— А мне его сказать ничего не стоит. Ха!

— О предки, ты ужасна, Сарнисса. С тобой впору прикрывать уши лапами.

Сарнисса и далее себе растянулась на травке.

— Уж как есть. Я порочна, не скрываюсь, — взмахнула хвостом.

— Мы воспитаны по-разному. У тебя воспитания не было. Я же — дочь строгости Велари. И, к тому же, старше тебя. А ты, так... Росла, как хотела.

— Глупо меня в этом винить, — молвила Сарнисса, трогая лапой какой-то цветочек. — Кроме того, терпеть не могу ханжества. Этой болтовни о приличиях и мнимой чести. Жизнь должна быть простой, сильной и красивой. И в том, что лев и львица могут подарить другу нежность, нет ничего плохого. Я что, неправильно говорю?

Хизая не нашла, что возразить, потому лишь махнула лапой.

— Ладно, — топнула по земле левой лапой, повторяя охотничий жест «Стой!». — Хватит, пора отдыхать.

— Надо дождаться наших.

— И так найдут, — молвила Сарнисса, зевнув, и тут же провалилась в сон.

Ее умение мгновенно засыпать просто изумительно.

Сэнзалли ушла прочь, вниз по течению Большого Мара, чтобы найти уединение. Найдя укромное место, она села у берега и начала смотреть на воду, глубоко вдыхая и выдыхая. Она хорошо ощущала каждый свой вдох, и он сопровождался горячим теплом, что шло от скул к груди; от каждого выдоха она ощущала волну колючей воды, что растекалась по всему телу.

Вода очень легко уносит душу, потому Сэнзалли сразу же очутилась в *сновидении*. Входить в сновидение, наблюдая текущую воду — прием учениц, ибо это легко; крайним его недостатком есть суть то, что контроль в таком сновидении очень слаб. Куда унесет, там и очутишься. Можешь очутиться во втором теле в родном мире; можно очутиться в сознании среди фантомов собственного ума, что и есть обычный сон с его нелепостями и причудливыми сплетениями; а можно попасть в другие миры.

Но Сэнзалли сегодня желала именно так.

Иные миры вообще сложно описать. Практически невозможно: язык предназначен для описания знакомого, домашнего мира, для описания общего опыта. Всякая настоящая шамани путешествует по ним (кто редко, а кто почти каждый день), но если ее спросить, что именно она там видит и слышит (если вообще применимо говорить в таком случае «видеть» и «слышать») — в ответ будут лишь длинные, сбивчивые, пространные, непонятные рассказы либо же неловкое молчание, загадочный взгляд, вздох легкой печали в тоске за бесконечным и неизбывным.

Шамани видят разное. Есть туманный, «медленный» мир. Там пустынно, хотя пейзажи почти такие же, как в родном. Есть черный мир, в котором нет ничего живого; из него можно выносить всякое знание и умения ценой гадкого самочувствия. Есть мир, который сплошь состоит из пещер и туннелей. Есть светлый, мягкий, величественный мир, полный оттенков серебристого и белого, и чаще всего в нем живут всякие существа, которые, принимая облик прекрасных львов и львиц, любят поведывать попавшим сюда шамани разные мудрые вещи (а иногда — сущую бессмыслицу).

Каждой шамани доступно не так уж много миров. Очень часто описания различаются, но каждое из них по-своему верно.

И у каждого и каждой из шамани рано или поздно возникает вопрос: а как всё *на самом деле*? Где та истина, на которой можно остановиться? Миры эти внутри меня? Или они реальны? В чем суть?

А мир вокруг — тоже реален?

В этом шамани тоже сомневаются. Пока не укусит крокодил, конечно.

Тогда, естественно, мир очень реален.

И рано или поздно все они приходят к выводу, что сами по себе вопросы, по сути, неважны, не имеют смысла. Ведь всё, что в конечном счете есть у живого существа — это осознание. А откуда именно эти миры врываются в него — изнутри или снаружи — вторичный вопрос. И то он имеет смысл, если знать эти слова: «внутри» и «снаружи».

Если не знать их, то всё едино и целостно.

Смешная ирония: прожить целую жизнь борьбы лишь для того, чтобы узнать: твои вопросы не имели смысла.

Вопросы не имели смысла, но сила всегда имеет свой вечный смысл, который ясен без слов: она должна вырываться и течь.

А хозяйка силы может лишь направлять этот поток, и чем он стремительнее, тем это сложнее.

Сейчас Сэнзалли, как и положено, получила сумбурное и полное странности *сновидение*; наверное, кто бы ощутил такое в первый раз, вполне бы мог с непривычки сойти с ума. Но Сэнзалли, конечно же, не сойдет с ума: ее контроль уже неплох, у нее уже есть воля.

В итоге всего Сэнзалли наблюдала, как мерзкая гиена (наверняка какая-то мелкая сущность, принявшая облик гиены — в сновидении всяких сущностей полным-полно, иногда даже можно встретить сестру-шамани, и даже брата-шамани) грызла светящуюся ветку, на которой она лениво лежала, свесив лапы.

— Что ты делаешь? — без слов спросила шамани эту гиену.

— Грызу ветку твоего мира! — залихватски ответила та, брызгая светящейся слюной.

— Мир — не эта ветка, дурень.

— Ветку твоего мира грызу, дура! — пребывая в радостном безумии, работала гиена зубами.

— Грызи-грызи, мелкий. Это — не мой мир. Я свалюсь и попаду к себе домой, в нижний. Вот там — мой дом. А оттуда уж некуда падать.

— Верно! Но эта ветка — тоже твоя! Ты на ней сидишь! Сидела! — гиена перекусила ветку, раздался треск, и Сэнзалли, пролетев сквозь сверкающую пустоту вверх и назад, действительно очнулась на берегу реки. Вздрогнула, отдышалась, успокоилась сердцем.

Уже почти ночь. Последние лучи солнца еще пытаются сделать закат багровым. «Ах, проклятье. Говорила ж мне Ушала: не следует там с мелочью всякой беседовать. Зря болтала с гиеной».

Поднялась, осмотрелась. Стоит пойти к своим и поспать.

«Грызла ветку мира. Ветвь мира... Древо миров. Я сказала, что упаду вниз и попаду домой... Ха-ха, надо же».

В *сновидении* всегда есть парадоксальность мышления и возникает приятно-странное сочетание слов.

«Что ж получается: есть древо миров, и этот мир — основа всех? Корень? Хм... Нет, вряд ли. Скорее, так мне кажется. Он для меня — главный, в нем мое тяжелое, брненное тело, мой дом на четырех лапах, а потому и кажется мне основой. Ха-ха», — собственная яркая догадка развеселила ее.

«Пойду и лягу рядом с Ману. Пусть обнимет. Если хочет. Да ладно... «Если»... Хочет. Как ведь смотрит. Не смотрит — ест глазами. И я хочу. Решайся, Ману. Я не кусаюсь. А если кусаюсь, то чуть-чуть...».

Подошла к воде; слишком темно, луна убывает, потому очень сложно себя увидеть. Но всё равно смотрелась на себя то так, то по-другому.

«Эх, жаль, нельзя на себя со стороны поглядеть. Или появилось бы что-то... такое гладкое-гладкое. Чтобы взглядеться в самую себя четко и хорошо. Но ничего. Говорят, что красива. Раз так, то так».

Капризно взмахнув хвостом, Сэнзалли отошла от воды и по запаху нашла своих. Она, конечно, при этом втягивала воздух, принюхивалась, и невольно морщилась:

«Вот чего мне сущность сегодня пришла в виде гиены — здесь повсюду их вонь».

И правда, воздух наполнен легким следом этого сладковато-мерзкого запаха. Хотя обычно гиены не любят жить возле воды.

«Наверное, тут у них водопой».

Сэнзалли нашла своих и улеглась возле Ману. Спать как-то не хотелось, хотя за день было пройдено и пережито порядочно. Смутная тревога не давала покоя.

«О какой только чепухе мы думаем лишь для того, чтоб не вспомнить о главном», — смотрела шамани на спящего Ману. — «Когда придут вольсунги, то жизнь никогда не будет такой, как прежде»

**

Всё как обычно: проснулся, зевнул, перевернулся набок. Снова немного полежал. Отвратительное состояние: встать неохота, спать тоже.

У Ману с детства плохой сон. Всегда он чуток и неважен. Любой шум — изволь проснуться; заснуть — нужна почти вечность. Он и сам не понимал, почему так. «Всё-таки спрошу у Сэнзалли», — решил он, поднявшись. Осмотрелся. — «Кстати... Где она?».

Пошел к воде. Попил, заметил ее следы, что шли по берегу, вниз по течению; Ману уже прекрасно знал следы Сэнзалли, и помнил ее запах. Рассвет только наступил, все остальные еще спят — куда ей так рано идти? Ману пошел в след, осматриваясь.

Идти пришлось недолго: он услышал рычание, которое ни с чем не спутаешь: сдавленное, приглушенное, даже глухое. Это гиены.

Как и любой лев, Ману просто кровью, инстинктивно их ненавидел. Бросившись вперед, заметил, что гиены собрались кружком; из-за дерева ему плохо видно, вокруг чего именно. Когда, рыча, подбежал, то испугался и взъярился одновременно: гиены, задрав головы, собрались вокруг Сэнзалли. Она не стала играть в пустой героизм и просто заскочила на дроматию, благо, ее ветки оказались достаточно низко и выдерживали вес. Там она и засела, весьма спокойно наблюдая злобу падальщиков. Они не решались пробраться к ней, она не желала к ним спускаться.

Гиены очень испугались неожиданной поддержки: в них сидит глубокий страх перед львом, много больший, чем перед львицей. Львица никогда не убьет просто так, а только если ее сильно достать; лев же может гоняться за твоей смертью для развлечения.

Когда все гиены разбежались, Ману посмотрел на Сэнзалли, что продолжала сидеть на дереве.

— Ты как?

— Неплохо, — весело ответила Сэнзалли.

Он еще раз обернулся вокруг.

— Слезай, они не вернуться.

— Ладно, — с мягкой покорностью ответила молодая шамани.

— Гиены. Возле воды. И такой кучей. Странно.

Сэнзалли брезгливо отряхнула лапы, будто вступила в холодную воду.

— Их наверняка согнали вольсунги. Они голодные и злые. Видимо, так озлились на всех нас, что едва завидев, решили меня убить, — повела ушами и улыбнулась.

— Слушай, тебе нужно было их ужаснуть, как этих... Помнишь?

Сэнзалли засмеялась.

— На них это мало подействует. У гиен ведь иные души.

— А что, у гиен есть душа? — с большим интересом спросил Ману, встав бок о бок с нею.

— Живые ведь, — Сэнзалли удивленно смотрела на него. — Значит, есть.

— Аааа...

— Теперь мне никуда не деться от слов благодарности. Спасибо тебе, мой спаситель.

Извечный сигнал всех львиц Союза, и не только. Маленькое слово «мой», услышав которое, можно позволить себе гораздо больше, чем кажется.

Вдруг Ману близко, очень близко подошел к ней. Не зная и не умея, как выразить свое спонтанное и сильное чувство, он потерялся щекой о ее шею и очень легко, робко дотронулся до плеча.

Сэнзалли показалось, что она целую вечность обдумывает, говорить ли такое:

— Ману... Что ты делаешь... — наконец, молвила так, чтобы у него не возникло ни малейшего желания прекратить: томно, с придыханием, с обреченностью самки в голосе. Хотя он, по сути, пока еще ничего не делал, но эти слова были знаком: «пора».

Ману впал от них в щемящую, рвущую на части тревожность. Он понял, что Сэнзалли не ждет от него простого поцелуя и не хочет просто покоиться в его объятиях. Она ждет намного большего; но суть в том, что он никогда не делал этого со львицей.

Никогда.

Хотя всем рассказывал подходящие сказки.

Сложно понять, почему всё получилось так трудно: то ли из-за воспитания, то ли характера, то ли еще чего. Он у матери всегда был «вежливым», «примерным». Он в детстве никогда не обижал маленьких львиц. Он заступался за них, помогал им. Ману всегда был таким, как надо другим; все львицы, с которыми ему доводилось иметь легкие, нежные отношения, находили его очень внимательным и милым. Это сыграло с ним какую-то злую шутку, неприятную шутку: он боялся насилия над львицей, принуждения, ее обиды. Ману желал полного согласия. Но это невозможно без напора самца, без сдачи самки. А потому порочный круг кусал за хвост сам себя.

Он всегда боялся, как именно и когда наступит тот самый момент, когда «можно». Мгновение назад было еще «нельзя», но еще чуть — и «можно». Ману очень боялся этого «нельзя», этого отказа. Вообще много чего боялся, не знал. Самое главное — такому не научишься, пока сам не попробуешь. И этому никто не научит. Замкнутый, глупый, бессмысленный круг.

Она прижалась к нему, ушко к уху; в этом было нечто очень волнующее, томное и возвышенное. Ману и сам захотел сделать нечто такое, отчего Сэнзалли пришла бы в восторг; но так сложно и одновременно просто угадать, что угодно чужой душе. Он, раздираемый мыслью и обжигающим желанием, поцеловал ее шею.

— Ману... — Сэнзалли высоко подняла голову в знак притяжения такой нежности. У нее нету желания играть сегодня в убогалки. Не хочется никуда убегать. Пусть будет так...

Сэнзалли в полном смысле этого слова не влюбилась в Ману. За это короткое время она, скорее, приняла его и привязалась к нему. Между ними не было большого, глубокого чувства, но была нежная, трогательная интрига. Сэнзалли охотно шла навстречу, хотя Ману не замечал; она желала убедить себя, что на свете есть любовь и нежное чувство, что в мире есть место без низкого предательства. Она хотела по-

скорее доказать себе, что ее могут любить искренне и безнадежно. Сэнзалли желала отдаться тому, кого примет без остатка, а не сделать это потому, что так надо, как раньше; а, тем более, очень боялась снова пасть жертвой чужой жестокости.

Она боялась, что никогда больше не сможет никому полностью отдаться, ибо раньше с нею произошло ужасное; часто после такого львицы кончают со своей жизнью. Сэнзалли очень желала развеять эту неуверенность. Также закралось, как охотница в ночи, живое опасение, что впредь она будет забирать силы у льва безо всякого ритуала, но к ней пришло безмолвное знание, что эти опасения напрасны.

Он ощутил нечто необычное. От ее тела словно исходили небольшие, невидимые и очень приятные волны тепла. Ее мурлыканье заполняло все уши. Двигалась она очень плавно, мягко, воздушно. Потом Сэнзалли совершенно расслабилась, просто растаяла в лапах, и сама собой очутилась на земле.

Вот оно. Вот то, чего так боится и чего так хочет Ману. Сказать легко: «Переступи через страх». Но слова это всегда лишь слова; важны только поступки. Он целовал ее глаза и щеки, но думал о своем страхе. Потом взглянул на нее, и это мгновение затянулось, слишком затянулось.

— Ах, Ману... — чуть засмеялась Сэнзалли, словно поняв некую маленькую тайну, и вдруг прекратила смех. Мордочка стала трогательно-серьезной, и Ману уже не мог оторваться от созерцания ее глаз, особенно левого глаза: в нем молнии блеска чуть сильнее... В нем начало что-то меняться, будто душу начали переворачивать вверх дном; Ману с радостью начал чувствовать, что страх уходит, и всё становится очень простым, понятным. Он внял, что Сэнзалли каким-то образом что-то *знает*, и верно пойдет ему навстречу; они вместе убьют всякий страх и предадутся желанию. Он понял, что хочет, может и сделает это.

И вмиг — чей-то зов. Неотвратимо, но союз нарушился, сжался, а потом погиб. Молнии в левом глазу Сэнзалли угасли, а потом она совершила непоправимое — наострила уши и глянула туда, откуда шел зов. Это совершенно опустошило, сбilo и отбросило Ману — он стал таким, как прежде. Душа вернулась назад, и теперь этот зов означал для него смесь глубокого разочарования в себе, большой неудовлетворенности и, как ни странно, трусливого облегчения.

Это, мол, не я виноват, это всё обстоятельства. Я не малодушный, это просто так случилось. Значит, в другой раз, не сегодня. Завтра. А завтра будет завтра. Дожить еще нужно.

Еще раз зов. Это — Хизая. Ну, понятно, конечно же понятно. Она ищет, куда это пропали Ману и Сэнзалли. Конечно же, она может догадываться, и весьма глупо с ее стороны так портить жизнь; но, тем не менее, все они ушли не на прогулку.

— Нам надо идти, — с преувеличенным сожалением в голосе молвил Ману.

Сэнзалли улыбнулась, чуть кивнула и приложила лапу к его гриве — нужно вставать. Но в какой-то момент неудовлетворенность в нем возопила, и созерцание ее красоты вскружило, потому Ману снова поцеловал ее, обняв лапой щеку. На этот раз очень по-настоящему, со всей нерастроченной нежностью, зная, что сегодня уж ничего не будет.

Он встал, немного отошел и начал ждать Сэнзалли.

— Погоди... — сказала Сэнзалли тихо, хотя Ману никуда не уходил. — Я отряхнусь.

Так они, не объясняясь и ничего не говоря, вернулись к Хизае, Сарниссе и Нихмуду. И пошли дальше.

Ману уже знал, что сделает Нихмуд, и не ошибся: тот, пока никто не видел, по-свойски подмигнул. Несколькими днями ранее, когда они еще были в Хартланде,

он бы и сметь не думал о такой вольности с наследником конунга. Но за это время все они волей-неволей очень сблизились.

Хизая упорно делала вид, что совершенно ничего не произошло. Ну совершенно ничего, и всё тут.

Сарнисса то же самое. Только Ману раз случайно поймал ее взгляд, полный чего угодно, но только не бесстрастия. А Сэнзалли, умея чувствовать души, лишь чуть повела ушами и вздохнула.

«Всё так сложно. Но в этом третий — всегда лишний», — подумала Сэнзалли, и ее чуть защемило под сердцем и вейнуло холодом. Она прислушалась, ступая по высокой траве, но не смогла понять это чувство и этот знак.

Затем всё шло хорошо-хорошо-хорошо... Но повеяло холодом еще раз, потом сильнее. А потом Сэнзалли чуть не скрутило. В какой-то момент стало очень больно, и она даже упала на траву.

Все сбежались:

— Что такое?! Что такое?!

Если бы она сама знала.

Как во мраке, Ману тряс ее за плечо и даже бил внешней стороной лапы по щекам.

Потом пришло краткое, очень краткое видение, потом вспышка перед глазами, а потом Сэнзалли очнулась.

— Да что случилось?!

— Змея укусила, или как, — Нихмуд уже бесцеремонно осматривал ее всю, пытаясь подтвердить или опровергнуть свою догадку.

Она шатко, болезненно встала, отдернув хвост от Нихмуда.

— Плохое. Отвратное... Что-то очень плохое случилось, — с придыханием молвила Сэнзалли, пропуская боль сквозь себя.

— Что случилось-то? — с неизменным вызовом спросила Сарнисса.

Сэнзалли не ответила.

Она более чем хорошо прочувствовала смерть Ушалы; но Сэнзалли еще не ведала всей правды, а лишь *узнала*, что погиб кто-то из близких. Более того, случилось странное: молодая шамани ощутила, что мир закружился и стал снопоподобным, и невероятное чувство, будто со всех сторон на тебя (или даже в тебя) дует ветер, входит ветер; словно на миг она стала центром мира и жизни.

Когда это тяжелое, воющее и мрачное, но в то же время странно прекрасное чувство ушло, то Сэнзалли обнаружила себя сидящей на траве; она глядела на сор и пыль земли, не чувствуя лап и саму себя. Остальные было желали помочь, но потом неясный страх и неуверенность овладели ими, потому они невольно отошли на несколько шагов, боясь сделать неправильное, не желая иметь дело с темным и неизвестным.

— Слышите... Какой ветер поднялся... — отстраненно заметила Хизая по привычке, ибо она предсказательница погоды у себя во Велари; ей так положено — отмечать погодные вещи.

Потом шамани оглядела друзей, но не мутно-болезненным взглядом, как обычно бывает у больных и слабых; ее взгляд был как тяжелая лапа, что бьет по сознанию, и на миг даже тух свет мира в глазах остальных. Все отпрянули на шаг, кроме дерзостно-смелой Сарниссы, которая уж знала силы Сэнзалли: она лишь отшатнулась.

Сэнзалли стало совершенно худо, ее стошнило. Идти она не могла, утратила всякий интерес к происходящему, потому первым ее потащил на себе Нихмуд, хотя это и рвался сделать Ману.

Потом, ближе к вечеру, Сэнзалли стало намного лучше. Точнее, она совсем поправилась, и слабость как ветром сдуло. Вместо слабости пришло нечто хорошо знакомое: то самое ощущение свежести восприятия, бодрости и остроты внимания, которое Сэнзалли получила после той мерзости, что некогда произошла с нею.

«Не знаю, что снова случилось, но в меня влилась еще сила», — верно догадалась Сэнзалли. Но сделала крайне неверный вывод: — «Видимо, зря я тревожусь: никто не погиб, а ужасное предчувствие было просто *знаком*, предвестием».

Но червь неверия и тревоги начал точить обретенное спокойствие, ведь душа шамани всегда знает суть знака.

Ману решил, что им стоит начать поиски места для ночлега. Во-первых, все уже голодно. Во-вторых, что-то не так со Сэнзалли. Ей-то уже лучше, но мало ли. В-третьих, именно в этот день все они почувствовали вязкую, пригибающую к матери-земле измученность от долгих походов и напряжения духа. Очень скоро после того, как Ману принял такое решение, они нашли небольшую, поросшую травой скалу с большой нишей. Она прекрасно защищала от северного ветра; согнав гиен и проверив, нету ли поблизости больших термитников и муравейников, все улеглись.

— Когда я буду спать, не тревожьте меня, — сразу предупредила шамани Союза.

— Только не уходи далеко. В прошлый раз были гиены... Всякое может быть, — решила сделать замечание Хизая.

Сэнзалли успокаивающе ответила:

— Я буду рядом, в сторонке. Просто не будите — вот вся просьба.

— Хорошо, — ответили ей все, даже Сарнисса.

Нихмуд тут же завалился набок — спать. Хизая, вяло потянувшись, решила осмотреть окрестности. «Может, чего поймаю», — так себе решила. Сарнисса негромко и как-то хитро обратилась к Ману:

— Ману, мне с тобой надо поговорить.

— Я слушаю, — наострил уши сын конунга.

— Эм... Знаешь... Давай отойдем, — тихонько, очень серьезно молвила она, но насмешливые глаза чуть сверкали хитрецей и коварством самки. — Я...

А сновидеть не получилось. Только Сэнзалли прикорнула, скромно поджав хвост к себе, только прикоснулась щекой к лапе, как ощутила легкую щекотку-дуновение по ней. По левой щеке. Это сразу отряхнуло, встрепенуло.

Чувствительность стала еще выше. Сэнзалли приблизительно уже *знала*, откуда идет незнакомая шамани и могла кое-что сказать о ней: она недалеко, она не сама, она полна духа и силы. «И это не Ашай-Китрах, а именно сестра по пути», — уверенно решила Сэнзалли, вставая и принимаясь.

Неожиданность и резкость ее движений привлекли внимание Сарниссы. Она прервалась на полуслове и обратила внимание Ману, который этого не видел:

— Ты погляди, снова с ней что-то не так, — кивнула головой, указав на молодую шамани.

Ману обернулся.

— Сэнзи... Что случилось?

— Сейчас... кто-то придет, — медленно растянула слова шамани.

— Кто? — с подозрением спросил Ману.

— Не знаю, шамани какая-то. Не одна.

— Друзья? Враги?

— Ни то, ни другое. Будем готовы. Нихмуд, — тронула она беззаботно спящего льва лапой. — Нихмуд... Вставай. Поднимайтесь. Не бойтесь, но будем осторожны.

Все сели и притихли в ожидании. Хизая, что уже успела уйти, спешно вернулась к остальным.

— Оттуда, — кивнула Сэнзалли на север, на скалу.

Тут же послышались негромкий разговор, шуршание травы, падение камешка с высоты. Камень упал прямо под лапы Ману — он сидел ровно под краем скального навеса. Все союзные проводили этот камень взглядом, и Ману зачем-то потрогал его. Через миг он увидел чуть удивленную, нахмуренную мордочку какой-то львицы, что смотрела на него точно сверху вниз.

Тут же появилась чья-то голова справа, потом слева. Потом сверху — еще одна.

— Северняки, — не таясь, весьма громко заметила Сарнисса. Она быстро узнала их: дочь прайда Иллари хоть раз в жизни, да столкнется с ними. Хизая, хоть и прожила уж не короткую жизнь, никогда не видела живого северняка, то же самое Ману. Нихмуд видел, но очень давно, в ранней юности.

Ну и Сэнзалли, конечно же, их узнала.

— Нэй, нэй ты, мелкая жизнь равнины, пусть пасть твоя заткнется. Иначе словишь, как обзывать гнусным прозвищем, — злобно прошипела та, что появилась первой.

Сэнзалли знает, что Саргали просто ненавидят, когда их называют «северняками» или еще как. Они вообще на дух не переносят неуважения, мнимого или реального.

— Спустись сюда и поймешь, как я клыками заткну твою глотку, — так ответила Сарнисса.

Львица оскалилась, и отпрянула от края — видимо, проверить, кто из них всё-таки прав. Но потом снова возвратилась назад, глядя с оскалом; наверное, кто-то остановил.

Ману чуть не провалился сквозь землю. Активно нарастал бессмысленный, никому сейчас не нужный конфликт. Надо что-то срочно предпринять.

— Погодите. Мы не пришли на вашу землю, вы не тронули нашей. Мы не желаем драки. Давайте всё обсудим, — спокойно молвил он.

— Верно, главный, но за грубость надо дать ответ, — сказал лев, неожиданно появившись слева, из-за камня скалы.

— Простите ее вспыльчивый характер, — только и сказал Ману, удивившись, как лев сразу признал в нем главу группы.

— На! — послышалось коротенькое слово, и две львицы исчезли, отпрянув от края.

Лев, что вышел слева, всё так же стоял, потому все обернулись к нему.

Чуть подумав, вперед вышла Сэнзалли, встав рядом с Ману, даже чуть ближе к Саргали, чем он сам. Львица впереди — всем известный знак мирных намерений. «Где же она, где шамани...», — подумалось ей. Саргали-шамани она еще не видела, хотя ясно чувствовала присутствие. Стало понятно: северняки хорошо знали эту скалу, этот навес, и тоже желали тут отдохнуть ночью. А тут, собственно, оказались союзные.

Теперь перед глазами предстали все северняки: две львицы совершенного возраста «яркой охотницы» (так принято говорить в Союзе о еще молодых, но уже не юных — у кого есть уж довольно большие дети), два льва (один точно уже старый, но еще очень крепкий, второй — молодой) и еще молодая, яркая Саргали-шамани.

Ману и Нихмуд невольно разинули рты, когда увидели ее облик. Явилась она вообще эффектно: все спустились, только она молнией спрыгнула откуда-то с высо-

ты, очутившись пред своими. Сделала она это так легко, будто тем и занималась целыми днями.

Эта молодая львица неестественно красива. Все в ней точно и безупречно: изящность силуэта; скромная красота небольших, темных ушей; глаза цвета глубокой, лунной серости; небольшой, тонкий подбородок. В какой-то мере она даже похожа на Сэнзалли: так похожи, к примеру, двоюродные сестры. Длинная, светлая шерсть ясно показывала, что ее хозяйка прекрасно следит за собой.

— Крадете место наше для ночи? — с иронией спросил старший лев-Саргали, подойдя к своей шамани и сев справа от нее. Та же, словно изготовленные коготь и клык, выглядела восхитительно-угрожающе.

Сын конунга не сразу понял, что именно желал сказать лев; как известно, северняки говорят на странном говоре, который ни с чем не спутать. И, к сожалению, Ману никогда не доводилось его слышать. Он замешкался, но выручила Сэнзалли:

— Нам этого не нужно, поверьте. И мы не желаем вам зла. Мы желаем зла совсем другим — охотимся на наших врагов.

Все северняки обратили внимание на нее. И, естественно, на ее окрас, длинный хвост и некую схожесть со львицей-Саргали.

— На кого ж ваша охота? — уже намного дружелюбнее молвил старший лев. — И чьей вы крови?

— Мы — союзные, — решил не прятаться Ману. — Не знаю, известно ли вам... На здешних землях появились прайды, что зовут себя вольсунгами. И они собираются пройти через наши земли. Чего мы сделать им не дадим, конечно.

Саргали умолкли, напряглись. Союзные. Враги, вообще-то. Как-бы. Вражда Саргали и Союза держится уже столько лет, что уже все носят ее в крови. Но шамани-Саргали, внимательно глядя на Сэнзалли, что-то зашептала на ухо их главному льву.

— Ступаете к ним? — так же мирно, как прежде, спросил старый лев.

— Нет, уже от них, — ответил Ману. — Я так понял, вы тоже знаете о них?

— Уши слышали, клыки чувствовали, — ответила одна из ярких охотниц. — Они — сплошная дрянь. Без причины лишили жизни двух наших львиц. Мы их перебьем.

— Будьте тогда осторожны. Их много. Очень много, — заметил Ману.

— Они тоже отправили к предкам кого-то из вашей крови? — спросила та же львица.

— Пока не успели. Вроде... Но собираются пройти через наши земли.

— Тогда вас ждет славная битва, — заключил глава северняков.

«Кто знает», — подумал Ману. — «Славная ли...».

Сэнзалли вдруг поняла, что северняки на самом деле вовсе не настроены плохо. Более того, их шамани сказала главному нечто такое, отчего все они сразу сбросили налет враждебности. Решив говорить, не дожидаясь Ману, она словно обращалась не к ним всем, а только к Саргали-шамани:

— Мы можем рассказать о них. И вы тоже скажите всё, что знаете.

— Всё, что знаем? — она услышала, наконец, голос этой шамани. Вкрадчивый, мягкий, уступчивый. «Тёмный», как ощущается. Это хорошо. Тёмный, словно из иного, очень похожего, но всё ж иного мира, голос — хороший признак для шамани, признак силы. — Ты алчешь знания?

Поймав множество скрытых оттенков в словах, Сэнзалли ответила, частью потому, что так говорил ответить ум, а частью потому, что так велела молвить сила:

— Да, сестра.

— Изумительно. Оргнар, выслушай слово львицы: стоит с ними поговорить. Пусть скажут, что знают, а мы скажем свое. Союзным можно отдать свою уверенность.

— Что ж, главный, побеседуем? — тут же Оргнар сделал предложение присесть для Ману.

Сыну конунга ничего не оставалось, как принять это. Сэнзалли, вообще-то, поступила весьма своевольно; тем не менее, он имел все основания довериться ее чувству и силе.

— Охотно, — принял Ману решение. Что ж, отец всегда учил, что решения нужно принимать быстро, окончательно и бесповоротно.

Все улеглись друг напротив друга, на весьма почтительном расстоянии — в целый прыжок. Сначала представились друг другу. Выяснилось, что две львицы и старый лев — из прайда Менаи, а шамани со своим братом — из прайда Ордосс. Ману первым начал рассказывать всё, что они знали о Ваал-сунгах, опуская ненужные подробности и то, чего севернякам знать не следовало. Хизая и Нихмуд чуть недоверчиво смотрели на него: им не очень нравилась вся эта затея; тем не менее, всё пока проходило вполне хорошо. Сарнисса же ела глазами всех северняков; без сомнения, в ней не было большого дружеского чувства.

Когда Ману, в общем-то, закончил, их главный лев, Оргнар, не задавая вопросов, начал тоже рассказывать. У северняков в большом почете правило «ты мне — я тебе», чувство договора; обман, увиливание считается *ун-кхалой*, недостойным поведением.

Его рассказ, в общем-то, много нового знания не принес. Северняки, а точнее прайд Менаи-Саргали вместе с прайдом Ордосс-Саргали, узнали о Ваал-сунгах раньше, чем Союз. Оргнару было неизвестно: кто, откуда и каким способом первым разнюхал о них. В целом, эти Ваал-сунги не слишком заботили головы Саргали, пока далеко, на юго-восточном предгорье они не убили двух львиц Менаи. Оргнар не обмолвился и словом, что те делали так далеко от прайда, а также подробные обстоятельства этого случая. Вскоре весть о Ваал-сунгах всколыхнула сначала Менаи-Саргали, а потом и добрую половину Больших гор. Тщательно взвесив возможную угрозу, не в пример тщательнее, чем Союз, аршахи, то есть правители прайдов Менаи и Ордосс, решили действовать сообща. Остальные прайды Саргали начали выжидать, в целом вполне поддерживая начинание Менаи и Ордосс, и даже прекратили бесконечные ссоры и драки за земли, что так обычны в Больших горах.

Сначала они расспросили всех свободных львов и львиц, которых могли достать, и с которыми были хоть какие-то связи. Стало понятно, что этих Ваал-сунгов много, даже слишком. Сначала аршахи тоже не поверили количеству прайдов, но вскоре убедились, что это правда. Менаи отправили разведчиц, и те довольно быстро вернулись с уймой сведений о Ваал-сунгах: почти два десятка прайдов; сложный уклад жизни; постоянная нехватка пищи; наличие веры в какое-то верховное существо (это оказалось совершенно непосильным для ума северняков); наличие жриц этого самого верховного существа, которые, как оказалось, весьма умелы и опасны; наличие главы у каждого прайда и самого верховного правителя; агрессивность, наглость и нежелание уступаться.

— Рты болтают невероятное, будто вольсунги умеют сквозь этих... Ашай... давать сообщения без ходьбы и бега. Они умеют говорить на расстоянии! — подняв лапу и бросив от бессилия непонимания, сказал Оргнар.

Совсем недавно, вот на днях, погибла еще одна львица-разведчица Менаи; точнее, ее судьба была сначала неизвестна, но потом шамани Менаи погадали на костях и вынесла вердикт:

— Ушла к предкам. Лишили жизни.

Саргали решили отомстить; понимая, что открытое противостояние будет равно самоубийству, решили пока с этим повременить. Их группа для того и шла: скрытно поубивать побольше Ваал-сунгов и всячески попортить им сладкую жизнь.

Тем не менее, для Саргали оставалось непонятным главное — намерения Ваал-сунгов. Куда они идут? В каком направлении? Зачем? Пойдут ли они в Большие горы? Аршахи сомневались в этом, но всё же.

— Примерно все так и говорили: «Вольсунги пойдут на союзных». Оказалось, что правда. Но отчего они идут и откуда? — спрашивал Оргнар.

— Откуда-то очень издалека. С юго-востока, насколько известно. А куда и зачем? В какой-то Нахейм, если я не ошибаюсь. Только не спрашивайте, где это — сами не знаем...

Ману, беседуя со северняками, мысленно отметил, что их группа уж больно маленькая и, прямо сказать, нескладная для того, чтобы «поубивать побольше вольсунгов» и «испортить им жизнь». Один старый лев. Ну, пусть. Один молодой, довольно крепкий. Хорошо. Две львицы небольшого роста и стройного сложения, характерного для львиц Больших гор. Ну, так... И, напоследок, молодая шамани, которую просто жалко бросать в любой бой — так она хороша. Такую нужно беречь и лелеять, а не таскать в драки. Ману хотел было прямо об этом спросить, но не решился. Вдруг обидятся.

И немного пристыдился. «Моя Сэнзалли ничуть не хуже, нет. Но, тем не менее, я-то ее в драку потащил. А смеюсь, что северняки так сделали. Вот как...».

Всё это время шамани сидели напротив и общались. Молча. Сначала они признали друг друга: и та, и другая — достойны своего пути. Потом Саргали-шамани дала понять, что их ждет важный разговор.

Когда Ману и Оргнар начали задавать друг другу вопросы, и в разговор медленно втянулись остальные, то Саргали-шамани сказала для своих:

— У меня есть пара слов для этой львицы. Должна их сказать. Ты согласна на беседу? — открыто спросила согласия у Сэнзалли.

— Конечно.

Хизая с подозрением провела их взглядом. Недоверчивая, львица Велари — настороже.

Они отошли значительно дальше, чем это требовалось для сокрытия беседы от чужих ушей. Вокруг уже темно. Не очень ясный день сменялся пасмурной, облачной ночью; луна убывает. Совсем скоро будет черная луна. Луна охотницы.

— Меня зовут Сэнзалли, — первой решила представиться и начать разговор молодая шамани.

— Меня — Атрисс.

— Ты хотела что-то сказать мне?

— Так-то да. Храню надежду, что наш разговор будет полезен для твоей и моей души.

Сэнзалли не знала, что сказать, потому села и смолчала. В ней всё больше нарастало чуть беспокойное удивление. Дело в том, что перед нею, в приятной тьме мира, находилась прекрасная, молодая львица-Саргали; наверняка львы цепляются ей за хвост, как говорят. И всё в ней ладно, всё хорошо, но вот... взгляд. Глаза. Это не просто глаза шамани. В таком возрасте они лучатся молодой силой, легким соблазном, маленьким коварством и веселым (либо грустным) огоньком. В общем, всем ярким, быстротечным, свежим. Юные глаза всегда излучают веру в будущее, всматриваются в горизонт жизни, даже если это глаза самой меланхоличной молодой львицы. Сэнзалли сама молода, она-то знает.

В ее же взгляде сновали тяжесть, опыт, память прожитых дней.

Пришло *знание*, парадоксальное и странное: «Эта львица не молода. Она лишь кажется молодой». Странно, и Сэнзалли задалась вопросом: «Атрисс сейчас так переменялась или была такой прежде, а я просто не заметила?».

— Ты сильна в свои годы, — вежливо сказала Атрисс.

— Ты тоже, — осторожно ответила Сэнзалли.

Атрисс отмахнулась лапой с грациозной мягкостью и усмешкой.

— Ах, не верь. Внешность бывает обманчива. Мир полон обмана.

— Как так? — взгляделась в нее Сэнзалли.

Саргали-шамани всмотрелась в исчезающую, темную даль ровной-ровной саванны; ей непривычно — привыкла видеть горы. А тут куда не пойдешь — почти всюду простор.

— Вижу, что ты уловила, но не понимаешь. Знаешь, встреча наша — вовсе не случайность, каких много. Она очень интересна. А в таких случаях нужно быть откровенной, как перед вечностью.

Приложив лапу к груди Сэнзалли, Атрисс сказала:

— Я знаю, откуда твоя сила. Сама такая. Из того выгляжу столь молодой. На деле я — вдвое старше. Нэй, вот как... И я за все эти годы не встречала такую же, как я... В наше время никто не набирается смелости делать такое.

Сэнзалли поняла, что именно подразумевает Атрисс под словом «такое».

— Я не желала этого. Всё произошло случайно, — смутилась молодая шамани своего позора и своей судьбы. Ее вины в этом нет. Но в то же время — есть! Мы виноваты уже тем, что просто живем, а потому судьба нам ничего не попускает.

По всей видимости, Атрисс действительно интересно. Весь ее вид словно шептал: «Продолжай». Сэнзалли неожиданно прилегла, чтобы не смотреть на Атрисс, положила мордочку на лапы и растянулась по каменистой земле, свободной от трав:

— Это знание я получила случайно, от свободной шамани, — тихо, неспешно говорила она. — Сначала не решилась его применить. Но оно беспокоило. И не только оно... Я пошла в большое путешествие. Когда возвращалась, то на меня напали три льва, когда спала. Я решила забрать их силу, зная, что они погибнут от этого; и также знала я, что точно погибну сама — меня предупреждали. Но решила, что после такого жизни больше не будет. Нечего терять. Как видишь — ошиблась. Они погибли, а я жива.

Атрисс посмотрела на землю, а потом на нее, спокойную:

— Их было трое?

— Да.

Саргали-шамани прилегла возле нее.

— О небо, это даже не дар. Как можно выдержать такое — не могу представить.

— Было непросто.

— И это будет непросто... Но это вряд ли вся судьба. Я вижу в тебе так много. Столько всего на тебе сошлось.

Сэнзалли взмахнула хвостом и почувствовала: каждый, что рассказывает о своем прошлом, о виденных вещах, о переживаниях, словно несет в своем рассказе тихую грусть оттого, что время дает нам столько всего, но ничего не оставляет в итоге.

— Да, правда. Не вся история. Были еще знаки, печальные события и прочее. Обременять рассказом не буду, — прислонилась она щекой к лапе, чувствуя таинственность мира.

Со вниманием выслушав, Атрисс с интересом молвила:

— Сложная у тебя судьба. Нравятся Атрисс души, что хранят сложный *вирд*. Это всегда вызов.

Безучастно, равнодушно подул спокойный ветер, не желая слишком тревожить двух шамани, что сидели посреди этой ночи.

— Послушай меня. Времени у нас немного, потому вот что скажу. Я чую за собою долг.

— А что за долг? — посмотрела на нее Сэнзалли снизу вверх.

— А как сказать? Сложно дать ему имя. Долг знания. Долг сестринства. Атрисс надо поделиться с тобой тем, что знает сама.

Решившись, Сэнзалли села. Неприлично в истоме лежать, если напротив кто-то дает тебе столько внимания и важности.

— Сожалею, но я вряд ли могу тебе что-то дать взамен, — чуть уклонилась она.

— Это как знать, — подняв голову к небу, сказала Атрисс. — Самое важное, что сделала я в этом походе — так это повстречала тебя. Ты, Сэнзалли-шамани, — цель моего похода.

Сэнзалли опешила. Такое внимание было чуть... слишком. Отчего «цель»? Отчего именно она? Не слишком ли много всего в эти странные дни?

— Знаю, звучит без смысла, но так мне дано. Клянусь кровью. Я должна показать тебе то, что знаю сама, — уверяла Атрисс.

Шамани Союза не знала, что сказать. А что тут ответишь?

— Все мы должны отдавать знание тем, кто его может принять. Это — одно из назначений шамани. Все мы ничто, лишь пыль земли; из нее вышли — в нее уйдем... Лишь оно имеет значение. Лишь оно, — проживая собственные слова, говорила Атрисс; и на миг Сэнзалли показалось, что видит она вовсе не молодую, изумительную Саргали, а львицу давнего возраста силы.

До того Атрисс говорила словно в пустоту, не глядя на нее. Но теперь повернула голову, посмотрела:

— Сэнзалли, дочь молнии, слушай меня...

— Дочь молнии? — в груди стало холодно-холодно. Ее душа помнила; ее уши слышали. Она помнила это: «О, Сэнзалли, дочь молнии!».

— Из чего ты изумляешься? Так можно дать смысл твоему имени. Верно, ты не ведала ранее, в чем его суть. И не ведала твоя мать, и ее мать тоже. «Сэнзалли» — это «стремительная», «несущая молнии», «сродненная с молнией». Поймала?

Наново узнавая мир, она ответила:

— Да.

— Так вот, отбросим труху в сторону. Примем за главное. Ты пока держись, но твоя сила, по сути, не твоя. Такая любит вырываться, играть в злые шутки. В тебе не хватает безупречности и воли, чтобы сдержать ее. И знай, она вырвется наружу, как бы ты ни старалась. Готовься.

Атрисс приложила лапу, но не грудь, а на ее подбородок, глядя совсем глаза в глаза:

— Но вырвется сама, безо всякого смысла, либо ты направишь ее, как истинная хозяйка. Рождена ты для того, чтобы ее направить — верь мне. Почти все в жизни живут без цели, и им от этого скорбно в мгновения одиночества, но у тебя она есть; это и твое благо, и твое зло. Ты вошла во что-то, приняла нечто, и теперь это нечто сквозь тебя намерено провести свой *ахмар*.

— Ахмар?

— Намерение. Так намерение зовется.

— Атрисс? Ты видишь, что это? Что есть цель? Или... кто?

С нерешительностью та ответила:

— Так сложно сказать. Но за твоим хвостом стоит так много... Целые жизни.

Атрисс оставила ее подбородок и прошла перед нею влево-вправо.

— Жизни моего прайда? Атрисс, помоги мне. Я так устала от вопросов, на которых нет ответа... — призналась Сэнзалли, желая ясности жизни.

— Нет, не прайда, хотя ты связана кровью со своим прайдом. Нет, не родством. А кровью, в прямом смысле.

Шамани Союза мучительно измышляла, стараясь понять.

— Львенок? Маленький львенок?

— Стой спокойно, стой смиренно, я смогу увидеть. Только не давай отпора, а отдайся. Да, вот так, гляди мне в глаза.

Сначала Атрисс открыла рот, чтобы сказать нечто; потом еще, потом еще раз, каждый раз не решаясь на слова, будто боялась упустить самое важное.

— Да... Да! Есть так! Он тоже часть всего этого. Но лишь часть. Главное — эти жизни... Последовательность, род. За тобой род, целый род. Род знания, род шамани за тобой. Ты — окончание. Понимаешь? Понимаешь?

Через миг произнесла:

— И этот львенок — тоже часть твоей силы. Это он дает тебе знание.

— Знание? Знание чего? — печально спросила Сэнзалли.

— Ужаса. Страха.

Атрисс всё так же продолжала смотреть на Сэнзалли; исподволь, но крайне внимательно, она изучала ее. Потом, решившись, просто притронулась к ее щеке, чтобы Сэнзалли вернее дала взглянуть в свой левый глаз.

Всё уловив, что могла, шамани-Саргали сказала:

— Ты рождена с даром принимать силу. Это — твое. А теперь сила, которую ты вобрала, дает тебе дар влиять на других; а львенок, чья душа пронеслась сквозь тебя, подарил тебе знание страха: настоящего, первого, невозможного до безумия. Всё это слилось в одно, и теперь ты — Сэнзалли, дочь молнии, что губит страхом. Это и твой дар, но и твое проклятие.

Радость от этого? Отнюдь нет, вовсе нет. Никогда. Сэнзалли знала, что ничего светлого в ее глазах Атрисс не найдет, и даже не теплила особой надежды. Плохо знать, что ты не несешь свет; но напротив, вынуждена сносить тьму. Для чего, зачем так? Было бы такое для жестокой, злобной, безжалостной души — так самое то. Но что делать этому дару в туманной нежности души Сэнзалли?

— О жизнь... Я думала, что моим даром будет умение преданно любить. Либо же исцелять. Зачем мне жуть такого дара? За что жизнь не любит меня?

Атрисс ужесточилась:

— Прими себя. И свою судьбу. Не отдавайся этому! Не отдавайся ничему, так есть в мире — без силы и воли пропадешь!

— Подлый и безумный мир! — Сэнзалли закрыла глаза оттого, что не знала, как правильно жить; и никогда не знала.

— Мы не видим мир так, как есть. Мы видим лишь его отражения в наших глазах.

— Но каков он? — открыла она глаза, без веры наблюдая то, что окружало ее.

Но как же не верить миру, в его искренность и повсюдную реальность? Вот ты, вот твои лапы; вот Атрисс, что говорит с тобою; вот небо, вот ночь — и всё это лишь для тебя.

— Шамани ведь ты. Шамани, что хозяйка большой силы. Ведь видишь ты, что у мира множество ликов, и рождаешь их ты сама; и у остальных миров, что видишь ты в *снах* — то же самое. А на самом деле мир — лишь сила. То, о чем нельзя сказать. В нашем мире смотришь ты в небольшое, но прекрасное по четкости отражение; в *сновидении* — глядишь в огромное, взволнованное и неясное, на котором играют блики силы. Но все они — лишь отражения.

Измучившись от чувств, помолчали. Сэнзалли безучастно и вяло разглядывала следы на земле, что остались здесь от бородавочников; привычно отметила, как и куда они ушли. Атрисс не смотрела на нее. Странно было слышать такие речи от столь молодой львицы; но всё верно — Атрисс много старше, чем выглядит, и нельзя изменить в себе лишь две вещи: душу и глаза. Все они несут в себе прошлый опыт, и настоящую молодость, свежесть можно искусно подделать, но не вернуть.

Чувствуя знакомый озноб сновидения, Сэнзалли спросила у нее:

— Какой тебе прок от всего этого, Атрисс?.. Давай поговорим легко и непринужденно, словно веселые подруги. Поговорим об охоте. Львах. Детях и жизни. Оставлю я всё это, я так устала от неизвестного...

— Шамани — сестры знания. Звучит громко, но что сделать, если суть так. Знание проходит сквозь нас и передается будущему — в этом весь смысл. Но не только. Мне есть прок, поверь. Даже свой умысел, если хочешь.

— Какой умысел в тебе, Атрисс?

— Давать объяснение долго. Ты сама поймешь вскоре, так что смысла тратить словами нет. Давай же начнем, тебе будет любопытно и легко — у тебя ведь дар, — легко, даже в чем-то весело предложила Атрисс.

Сэнзалли повела ушами.

— Как знать. Всю жизнь я убеждалась, что бездарна. И верно говоришь — моя сила по сути не моя. Когда она кончится, то развеются мои способности.

Убежденно отмахнувшись, Атрисс молвила:

— Не убеждалась ты — тебя убеждали. Поймай то, что ты шамани, ты особенная, ты не можешь принять всё то, что думает и делает большинство. Остальные для тебя — не указ, не приказ. Пусть тебя ведет сила, ум и *ахмар*, нежели мнения и обычаи большинства, которое всегда глупо и не видит всей правды, а лишь полуправду. Вообще, прими в благодарность, что ты по сей день жива и здорова. Что ты выдержала это. Сэнзалли — словно тень шамани давних времен. Нэй, они могли принять столько силы, и остаться в живых. Ты — лишь их тень. Тень шамани древности. Но тень. Другие не стоят даже этого. И Атрисс тоже.

— Ты желаешь обучить меня чему-то. Я благодарна тебе, Атрисс. Прости меня. Знание нужно принимать с благодарностью, а не с хандрой, как у меня. Ты вряд ли успеешь передать мне нечто, поскольку к утру нам придется разойтись — мы спешим домой, а вы — к вольсунгам. Но я постараюсь понять и принять всё, что смогу.

«Хорошо», — кивнула Атрисс, молча, без слов. Чуть подумав, спросила:

— Ты, вероятно, слыхала о языке древности.

Есть такое. Краем уха Сэнзалли о нем слыхала. Был такой, на нем многие говорили, и ее предки тоже. Сколь давно? Она не знает. Союза тогда еще не было; а Союзу уж столько лет, что все сбилось со счета.

— Да.

— Но ты почти не знаешь его?

— Верно.

Как знать язык предков, язык мертвых? Невозможно это. Никто не учил ее.

— Встань рядом, возле меня. Как сестра. Вот так. Пусть уши слушают. Язык древности — язык силы. Тогда говорили, когда невозможно молчать. Шамани должны его знать, хотя многие уже не помнят, для чего. А нужно потому, что слова древнего много лучше ведут намерение и силы, чем те, что пользуешь ты сейчас.

Где-то вдалеке сильно треснула ветка, потом еще. Сэнзалли и Атрисс вместе наострили ушки и стали слушать, что же происходит; Сэнзалли даже принюхалась. Кто-то спует в ночи... Ну ладно. На то и ночь, чтобы оставаться во тьме.

— И это — то, что твоей силе нужно, — продолжила Атрисс. — Научу тебя одному слову, а ты сможешь его пользоваться. Слово «Нйах!». Оно прерывает внутренний разговор жертвы. Лишает ума, способности мыслить. «Нйах». Оно означает: встать, остановиться. Замереть, но не как охотница, а как кролик. Потеряться, забыть. Давай, скажи его.

— Нйах, — просто, неуверенно попробовала Сэнзалли. Ну... слово как слово. Ничего особенного.

— Еще раз. Нйах! — Атрисс издала его громко, со скрытым рычанием и угрозой; Сэнзалли наблюдала за нею и вдруг поняла, что требуется.

— Нйах! — молодая шамани решила вложить силу и злость.

— Проведи его сквозь душу. Чуешь. Чуешь? — Атрисс радовалась быстрой ловкости Сэнзалли.

Она закрыла глаза. Внутренне в ней еще раз прозвучало это незамысловатое, хищное слово. Каждый раз на миг немело всё тело, окутывала тьма; всегда чувствовалось, что было «до» слова и «после» него, но «между» словно пропадало, испарялось.

— Нйах! — собственный голос угасал почти бесконечным внутренним эхом. Перед глазами вмиг погас свет мира, и медленно, страшно медленно вернулся вновь «До» и «после».

До и после.

Несколько мгновений чистое, совершенно незамутненное сознание со свежестью бессмыслия рассматривало окружающий мир и остро чувствовало каждый запах, каждый шорох и каждый миг в нем; всё было настоящим, слишком настоящим, и можно поверить во что угодно. Молодая шамани и не заметила, как громко и четко, с настоящим намерением вымолвила слово. Потому Атрисс тоже попала под его влияние, даже сильнее, чем сама Сэнзалли: невинная чистота взгляда и растерянность мордочки продержались на ней дольше.

К Сэнзалли сразу пришло знание: «Нйах» — это не только «остановка, потерянность». Это слово обновления. Оно рвет время пополам, в круге времени появляется разрыв на «до» и «после». Нйах — это круг, змея, что кусает свой хвост.

«О кровь, о предки... Это же как полезно! Таким словом можно скорее лечь, нежели вредить!».

— Нйах — не только остановка. Это и обновление, — поделилась впечатлением Сэнзалли.

— Ахахай, цанна, как ты хороша! — возрадовалась Атрисс и переливчато засмеялась. Львица-Саргали! Все они так смеются.

Но вмиг посерьезнела:

— Храни осторожность. Оно лишает чужую душу всякого укрытия, хватает мертвой хваткой, лишает спасения во внутренней болтовне, мыслях; в нее после этого может поселиться что угодно. К примеру, страх. Страх, что ты так хорошо даришь. Кое-кто может помешаться после этого: не сможет больше думать. Нйах останется с ними на всю жизнь.

— Даже так...

— Да, но такое бывает очень редко. О таком лишь слыхала. Сделай это еще пару раз. Ты уже знаешь его. Поразительно, но ты уже знаешь его, словно всегда знала...

Сэнзалли еще несколько раз громко воззвала «Нйах!», отойдя в сторону от Атрисс, чтобы не беспокоить ее попусту, испытывая при этом странное наслаждение от того, что на миг пропадает от всего мира, от своего существования. Это очень хорошо, оказывается — на миг пропасть, а потом снова возродиться.

— Нэй-нэй, не растеряй всей силы здесь... Нравится? — понимающе спросила Атрисс, подойдя к ней.

— Да. Очень. Оно не только для других... Оно влияет и на меня.

— Конечно. Так всегда. Чтобы кому-то нечто дать, нужно самому это иметь. Когда ты даришь страх, ты ведь на миг пропускаешь его через себя. Верно?

— Верно, — с горькой ухмылкой ответила Сэнзалли, посмотрев на далекий холм, где сейчас отдыхают ее братья по крови, ее сестры по крови.

Саргали-шамани вынесла решение:

— Могу лишь сказать, что ты уж научилась. Мелочи прознаешь сама. Главное — у тебя.

Вот так просто. Сэнзалли и верила ей, и не верила. Ведь в жизни нет простоты.

— Некоторые учатся словам лунами... Годами. А теперь давай просто вернемся к своим, по сердцам поболтаем, и уйдем спать, — совсем обычно, буднично предложила Атрисс.

— Согласна. Спасибо, шамани-Атрисс.

— Однажды и я дам тебе благодарность, — загадочно ответила она.

Начали возвращаться к холму.

— Выходит, твой брат много младше тебя, — возраст Атрисс не давал Сэнзалли покоя.

— Да какой он мне брат. Какой брат... — засмеялась та.

Атрисс оказалась очень откровенна в разговоре; Сэнзалли вмиг для нее стала своей. Чувствовалось, что шамани Больших гор знает бессмысленность лжи, и вполне доверяет шамани Союза, следуя и словом, и делом сестринству шамани. Сэнзалли убедилась, что оно есть. Оно есть...

Или это лишь между ними возникла некая связь?

Сама Атрисс отнюдь не принадлежала к прайду Ордосс, она вообще не принадлежала ни одному прайду Саргали; представлялась же она, как шамани-Ордосс, лишь для удобства в конкретный момент, ибо этот прайд пригласил ее к себе — их шамани куда-то ушла, и никто не ведал, куда.

В Больших горах есть такие Саргали, что живут сами по себе, либо небольшими семьями; часто это *амарах* с ученицами. К таким принадлежала Атрисс. Это не считается зазорным, напротив — полагается, что именно они есть истинные сыновья и дочери гор. И действительно, они, как правило, живут глубоко в горах; оттого Атрисс выглядела совершенно необыкновенно для каждого из союзных львов и львиц. Менаи-Саргали, например, имеют более привычный вид для львов Союза — их прайд недалеко от бескрайних саванн, они еще не глубоко в горах, потому они за все годы частично смешались со львами равнины. Ордосс — совсем другое дело.

Своего же «брата» она встретила случайно. Этот молодой лев оказался не абы кем, а сыном свергнутого правителя большого прайда восточных равнин Одан-Мая, и бежал от расправы и несправедливости. Не в состоянии отбить власть, он решил уйти в Большой мир. Но за ним устроили охоту; новый правитель, имея влияние и дружеские связи с некоторыми прайдами Саргали, убедил всех, что он суть

предатель и просто червь, которому стоит немедленно помереть. Атрисс же очень просто убедилась в том, что молодой лев не врет; сжалившись то ли от материнского инстинкта, то ли симпатии (Сэнзалли так и не смогла точно понять — скорее, второе), она решила отправить его в Ордосс и представить там, как собственного брата. Благо, ее молодой облик это вполне позволял. Мало-помалу, и случилось так, что Атрисс и сама надолго там задержалась.

Внешность у него была вполне «северной», как раз для Больших гор. Тем, кто слишком сомневался, Атрисс говорила, что он сводный брат или еще чего. Особо никто не расспрашивал шамани, ибо все уважают и опасаются львиц знания в Больших горах; и тем более никто не интересовался ее слишком уж затянувшейся молодостью.

— Это, наверное, интересно — прожить дольше, чем все, — с тайным интересом подумала вслух Сэнзалли.

— Нэй, что ты. Жить мне отмерено не больше, чем другим. Я просто в какой-то момент вмиг перестану цвести, постарею, огрубею и осунусь. Это страшит меня, честное слово.

— Сколько тебе лет, Атрисс? — поинтересовалась Сэнзалли от жгучего любопытства.

Она с возмущением вздохнула; Сэнзалли подумала, что оскорбила ее, и чуть прижала уши в извинении. Но выяснилось, что возмущение — в шутку:

— Не стыдно тебе. Я столько лет бегу от этого вопроса... А ты хочешь меня с ним поймать.

— Прости, — на всякий случай молвила Сэнзалли. Она всегда извиняется за боль. Ибо хорошо воспитана.

— Пустое. Знаешь ли, мне отмерено не больше, чем остальным. В какой-то миг я начну состариваться, причем быстро и безобразно... Рано или поздно этот день постучится в мою душу. И я боюсь его. Отдала я слишком многое... У меня не может быть детей, например. К чему моя красота и молодость? Это — лишь внешнее. Старение души и сердца невозможно прекратить.

— А отчего они стареют?

— От опыта. Опыт гнетет нас, и от самой себя не найдешь ты спасения.

Потом Сэнзалли ощутила истому и слабость — захотелось спать. Уже несколько дней давал о себе знать голод, который бывает лишь в длинном путешествии: легкий, вроде и незаметный, но навязчивый, ибо он с тобой — постоянно. Она не раз думала, что наверняка исхудала за всё это время, потому когда придет домой, то первым делом нужно будет наесться. До отвала. Очень много.

Сэнзалли запомнила, как они шли назад. Отчего-то путь казался намного длиннее; казалось, отошли совсем недалеко, лишь чуть. Помнила еще кристально чистую тишину ночи; ночь в саванне не может быть настолько тихой, но так было.

— Помни, что нет в мире ни добра, ни зла — ничего из них, — звучал голос Атрисс во тьме. — Ни добродетели, ни порока. Есть лишь смелость, а есть трусость. Ты спокойно можешь делить всех: «трус» — «не трус». «Смелая» — «трусливая». Это несложно, ты не ошибешься. Если взять десять голов, то лишь одна из них будет знать свой страх. Все остальные — сама знаешь. Потому будь осторожна и не питай пустых надежд. Ты отважна и смела, ты знаешь цену страха; мне-то не знать, я вижу, что и как ты сделала. Другая бы всплакнула, убежала, да потом забылась. Ты же помнила свою месть и злость, и не побоялась ответить силой на силу, зная, что это может сгубить тебя. И еще будь осторожна, вот почему: никто из смелых не способен на подлость. А остальные — могут, легко могут. Помни всё, что сказала, дочь равнины.

Молодая шамани Союза молчала.

— Знаешь, почему остальные не могут дарить страх? Потому что сами боятся! — с каким-то злобным, мстительным превосходством сказала Атрисс.

«Сомневаюсь, что только потому...», — мягко подумала Сэнзалли, не разделяя ее чувств.

— И для конца. Говори лишь тогда, если невозможно молчать, — так сказала шамани-Саргали.

— Но отчего? Чем плоха всякая речь? — не вполне согласилась шамани Союза.

— Слова любят прятать от нас правду. Крадут силы. И обожают нас предавать.

Когда они пришли к своим, то все уже спали: Саргали — в одной стороне, по их обычаю, прямо друг на друге; союзные — под другой стороной навеса. Ману как-то смешно зарылся головой в передние лапы. Сарнисса сжалась в клубок: ночь зябкая. Они с Ману спят друг напротив друга — беседовали перед сном, наверное. Хизая наверняка видит сны о родной земле; у нее на мордочке — усталость и какая-то щемящая тоска. Только Нихмуду, видимо, всё нипочем: и зябкая ночь, и ветер, и мерзкие травяные клещи, которые так и норовят укусить — вытянув лапы, он валяется, словно в солнечный день под деревом в прайде.

«Надо же. Вот увидеть такое: наши и северняки спят рядом. И вроде ничего, все отдыхают, никто никого не душит».

Сэнзалли подошла к Ману. Вдруг теплая волна прошла по телу, и она легко, очень легко пригладила ему гриву. Он не ощутил нежности, а сон его продолжался.

«Нйах... Нйах, он будет для тебя, Ману. Он избавит тебя от страха, изорвет твой порочный круг, и станешь ты смелее, когда будет наше время. Нечего тебе бояться, потому что я добра к тебе, не строга и не смешлива; всё это — глупости, ты их скоро забудешь, они достойны лишь смеха. Нравишься мне ты. Люблю я тебя — успела полюбить. Знаешь, мы с тобой вытащим наш Союз, вот увидишь. Увидишь...», — думала она со светлой надеждой и стояла над ним, как молчаливая, терпеливая охранительница.

«Увидишь...» — собственное обещание темным эхом взволновало ее душу.

Она устало подумала, когда улеглась в кустах, что эти Саргали, по сути, такие славные. И зачем нужно было столько поколений драться друг с другом?

Или в этом есть смысл?

**

— Как думаешь, Сарни, что нас ждет? — спросил Ману у львицы Иллари, когда они шли по берегу Большого Маара.

Ману проснулся первым, после рассвета. Выяснилось, что северняки уже тихо ушли, Сэнзалли — тут (но спит почему-то в кустах, в стороне от всех), и Сарнисса проснулась тоже.

— Пойдем попьем, Ману. Я сама идти не хочу. И воду нужно найти, — молвила она шепотом.

Сын конунга с досады чуть не топнул лапой. Они ведь не развели вчера воду! Это первое, что нужно делать на незнакомом месте. Ясно, что Большой Маар должен быть где-то севернее, рано или поздно на него наткнешься. Но всё же! Упущение.

— Идем...

Неспешно покоряя путь, заговорили о всяком таком, общем. Ману еще раз рассудил, что нужно предупредить Делванни и Регноран, и Сарнисса еще раз согласилась. Он вслух порассуждал о том, что услышал от северняков, а Сарнисса была его терпеливым (либо слегка равнодушным — кто знает?) слушателем.

Потом предложил, чтобы кто-то пошел вместе со Сэнзалли в прайд Делванни.

— Вряд ли ей нужна помощь, — заметила Сарнисса с улыбкой. — Вряд ли. Она сама стоит пятерых львов, так что расслабься.

Какое фривольное «расслабься»! Ах ты, Сарнисса — всё дерзишь, негодяйка? Полно тебе.

Но вдруг Ману подумал, что действительно хотя бы иногда стоит отпускать себя. Потому не стал играть в гордого сына конунга. К хвосту это. Хочется поговорить по сердцам. Сарнисса нравится ему этой непосредственностью, и всегда нравилась.

Они попили воды и легли возле берега, на жесткой, густой траве — чуть отдохнуть.

— Что нас ждет?.. — еще раз повторился он.

— Нас ждет то, что и должно. Зачем забивать голову пустыми вопросами?

— Да не пустой это вопрос...

— Тогда пойди и спроси у Сэнзалли. Наверняка она умеет смотреть будущее, и всё расскажет, как есть. Вот с ней о таком говори. А Сарни тебе с таким вопросом не поможет.

Часто совершенно непонятно, когда Сарнисса говорит с коварством и уколкой, а когда серьезно. Но Ману тут всё же ощутил ту самую язвительность самки.

— И что, Ману, как у вас с ней?

— Зачем ты спрашиваешь?

— Гиенья мать, да я же львица. Мне такие штуки интересны — сначала широко посмотрела на него, а потом сузила глаза — Сарнисса так любит делать. Она всегда живо себя ведет.

— Ну как... Ну так. Да, у нас действительно появились... отношения. Мы, как говорится, уже не далеки, но еще не совсем близки.

— Да ладно, Ману. Всё ведь понятно, насколько вы стали близки, — вздохнула Сарнисса с хитрой улыбкой.

Сын конунга засуетился:

— Что это там понятно?

— Ай, ладно уж. Не хочешь об этом говорить — не говори. Я не набиваюсь.

На самом деле Ману просто до жути хотелось с кем-то поговорить именно на эту тему. Он вдруг подумал, что нужно сказать правду: однажды чуть не попался на такой лжи.

— У нас ничего не было, — честно сказал он.

— Прямо-прямо... — оживившись, повела ушком Сарнисса.

— Она, знаешь ли, что-то не захотела, — притворно зевнув, сказал Ману, развалившись.

В самом деле, не будешь же признаваться, что боишься львицы?

Сарнисса, чуть сощурившись, смешливо хмыкнула:

— Почему?

И ее тон был таков, будто Ману сообщил ей, что завтра не взойдет солнце.

— Я не знаю.

— Но у вас ведь всё так хорошо, — тронула Сарнисса свой нос.

— Ну да. Но она, наверное, еще стесняется.

— Стесняется? — Сарнисса стала поглаживать свой нос, словно стараясь скрыться от Ману за лапой.

— Гм. Да, — Ману постарался сказать это как можно удивленнее.

— Как смешно. Уже вполне взрослая львица. И отказывается? Боится? Тем более, что она совсем не робкого десятка, — Сарнисса ну совсем прикрыла рот, и видно лишь ее коварные, смешливые, жгучие глаза.

— Да, мне это тоже странно, — пересохло во рту у Ману. — Знаешь, раньше у меня были львицы... Так там было как-то сразу, — он понял, что говорит полнейшую чушь, но старые страхи и неуверенности словно завладели им, нашептывая слова на ухо.

— Как-то сразу?

— Ага. Раз — и всё, — махнул лапой.

Сарнисса призадумалась:

— Мммм...

— Ну. Что?

— И кто у тебя был? — вопрос прозвучал спокойно, но Ману аж одернулся.

— Как кто. Львицы. Что ты спрашиваешь? Это личное.

— Ману.

Сарнисса так умела сказать это «Ману», что он начинал теряться. В произнесенном ею имени было всё: укор, немножко насмешки, неуловимая симпатия и еще много чего.

— Ну?

— Какие львицы?

— Ой, да какие. С четырьмя лапками, с ушами, с хвостом, — он предпринял жалкую попытку отшутиться.

— Какие львицы, кто? — с необычной, но очень верно рассчитанной настырностью шла вперед Сарнисса.

— Сарнисса, тебе не стыдно такое спрашивать? — теперь он предпринял такую же жалкую попытку перейти в наступление.

— Так какие львицы, Ману?

— Перестань. Я — сын конунга, в конце концов. Предводитель твоей группы. Требую уважения. Перестань спрашивать!

Это не возымело ни малейшего влияния на коварную, ладно сложенную и яркую сердцем разведчицу Иллари.

— Ману. У тебя кто-то был? Ты имел львицу?

— Что за смешной вопрос, честное слово.

— У тебя была львица?

Он вдруг понял, что проиграл. Его раскусили, как кость.

— Нет.

— Почему? — она не казалась изумленной. Скорее, хищницей, что добывает жертву.

— Я не могу... Я не знаю...

— Почему?

— Не хочу об этом говорить.

— Нееет. Ты хочешь, — исключительно точное чувство самки не подводило Сарниссу.

— Послушай. Это будет мучительным, и ни к чему не приведет. Ты и так уже слишком много знаешь. Я сам с этим справлюсь. Сам!

— Ману, сам ты с этим не справишься. Тебе нужен еще кто-то другой, желательно из львиц, — звонко засмеялась Сарнисса, словно радуясь неудачам Ману. Ее смех прозвучал сушей издевкой.

— Проклятье. Зачем ты это говоришь?..

— Очевидно. Мы же друзья. Просто хочу тебе помочь, — совершенно невинно ответила она. Так невинно могут говорить лишь те, кто спует во тьме порока.

— Кто тут может помочь... Чем ты мне можешь помочь? Если я выговорюсь, то вряд ли мне полегчает. Скорее, напротив.

Закрыв глаза лапой, Ману впился когтями в собственную гриву.

— Сарнисса, я боюсь, я не знаю... Когда я дохожу до этого момента, то меня начинают держать какие-то мысли, очень много мыслей. И самая главная: «Уже можно? Или нет?!». Кроме того, я как-то боюсь причинить страдание, боль, сделать что-то не то... Насилие. А соитие — это всегда насилие, понимаешь? И получается, что всё мое желание тухнет в этом бесконечном сомнении, что питает само себя. Понимаешь, этому нельзя научиться, этому не могут научить. Это нужно пробовать самому. У меня никогда не было такого, чтобы, знаешь... чтобы было без напряжения, без переживания и обязательств, чтобы я знал, что в случае неудачи ничего страшного не будет. А у меня всё было словно в последний раз в жизни. Ты с ней ходишь, гуляешь, даже целуешь, всячески ласкаешь, но оттягиваешь этот момент — потому что страшно! И чувствуешь, что уже можно, что уже надо... А потом приходит момент, и думаешь: «Нет. Наверное, еще нет. А вдруг она обидится?!». Вроде прекрасно знаешь, что делать. Но на самом деле — не знаешь! Получается всё как-то смешно, нелепо, невпопад. О, нет, я сошел с ума. Зачем тебе это говорю...

Похоже, трагическая история Ману очень слабо тронула львицу. Она продолжала смотреть на него смешливо и порочно, иногда даже ухмыляясь в такт рассказу; совершенно нарочно Сарнисса лежала в расслабленной, вольной позе, всячески играя хвостом, словно противопоставляя его сжатость, тугую собранность и напряжение.

— Вот со Сэнзалли... — сглотнул он. — Посмотри. Если я облажаюсь — а я облажаюсь — то она подумает, что я ненормальный, или не хочу ее, или еще чего. Она подумает... Шакал, мы с тобой тут говорим, а она может узнать!

— Не узнает, — покачала головой Сарнисса, закрыв глаза.

— Чего ты так уверена?

— А ты ей не рассказывай, — очень медленно подмигнула она.

У Сарниссы всегда всё просто и ясно.

— Ну да. Она ведь шамани. Что-то да разнюхает. Попробуй пойми, как она это делает.

— Это, наверное, очень трудно жить со львицей, которая всегда знает, когда ты лжешь, — снова засмеялась Сарнисса. — Да не узнает, расслабься. Просто поймет, что мы с тобой беседовали на эту тему... Ничего страшного. Кроме того, поверь — если она может ощутить ложь, то уже давно ощутила твою неуверенность. Так что, если хочешь, ты облажался еще раньше.

Это простое и совершенно точное замечание совершенно сбilo его с лап.

— Ты меня просто убиваешь... — Ману было так плохо, что разболелась голова.

— Да ладно. Я тебе показываю мир таким, как он есть.

Он сидел недвижно, а потом встрепенулся, и молвил, глядя ей в глаза:

— Знаешь, тут наверное нужно... Пусть мне Сэнзалли посоветует какую-то шамани Союза, самую лучшую, и я пойду к ней за советом или за травой какой... — уверенность его гасла с каждым словом.

Сарнисса точно выдержала нужные мгновения молчания.

— Да только вот Сэнзалли сама есть шамани. Зачем искать? Иди к ней.

Ману замахал лапой, словно закрываясь от слепящего солнца:

— Нет-нет, я не могу ей сказать. Это ж кошмар будет. Я просто спрошу у нее, куда обратиться, куда идти. Скажу, что у меня небольшая проблема или болезнь... — цеплялся Ману за собственную бессмыслицу.

Мягко, как волна, перекатившись по траве, Сарнисса невозмутимо ответила:

— Ага, а она тут же предложит обратиться сразу к ней. Сэнзалли спросит: «Зачем идти, если у тебя есть я?». А ты... Ты что скажешь? Она тебя по глазам раскусит. Даже я раскусила, Ману.

— Не знаю, пусть мне дадут какое-то снадобье, чтобы я сразу или сдох, или обрел уверенность. Иначе сойду с ума.

Она смотрела на него, улыбаясь, чуть приоткрыв рот; глаза ее светились каким-то веселым, озорным огнем. Потом Сарнисса толкнула его лапой, ощутимо так:

— Да не надо тебе никаких трав. Никаких снадобий. Ману, тебе нужна львица.

Он ощутил ее когти на своей гриве.

— Знаю. Знаю. Я понимаю.

— Хочешь, — Сарнисса выдержала хорошо продуманную, мучительную паузу, — я кое-что скажу?

— Да.

— Всякое желание, которое ты стараешься придушить, бродит по телу и отравляет жизнь. А тем более такое сильное и основное.

— Это верно. Это верно... — он посмотрел на нее, потом отвернулся. Потом снова на нее.

— Есть один верный способ убрать искушение — поддаться ему. Это тоже верно?

— Да. Верно.

Она чуть приподняла голову, чуть прижала ушки; рот ее всё так же приоткрыт, и Ману видит ее чуть обнаженные клыки. Лежит она, как обычно лежат львицы — передние лапы, как обычно, вдоль тела, а задние — набок. Его вдруг совершенно заорожили плавные, округлые линии бедра, что переходили в стройную лапу, на которой покоился кончик хвоста.

Взгляд у нее... То ли заинтересованный, то ли насмешливый, то ли гордый, то ли высокомерный — невозможно сказать. Ее глаза несколько раз осмотрели его с лап до ушей. Когти правой лапы еле заметно втягивались и вытягивались.

— Ману, а какую львицу ты хочешь?

— Не знаю. Иногда я думал, что почти любую.

Он почему-то подумал, что Сарнисса посмеется над этими словами. Сын конунга! Почти любую! Но такого не случилось.

— А о чем ты мечтаешь?

— О всём.

— Ману, когда ты смотрел на меня... Ты думал об этом?

— Да.

— А сейчас — думаешь?

— Да.

Игриво улыбаясь, Сарнисса опустила взгляд, а потом снова пронзила его жгучестью, снова чуть приоткрыв рот. Ей определенно доставляла наслаждение эта совершенно издевательская игра.

Поняв, что она просто мучает, терзает его, Ману хотел было всё решительно, свирепо прекратить. Но как-то не мог. Потому лишь устало и напряженно молвил:

— Сарнисса, вот зачем ты меня пытаешь?

Она в ответ лишь подняла бровь.

«Шакал, чего она хочет добиться? К чему всё это?!».

Ранее его взгляд блуждал вокруг, боясь остановиться на ней. Теперь Ману решился ответить ей, разглядел получше.

— Ману. Идем? — взмахнула она хвостом чуть сильнее, чем позволяют приличия.

— Но... Как...

— Идем? Третий раз не спрошу.

— Да.

— Уйми волнение. Никаких обязательств.

— Я...

— Тогда иди за мной. Поймай меня, — мурлыкнула она, хотя убежать было некуда.

**

Их собралось тридцать голов. Дэнэнаи обещали, что дадут еще десять, но обманули.

— Изверги! Изверги! Сущие изверги! — смеялся кто-то из старых, разглядывая ставших в ряд молодых львов-вольсунгов. Некоторые из них сегодня, вполне возможно, станут ринасу, а это всегда важный день для всякого молодого льва. В этот день над ними будут подшучивать все, кому не лень — так положено. По традиции. И бить по ушам — это тоже традиция.

Первым на землю Союза должен ступить прайд Хустру. Это на юге. Йонурру же пойдет в северный прайд Союза.

Старые, опытные сейчас не пойдут. Львицы тоже.

На всякий случай пойдут две Ашай, муганг Хустру (для руководства, приличия и присмотра), двое старейшин.

Все уже знали, что южный союзный прайд был-был... да исчез! Будто буйвол языком слизал. Разведчицы этим утром исходили его окраины вдоль и впоперек, рассматривали его холмы и скалы. Издалека, конечно. Ничего не нашли, никого не нашли. Было видно, что все ушли в огромной спешке и реально за мгновения до того, как появились разведчицы Ваал-сунгов.

Никому не нравилось, что вражеский прайд взял да исчез, причем неизвестно куда. Это только с первого взгляда хорошо. А вдруг какая-то хитрость? Наверняка, хитрость. Ведь все свободные говорят, что этот Союз — непрост.

Делать нечего, нужно делать разведку боем. Указано: если союзные будут смиренными — вести переговоры, мол, сдавайтесь нам на милость; если начнут сопротивляться — будет драка.

Муганг попросил Ашай-Китрах погадать, но те выдали смешной ответ:

— А этот южный прайд ушел.

— Это я и без вас знаю. А куда ушел? Зачем?

— Узнать не можем.

И все они, чуть нервничая, в полдень отправились на землю прайда Делванни. Муганг отправил вперед и по сторонам по двое львов — такое охранение. А сам принялся думать и зорко смотреть по сторонам.

«Наверняка засада», — подумал он.

Он и подумать не мог...

...что прайд Делванни попросту убежал со своей земли, в полном составе, прямо в Хартланд. И причиной этого стало следующее.

За день до этих событий к дренгиру Делванни попросту влетел Ульмар. Вид у него, конечно, был неважный и страшный: весь нос и морда в крови, глаза — безумно-испуганные, и слюна капает. И мгновенно напел всё, что говорил ему страх. Вольсунги здесь! Они идут!

Вспомнив всё, Аргир похолодел и приказал всем спешно собираться.

— Идем в Хартланд! — беспрестанно повторял он, боясь собственной тени...

...Ваал-сунги разбрелись по земле прайда Делванни, осматривая каждый уголок и заглядывая под каждый камень.

— Даю слово, они только что ушли! — непрестанно твердил кто-то из старых львов, и это было правдой. Сохранилось всё: запахи, следы, недоеденная туша зебры, возле Южного холма, придавленная трава, ободранная когтями кора деревьев.

Заглянули в пещеру дренгира. Конечно, Ваал-сунги не знали, что это его пещера. По-хозяйски осмотрелись. Кто-то из молодых зачем-то раскидал сухую траву, которая устилала один из уголков, за что получил меж ушей: пещера пригодится, и не одному прайду Ваал-сунгов здесь еще жить. В пути к Нахейму здесь сменится не один прайд, ведь земли-то хорошие.

Посмотрели в ниши и небольшие пещерки Южного холма.

Позже всего осмотрели Дальний холм, хотя, как ни странно, он был ближе всех к стороне Ваал-сунгов, к востоку. Видимо, потому, что он был самым крутым и замысловатым: то тут, то там торчали острые камни, то какие-то кусты, то маленькие, цепкие дроматии. Там-то и случилось то, что Ваал-сунги шутливо обозвали «первой победой».

Группа из пятерых львов, с шутками и озорством, шла по тропке, что вела наверх. Эта тропка явно к чему-то вела, потому стоило ее обследовать. Конечно, там никого не могло быть, потому все шли расслабленно, смеясь.

— Я думал, веселее будет. Хоть немного подеремся... А тут скука одна.

К группке прибилась и Ваалу-Харана, одна из молодых Ашаи прайда Хустру. Она, вообще-то, спокойно могла остаться внизу, но ее заинтересовали замысловатые черные полосы на одном из камней у подножья; поддев их когтем, Харана поняла, что они сделаны соком хирайи — в точь таким же, каким пользуются сами Ашаи-Китрах для раскраски.

Большинство сестер Ашаи-Китрах владеют пытливым, смекалистым, живым умом. Ясно, что черную краску из сока хирайи умеют делать лишь Ашаи-Китрах. Но их здесь никогда не было. Тогда кто нанес эти полосы? Правильно: мерзкие, подлые, оскверняющие мир шаманаи, либо же к ним приближенные...

...Аргир неприлично долго упрашивал Фринаю пойти с ней. Но та оказалась непреклонной:

— Я дождусь Сэнзалли! Я дождусь Менани! Они убили Ушалу — убьют и их!

Дренгир просил, угрожал, убеждал. Говорил, что нет смысла оставаться — найдут и не пощадят. Говорил, что Сэнзалли вообще не должна здесь оказаться, ибо пойдет вместе со своей группой напрямую в Хартланд — им так приказано. И Ме-

нани тоже. Говорил, что даже если Сэнзалли придет сюда, то она ничего не сможет предупредить: наверняка вольсунги перехватят Сэнзалли еще до того, как Фриная встретится с нею.

— Это моя ученица. Не уйду.

Проснувшись чувством Фриная знала: Сэнзалли придет именно сюда, в родной прайд. Она не должна оказаться тут сама, среди врагов. Наставница встретит ее и уведет в Хартланд. Да, именно так.

— Это безумие, Фриная! Всё серьезно! Пойми! Серьезно!

Нужно уходить всем вместе к Хартланду. Понятно, что с мгновения на мгновение вольсунги начнут наступать. И Аргир понимал: прайд не выдержит, он вообще к этому не готов. Конунг запретил вступать в конфликт, а следовательно — обороняться. Конунг говорил, что в случае нападения следует сдать землю, отступить, а там видно будет.

Ему предстоит самый сложный переход в полном составе прайда. Со всеми детьми, старыми, молодыми, подростками и прочим-прочим. Ничего хуже этого придумать нельзя, но это нужно совершить. И тут нужно убеждать одну львицу, тратить время и нервы.

Взбеленвшись, Аргир ударил Фриною. Та не ответила. Плюнув, он оставил ее.

«У нее и так нету родни. Шакал с ней», — рассудительно подумал он.

Дренгиру иногда нужно принимать непростые решения. Вот одно из таких.

Отец Сэнзалли страшно надоел Аргиру расспросами:

— А что со Сэнзалли? Менани?

— Я устал тебе повторять, Ариной! Устал! Они пойдут напрямую в Хартланд! Ты меня достал! В Хартланд!

Суетливые приготовления длились почти всю ночь. К огромному везению, никого не было на длинной охоте. А на рассвете весь прайд Делванни ушел на северо-запад, к спасительным землям прайда Хартланд.

Фриная осталась в пугающем, странном и трагичном одиночестве. Она, взбравшись на самую верхушку своего Дальнего холма, смотрела, как лучи восходящего солнца показывают ей вереницу родного прайда, уходящего от собственной земли. Отсюда казалось, что прайд движется невероятно медленно; тем не менее, вскоре он растворился в желтизне саванны, словно его никогда не существовало.

У Фриной не было никакого плана или даже намека на план. Она сошла вниз, торопливо попила воды на водопое, а потом снова забралась на свой холм. И почти сразу же увидела, что идут вольсунги.

Так. Нужно сберечь саму себя, пока не пришла Сэнзалли. Менани в Делванни не вернется, а вот Сэнзалли вернется точно — так знала Фриная-шамани. Что делать? Прятаться по зарослям и кустам? Спрятаться где-то на холме?

Но ей нужно знать, когда именно Сэнзалли придет. Почувствовать. Чтобы перехватить и отвести прочь. Для этого нужны тишина и покой.

Пока голова раскалывалась от мыслей, вольсунги подошли совсем близко. Пребывая в некоем оцепенении, тумане, Фриная зашла к себе в пещеру. «Первое, к чему пойдет Сэнзалли — так это к пещере шамани. Значит, нужно ждать ее тут. Она славное дитя...», — с обреченной эйфорией подумала Фриная и всплакнула, но совсем чуть.

Послышалось два рыка странной, высокой тональности. Наверняка, это какой-то знак у вольсунгов.

Она подумала о том, что так мало прошла дорог, и так много сделала ошибок. Знала Фриная, знала, что ученица не слишком уважает ее; но так случилось не со зла — всё, что она могла отдать, она отдала. Всё, что умела — сделала...

...Ваалу-Харана первой насторожила всю группу, когда они были в нескольких прыжках от входа. Она неуверенно предупредила, ощутив слабое дуновение ветерка по загравку:

— Кажись, там кто-то есть. Хостурры есть. Кто-то есть!

Сначала никто не решался войти. Со света дня невозможно разглядеть, что там творится, во тьме пещеры...

...Фриная подумала, что дальше прятаться глупо. Вольсунги что-то заподозрили, и наверняка ее найдут, продрогшую, в темном углу. Разве это достойно?

Можно ведь сделать хоть один смелый поступок в жизни?

«Я их совершила немного. Ну, да ничего», — остранным, словно не о себе, подумала Фриная, выходя им навстречу...

...Эту вражескую львицу легко убил кто-то из молодых; он сидит степенно, важно, но иногда глупо улыбается. Это у остальных пусть голова болит — будут ли считать их поход достойным звания ринасу, либо же нет. Скорее всего, муганг вместе со старейшинами решит, что поход не был боевым, и снова молодые львы, что и в этот раз не стали ринасу, получают смешливые оплеухи по ушам.

Но его звание теперь уж точно никуда не убежит. Ведь он, считай, первый, кто открыл счет побед в этой войне.

Когда он увидел эту львицу, то бросился мгновенно, не думая, как и учили. Тут думать вредно. Кто задумался — тот и прозевал шанс доказать свою смелость. Правда, потом Ваалу-Харана сказала, что эта львица была шаманаей. Говорят, это к добру не приведет — шаманаи могут мститься даже после смерти. Но Ашай-Китрах успокоили:

— Не тревожься. Если что — поможем. Ваал с нами, Ваал с тобой.

И теперь все хаману — его.

Мотивация — великая вещь.

Потом долго спорили о том, правильно ли он поступил либо нет. Некоторые начали брюзжать, что стоило эту львицу сначала допросить. В конце концов, муганг махнул лапой, когда всех собрал для возвращения:

— Убил так убил, чего спорить. Тем более шаманаю. И вообще, я-то думал, с этим союзом будет что серьезное. А тут прогулка.

Все заулыбались.

— Ладно, пошли назад. Завтра эта земля станет полностью нашей.

**

Вообще-то, Сэнзалли намеревалась просто поспать, отдохнуть, но как только сомкнула глаза, так сразу вылетела из тела; тут же выбросило в сиящую темноту, а потом ее душа попала в «черный» мир, который уже неплохо ей знаком. Ранее Сэнзалли старалась всеми силами избегать его — зналось, что в нем ничего живого, одни лишь темно-бурые камни, совершенно бессмысленное небо с красными прожилками, плавающее, нестабильное восприятие и ощущение некоего то ли жара, то ли шипения внутри второго тела. Он — промежуточное звено между домашним, привычным миром и миром «шепчущих камней» (Сэнзалли не знала, как его называют другие шамани, потому приходилось придумывать собственные слова).

Выяснилось, что он совсем не так уныл и прост, как кажется. Если мир шепчущих камней был источников инсайтов, туманных предсказаний, предчувствий,

всего неясного и непрочного, то, как выяснилось, черный мир — мир знания: прочного, твердого, ясного. Причем знание не приходило в словесном виде, а словно сразу поселялось в сознании. И Сэнзалли, только попав туда, уяснила для себя, что изначально вполне верно определила смысл и природу древнего слова «нйах». Она сразу попала на какую-то вершину, которую особенно сильно пленил этот внутренний жар; в один момент она казалась небольшой, а в другой — ужасающе высокой. На ней стояла глыба, а на глыбе — нечто начертано. Сэнзалли не разобрала в прямом смысле, что именно, а просто поняла, что это — «нйах».

«Нйах прекращает сотворение мира, а потом возобновляет его».

— Нйах! — крикнула она, и тут же всё словно исчезло, и не только всё — Сэнзалли сама исчезла. Было «до» и «после», но «между» не было. В этом «между»: пустота, небытие, отсутствие. Кольцо времени словно кто-то перекусил надвое.

Черный мир поменялся. Другими стали очертания скал, гор, камней, чуть другим стало красное небо без солнца.

— Нйах!

Всё снова чуть поменялось, изменились оттенки.

— Нйах!

Ясно, почему всё слегка, но меняется. *Сновидение* — это ведь огромное, нестройное, волнистое отражение мира; если закрыть глаза, глядя на воду, а потом открыть, то увидишь новый хаос отражений, иную игру бликов и тени.

«Когда моя душа наново делает этот черный мир, то он не будет тот, что прежде», — подумала она.

Сэнзалли начинала понимать всё глубже. Исчезновение мира, его «неделание» сознанием длилось ничтожное мгновение. Но выход из этого небытия, возвращение, новый цикл делания мира требовали маленького, но времени; и именно в этот момент сознание совершенно беззащитно; что ему преподнесут, что покажут — из того оно начнет строить свой мир.

Если совсем просто, то «нйах» — слово для остановки сознания. Маленькой смерти. А потом сознание очень быстро рождается заново.

А показать и вселить во время перерождения можно что угодно. В том числе — ночной страх.

Сэнзалли, поняв это, одновременно усвоила еще одну вещь, которая показалась ей невероятно важной.

Видение, за которым так стремятся столь многие шамани, не может быть восприятием мира таким-как-он-есть. Никогда в жизни. Мир тогда и будет этим «ничто», пустотой; ибо он настолько же ничтожен без сознания, как и оно без него. Сознание нельзя поставить над миром и воспринимать.

Видение — это просто способ более широкого восприятия. Не больше. Не меньше.

«Я — вселенная, что созерцает саму себя», — радостно и печально подумала Сэнзалли.

Как только мелькнули молнии этих мыслей, ее тут же перекинуло в тот самый мир, что она обозвала «белым». Тот самый, где были прекрасные львицы и львы, их алые следы и общая невесомость жизни. Только душа было осозналась, взлетела вперед, как Сэнзалли прямо в сновидении услышала громopodobный то ли стук, то ли зов.

Она поняла, что сейчас вернется назад. Что ж — домой, так домой. Но случилось удивительное, даже изумительное: Сэнзалли словно пролетела мимо первого мира, домашнего мира, сквозь собственное тело — не задерживаясь; она ясно ощутила это. Ее понесло дальше... вверх.

Странно!

Какое «вверх»?!

В *сновидении*, если вверх по древу миров, то возникает чувство провала, падения. Это правило Сэнзалли успела понять вполне хорошо. А если возвращаешься домой, так с ревом и звоном в ушах тебя уносит ввысь. Ведь ее дом — нижний мир. А нижний мир — в самом низу, считай — основа всего. По крайней мере, для нее лично.

Неужели какое-то исключение? Либо это совсем не правило?

Сэнзалли видит берег реки. Только берег реки какой-то странный. Всё странное. Тусклое, краски не те, живость не та. Чувствуется пустота и истощение силы этого места; Сэнзалли осмотрелась и поняла — попала не домой, а куда-то еще. Вдруг заметила: напротив нее — львица! Но какая-то... необычная. Тяжелая какая-то, нескладная.

— Кто же ты? — без страха и страсти спросила Сэнзалли.

Но в ней не было блеска осознания в глазах; вместо этого взгляд у нее был покоен, лишь полон мудрости охотницы, но больше ничем. Она никак не ответила на слова шамани.

«Какой тяжелый мир. Тут всё так... неясно, измученно».

Сэнзалли вдруг мгновенно куда-то унесло, и теперь она мельком увидела, как некое странное, нелепое существо на двух задних лапах слабосильно ходит под деревом среди сырости и серости, склонив голову.

И тут же снова уход, только не назад и вверх, а назад и вниз — необычный признак.

«Мир какой-то... напрочь гнилой, гнетущий, блеклый. Мир слабого сознания и мутных странствий. Странно, что даже в таком есть живые души. Наверно, попали туда по ошибке», — успела подумать Сэнзалли, потом ее настиг рев, и она медленно, но верно выкатилась домой, в свое тело.

Всё оказалось непривычно ярким; свет резал глаза. Над нею склонились Нихмуд и Хизая, и первые слова, что они сказали, Сэнзалли не поняла совершенно. Но потом будто что порвалось внутри, и она обрела себя — повседневную, привычную.

— Проснулась таки... Мы думали, не случилось с тобой чего, — тревожно сказала Хизая, по-матерински поглаживая ее по загривку.

Молодая шамани Союза оглянулась по сторонам. То самое гнобящее чувство утраты, потери, как и вчера днем. Ой, дрянное что-то происходит дома, во прайде... Дряннее некуда.

— Снова худое приключилось.

— Что? Что? — допрашивалась Хизая.

Нихмуд смотрел на нее тяжело и устало, будто измучился от плохих новостей.

— Так же, как вчера. Боюсь я такое говорить, но кто-то из моих близких.

— Чего? Что?

— Умер кто-то у нас дома. Умер, Хизая. Ушел в пустоту безо всякого «Нйах!», — искренне расплакалась Сэнзалли.

Хизая мало что поняла, но сразу обняла ее, словно дитя.

«Самое страшное», — подумала Сэнзалли, ощущая теплую шерсть и теплое сердце Хизаи, — «это то, что после смерти нас нет ровно так же, как нет до рождения. «Нйах» длиною в вечность до того, как родилась. Такой же — по смерти. И миг между всем этим — мимолетный блеск моей жизни. О небо, как жутка тропа знания. Какое трудное знание она дарит. Как твердо устоять на ней?».

Немного поплакав, успокоилась. Даже Нихмуд несколько раз, нерешительно, но похлопал своей огромной лапицей по спине Сэнзалли, стараясь таким образом проявить эмпатию.

— Осторожней, дурак. Спину дитю переломает, — то ли в шутку, то ли всерьез предупредила Хизая.

— Да пошла ты! — неожиданно зло ответил Нихмуд. — Что бред несешь? Как спину переломает? Ты чего, сдурела?

Определенно, поход уже успел сказаться, вымотал: и телесно, и душевно.

— Чего-чего?! На те, выкуси, — лягнула Хизая ему по морде, без когтей, но смачно. — Пойдешь сам туда же.

— Не ругайтесь.

Сэнзалли сказала это тихо, безо всякого усилия или намерения, но они враз притихли, поняв бессмысленность и пустячность ссоры.

— Перестаньте, пожалуйста. Без этого плохо.

— Сэнзи, ты не знаешь, где Ману? И Сарнисса? — обратился к шамани Нихмуд.

— Их здесь нет?

— Как видишь, — Хизая сказала это с плохо скрытым укором. — Мы уж хотели пойти искать... Но тебя не могли бросить. Ты так беспокойно спала. А пробуждаться не хотела — я несколько раз тебя трясла за плечо... и лапу.

Нихмуд, уцепившись когтями передних лап в ствол, осмотрелся. Делал он это медленно и важно, словно лев на обходе собственного прайда. Издав приглушенный, тихий рык, он медленно оставил деревцо в покое.

— Нигде не видать.

— А где северняки? — Сэнзалли помаленьку начинала просыпаться. Вообще-то, ей несвойственно сонливость, но сейчас как-то совсем неважно. Лечь бы и поспать еще сутки.

— Еще до рассвета ушли, кажись. Я даже не заметила.

— А Ману и Сарнисса... они не могли куда-то с ними пойти? Или... это как-то связано с ними? — с тяжестью сказал Нихмуд.

— Что ты хочешь сказать? — сразу не на шутку встревожилась Хизая.

Нихмуд выглядел мрачно и угрожающе.

— Вполне возможно, что здесь что-то не то. Ведь Ману обязательно предупреждает, если куда-то идет, и вообще... Взяли и двое просто исчезли? — с подозрением молвил он, вынюхивая землю там, где спали северняки. — Подозрительно всё это. Сэнзалли?

— Да?

— Ты можешь как-то узнать, что с ними? — Нихмуд, казалось, встревожился еще больше, чем Хизая.

— Я попробую. Если не получится так, придется мне уснуть... Но вообще, я плохо ищу пропавших, — прижала уши Сэнзалли, вспомнив тени прошлого.

Послышался язвительный, с издевкой, смех Хизаи. Она и себе повторила трюк Нихмуда, только со значительно лучшим результатом: глаз охотницы верно и точно нашел то, что нужно.

— Не надо ничего искать. Вон они, идут сюда.

Нихмуд бросился к Хизае:

— Куда это они ходили? — спросил так, будто она была повинна в их отсутствии.

— Сейчас придут, вот и спросишь, — небрежно бросила львица Велари.

— Чепуха какая-то. Нельзя вот так, ни слова не сказав, бросать часть группы. Я первый раз вижу такую глупость от Ману.

Так и ждали их прихода: Нихмуд — вглядываясь в высокие травы; Хизая — с нарочито равнодушной мордочкой села возле него; Сэнзалли же, не в силах выносить дремоту, чуть прилегла, аккуратно подложив для подбородка лапы.

— Ману, где вы были? — спросила Хизая таким тоном, каким могут задать такой вопрос только львицы.

— Искали воду, — вздохнул он, почему-то отряхивая лапы. — Мы ведь вчера не развели ее... Это мое упущение.

Сэнзалли вдруг наострила ушки и даже чуть привстала; нет, ее не обманешь — она хорошо чувствует чужой взгляд, а тем более нацеленный с такой... с таким... с чем?

Сарнисса глядит на нее с выражением довольства и утверждения самой себя. Взгляд уничижительный, втоптывающий. Конечно, Сэнзалли снесет такое легко, без труда, она сама может втоптать ее куда поглубже, но... Ах, вон оно что. Вон оно что.

Молодая шамани, оставив это соревнование, поглядела на Ману. Тот избегал даже смотреть в ее сторону, нечто рассказывая Хизае с преувеличенной важностью.

«Ах ты, подлец! Ах ты ж подлец... Впрочем, почему подлец?.. Ты ничего не говорил мне. Не клялся. Не обещал. Сарнисса для тебя лучше, видимо... Она шустрее, хитрее, быстрее. Что ж. Ты не выдержал горечи марзары, которую храню я в себе, как любая из нас. Как всякая шамани. Побоялся ты меня, но не побоялся ее».

Она вздохнула и подумала, что их цветы увяли, так и не распустившись. Но внешне, конечно, не подала виду.

Всем слабо улыбнулась:

— Ну что ж. Нам пора отправляться. Нас ждут наши прайды.

**

Хизая выжидала момент, долго и терпеливо. Она уж думала, что не выловит его, не улучит. Но таки поймала.

На самом деле, набив лапу во всяких мелких итригах внутри прайда, Хизая прекрасно научилась разбираться в чужих поступках и мотивах. Кроме того, как ей рассказывала мать, кто-то из ее предков был львицей-шамани; мать говорила, что в Хизае передалась часть ее сил, а потому в Хизае живет такая хорошая интуиция.

Кроме того, Хизая наблюдательна. Крайне наблюдательна. Потому у нее не осталось сомнений, по какую такую «воду» ходили Ману и Сарнисса.

«Стоит? Не стоит говорить? Ай, ладно. Пусть знает, дурак такой», — решила Хизая.

— Оставайтесь тут. Я залезу на эту мелкую скалу, осмотрюсь, — сказал Ману, когда проходили мимо небольшой скалы.

Сэнзалли знала, что они практически дошли до своей цели — тропы между Делванни и Регноран: она вспомнила эту самую скалу, на которую сейчас хотел взобраться Ману. Если идти из Делванни в Регноран, то она будет по правую лапу, всего лишь в сотне прыжков. Но смолчала.

«Теперь пусть они идут направо, а я — налево. Расходятся наши тропы. Я сама пойду в Делванни, а Ману пусть идет в Регноран. Пусть предупредит. Пусть ведет... свою Сарниссу в свой Хартланд. Да-да, забирай ее, а еще детей впридачу не забудь, что забыты ею в Иллари», — Сэнзалли, как-то совершенно неожиданно для самой себя, начала до боли ревновать.

Терзал этот извечный вопрос: почему? Почему он выбрал ее, а не меня? Где я ему не понравилась, где ошиблась?.. «Ты боялся меня, и потому решил пойти легким путем? Ты побоялся меня! Ты побоялся меня, ибо я шамани. Теперь мой «Нйах!» назначен лишь для врагов, а я больше не смогу и не захочу снимать им твою неуверенность...».

Сэнзалли один миг казалось, что всё хорошо, и она отрешенна; в другой, тут же, казалось, что готова изодрать весь мир в клочки, а особо эту пакостную Сарниссу, которая медленно, исподтишка, но уверенно добилась чего-то своего. Ничто ее не удерживало, кроме воли.

— Не вполне уверен, но кажется, нам не так много осталось, — всматривался Ману прямо в закатную даль, шурясь от яркого, алого солнца.

Он находился на уступе, а Хизая подступилась к нему снизу:

— Ману, думай про меня что хочешь. Но я спрошу тебя: ты что наделал?!

— В смысле? — не обернулся он.

— Не притворяйся!

— О чем ты, Хизая? Я, право, не могу тебя понять, — не оборачивался он, хотя и не видел, во что смотрел.

— Ману... Ты хоть на толику понимаешь, как сегодня сглупил?

— Да объяснись же, наконец! — посмотрел на Хизаю.

— Куда ты и Сарнисса ходили? Гм?!

— Пить воду. Нууу, в смысле, искать воду.

— Ага. Да. Теперь это так называется, — хмыкнула она.

Ману выдержал нужное для возмущения время.

— Ты на что намекаешь?

— Ой, прямо совсем не понимаешь? Зачем дальше притворяться, Ману?

— Ну и что с того? — осмелел он.

— Ничего. Совсем ничего.

— Сарнисса сама захотела, понимаешь? Са-ма. Она сказала мне, что это просто так. Ей захотелось. Извини, но со мной всё в порядке... — с чувством большого опыта молвил Ману.

— Никогда нормальная львица не делает этого «просто так». А Сарнисса более чем хорошо смекает. Или ты считаешь ее сумасшедшей?

— Не считаю, — равнодушно повел он ушами.

— То-то же. Запомни: львица всегда ждет чего-то взамен.

— Какая ты циничная. И вообще, не надо судить по себе.

Хизая пролотила обиду.

— Взамен, это значит: привилегий, любви, внимания, теплоты, хорошей жизни, хороших детей и тому подобное. И будь уверен, что Сарнисса что-то от тебя затребует.

— Как хотел, так сделал. Она сама передо мной вертелась так, что уж извините...

«Я правду говорю, в конце концов!», — раздраженно подумал Ману. — «Подумаешь — большое дело!».

— А о Сэнзалли ты не думал?

— Ты ведь ей не расскажешь, правда ведь, ага? — смешливо сказал он.

— Угу. Не расскажу. Но поверь, ей ясно всё и без меня.

— Тебе-то какая разница, Хизая? Не забывайся, в конце концов. С чего это ты решила меня воспитать?

— С того, что ты — будущий конунг. И мне безразлично, каким львом он будет!

Ах, эта Хизая, львица старых, глупых правил.

— Можно подумать! Мой отец — плохой конунг? А? А, скажу тебе, паинькой он не был! И не есть! Что хочет, то и делает!

— Знамо ж ты дурак, Ману. А с виду умный... Сейчас, в это трудное время, ты мог бы получить себе такую пару, которая помогла бы всему Союзу. Ты бы с ней никогда не пропал, Ману. Ты, считай, обменял пару хорошеньких мгновений на будущее Союза.

— Что за чушь ты несешь? Причем здесь вообще Союз? Где Сэнзалли, а где Союз! Ты хоть понимаешь, что тут говоришь?

— Это ты не понимаешь, ты еще дитя. Тебе кажется, что жизнь — это веселая прогулка. Ты даже не подозреваешь, какие трудные времена нас ждут. Мне не жаль того, что у тебя был шанс получить такую львицу... Мне жаль того, что у Союза был шанс. Теперь он исчез. Ману, поверь — ты останешься со страшным миром один на один, хоть возле тебя будет куча голов. Но никто из них тебе не поможет... А той, что могла бы, ты расцарапал сердце когтями.

Вдруг Хизая реально толкнула его, без жалости:

— Что она тебе сделала? Зачем ты так с нею?!

— Пошла ты... Хизая! Слушай немедленно сюда! Ты позволяешь себе слишком много! Я не лез в твою жизнь! И ты не лезь в мою!

Хизая ничего не ответила, и только уставилась на собственную тень, которая казалась пугающе живой и большой.

**

Сэнзалли остановилась.

— Это — тропка от Делванни к Регноран. Я пойду домой, а вы идите в Регноран.

— А это точно она? — спросил Нихмуд, которого сразила та неожиданность, с которой остановилась и обнаружила этот путь молодая шамани.

— Точно. Давайте попрощаемся... Времени у нас очень мало.

— погоди, погоди, Сэнзи. Ты пойдешь в Делванни сама?

— Я пойду сама, мне не впервой. Вы идите к регноранцам. Предупредите. А потом в Хартланд. Впрочем, что я говорю — тебе, Ману, виднее, как делать.

Само собой получилось, что все встали в ряд перед шамани. Сэнзалли, несмотря на то, что Ману неуверенно сделал несколько шагов к ней, первой подошла к Сарниссе.

Львица Иллари смотрела на нее со всё тем же вызовом, только теперь с огнем превосходства.

— Сарнисса.

— Да?

— Хочешь предсказание на прощание?

Ей, конечно же, стоило ответить «нет». Наверняка она должна услышать какую-то мстивую пакость. Но вдруг Сарнисса по глазам Сэнзалли поняла, что такого вовсе не будет. Не то что бы стало совестно или еще как... Сарнисса вообще никогда ни о чем не жалеет. Да и о чем тут жалеть? Она ничего плохого не делала для Сэнзалли, а Ману — так у него своя голова. Никто никого не заставлял. Просто подумалось, что Сэнзалли, как ни крути — львица с «высоко поднятой головой», как сказала бы ее мать.

Мать. Почему-то Сарниссе вспомнилась мать.

— Давай.

— Ты умрешь храброй и достойной смертью. Предки улыбнутся, когда увидят ее.

Сэнзалли оставила ее и подошла к Нихмуду.

— Прощай, Нихмуд.

— Чего так грустно? Лучше: до свидания!

— Да. Давай, — улыбнулась шамани. — Может, еще свидимся.

Оставив и его, подошла к Хизае. Та кивнула шамани, когда взгляды встретились.

— Хорошо, Сэнзалли. Хорошо, — почему-то сказала она.

— Хорошо?

— Да. Очень. Прости, если что не так.

— И ты прости. Прощай.

— Прощай, Сэнзалли. Я горда, что была с тобой в одном походе.

Улыбнувшись ей, Сэнзалли, наконец, посмотрела на Ману.

— Давайте отойдем, — тихо предложила Хизая.

Сарнисса удивленно посмотрела на нее. Но перечить не стала, стыдясь портить момент прощания собственной наглостью или еще чем. Пусть прощаются себе, им так назначено...

Сэнзалли видела, как отошли остальные, но Ману не видел; а потому чуть пугливо обернулся, когда она подошла вплотную. Впрочем, она не стала подходить слишком близко, а потому он сделал несколько тех самых шагов навстречу ей, которых недоставало.

Рассматривая его сердце и душу, Сэнзалли вдруг поняла, что ее *вирд* жесток, но в чем-то хранит истинную справедливость. Она раньше не желала *смотреть* на него, не желая знать о нем слишком многое — это вредно для нежных отношений. Но теперь, когда всё выжжено дотла, можно делать что угодно, и молодая шамани могла сказать, что ей с ним всё же не по пути.

Пришло небольшое безмолвное знание, которое вызвало на ее мордочке легкую усмешку:

— Ты, кстати, будешь править. Это мое предсказание для тебя.

Ману попытался дотронуться к ней, но Сэнзалли, естественно, мягко ускользнула. Он бросил свою попытку.

— Что тебе оставить? Боль или воспоминание? Я не могу решиться.

— Оставь воспоминание... Хотя, нет. Знаешь что... Оставь мне боль. Чтобы я не был у тебя в долгу, — ответил он, устыдившись себя, но несильно. Так. Для приличия. Ведь приличие должно соблюдать не только перед другими, но и перед собою. Можно чуть поугрызаться совестью.

Сэнзалли дотронулась к гриве Ману.

— Хорошо. Я хотела когтями оставить память на твоей щеке, и это было бы твоим воспоминанием. Но ты выбрал боль...

А затем она очень медленно и легко лизнула его в щеку; его обжег ее поцелуй.

— ...теперь ты всегда будешь нести в себе горечь марзары от поцелуя шамани. Это будет твоей болью.

— Прости меня. Всё случилось не так, как я... — пытался он что-то сказать.

— Не извиняйся. Льву это не пристало. Прощай.

— Сэнзалли, не прощайся! Я еще увижу тебя!

Она уходила на юг, домой.

— Будь осторожна, Сэнзи! — прокричал он ей вдогонку, не сходя с места. К нему подошла Хизая. — Вдруг вольсунги уже наступают!

Всякая дорога, если слишком длинна — утомительна. Вот и теперь Сэнзалли, крайне устав от этого похода, отрешенно шла по тропке на родную землю, в Делванни, не особо терзаясь мыслями. Она немножко подумала о Ману, и ее сентиментальная натура не могла не дать волю слезам; теперь можно — теперь никто не видит. Поплакавши, ей стало легче и уютнее на душе. Но ненадолго.

Мир укрыла ночь.

— А, может, я слишком мягка? — подумала Сэнзалли, ступая во мраке тихо, неслышно. — Слишком много влила чувств?

И верно. С чего она решила, что всё это к чему-то приведет? Ману ей ничего не выказывал, не обещал, и вообще...

Не было в нем к ней страсти или большой любви. Так, симпатия.

Ее это вдруг озлило. Она так надеялась на нечто настоящее, чистое, скрепленное общим вызовом, общностью, трудностью; по сути, никогда ты не убежишь от самого себя, и романтическое сердце всегда таким и останется, как ни выдумывай себе что иное. То, что теперь у нее есть знание и сила, не меняет этого совершенно.

«Если бы у тебя, Ману, было бы простое, преданное чувство, то я пошла бы с тобой куда угодно и сделала что угодно».

Сэнзалли уязвило то, что он, в итоге, испугался ее; ведь она чувствовала, как Ману боится.

— Трус! Негодный трус! — вдруг пришла она в темную ярость. — Вокруг лишь трусость! Все боятся, и больше ничего с вами не происходит!

Как-то враз в ней всё перевернулось, и мысли стали темнее, мрачнее, от них повеяло холодом, уверенностью и силой. «А почему всё так случилось? Просто всё. Ясно, что Сарнисса просто взяла да соблазнила его. Негодница. Испортить бы ей всё. Но нет уже, поздно».

Хотя нет, почему поздно?

Совсем нет. Сэнзалли знает одно хорошее средство, нужна только стоячая, гнилая вода. Можно быстро, черненько пакостей наделать.

«Ведь смеялась в самые глаза, насмеялась!».

Даже несмотря на то, что Сэнзалли много сильнее ее, в итоге Сарнисса победила, а шамани — проиграла.

Дело даже не в Ману. Гиена с ним, пусть делает, как хочет. Дело именно в том, как Сэнзалли позволила с собою обойтись.

«Правильно сделала в самом начале, что дала ей страх. Это было верно. А потом выиграла во мне вина, добродетель... Вот Сарнисса и потихоньку осмелела, исцарапала мне душу. В мире суть так: покажешь слабость — мигом съедят...».

«А что такое «добродетель». Где-то чушь, где-то вздор, где-то обман».

Ведь мы всегда стараемся выглядеть пристойно в собственных глазах, уверены, что наш дух не испорчен до конца и не полностью принадлежит этому миру; мы надеемся, что все наши пороки, которые всегда видны нам в полном и незапятнанном виде, рано или поздно изотрутятся нашими достоинствами. Мало кто желает принять себя порочного, мало кто следует сути этого мира полностью и без оглядки. Все верят в свою добродетель и правильность, но никто не верит в свой порок. Хотя, по-честному, только он в нас — настоящий. Мало кто честен с собою до конца; все лгут даже себе, следуя привычке, которой учатся с детства. Оттого и бывают муки, сомнения: твое естество знает себя, порочного, но ум считает, будто ты нечто другое.

«Я темна, темна... Как и все — я темна. Но они не видят своей темной бездны, а я — шамани, и мне суждено видеть; потому буду следовать своему желанию,

силе и своему «Я». Это будет моим пороком; если таковым оно есть — так пусть, мне неважно».

Сэнзалли вскоре пришла к берегу реки. Всё, теперь следовать ей — попадешь домой. А вот и подходящее место, со стоячей водой. Как раз, что надо.

— Сейчас я тебе устрою! — чуть прорычала шамани себе под нос. Устроит! Не впервой справляться с обидчиками.

Пройдя по утопленному бревну взад-вперед, Сэнзалли остановилась. Она глядела на мутную водную гладь и злость отпустила, освободила. А потом исчезла. Сэнзалли с печалью смотрела на саму себя, красивую и грустную.

«Что за чушь во мне живет. Эти глупые мысли лишь крадут мне силу, а дают взамен что? Да ничего... Если я истрочу ее на это, то... Ха-ха-ха, забрать силу трех львов сквозь их смерть лишь для того, чтобы мстить соперницам после любовных интрижек», — Сэнзалли даже улыбнулась, хотя ей не стало смешно. — «Как нелепо. Впрочем, в жизни всегда есть место нелепости».

Она растянулась телом по упавшему дереву, свесив лапу к черно-серебряной глади воды.

«В этом мире нет ни победивших, ни проигравших. У каждого просто свой путь, который должно пройти безупречно».

— Я не буду мстить тебе, Сарнисса. Но ты напомнила мне о темной бездне, что я храню в себе. Вечность с тобой. Живи, как умеешь.

Оставив воду в покое, молодая шамани продолжила идти домой. Нужно спешить, там ждут... Странно, но Сэнзалли чувствует какую-то пустоту от родной земли... Но ждут они, ждут, должны — прайд Делванни будет стоять на своем, на собственной земле! И мать, и отец, и сестра, и наставницы... Наставницы. Ай, а почему и здесь пустота? Почему тихий зов Сэнзалли не дает отклика, эха от их душ?

Ладно. Недолго осталось.

«Приду — всё сама увижу».

Ману...

«Ах, Ману. Ты же трус, в конце концов. Атрисс верно говорила: есть смелые и есть боязливые. Всё остальное — ерунда».

— Зачем мне трус? Раз нету смелых, так буду сама. А то: один подарил нежное слово, поймал удачный момент, взял свое и бывал таков; трое лишь и могли, что настичь во сне и насиловать; а третий вообще ничего не мог, лишь трястись со мною в глупой неуверенности. Самцы! Львы! Ха! Смеяться лишь мне со всех вас.

Вдруг Сэнзалли подумала, что Ману боялся не только ее. Может, он боялся и Сарниссы?

Об этом даже можно сновидеть, но Сэнзалли, конечно же, этого делать не будет. Есть вещи и поважнее, которые стоит узнать в сновидении.

«Я могла помочь тебе Ману, но ты отверг меня. Надеюсь, Сарнисса помогла тебе. Ну, пусть так — зла в сердце держать не надо; стоит просто делать выводы. И больше о себе, чем о тебе».

Ночью мир вовсе иной, чем днем — настоящий. Когда светит солнце, то мы, радуясь свету и теплу, забываемся и перестаем чувствовать одиночество; то одиночество, что сопровождает всякое существо этого мира, и которое вполне изъясляет себя во мраке. Во мраке мы настоящие: остаемся наедине с собою. Так и Сэнзалли: ступая по своему пути, она прислушивается к различным ночным звукам, шаг сам собою делается тише, а слух — острее.

Смешно сказать, но много раньше она боялась темноты. Однажды Ушала, вообще-то не щедрая на истории, рассказала ей, что многие шамани (в прошлом, конечно же, не теперь — теперь всё проще и глупее) жили и охотились только но-

чью, а днем по большинству лишь спали. Сэнзалли тогда пугалась такого: как это — добровольно жить во тьме, не желая видеть света дня?

«Вольсунги...», — подумала Сэнзалли. — «Что же с вами делать? Чего вам надо и куда вы идете, болезные?».

За всё это время Сэнзалли совсем немного успела о них передумать, воспринимая их словное некое бедствие: затяжной ливень либо же ветреный шторм. Ужасно, конечно, но думать тут не о чем. Теперь же, когда она одинока, то времени на раздумья полно.

«Ладно. У меня есть для них кое-что в запасе... Победа? Чуть. Главное — следовать тому, что должна».

Повстречалось трое гепардов, что спали под деревом. Один из них проснулся и зорко проследил за львицей. Вдруг тронет?

«Странно. Аж трое. Они ведь одиночки».

Сэнзалли уже практически на земле собственного прайда.

Ночь не яркая: луна почти умерла, от нее остался лишь краешек. Сэнзалли поглядела на нее и села, прекратив идти. Вообще-то, она немного знает о луне. Ушала и Фриная рассказывали, что луна суть сестра шамани, их знак, но мельком, словно не веря в собственные слова. Рассказывали, что сила шамани во многом зависит от того, полная ли луна либо же новолуние, растет ли она или убывает, и такое прочее. Если честно, Сэнзалли никогда не могла найти этой зависимости, да и не слишком старалась, интуитивно понимая, что всё это — строго личное; у каждой шамани — по-разному.

У шамани вообще всё всегда индивидуально.

Так, знает она, что есть такая вещь: глядеть на луну. Она слыхала, что так шамани останавливают внутренний разговор, что так легче сновидеть. Раньше это казалось невероятно нудным. Вот ты, вот ночь, вот луна. Что смотреть на нее? Она неизменна, разве что если слишком долго пялиться, то кажется, будто четко видишь, как та движется. Но в целом — муть, скука.

Тут же Сэнзалли пришла в восторг от мирного и величественного ощущения, что родилось в душе. Не хотелось никуда идти, ничего делать, а просто сидеть и смотреть на серебристую сестру всех шамани, хоть сейчас она не в полной силе.

«На ней пятна. Что они значат? Говорят, львицы с пятнами особенные. Так и ты у нас, сестра, тоже — особенная».

Внутренний диалог притих сам собой. В душе стало тихонько, ясно и чисто.

И тут началось такое, что даже прочная духом Сэнзалли реально посчитала, что ее поглощает нечто огромное, и это нечто попросту сделает ее безумной, сведет с ума и так бросит на произвол жизни.

Поначалу луна с тихим, но прочно сидящим внутри ушей звуком начала приближаться, увеличиваться в размерах, причем сначала медленно, а потом всё быстрее. В какой-то момент Сэнзалли вознамерилась отпрянуть, не из страха, а просто из инстинкта. Потом Сэнзалли ощутила знакомый по сновидению рев, с которым она резко и быстро словно прошла сквозь саму луну, от которой уже не было спасения; ощущение стремительной скорости вверх, просто безумное во своей быстроте, овладело ею. Ни оглянуться вокруг, ни подумать, а только отдаться этому ощущению — всё слишком стремительно.

Вверх-вверх-вверх...

Потом вмиг — остановка. Сияющая темнота вокруг.

«Что со мною? Сошла я ума, умерла, меж двумя мирами?».

Вниз-вниз...

Сэнзалли вернулась к себе, в собственное тело брэнного нижнего мира. Сначала показалось, что нечто не так, будто всё видится перевернутым; а потом...

«По всему, я не во втором теле... Но ощущения точно такие, будто бы я во втором теле! Будто в сновидении, словно *сновижу* тот мир, в котором родилась. Но ведь чему ты удивляешься, Сэнзалли-шамани: любой мир суть сон твоего сознания».

Всё вокруг: три баобаба впереди, приземистые дроматии, высокая трава саванны, неприкаянный одинокий камень и тропка изнутри светились белесоголубым, искристым светом. Тропка, по которой пролегал ее путь, чуть переливалась. Ну, натурально сновидение.

«А что...», — с озорством подумала молодая шамани. — «Почему нет? Точно выпала в сновидение. Сейчас проверим. Если это оно, значит, тут можно вовсе намереваться».

По мирам сновидений можно без особой сложности перемещаться взглядом. Это знают все шамани, даже маленькие ученицы. Посмотри, куда тебе нужно и *намервайся* — и вот, хоп! — второе тело уже там. Этот прием шамани частенько используют для того, чтобы вполне увериться в том, что они сновидят. Своего рода испытание: если получилось, значит, ты во втором теле.

Всё чуть плывет, переливается, словно дышит жизнью. Странное только чувство от второго тела, какое-то оно очень реальное, пугающе реальное, даже тяжелое; ведь второе тело — это душа, в ней нету веса, она ничего не должна весить, она легка и свободна... А тут, прямо над мягкой травой, лапы заплетаются, да такие реальные!

Если были существовали некие создания, что охотятся на львиц и львов, то Сэнзалли могла бы сейчас стать их легчайшей добычей. Она не идет, а плетется, пошатываясь, а взгляд совершенно отсутствующий и полубезумный.

«Ну...», — Сэнзалли избрала своей целью ближайший холмик.

Знакомое чувство перемещения, которое Сэнзалли для себя назвала «длинной пещерой»: словно маленькую долю мгновения пролетаешь сквозь темноватый туннель. Да, есть! Конечно же, это сновидение, сомнений нет. Странно, что так, ни с того, ни с сего в него выпала; ну ладно, чего только не бывает в жизни...

Так... Так.

Погодите, погоди...

Почему холодный камень дотрагивается к моей такой реальной щеке? Почему всё тело пронзает ноющая боль и вместе с тем — оно онемело? Почему я валяюсь на земле, не в силах встать?

Сэнзалли встала с огромным трудом; в ушах немилосердно гудело, всё вокруг плыло, а тошнота просто измучивала. Похоже, что никакое это не сновидение, о нет. Она более, чем не спит. Вся эта боль — она слишком реальна.

«Тогда как же я могла переместиться взглядом, если я не сновидела?!», — изумившись вопросу, Сэнзалли даже на миг забыла о мерзких ощущениях.

Помотала головой, чуть прилегла, чтобы стало легче. Сразу захотелось пить и есть. Да, она действительно мгновенно переместилась на вершину этого холма. Эй, погоди... Посмотрев на восток, шамани заметила предвестие рассвета. Значит, переместилась не мгновенно? Сделав усилие, встала; ставало легче. Может, как-нибудь, не помня себя, прошла этот путь? Сэнзалли начала вынюхивать камни и землю, чтобы подтвердить или отвергнуть собственную догадку.

Но никаких собственных следов, никакого своего запаха.

— Да что ж такое творится? — тихонько спросила саму себя.

Села, чтобы подумать.

«Так. Это моя сила так играет со мною. Резвится, делает, что хочет, желает выхода, применения. Рычит: «Хозяйка, дай мне заботу, а то не могу в тебе усидеть!». Как-то так».

Поднялась, помотала головой. Жажда и голод усилились; до безумия возжелалось, наконец-то, добраться домой, упасть в объятия своих и просто забыться в сладком сне. Сэнзалли посмотрела вниз и хмыкнула: похоже, ее саму закинуло на такое место, где никто и никогда не лазил — повсюду были густые заросли. Кое-как выбравшись оттуда, она, взглянув на Верхний холм, до которого уже почти лапой подать, быстренько затрусила домой.

Вот такое путешествие без лап. И что тут думать, что сказать себе самой?

Ранний, пока еще не лучистый рассвет. Всё пришло в обыденность, в норму. Перестало тошнить, перестала болеть голова. Вот и хорошо.

Сэнзалли начала припоминать всё, что помнит о вольсунгах, чтобы добротню пересказать всё дренгиру и прайду. Ясное дело, сейчас ее вопросами забросают, потому нужно собраться и внятно отвечать на любой из них. Дело не пустяковое, важное.

Первым ее встретил Верхний холм. Пустота... Какая-то пугающая пустота. Должны быть слышны шаги, голоса, зов матерей к своим детям, зовы охотниц, вечно недовольный рык Аргира. Где всё это?

Сэнзалли со всё возрастающим удивлением и тревогой покрутилась на полянке отдыха, возле скалы, а потом заглянула в пещеру дренгира; она не глупа и понимает, что все отошли от Верхнего холма по большой причине, и всё это наверняка связано в вольсунгами.

Судя по запаху, ушли они недавно.

— Ладно, ладно... — начала шамани говорить сама с собою. — Значит, наши ушли драться навстречу вольсунгам. Значит, где-то возле Южного должны быть дети.

Но возле Южного холма никаких детей не было, ни львиц. Сэнзалли безуспешно начала издавать зов, мол, вот я здесь, отзовитесь хоть кто-нибудь. Начиная верно чувствовать, что прайд всей кучей куда-то сбежал, тем не менее, Сэнзалли не могла в это поверить до конца. Ведь ясно, что если отсюда уйти, то земли прайда тут же облюбуют вольсунги. А Сэнзалли не хочет, чтобы здесь снова вольсунги, ей это не нравится, очень не нравится.

«А я?», — подумала шамани, и сразу поняла, что такая постановка вопроса глупа. Ведь она, по идее, должна была неотрывно следовать за своей группой, за Ману, и не приходить самостоятельно домой, а в Хартланд. Ведь это уже потом было решено предупредить по дороге Делванни и Регноран; они, понадеявшись, что всё будет спокойно, как прежде, не предусмотрели того, что прайды могут уйти со своих мест.

Значит, именно потому отец, мать и сестра сравнительно беспечно ушли вместе со всеми. Ведь они считают, что Сэнзалли придет вместе с Ману!

— Ай-яй-яй, — вздохнула она. — Вот они заволнуются, когда Ману придет без меня.

По всему получается, что ей тоже надо идти в Хартланд. Куда же еще идти? Скорее всего, прайд ушел, бросив землю, чтобы соединиться с остальными. В чем-то это весьма разумно. Разумно, но Сэнзалли жаль своей земли, которой она так верна.

Для верности еще покрутившись возле Южного холма, Сэнзалли, прижимаясь к земле, пошла к Дальнему холму. Ее ела тревога. Всё выглядело вполне разумно: прайд ушел, не желая бессмысленно цепляться за землю и подвергать себя

огромному риску. Но смутное предчувствие не давало Сэнзалли спокойно дышать. Было заметно, в какой огромной спешке уходил прайд. И почему было решено отступить? Неужели веларийцы и хартландцы не успевали на помощь? Понятно, юнианцы, например, не успели бы... Но оттуда, за все эти дни, вполне можно было придти. И почему вольсунги не занимают пустую, брошенную землю?

«Не успели еще. Займут обязательно, наверняка», — зло подумала Сэнзалли.

И самое главное: почему такое пустое чувство при мысли о наставницах? Где Фриная и Ушала? Вместе со всеми?

Сэнзалли тихо-тихо пробиралась вверх, по крутой тропе, к пещере шамани. Нужно посмотреть, как там и что.

Запах. Что это за запах? Запах смерти?

Уже не таясь, она большими прыжками добралась наверх и зашла вовнутрь пещеры; она чувствовала острый запах смерти, но пока еще ничего не видела: глаза привыкали к темноте. А потом Сэнзалли увидела то, чего боялась — прямо посреди пещеры лежала мертвая львица; и Сэнзалли тут же побоялась признать ее, но признала. Это — Фриная.

Она подошла, зачем-то подложила лапу под шею, хоть не оставалось никаких сомнений. Рой мух вспугнулся, когда Сэнзалли дотронулась к ней, но ее это не заботило, и она прилягла рядом с нею и заплакала.

Почему все ушли, но она осталась?

Почему прайд Делванни бросил ее?

Здесь были вольсунги. Убили ее вчера или даже этой ночью. Значит, сегодня они придут.

Сэнзалли, положив лапу на ее плечо, теперь знала, почему Фриная осталась. Она ждала ее, свою ученицу, *зная*, что она вернется именно сюда.

А где Ушала?

Ах, Ушалы нету тоже... Вот оно что.

«Вот почему позавчера мне стало так плохо».

— Что же случилось с Ушалой-то? Как они ее убили? — спросила Сэнзалли кого-то невидимого, утирая слезы.

Снова поглядела на Фринаю.

— Шакал с вами, вы ушли со земли... Но как вы могли бросить здесь вашу шамани? Выходит, Фриная была единственной, кто встретил вольсунгов? И Ушала тоже? А где вы, все вы? — гладила она ее.

Сэнзалли вдруг потемнела во взгляде, взъярилась и озлилась.

— Когда жизнь прижимает хвост, то все бегут, как сурки по норам...

Всё! Был прайд, и нету прайда. Осталась лишь земля, которой теперь все боятся, которая теперь никому не нужна. С нее в такой панике бежали, что даже забыли свою шамани. Ай, эка невидаль, еще будет! А сколько в обычное время было разговоров! Поучений. Бахвальства. Как они важно глядели на нее, судили — быть ли ей во прайде либо не быть! Каждый смаковал свои мысли и слово. Каждый считал себя важным, большим, великим и правильным. Никто не поджимал хвоста. У всех они прямые и ровные — гордые. Были.

Какая пустота — все эти слова. Вообще всякие слова. В одних лишь поступках — сила.

Вот так, вот и весь Союз. Есть земля. Но прайда на ней нет.

Впрочем, почему это нет?

— Пока я здесь, так значит, кто-то есть. Я теперь и есть весь прайд, — сидела Сэнзалли, немигающе глядя в ту свободу, что прекрасным видом открывалась у выхода пещеры.

Она ведь связана со прайдом тяжелой клятвой, что подтверждена кровью, и даже не своей, а чужой.

Вот такая несвобода.

«Все мы — не свободны; полностью свободен лишь тот, у кого нет ни обетов, ни чести. Но разница в том, как тыносишь эту несвободу: как тварь либо как шамани, у которой есть дух».

Но чувство долга суть самое поверхностное, что заставляет ее остаться. Шамани-Сэнзалли просто не желает, чтобы тут во здравии и спокойствии жили вольсунги; вот просто не хочет. Как это: сначала жила она почти всю жизнь, а теперь они решили, да еще без спросу, грубо? Да еще убили ее наставниц. Да-да, Ушала тоже ее наставница, как бы там ни было.

«Жаль, я не знаю места ее смерти. Но вольсунги тоже в ней повинны — кто же еще?».

Сэнзалли подумала, что, по сути, она совсем не знала души Фринаи; для нее та была робкой, чуть нерасторопной и бестолковой, бессильной, сомневающейся в себе и других. Ушала, та была сильнее, характер у нее был. Но когда пришло время, то Фриная не ушла со всеми, словно учуяла суть своей жизни. Она осталась, чтобы дожидаться Сэнзалли — не могла бросить просто так! Повинуясь чувству шамани, Фриная не ушла, ибо знала, что Сэнзалли вернется.

Во Сэнзалли нету трусости, и никогда не было.

«Так странно: все пути шамани ведут к свободе, но кажется мне, что я не вижу и не хочу ее».

Можно, конечно, всё бросить и уйти прочь, мудро заметив, что в суете жизни нет толка и меньше всего есть смысл страдать юной душе за клочок уже никому не нужной земли. Но Сэнзалли обрела за это время одно важное, тихое качество: она знает свою волю, умеет *намереваться*. И она — стремительно бесстрашна.

Свобода шамани — вовсе не в благом, вольном скитании, полном красоты и мудрости. Их свобода — принимать те решения, которое их «Я» посчитает нужным. И неуклонно им следовать. Этим всякая шамани превращает свое решение в намерение, волю; а это, наверное, самое важное в их знании.

**

— Итак, сделаем первые итоги, — правитель Ваал-сунгов сосредоточенно и спокойно говорит на большом собрании, которое наспех и быстренько сделали под ничем не примечательным деревцом. Вокруг никаких скал и неровностей — одна ровная саванна. Лишь там, на западе, виднеются скалы и холмы.

Всюду суета, легкое волнение. Пищи стало остро не хватать. Ну, Ваал-сунги к этому привычны. Умеют как-нибудь обходиться.

На собрании присутствуют: Мирэмай-Халу, муганги прайдов Хустру, Дэнэнай, Ашнари (вот только что прибыл, весь в усталости и пыли) и Шуудан, некоторые старейшины, и все старшие сестры Ашай-Китрах, что входят в эти прайды, и одна Вестающая (единственная, кто не стоит, а лежит прямо на ветке дерева, свесив лапы, — но Вестающим можно всё). Не пришла только Высокая Мать. Но ей тоже простительно.

— Синарр, говори.

— Да, Лапа Ваала, — ответил поручитель и тут же быстро, четко и отдельно взял слово: — Рад всех вас видеть, и да пребудет с нами Ваал.

— Да пребудет, — нестройно ответили ему, зашевелившись и отвесив небольшой поклон.

Вестающая, что до этого играла длинной травинкой в зубах, умышленно упустила ее и начала смотреть, как та упадет. Решила, что если травинка упадет на спину муганга Хустру, то день будет удачным. А если нет — так нет.

Травинка мягко упала возле его хвоста.

«Проклятье», — подумала молодая Вестающая и начала болтать передней лапой.

— Хочу вам вкратце представить обстановку с нашими врагами. Вчера выяснилось, что южный прайд союза прайдов — кто еще не знает, то он называется «Делванни» — полностью исчез со своей земли. Тщательная разведка указала на то, что они ушли на запад, — молвил Синарр и сделал заминку.

У Ваал-сунгов в жизни очень много всяких правил, как больших, так и маленьких. Пауза в данном случае значит, что каждый из присутствующих может вставить свои мысли либо реплику.

— Мои разведчики выявили это вчера днем. К ним как раз собирались идти на переговоры. Неглупо. У них и так нет выбора, — выразил мнение муганг Хустру. — Между прочим, во время разведки были убиты две шаманаи союза.

Синарр подождал, пока тот закончит, и тут же продолжил:

— В то же время северный прайд союза — называется он Регноран, напомним — сегодня ночью сильно засуетился. Это мы знаем благодаря нашей сиятельной Вестающей Нильзе.

— Слава тем, кто видит Ваала, — снова ж таки нестройно ответили все, кроме Мирэмая, отвесив легкий поклон.

Нильзе на миг перестала болтать лапой, а потом продолжила.

— Тем не менее, его земли сейчас будут занимать Йонурру.

— Нильзе, — обратился Мирэмай к Вестающей, — скажи, пожалуйста, тебе смогли провестать, что с этим северным прайдом?

Вестающая взмахнула хвостом, и он плавно соскользнул с ветки вниз.

— Сваала ночью лишь передала мне, что этот Регноран начал что-то подозревать.

— Хорошо, спасибо. Давай, Синарр, валяй дальше, — махнул лапой Мирэмай.

— Задачи для северного крыла уже поставлены, и они их знают. Да и южное крыло свои задачи тоже знает. Сейчас Хустру и Дэнэнаи пусть занимают земли южного союзного прайда. Для прайда Ашнари — отдых, прямо на этих землях. Два дня. Потом — вперед.

— Хорошо, — сказал муганг Ашнари.

— Я должен всем настойчиво напомнить, что наш несравненный правитель собирается позволить этим союзным вступить в переговоры. Нам ни к чему лишние жертвы, потому пусть каждый запомнит это и сделает соответствующие выводы.

— Всем понятно? — рыкнул Мирэмай. — Никаких глупостей. Союзные наверняка будут проситься со словом!

— Пусть мой правитель разрешит мне сказать? — сказал муганг Дэнэнаи, худой и неказистый лев с грустной мордой.

— Давай, Хади.

— Я считаю, что при избранном способе действий нелишним будет всё же самим сделать первый шаг. В качестве милости, так сказать. Я предлагаю отослать к ним переговорщиков. Могу даже возглавить всё это дело.

— Да зачем это нужно... — начал протестовать муганг Хустру.

— Нужно, — возразил Хади. — Союз сейчас напуган и будет наивным предполагать, что они не осведомлены, кто и в каком количестве на них идет. Всем бу-

дет неудобно, если из отчаяния они решат огрызаться, как крыса в норе. Вспомните только...

— Не надо напоминать, — скривился Мирэмай. — Все всё помнят. Спасибо, Хади. Так и сделаем, но после того, как примем земли Делванни. Пойдешь туда лично, — указал он на муганга Хустру. — Возьмешь двадцать голов и несколько Ашай. Встретишься с правителем Союза. Подробности обговорим позже, когда займете Делванни. Я должен еще обдумать, что тебе следует им сказать...

— Понятно, мой хозяин.

— Что там еще, Синарр? — нетерпеливо сказал Мирэмай. Его ждала молоденькая, потрясающая хаману, что совсем на днях пришла в авангард из одного центрального прайда. Когда он ее впервые увидел, то понял, что несколько дней точно будет чем занять.

— Наверняка всем нам понадобятся различного рода сведения о союзе прайдов. Наши познания существенно расширились после поимки группы львов и львиц, которая занималась здесь, на юге, разведкой. Благодаря одной из пойманных львиц теперь мы знаем если не всё, что нужно, то очень многое. К сожалению, остальных в ходе их захвата перебили, а потому у нас только одна пленница. Вместо пятерых. Поэтому, если возникнет потребность, обращайтесь к сестрам-Ашай прайда Ашнари — они запомнили всё, что им выказала пленная. Если надобно, то можете и сами допросить — она еще жива и отвечает на вопросы.

— Кстати, Синарр, где она? — вдруг спохватился опытный Мирэмай.

— Их поймали ашнарийцы, верно? — вопросительно посмотрел Синарр на муганга Ашнари.

Тот, сразу уловив о чем идет речь, чуть сжался.

— Мы, уходя с земли, оставили ее найсагрийцам.

— Э. Эй, Сэнзанга! Ты что, совсем сдурел? Зачем ты ее оставил? — бил себя по лбу Мирэмай, изображая тупость муганга Ашнари.

— Она была уже совсем слаба, чтобы идти. Кроме того, мы не считали ее настолько ценной...

— Это, кстати, и показывает многое. Махать лапами и рычать много ума не надо, а как подумать, — Мирэмай яро постучал себя по голове, — так это увольте, не к нам! Я всех предупреждаю: надо хоть как-то усмирять своих долбней во прайдах! Они, чтобы доказать смелость, готовы грызть скалы, но чтобы хоть чуть подумать — так это прямо невозможная задача! Вот зачем, спрашивается, перебили всех из той группы? Спасибо, хоть эту оставили. Счастье будет, если она еще не сдохла в лапах Найсагри. Этих я знаю: скажи им молиться, так они со скалы попрыгают. Синарр, прикажешь от моего имени доставить пленную сюда. Она нужна в авангарде, а не где-то там, сзади.

Все замолчали, боясь нарваться на злобу лапы Ваала. Только Нильзе продолжала болтать лапкой.

— Нильзе, солнце, в прайде Найсагри сейчас есть Вестающая? — мягко-мягко обратился правитель Ваал-сунгов, смотря снизу вверх на львицу, что расслабилась на ветви дерева. Он помнил, что Вестающей там нет. Но всё равно спросил. — Я хотел бы передать им, чтобы ни в коем случае не прибили пленницу.

— Нет, мой правитель, увы. Амариссани находится дальше. Восточнее.

Правитель весь потемнел.

— Твою мать! — дал Мирэмай выход ярости. Ему не слишком досадило, что с этой пленницей поступили так нерадиво. А так, просто... Правитель ведь должен на чем-то сорваться. — Если Найсагри убьют эту дуру, то я им уши поотрываю! А

ты, Сэнзанга, чего смотришь? Чего вылутился?! Я за тебя думать должен?! И жевать тоже?!

— Мой правитель. Я смею предложить кое-что, — отозвалась Вестающая, положив голову на ветку.

— Слушаю тебя внимательно, Нильзе.

— Этой ночью, вместе со всем остальным, я передам Амариссани, чтобы тот прайд, в котором она сейчас находится, отправил посыльную к найсагрийцам. И эта посыльная скажет найсагрийцам, что эту пленную убивать не стоит. Прайд, где сейчас Амариссани, наверняка недалеко от Найсагри.

— Мой правитель, лучше будет, если просто отослать кого-то из здешних забрать эту пленницу, — осторожно заметил Синарр. — Быстрее будет.

— Чево?! Что, враз все поумнели! Нет! — ярился Мирэмай и тут же преобращался: — Нильзе, тебе это будет нетрудно? Не слишком много на эту ночь сообщений?

— Нет, нетрудно.

— Тогда передашь, чтобы сами найсагрийцы притащили эту пленницу сюда. Ладно?

— Да.

— Ох, ты моя прелесть... Достали вы меня с этой вонючей пленницей, будто больше не о чем поговорить. Чего там, Синарр, всё уже?

— Также, напоследок, нужно упомянуть об инциденте в Йонуруру, — ровно продолжил порученец, — который должен нам напоминать, что противника следует втаптывать в грязь, но не недооценивать. Пожалуй, все вы знаете об этом случае — слухи, а особенно такие, расходятся быстро. Муганг Йонуруру пытался скрыть его в траве, но не получилось. Только Лапа Ваала просит вас всех проследить, чтобы эти слухи не перерастали в сказки. Я слышал недавно: утверждалось, будто бы десять львов сошло с ума, а ученица утопилась, прости Ваал, в болоте. Напоминаю: всё это чушь. И львы живы-здоровы, и ученица на днях уже стала сестрой Ашаи-Китрах, с честью выдержав все испытания, что ей дала Высокая Мать лично. Я хочу упредить всякие разговоры о том, достойно ли прошла эта ученица испытания. Она прошла, причем с честью, при этом уничтожив одну шаманую собственными клыками. Мне известно о всяких пересудах, и, поверьте, они будут строго пресекаться, а виновные — наказываться. Сама Высокая Мать, которой, к огромному сожалению, сегодня нет... через большую занятость... сделала ее сестрой-Ашаи. Дело в том, что та шаманая, что причастна к инциденту в Йонуруру, похоже, является особенным случаем, и есть сущим отродьем зла и темных сил. Поэтому даже то, что наша ученица смогла противостоять ей и оставалась подле нее столько, сколько возможно — уже о многом говорит. Тем не менее, беспокоиться не следует. Теперь в каждом отряде обязательно будет несколько сестер, в том числе как минимум одна — старшая. Таков приказ лапы Ваала.

Он обвел взглядом присутствующих, и даже посмотрел на Вестающую, которая лениво ковыряла когтем ветку и несильно болтала хвостом, не проявляя и малейшего интереса ко всей беседе. «Сволочь», — подумал Синарр. Нильзе тут же бросила свое занятие и ответила ему взглядом, как будто бы он сказал это вслух. Порученец поспешно продолжил, перестав смотреть на нее:

— Следует наоборот, приглушить эхо этого случая, ибо он, в определенном свете, ложится пятном на честь прайда Йонуруру. Тут надо упомянуть, что наши Ашаи-Китрах, — Синарр легко, чуть склонив голову набок, кивнул им, — отметили, что здесь мы столкнулись с определенным родом шаманай, которые живут во прайдах и пользуются их поддержкой, а потому, скорее всего, более сильны и более

умелы. По достоверным сведениям, этот союз вполне благосклонно относится к шаманам, и в каждом из его прайдов есть хотя бы одна; по крайней мере, должна быть. А потому я всех призываю ответственно относиться к любому заданию и не забывать, что Ваалу не нравится слишком большая самоуверенность.

— Верно. Ваал питает отвращение к самоуверенным глупцам. Таким нет места в Нахейме. Правильно я говорю? — Мирэмай внезапно обратился к присутствующим сестрам-Ашай.

— Как в молитве, Лапа Ваала. «Не возымей гордости». Всё истинно, — ответила самая почтенная из них, львица-старуха, которая уже и жевать годно не могла, но еще удивительным образом жила, да живенько так жила.

Мирэмай улыбнулся и обратился к Вестающей:

— Верно сужу я, Нильзе?

— Безусловно, мой правитель. Не возымей гордости. Иначе — не место. В Нахейме, — томно, медленно молвила Нильзе.

— Что еще, Синарр? У меня много дел, — засуетился правитель Ваал-сунгов, уже подумывая о более приятных вещах.

— На этом я могу сказать, что вопросы исчерпаны. Благодарю всех. Осталось только приказать выступать Хустру и Дэнэнай...

— У меня есть вопрос, если правитель разрешит, — внезапно озвалась Вестающая.

Тот улыбнулся и сделал мягкий жест лапой, мол, конечно же.

— Я хотела бы побеседовать с той сестрой, что столкнулась с шаманай.

— Ее зовут Ваалу-Нирзая, — озвалась одна из старших сестер Шуудан. — Сожалею, сестра, но сейчас она будет идти вместе со всеми на запад.

— Высокая Мать стала ее Испытующей после того самого случая, я правильно поняла?

— Верно.

— Хорошо. Лапа Ваала, мой правитель, разреши мне удалиться.

— Естественно. Все свободны. Муганги! После полудня — посыльную с новостями. И обязательно...

Нильзе встала, осторожно спрыгнула вниз, отряхнулась сама и даже отряхнула лапки, будто нечаянно вступив в воду. Эта Вестающая — особенная. Это Вестающая при правителе, а потому первая среди равных. Она худая и чуть потусторонняя, словно бы сдуваемая ветром, как и все Вестающие; весьма молода, она еще не достигла возраста силы. У нее есть маленький сын, в котором она души не чает, и уделяет ему множество времени. Черты мордочки выразительные, четко очерченные, правильные; но если присмотреться, то можно заметить эту тщательно скрытую девиантность в ее облике. Даже некая смутная гордость, но не гордость общности, а гордость протеста. Неслыханная, помимо всех прочих, просто поразительная привилегия: у нее не рассечено ухо, хоть она, конечно же, хаману. Так Нильзе возжелала в свое время, и сам Мирэмай, по совету Высокой Матери, уступил ее капризу.

— Ты попираешь святые традиции, Нильзе, — в свое время сказал ей правитель Ваал-сунгов, когда она пришла к нему принять звание хаману.

— Когда я стану старой и не смогу вестать, то Лапа Ваала может спокойно казнить меня за то, что я всю жизнь жила без рассеченного уха, — спокойно ответила Нильзе, еще ученица, но уже тогда все Ашай-Китрах знали, что она имеет дар и станет Вестающей.

Мирэмай рассмеялся и разрешил ей эту огромную вольность.

Нильзе очень быстро нашла Высокую Мать. Та пришла в южное крыло авангарда вместе с правителем еще несколько дней назад. Сейчас она, сидя возле камня, на котором невесть каким образом пыталось произрасти дерево, занималась тривиальнейшим делом, даже странным для Высокой Матери: держа два панциря у лап, переставляла из одного в другой семенные коробочки воканги, отделяя годные от плохих. Такое занятие можно легко поручить самой маленькой ученице.

Но у каждой Высокой Матери свои причуды.

Встретившись с нею взглядами, Нильзе в первую очередь выразительно посмотрела по сторонам. Это такой условный знак: «Никого рядом нет?». Ринарита отрицательно помотала головой и продолжила свое занятие, пригласив прилечь напротив.

— Только что была на собрании у Мирэмая. Услыхала кое-что интересное.

— Что именно?

— О том случае в Йонурру. С шаманаей.

— А... А что такое? Для тебя вроде не новость, — Ринарита копошила когтем одну из семенных коробочек, придирчиво пытаясь понять: плоха или хороша? — Ты узнала об этом случае одной из первых: о нем сразу провела Сваала, насколько я помню.

— Ну да. В ту же ночь, когда случилось. Сейчас она как раз в Йонурру сидит. Бедняжка... Говорит, отвратительный прайд, ей не нравится.

— Продолжаете устраивать посиделки-болталки в иных мирах? — с легким укором спросила Ринарита, чуть улыбнувшись.

— А то. Чем еще заниматься в этом мире?

Они в унисон рассмеялись, отлично понимая друг друга.

— Ну-ну, глядите, не увлекайтесь. Это выматывает, — отметила Ринарита и наконец, определила коробочку как негодную. — А вообще... Интересный это случай был. Интересный.

— Вот, я хотела бы поговорить об этом. Главное вот: я только сейчас узнала, что ты стала Испытующей у той ученицы.

Ринарита легонько мурлыкала. Ей нравилась погода, и ей нравилось неспешно перекладывать маленькие вещи с места на место.

— Верно. Чего ж доброй душе пропадать? Она землю рыть будет, а выслужится. И такие нужны.

— Да мне всё равно, — фыркнула Нильзе. — Вот что интересно: ты наверняка расспрашивала ее об этой шаманае. Я хотела, вообще-то, ее лично расспросить... как ее имя-то... забыла... Но она ушла теперь с воинами на земли этого союза, и только вечером вернется, если вообще там не останется.

— Нирзая ее имя. Ей, кстати, еще пришлось испуг снять — продержался чуть ли не целый день. Я тебе больше скажу: не только расспрашивала, но сквозь глаз Нирзаи *смотрела* на эту шаманаю. Правда она, зараза такая, учуяла и отскочила. Тебе интересно, как она смогла загрести в охапку души шести воинов и одной ученицы, и напичкать их страхом, как гнилушки?

Встающая пригладила шерсть на плече, лизнула лапу, а потом ответила:

— Интересно, еще бы. Похоже, это та самая... с которой стоит побеседовать. Такая, мне кажется, стоит внимания. Как считаешь?

Ринарита хмыкнула, словно в недоверии к словам.

— Однозначно стоит. Однозначно. Я несколько раз уходила из тела, пытаюсь узнать о ней побольше...

Вздохнув, она помолчала. На миг прекратила работу, посмотрела куда-то вперед и вверх, а потом вернулась к обыденности.

— Это очень молодая, светлая львица, — Ринарита начала спокойно описывать внешность, а потом снова бросила занятие и посмотрела на Нильзе. — Меня поразило то, сколько в ней покоится силы. Это просто ужас какой-то, кровное слово. Такого не может быть, но вот оно. Откуда?..

Поскольку Вестающая молчала, то Высокая Мать, медленно отвернувшись, без спешки продолжила перебирать вокангу.

— Она должна что-то знать. Ведать, — молвила Ринарита, очень спокойно и размеренно, как обычно. Нильзе же заметила, как чуть дергается кончик ее хвоста. — Ведать.

Но Нильзе дальше ждала, что скажет Мать.

— Кроме того, за нею стоит целый род шаманай, — Ринарита намеревалась бросить очередную порцию семян в панцирь, но промахнулась, и они упали на редкую траву. — Я так понимаю, это родовая шаманая. А в роду всегда есть такое знание, которое не встретишь больше нигде. Сначала мне показалось, что шаманай союза все такие. Это не предвещало бы ничего хорошего. Но, насколько я теперь понимаю, это вовсе не так. В южном прайде убили уже двух, причем без всяких проблем.

Ринарита вздохнула, думая о своем.

— Надеюсь, мы скоро ее настигнем. Она не по добру, так по злу поделится знанием, — пообещала самой себе.

Ашаи-Китрах, питая ненависть к шамани, тем не менее, всегда плотно интересовались их знанием, втайне даже от себя считая, что шамани владеют чем-то таким, что недоступно для Ашаи. Ученицы и обычные сестры мысли об этом, «темном» знании, отгоняют от себя, считая их жутким грехом. Нет, Ашаи не заботятся о знании обычной, мелкой шамани, поскольку та не может дать ничего нового, интересного, того, что кроет большую силу. Намного интереснее услышать, что знает старая, опытная наставница-амарах. Да, действительно, что она знает? Грех, конечно, ведь вся благодать для Ашаи — от Ваала... Но всё же... Точно знает некие тайны. Еще бы.

Но ловкие и сильные амарах не попадаютсЯ Ваал-сунгам, верно?

Ашаи чувствуют свое глубокое родство с шамани, а потому яростно его отвергают.

И эта своеобразная ересь о том, что шамани подвластны некие странные тайны, тихонько, но неизменно прячется в углу души каждой сестры Ашаи-Китрах.

Ринарита ухмыльнулась.

— Я раньше говорила Мирэмаю, что эта шаманая опасна. Если честно, я ошиблась. Она до жути опасна. Опаснее, чем весь этот трухлый союз, вместе взятый.

Она взяла одну из коробочек, осторожно раскусила ее и попробовала на зуб несколько семян.

— Если вот такая погибнет... — Ринарита жевала горькую вокангу, чуть наморщившись, — ...от лапы кого-то из наших, то у того дурака на другой день весь род сгниет. Проклятие просто изъест заживо изнутри.

— Ее стоит разыскать, — определила Нильзе, улыбнувшись с уверенностью превосходства.

Высокая Мать отрицательно покачала головой.

— Ждем, где она сама объявится. А она точно объявится.

— Нужно сказать Мирэмаю, чтобы знал, что ее не стоит убивать, а обязательно оставить целой и невредимой, пока мы с нею не поговорим, — привстала Вестающая.

— Я уже говорила. Не беспокойся. Вообще, Мирэмай умнее, чем ты иногда думаешь. Честно, — спокойно ответила Ринарита.

— Да я знаю, он своя душа. Вообще молодец, как мне кажется.

Высокая Мать посмотрела на Нильзе; с небольшой заминкой она молвила:

— Мы иногда с ним такие беседы ведем... Я не с каждой старшей сестрой так говорю, как с ним.

— Даже так?

— Даже так.

Повисла напряженная тишина. Нильзе знала, что Ринарита знает, каков будет ее следующий вопрос.

Этот вопрос между ними назрел уже давно, очень давно.

— Я всегда хотела спросить... Но всё как-то неудобно было.

— Скажи лучше: боялась, — возвратилась Ринарита к воканге.

— В некоем смысле, — иронично ответила Нильзе.

Но спрашивать не пришлось. Ринарита ответила:

— Да. Мирэмай — понимающий. Не так давно он таковым стал, но он *понимает*, — в упор посмотрела на нее Высокая Мать, поделившись с младшей подругой сокровенной тайной. Это знак высшего доверия. Самого высшего. Ведь Ринарита исключительно скрытна и недоверчива.

— Я так и знала. Видно же, когда в душу смотрю. Но не верилось как-то, — от изумления Нильзе аж приоткрыла рот.

Понимающих среди Ваал-сунгов всего несколько: это сама Высокая Мать; две из четырех Вестающих, в том числе Нильзе (вторая — Сваала); возможно, кто-то из старших сестер, но все они крайне осторожны в этом плане и хорошо скрываются; вот теперь, выясняется, сам правитель Ваал-сунгов — тоже понимает. Все понимающие знают одну простую правду — Ваала нет. Он — давняя выдумка одной львицы-целительницы, что болела душой.

— Запомни. Это знаешь ты, это знаю я, и это знает он. Больше никто. И не вздумай с ним об этом говорить.

— Ринарита, не обижай.

Нильзе заулыбалась чему-то своему.

— Почему тогда он так увлеченно прётся в Нахейм? Причем зная, что его нет, — всё продолжала улыбаться она.

Ринарита хитро сощурила правый глаз:

— Во-первых, Ваала нет, но Нахейм вполне может быть. Во-вторых, я ж тебе говорила — не туп он, вовсе не туп. Во-третьих — ему это просто нравится. Нравится куда-то идти, что-то завоевывать, решать проблемы. Он так веселится. Для него это — как одна огромная, большая игра длиною в жизнь.

Она печально провела когтем линию по земле, словно разделяя мир на две бесконечные части.

— Таким образом он действительно идет к своему Нахейму. Все мы идем к нему, и никогда не сможем придти: слишком уж блистательна мечта.

Ринарита отряхнула лапы, вздохнула, и отставила панцири в сторону.

— У него вообще есть очень интересный план насчет этого союза. Я как-то в разговоре обмолвилась, а он загорелся идеей.

— А что за план? — наострила уши Нильзе.

Высокая Мать уклончиво кивнула гововой, чуть прижав уши.

— Пока не могу говорить. Когда придет время, то сама увидишь. А не получится — расскажу.

— Хорошо, ладно, — не стала настаивать Вестающая.

**

«Хорошо, что успела попить», — это первое, что подумала Сэнзалли, когда она с высоты Дальнего холма заметила вольсунгов; те несколькими большими, неплотными группами приближались к земле ее прайда.

Тело Фринаи еще ранее пришлось оттащить вниз: все, кто умер, должны уйти в землю. Конечно, его стоило оттащить далеко, в открытую саванну, но у Сэнзалли не было ни времени, ни сил. После этого шамани сбегала попить, придти в себя, и тут же, взобравшись на холм, увидела их. Вольсунгов.

Они шли, не скрываясь, уверенные в том, что всякая опасность здесь миновала, и можно придти, весело прогуляться и покуражиться, втайне порадовавшись тому, что сегодня не нужно драться, не нужно переживать и питать свой страх... Радоваться тому, что противник слаб, а ты силен, и можно со спокойной душой причислить себя к сильным мира сего. Ничто живое не хочет страдать, все хотят лишь благоденствия и удовлетворения в жизни.

Для вольсунгов новые земли всегда радость. Это и новые впечатления, и больше пищи.

«Что же делать?», — поджав лапу, всматривалась на восток Сэнзалли, прижавшись к земле. У нее не было никакого плана; но она не оставит этой земли. С чего бы это? Это еще почему? Здесь остались ее наставницы. Останется и она.

Сначала она хотела просто выйти им навстречу; Сэнзалли не боялась, но быстро поняла, что это смело, но глупо. Сейчас свет дня, она одна, а врагов много; как бы ей не хотелось верить в себя и свой момент, но ясно, что страх если и возьмет их души, то очень быстро отпустит. Метнувшись в одну сторону, Сэнзалли оскалилась и вернулась, чуть еще понаблюдав за вольсунгами. Две группы уже ушли дальше, к Южному и Верхнему холмам, а одна, судя по всему... Да-да, одна группа идет сюда. Вот, там вдалеке, еще четвертая группа.

Сколько же их?

Впрочем, какая разница.

Холод разума успокоил ее, и Сэнзалли начала осмысливать свое положение и то, с какой наибольшей расчетливостью и бережливостью может выстоять против них. Всю землю в одиночку не отстоишь, но клочок и честь — легко и запросто. Это легко, очень легко.

Нужно лишь не хранить страх в сердце.

Сэнзалли уже не думала о других: где они? почему их нет? почему не хранят своей земли? почему лишь одна дочь Делванни сейчас держит когтями эту землю?

Не до того.

— Теперь знаю я, знаю, что сохранил для меня *вирд*. Он хранил для меня вот это сражение. Как некогда для моих далеких предков, — шептала Сэнзалли и пробиралась к пещере шамани, тихо-тихо, стелясь по камню и земле. — Вся я — дочь молнии, создана для битвы; посмотрите же, предки: я сама. Но я здесь. Я буду здесь...

Первыми неладное заподозрили львы Дэнэнаи, которые сначала заметили грифов, а потом увидели тело львицы недалеко от водопоя. Двое из них были в той группе, что убила Ушалу; осмотрев следы вокруг, все решили: эту мертвую львицу тащили совсем недавно.

Немедленно доложили мугангу Дэнэнаи, который возглавлял одну из групп, занимавшую земли Делванни.

— А где она сдохла-то? Кто-то помнит?

— Да вот там, в той пещере...

— Осмотреть.

Но всем вместе идти было лень; старшие львы решили, что достаточно выслать трех молодых и одну хаману вперед. Сами же поплелись сзади.

Ваал-сунги разглядывали их новый дом:

— Прекрасные места, боже ты мой.

— Всё, меня отсюда не выгонят, — озорной лев с гривой, полной колючек репейника, весело улыбался и сидел на камне возле пещеры дренгира, свесив лапы.

Две старшие сестры Ашаи-Китрах вылезли на вершину Верхнего холма, и терпеливо ее осмотрев, решили, что здесь хорошее место для служений и молитв — оно должно быть повыше.

— Этот, что на юге, вроде бы лучше... — заметила сестра Ваалу-Харана, указав на Южный холм.

Поспорив, решили оставить всё как есть.

Ваалу-Харана села, вздохнув. Ну вот, снова сменилось их место. Новые земли. Новое, неизведанное. Сегодня они освоятся, а завтра перейдут остальные: льявта, старые львицы, беременные. Где-то там, на западе, кучкуется в страхе этот союз. И гиена с ним. Нахейм ждет...

Посмотрела на Дальний холм. Тот ли не выше? Они уже проходили мимо его подножия. Даже остановились осмотреть полосы, что нарисованы соком хирайи у начала восходящей тропки.

На него она смотрела чуть дольше, чем требовалось.

«Нет... Не выше», — махнула она лапой. Близость к небу — не главное. Главное — твердая вера.

Внизу уже, на бывшем месте сбора Делванни, охотницы Дэнэнаи, Хустру и Шуудан уже договаривались: куда, как и что. Конечно, делят еще не убитую тушу. Еще не раз поругаются.

— Ты представь себе, вот он так бежит... а я — вот так, во, во... — увлеченно рассказывал об охоте на буйволов молодой лев Дэнэнаи. — Я тогда думаю — нет еще рано, рано, а Мастал мне рычит: «Вправо!». Да я же вижу, что какое там вправо!..

— Ага, ага, — уныло поддакивал второй, тоскуя о неразделенной любви.

Третий, не участвуя в беседе, просто плелся вперед, не в силах отвести глаз от... хвоста хаману, что шла первой.

— Ой, — вдруг неудачно оступилась вольсунга: — Мммм...

— Больно?

— Нормально. Грррр... — урча, потирала она ушибленную лапу.

— Ну чего, всё? Идем дальше? — спросил тот, кто рассказывал о буйволах, но ему никто не ответил: все смотрели наверх, наострив уши, с серьезным сосредоточием. Хаману даже не полностью отвела лапу ото рта, которую вылизывала.

Он медленно тоже посмотрел наверх, туда, куда вела тропа.

А там стояла львица светлого, необычно светлого окраса. Не делая ничего, она просто глядела на них сверху-вниз, с задумчивостью и тенью отвращения.

— Ступайте прочь, — бросила для них, а затем исчезла за уступом; лишь пыль поднялась за нею.

Ваал-сунги, сыны и дочь Ваала, мгновение стояли остыло, неподвижно. Каждый, упражняясь в догадливости, старался понять: кто это? что это?

— Чё это было? — с усмешкой спросил первый лев, тот самый, что рассказывал о буйволах.

Самцы зашевелились:

— Сейчас мы её...

— Я думал, что здесь всё пусто. Гляди, наглая какая, а?

Они еще немного посмеялись и повозмутились, а за это время вольсунга прошла несколько шагов вперед, принохиваясь и щурия глаза в подозрениях. Она несколько раз словно пыталась преодолеть невидимую пелену, но всё что-то мешало; потому она снова старалась уловить запахи воздуха, вострила уши и прильнула хвостом к земле, словно при охоте.

— Слушайте, кто это может быть? — спросила она, но не весело, а с тревожным подозрением. — Отсюда все ушли.

— Так пошли, посмотрим, — с разгильдяйством и смелостью сказал первый.

Та остановила его лапой, ударив по груди:

— Стой! Вдруг это засада?

Все прониклись такой возможностью и немного посидели, обдумывая свое положение.

— Ладно, вы с ума не сходите-то, какая засада? Ваал с нами, и тут полно наших. Идем, глянем.

Все согласно кивнули, и даже львица. Они медленно, осторожно пошли наверх; странно вот так стелиться по земле, оглядываться по сторонам среди белого дня, когда сам мир поет: ничего случиться не может! живи и радуйся жизни! опасности и тьма далеко, забудь о них!

Идти вверх, по неширокой тропке, пришлось довольно долго. Слева — крутой склон вниз, справа — такой же, но вверх. На склонах растут жесткие кустарники, невысокая трава.

— Пещера... — тихо молвила вольсунга, и обернулась к своим.

— Это здесь убили ту шаманю, — сказал первый лев.

Второй спросил обыденно, не притишая голоса:

— Какую? Первую?

— Нет. Вторую.

Все устали в черноту входа пещеры. Ничего не разглядеть! Яркое солнце, полдень, а там — темно. У входа еще кое-что видно, конечно, но в ней есть глубина.

— Ее здесь нет. Ухо откусить дам, что нет. Тут прятаться — глупее не придумаешь.

Львица посмотрела на землю.

— Глядите. Шерсть на камне. И чуть крови... — указала она лапой, и все пригнулись, чтобы посмотреть.

— Ну, ясно. Отсюда тащили мертвое тело.

— Наверное, это она сделала.

— Возможно. Это, наверное, дочь, родственница или сестра.

Они, львы, еще что-то обсуждали, спорили и смеялись, глядя по сторонам... Она, дочь Ваал-сунгов, ощутила легкий холод в лапах и на загривке; вдруг почувствовав себя крайне одинокой, словно не было здесь ни ее товарищей, ни этого солнца, ни этой травы — ничего вообще, — она украдкой всматривалась в бездну пещеры, каких повидала десятки на своем веку; седьмым или восьмым чувством львица, чья жизнь уже расцвела пышным цветом здоровой молодости, ловила эту тихую, туманную, готовую на всё враждебность этого места. На ничтожный миг, но показалось, что она размером с песчинку, а пещера изрослась до размеров горы.

«Наваждение... Спаси меня Ваал, сохрани от опасности, верную дочь твою. Так, что это я растекаюсь, совсем как...».

Пока ее глодали чувства, львы подошли ближе, и одному из них тень коснулась лап и кончика носа. Неизвестно отчего, но ее испугало это, будто бы тень — живая, может причинить вред и зло.

— Идем, глянем на всякий, что тут.

— Наши подходят. Смотрите! — третий лев смотрел вниз по тропке.

От этой простой, незатейливой фразы повеяло такой приятной обыденностью и силой дня, что вольсунга изрядно успокоилась и даже улыбнулась себе, мол, чужая земля, потому и всякие глупости чудятся. С кем не бывает.

Второй лев постоянно думал: «Почему мы сразу за нею не кинулись? Не кинулся я? Надо было тотчас поймать! Эх, упустил момент отличиться. Упустил».

Немного потоптавшись у входа, решились войти. У первого льва глаза уже немного привыкли видеть тьму, потому он заметил, что пещера не слишком маленькая, и всё ее нутро скрыто от глаз — каменные стены ведут куда-то налево. Наверняка эта пещерка не слишком большая; там, верно, какая-то небольшая ниша, грудка песка и камней (он сам почти всё детство проспал в пещере, и помнил, как мать имела обыкновение выметать лапой в ее конец камешки, ветки и прочий мусор). Совершенно очевидно, что здесь может прятаться только слабоумный.

— Здесь никого! — нарочито громко молвил; льву не понравилось, как собственный голос звонким эхом ударил по ушам. — Она сбежала вниз с той стороны... И вот кровь, — указал он на следы.

— Это здесь погибла та шаманая? — второй лев опасливо трогал какой-то панцирь. Панцирь качался с тихим, неприятным звуком.

— Да, именно.

— Пойдем отсюда. Места, где гибнут шаманаи, несут плохое, — сказал третий.

Львица прислушивалась; наострив уши, она всматривалась в конец пещеры.

— Вы слышите?

— Что?

— Там кто-то дышит, — почти шепотом молвила вольсунга. — Там... Я слышу...

Все тоже насторожились. Трое львов вышли наперед, образовав линию. Звук слишком призрачен, неясен, почти у порога слуха; тем не менее, он есть; он проникает не обычным манером, беспокоя ухо, а тревожит само сознание, будто дышишь ты сам.

Первый лев подал жест охоты: «Вперед!». Тотчас там что-то зашевелилось, услышался звук осыпающихся каменных крошек; все снова застыли, кто как. И в таком положении им пришлось встретить свой страх. Из глубин, слева, вышел некто; смутно угадывались очертания львицы, но никто не обращал внимания на черты, ибо видел нечто иное, более важное и пугающее. Всецело притягивали внимание глаза этой львицы, что пылали изнутри чем-то, а чем — сказать решительно невозможно; они не светились в темноте, тем не менее, от их сверкания почти потух свет остального мира, всё потемнело. Невозможно видеть чужие глаза во тьме, но здесь так было.

Чуть зашумело в ушах; еще очень тихо, нежно, но со скрытой угрозой.

Дочь Ваал-сунгов первой инстинктивно поняла бедственность своего положения, и верно, мгновенно, бессознательно решила, что лучший способ сохранить себе равновесие и жизнь — удрать. Мгновенно, замысловато извернувшись на месте, львица отбросила землю от себя и прыгнула навстречу тусклому свету дня, но и

ее хлестнуло по ушам, хоть и намного слабее, невозможное, темное, смешанное с рычанием:

— Нйах!

Этот крик тут же забегал внутри души эхом: всенастигающим, безжалостным, звенящим и глухим одновременно. И тут же сознание очутилось в не помнящей саму себя серости, схожей на сон; но маленькой частицей вольсунга смогла удержаться на некоей грани, за которой была бездна забвения, и к ней с шумом вернулись зрение, слух, обоняние, чувство тела. Чувство такое, будто тебя кто только-только разбудил, и ты в панике куда-то удираешь. Вольсунга обнаружила, что продолжает бежать. Так много времени прошло для нее, а она только выбежала из пещеры; прошел ничтожный миг! Тут же, споткнувшись, она покатила по склону; совладав с телом, львица смогла уцепиться когтями в землю и траву, причем сломала один из них, на правой лапе. Такой ценой она смогла прекратить сваливание вниз, по склону. Судорожно вдохнув, ошалело оглянулась, ища помощи.

А со львами всё было так, как и должно быть.

Крик быстро и хорошо остановил их мир, усыпил души, выбил прочь сознание; но они еще живы, они еще должны что-то делать во вселенной, раз еще не убиты; потому сознание медленно, необычно медленно вползло назад, мучительно выстраивая окружающее из того, что давали чувства. Каждый из них никак не смог бы сказать, сколько держался этот насильственный сон сознания: лишь миг или почти вечность. И, когда они возвратились, то вокруг не витало ничего, кроме ночного, неподдельного страха и обещания страдания.

Их душам показалось, что вокруг сумерки дрожащего, алого рассвета. Опасность, яркая, шла от всего: от стен пещеры, от мелькающих алых теней по ним, от глаз львицы, что обрели черный зрачок пустоты, от самих себя. Вот она, ужасная правда. Вот он, правдивый ужас.

Хочется убежать? Смешно. Здесь нет места никакому хотению. Это единственное, что сейчас живет в их сердце: спрятаться, убрать этот ужас, уткнуться куда-то и больше никогда не высовываться. У первого подкосились лапы, и он несколько мгновений безуспешно пытался встать; второй верно определил, где его ждет призрачное спасение, и попытался бежать к выходу, охваченный паникой; третий же, обезумев, потерял всякую ориентацию, потому изо всей силы ударился о стенку пещеры, полагая, что где-то там — выход. Сильным ударом он сразу же причинил себе большой вред. Сэнзалли толкнула его к выходу, как ненужное. За это время первый Ваал-сунг сумел встать на лапы, и тоже смог сам выбежать, не понимая, кто он и что он.

Третий от толчка беспомощно упал, и попытался подняться снова. Сэнзалли подошла к нему, и в ней проснулась смутная жалость самки, которую она пригасила. Больше она не причиняла ему вреда и боли, а лишь, взяв за челюсть, сказала:

— Скажи своим: пусть уходят с этой земли.

Тот смотрел жалкими, большими глазами, глотая густую кровь из разбитого носа.

Снаружи донеслись беспокойные голоса, чей-то рык тревоги; Сэнзалли-шамани остро посмотрела туда, аккуратно оставив подбородок врага.

Всё, ее сражение на сегодня кончено. Надо убираться отсюда. Большими прыжками она, прекрасно зная свой дом, скрылась в густой траве южного склона Дальнего холма.

Вечер трудного дня. Земли бывшего прайда Делванни. На них — взрослые львы и львицы прайдов Хустру, Дэнэнаи и Шуудан.

Детей, больных, старых и нянек решили оставить позади — на всякий случай.

Ваал-сунга долго не могла говорить, вся чуть дрожала, и всё лишь твердила: — Я не могла по-другому, не могла... Не могла.

Ашай-Китрах постарались, как могли, снять с нее страх, и после этого она уснула.

Второй лев был примерно в таком же состоянии, только речь его была бессвязнее; ему тоже долго отмывали страх в воде, а потом еле уложили спать.

Третий лев сильно повредил себе нос, челюсть и зубы. Пребывал он в лихорадочном, тяжелом полусознании. Его уложили в пещере Южного холма и рядом с ним неотступно находилась одна из учениц.

Первый лев тронулся умом. Им сразу занялись старшие сестры, но это не помогло; похоже, нечто совершенно сдало в нем. Ни молитвы, ни проверенные способы снятия страха, ни попытки разговора — ничего не действовало.

Понял он, что обречен жить и страдать. Жить-страдать, жить-страдать, жить и страдать, будто для чьей-то забавы и потехи; этот бессмысленный «кто-то» вызвал волну ярости, которую схлестнула волна нового, свежего страха: вдруг «он» знает о его мысли, и еще сильнее прижмет к земле, еще более даст волю этим порочным кругам жизни.

— Я вижу, вижу, наконец, гряды пылающих колец, — то и дело говорил он бессмыслицу, никого не трогая в уголке. — Знал же, что жизнь — кольцо. Знал, и забыл. Забыл-забыл, а не стоит, не стоит забывать... Ой, ёй... Всюду блеск и упадок, куда ни смотри.

Гримаса его морды искривилась настолько, что некоторые отворачивались от страха и жалости.

— Мне трудно смотреть. Хватит уже. Надоело. За столько лет...

Муганги распорядились: половина воинов спит, половина — бодрствует. Невслыханная мера.

Всем остальным тоже спать оказалось неудобно. Каждый чувствовал себя в смутной опасности; на земле ждал ночной страх, а как посмотришь в небо — звёздный ужас. Сумасшедший, что появился во прайде, и с которым еще не знали, что делать, некоторое время бродил вокруг живым свидетельством, пугая тех Ваал-сунгов, кто еще в своем уме. Потом старшие сестры распорядились посадить его на месте, неважно как — увещанием или силой. Только родня — мать и сестра — не опасались его и пытались хоть как-то помочь.

Рано утром правителю Мирэмаю порученец Синарр доложил следующее:

— Мой хозяин, верная Лапа Ваала, земли южного прайда Делванни полностью наши. Также только что Вестающая сообщила мне, что земли северного прайда Регноран заняты, не без короткой битвы. После нее этот прайд Регноран тут же, ночью, вступил в переговоры и ушел прочь, на запад.

— Хорошо, всё как надо.

— Мой хозяин, муганги южного крыла желали добавить каплю горечи к радостным новостям.

— Что такое? — скривился Мирэмай. Что он не любит, так это всякие мелкие неприятности, которыми любят пичкать подданные.

— Увы, на землях Делванни всё еще осталась какая-то шаманая. Пока неизвестно, действует она одна либо в составе шайки. Это пытаются выяснить.

— Шаманая? — зашевелился Мирэмай. — Еще одна? Их там уже две убили. И что там с ней?

— Вчера днем она успела причинить вред нескольким нашим воинам, а потом скрыться.

— Как именно?

— Пока еще точно неясно. Посыльная утверждала, что даже сами Ашай уклончиво отвечают на вопрос. Как она говорила, их чем-то напугали до смерти. Один сошел с ума, похоже, окончательно.

Синарр равнодушно замолчал, словно рассказывал о чем-то совершенно далеком.

— Тебе это ничего не напоминает? — прищурился Мирэмай.

— Напоминает, мой правитель. Как раз хотел поделиться мнением.

— Ну?

— Инцидент в Йонурру.

Правитель четко указал лапой на порученца лапой, мол, «правильно мыслишь».

— Хорошо. Позови мне, пожалуйста, Высокую Мать, — посмотрел он в сторону.

— Будет сделано, — чуть поклонился Синарр.

Когда пришла Ринарита, то первым делом Мирэмай прогнал двух его любимиц прочь, которые как раз очень некстати пришли:

— Так... А ну ушли все, быстро.

Те покорно удалились. Правитель Ваал-сунгов терпеливо ждал, пока они уйдут; Ринарита же равнодушно провожала их взглядом.

— Похоже, объявилась наша знакомая шаманая.

— Как? — села Ринарита.

Мирэмай быстро и вкратце рассказал ей, что случилось.

— Что ж... Пойду-ка отправлю своих лучших сестер. Я знаю, какие из них самые толковые. Эх, жаль, многие остались позади, или даже в самом арьергарде. Я тоже пойду, — сказала Ринарита.

— Нет-нет! На самый край авангарда — никогда! Я слишком тобою дорожу.

Пригладив себя несколько раз за ухом, Ринарита ничего не ответила.

— Не думаю, что стоит слишком суетиться. Много чести. Она наверняка тут же сбежала. В будущем еще точно объявится, улучим момент — и схватим.

Вдруг хорошая мысль посетила Ринариту:

— А что там с пленницей? Она наверняка должна знать, кто это такая. Я хорошо помню, что, по ее словам, отправлялись две группы. Ее, южная, поймалась; а в северной как раз и была та шаманая. Пленница наверняка должна хоть что-то знать о ней.

— Точно! Так! Так, подите сюда немедленно!..

Мирэмай тут же хотел знать, когда доставят пленницу. Приказал сбегать за Нильзе, и та, чуть недовольная, что ей не дали поспать, сказала правителю:

— Сегодня ночью я всё передала Амариссани, как и приказывал правитель. Скоро посыльная прибежит к ашнарийцам, и те придут сюда с этой пленницей. А уж когда — не могу знать.

На том и закончили.

Тем временем Ваал-сунгов, что заняли земли Делванни, ждал новый сюрприз.

Первым делом дозорные заметили, что к прайду приближаются около десятка голов с запада; и спереди отряда идет львица. Всё ясно — идут с миром. Муганги

и старейшины тут же засуетились, начали приказывать и указывать; некоторые собрались в подобие стройного прямоугольника (у Ваал-сунгов с дисциплиной всё очень хорошо), а сестры Ашаи-Китрах собрались возле мугангов, чтобы придти на помощь, если что. Некоторые скрытно разбегались вправо и влево, чтобы упредить возможные хитрости, окружение и прочее.

Это были львы и львицы из Хартланда — посланцы Союза.

В Хартланд первые новости принес Ману со своей группой. По стечению обстоятельств, почти чудом он избежал встречи с вольсунгами возле прайда Регноран; он успел его предупредить об опасности нападения, что и сыграло свою роль — регноранцы решили не уходить с земель. В целом, его предупреждение не слишком помогло регноранцам — они и так уже знали, что вольсунги на подходе. Как только Ману ушел, так сразу были замечены вольсунги. Йонурру, кстати, в последний момент решили заручиться поддержкой еще двух прайдов. Вольсунги, заметив, что союзные не застигнуты врасплох, попытались пригрозить им. Это привело к большой, хаотичной и неравной битве, в результате которой почти половина регноранцев, причем половина сильная, была перебита. Вольсунги, особенно Йонурру, несмотря на организованность и внезапность, понесли значительные потери. Муганг Йонурру после боя умолял остальных двух не выдавать того, что его прайд понес такие потери. Те лишь повели ушами и пообещали этого не делать. В результате Мирэмаю известили о том, что всё прошло просто и гладко, мол, северный прайд союзных повержен, а у нас почти никаких потерь.

В бою погиб молодой дренгир Регноран, который только-только успел им стать, как и вообще почти все львы этого прайда. Вместо него дальнейшие ночные переговоры с вольсунгами вела его львица, которая, несмотря ни на что, старалась держаться. Помня о приказах Мирэмая, старшие сестры Ашаи-Китрах напомнили мугангам, что к союзным нужно идти со словом во всех случаях, когда это возможно; муганги нехотя «вспомнили» и согласились, ибо считали за лучшее перебить вообще всех, но послушаться не смели.

Эти переговоры стали сущим издевательством и унижением. В конце концов, вольсунги разрешили выжившим уйти прочь, причем хитрые Ашаи постоянно твердили, что они шли к регноранцам «с миром, а на них напали, не слушая» и что «предлагалось спокойное решение проблемы, а вы — с дракой! Нате, получили, чего хотели». Делали они это мастерски, и даже сама львица дренгира начала сомневаться в своей правоте. Тем не менее, надо было уходить. Собрав жалкие остатки прайда и волю, она приказала всем уходить к Хартланду.

Шамани Регноран — Сазарри и Хайтана — пропали без вести, словно в воду канули. Времени искать их не было, потому львица дренгира решила идти без них. Никто никогда не узнал, что сразу после сумерек, перед нападением, несколько сестер Ашаи и несколько воинов очень хитрым, по-змеиному коварным способом выманили их из прайда, а потом убили.

Почти сразу же после прибытия группы Ману в Хартланд на горизонте появились делваннийцы. Львы и львицы Хартланда оторопело глядели, как вереница из пяти десятков голов, с детьми, в колючках и пыли, как-то сонно вбрела к ним домой; их, голодных и усталых, было попросту нечем накормить. Никакие, даже самые лучшие охотницы не выдержат такой нагрузки.

Потом — еще хуже. Пришли остатки Регноран.

Тревожные новости пришли отовсюду: сначала от Ману, потом от дренгира Делванни, который являл собою воплощенное, паническое беспокойство, а потом прибытие остатков Регноран словно подвело первый печальный итог в начавшейся битве.

Первым делом Делванни ушел южнее, а остатки Регноран вошли в Хартланд. Что еще с ними делать?

Для охотниц и охотников наступили очень тяжелые времена.

Конунг Умтай сначала желал немедленно призвать все оставшиеся прайды Союза — Велари, Юнити, Иллари, Хлаалу — прямо к себе; но его быстро отговорили, да и сам он сразу же понял глупость этого шага отчаяния. Ему стало совершенно ясно: он не знает, что делать. И, самое главное, вряд ли бы знал любой из его предшественников, потому что крупные силы на Союз не нападали уже более сотни лет.

Сотни!

Это более, чем достаточно, чтобы всё забыть.

До этого любая оборона либо же наступление совершались силами одного прайда. Союз считался Союзом, но каждый решал свои проблемы сам. Регноранцы вяло ругались с Менаи-Саргали; не из нужды, а так, по многолетней привычке. Веларийцы, как обычно, гоняли южные прайды (фактически, реальный боевой опыт сейчас только у них). Иногда суетились юнианцы со всякими чужаками.

Теперь же... Вольсунги. Их много. У них инициатива. И самое главное — опыт. Они знают, как идти вперед; они неумолимо знают, что делать; они — воплощенная уверенность.

Умтай уткнулся головой в лапы. Тупик. Он не стал создавать воздушных иллюзий; он сразу понял, что всё это — начало конца. Вольсунги реальны. Реальнее солнца и луны, дождя и ветра.

— И если это конец... — тихо сказал конунг сам себе. — То нужен хотя бы шанс на жизнь тем, кто доверял мне. И, как ни смешно, продолжает доверять.

Была создана группа тех, кто пойдет к вольсунгам на переговоры. В нее вошли лишь добровольцы — никто не мог сказать, что их ждет там, на востоке. Ману очень просился в эту группу, старался убедить отца в том, что у него есть неоценимый опыт, ибо он видел живых, настоящих вольсунгов, а не ту тень страха, которую хранят в своем сердце другие. Но Умтай строжайше запретил.

Поймав момент, к Ману подбежал взволнованный Ариной. Он, мать Сэнзалли и Мааши, со сравнительно спокойным сердцем уходили из родной земли, ибо знали, что Сэнзалли должна вернуться с Ману в Хартланд. Но этого не случилось! Он уже знал, что каким-то образом Сэнзалли пошла домой сама, на родные земли! Его дочь! Сама!

— Где Сэнзалли, Ману?!

— В Делванни, — ответил он. Ману думал, что голос дрогнет, либо фраза прозвучит виновато, сдавленно, но собственный ровный тон удивил его самого.

— Ты понимаешь, что сейчас там вольсунги?!

— Более, чем понимаю. Я ненавижу себя за это. Я вообще себя ненавижу. Пусть лев внемлет: я хотел вот прямо теперь снова пойти к вольсунгам — теперь уже с миром, — несмотря на то, что почти умираю от усталости на протяжении уж нескольких дней. Но мне конунг запретил это делать и строго приказал оставаться в Хартланде. Потому всё, что я смог сделать: я попросил главу переговорщиков, советника отца... то есть, конунга... Ховару... чтобы он обязательно спросил вольсунгов о Сэнзалли. Они сейчас идут на земли Делванни.

— Почему так случилось? Как ты мог отпустить ее саму? — с горем спрашивал отец.

— Это было ее желание. Пусть лев верит мне. Когда мы вошли на земли Союза, то решили, что надо предупредить Делванни и Регноран. Я предлагал пойти с нею или отправить кого-то другого, но она напрочь отказалась. И... кроме того... Она более чем способна постоять за себя.

— Ману, это мое изящное, молодое дитя! Она маленькая, юная львица! О каком «постоять» может идти речь?!

— Те, кто шел со мною в группе, не дадут соврать, — повел ушами Ману.

— Ты о чем, негодяй?!

Сын конунга не обратил внимание на оскорбление, а только устало молвил:

— Только пусть мне лев не говорит, что не знает свою дочь.

— Что я знаю?! — со злым удивлением спросил Аринай, обойдя его вокруг.

— О том, какая она шамани.

— Небо мое, ты вообще о чем?! Причем здесь то, что она шамани?! Она вообще никогда всерьез всем этим не занималась! Что за бред ты смеешь мне говорить?!

— Как это «при чем»? Не «всерьез»? Она умеет такое, чего не умеем все мы. Она спас... эй...

Аринай не стал больше слушать и бросил Ману одного.

— ...спасла всю нашу группу... — договорил Ману для себя и для справедливости.

Отец Сэнзалли побежал проситься в группу, что шла на переговоры; но конунг, опасаясь, что этот лев может всё испортить, не разрешил этого.

— Шакал с ним... Пойду и найду сам. Моя дочь жива, я знаю. Жива...

Он быстро попрощался с плачущей Зарарой и совершенно невменяемой, ревущей Мааши, которая плакала, уже много дней тоскуя за сестрой. В какой-то момент Зараза схватила его когтями и с диким взглядом молвила ему:

— Не иди, Аринай. Не иди туда. Вдруг они с Фринаей вернутся? Вдруг она вернется?

— С ума сошла?! Как я могу не пойти?! Разве не видишь — всем вокруг плевать!

И ушел.

Умтай смотрел на длинный кусок мяса зебры, что валялся перед ним. Со спины, даже без шкуры. Самое то, самое вкусное. Но кушать он не хотел совершенно, хотя не ел уж два дня.

«Так... Хорошо, что отправил старшего и младшего. Остался Ману. Ману. Больше некому... Некому...», — думал он.

— Отец? — подошел Ману сзади, и Умтай весь содрогнулся.

Сын заметил, как за эти дни осунулся и постарел отец. Даже подрыхлел.

— На... ешь. Ешь сейчас же.

— Да я поел, — отмахнулся Ману.

— Ешь, тебе говорят! — закричал конунг.

Ману со вздохом откусил кусок и начал медленно жевать.

— Со всем этим и позабыл спросить. Ману, а где вторая, южная группа? Ты же разделил свои силы возле Делванни. Так? — закрыв глаза, бесцветно спросил отец.

— Да. А они разве еще не пришли? — душа Ману огрубела за эти дни от тяжелых впечатлений, потому он даже не бросил жевать.

Умтай долго смотрел на него, а потом снова уткнулся взглядом в землю. Землю, что пока еще принадлежит Союзу.

— Нет.

Сын конунга на миг перестал жевать. Потом продолжил, отрывая новый кусок:

— Значит, придут. Хотя вряд ли это нам поможет.

Умтай пригладил гриву, несколько раз втянул-вытянул когти. Потом равнодушно провел по лапе — остались царапины, осталась шерсть на когтях, но до крови не дошло.

«Кончилась у меня кровь, видимо. Испила жизнь всю до дна».

— Сын, слушай меня.

— Да.

— Меня скоро не станет. Потому эту тяжесть — у меня нет иного слова — придется нести тебе. Прости меня за то, что мне больше нечего тебе передать. Слушай внимательно. Если вольсунги согласятся на какое-то подобие мира, если они захотят вступить в переговоры — в чем я сомневаюсь — то ты станешь правителем нашего прайда, Хартланда. Это будет трудно, невероятно трудно. Я не знаю, что буду говорить. Я постараюсь в переговорах выиграть время. Выиграть хоть какие-то условия. Строить хорошую морду при ужасной игре. Но вряд ли так произойдет. Вольсунги, скорее всего, упиваются легкостью победы. Им будет плевать на нас. Потому, если они станут наступать, ты пойдешь в Юнити. Братьев твоих, как ты знаешь, я отправил в Иллари и Юнити. Я разошлю посыльных во все прайды с вестью о том, что теперь каждый сам за себя. Скажу, чтобы каждый уходил прочь... Илларицы — на север, в Морлай. Веларийцы — на юг. Хотя они вряд ли согласятся. Юнианцы и Хлаалу — на запад... Прайдам виднее, куда идти и что делать...

Без заминки Ману спросил, бросив пищу:

— А ты? А мать?

— Мы, и тот, кто этого захочет, останемся здесь.

— Я останусь с тобой, — махнул лапой Ману, а потом почему-то засмеялся, показав клыки.

— Исключено. Сын мой... Тебе кажется, что жизнь — это весело, а смерть — недоразумение. Смерть страшна и нелепа, Ману. Нелепа...

Умтай не находил себе места и начал ходить кругами:

— Еще успеешь к предкам. Ты поведешь остатки Хартланда к юнианцам. Это славный прайд. И спасайтесь вместе с юнианцами. Идите на запад или на север. Я знаю, что юнианцы будут упираться. Они будут цепляться за ту землю, на которой жили их предки целые три сотни лет. Ты умеешь считать до трех сотен?

— Нет, — с усмешкой молвил Ману.

— Ты должен уговорить юнианцев уйти. Союза не будет, но его остатки должны жить.

— Что это за жизнь? Когда должен жить...

Умтай, посмотрев на сына, вздохнул и ничего не сказал.

— Зачем ты братьев отправил в другие прайды? — Ману глядел в сторону.

— Чтобы чего не вышло... Чтобы им никакие глупости не пришли в голову.

Они будут тебе только мешать.

Сын конунга всё понял.

— Готовься, Ману.

Вдруг Умтай кое-что вспомнил:

— Ко мне подходил отец этой... как ее... Ну... Знаешь, у меня разрывалось сердце, но я не мог позволить ему пойти. Он же натворит там гиена знает что. Все переговоры провалятся.

— Отец Сэнзалли?

— Да, точно. Сэнзалли. Ученица шамани Делванни, насколько я знаю. Верно?

Шевеля когтями перед глазами, Ману задумчиво ответил:

— Верно, отец. Верно.

Умтай не смотрел на него, а лишь думал вслух:

— Знаю-знаю, что в Делванни осталась одна шамани, а одну уже убили. Несчастный прайд. О предки, я даже не знаю их имен. Не знаю. Не помню... Какой из меня конунг, сын? Скажи мне...

Ману не сказал.

— Как думаешь, что с ними? Интересно, выбрались они оттуда вдвоем?

— Вольсунги ненавидят шамани. Ты знал это, пап? — Ману пригладил свою гриву и вдруг заметил, что она стала реально длиннее.

— Нет. Правда? — без особого удивления спросил Умтай.

— Правда.

С бессилием конунг сказал:

— Тогда им обоим тоже конец... Как жаль.

Вдруг Ману сильно закрыл глаза и начал говорить:

— Отец, пожалуйста. Не надо. Ничего не говори о ней. Я просто... не знаю... ну зачем я решил разделить группу? Зачем я пустил ее саму? Пойми, я решил по дороге предупредить Делванни и Регноран, несмотря... несмотря на то, что ты сказал мне сразу возвращаться в Хартланд... Я хотел пойти с ней! Или хотя бы кого-то послать с нею. Отец, не надо, не говори о Сэнзалли ничего. Она была невероятна. Она была прекрасна. Отец, я так влюбился в нее! А теперь ее нет. Наверняка нет, отец. Чудес не бывает. Вольсунги точно поймали ее, беззащитную и усталую. Убили они ее, убили. Они ненавидят шамани, отец. Ненавидят. Да, ты знаешь, она однажды спасла всех нас. Она умела пугать взглядом, и то, что мы поймали одного вольсунга, это почти целиком ее заслуга. Ее и Сарниссы. Кстати, где она... Как пришел сюда, так ее больше не видел...

— Разведчицы разошлись по своим прайдам. Сарнисса из Иллари?

— Да.

— Значит, ушла в Иллари. Домой.

«Сарнисса», — без злобности или радости, но с какой-то печалью подумалось Ману. — «Са-рни-сса. Моя первая львица».

— Если бы ты, Ману, пошел за Сэнзалли к ее прайду, то мы бы здесь не говорили.

— А может, они сохранили ей жизнь? Может, она смогла уйти и всё еще идет к Хартланду?

— Может... — безразлично ответил конунг.

**

Всю дорогу не утихали споры.

— Это бессмысленно... Вольсунги не пойдут на мир. Очень хорошо, если мы просто останемся живы.

— Сидеть сложа лапы тоже нельзя.

— Нужно бросить им вызов.

— А вот это уже точно бессмысленно. Тогда нам всем уготована смерть.

— Не бывает бессмысленных сражений.

— Хватит рассуждать, — прикрикнул Ховара́. — Мы близко. Приготовьтесь.

И точно. Впереди не видно, кто именно прячется в густой и высокой траве, но заметно, как с холмов Делванни вдалеке бегут, поднимая пыль, несколько маленьких силуэтов. А вскре перед союзными, что пришли на переговоры, предстала безрадостная картина — земля, что считалась союзной, теперь полна врагами.

— Ази... Иди вперед, — так сказал Ховара́ единственной львице в группе.

Та ушла — обозначать мирные намерения.

— Они повсюду! Как их столько земля носит? Где взять столько добычи, чтобы они насытились? — удивлялись львы Союза.

Все они впервые видели живых, настоящих вольсунгов; потому в сердцах стучала опаска, боязнь, осторожность, непривычность. Каждый шаг навстречу им давался всё труднее и труднее. Некоторые выстроились широким фронтом перед ними; вот что-то шмыгнуло в кустах; вон кто-то всматривается на них со скал. Повсюду!

Все они вполне обычные львы и львицы. Разве что морды чуть более вытянуты вперед и чуть уже глаза, чем привычно. А так — ни дать, ни взять такие же, как львы и львицы Союза. Окрас тот же, тело такое же.

Ховара много раз повторил в уме то, что заготовил в качестве речи. Но здесь память и язык начали бессовестно предавать его; более того, он сполна ощутил, в каком глупом и позорном положении сейчас находится. Не имея такого опыта, зная только хорошую, благодатную жизнь, Ховара с ужасом понял, что в жизни всё не так, как в мысли.

От вольсунгов вперед никто не вышел, и Ази пришлось первой смотреть им глаза в глаза. Поняв, что никто и не выйдет, Ховара вышел навстречу.

Ряд насмешливых, злобных и любопытных глаз.

— Я приш... Мы пришли с посланием от конунга Умтая. Вы напали на наши земли, и...

— Неужели? — спросил кто-то необыкновенно визгливым голосом. Вольсунги взорвались смехом. Он продолжался долго, необыкновенно долго: каждый из них наслаждался тем триумфом — быть сыном Ваала. Быть дочерью Ваала. Это гордо, достойно, поразительно.

Когда смех стих, из рядов к нему обратился черногривый, престарелый лев:

— Брось эту болтовню. Мы — Ваал-сунги, сыновья и дочери Ваала. Ваал, будь свято его имя, — властелин наших судеб и наших недостойных жизней. Оскорби его хоть намеком — ты умрешь в страшной муке. Правитель наш зовется Мирэмай-Халу, и вот что он хочет от вашего союза. Первое: прекратите сопротивляться, это опасно для ваших жизней. Второе: приготовьтесь к нашему приходу. Наши воины, что придут к вам со словом, обратятся к вашему правителю, что засел в... как его...

Мугангу Хустру (а это был именно он — Мирэмай назначил его старшим южного крыла авангарда) подсказал кто-то из молодых Ашаи-Китрах:

— Хартланд...

— ...в этом Гартланде. Пусть он задумается, как подобающе их встретить, и пусть забудет о коварстве и противлении. Если вы пришли сюда, значит ищете мира и покоя. Мой сиятельный правитель даст вам эти благости, но вы должны уяснить, что лишь при полном вашем содействии и согласии. А теперь ступайте прочь: скоро, очень скоро к вам придут на переговоры.

— Но... — начал Ховара.

— Что тебе неясно, союзный? Разве ты не пришел взять мир?

Львица Ази заворожено смотрела на вольсунгу, что просто пронзала ее насквозь взглядом; странная львица, эта вольсунга, — уши черные, под глазами какие-то чернейшие полосы, и даже сквозь глаза, сверху вниз — тоже...

— Подумай о своих детях, львица, — вдруг негромко сказала та, но Ази отчетливо расслышала каждый слог этих слов. И вдруг защемило душу — она действительно вспомнила о детях.

— Хорошо. Мне передать моему правителю? Нам ждать прихода переговорщиков от вас? — Ховара глядел то на муганга, то на остальных вольсунгов.

— Да. Ждите. Мы придем сами. Мы придем с миром, но если вы восстанете хоть в мыслях — доброты не ждите. Видишь эту львицу, союзный, видишь? — указал муганг Хустру именно на ту сестру Ашаи-Китрах, на которую глядела Ази.

— Вижу, — кротко ответил Ховара.

Муганг Хустру обошел ее сзади, демонстративно осматривая ее, и стал с другой стороны возле нее:

— Это видящая Ваала, жрица сестринства Ашаи-Китрах. Она видит насквозь ваши души и сердца; так что храните в них благоразумие ради себя и своих родных. И не забывайте — Ваал-сунгов победить невозможно. Слава Ваалу!

— Слава навсегда! — стройным, мощным эхом пронеслось в небе.

Совершенно затуманенные, изумленные и затравленные, переговорщики Союза тихо развернулись и ушли прочь.

Старшая сестра Ашаи прайда Хустру, та самая, что пленила взглядом Ази, ушла к Южному холму. Там ждал тот самый лев, который пал жертвою сил Сэнзалли; остальные двое чувствовали себя еще кое-как, по крайней мере, будущее им не рисовало ничего безрадостного. С ним же всё по-иному.

Ему ласково приказали сидеть на месте, и он не ослушался. Ну, почти: он ходил кругами вокруг большого камня, бормоча что-то себе под нос и постоянно оглядываясь. Когда пришла старшая Ашаи Хустру, то вскоре за нею подтянулись и еще две: старшая сестра Дэнэнаи и молодая Ашаи Ваалу-Харана. Им следовало совместно посмотреть на него и попытаться как-то помочь.

— Там-там, Свайо. Там-там, — начала его гладить старшая Ашаи, успокаивая его ласкательным словом для детей. — Там-там.

— Я смотрел, честно, смотрел вокруг! Крутился!.. — быстро начал говорить он.

— Хорошо, — успокаивающе молвила она. — Садись. Смотри, кого я тебе привела. Мы все будем слушать тебя, а потом будем тебе по-мо-гать. Помогать. Уговор?

— Да-да-да. Да... Да, — легко и несмысленно согласился он.

— Расскажи мне, что там случилось? Можешь вспомнить?

Его укрыл ужас:

— Не надо, не надо, не надо!

— Ладно, Свайо, ладно. Не будем. Ты знаешь, что шаманаи уже нет? Ушла! Слыхал новости? Она уш-ла. Всё. Давай мы все вместе помолимся Ваалу, а потом продолжим.

— Да-да-да. Молиться надо, молиться... — мгновенно согласился он.

— Ваал, могущий рассечь небо, дай мне мощь, чтобы свергнуть страхи сердца моего; не пронзай когтем врагов моих, но дай мне, сыну твоему, что стремится к достоинству, исполнить твою волю, — громко говорила старшая сестра слова молитвы взрослого воина-ринасу, а за нею повторяли остальные, и Свайо тоже. Вдруг Ашаи-Китрах вместе умолкли, и тихий голос Свайо оказался в полном одиночестве: — И если настанет мой час, то укажи мне Нахейм.

— Прекрасно. Скажи, Свайо, как ты себя чувствуешь?

— Я сжат! Я — это не я. Она что-то подменила во мне. Подменила!

Харана вздохнула.

— Мы будем молиться о тебе. А теперь... Иди сюда. Харана даст тебе кое-что.

— Оно мне поможет? Или оно вредно? Вредно, да? Не отравя? — его бла-
гость вмиг превратилась в подозрение.

— Непременно поможет. Конечно же. Тебя никто не оставит.

— О, слава Ваалу. Слава ему. Пусть меня избавит...

— Избавит. Ступай с Хараной.

— Пошли, Свайю, идем, — молвила та, но он продолжал стоять:

— Я теперь всё понимаю! Понимаю всё то же, что и вы! Понимаю, понимаю!

Старшая Ашаи мягко дотронулась к гриве Свайю:

— Только никому не говори об этом, ладно? Это ведь наш секрет, правда?

— Да-да, я храню секреты, храню.

— Смотри...

— Пойдем, Свайю, пойдем, — ласкового говорила Ваалу-Харана.

Старшая сестра ХуSTRU не смотрела им вслед

Как ни странно, Ашаи-Китрах проявляют интерес к безумию и душевному расстройству. По общей вере Ваал-Сунгов, безумие носит в себе скрытую истину, и Ваал снисходителен к сумасшедшим или тем, кто «не в себе». Правда, одни Ашаи воспринимают это просто как малопонятную догму; иные же стараются выяснить, что стоит за всяким расстройством души и отчего оно происходит. Вообще, стройные ряды жриц Ваала не так уж стройны. Есть две их породы, хотя никто из Ваал-сунгов не заикнется даже намекнуть на это. Первые придают большое значения ритуалам, слепой вере, догмам (хотя у веры Ваал-сунгов их совсем немного) и тому, «что положено» и «как нужно»; другие же стараются понять себя и мир, в котором существуют, а самое главное — извлечь пользу и силу из этого знания. Первые считают любое знание просто полезным придатком к вере; вторые признают любое знание священным. По сути, этот тип Ашаи до странности похож на шамани.

— Эта шаманая рано или поздно поплатится за свое, — молвила старшая Ашаи. Другая в согласии кивнула. А потом они вместе ушли осваивать земли Делванни. — А Свайю поправится. Через несколько дней всё будет хорошо...

Так вот, эти две старшие сестры — суть первая порода.

А молодая сестра Ваалу-Харана принадлежит ко второй.

Она кормила Свайю соком сон-травы прямо из панциря, как маленького, по-
путно расспрашивая, стараясь делать это ненавязчиво и мягко:

— Ты помнишь ее, Свайю? — пригласила она его, как львенка.

Лев сжался, затравленно поглядел на нее. Похоже, его мало что успокаивало.

— Я боюсь ее. Харана, убейте ее. Вы можете, — попросился он.

— Боишься, значит, помнишь?

Он начал грызть когти.

— У нее глаза горели.

— А что еще в ней было?

— Она вонзала в нас страх, а мы его принимали, — ткнул он когтем в землю.

— Почему вы не убежали?

— Лапы не хотели, — с удивлением посмотрел на свои лапы-предательницы.

— Что она еще совершала, Свайю?

— Кричала... Рычала. Так, что я сразу вспомнил.

— Вспомнил что, Свайю? — Харана медленно повернула голову набок и
придвинула панцирь ближе к себе.

— В каком страхе живет всё, что бежит по земле.

— И долго она рычала, Свайю?

— Нет. Только — раз! — лев дернулся всем телом, и зеленоватый сок разлился ему на гриву. — Раз! Раз! — и ты слышишь шум в ушах. Тот самый, что всегда есть, а ты его не замечаешь...

Ваалу-Харана умиротворяла его нежностью львицы. Ему нужен покой и уверенность. Тогда его сознание вернется на место. По крайней мере, должно.

«Интересно. Что же надо знать, чтобы нести такой ужас? Она ведь молода, юна. Как я. И она что-то знает. А я — нет...».

**

Сэнзалли не знала об этих переговорах. Не видела, как из Хартланда пришли, как ушли. Ничего не слышала, не осязала, не чувствовала. У нее суть дела поважнее: напиться, наесться и поспать. Всё это нужно успеть проделать до наступления темноты.

Она ждет.

Ждет матери-ночи. А еще ждет тех, кто придет с запада.

Наверняка ведь придут, рано или поздно.

Просто нужно время, чтобы собраться. Придут веларийцы, всегда строгие, ворчливые, до смешного серьезные; придут илларийцы; придут хартландцы и сам конунг; придут юнианцы, которые вообще плевать хотели на любого врага; придут хлаальцы, хитрые до невозможности.

А пока нужно подпортить вольсунгам сладкую жизнь. Дать им просто бегать по своей земле? Ни-ни.

— Не пеняйте, вольсунги, на меня такую. Я кровью львенка связана с этой землей... Этой мой вирд и вызов, — сказала себе Сэнзалли, укрываясь на короткий, тревожный сон на той самой скале, где она впервые провела ночь с Аталлом.

Она прекрасно знает свои земли, а потому без особого труда ускользает от глаз и ушей врага. В ней проснулся нрав далеких предков: дух сражения, борьбы, хитрости, боевого коварства и стойкости. А смелости ей и так не надо — Сэнзалли знает страх.

Хозяйка своего страха; а если своего, так чужого тоже.

Сэнзалли слегла в дрему, предварительно укрывшись в укромном уголке. Но это не давало покоя — она уже знала, что Ашай-Китрах чувствуют ее примерно так же, как и она их. Это проблема. То, что она шамани — проблема. Это заметно. Это выдает...

«Хорошо, что поела», — так себе подумала. — «И попила тоже. Что еще надо для жизни? Поспать, попить, поесть... Считай, вот и вся жизнь».

Укрылась длинным хвостом, уложила его возле передней лапы.

«Что ж, обнаружат — значит, так мне положено. Куда от судьбы убежать? Лапы коротки...».

Вздыхнула, ощутила знакомое волнение-вибрацию меж ушами, успокоилась.

Сновидеть, когда рядом враги? Сновидеть в их окружении? Глупо или умно, но такова ее природа, Сэнзалли не может отказаться от нее. Это очень важно — помнить свои склонности и свою природу.

Душа упала в знакомую сияющую черноту. «Надо выйти из тела и поновать по моей земле — так смогу понять, где вольсунги», — намеревалась Сэнзалли, но вышло почему-то по-другому. Ее без собственной воли утянуло далее, выше.

Рев в ушах, осознание полной аморфности тела. Ощущаешь себя то ли точкой, то ли сферой. Нет ни лап, ни хвоста — ничего. Но постепенно мир вокруг об-

растает деталями, прямо под взором; Сэнзалли начинает ощущать тело так, как привыкла. Вокруг всё белое и покрыто то ли нежнейшей дымкой, то ли туманом.

«Посмотреть на лапы», — вспомнила Сэнзалли. Это очень помогает уцепиться в сновидении, обрести в нем стабильность и тяжесть.

Сэнзалли сделала это; оу, оказывается, и она стала совершенно белой, как и всё остальное. Несколько раз потопталась по земле, и дымка под лапами поднялась вверх и закружилась. «Красиво», — подумала она ясно и четко. — «Снова этот белый мир, помню-помню. Но что мне с него? Мне нужно вниз, домой — понять, где враг, а не умиляться здесь».

Это должно быть несложно. В сновидении намерение и воля — полные хозяйева; нужно лишь вознамериться, и... Сэнзалли вдруг заметила, что в белом тумане резвится силуэт львенка. Шамани тут же обратила на него внимание, всмотрелась, даже «наострила уши»; хотя понятно, что в иных мирах никаких ушей нету, всё это лишь своя иллюзия, так ощущается лишь по привычке.

— Аярри? — изумилась Сэнзалли, и по белому миру прошла легкая рябь.

Сэнзалли знает, что сновидение идет сквозь твое собственное сознание, собственный ум; а потому любые образы в нем — условны, и принадлежат только тебе. Сознание, воспринимая иные миры, строит из них свои причудливые, неустойчивые образы, выдает желаемое за действительное. Потому шамани очень важно иметь чистое, безупречное, сильное сознание, иначе миры сновидения будут полны иллюзий, страхов, скрытых ожиданий.

Он побегал перед нею, как живой, не обращая никакого внимания на Сэнзалли. Из-под лап вырывались клубы легкой дымки. Она дрогнула: «Он стал светлой душой, что бежит по белому миру», — подумала-поверила молодая шамани.

— Аярри! Подойди ко мне, скажи: что с тобою случилось в тот день? Дай мне знать, чтоб я успокоилась.

Продолжая бегать вокруг нее, львенок не обращал внимания на слова.

«Аярри... Прости меня», — шамани вспомнила давнюю, трудную вину, и это тяжелой лапой сразило ее. Белые струи, словно ветер, начали исходить от нее — любая эмоция в сновидении крадет силу.

— Узнав, ты не обретешь покой, — внезапно молвил он, негромко и печально, не глядя на нее. И хорошо, что не смотрел. Она не выдержала бы этого.

И, превратившись в серебристо-белую стрелу дымки, он пронзил шамани, исчезнув.

«Вот и всё», — подумала Сэнзалли. — «Сейчас вернусь домой». Но нет, мир не отпускал. Вокруг белая пустота, а Сэнзалли и дальше продолжает покоиться среди нее. А вот впереди... да, давнее, смутно знакомое. Появились алые следы на белой земле, а за ними — хозяйева и хозяйки этих следов. Они окружили ее, глядя без любопытства и жалости.

«Ты снова здесь, львица нижних миров».

«Да. Но не в моем намерении было попасть сюда».

«Что за ложь. Ты всегда делаешь то, что намереваешься. Значит, ты не знаешь своего намерения».

«Простите, что напрасно тревожу. Мне пора домой».

«Отчего ты торопишься?».

«Меня ждут враги, а я жду их».

«У тебя есть враги, что желают зла?».

«У кого их нет...».

«И что ты делаешь с ними?»., — ходили они вокруг Сэнзалли.

«Сражаю словом и страхом. Так я умею».

«Будь осторожнее со словом. Оно — сила».

«Да, но не в нижнем мире. Там стоит большого труда сделать слово силой».

«Как грустно. Но что ты знаешь о словах?».

«Они называют вещи».

«А ты знаешь, какие слова появились первыми?».

«Откуда мне знать».

«Первым было не слово, что называет вещь. Первым было слово, что дает приказ. Которое проводит волю».

Сэнзалли «смолчала».

«Ты знаешь хоть одно такое?», — казалось, белые львы и сиятельные львицы спрашивают это с надменной насмешкой.

«Одно знаю», — с холодом ответила Сэнзалли.

«Какое?», — еще больше насмешки.

— Нйах!

Мгновенный сон серости. Медленное возвращение, огонь сознания неспешно разжигается с новой силой... Всё то же — пелена и дымка. Но сиятельных львиц и львов нет, остались лишь алые следы.

Сэнзалли ощутила холод и уют; медленно-медленно, а потом всё быстрее ее начало тянуть вверх, и она мягко и плавно вкатилась домой, в свое тело нижнего мира, обнаружив, что всё так же лежит, свернувшись, и глядит на маленькие листья сон-травы, что покрыты мелкими каплями дождика.

Капает маленький, морозящий дождь, и где-то вдалеке очень нежно поет гром.

— Как жаль... — тихо молвила для себя же. — Может, могли научить какому новому слову. А я их изгнала, и себя тоже.

Встала, чуть отряхнулась. Посмотрела на себя — грязная. За эти дни не было времени хоть как-то толком привести себя в порядок... Вздохнув, решила, что надо хоть как-то умыться. И пока умывалась, к ней пришел простой и незатейливый инсайт, как обычно бывает после сна. Или сновидения.

«Я — шамани. А потому Ашай-Китрах смогут меня выследить, учуять. Но почему так? Почему мы все чувствуем друг друга? Ясно ведь. Ты втайне гордишься и знаешь саму себя. Ты изнутри пылаешь тем, что ты есть шамани. Ты говоришь, что всё — тлен и чепуха, но втайне хорошо помнишь о том, что умеешь, а чего не могут другие. Потому твоя сила сама рвется наружу, стремясь представить себя миру и собственному «Я», что готово купаться в довольстве. Твоя сила выдает тебя. А так быть не должно: ей должно смиренно сидеть в тебе, пока не придет время. Силе стоит выдавать меня лишь тогда, когда я хочу этого».

Бросила умываться. До чего странно, что она уже привыкла к такому: миг назад видеть иные миры, а в следующий — как ни в чем не бывало умываться возле воды.

«Скромность и смирение — вовсе не пустая чушь. Скромность должна быть изнутри, так ты станешь незаметнее, а потому — опаснее. Скрытая ярость гордости выдает тебя, а охотница суть та, которую не видят...».

Сэнзалли-шамани сошла вниз, со скалы, прошла мимо берега того самого маленького озерца, возле которого ее ждал Аталл. Вот тот камень, на который она взобралась, купаясь. Гладь озерца беспокоили маленькие кружки от капель с неба. Сложно сказать, что сейчас вокруг — поздний день, вечер или начало ночи? Всё так серо... Кажется, дело к вечеру.

Немножко попив, Сэнзалли решила пойти на юг. Там есть где укрыться до ночи, а ночью... ночью будет видно. Но она успела сделать лишь несколько шагов, как услышала шелест травы впереди. Она застыла, ожидая, что будет.

Оттуда вышел незнакомый лев. Наверняка вольсунг, ибо ухо посечено. Встретив Сэнзалли, он не проявил беспокойства, а лишь слегка удивился:

— О! — и чуть поджал лапу.

Шамани молчала, глядя на него.

— Ты что здесь делаешь? — без опаски спросил он.

— Гуляю. Осматриваюсь, — вдруг спохватилась Сэнзалли, вспомнив об извечном мастерстве шамани — мастерстве обмана, лжи, теней, пускания пыли в глаза.

Лев спокойно подошел и, окидывая взглядом скалу, обыденно спросил:

— Из Ашнари, наверное?

— Из Ашнари, — эхом повторила Сэнзалли, и медленно села.

— Ну, я так и знал... Я вот тоже хожу по этой земле, хотя муганг говорил не разбредаться. К хвосту его, достал уже. Достали уже все эти походы, так вся жизнь пройдет, — с уловимым раздражением сказал лев, всё так же изъясняя любопытство к скале.

«Он явно немолод... Лев возраста силы».

— Не то слово — достали.

— Тоже так думаешь? — он показался удивленным.

— А то, — отвернулась Сэнзалли в сторону, вздохнув.

Лев прошел мимо нее, осмотрелся вокруг; зачем-то попробовал лапой воду, а потом испробовал на вкус.

— Смотрела ту скалу?

— Смотрела. Походила вокруг. Ничего интересного. Вот... разве что маленькое озеро. Кажется, там внизу родники.

— Да, похоже на то. Неплохой водопой.

«Пора заканчивать с ним», — подумала Сэнзалли, зорко наблюдая за каждым его движением.

— Остаться здесь хотя бы на сезон. А там видно будет.

— Согласна.

Он бросил осматривать местность и присмотрелся к Сэнзалли.

— Странно, что ты еще не хаману! — посмотрел лев на ее уши. — Пора, давно уже пора. Что... наступила кому-то важному на хвост?

Сэнзалли очень смутно понимала, о чем речь. Да и не могла ясно понимать, что лев намекает на то, что часто отсрочка инициации во взрослую жизнь львицы — получение звания хаману и рассечения уха — часто используется влиятельными особами прайда (мугангом, старшими Ашай-Китрах) для своеобразной мести или поучения.

— Всё намного сложнее... — с напускной неясностью печально ответила она.

— Уверен, когда ты получишь звание, то львы не отстанут от твоего хвоста, — сделал он комплимент; Сэнзалли догадалась об этом не из смысла слов, но по чувству. — А еще такой белый окрас...

— Такое бывает. Я ж не виновата, что такой родилась! — со строптивостью ответила Сэнзалли.

— Эй, полегче, юная... Не ругайся. Эх, где мои молодые годы! — засмеялся он.

Сэнзалли прошла вперед, ибо лев начал слишком назойливо искать ее ясного взгляда. Сейчас ей выгодно и хорошо играть тихую скромницу.

— Мне скоро обещали, что я стану хаману, — молвила она, мило обернувшись. — Прямо на днях. Прямо-прямо.

— Вот как! Кстати, меня зовут...

«Сейчас», — спокойно подумала шамани, решив, что в этот миг схватит его взглядом, вырвет его сознание прочь из обыденности и затопчет его душу ужасом. Враг и захватчик, он на то и есть, чтобы его обманывать, изничтожать, противостоять ему. Говорила ведь: «Убирайтесь отсюда!». Нечего ходить по чужой земле. Нечего.

Справа снова зашелестела трава, и они в унисон повернули головы. Оттуда выбежали двое: небольшой лев-подросток и совсем еще маленькая львица, почти львенок. С нее еще пятна не сошли.

— Отец! — первым радостно озвался подросток.

— Вы чего, с ума сошли? Я же говорил вам сидеть во прайде, — сказал лев, но без напора, а как-то устало, даже сожалая.

Маленькая львица запрыгала возле лап отца, высоко задирая голову.

— Папа, мы хотели с тобой пойти, почему нас не взял? Нам интелесно всё посмотреть.

— Нечего смотреть, — вяло отмахивался отец. — Просто новые земли. Ради бога, давайте, немедленно идите назад.

Сын сел и с преувеличенной важностью, как и все, кто начинает переходить к взрослению, сказал:

— Отец, все няньки Хустру ушли искать какую-то шаманаю. Всех малых отправили к львицам Дэнэнаи, а сестра к ним не захотела. Я пошел тебя искать, а она увязалась за мной.

— Да, я туда не хочу, — подтвердила львёна.

Отец хмыкнул:

— Чем тебе не нравятся няньки Дэнэнаи?

— Они всё заплещают, иглать заплещают, нужно сидеть смильно, как дельвьям. Или камням.

— Вы мои бестолковые... Ну, ты посмотри на них. Ну! — последние слова обращены к Сэнзалли, что сидит, не шелохнувшись, а лишь моргает.

— Что же вы так снуете за папой? — меланхолично и по-доброму спросила молодая шамани, преодолев оцепенение.

— А за кем им еще бегать... Мать умерла. Вот и ходят за мной. Ходят... — с тяжелым личным чувством молвил лев. Потом притворно повеселел: — Боятся одного оставить — вдруг со мной что случится. Верно? — засмеялся вольсунг.

Львёнка потерлась щекой о его лапу:

— Велно, папа. Зачем нас блосать? Мы тоже хотим всё посмотреть.

Сэнзалли смотрела на это, чувствуя, как от инстинкта поднимается шерсть на загривке. Ей стало глубоко жаль детей, у которых нету мамы. Шамани позабыла о своих скрытых намерениях к этому льву; о нет, ни ему, а тем более его детям она причинить вреда не сможет. Этого отца она не может сделать сумасшедшим. Тем более при детях. А причинить зло этим маленьким душам — так вообще немислимо. Ибо по внутренней сути своей Сэнзалли добра, нежна и крайне эмпатийна.

Ей захотелось всплакнуть. Прямо тут, при враге и его детях. Зачем у нее такой вирд, почему такой дар, если она живет простым и трогательным сердцем, а не темным, злостным духом шамани-порченницы, которая бы управилась с этим даром ужаса несравненно лучше нее? Почему всё вообще так, как есть?

— Мррррр, иди ко мне, иди. Ходь-ходь, мрррррр, — Сэнзалли мурлыканьем позвала к себе папину дочку. Она так давно не ощущала детей, так давно не играла с ними! Кажется, прошла вечность с поры тех ярких, беззаботных дней.

Та на миг вопросительно посмотрела на отца, потом на Сэнзалли, а потом робко подошла, не зная, чего ожидать и тайно желая прильнуть к шерсти львицы, что всегда мягче шерсти льва. Ибо всякая львица может напомнить о матери, и даже походить на мать, а отец может походить только на самого себя. Отец есть отец, а мать — это всегда мать...

— Ты измаралась. Здесь, — указал лев на собственную левую щеку, намекая на нечеткие, давние полосы у Сэнзалли.

Шамани провела лапою по ним.

— Вот как... — и посмотрела на черненький след, который они оставили на внешней стороне лапы.

— Нам нужно идти. Прогуляешься с нами?

— А... Я? Нет, у меня еще дела, — спохватилась Сэнзалли, а львица нехотя отпрянула от ее ласковых объятий.

— Жаль. Приятно было познакомиться... — лев ожидал, что Сэнзалли огласит свое имя, но она, конечно, не сделала этого: называться придуманным глупо и пошло, а настоящим — нельзя.

Он понял, что ничего не дождется, потому сказал детям:

— Давайте, идите вперед. Идите. Намарси, бери братца, я сейчас буду.

— Холошо.

Встал напротив Сэнзалли. Она всё так же смотрела в сторону и вниз, не смея выдавать взглядом саму себя. Взгляд, он зеркало души — всегда выдаст.

— Слушай. Хоть ты из другого прайда... Нет, тем более, что ты из Ашнари. Мне кажется, тебе можно верить, ты так добра к детям. Хоть ты скоро станешь хаману, и у тебя будут свои, но я попрошу: если что-то со мной случится, сможешь о них позаботиться? Старший скоро вырастет, о нем можешь особо не беспокоиться, но... Намарси... Ее, младшенькую, сможешь забрать? Ее Намарси зовут. Тебя известят, когда это случится. Я позабочусь об этом. Как твоё имя? Ашнари-...? — смотрел он на нее со смесью надежды и прощения.

— Почему я? — совершенно изумилась Сэнзалли, подняв лапу. Даже глаза вспыхнули изумлением, и она таки глянула на льва. Признаться, такое сбывало с лап.

— Не знаю. Ты так обняла мою дочь, которая почти не знает заботы... Мне некого попросить об этом в Хустру — их мать была в плохих отношениях со всеми львицами Хустру, они ее очень плохо встретили... А я никак не знал, как и с кем поговорить на эту тему. Я даже обращался к Ашаи, но они лишь ответили, что на всё воля Ваала. Так оно так, но... я хочу быть уверен. Ты сделаешь это для меня?

Мало что могло сразить Сэнзалли, сделать беспомощной, поселить в душу некий разрыв, трудность и двойственность. Но этот лев сделал самое то, неосознанно подобрав идеальное средство.

— Я не могу этого пообещать. Хотя твои дети прекрасны.

— Что ж... Спасибо. Спасибо за честный ответ.

Он, кивнув, молча ушел,

Ее резвый, бодрый и дерзкий настрой растаял; она враз уловила всю сложность мира и свою беспомощность. «И это я, при моей силе. А что делать остальным?», — подумала Сэнзалли, уходя прочь от озера, на юг. — «Так... Хорошо. Похоже, вольсунги здесь уже обосновались, даже с детьми пришли... Ах, не могу думать!». Да, этот извечный вопрос: «Что делать?». Естественно, что сейчас идти на

Дальний, Южный или Верхний холмы опасно и бессмысленно — вольсунги уже наверняка обжили их, радуясь новому и удобному жилищу. В то же время некуда больше идти, некуда... Она должна ждать... Ждать. Ждать. Свои придут. Они будут. Они не могут не быть.

Тем временем Мирэмай-Халу выслушал длинный и обстоятельный доклад от посыльной. Муганги южного крыла разумно решили, что не стоит отправляться на переговоры самим, как было оговорено ранее, а сначала нужно посоветоваться с лапой Ваала. Союзные сами напросились на переговоры! Прекрасно, изумительно! Это оживило правителя Ваал-сунгов, и он начал прохаживаться туда-сюда. Немного подумав, тут же властно приказал:

— Так! Завтра я сам иду рассказать союзным, что да как!

Напрасно его все, особенно верный порученец, убеждали в неосторожности и возможной опасности такого шага: Мирэмай был непреклонен. С ним пойдут целых два прайда: Хустру и Дэнэнай. Ашнари останутся на землях Делванни.

Для всех это стало неожиданностью. Зачем болтать с этими союзными, если разбить их не составит особого труда? Славная битва, славная победа — разве не этого надобно?

Только Высокая Мать знала о причинах такой торопливости. Ринарита знала, что на самом деле думает и желает Мирэмай.

Ее Мирэмай попросил:

— Побудешь во прайде Ашнари, пока меня не будет. Не хочу тебя туда брать... Пока. А как только пойму, что всё, как нужно, то тут же тебя позову.

— Хорошенько. Договорились.

Ринарита знала, что правитель Ваал-сунгов считает этот союз прайдов чуть ли не подарком судьбы. Несмотря на то, что Ваал-сунги агрессивно захватили восточные земли Союза, Мирэмай не утрачивал надежды на то, что сможет найти с ними общий язык. Более того, он был свято убежден, несмотря на скептические замечания Ринариты, что в этом союзе полно сильных шаманай, и драться с ним — себе дороже. Тем не менее, после сегодняшнего дня, после случая на бывших землях Делванни, Высокая Мать обрела неуверенность в собственном скепсисе.

Вдруг в этом союзе действительно много шаманай?

Это хорошо, и плохо.

Плохо потому, что они — опасные враги.

Хорошо потому, что они кое-что *знают*; и если не ругаться с ними, а сотрудничать, то можно много лучше понять себя и мир. А именно этого Ринарита и хочет.

Она знала, что на самом деле задумал Мирэмай: он желал медленно, но верно избавить души Ваал-сунгов от их собственного бога, как это однажды проделал со своим сердцем.

**

Встающая Нильзе с неприятием услышала новость о том, что ей придется тянуться вместе с правителем к этим союзным.

«Наверняка далеко... Эх, гrrrrr, только привыкла к этим местам. Лень идти!», — разозлилась она; но, тем не менее, это долг. Встающая, что при правителе, должна идти за ним почти по следам. И ее главное, оно же единственное обязательство — ночью, почти каждую ночь встречаться в *снохождении* с остальными тремя Встающими.

Мирэмай суетился и торопился, потому уже к вечеру с небольшим окружением и охраной прибыл на земли Делванни, чтобы уже с них днем отправиться к

Хартланду на переговоры. Естественно, вместе с ним приплелась (по-иному трудно сказать) и недовольная всякими этими беспокойствами Нильзе.

Надо сказать, что по приходу Вестающей в любой прайд Ваал-сунгов все во прайде, даже львята, должны знать, как она выглядит, во избежание глупых неприятностей и происшествий. Для этого, как правило, делается сбор прайда, где Вестающие прямо представляются: вот, мол, та кто видит и слышит Ваала, любите и жалуйте. Но этот род Ашаи-Китрах, как известно, крайне своенравен; например, Нильзе терпеть не может всяких сборищ, а потому для нее привычным стало то, как на нее всё указывают лапой.

— Вот, смотрите, это Вестающая Нильзе, запомните...

Сначала страшно раздражало, а потом привыкло. Нильзе почти не наносит черный сок хирайи: лишь чуть на уши, и немножко под глазами, совсем малость. Ей лень. Поэтому всем прайдам, где приходит Нильзе, поначалу непросто: ее легко спутать с обычной львицей. Вот, например, с Вестающей Амариссани всё намного проще: она делает на мордашке что-то невообразимое — сложное сплетение черных линий, точек, изгибов. Ее точно ни с кем не спутаешь, не пропустишь.

«Ах, что мне завтра съесть? Может, пробежаться, поохотиться для себя...».

Сумерки. Муганг Дэнэнаи вместе со старшей Ашаи-Китрах этого же прайда услужливо показали ей земли, что некогда принадлежали Делванни; скучающая Нильзе осмотрела Южный, Дальний и Верхний холмы. Из тоски ее только вытянула пещера шамани на Дальнем.

— Шаманаи здесь жили? — сразу спросила она, еще не ступив в нее.

— Да, — ответила старшая сестра, Ваалу-Нарна — старая, беспросветно ограниченная и на редкость глупая Ашаи. — И сегодня тоже была одна.

— Это как? — удивившись, наострила уши Нильзе.

Ей вкратце рассказали историю о том, как некая шаманая устроила здесь переполох.

— А сейчас она где?

Муганг и старшая сестра повели ушами. Ваалу-Нарна, тяжело фыркнув, ответила:

— Откуда знать. Наверное, к своим ушла, на запад. Здесь ее нет — тут полно наших, мы бы ее увидели. Или ощутили.

«И то верно», — внутреннее согласилась Нильзе, сразу заинтересовавшись происшествием. Она долго, до полного заката, осматривалась в пещере, разглядывала панцири и даже вынюхивала каменный пол.

«Не та ли это шаманая, что перепугала тех дураков в Йонуруру? Как знать. Вполне возможно, что таких в этом союзе не одна, и не две».

Вестающей очень хотелось расспросить непосредственных участников действия, но, к сожалению, приходило ее время. Время снохождения. Сегодня важная ночь, сегодня должны быть все Вестающие. Сегодня Нильзе должна передать несколько важных сообщений. И принять тоже. Поэтому она попросила муганга дать ей охрану — она будет сновать во снах прямо здесь, в этой пещере. Главный лев Дэнэнаи немедленно исполнил просьбу, и тут же возле пещеры появились два молодых вольсунга. Один тут же уснул у входа, а второй сел чуть поодаль, молча созерцая ночную, мрачновато-томную даль. Прекрасно зная, что разговаривать и шуметь рядом с Вестающей нельзя, он тихонько сидел, лишь пошевеливал хвостом.

«Это будет забавно — уйти в иные миры в пещере шаманай», — решила Нильзе, втянув небольшой камень в пещеру. Ей нравится спать и сновать во снах, обняв камень.

Всё. Ночь. Можно начинать. Только в ее привычке небольшая прогулка перед снохождением. Давняя традиция, которую она хранит еще с той поры, когда была ученицей. Но разве это было так давно? Вовсе нет. Нильзе молода. Всё еще впереди.

Встающая вышла наружу, посмотрела налево, потом направо. Налево — основная, северная тропка вниз, она ведет ко прайдам. Направо — маленькая, торная, поросшая. Видимо, ею редко пользовались.

«Пойду туда. Будет меньше хвостов под носом крутиться и легче душе будет. Всё они крутятся подле, крутятся, верующие в свою смешную иллюзию. И чего им?.. От меня и так ничего не получишь. А им всё подавай прок, корысть, полезность из жизни. Да разве же в этом суть? Суть в ином, души мои. Ином».

Она пошла вниз по некрутому склону, чувствуя легкие уколы настырных веток акации. Посмотрела вверх, подумала о том, что стоило бы глянуть, что там на вершине этого холма, ну да ладно... Завтра, завтра. Это может подождать. Нильзе пошла далее, стараясь ни на что пристально не глядеть, словно отстраненно пропускающая мир сквозь себя; так легче войти в то самое состояние, невесомое и сновидное, что помогает войти в снохождение.

Чуткие уши услышали сзади треск. Встающая обернулась, не увидела никого. Ах, бывает. Бывает... Ее внезапным звуком не испугаешь: созерцание иных миров, погружение в глубины собственной души и сосредоточенность духа приучают к внутренней стойкости, ровному отношению ко всему.

«Что мы? Кто мы на самом деле? Для чего ходим по миру? Где та основа, на которую можно указать и молвить: «Вот оно, истинное!»? Ваала нет, богов нет, есть лишь некие сущности в иных мирах, и то я не могу решить — не плод ли они моего сознания? Не есть ли всё, данное мне для восприятия, суть игра моего воображения? Сон во сне, заключенный в сон?», — Нильзе очень любит подумать о неясном перед снохождением.

Вообще, ее наставница — очень умная и толковая Ашай-Китрах — советовала прекращать всякие мысли перед этим.

Ну, поначалу оно всегда так. Следуешь любому совету. А потом понимаешь, как для тебя лучше. Например, Нильзе перестала принимать любые ингредиенты и смеси, что влияют на сознание. Абсолютно строго, вообще ничего. Она знала, что одна из Встающих не может нормально уловить снохождение, если не примет наркотическую смесь, примерно такую же, какую дают при окончательном, третьем испытании, только менее сильную. Каждому свое. Уравнивание всех под один манер — первый признак глупости.

«Может, именно поэтому я Встающая правителя? Потому, что ясна и чиста?».

Как знать. Может...

Впереди какой-то шелест, прямо впереди тропки. Втянув воздух поглубже, Нильзе всё же не смогла понять, кто это или что это — ветер попутный, не дает понять запах. Вдруг показался чей-то силуэт, а потом и молодая львица светлого окраса, что удивленно уставилась на Нильзе, точнее не на нее, а почему-то на некую точку в ее груди.

«О, проклятье. И тут дрянные встречи, чужие морды, чужие речи... Есть ли место здесь, где мне не будут мешать?!». Странное направление взгляда вовсе не смутило ее — она к этому привыкла. Нильзе часто боятся смотреть в глаза, даже некоторые сестры Ашай-Китрах — и то боятся.

Нильзе чуть презрительно осмотрела незнакомку. Впрочем, почему «чуть»? Презрительно, так и есть. Привычка. Она с обычными львицами общается только

тоном просьб, что неизменно похожи на приказы. У этой молодой львички, несмотря на общий милый облик, признаться, какой-то взъерошено-неряшливый вид.

Ну вот, надо разминуться. Они на узкой тропинке, окруженные кустами акации и порослью марзары.

— Во имя Ваала, чего тут делаешь? — строго спрашивает Нильзе.

— Иду. Вон туда. На этот холм.

Следовало, конечно же, ответить «Да будет свято его имя». Да ладно. Что с них взять, глупых, перепуганных.

— Не утруждайся, — покачала головой вольсунга-Нильзе. — Я сегодня буду там спать, а тебе запрещаю.

— Запрещаешь?

Неуточное обращение на «ты» действительно изумило Нильзе. Дело в том, что хватит лишь одного слова Вестающей для того, чтобы лишить любую, вообще любую львицу звания хаману. Это очень тяжелое наказание. Потому Вестающая даже не разозлилась, а удивленно спросила, подозревая, что львица просто душевно больна:

— Из какого ты прайда?

— Из того, что на этой земле.

— Да из какого именно, ну?

— А почему ты запрещаешь мне идти к холму? — ответила вопросом на вопрос светленькая львица, что-то ища взглядом по земле.

Нильзе поняла. Ясно. Наверняка эта полубезумная, достойная сожаления «дочь Ваала» (а Нильзе себя таковою не считала еще с подросткового возраста) не успела запомнить ее, Нильзе, облик. Она не знает, что она — Вестающая.

— Я — Вестающая лапы Ваала, Нильзе. Львица, опомнись.

— Что ты вестаешь? — спросила львица, зачем-то внимательно рассматривая когти на правой лапе.

Так, догадка подтвердилась. Сумасшедшая. Кто такую выпустил без призора?

Но в среде Ашай-Китрах не принято глумиться над тем, кто помрачился умом. Наоборот, их обхаживают по мере сил, стараются вернуть к жизни; иногда их усыпляют навсегда, чтобы не мучились. Кроме того, считается, что в безумии скрыта искра истины. Нильзе, хоть и не обычная, но всё же Ашай-Китрах. А раз так, то надо выявить доброжелание, снисходительность.

Вестающая положила лапу ей на плечо.

— О таком не говорят.

— Говорят, почему ж нет. Познать можно, если лишь пронзит. А говорить — не значит познавать. Говорить можно что угодно. Слова настолько ж далеки от правды, как мы от неба.

«Как говорит-то», — подумала Нильзе.

— Оно верно. Но Ваал истинно возвещает тебе сквозь меня: мы далеко от неба, но мы можем приблизиться к нему.

— Мне кажется, что Ваал — это чушь, — бесцветно ответила львица.

— Я тоже так думаю, — весело ответила Нильзе, подмигнув. Она ничем не рискует. Кто поверит сумасшедшей, даже если та проговорится? — Но все наши без ума от него, не так ли?

— Наши?

— Наши.

— Нильзе, кто бы ты ни была, ты не вызываешь у меня отврата. Уйди с моего холма, и мы не будем знать вражды.

— Что значит — от твоего холма? Какой вражды?

Взгляд не спрячешь. Если он ясен, то его не угасить. Если он без страха, то не сделаешь его трусливым. Если желаешь кого знать, то смотри ему в глаза — ошибки не будет, никогда не будет; ты можешь лишь неверно понять; а всякое непонимание исходит лишь от тебя самого.

Встающая поняла, что жутко ошиблась, и перед нею кто угодно, но только не безумная дочь Ваала. Львица спокойно стояла перед нею, уже не таясь, не пряча взгляд по углам, и благородно давала время всё осмыслить, понять и принять. Но привычка быстро справиться со всяким удивлением сработала хорошо и четко: Нильзе вняла, что перед нею — шаманая. Да всё говорит об этом: и внутреннее чувство, и не тонкие намеки.

И что дальше?..

— Ты — шаманая. Та самая? — с прорывом молвила Ваал-сунга.

— Та самая.

— Это ты была в Йонурру?

— Я.

Тут Нильзе с робостью и внутренней дрожью осознала, что ей нечего противопоставить этой львице. Нечего. Нечем защититься, укрыться, огрызнуться. Она умеет витать во снах, она, дочь защищенной и холеной жизни, даже умеет принимать в них сообщения из сего мира от своих сестер; но ничего из этого не может ей помочь, не может! Сейчас вольно делать что угодно: страшненько зарычать, оцетиниться, сыграть в опасность и силу, взвыть на помощь, пугать карами и проклятиями; но всё это будет лишь смешной подделкой, детской игрой, ибо шаманая перед нею — неустрашима. Какое страшное слово: не-у-стра-ши-ма. Точнее, и для нее есть предел, но такой, что Нильзе и увидеть его не сможет.

— Ну, и что дальше? — она желала придать словам оттенок насмешливости, но вышло как-то мelenько.

— Сейчас я здесь. А дальше придет мой прайд. Мои прайды.

— Неужели? Сомневаюсь, — помялась Нильзе с лапы на лапу. Как ни странно, как ни позорно, но придется рычать на помощь.

«Мне нельзя с нею играть. Я сожгусь от своей доброты. Надо хитрее, злее», — подумала Сэнзалли. Быстрый взгляд, оскал, мгновенное напряжение:

— Нйах!

Тихая смерть и мгновенное перерождение. Сэнзалли очнулась, чувствуя дрожь в лапах; она нашла себя в таком положении, будто подпирала собой огромную гору — так стремительно подалось вперед ее тело. Прижала уши, вытянула хвост, наклонила голову к земле и прильнула к ней, выставила левую лапу далеко вперед. Изнутри готов выйти разящий ужас, а глаза зажглись белым огнем. А что вольсунга?

Ей страх уже не нужен. Сэнзалли присмотрелась, огонь угас. Ее легкая душа, привыкшая хорошо и надолго уходить из тела, тут же устремилась вдаль. Нет, эта Ашаи не погибла. Просто сознание ее от мощного толчка мигом ушло из мира теплой крови. Как ни странно, но она *сновидит*; сознание не по своей воле выбито в миры сновидения. Вот только что она внутренне готовилась сновидеть, и ее тренированное сознание восприняло это как приказ: «Пришла ночь, уходим прочь!». Хотя тело еще даже стоит, по привычке.

Сама не зная почему, но Сэнзалли аккуратно, даже бережно помогла телу Ашаи лечь на бок. Хотя можно не церемониться — противница, она и есть противница. Мелькнула мысль — надо убить, перегрызть глотку и дело с концами. Но

лишь мелькнула, а потом испарилась. Пусть живет. Топтать цветы просто, и дать жизнь сложнее, чем убить.

Сработало острое чувство, уши насторожились. Ах, вон ты где, смотришь из-за кустов и не знаешь, что делать.

— Ну, давай, дитя страха, рожденный в страхе, гибнувший в нем же! Ну! — обнажились белые клыки Сэнзалли. Изнутри пошла жаркая волна. Ночь. Звезды, что никогда не станут ближе, но всё равно нам светят. Глаза снова начали обретать белый мрак с алым следом. Но вольсунг, что тайком следовал за Нильзе и случайно застал всё это происшествие, предпочел не испытывать судьбу, и тут же исчез.

«Наверное, всё видел... Вот уж полно их на моей земле! Куда ни ступишь — вольсунг! Ладно... На Дальний холм мне смысла идти нет. Окружат, достанут», — подумала шамани Союза, снова уходя на юг. Она, в целом, начала сомневаться в своих действиях. Почему, собственно, стоит ждать здесь? Не отправиться ли в Хартланд? Неизвестность, неопределенность тяготили ее; тем более, что неизвестной остается судьба родного прайда и родственников. Мать точно с ума сходит от волнений. Конечно, можно попытаться об этом сновидеть, попытаться найти его в сновидении; но сейчас у нее практически нету никакого времени. А чутье и безмолвное знание молчит. Сэнзалли лишь знает, что ее прайд где-то есть, что он живет. А вообще, она бы, наверное, давно ушла отсюда; Сэнзалли всё больше понимает, что цепляться за землю проку нет. Но ее что-то держит. То самое, та самая клятва, которую давала матери Аярра.

Она знала, где можно скрыться на юге собственных земель. Тощая, холодная и голодная, кое-как уснула в укромном месте, в густых зарослях, где снуют лишь медоеды.

Неприступная и сильная Вестающая Нильзе очнулась где-то посреди ночи. Вокруг никого, лишь поют цикады, и ночь такая... вот такая! Безлунная. Нет луны, скрылась за облаками.

Что с ней было? Снохождение у нее было, причем как в ученичестве: с крайне слабым осознанием, урывчато, туманно. Нечего и говорить, что Нильзе не могла и не смогла общаться со своими сестрами.

— Будь же проклято всё на свете... — прошептала она. Важная, весьма важная ночь — упущена.

Она отряхнулась, осмотрелась пугливо, и пустилась вверх, к пещере шаманай. Осмотрелась. Ха, те двое «охранничков» посапывают, протянули лапы, и хоть бы что им. Что ж, сейчас кое-кто получит взбучку...

— Тааак...

«Кое-кто получит. И, в первую очередь, получу ее я», — начал угасать пыл Нильзе. Стало понятно, что если напаять на собственных охранников, то надо будет рассказать всю историю, от начала до конца. Историю собственного, глупого, слабого поражения. В таком случае как на нее посмотрит Мирэмай, как посмотрят остальные? Они наверняка определят ее слабой, тщетной, недостойной Ашаи. И ничего, что дело Вестающей — лишь в снохождении передавать и принимать сообщения, никто на это обращать внимания не будет. Общие мысли всегда жестоки и не знают понимания. Свалилась — значит, слаба!

Они спали! Они спали... Хорошо. Значит, ничего и не было. Ни-че-го. Всё как надо, всё по местам. А почему не смогла сегодня сноходить?..

— Что случилось, Нильзе? — спросил Мирэмай-Халу, которого она лично посетила сразу, рано утром. — Что произошло, милая? Ты сегодня не смогла передать вести?

— Очень сожалею, мой правитель. Но это ничего, — ровненько лгала Нильзе своему правителю и хозяину, впервые в жизни. — Я просто очень устала и мне было чуть плохо... Честно.

Порученец сидел рядом, напротив нее, и тер нос лапой. Мда, плохо. Непредвиденные обстоятельства. Этой ночью Нильзе должна была передать много важных вещей. Ну ничего. В следующий раз передаст.

И всё бы ладно, но когда солнце уже начинало припекать, то к Мирэмаю, который как раз жестко разбирает спор мугангов Хустру и Ашнари, посмел придти обычный Ваал-сунг, из прайда Хустру, с целью сообщить нечто «крайне важное» лично Лапе Ваала. Порученец Синарр благодушно молвил, что можно всё крайне важное рассказывать и ему. Но лев упорно настаивал на своем.

Порученец кивнул охранникам, мол, пропустите. Лев знает, что если побеспокоит правителя по мелочи, то ему не поздоровится.

Муганг Хустру сразу узнал льва своего прайда. Да это же Хустру-Хинтали, известный во всём прайде слабоумный, доверчивый дурачок. Таким уж родился, и все к нему привыкли. Ему всегда поручали всё самое простое и неблагодарное, низкое. Например, туши разрывать на части. Или тащить их. Ашаи-Китрах во всякой грязной мелочи помогать. Все знали, что он почти каждый день докладывает последние слухи старшей сестре Хустру. Львицы смеялись с него, а львы издевались.

— Хинтали, ты чего, белены объелся? Вон отсюда, подонок! — сразу зарычал муганг.

— Тише, тише... — махнул лапой Мирэмай. — Чего тебе?

— Я должен сообщить это только Лапе Ваала лично, — у Хинтали был на редкость серьезный и ответственный вид. — Ваал видит, что я не лгу.

— Ваал видит, и Ашаи видят. Синарр, позови-ка мне какую-нибудь старшую сестру.

Все умолкли в ожидании Ашаи-Китрах. Мирэмай желал застраховаться, и решил пригласить кого-то из них, чтобы убедиться в правдивости слов этого Хинтали. По опыту Мирэмай знал: наверняка какое-то разоблачение или донос. Что ж, дело нужное, полезное.

Вскоре пришла какая-то сестра из Ашнари: крупная, статная львица возраста силы с оторванным ухом и очень лютыми, страшными черными полосами сквозь глаза. Выглядело она зло и заспанно; на самом деле, она не спала всю ночь, ибо у одной из львиц совсем некстати ночью начались схватки; и так уж тяжело прошли все эти роды, что спаси Ваал. Мирэмай отошел с ней в сторонку и кивком пригласил Хинтали. Тот с готовностью подбежал и, чуть прижавшись к земле, смотря на правителя снизу вверх и глядя прямо в глаза, начал быстро говорить.

В какой-то момент глаза Мирэмая сузились, а Ашаи-Китрах дернула его сильной лапой за подбородок; но правитель остановил это и приказал оставить его в покое.

— Что? — спросил Мирэмай у нее.

Ашаи-Китрах тяжело вздохнула, глядя на этого Хинтали. С одной стороны, она очень не хотела подставлять сестру по пути, тем более — Вестающую. Она хорошо знала Нильзе. С другой... Ваал видит, и она видит — Хинтали не лжет. Достаточно одного ее слова, и Хинтали казнят, а Нильзе ничего не будет... Но! Но. Обман лапы Ваала — грех хуже некуда. Прегрешение, недостойное Ашаи-Китрах. Ваал видит и знает всё.

— Лично я не вижу лжи, мой хозяин.

Тот помрачнел. Сказав Хинтали учтивое «Спасибо», приказал ему удалиться и пообещал, что этого не забудет; также велел немедля вызвать к себе всех старших сестер в округе. А также Вестающую Нильзе.

Ему, вообще-то, плевать на то, что Нильзе не смогла оказать сопротивление этой шамане. Ему, в целом, плевать и на то, что она не смогла провезти сегодня ночью. Но чего Мирэмай-Халу никак не терпит — это обмана. Когда его обманывают. Правитель, который позволит сделать с собою такое хоть раз, считай, обречен. А Нильзе обманула его. Сегодня вот так. Завтра еще как. А послезавтра что?

Пришли все старшие сестры из прайдов Хустру, Дэнэнаи, Ашнари. Всё южное крыло авангарда. Всего пять голов. Позже всех прибыла Нильзе — ее долго не могли найти. Вскоре нашли — по своему обыкновению, она болтала лапой, разлегшись на ветке дерева.

Теперь у нее вид испуганный, чуть затравленный.

— Нильзе, во имя Ваала, скажи мне: что случилось этой ночью и... кого, — Мирэмай очень громко сказал это «кого», — ты встретила?

Всё стало ясно, как светлый день. Нильзе реально ощутила, как внутри души оборвалась некая нить, и поняла: была жизнь «до», станет жизнь «после». Если будет эта жизнь «после». Она не до конца осознала тот простой факт, что решила обмануть его. Правителя. Властелина всех Ваал-сунгов. А он такого не простит... или простит?

— Прости меня, о мой сиятельный властелин! Прости и пойми, за что я боялась!

В таком виде Нильзе не ожидал увидеть никто, даже сам Мирэмай.

— Тем не менее, — без страсти сказал он, — тебе придется ответить. Рассказывай.

— Этой ночью я решила пребыть в пещере шаманай. Перед тем, как вступить в снохождение, я привыкла гулять. Сошла вниз, по заросшей тропке, и встретила... ее...

— Кого?

— Ту самую шаманую. Ту самую, — Нильзе закрыла глаза, запрокинула голову и держалась лапой за щеку.

— Какую «ту самую»?

— Это она испугала наших вчера днем. Это она была в Йонурру. Это она ходит по этой земле.

— Почему ты уверена, что всё это — она?

— Я говорила с нею.

— А что потом?

— Потом она сделала нечто... Ее рык, ее крик звенит у меня в ушах до сих пор. Я упала в бессознание, а потом встала.

— Она причинила тебе вред?

— Даже когтем не тронула.

Мирэмай взглянул вверх, в небеса, приглаживая гриву.

— Как она выглядит? — спросил он, не отрывая взгляда от синевы.

— Светлая. Молодая. Совсем молодая. Худая.

— Ладно, Нильзе. Тебе я могу простить почти всё, ибо ты... была моими устами, моими ушами, моими глазами. Но ты решила скрыться, обмануть меня. Щадить такое я не могу. Ты хорошо служила мне, Нильзе. Но ты больше не моя Вестающая.

— Нет! Умоляю, мой хозяин, нет! Не забирай у меня мою веру, не забирай то, что взято муками испытаний... Не лишай меня утешения в вере! — низко уклонилась она.

— Я не могу лишить тебя этого пути. И не могу забрать твою веру: лишь Ваал ее источник. Определить твое участие в сестринстве могут лишь сестры и Высокая Мать. Это решать им, не мне. Просто я не могу больше называть тебя своей Вестающей. Ты не можешь вестать для меня, ибо однажды провестаешь ложь.

— Клянусь, что не провестаю лжи! Клянусь, что не будет во мне обмана!

Ашай-Китрах нахмурились, уголки рта насмешливо подернулись. После всего этого, после такого самовольного уничтожения, у нее нет шансов не то что снова стать Вестающей, а и просто остаться в сестринстве Ваала. По крайней мере, по негласным законам сестринства Ашай-Китрах... Конечно же, простой Ваал-сунгой ее может сделать только Высокая Мать, которой сейчас здесь нет — она осталась чуть позади, восточнее; но они позаботятся о том, чтобы рассказать о Нильзе так, как полагается. Высокая Мать мудра и справедлива.

Хотя, вообще, ни для кого не тайна, что Нильзе и Ринарита — хорошие подруги.

Но Высокая Мать знает, кого оставлять, а кого — нет.

Правитель Ваал-сунгов ушел, оставив Ашай-Китрах разбираться с Нильзе. Ему было жаль, искренне и сердечно жаль Нильзе, ибо он к ней привык за несколько лет, к ее сарказму и лентяйству, к ее неожиданным остроумным фразам и симпатичной мордашке. Привык к точности и верности того, как она встала. И тут — вот... Скрытое, обман. Он вздохнул и сошел по камням вниз, на землю. Всякому правителю приходится принимать трудные, тяжелые для души, но верные для дела решения. В какой-то момент он даже пожалел, что так сделал. Можно было ее спасти, оставить...

Ладно, посмотрим.

Шаманая... Шаманая.

Она определенно намного сложнее, чем кажется. Вот о чем стоит думать. Вот, что главное. Вот тот, кто, возможно, сможет ему помочь. Ее нужно лишь приманить, изловить, поймать. И, самое трудное — убедить хоть одной лапой встать на его сторону. Если не получится — придется уничтожить. Такой враг опасен.

«Она сильна, хитра, умна. Мне бы такую! С такой я бы горы свернул... Такая бы мне верно подсказала, что делать, как избавиться мои прайды от рабства веры. Такая бы подсказала, как превратить этот союз с врага на союзника, как влить его львов и львиц в свои прайды, чтобы они своим незапятнанным всякой верой умом могли медленно, но верно вытравить чушь с голов моих славных Сунгов. Никаких «Ваал-», но Сунгов! Мощь Сунгов станет еще больше, когда в них войдет свежая кровь...».

— Дарза! Дарза, а ну быстро лапы сюда! — увидел он вдалеке посыльную из Хустру, которую хорошо знал. Та мигом примчалась, безжалостно бросив кусок ноги бородавочника. — Быстро найди Синарра и передай, чтобы немедленно выяснил, как идут дела с пленницей из Найсагри. Немедленно выяснил и доложил! После этого птицей лети в... проклятье... выясни сначала, в каком прайде сейчас находится Вестающая Амариссани, а потом беги в него и от моего имени пригласи ее во прайд Хустру. Пусть не идет сама! Пусть берет охрану! Не меньше четырех голов! Поняла?

— Да, — спешно кивнула Дарза.

— Когда Амариссани придет в Хустру, то пусть ждет, если меня не будет. Понятно?

— Понятно, мой хозяин.

— Беги.

Мирэмай еще немного подумал, а потом пошел созывать мугангов ХуSTRU и Дэнэнай. Именно они должны создать для своего правителя большую группу, с которой он лично пойдет в Хартланд на переговоры.

Ваал-сунги привычно готовились к походу. Синарр нашел Мирэмай в непривычной обстановке: тот сидел без охраны возле группы, которая должна составить ему компанию, и о чем-то беседовал с главной охотницей ХуSTRU, которая тоже входила в эту группу.

— Мой правитель, — запыхавшись, сказал он. — Пленница будет, но только этим вечером или ночью!

— Ах, проклятье. Всё так не вовремя. Ладно, слушай сюда. Остаешься во главе южного крыла. Самое главное вот что: за эти дни ты должен, я настаиваю, должен любым способом поймать эту шаману. Делай всё, что угодно, но только поймай ее. Используй эту пленницу из Найсагри, она наверняка должна что-то знать о шамане. Используй ее, как хочешь. Вытрани из нее хоть что-то, что поможет. Хоть изорви пыткой до смерти, но вытрани. Узнай от нее имя шаманай, повадки, привычки, внешность, прошлое — всё! Мы о ней знаем только одно: она молода, светлого окраса и очень опасна. Я даже не уверен, что она из земли этих Делванни. Она не могла родиться во прайде, который позоришно сбежал от нас безо всякого слова. Наверняка она откуда-то с запада. Мне известно, что западные прайды этого союза вовсе не такие паиньки, как эти. Так... Когдаймаешь, то не упусти. Обязательно посоветуйся с Ашай, как ее лучше сохранить на месте. Но Ваал упаси причинить шамане вред! Пригрози казнью любому, кто повредит ей. Это очень важно. Еслиймаешь, тут же извести Высокую Мать. Она знает, что делать. И жди меня. Я тоже знаю. Как толькоймают, известишь через посыльную.

Синарр ушел, а Мирэмай-Халу остался.

— Я всегда знаю, что делать. Знать бы еще, как.

**

Еще поутру заметив, с каким оживлением вольсунги туда-сюда снуют, Сэнзалли решила не искушать блудницу-судьбу, и ушла еще южнее, почти за границы прайда. Там ей удалось поохотиться и немного перекусить; пришлось напиться плохой воды, но что поделать — водопой в совсем другой стороне, а сейчас туда соваться — верх глупости. Вдруг посреди дня, как только улеглась отдохнуть, чтобы ждать следующей ночи (а Сэнзалли решила пока что остаться на земле Делванни, несмотря ни на что), сквозь дрему ощутила легкий ветер. Только не такой, обычный, привычный, а тот самый, который обдувает не тебя саму, а проходит сквозь второе тело; его ощущаешь не шерстью, а чем-то над ней, как «колючую» воду. В ушах призрачно и неверно послышалось собственное имя.

«Это стоит внимания», — сразу было понято и принято ею. — «Какой-то зов. Что-то кто-то от меня хочет».

Тем не менее, шамани Союза льнула в траве крайне осторожно, ибо допускала, что это может быть какая-то уловка от Ашай-Китрах. Наверняка они уже кусают себя за хвосты, и Сэнзалли страсть как им надоела. «Да, я такая», — улыбнулась она себе, осторожно направляясь на запад, а потом на север. В ней крепла уверенность, что это кто-то из своих; вполне возможно, а скорее всего — некая шамани. Это наполняло тихой радостью и тревогой: пришли всё-таки, пришли!

Но ждал сюрприз. Она, впившись когтями в дерево, привстала, чтобы рассмотреть некое оживление далеко впереди себя. Мешали редкие деревца и густая трава, но Сэнзалли видела — вольсунги нечто задумали; точнее, большая их куча отправилась на запад. Их было не очень уж много, голов двадцать-тридцать, но Сэнзалли не может видеть всё и вся; скорее всего, где-то еще есть другие группы. Вольсунги пошли на запад, пошли!

Тем не менее, не это было зовом, не это было причиной. Сэнзалли посмотрела влево, и душа у нее совсем обмерла: где-то в двух сотнях прыжков от нее мелькнула грива льва, а потом появился и ее хозяин, который шел прямо на нее. Сначала Сэнзалли прильнула вниз, ужалась, спряталась за дерево, немного прокралась в сторону, и начала наблюдать за ним, прижав уши. Но судя по тому, как он удивленно смотрел на копошение вольсунгов, он не из них. Тогда чей он, кто? Чем дышит?

«Свой, что ли... Свой-свой! Но почему один?», — в мыслях Сэнзалли было всё: и радость, и тревога, и недоумение.

— Эй, ты! Пссст.

Тот извернулся от неожиданности, хотя Сэнзалли была еще весьма далеко. Он не сразу понял, откуда раздался ее голос, потому крутил головой и наострил уши. «Эх, львы», — улыбнувшись, подумала молодая шамани. — «Уши гривой заросли, вот и слышите лишь себя». В то же время ей показалось, что она его знает...

— Я здесь! Иди сюда, быстрее. Вольсунги заметят!

Он, наконец, сообразил, где находится хозяйка этого требовательно-милого голоса. Она, уже неосознанно, хорошо скрылась: не возле самого дерева, что очевидно и заметно, а в сторонке.

Мгновение он шел, а потом они столкнулись прямо нос к носу.

— Сэнгай?..

— Сэнзи! Ну слава предкам, я тебя нашел! Сработало!

— Что сработало?.. — в недоумении спросила Сэнзалли, но лев обнял ее, а она тут же, мягко и нежно — его. Так хорошо видеть свою душу за всё это жестокое время.

Ну как же, как же его не вспомнить. Сэнгай, молодой лев Юнити, тот самый, которого узнала всего за пару быстротечных дней в его прайде во время путешествия по Союзу; не первая симпатия Сэнзалли, но первый поцелуй и первая томность. Изменился! Грива у него была много реже, а еще тогда почему-то линяла (чего он стеснялся), и Сэнзалли любила расчесывать ее когтями, а он просил этого не делать — на когтях шамани оставались длинные шерстинки, и это веселило ее.

— Ты как тут оказался? Ты что, сам? — выискивала она взглядом его несуществующих компаньонов. Но чует — да, сам.

— Сам, сам. Сэнзи, я верил, что ты здесь есть, и...

Она выглянула из-за него, привыкшая быть настороже и чувствуя опасность. Это простую львицу можно простенько подловить на внезапном; а попробуй это сделать с шамани — это намного сложнее. Ей сила шепчет, когда хозяйке грозит опасность. А как иначе? Не будет хозяйки, то где ютиться силе? Она не может служить первому встречному. Ибо, как правило, первый встречный глуп, мерзок и несносен. Точно так.

Скорее всего, вольсунги отследили Сэнгаю и пустились вдогонку за ним; тот совершенно не заметил слежки. Теперь же вот он, результат — вдалеке мелькнул силуэт львицы. Это вольсунга-разведчица оперлась о дерево, прямо как Сэнзалли несколько мгновений назад, чтобы лучше понять: что, где, как. Неизвестно, сколько их и что они собираются делать, но наверняка надо что-то предпринять.

— За тобой хвост. Вольсунги рядом, — обыденно молвила шамани.

— Беги, Сэнзи, беги! Прячься!

— Ай-яй, да что я, по-твоему, делаю на своей земле все эти дни? Бегаю и прячусь.

— Сэнзи, я серьезно. Спасайся, их много, умоляю! — отпрянул Сэнгай от нее.

— Да проклятье с ними, — заулыбалась она искренне и ярко. — Я так рада тебя видеть...

— О небо, Сэнзи, — провел он лапой по морде, удивляясь беспечности самки. — Да беги!

— Куда бежать? Ты что, серьезно решил оставить меня одну? Лучше давай я тебе помогу. Я пригожусь, честно-честно. Или уж бежим вместе. Решай, как хочешь.

— Ты можешь не успеть. Я их задержу.

— Неет, к гиене такое. Или бежим, или стоим.

Он сорвался с места и нервно сказал ей:

— Тогда давай, побежали прочь.

— Ты лучше следуй за мной. За моим хвостом следуй, а то потеряешься у меня в гостях.

На юг они бежали довольно долго, причем весьма быстро; Сэнзалли заметила, что Сэнгай, свободный от изящества и стройности львицы, начал немного сдавать. Самцам тяжелее бегать, особенно долго. Она остановилась, обернулась. Нет, кажется, вольсунги отстали, потеряли их с виду. Сэнзалли, раздумывая, куда бы лучше пойти, сделала несколько шажков вперед. Они вышли к Змее, длинной-длинной возвышенности, которая в самом деле своей протяженностью напоминает змею. Сэнзалли всегда любила прогуливаться там, наверху. Но сейчас они у подножия. «Он, наверное, пить хочет. И есть. Ох проклятье, тут рядом и воды-то нету... Рискнуть и пойти к озерцу на западной границе?».

— Грррр, Сэнзи, спрячься за меня.

«Да сколько же их», — подумала Сэнзалли, а сама лишь фыркнула от недовольства.

Это точно не те вольсунги, что следили за Сэнгаем. Это другие; они наверняка ходили там, по хребту Змеи, и с высоты случайно заметили союзного льва, которого темная грива выдает с головой на фоне желтизны мира. По-другому быть не может, потому что травы тут густые и цепкие, скрыться очень легко. Пологие склоны дали им возможность быстро сбежать вниз.

Их было трое: два льва, одна львица. Они встали, как камни; видимо, каждый из них неистово желал догнать этого союзного льва, но никак не ожидал встретить его в компании кое-кого светленького. А все уже знают о некоей шамане светлого окраса, что учиняет тут страхи, проклятия и беспорядки. А шаману приказали поймать любой ценой. Живой, и крайне желательно — невредимой. Это хорошо звучит. Но как это сделать?

Потому встали в ряд, и на миг ни на что не решались, зло оценивая врага и свою решимость.

Один из них был львом возраста силы, почти старым; многие шрамы укрывали его плотно сбитое, крепкое тело с густейшей гривой грязно-желтого окраса. Второй суть молод, высок, с невообразимо наглой мордой и неестественно длинными лапами. Третья — молоденькая вольсунга с рассеченным левым ухом (Сэнзалли вообще заметила, что у многих из них рассечены уши, и только сейчас поняла, что это — не случайность), небольшого роста, внешности совершенно изумительной и чистой. Безупречные черты мордочки. Она даже ухитрилась не измараться, и ее зо-

лотисто-темная шерсть выглядит почти совершенно незапятнанной, чего не скажешь о ее друзьях — те все в пыли, мелком соре и приставших колючках, которые так потом мучительно выдирают из грив. Странно. Что она вообще здесь делает? Почему она еще не любимица конунга этих вольсунгов, или как там зовется их правитель...

— Вам не уйти, — наконец, сказал самый старый вольсунг. — Не уйдете.

Сэнзалли молчала. Теперь она не сама, теперь она со львом, а потому он главный; он и решит, как ответить, что сказать, а о чем смолчать.

— Верно. Мы не уйдем. А вам придется, — ответил Сэнгай.

Шамани посмотрела на него, действительно чуть спрятавшись за ним, как он ей сказал. Хорошо ответил. Так и надо.

— Это бессмысленно. Сейчас нас трое. Но очень скоро нас будет больше.

— Ты будешь пугать меня болтовней? Или начнешь драку, как лев? — насмешливо спросил Сэнгай, наклоня голову из стороны в сторону.

Было видно, что вольсунг лихорадочно подбирает слова. Сэнзалли ощутила его неуверенность, спутанность мысли.

— Мне нет смысла с тобой драться, — молвил он, и сел. — Твой правитель пришел искать мира у моего правителя. И, клянусь Ваалом, мой правитель милосерден. Между нами не вражда, а перемирие.

— А откуда тебе знать, *кто* мой правитель?

Тот запнулся, но нашелся:

— Я не знаю тебя. Но я знаю эту львицу, что за тобой. Ты слышишь меня?

— Она не будет с тобой говорить, — без всякой заминки ответил за нее сын Юнити.

Вольсунги переглянулись.

— Предлагаю вам не прятаться. Обещаю, что вам не будет вреда. Львица, тебя желает видеть мой правитель. Уверяю: это большая честь.

«Это кто-то весьма важный в их стане», — догадалась Сэнзалли. — «Точно-точно».

— И с чего такая честь? — спросил Сэнгай, не давая говорить своей шамани.

Заулыбавшись в открытую, Сэнзалли приложила чуть вытянутые когти к подбородку и начала чуть приглаживать ими шерстку, по старой привычке, которую она всегда находила глупой, а львы — игривой. Ах, вот как. Сэнгай просто издевается над Ваал-сунгами. Они от боязни что-то хитрят, стараются заманить в ловушку, придумывают всякую чушь. Значит, изначально не боится. Значит, смелый. Значит, прекрасно.

— Потому что теперь мы в перемирии. Теперь мы...

Шамани сузила глаза. Что он уцепился в эту свою сказку о «перемирии». Смотри, как вдохновенно врет, подлец. Правильно говорят же: с возрастом приходит опыт. Врун. Врунишка. Еще бы: быть важной персоной, и не уметь врать. Где такое видано? Верно, Сэнзалли-шамани. Нигде.

— Прочь с земли Союза, тогда и поговорим, — с каким-то просто убийственным презрением прервал его Сэнгай. — О перемирии.

Голосом, каким увещевают буйных или чересчур разозлившихся, старый вольсунг молвил:

— Сейчас я позову остальных. Мы вас проводим. Вам не будет вреда. Обещаю.

— Не стоит никого звать. Давайте лучше обменяемся словами, — вдруг сказала Сэнзалли и вышла вровень со Сэнгаем, встала возле него.

— Давай. Я слушаю тебя, львица.

— Ну уж, пришел на мою землю и хочет меня слушать. Это я тебя слушаю,
— сказала Сэнзалли мягко, даже нежно.

Младший вольсунг нервно вздохнул; он понимал, что разговор катится совершенно не туда, куда нужно. И выставляют они себя в дурном положении: отвечают, оправдываются. Вольсунга молчит и всё поглядывает влево. Видать, выглядывает своих.

— Мой правитель хочет видеть тебя.

— Зачем? Он испугался меня?

— Нет. Лапа Ваала ничего не боится. Просто сейчас настало перемирие, и в твоём противлении нет всякого смысла. Твой же правитель будет недоволен тем, что ты нарушаешь его мирное слово.

Сэнзалли сделала молчаливое «Оу...» одним лишь ртом, что означало: мол, я всё поняла.

— Твои устремления благородны, — сыграла она для него глазками, и вольсунг чуть одернулся от неожиданности. — Ты желаешь оградить меня от гнева моего правителя. Но ты, копошась в страхе, сейчас внимателен со мною; отчего ж тогда твои прайды не были так добры к моим наставницам, которых без жалости убили?

Сэнгай наблюдал за ними, за вольсунгами, крайне внимательно. Он заметил дивную перемену в их облике. Все они смотрели настороженно, внимательно на Сэнзалли; на мордочке вольсунги мелькнула подозрительная, предательская тень неуверенного испуга. Да и сам Сэнгай ощутил, будто холодный ветерок обдул лапы; на миг даже показалось, что под ними — топкая жидкость, вода, а не твердая земля.

— Я не копошусь в страхе, смешная моя. Я не боюсь тебя. Никто из нас.

— Вот как. Хорошо, если не боишься, то давай, ответь: зачем убили наставниц?

Этот вопрос загнал старого вольсунга в угол. Это крайне неудобный вопрос. Любой ответ на него будет не на пользу делу. Он, старейшина, главный советник муганга Хустру, прекрасно знал, о чем речь. Ибо это именно он вел ту группу, в которой шла ученица Ваалу-Нирзая, уже ставшая сестрой Ашаи-Китрах. Его глаза видели, как Нирзая убила какую-то старую шаманую. Убийство второй он не видел, но прекрасно знал о нем.

Потому решил притвориться дураком:

— Мы не знаем. Не знаем, о чем ты.

— Не надо мне врать, — Сэнзалли с грацией прошла перед ним. — Врать не надо.

Вдруг молодой вольсунг, устав себя пересиливать и сдерживать, вспылал яростным:

— Потому, что Ваал воистину ненавидит шаманай. Потому что мы, сыновья Ваала, ненавидим вас. Ваши дни никчемны, вы недостойны жизни.

— Но если шамани возненавидит тебя? Что ты будешь делать с этим? — указала Сэнзалли на него лапой, выпустив коготь.

— То же, что всегда. Разорву врагов, и Ваал поможет мне, верному сыну.

— Уж так, разве? Гляди, смотри — где он? Где его помощь сейчас для тебя? — оглянулась шамани.

— Довольно, отродье. Изорвать хостурров, утэээгрррррр... — зарычал вольсунг, издав боевой клич Ваал-сунгов: «Утэй!». В следующий миг произошло очень много всего. Молодой вольсунг бросился к Сэнзалли-шамани, в ярости забыв обо всём; у него только одна цель — убить двух неверных, что смели изгаляться над ними. Старый вольсунг-старейшина, доселе с чувством провала и сожалением

наблюдавший за своим молодым воином, дернулся вперед, чтобы каким-то образом исправить уже непоправимую ситуацию. Вольсунга, вполне правильно не желая попусту тратить жизнь и красоту на опасные драки, сделала шагок назад, стараясь придумать, что делать дальше. Сэнгай тоже бросился вперед, стараясь не дать вольсунгу достать Сэнзалли.

А что шамани? Она, вместо того чтобы смотреть на опасность этого мира, видеть ее, оценивать, убегать или драться с нею — закрыла глаза. Дикая, плохая, совсем не львиная усталость... Что он, этот мир, погрязший в блуде и грязи; и нет, не в том блуде, когда нет покоя страстям, а в том самом, когда блудишь, заблудишься, ищешь верное и не знаешь, где верх, а где низ. Но силы, что еще преданно ютились в ней, тормозили душу: «Хозяйка, тебе опасность — а нам выход».

— Нйах! — она почти не слышала своего слова, оно звучало глухой волной в ней самой. Сэнгай ощутил, что земля будто на миг ушла из-под лап, ощутил этот хлест по ушам, в котором звучало далекое и звонкое эхо. Он, не видя, влетел в своего врага, но почти мгновенно очнулся, ибо слово древнего языка назначалось не ему.

Для его же врагов мир стал темен, почернел, в нем всё обрело лишь два тона: темный и алый. Светлым огнем горели лишь глаза шаманаи, и если можно представить себе зрелище более ужасное, то лучше сразу погибнуть. Это даже не детский, а какой-то прирожденный страх, память о котором сидит в каждом из нас.

Львы отпрянули, потом показали опасности хвост, а потом начали убегать, не помня себя и не зная себе отчета. Чуть очнутся они много позже, когда отбегут на прыжков двадцать-тридцать. И то им везет: сейчас белый, светлый день, солнце; потому окружающее быстро снимет наваждение с их сознания, оно быстро вернется в привычное, обыденное положение. Они медленно, но верно кое-как обретут прежнюю смелость и уверенность, уже более готовые к такому трюку и такому страху. Всё просто: кто познал первобытный ужас и страх, и не свергнулся умом, тот становится сильнее, смелее. В следующий раз его наваждение ужаса возьмет слабее. Но «Нйах!» всегда будет неизменным. Он всегда остановит мир, если шамани, что *говорит* его, имеет силу.

А вольсунга не смогла выдержать такого испытания. Ее сознание решило защититься, спрятаться, и упало в ступор обморока. Лапы вольсунги подкосились, она упала набок, прямо как была.

Сэнгай на заплетающихся лапах подбежал к ней, чтобы причинить непоправимый вред, чтобы одним врагом в жизни стало меньше; тем не менее, жалость сковала его, когда он увидел перед собой, под лапами, беззащитное тело молодой львицы, будущее которой сейчас зависит от легкого движения его мысли. Ему стало жаль этой красоты и милости, и он так постоял, ни на что не решаясь, пока Сэнзалли, похожая в своей истоме на большую лихорадкой, не позвала его полусловом-полустоном:

— Сэнгай, оставь ее...

— Сэнзи, ты в порядке? — только и нашел, что спросить.

— Уйдем отсюда, Сэнгай... Беги возле склона, прямо.

Бежала она трудно, тяжело и часто дышала; он было хотел спросить ее о том, что случилось, но увидел эти ясные и одновременно дикие глаза, и решил повременить. Но весьма скоро Сэнзалли обрела твердый шаг, дыхание стало ровнее, а уши отжались.

— Беги за мной... — повела шамани льва по своей земле.

Они молча побежали туда, куда вела Сэнзалли — к озерцу у той самой, западной скалы. Она решила, что больше следовать негде, ибо именно там есть хоро-

шая, чистая вода; конечно же, риск встретить там вольсунгов огромен, но Сэнзалли надеялась на счастливую звезду, которая может упасть под лапы любому.

Когда прибежали, то первым делом внимательно осмотрелись. Похоже, нет никого...

— Сэнзи, проклятье, что это было? — спросил он ее только тогда, когда вылакал, как ему показалось, пол-озера.

Сэнзалли лежала слева от него и наблюдала за ним. Устало, но довольно ответила:

— Прости, что немного дурачилась... Я просто очень рада видеть хоть кого-то из своих. Я действительно очень рада тебе, Сэнгаи.

Он отряхнул лапу от воды.

— Нет, я не о том, — смотрел он в свое отражение. — Что ты с ними сделала?

— А, это. Ну, шамани я, или кто? Идем, скроемся вон там, наверху, — показала она на вершину скалы. — Там ветрено, но хорошо. Мне не терпится услышать новости. Я здесь сижу и почти ничего не знаю.

Взошли наверх. Сэнгай разлегся на теплых камнях, опершись всем боком о скалу; в зубах он держал длинную травинку, и так игрался ею. Сэнзалли полукругом свернулась прямо у его лап, и ее хвост свободно касается его гривы.

Они уже отошли, отдохнули, ощущая необходимость разговора. Но ни Сэнзалли, ни Сэнгай весьма долго не смели нарушить мир тишины.

— Тебя как, прислали разведать местность? Где наши, близко уже? — наконец спросила она.

— Сэнзалли... Какое «наши»?.. Какое «близко»?..

Бросив наблюдать саванну с приятной высоты, Сэнзалли без упрёка посмотрела ему в глаза.

— Что ты хочешь сказать? — с удивленной меланхолией спросила она.

Сэнгай посмотрел на нее, а потом легко, очень нежно провел ей лапой по щеке. Она не противилась нежности, но ее душа требовала ответа.

— Скажи мне, Сэнгаи. Что делается?

— Я искал, и я нашел тебя.

— Ты искал меня? Ты шел сюда ради меня?

— Только ради тебя.

Он перевел дух.

— Сэнзалли, скажи, ты всё это время была здесь?

— Да. Я старалась защитить свои земли.

— Вижу... Сэнзи, но как так? Тебя хочет видеть сам правитель вольсунгов, перемирие предлагает, эти круглые глаза строят, тебя завидев... О предки, что ты тут натворила? — с восхищением спросил Сэнгай.

Но у шамани кончилось терпение:

— Расскажи мне, Расскажи что происходит! Где мой прайд? Где все?

— Твой прайд возле Хартланда, южнее него. Я был в нем, сразу тебе скажу: я видел твою сестру, мать, отца. Познакомился с ними. Не спеши, не спрашивай как — сейчас расскажу. С ними всё в порядке, они живы и здоровы, — он вздохнул. — Конунг решил идти с вольсунгами на переговоры, и отрядил к ним переговорщиков. Насколько я знаю, они успешно вернулись, тоже живы и здоровы. Та большая группа вольсунгов, что мы видели — это, я думаю, они идут в Хартланд, чтобы напрямую говорить с Умтаем. Теперь мне ясно: конунг решил сдаться вольсунгам еще до того, как они на нас напали. У дренгира твоего прайда было строгое, негласное указание немедленно убираться прочь, на запад, если у границ появятся вольсунги. Я

не знаю, было ли такое указание у регноранцев. Если и было, то они его ослушались. Они потеряли половину прайда.

— Половину? — с мучением спросила Сэнзалли.

— Да. Вольсунги напали на Регноран ночью.

— Ты не знаешь, Ману смог их предупредить? Смог предупредить регноранцев? Ману, это...

— Я всё знаю. Я очень многое узнал в поисках тебя. Знаю, что ты была в группе Ману. Увы, я не смог поговорить с Ману. Но мне известно, что он смог их предупредить. Он успешно вернулся в Хартланд и рассказал всё, что узнал вольсунгах.

— Но как... Как ты начал меня искать? Откуда ты... Как?

— Сейчас. Сейчас я скажу тебе всё по порядку, — молвил он, а потом вдруг решил, и поцеловал ее. Просто так, потому что она есть. Сэнзалли совершенно безвольно растаяла в его объятиях, не делая никакого сопротивления.

— Слушай внимательно, душа моя. О предки, я теперь понимаю... Всё понимаю! Так вот. Когда к нам пришла весть о вольсунгах, то никто не знал, что делать. Конунг нам не оставил никаких указаний

— Нам — это кому? — на всякий случай уточнила она, улегшись у него на гриве.

— Прайду Юнити. К нам пришла посыльная и сказала, что с запада надвигается какое-то огромное сборище прайдов. Наш дренгир тщетно пытался выяснить у посыльной, что ему делать и как помочь. Она сама не знала: конунг не оставил никаких приказов. Мол, вот вам хорошие новости, живите себе дальше. Наш дренгир думал-думал, и пока думал, то в прайд пришел один из сыновей конунга. Дурак дураком. Этот идиот ни малейшего понятия не имел, что творится, и ничего толком не смог объяснить. Тогда наш дренгир понял, что всё это дело — крайне нездоровое, и решил отправить в Хартланд наших: выяснить, что к чему. Тогда я еще не знал: где ты, что ты... Но ты знаешь, все эти луны, всё это время я думал о тебе...

— Разве? Правда, Сэнгаи?

Он кивнул. Но уверенно продолжил дальше, ведь нужно рассказывать о важном:

— В ту группу, что шла в Хартланд, я попал совершенно случайно. В нее также попала наша шамани, Иррая. Когда мы пришли, то застали растерянность и бардак. Все знали, что с востока идут вольсунги. Но ничего больше. Растерянность, тревожность, беготня. Конунг сразу нас не принял, сказал, что нет времени. Пришлось всё выяснять у кого попало. Так мы узнали, что средний сын Умтая, Ману, ушел в разведку с львами Хартланда, львицами Иллари и Велари. Прошло два дня, и тут возвратился Ману. Потом днем приходят регноранцы. С детьми, пыльные, измученные, кое-кто даже ранен. А посреди ночи пришли делваннийцы.

— На моих тоже напали? — спросила Сэнзалли, хотя видела, что следов битвы на ее землях нет.

— На твоих никто не нападал. Они ушли, как только на их границах появились вольсунги. Кстати, вольсунги убили одну из шамани Делванни. Это и послужило толчком к уходу.

— Это, наверное, Ушала...

— А вторая осталась тут. Так мне сказали. Кстати, где она?

— Фриаю убили тоже. В нашей же пещере. Она осталась тут, чтобы дожидаться меня.

Помолчали.

— Так случилось, что первым делом я встретил твоего отца, который поведал мне, что ты ушла с группой Ману. Тогда я решил, что останусь в Хартланде и дождусь группы Ману. Со мной, как ни странно, осталась и наша шамани Иррая. Я знал, что Ману должен вернуться в Хартланд, и ты вместе с ним. Но когда он пришел со всеми, но без тебя... Я не смог с ним поговорить — его сразу к себе забрал Умтай. Какая-то львица, забыл ее имя, маленькая такая, шустрая...

— Сарнисса? — сразу догадалась Сэнзалли.

— Она самая. Вот она мне и сказала, что ты ушла в Делванни. Сначала я подумал, что это не так уж плохо. Но когда ночью пришли делваннийцы, и тебя среди них не было, то я понял — это полный кошмар. Я тут же решил пойти и найти тебя, хотя все мне сказали, что это безумие... Но слава предкам, что со мной осталась Иррая. Я попросил ее что-то подсказать мне, и она гадала на костях, жива ты или нет. Я не знаю, что она увидела, ибо всё это ее очень взволновало, но Иррая мне сказала: «Иди, обязательно ищи!». Подсказала мне, как она назвала это, «зов»: «Звезды ведут тебя, Сэнзалли, ветры ищут тебя, Сэнзалли, глаза видят тебя, Сэнзалли, уши слышат тебя, Сэнзалли». Я этот зов проговаривал почти всю дорогу, когда шел в Делванни. Иррая говорила, что так тебе легче будет меня встретить, а мне — тебя...

Это взволновало ее, но еще больше из его многословия взволновало главное. Главное то, что никого не будет! Все сдались!

— Я думала, что мой прайд ушел, чтобы вернуться сюда со всем Союзом! Я ждала его, как ждут дождя в сухой сезон! — смотрела она ему из глаза в глаз.

— Нет, Сэнзи. Он просто ушел. Просто ушел. Прости.

Она встала, посмотрела вдаль.

— Велари и Юнити сразу выступили против того, чтобы вступать в переговоры. И, если честно, мы и Велари плевать уже хотели на конунга, Хартланд. Он — ничто. Он сдал весь Союз, он сдал нас всех. Теперь ему придется лизать хвосты вольсунгам. Это конец всему, конец Союзу, — смотрел на нее Сэнгай.

Молчание от нее.

— Сэнзи, я пришел не к тебе. Я пришел за тобой. Нам стоит уходить отсюда. Ловить здесь больше нечего. Я понятия не имею, что будет с Хартландом, Регноран, Делванни. Но точно знаю, что Юнити не сдастся никогда. Идем со мной. Идем в мой прайд.

Уши Сэнзалли плохо слышали эти слова. Мелкий дождь, который быстро и незаметно сменил ясную погоду, уронил маленькую каплю ей на нос, а потом на щеку. Казалось, Сэнзалли плачет, и она устало прижала уши, отпрянув от края и прикорнув к равнодушному камню, смотря в никуда.

— Он изначально хотел сдать Делванни. Изначально отдать его земли... Просто отдать, как кусок мяса. Какой стыд, какой позор...

Несколько раз взмахнув хвостом, Сэнзалли-шамани нервно вздохнула, стараясь не плакать.

— Значит, ты видел отца, маму, Мааши... С ними всё хорошо, да? — спросила она.

— Да, — подошел Сэнгай, обняв ее лапой.

— Ману добрался удачно. Ну и славно... Славно. Он, вообще-то, славный лев. Он неплох. И все они: Нихмуд, Хизая. Сарнисса.

Он слушал то, что шамани говорит.

— А как добралась вторая группа? Всё хорошо? — вдруг пронзил ее вопрос.

— Какая вторая группа? — с непониманием спросил Сэнгай.

— После того, как мы вышли из Делванни, только в начале нашего пути, Ману разделил свою большую группу на две маленькие. В одну, там где был Ману, попала я. Во второй оказалась моя лучшая подруга, Менани. Мы ушли на северо-восток, они — юго-восток.

Напряженно думая, Сэнгай старался вспомнить. Но ни о какой другой группе он не слышал.

— Так вас было больше? — удивился он.

— Изначально — да.

— Не знаю. Я ничего о них не слышал. Никто не возвращался, кроме Ману со своими.

— Хм... Грустно, Сэнгай, — расслабилась Сэнзалли и совсем растаяла у него в гриве. — Всё так грустно. Я всегда желала видеть свет надежды, но в итоге ловлю вздох печали, Сэнгай. Ты понимаешь? Давай уснем. Я так устала... — вцепилась она ему когтями в плечо.

— Сэнзи...

— Да, Сэнгай?

Он поцеловал ее: тихо, спокойно, нежно. Она снова не противилась, а лишь слушала.

— Нам стоит уходить, — решил он.

— Сэнгай, я не могу уйти отсюда, — мягко, но уверенно возразила она.

— Мы не сможем защитить твои земли, даже если будем смелы до безумия. Уйдем со мной. Уйдем в Юнити. Там мы сможем защищаться вместе с моими братьями и сестрами.

— Сможем. Я знаю страх. Они не знают. Их бросает в ужас от моей силы, — без вызова и наглости молвила Сэнзалли, а с ровным спокойствием. — А моя сила связана клятвой с этой землей. Я поклялась одной львице, что буду служить прайду. Как бы там ни было, я — прайд Делванни, и вот я здесь. Никого со мною нет, кроме тебя, но ничего. Ничего... — Сэнзалли с каждым словом всё больше погружалась в сон.

— Тогда я останусь с тобой, — сказал Сэнгай, поглаживая ее и думая о том, что судьба благосклонна к нему: он нашел ту, что искал. Сначала потерял. Но потом нашел.

В ее душе мелькнуло это «с тобой», и водная гладь сознания дрогнула. Да, она останется, и ей смело, всё равно и совсем не страшно. Но что будет с ним? Он решил остаться с нею, и наверняка сделает это; и также наверняка Сэнгай будет бросаться вперед при всякой опасности для нее, не обращая внимания ни на что. Так его жизни придет яркий, но печальный конец — вольсунги не будут с ним играть. Сэнзалли зашевелилась, пронзила его взглядом, потом подобрала хвост ближе к себе, что уже измок от дождя.

— Сэнгай, ты возьмешь меня за собой в Юнити? — с покорностью, отдачей спросила Сэнзалли.

— Я здесь для этого, — невозмутимо подтвердил он.

— Раз ты пришел за мною, и нашел меня, тогда я — твоя.

Сэнгай замолчал, даже не зная, что сказать.

— Но вот что я тебя попрошу: я должна проститься со своей землей. Я пойду завтра к своей пещере на Дальнем холме, попрошу прощения за то, что должна уйти. И сделаю так, чтобы лапа вольсунга больше ее не марала. И тогда ты меня уведешь, а я пойду с тобой, мой Сэнгай. За мною никто не пришел, лишь ты. Ты не забыл меня... Не забыл наших полных прелести лунных ночей...

Он желал ответить ей большей нежностью, но заметил, что Сэнзалли уже суть уснула. Из любви он решил не беспокоить ее неровный сон, и уснул, обнимая ее, хоть ему и было так неудобно.

**

Майну-Синарр взял львицу за подбородок, потом бросил. Затем снова взял. Она избегала смотреть ему в глаза, зажмуривалась, не давалась, будто его глаза превратят ее в камень либо уничтожат душу.

— Ты Менани зовешься? — спросил он, раздражаясь. Синарр вообще всегда спокоен и рассудителен, но только тогда, когда правитель Мирэмай рядом. Тогда он образец ума и благоразумия. Иногда даже доброты, снисходительности, благообразия. Когда же правитель уходит, оставляя его главным, то всё преобразается: в нем пробуждается скрытое, но верное желание тиранить. Жестоко править, смеяться над кем-то и утверждать свою волю.

— Да, — тихо ответила она, бесконечно уставшая от допросов, истязаний. Менани желала лишь одного: чтобы всё как можно скорее кончилось. Хорошо бы в жизни взять, да уснуть, и никогда больше не просыпаться. Умирать, оно страшно. А уснуть навсегда, без боли и страха — это да, это было бы хорошо.

Она незаметно переминалась с лапы на лапу — стоять больно и трудно. Старинный и верный способ сделать кого-то беспомощным: повредить, прокусить лапы. Что вольсунги с нею и сделали, как только поймали ее. Менани пряталась и скрывалась дольше всех, потому что остальные из ее группы погибли, а она смогла убежать и выжить; но благодаря нелепой случайности ее всё же схватили.

«Странно, но я еще жива...», — думала она каждым утром в эти странные дни. Вольсунги уже узнали всё, что только могли; что им еще надо? Менани ответила на всякий их вопрос. Нет, конечно, сначала упиралась, играла в неприступность, но боль очень быстро напомнила о жизни.

Менани уже не надеялась увидеть родные земли, но странно: сейчас она находится возле Южного холма. Вон там, совсем недалеко, прыжков сто, она любила спать.

— Так, мы сейчас на землях Делванни. Знаешь такой прайд? — издевательски спросил Синарр.

— Она из этого Делванни, — сказал какой-то лев из Найсагри, что сопровождал ее.

— В самом деле? — радостно удивился Синарр.

Лев чуть скривился. Найсагри, они такие. Смелые и наглые до невозможности. Легко могут скорчить мину самому порученцу правителя.

— Мы же говорили, — с легким отвращением молвил он.

— Я не могу помнить всё подряд! — взъярился Синарр. «Не причинить вред», — вспомнил он наставление Мирэмая. Потому, прикрыв глаза и поискав в себе мягкость, уже спокойнее спросил у Менани:

— Так ты из Делванни?

— Да. Что с моим прайдом? — вдруг осмелилась задать вопрос Менани.

Синарр было хотел хорошо так ударить ее и завопить о том, что вопросы здесь задает он, но быстро смекнул, что делать так не стоит. Она совершенно запугана. Не нужно пугать еще больше. Нужно сыграть в доброту. Тогда эта львица пойдет навстречу, радуясь хоть какой-то доброте среди вселенского зла.

— Он ушел западнее. С ним всё в порядке. Сейчас идут переговоры о мире между нами и твоим союзом. Если твои будут хорошо себя вести, то никакого вреда не будет.

— Это... так?..

— Именно так, — подхватил Синарр. Потом немного приврал: — Более того, именно поэтому ты сейчас жива. Радуйся рассудительности своего правителя. Потому что я могу пообещать тебе жизнь, но ты должна кое-что рассказать.

«Уж всё говорила. Не привыкать», — подумалось, и вся она сжалась.

— Мне известно, что вас было две группы. Твоя оказалась поймана. Вторая вернулась домой...

«Они живы... Они вернулись!», — радостно подумала Менани, но даже и малейшего виду не подала. Радоваться внешне сейчас опасно и больно.

— ...и в ней была одна молодая львица. Шаманая. Ты наверняка должна что-то знать о ней.

— Ну...

— Говори-говори. Расскажи мне о ней.

Сзади Синарра неслышно встала Ринарита. Она с невзрачным любопытством смотрела на Менани.

— А что такое? Вы ее тоже схватили? — очень осторожно спросила львица Союза.

— Нет, нет. Нам просто нужно знать о ней.

Сопровождающий толкнул Менани. Чего, ей снова надо красного порошка, прокушенных лап, голода и унижения?

— Ты! Оставь это, негодяй, или гнев Ваала изведет тебя в пепел! — пригрозила Ринарита.

Синарр, дернувшись от ее голоса, обернулся.

— Ах, Высокая Мать. Мое почтение.

— Скажи, чтобы все убралось. Кроме меня, тебя и Менани, — не обратила она внимания на вежливость.

— Все слышали! Живо! — рыкнул порученец правителя, и все мигом исчезли.

— Менани, тебе больно? — участливо спросила Ринарита, стараясь поймать ее взгляд.

— Жизнь есть боль.

— Не думай так.

Ринарита села прямо напротив нее. Синарр сделал два шажка назад, но был весь внимание.

— Ты пыталась разведать наши земли. Ты играла, ты проиграла. Потому на твою судьбу выпали страдание и боль. Но теперь мы в перемирии с твоими собратьями. Потому мы не желаем обижать тебя.

Менани взглянула на нее, затравленно, снизу вверх.

— Послушай меня, — голос Ринариты звучал для нее, как плавный ручеек. — Перемирие — это покой. Хорошие дни, дни без боли. Для всех. Но есть одна львица, которая скрывается где-то здесь, на этой земле, — потопала Высокая Мать по траве. — Скорее всего, это ее земля. Мы знаем, что она шаманая. Мы знаем, что она молода, и у нее светлая шерсть.

Менани сглотнула и перестала смотреть на Ринариту, но та очень нежно, даже трогательно, взяла лапой ее подбородок и подняла.

— Весь Союз уже согласился на переговоры, а она скрывается на этих землях. Упорствует, не верит. Наш добрый правитель, Лапа Ваала, решил не причинять

ей зла. Но она не хочет слушать. Мы должны ее убедить перестать враждебничать. И ты должна нам в этом помочь. Ты ведь знаешь, кто она? — с уверенным утверждением молвила Высокая Мать.

— Сэнзалли... — безвольно ответила пленница.

— Она из твоего прайда, не так ли? — не удивленная ответом, продолжала Ринарита.

— Да... Мы подруги... Когда мы шли в разведку, то Ману разделил группу на две части. В одну, южную, вошла я. Во вторую вошла Сэнзалли. Из моего прайда шли только я и она...

— Кто такой Ману? — тут же подскочил с вопросом порученец.

Высокая Мать недовольно подняла лапу, и Синарр заткнулся.

— Она шаманая, не так ли? — нежность ее голоса напомнила о светлом прошлом, о теплой жизни.

— Да. Она — шамани, — боясь жить, ответила Менани.

**

«Странные дни. Странность со мною», — Сэнзалли внимательно осматривала дальний холм, спрятавшись за кустом. Смиренная и незлобная, она грустно думала о том, что настало время уходить, и она в последний раз видит свою землю. Сэнгай совсем прилег к земле, чтобы не заметили. Умный, толковый он лев, говорит верно и поступает хорошо. С таким идти можно...

«Вот я и пойду», — подумала она, глянув мельком на свою большую, утреннюю тень. Это раннее утро, рассвет.

— Я пойду сама, ты останься.

— Это невозможно. Я не могу тебя бросить. Кто тебя защитит?

— Попытаюсь защититься сама... — отмахнулась шамани.

— Полно тебе. Не брошу я тебя, — посмотрел Сэнгай на нее.

Сэнзалли вздохнула и молвила ему:

— Идем. Осторожно, тихонько.

Он крался сзади и несколько раз почему-то лапой задел ее хвост. Нечаянно, или из озорства. Кто знает.

— Сэнзи, только прошу тебя, недолго. Риск большой, они наверняка там бродят.

— Боишься? — остановилась она, бросив ему взгляд.

Сэнгай встал тоже, в полный рост, не таясь.

— Шутишь?

— Прости. Я не могу вот так просто уйти, не попрощавшись. Ты... ты должен понять.

Сэнзалли очень осторожно пробиралась по узенькой, почти незаметной тропке, к пещере на Дальнем холме — той самой тропке, где она встретилась с Нильзе. Удивительно, но когда они без приключений вышли наверх и медленно вошли вовнутрь, то оказалось, что вольсунгов здесь нет. «Видимо, они решили не совать сюда нос», — решила Сэнзалли, осматриваясь в ней.

Так оно, на самом деле, и было: Ашаи-Китрах запретили всем приближаться к этой пещере, вполне разумно опасаясь еще какого-то страха либо коварства от этих непонятных местных шаманай.

«Что ж, прощайте, мои земли. Я старалась вас защитить, последняя из своего прайда. Так, нужно тут всё напортить».

Сэнзалли-шамани решила проклясть эту пещеру, чтобы всякий, входивший в нее, не чуял себя хорошо. Если забирают у меня — так пусть не останется другим.

Сэнгай предупредительно встал у входа, стараясь заметить возможную опасность. Вдруг Сэнзалли застыла, подняв лапку, и начала смотреть на него. Он нервничает, переживает, хотя не выдает этого. Сжала жалость и чувство вины: ведь он пришел за нею, своим светлым образом и мечтой, преодолев страх и опасности, а она так неосторожно обходится с этим, подвергая его и себя смертельной опасности. Мол, земля, нужно ее защитить, своя земля, верность... Но есть ли в этом смысл?

Ведь цепляться за землю глупо... Мать-земля носит всех, ей всё равно, вольсунг ты или союзный, злой или добрый, смелый либо трусливый. Верность идет не для земли, а для родных душ. А где сейчас родные души? Да, ее прайд далеко, на западе, а она тут, здесь — пытается что-то доказать себе и другим. Сэнзалли раньше, глубоко внутри, так презирала свой прайд: за то, что струсил; за то, что ушел. Но если посмотреть на вещи иначе?

Какой смысл находиться на месте? Какой смысл гибнуть в бессмысленных стычках? Во прайде есть львята. Никакая мать не хочет отдавать свое дитя в лапы глупого насилия. Всех их можно понять.

— Сэнзи...

Она смотрела на него, и слеза, невидимая для него, скатилась по ее щеке.

— Сэнзи!

— Да? — встрепенулась молодая шамани.

— Ну что, идем?

Нет, не надо ничего портить. Не надо сеять зла — его в мире и так на всех хватит. Кроткая душа Сэнзалли не может быть душою шамани-порченницы. Она попрощалась, она сделала, что могла. Можно уходить, нужно уходить.

— Да, мой милый Сэнгай. Идем.

Сэнгай осторожно вышел наружу, посмотрел по сторонам и даже вверх. Принюхался. Потом, выглянув из-за большого, потрескавшегося камня, тут же отпрянул.

— Внизу вольсунги. Их там полно! И смотрят сюда! — сказал с ненавистью, спрятавшись назад за камень.

Сверху что-то стукнуло, и они двое, оскалившись, вместе посмотрели туда. Но оттуда свалился лишь камешек и упал прямо у входа в пещеру.

— Тут никогда камни не падают, — сказала Сэнзалли, леденя душой от темной ярости.

Но вольсунги весьма далеко внизу, у подножия основной тропы. Сэнгай сквозь кусты посмотрел на восток: там вроде никого не было, но в двух местах предательски зашатались ветки. Он тут же, на полусогнутых лапах, подобрался к южному склону, к той тропе, откуда они пришли; но там ничего не видно — лишь сплошные заросли акации.

— Сэнзалли! — раздался совсем чужой, незнакомый голос.

Изумленная шамани вслушалась. Откуда им знать ее имя? Кто сказал, откуда знают?!

— Сэнзалли! — еще раз прозвучал зов оттуда, снизу.

Шамани решила, что смысла прятаться нет, если тебя полностью раскрыли. Сэнгай подбежал к ней, а она вскочила на тот самый потрескавшийся камень. Он весьма высок, потому пришлось уцепиться когтями, чтобы вскарабкаться.

— Чего тебе, вольсунг? — громко спросила она.

Сэнзалли увидела, что внизу находится много врагов: около двадцати голов, не меньше. «Какая честь», — иронично подумала. Тот, кто звал ее, находился ближе: он встал посреди главной тропы, не рискуя подходить и общаться с нею вблизи.

— Твои прайды заключили с нами перемирие!

Шамани смолчала.

— Мы хотим поговорить с тобой, и не причиним тебе вреда! — орал он.

— Так говори, чего тебе. Ты пришел на мою землю. Так говори, чего надо.

— Здесь нет твоего прайда, и ты не можешь быть хозяйкой этих земель! — еще громче заорал лев.

— Я — и есть прайд, — решила сказать Сэнзалли.

— Но твой правитель Аргир не здесь. Он ушел отсюда!

Из-за камня выглянул Сэнгай. Опасаясь засады сверху или сзади, он не слишком вслушивался в разговор, а старался предупредить возможную опасность.

Долгое молчание. Сэнзалли не понимала, чего он хочет. Хорошо бы видеть глаза, да он далеко, а потому учуять что-то невозможно.

— Не только мы хотим поговорить с тобой! Твоя подруга — тоже хочет!

— Какая подруга? — стало холодно, очень холодно в душе Сэнзалли. Это плохо. Нет-нет. Это очень плохо.

Вольсунг (а это был один из старейшин Дэнэнаи) попал в немного глупое положение, поскольку забыл имя пленницы. Синарр именно ему поручил беседовать с шаманай Сэнзалли. Сам порученец стоял внизу, рядом с Высокой Матерью и воинами — подальше от возможной опасности. Он заметил заминку, потому ему и пришлось громко сказать:

— Менани!

Сэнзалли застыла, а потом резко повернулась к Сэнгаю. Он смотрел на нее тревожно, с ожиданием плохого и с готовностью защитить ее.

— Они схватили Менани! — с отчаянием молвила Сэнзалли, прислонившись к камню.

С непониманием в глазах Сэнгай подбежал к ней:

— Кто это?

— Моя подруга! Она была в южной группе, а я — в северной. О, нет-нет. Нет-нет-нет...

— Сэнзалли! — настойчивый голос вольсунга не давал покоя.

— Где Менани? — снова повернулась шамани, почувствовав, как дрогнул голос. Она думала, что они вернулись. Она думала, что Менани вернулась...

Одна из старших сестер Ашаи чуть стукнула ее в подбородок.

— Скажи ей. Скажи... Уже! Не скажешь — сделаем с тобой то, что с остальными!

— Зови, не то поймем и убьем ее! — с другой стороны, на ухо пригрозил ей Синарр. — Там засада, там полно наших воинов, будь уверена.

Кто-то больно толкнул лапой под ребра.

— Сэнзалли, иди... сюда, — тихо, почти шепотом молвила Менани.

Нервничая из-за медлительности пленницы, Синарр оскалился:

— Громче!

— Сэнзалли! — почти прорычала Менани.

Вот. Как надо. Синарр со скрытой торжественностью громко изрек, стараясь перекричать ветер:

— Видишь, Сэнзалли! Спускайся вниз. Мы не причиним вреда ни тебе, ни твоему другу.

Шамани прыгнула с камня. Да, вот оно, простое средство против нее. Да, вот он — конец без вести и славы.

— Это ловушка, Сэнзи. О предки, я же тебе говорил... Говорил же я тебе, говорил! — укрывшись от мира, провел лапой по морде Сэнгай. Когтями он взьерошил гриву, что спадала на глаза.

Сэнзалли сидела несколько мгновений, ничего не говоря, и смотря вниз.

— Это действительно Менани. Они ее схватили, — горестно молвила она.

Сэнгай чуть подумал, а потом на что-то решился. Нужно на что-то решаться.

— Идем вниз, к ним. Нечего тут больше сидеть.

— Они убьют и ее, и тебя. И меня, — возразила Сэнзалли.

Шамани поняла: какую же глупую и самоуверенную ошибку она умудрилась допустить. Ошибку от уверенной наглости, или наглой уверенности — уж не имеет значения. «Я думала, что своим даром смогу спугнуть всякого, что встанет мне на пути... Ха, ложь самой себе — худшая из всех. Теперь же и Сэнгай, и Менани, и я — загнанная добыча».

Дернулась лапа. Дернулась, чтобы подойти к Сэнгаю, шепнуть ему на ухо «Уходим..», и благополучно скрыться. Еще есть возможность, время убрать отсюда хвост; Сэнгай не говорит этого, но точно думает — нужно уходить. Это разумно. Как они помогут Менани, если сойдут вниз? Никак. Сэнгай погибнет, Менани, наверное, тоже, ну а она, Сэнзалли-шамани... Что-то с нею будет. Вряд ли нечто хорошее.

«Но я не могу ее бросить! Не могу, совсем никак!», — поджала лапку Сэнзалли, чувствуя какую-то полную несносность тех испытаний, что дарит ей вирд. Будь он неладен, будь неладна вся эта сложная жизнь. Лишь знает, как подкинуть толику страданий. Другие живут без большой боли: для них есть время жить, время умирать, и на этом конец. Никакой сложной жизни, лишь день за днем. Но что, что тут делать?

— Сэнзалли! Сэнзалли! — звучало снизу назойливое, требовательное.

Вскочила на камень:

— Отпустите ее! — зарычала без особой надежды и с тоном бессилия.

— Только лишь тогда, если ты сойдешь вниз. Для разговора, — был ей ответ

Синарра.

Ясно. Если Сэнзалли уйдет, то вольсунги замучают Менани до смерти. Наверняка: Сэнзалли знает и чувствует это. Но если согласиться с ними «говорить», то Сэнгай уйдет за ней, а вольсунги его не стерпят. Все их слова — ложь и чушь, коварство. Им нужна лишь кровь.

— Сэнзи. Не будем ее бросать. Шакал со всем. Идем вниз, — в подтверждение ее мыслей сказал Сэнгай, погладив ее по шее.

Склонив голову на бок, Сэнзалли ясным взглядом, даже чуть улыбаясь, смотрела на льва-Сэнгая. Мечта, она всегда так близко. Ее почти можно коснуться лапой. Но жизнь всегда знает, как ее изгнать в прах. Знает-знает. Она думала, что пойдет с ним в Юнити. Что они будут вместе смеяться, шутить, а потом — а почему нет? — играть со своими детьми. Сэнзалли, наверное, ради него вообще бы бросила Союз и ушла в Большой мир. Но всё не так.

— Сэнгай... Уходи, — вольно махнула лапой, не смотря на него.

Тот изумился, не веря ушам:

— С ума сошла. Предлагаешь мне бросить тебя?

— Они убьют тебя, — посмотрела на него, склонившись. — Со мною, возможно, будет как-то по-другому. Но тебя точно не пощадят. Я справлюсь. Иди.

— Сэнзи, я не уйду. Перестань говорить чушь и обижать меня.

— Сэнзалли! — позвали ее вольсунги, и ее уши услышали насмешливые оттенки. Учуяли слабость, учуяли.

Времени больше нет. Нужно решиться. Есть лишь один выход. Хорошо, что он есть. Сэнзалли может его спасти; ему нужно жить, Сэнгай не должен умирать. И если она выживет, то будет знать: Сэнгай где-то ходит по миру — живой, смелый, невредимый. Пусть так. Он не должен страдать из-за ее глупости.

— Сэнгай, милый, — мягко и нежно молвила Сэнзалли-шамани, ровно встав на лапы, прижав уши и чуть склонив голову вниз. Она ждала его слов.

— Да, Сэнзи, — участливо ответил он, сделав шаг к ней.

— Погляди, что здесь, — тронула она себя за левое ушко. — Гляди-гляди, хороший.

— Что? Не пой...

— Нйах!

Ей самой показалось, что земля зашаталась под лапами. Миг провала, сияющей черноты; потом — возврат: всё потемнело, обагрилось, но очень быстро звуки мира и краски мира обрели прежние оттенки и цвета. Она схватила его за гриву и почти нос к носу громко шептала ему:

— Мой левый глаз держит тебя, душа льва. Внимай: не хочешь ты меня, не знаешь ты меня, не видишь ты меня. Со мной не останешься, от меня уйдешь, и меня не найдешь. Домой твой путь, к родным твой след, — отпустив гриву, толкнула его от себя, еще непомнящего.

Сэнгай чуть не упал с лап, потом дико оглянулся. Несколько раз судорожно вдохнул, потом испуганно оглянулся. Когда шамани поняла, что его сознание вернулось домой, обрело тяжесть и устойчивость, то топнула лапой:

— Пошел! Пошел прочь! — она еле сдержалась, чтобы сказать это без слез.

— Да сама пошла ты... — мерзко сказал он, оскалившись. Чуть растерянно оглянувшись, он процедил. — Чего я вообще тут делаю? К гигиене это.

И скрылся правильно и верно — убежал по маленькой, заросшей тропке. Только ветки акации зашевелились, а потом всё стихло.

Прикрыв рот лапой, укусив себя, выпустив когти, она заплакала тихо и беззвучно. Хотелось упасть на землю, свернуться и забыть о жизни и смерти; но — нельзя. Нельзя. Сэнзалли утерлась, помотала головой. Потрогала себя за левую щеку, вспомнила, что полоски стерла еще позавчера. Надо бы их нанести, но нечем... Ах, какая разница. Их не видно, но они есть.

— Сэнзалли! — раздалось уже ближе.

— Молчи, вольсунг. Иду я.

Сэнзалли гордо и стройно начала сходить вниз, без всякой поспешности; чувствуя истощенность, усталость, она старалась идти, как подобает. Теперь она без ярости и нетерпения рассматривала их, вольсунгов. Вот она прошла мимо того, кто ее звал. Какой-то лев возраста силы, со шрамами на морде, узенькими янтарными глазками. Проводил ее взглядом, когда шамани прошла мимо него. Сэнзалли уже заметила, где Менани; ее с трех сторон окружили львы, а один из них сделал несколько шагов навстречу ей. Ах, вот и Ашаи-Китрах, ее ненавистницы, противницы. Вот вы какие. Старые, молодые — всякие. У всех уши черные, у некоторых — полоски. Глаза чуть безумные, резкие. Глядят с ненавистью, почти все. Да не бойтесь. Не будет вам вреда — нет у шамани сил, истратила только что.

— Кто ж из вас правитель, что хотел меня видеть? — встала она у подножия холма, окруженная вольсунгами со всех сторон. Прямо перед нею находилась Менани: испуганная, худая, с подтеками крови на лапах и с огромной царапиной на щеке. Она с невыразимым чувством смотрела на Сэнзалли, и в этом чувстве было

всё: радость видеть родную душу, страх, боль, сожаление, чувство предательства, чувство преданности.

Ей ответил порученец:

— Нашего правителя нет — он ушел в Хартланд, если я правильно помню название главного прайда Союза. Ушел обсуждать условия мира между твоим родом и нами — сыновьями и дочерьми Ваала.

Многозначительно помолчал.

— Я здесь за него. Мое имя — Синарр.

Сэнзалли взмахнула хвостом.

— Так говори. Шамани-Сэнзалли здесь.

— Что с тобой говорить? Много чести, — засмеялся некий молодой голосок. — Шаманая ты, и страшная смерть для тебя.

Шамани Союза не встрепенулась, а лишь посмотрела на подругу. Прикрыв глаза, она чуть улыбнулась ей, и Менани сжато улыбнулась в ответ, а потом закрылась лапой.

Майну-Синарр злобно высмотрел, кто это сказал. Какая-то ученица осмелилась болтать, когда он говорит!

— Молчать! — зарычал он. Но сам мгновенно понял, что стал заложником глупой ситуации. Если разобраться, то по морали и правилам Ваал-сунгов, шамане действительно уготована смерть, часто — мучительная. Расспросил, вытянул сведения — и с глаз долой. Если он сейчас начнет говорить с нею о мире и взаимопонимании, то окружающие не поймут такого; и Ашаи-Китрах, кроме Высокой Матери, тем более не поймут. Он и сам не понимал, *зачем* это надо, а просто знал, что так нужно правителю. Он не обсуждает решения правителя, но... как это сейчас правильно сделать, в конце концов?

Синарр откровенно растерянно посмотрел на Ринариту. Но та всё поняла, как надо, и смекнула:

— Пленить ее.

Сэнзалли вдруг изо всех сил, что остались ей служить, зарычала на него, на всех них, без разбору, стараясь напоследок усеять тьму и страх в низких душах, жelaющих крови. Это подействовало: все, кто стоял перед нею, отвернулись, пригнулись. Менани сжалась от неожиданного ужаса, Ринарита приоткрыла рот и прижала уши, Синарру стало крайне не по себе, и он плюхнулся на хвост, изумившись алой молнии, что на миг насквозь пронзила весь мир надвое.

Но те, кто был сзади, мало что ощутили. Справившись с неожиданностью, львы навалились на нее и мощно прижали к земле, хоть это не особо требовалось: Сэнзалли стала слаба, незащитна и немощна, истощившись телом и душой.

Здесь, в этом мире, чудес нет. Он прост и глуп.

Они лишь там, в ином существовании, где снует сплин мечты и недостижимый блеск идеала.

**

— С ним не говорят. Его слушают, — темный-темный лев, просто огромный, стоял перед конунгом Умтаем, загораживая собой почти всё: прайд Хартланд, что робко и с чувством неизвестного топтался внизу, напуганный строгими наставлениями конунга ни в коем случае не выказывать и малейшего сопротивления; блеклое солнце, что несмело выглядывало из-за облаков, словно стыдясь смотреть на мать-землю; и его личные, нищие остатки духа.

Умтай было подумал, что этот лев и есть правитель вольсунгов. Но эта мысль оказалась ошибкой. За ним появился еще один. Вот он, Мирэмай, с довольным видом и беззаботными глазами начал устраивать отчаянное, привычное превосходство.

— Как ты своих собрал... Чего ты их собрал, как стадо? — сразу же, без особой церемонии начал Мирэмай, недовольно указывая на прайд Хартланд. Кстати, между ними были и делваннийцы, и регноранцы, а также двое веларийцев, что по поручению дренгира Велари всё же остались посмотреть, что будет происходить в Хартланде. Юнианцев, илларийцев не было, из прайда Хлаалу — тоже никого.

Умтай, в целом, был готов, что его достоинство особо никто хранить не будет, но выяснилось, что о него сразу же вытерли лапы. Он сидит один, рядом с ним даже сыновей нет: двоих вообще отправил в Иллари и Юнити, а Ману указал не вмешиваться в переговоры, а также предупредил, храня во взгляде неизбывную печаль:

— Будь готов. Мне больше не на кого надеяться.

Возле Мирэмая — четверо голов, что охраняют его. Правитель Ваал-сунгов удобно уселся (вообще же, хозяйское чувство и способность очень быстро осваиваться в любой обстановке — в крови Ваал-сунгов), вздохнул и посмотрел на своего собеседника. Молчание. Молчание затянулось. Первым его разорвал Умтай:

— Мое имя — Умтай. Я — конунг Союза. Его... правитель.

Мирэмай-Халу незамедлительно ответил:

— Мирэмай. Давай не будем ходить вокруг добычи, а сразу поговорим о деле. Твоих мало, моих Ваал-сунгов — тьма. Ты это знаешь. Ты не стал сражаться, и не стал убегать. Значит, ты решил найти с нами взаимопонимание.

Мирэмай сделал значительную, экспрессивную паузу.

— И ты, Умтай, решил правильно. Ваал милостив, а Ваал-сунги славны. Союзные! Слушайте все! — вдруг подорвался он с места, оборачиваясь назад и вставая в полный рост. — Мы не пришли с войной или ненавистью. Мы пришли с добрым намерением! Нам не нужна вашей земли! Мы просто идем с востока на запад, а ваша земля — лишь на нашем пути!

Закончив нехитрую речь, Мирэмай снова разлегся.

— И это правда. Мы действительно не сидим на месте. Поэтому нам не нужна вашей земли. Но! Спросишь ты! Почему я не прогоню Союз прочь, не разобью его?! Нет. Нет-нет. Я очень не хочу этого. А почему? А потому, что твои прайды могут обрести силу, свет, истинную жизнь.

И понеслось. Мирэмай захлеб, торопливо, словно подросток о первой охоте, рассказал о Ваал-сунгах, об их вере, о том, что они все идут в Нахейм и что жизнь немыслима и глупа без высшего тепла в сердце. Потом он сразу же определил, что Умтай, к большому сожалению, уже не может быть правителем Союза ввиду сложившихся обстоятельств. Он станет кем-то вроде муганга, только с большей властью. Сразу пришлось объяснить, кто такой муганг. Пришлось объяснить, кто такие Ашаи-Китрах. Тут же из тех, кто пришел с ним, Мирэмай выдернул чуть испуганную молоденькую, хорошенькую сестру, которая уже успела завести осторожную беседу со старой львицей из Хартланда.

— Вот Ашаи, гляди! Гляди! Вот уши, вот полосы под глазами, вот дух и вот Ваал — видишь!

Ошеломленный Умтай готов был ко многому, но не к такому. За него определили всё: место в жизни, место в смерти, кому что должен, кому что — нет, что делать вольно, и что — нет.

Вконец бывший конунг великого в прошлом Союза лишь сдавленно молвил:

— Хочу сказать, что я решился уйти. Мое место возьмет мой сын. Свежая кровь будет уместнее...

— А то! — восторженно завопил Мирэмай, а потом засмеялся. — Свежая кровь! Уместнее!

Потом сразу же попросил привести эту самую молодую кровь, а сам занялся обыденными вопросами: где и как разместить на ночь всех, кто с ним пришел. Сразу же пошел, безо всякого страха, знакомиться с хартландцами, ошеломив тем, что их конунг — уж не конунг. Ему не поверили и некоторые даже стали скалиться от остатка гордости и злобы, но Мирэмай, неуязвимый, засмеялся и привел Умтая. Которому ничего не оставалось, как подтвердить слова правителя Ваал-сунгов.

Зная, что нету ничего страшнее кучки голов без лаповодства, Мирэмай тут же дал им дорогу в будущее:

— Это ваш конунг, и он ушел! Вы самостоятельны, вольны! Я никого не держу! Но Ваал-сунги предлагают вам взаимопонимание и тепло души!

В этих заботах прошел день, аж до вечера. Только вечером, после крайне долгой беседы с матерью и отцом, пришел Ману, который большими, круглыми глазами глядел на вчерашних врагов. Сегодня они кто? Ни друг, ни враг? Кто? Непонятно. Страшное оно слово: «непонятно». Когда вещи понятны, тогда жизнь проще и строже; когда непонятны, то куда податься? Что делать?

Но и за него уже решили. Удобно так жить! Не решайся ни на что, за тебя решат. Будьте уверены, удобно. И что ж, Мирэмай лично вытянул Ману на былую скалу конунга, и начал с ним говорить прямо, яростно и бесхитростно, прямо как родной отец:

— Давай поговорим спокойно и по делу, как львы. Разве я предлагаю тебе нечто плохое? Вовсе нет. Посмотри, как ты жил. На одном месте топтался всю свою жизнь! Ты ничего не видел, и никто не видел тебя! Ты лев, но по-настоящему почти никогда не дрался! Ты, как всякий самец, желал много самок, но они отказывали тебе, ибо связь между львом и львицей у вас считается отчего-то почти пороком. Ха-ха. И самки боялись ее, требуя что-то взамен: любви, обещаний, опеки, верности — чего угодно! Посмотри на нас, разве у нас жизнь плоха? Подумай хорошо. Мы — сыновья и дочери Ваала, и он может принять всякого, кто действительно этого желает и действительно этого достоин. Ты хочешь много самок? Стань ринасу, и любая хаману — твоя! Да совершенно любая — даже мои львицы! Только возжелай, и им тоже достаточно лишь захотеть тебя. И даже я, властелин Ваал-сунгов, не могу им этого запретить, как и тебе. Каково, а?! Можешь воспитывать своих детей, можешь забыть о них навсегда — как хочешь! Это твое дело и дело той хаману, что тебе отдалась. Больше ничье! Можешь клясться кому-то до смерти, а можешь хоть каждый день просыпаться с новой львицей! Хочешь славы? Да ради Ваала! Беги в авангард и дерись со всем, что видишь впереди! Устал и хочешь залечить раны? Иди вглубь, подальше от драк, или тебя туда отнесут верные друзья. И тебя вылечат, о тебе позаботятся Ашай-Китрах. Проклятье, да ты можешь свалить любую из них, пока она натирает твои раны кири! Это тоже можно, и даже нужно! Надо лишь ее согласие, и больше ничего. Ни-че-го. Ты можешь не ходить вокруг да около, не изощряться во лжи. Можешь просто ее спросить: «Хочешь?». Ха-ха, да-да, вот так просто! Да что здесь говорить! А ну, это, позовите любую... позови, быстро! Быстро зови!

— Кого именно? — участливо спросил, поджав лапу, охранник Мирэмая, который отдыхал на почтительном расстоянии.

— Любую молодую сестру! Я что, непонятно выражаюсь?!

— Понял, — действительно всё понял охранник. Он уже три года охраняет Лапу Ваала; иногда ему казалось, что он всякого научился понимать с полуслова — после Мирэмая это очень легко.

— Ты хочешь пищи? Ради Ваала! — чуть безумно продолжал Мирэмай. — Ваал-сунги всегда, всегда на охотных землях! Если же по недосмотру какой-то прайд оказался на голодной земле, то он очень быстро исправит это! Он просто идет туда, где есть еда — и всё! А всё, что мешает на пути — сметает!

Мирэмай так близко оказался к нему, что Ману чувствовал его дыхание.

— Разве это не жизнь?

Ману сглотнул.

— Жизнь...

Неправдоподобно быстро охранник вернулся вместе с молодой Ашаи, той самой, которая раньше служила живым примером для Умтая. Ее черные ушки и небольшие полоски под глазами пленили внимание Ману.

— Ее зовут Ваалу-Харана, Лапа Ваала, — заметил охранник.

— Исчезни! Я и сам могу спросить, как зовут эту... — и он сразу смягчился, присмирел, подобрел. — ...прекрасную юную Ашаи-Китрах из безумного в своей смелости прайда Хустру. Эх, Хустру, мой вечный авангард...

— Рада снова видеть тебя, Лапа Ваала, — поклонилась до земли Ваалу-Харана, пока что совершенно не понимая, отчего еще раз удостоилась чести присутствовать при разговоре правителя Ваал-сунгов. Она лишь шла спать после трудного дня.

— И я тебя. Посмотри на этого льва, — властитель Ваал-сунгов показал на Ману. — Слушай, он тебе нравится?

Даже если бы Ману был самым отвратительным львом во всем мире, то ответ Ваалу-Хараны был бы неизменен. Ведь Ашаи-Китрах также всё понимают с полуслова, и ловят полутона самих слов.

Харана улыбнулась, вмиг согнав усталость и взмахнув хвостом:

— Он очень мил, Лапа Ваала.

Уцепившись в Ману, Мирэмай чуть ли не прыгал:

— Ты! Вот... Погляди. Красивая Ашаи? Красивая?

— Да, — правдиво ответил он. Он вообще заметил, что среди Ашаи некрасивых не бывает, и даже вскользь подумал, что их выбирают по этому признаку. Теперь он начинал думать это всерьез.

«Вообще, все вольсунги-львицы милы собой», — тронулся лед в его душе. По крайней мере, эти вольсунги не отвратительны... И зачем драться? Можно жить в покое и мире...

— Тогда подойди к ней, обними. Иди-иди, не гляди на меня! — лапой подтолкнул Мирэмай, излучая харизму. — Всё, она твоя. Это мой подарок тебе, как Ваал-сунгу.

«Ваал-сунгу?!», — возопил зов крови, нрав предков в Ману.

Но Мирэмая не заботили чужие зовы и нравы:

— Делай с ней, что хочешь и то, что захочет она. Ты не знал этого, но ты всегда был сыном Ваала! Погляди: ты думал, что я пришел убить или поработить тебя, а я подарил тебе свободу! И ты можешь прожить свободно и с Ваалом до конца своих дней. Выбирай сейчас! Ты и твои прайды могут стать Ваал-сунгами сейчас же. Ты сейчас же станешь ринасу — я лично рассеку тебе ухо. И ты станешь правителем своего прайда. Либо ты сейчас же уходишь. Обещаю, никто тебя не тронет. Ты можешь идти куда хочешь. Выбирай!

Неожиданно Харана начала мурлыкать и тереться о щеку Ману

«Ах, молодец», — четко, вполне рационально подумал Мирэмай-Халу, заметив, как хорошо и быстро сообразила Ваалу-Харана. А сам снова тихо заговорил:

— Но ты же не глуп. Что ты решил? Ты посмотри, как эта дочь Ваала нежится к тебе. Я сделаю тебя ринасу. Я сделаю тебя Ваал-сунгом. И то же для всех прайдов твоего отца, которые встанут на нашу сторону... Сторону веры и света. Выбери силу, не выбирай слабость...

— Я согласен, — кивнул Ману, смотря в никуда.

— Скажи! Скажи громче!

— Я согласен!!! — зарычал Ману так, что услышали и предки.

Ваалу-Харана потерла ухо, потом тряхнула головой.

— Что ж. Иного я не ждал. Тогда подойди, я сделаю тебя ринасу...

**

Очнувшись, она прислушалась к биению жизни. Спокойно и верно стучало сердце, только каждый его удар глухой волной растекался в ушах. Сэнзалли открыла глаза, увидела траву, дерево, чей-то хвост. Послышался далекий смех, почти одновременно с ним — еще более далекий рык.

Мысли ясны и светлы, нет боли либо особого неудобства, только лапы ноют. Навострила уши, попробовала осмотреться и заодно подняться — не лежать ведь. Но первое получилось, а второе — увы. Сэнзалли не смогла и пошевелить лапами, ибо оказалось, что они чем-то спутаны, от когтей до середины лапы.

Сэнзалли узнала, что это — очень длинные и крайне гибкие лианы; их еще называют лозовыми, их полно на баобабах и прочих больших деревьях. Сок этих лиан, кстати, вполне ядовит. Нет, в них нет такого сильного яда, как в строфанте, но отравиться вполне можно.

— Аааа, очнулась, негодная, — подошел кто-то сзади и без жалости вздернул ее подбородок вверх, поддев лапой с когтями.

Пришлось невольно встретиться взглядом с большой, грубоватого сложения львицей с тяжелым, мерзким голосом.

Сэнзалли смолчала. Она вообще не знала, что говорить, и хранила в себе силы. Еще могут пригодиться. Ну-ка, ну-ка, надо попробовать изгнать ее душу, но... тут же подошла другая, молодая. С черными ушками — Ашай-Китрах, значит. А вот и третья голова, это уже лев.

«Сколько для меня охраны», — смешливо, но с горечью подумала шамани. Пронзив глаза молоденькой львицы, Сэнзалли ясно и хорошо ощутила ее чувства, будто свои собственные: смешанные страх, любопытство и неприязнь.

— Зови Ринариту, — услышало чуткое ухо шамани.

Послышалось, как кто-то затрусил прочь. Сэнзалли расслабилась, снова растянулась по земле и прикрыла глаза. Видимо, кто-то ее движения воспринял, как угрозу, потому что чья-то лапа угрожающе легла на шею.

«Умирать страшно? Есть немножко. Но больше боишься боли, чем небытия. Но боль бременна, а небытие вечно. Потому чего стоит мой страх, тем более смешно бояться хозяйке страха...», — подумала и решила, что нужно ждать, нужно улучшить момент. Сейчас не освободишься, не вырвешься, нет-нет. Ничье сознание не пленишь, никому страха не подаришь, выпутаться вряд ли удастся, а тем более — сбегать.

Лежала Сэнзалли долго, аж надоело. К ней никто не обращался со словом. Видимо, был какой-то запрет либо просто опасение.

Сзади слышались шаги.

— Уйдите.

— Как скажешь, любимая дочь Ваала, — ответил тот самый тяжелый, мерзкий голос, и все угодливо удалились. Остались лишь птицы, что пели, и ветер, что несся в никуда.

— Я — Высокая Мать. Меня зовут Ринарита.

Сэнзалли открыла глаза и взмахнула ухом. Ей было непонятно, что значит «Высокая Мать», но она сразу поняла, что эта Ринарита — суть Ашаи-Китрах. Она встретила с нею взглядом.

— Высокая Мать — самая главная среди Ашаи-Китрах. Ты, наверное, слышала о нас?

Шамани смолчала; вместо ответа она смотрела, как по лапе Ринариты ползет вверх большой муравей. «Ну, друг, выручай. Укуси ее, чтоб знала».

— Так понимаю, что слышала. Сэнзалли, я хочу с тобой побеседовать.

Наконец, шамани ответила:

— Что за беседа, если одна из нас — связана?

— Поверь, я действительно хочу освободить тебя, но для начала мне нужно заручиться твоим пониманием. И поддержкой.

— Не смейся с меня, вольсунга. Тебе не будет поддержки.

Высокая Мать прилегла прямо напротив нее, заодно осторожно проверив, не слишком ли сильно сжимают лианы лапы Сэнзалли.

— Если ты не пойдешь мне навстречу, то твоя жизнь будет висеть на шерстинке. А тем более жизнь твоей подруги. Но это не с моего зла. Поверь, будь моя свобода, то я бы просто отпустила тебя. Ты пробуждаешь во мне уважение к духу шаманай.

Сэнзалли смерила взглядом Ринариту, насколько это было возможно в ее положении.

— Ашаи ненавидят шамани, — с ухмылкой и неверием молвила она.

— О, ты кое-что знаешь о нас. Да, ненавидят. Но не все, — покачала головой Ринарита.

Облизавшись от жажды, Сэнзалли сказала:

— Самая главная Ашаи чувствует ко мне уважение? Это странность.

Попить бы... И нос почти сухой.

— Самая главная Ашаи Ринарита вообще, по сути, большая странность, — молвила о себе слово Высокая Мать.

Сэнзалли поглядела на нее, остро чувствуя беспомощность своих связанных лап. Как хорошо быть свободной!

— Чего ты хочешь? — самый главный вопрос.

Ответ был весьма неожиданный:

— Взаимопонимания с тобой. Ты должна хоть немного довериться мне, а я — тебе.

— Зачем тебе это? — не питая никакого доверия, спросила Сэнзалли.

Ринарита попыталась дотронуться к ней с мягкостью:

— Это тот вопрос, на который я не могу сейчас ответить.

Но Сэнзалли отдернулась, как могла:

— Не вилай хвостом, львица с именем Ринарита. Скажи: чего ты хочешь от Сэнзалли-шамани?

— Ты должна стать Ваал-сунгой, — просто, без особых вступлений молвила Ринарита.

— Кому должна?

— Это жизненно важно для тебя. Иначе все эти глупцы убьют тебя страшной смертью.

Глядя на нее снизу вверх, да еще и лежа, Сэнзалли никак не могла решить: что она преследует? что желает? У всех есть свои желания, цели; кое-кто идет к ним прямо, некто виляет узенькими тропами, некто перелезает горы.

«В чем она хочет использовать меня? Где ей прок? Нужно всегда помнить, где кто какой прок ищет. Теперь по-иному поступки не вершатся».

— Вижу, ты не большого мнения о своих сородичах, — съязвила Сэнзалли.

— У них есть глаза, но они слепы. Так бывает, — неожиданно печально молвила Ринарита.

— Поверь: это всюду так. Не упрекай своих, ибо сама такая. Все мы такие.

— «Мы»?

— Души этого мира. Души, что видят друг друга, не будут учинять страха, зла и боли.

«Весьма согласна...», — подумала Ринарита. Вообще, в ней есть чувство справедливости; и она согласится даже с самым заклятым врагом, если он говорит верные вещи.

— Это интересно. Может, и так.

— Это вовсе не интересно.

Ринарита кивнула.

Сэнзалли чуть приподнялась, насколько позволяло неловкое, унижительное положение.

— Пусть твои отпустят Менани. Не убивайте ее, не пытайте ее больше.

— Это в моих силах. Я отпущу ее, но должна сначала понять, что ты пойдешь мне навстречу.

Миг молчания.

— И ты говоришь, что я должна стать вольсунгой?

— Да. Таким образом, ты поможешь в первую очередь себе. Потом мне, потом Мирэмаю.

«Зачем им я? Они удивились тому, что я могу пугать всех вокруг? Зря, очень зря».

— А твои Ашай меня съедят живьем, не так ли? Шаманая стала вольсунгой? Тебе не смешно? Твой Ваал не изорвет тебя в клочья из-за такого проступка?

— Ты даже о Ваале слыхала? — засмеялась Ринарита, только негромко.

— Как видишь.

Очень веско Ринарита старалась уверить Сэнзалли:

— Я устрою так, что они ничего тебе не сделают. Даже приветствовать тебя начнут. Я и Мирэмай сможем устроить это без особой трудности.

— Мило. Мирэмай, кстати, кто?

— Наш правитель.

— Аааа, тот самый, что желал меня видеть? — догадалась Сэнзалли.

— Именно. Откуда тебе это известно?

— Так. Птицы напели, ветер принес. Но что тебе скажет твой Ваал?

— А Ваал мне ничего не скажет. Ибо его нет.

— Главная Ашай, что не верит во Ваала? — Сэнзалли испытала острое чувство узнавания. Сначала эта Ашай-Китрах, что повстречалась у Дальнего холма. Теперь же — Высокая Мать, что показывает неверие. Хитрость? Вполне возможно. Только хитрят они как-то чудно, ведь Сэнзалли всё равно — верят ли они в чушь или не верят.

— Легко. Ибо ты и я суть плоды одного дерева. И мы, и шаманаи идем к одной звезде, только разными путями. Только у шаманай нет ничего лишнего, лишь сила и знание. Глупые Ашаи, что верят Ваалу, это ненавидят; я же не храню теней в уме, потому восхищаюсь вами.

— У тебя нет страха столь искренне говорить со мною?

— В любом случае, тебе никто не поверит, — тут же спряталась, обезопасила себя Ринарита.

— Раз так говоришь, значит, страх мелькнул в твоих глазах.

— Мне нужно рискнуть, чтобы ты начала понимать, чего я от тебя хочу. Как говорится, кто хромает, то идет.

Сэнзалли остро и внимательно смотрела в ее глаза. «Глаза *сновидицы*», — очень верно сработало чувство Сэнзалли. — «Она прекрасная сновидящая. Надо же».

— Если ты желаешь доверия, то почему бы тебе сначала не освободить мои лапы, а потом не освободить мою Менани? Начни с этого.

Вместо ответа Ринарита как-то замысловато зарычала. Тут же к ней издалека, с разных сторон, начали подбегать львицы, целых три штуки; каждая из них надлежала сестринству Ашаи-Китрах: две ученицы, одна старшая сестра.

Высокая Мать даже не смотрела, кто прибежал.

— Пойдите и немедленно передайте мой приказ отпустить пленную Менани. Пусть идет к своим, на запад.

— Твоя воля будет исполнена, всеблагая Мать!

Они исчезли. Ринарита кивнула: вот, пожалуйста. Освободила.

— Они сейчас ее отпустят?

— Да. В этом я могу тебе поклясться, — уверенно ответила Ринарита, подсев ближе к Сэнзалли, на вытянутую лапу.

— Скажи мне, что с нею было?

— Смысла скрывать истину нет. Сначала ее поймали, потом всячески пытали, вытягивая сведения. Чудо есть то, что она вообще жива.

Сэнзалли попробовала подвигать затекшими лапами, и ей показалось, что если очень сильно напрячься всем телом, то можно освободиться.

— И после этого ты хочешь чего-то от меня?

— Менани знала, на что идет, не так ли?

Любимые слова жестоких сердцем. «Знал, на что идет! Знала, на что идет!».

Чушь — никто из нас не знает, на что идет в жизни. Что он встретит через миг.

— Ее решили использовать, чтобы выманить меня?

— Да. Ты на всех произвела большое впечатление, и даже сейчас все побаиваются.

«Бойтесь-бойтесь», — подумала Сэнзалли.

— Как вы меня нашли?

— За тобой и твоим другом следили с рассвета. Одна из сестер, Ваалу-Нирзая, смогла учуять тебя. Она уже сталкивалась с тобою, потому ей было значительно легче.

— Когда? — Сэнзалли стало интересно.

Ринарита махнула лапой куда-то в сторонку:

— Возле Йонурру. Это очень известная история.

— Ах, вон оно что... Помню-помню.

— Когда ты снова пошла в ту пещеру, здесь, в Делванни, то об этом немедленно доложили мугангам. Было решено поймать тебя, использовав Менани. Кстати, зачем ты это делала? Зачем снова шла туда? По-моему, это была ошибка.

Сэнзалли промолчала.

— Ладно. Насчет второй части нашего уговора. Я смогу освободить тебя, но лишь вечером. Для этого мне будет нужна твоя помощь. Я объясню, что делать. Если тебя просто отпустить, безо всякой причины, то этого не поймет никто. Такое не простят даже Высокой Матери. Все сейчас желают твоей крови.

— А что потом?

— А потом ты станешь Ваал-сунгой. И все забудут о желании твоей крови, а все захотят посмотреть на тебя.

«Звучит слишком благостно, чтобы быть правдой. Не думай ты, Ринарита, что я не знаю лжи мира и обмана душ».

— Ринарита, — вопросительно позвала Сэнзалли.

— Да? — навострила та уши.

— Ты правда восхищаешься духом шаманай? — с мастерским простодушием спросила Сэнзалли, вызвав удивленный огонек надежды в глазах.

— Он вызывает у меня уважение.

— Я вижу, что ты — хорошая сновидящая.

Чуть осмыслив, Ринарита оживленно ответила:

— Да, есть так. Мы это называем *снохождением*. В прошлом я вообще была Вестающей.

Сэнзалли не стала спрашивать, кто такие Вестающие.

— Тогда слушай меня. Надеюсь, твое слово твердо, и Менани свободна. Так есть?

— Да, правда. Менани изранена, но надеюсь, ей хватит сил.

— Дай мне возможность проститься с нею. А потом оставь меня. Я не стану Ваал-сунгой. Ты с самого начала должна была это понять. Это смешно.

— Ты отказываешься? — с непониманием спросила Ринарита.

Как так? Ей некуда деваться. Зачем отказ?

— Конечно.

— Ты понимаешь, что погибнешь?

— Еще как. Но во мне нет страха. Я уйду к предкам, как потомок рода и дочь рода знания.

— Почему ж ты не просишь просто отпустить тебя?

Разумный вопрос. Хороший вопрос. Но жизнь, которая следует сплошь разумным и хорошим вопросам — нелепа в итоге.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. Ты слишком труслива для этого. И мне не нужно никаких подачек.

Ринарита думала долго, очень долго. Какая-то птичка села на кустарник рядом и начала пронзительно петь, смотря темным, искрящимся глазком на Сэнзалли.

— Хорошо. В любом случае, еще есть немного времени. Используй его для размышлений. Подумай.

Она снова зарычала, как в прошлый раз, а Сэнзалли трудно уронила голову на землю, больно ударившись ушком. Мелькнула перед взором ее яркая, молодая, недолгая жизнь... Как жаль. Так хорошо жить, любить и радоваться солнцу. Но теперь у нее нет вольной жизни, любовь она изгнала со слезами на глазах, а солнце жжет, а не греет.

— Любой, кто нанесет этой шамане вред, пока не пришел Лапа Ваала, будет предан изгнанию. Мои слова понятны? — глухо, словно издалека, послышался голос Ринариты

— Истинно понятны, о Высокая Мать. Да пребудет с тобой Ваал, — браво ответили ей несколько голосов.

— Он и так со мной, дурни, — зло, ненавистно прозвучал голос Ринариты.

— Позволь себе простить нас, Высокая Мать! — что-то плюхнулось о землю. Или кто-то.

— Освободите ей лапы, накормите и напоите. Потом уведите в пещеру, которую вчера обжил муганг Хустру.

— Высокая Мать, он и сейчас там... как сказать... живет, — начал кто-то протестовать намеками.

Но не помогло:

— Так изгоните прочь. Его дело смотреть за прайдом, а не валяться по пещерам. Скажите: слово Высокой Матери. У этой шаманаи есть важные сведения. Мирэмай будет недоволен, если вы ее не устережете.

— Исполним, о Высокая Мать.

— Давайте... — устало отмахнулась Ринарита.

— Ее полностью освободить?

— Если ее так долго держать, то ее лапы совсем онемеют. А это — вред. А вредить ей пока нельзя. Всему есть время.

— Но она... это... шаманая... Она может... это...

Мгновение молчания. «Думает, что сказать», — верно определила Сэнзалли.

— Не бойтесь, я лишила ее темных сил. Она не сможет учинить вам вреда, она стала обычной, кроткой, слабой львицей. Нет предела силе Ваала.

Сэнзалли молнией пронзила волна нервной дрожи. Ринарита ясно, недвусмысленно дает ей шанс! Поразительно, но суть так! Шамани очень хорошо услышала это послание в ее словах.

Но... но. Послание посланием, предчувствия суть лишь предчувствия, а жизнь проще и глупее. Никто не спешил просто так сразу ее освободить; Ринарита тоже ни с чем не торопилась. Пришло несколько Ашаи-Китрах. Они отошли в сторону, о чем-то посоветовались с Высокой Матерью; Сэнзалли заметила, как она показывает на что-то. Услышать ничего не удалось, ибо хорошо и верно наострить уши к ним, повернуть голову — не получилось из-за несвободных лап.

Потом стало всё ясно. Ашаи-Китрах (их было трое) принесли панцирь, листья и стебли сон травы, а также нечто незнакомое, странное: какие-то длинные, красноватые стручки. Сэнзалли хорошо знает всякие травы и корни, плоды и цветы, но такое она видит в первый раз.

Она хорошо их видела — это демонстративно поставили прямо перед нею.

Чуть погодя Сэнзалли увидела, что к Ринарите подошла еще какая-то львица. Приглядевшись, она узнала ее — та самая Ашаи, которую она встретила на тропке ночью.

«Худо это, уж наверное возжелает отомстить за обиды», — подумала Сэнзалли, ежась от неприятного мира. Но размышления и тревоги прервались словами:

— Всеблагая и милосердная Высокая Мать решила смягчить твои страдания перед смертью. Твои лапы будут свободны, — зазвучал тихий, плавный голос сзади, словно навевающий спокойную песню. — Потому, вот так...

Ей приложили к носу мокрый от сока лист сон-травы. Сэнзалли из инстинкта дернула головой вверх, зная, что с нею делают и зачем: хотят приспать.

— Не надо. Иначе будет красный порошок. Иначе будет красный пири. Хуже будет, давай по-хорошему.

Сэнзалли прекратила сопротивляться. Лист держали довольно долго, и Сэнзалли зажмурилась; слабости и сонливости пока что не было, но скоро они придут. Так же, без сопротивления, она выпила предложенную ей с молчаливым насилием смесь — со скованными лапами много не воспротивишься.

«Эту рамзану делал кто-то неопытный», — вдруг подумала Сэнзалли, чуть слабея. Это именно рамзана, нет сомнений — основа в виде воды и сладкого тростника угадывалась безошибочно. — «Слишком сладкая. Кто так делает? Всё у вас ненастоящее, даже рамзана, хоть вы и пытаетесь играть в настоящесть».

Потом ее оставили. По-прежнему кто-то сзади, молча и терпеливо ждал ее слабости и сонливости. Они не заставили себя ждать. Сэнзалли расхотелось противиться, думать, мысли потекли хаотично и спутано. Она прислушивалась к приятным ощущениям, когда освобождали лапы. Вдруг, через миг, появились львы и повели куда-то ее на непослушных лапах. И хотя совершенно не хотелось есть, подсунули кусок ноги антилопы. Сэнзалли откусила кусочек, медленно пожевав; львы смеялись с нее. Потом повели к водопою, там она попила, и сделала, как казалось, очень резвую попытку к бегству. Но оказалось, что ею Сэнзалли еще больше рассмешила своих блюстителей. Они очень легко поймали ее, сонливую и слабую, и преспокойно увели в пещеру, что некогда принадлежала дренгиру Делванни. Они непрестанно смеялись над нею, главным образом с того, что Сэнзалли, доселе такая пугающая, навевающая ужас, превратилась в худенькую, молодую львицу безо всякой силы. Так их уверила Высокая Мать, а она не соврет — сквозь нее говорит сам Ваал. А значит, бояться совершенно нечего! Потому так забавно и хорошо наблюдать за тою, что недавно была полна силы, ужасала всех, а теперь слаба и подневольна. Это всегда интересное зрелище — чье-то падение. С него можно посмеяться.

Тем временем Ринарита продолжала сидеть возле того места, где говорила со Сэнзалли.

Это действительно Нильзе подошла к Ринарите — Сэнзалли узнала ее верно.

Нильзе, после того, как Мирэмай больше не захотел видеть ее в качестве собственной Вестающей, не могла найти себе места. Старшие сестры, которых он пригласил в качестве свидетелей такого решения, не решили как-то это оценивать; они все вместе предложили Нильзе пойти к Высокой Матери за советом и решением. Зная противоречивость и вздорность характера Мирэмая, никто не спешил списывать Нильзе со счетов.

Сначала Нильзе было бросилась вдогонку за Мирэмаем, в Хартланд, стараясь найти его по дороге остывшим, в добром расположении духа. Потом она, возгордившись, поняла, что не следует так опускаться, и поспешно вернулась. В раздумьях, тяжелых чувствах и обиде она провела целую ночь, а потом решила действовать.

Она узнала о том, что Сэнзалли поймана, одной из последних, ибо не желала никого видеть. Нильзе тут же умчалась искать ее; и нашла, как нашла возле нее и Ринариту. Она рвалась побеседовать с ней, но старшие Ашаи-Китрах остановили этот пыл, ибо Высокая Мать приказала никого не подпускать к себе во время беседы с шаманай.

Когда Ринарита освободилась, то Нильзе мигом подскочила:

— Рина! — визжала она, прямо как поросенок.

— Да? — совсем спокойно спросила Ринарита.

— Почему шаманая еще жива? Для чего ее хранить? Почему отпускают пленницу? — у бывшей Вестающей — огромные глаза.

— Так надо, Нильзе, — еще спокойнее ответила Ринарита.

— Слушай, такого Мирэмай не одобрит.

— Он прекрасно об этом знает. Более того — ему тоже нужно.

Ах вот даже как!

— Зачем? Зачем, Рина? Что за бред происходит? Почему она всем заправляет?

— В каком смысле? — Высокая Мать поглядела на подругу с истомой.

— В прямом! Гляди: из-за нее Мирэмай взял да, махнув лапой, вышвырнул меня, как мышь из норы. Разве есть в этом справедливость?

Нильзе не похожа на саму себя. Она нервна, суетлива, делает множество лишних движений.

— Он сказал, что ты ему соврала, — Ринарита уже слыхала об этом.

— Да, пусть так. Мне стыдно, что она в чем-то лучше меня... И...

— Вот-вот. Нам с Мирэмаем интересно, как она делает это «что-то».

— Для этого ее просто достаточно хорошо пытаться. А потом убить, узнав всё, что нужно.

Отвернувшись Высокая Мать от таких недалеких мыслей.

— Нет. Истинное знание не может быть дано в двух словах измученной львицы. Оно дается по доброй воле, и от слов тут мало зависит.

— Да что ж творится в эти странные дни? Ты начала говорить о слишком высоком. «Истинное знание»! Рина, моя подруга, очнись! Подруга... Если ты, правда, таковой себя считаешь...

— Подруга. И я ни в коем случае не изгоню тебя из сестринства. Мое слово тут будет твердым. Но что сделал Мирэмай — его дело, — Ринарита была совершенно права. Она не может решить за Мирэмай, кому стоит доверять, а кому — нет. Он решил больше не верить Нильзе, так это его дело.

Другое, что Мирэмай весьма непрочен в своих решениях. Всё еще может поменяться.

— Я столько лун упорно училась, столько времени отдала своему таланту. Стала Вестающей! И достаточно какого-то слова какого-то льва, чтобы я всё утратила? Достаточно одной шаманаи!

Нильзе имела в виду Хинталу, того глупого негодяя, что донес на нее Мирэмаю. Но Ринарита поняла это по-своему:

— Мирэмай, вообще-то, не какой-то лев. Но ладно. Ты и теперь Вестающая. Тебе никто не может запретить общаться с сестрами в снохождении. Я, став Высокой Матерью, не перестала быть Вестающей. Твой дар — суть твой дар. Никто не может его забрать.

— Ты не понимаешь. Пойми! Погляди: появляется эта никчемная шаманая, и что делается: Мирэмай гонит меня, ты решаешь сохранить ее жизнь, отпускаешь нашу пленницу для угоды шаманаи, у Мирэмаи тоже на нее свои какие-то мутные виды! А меня, выходит, прогнали от одного мелкого происшествия, которое и обманом сложно назвать... Кто был бы там — понял. Понял бы!

Как ей помочь? Ринарита сделала для нее всё, что могла. Нильзе и дальше в сестринстве. А снова назначить ее Вестающей правителя она не может.

— Это всё еще ранее решили мы с Мирэмаем. Эта шаманая нужна нам.

— Ради чего?! — аж затрясло Нильзе, но она чуть успокоилась: — Или у тебя уж есть тайны от меня, Рина?.. Говори, как есть. Мне нечего терять!

— Нет тайны. Я могу рассказать тебе. Но я хочу, чтобы ты поняла всё правильно...

— Тогда мое сознание — в ушах!

— Только дай слово того, что всё, что услышишь — между нами.

— Даю.

— Мы хотим использовать ее. Она нам будет очень кстати, если мы сможем склонить ее к лояльности, согласию и пониманию. Шаманая не нужна ни мне, ни Мирэмаю сама по себе. Нам нужны ее знания, сила, и, если можно так сказать, как символ объединения союзных с Ваал-сунгами. Точнее, поглощения нами этих союз-

ных. Но главное не в том. Мы с Мирэмаем давно вынашиваем план освобождения всех нас. Всех Ваал-сунгов. Или, как желает назвать нас Мирэмай, Сунгов. Он хочет устранить веру во Ваала, которая сковывает нас.

— А... Э... — глаза Нильзе стали еще больше.

— Да-да. Это очень сложная вещь, и нет никакого заверения, что это нам удастся. Кроме того, это затянется на годы. И вряд ли мы сможем довести это дело до конца сами. Это будет задачей следующих поколений. Но мы желаем дать этому основу, жизнь. Эта Сэнзалли может нам очень пригодиться. Нам нужно сделать ее Ваал-сунгой, причем так, чтобы ни у нее, ни у других не было сомнений. У шаманай нет предрассудков, они смотрят на мир чище и яснее. Потому, как сама убедилась, они могут быть сильны.

— Но...

— Мирэмай решил, что поглощение союзных и приятие их в наш род поможет дать начало избавлению от бессмысленной болезни ума, от веры. Более того, он решил устроить вот что: вскоре объявит, что Ваал-сунги и союзные суть далекие родственники. У Мирэмая много планов, и он всеми не делится даже со мной... Как мы используем в этом Сэнзалли, еще неясно — всё зависит от того, насколько она пойдет нам навстречу. Но цель тебе ясна. Хватит нам пребывать в бреде.

Нильзе аж села от изумления.

— Вы двое просто с ума сошли. Вы парите в облаках! Просто не могу поверить в то, что слышу.

— Путь возникает под лапами идущего. Это сложно, но мы с Мирэмаем храним надежду на успех, — твердо ответила Ринарита.

— Это всё равно, что грызть собственный хвост, Рина. Я плевать хотела на Ваала, который лишь слово; и Мирэмай, и ты тоже. Но что будет с тобою и с ним, когда вы лишите всех — всех их, этих неуправляемых глупцов! — их дурмана, их веры? Ваал-сунги перестанут существовать! Ашай станут ненужными! Всё утонет в болоте!

Что тут ответить. Ринарита посмотрела в сторону:

— Перемены так или иначе болезненны...

— Это не перемены, это самая бессмысленная глупость, какую я только ожидала от тебя услышать! — брызгала яростью Нильзе.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что эта затея обречена на поражение. Это всё равно, что грызть себе лапы. Она не даст ни тебе, ни Мирэмаю, ни остальным ничего, кроме бед. Когда ты начнешь лишать Ваал-сунгов веры, то они сомнут и тебя, и Мирэмая. Они по-другому не могут. Им нужен кто-то свыше: отец, смотритель, надзирающий. Ваал-сунги этим живут; Ашай от этого питаются. Если разрушить всё это, то будет лишь беспорядок и вражда... Я даже не говорю о том, что вы решили использовать шаманая в этом деле. Мирэмай, ладно — он любит безумные идеи, но ты! Ты мудра, умна, сообразительна, с тонким чувством! Где оно? Ты понимаешь, что не сможешь управлять ею, этой шаманай? С чего взяла ты, что она будет делать тебе пользу, а не скрытый вред? Она не поддастся вам. Вы решили, что сможете ее приручить — очень опасная мысль.

— Так ты признаешь ее силу, — утвердительно молвила Ринарита.

Эти слова дались Нильзе с трудом:

— Признаю. Потому и говорю тебе всё это. Но теперь она — наша пленница, а не мы ее. Возьми с нее, что можешь, а потом убери. Оставляя эту шаманая в живых опасно, крайне опасно.

Нильзе схватилась за ухо.

— Вообще, чем вы увлеклись? Как вы хотели это проделать?

— У нас нет конкретного плана. Мы желали всё сделать плавно, постепенно...

— Смех! Смех и слезы! А сама, сама ты, Рина, забыла, как легко увлекается и бросается всем Мирэмай? Помнишь, какой ревностной была его вера поначалу?

Это Ринарита помнила.

— Он играет. Он не живет — играет. Сегодня то, завтра другое. Сегодня Вал, завтра — нет. Сегодня Нильзе, завтра — Амариссани. Сегодня Ринарита, завтра — придумай сама. Может, эта шаманая? А? — фыркнула Нильзе.

Высокая Мать посмотрела вниз, на пыль земли.

— Ты снова хочешь стать его Вестающей? — подумала Ринарита о простоте и незатейливости большинства мечтаний и желаний.

— Хочу. Я хочу его извинений. И я их добьюсь. Рина, если наша долгая дружба еще жива, то знай: я прошу тебя о помощи. Изгони глупости из головы. Пусть будет так, как есть. В конце концов, тебе плохо? Мне? Кому-то еще? Вовсе нет. Наши предки столько лет создавали ту мощь, которой пользуемся мы. Ты, Рина, можешь жить и не заботиться ни о чем; можешь предаваться снохождению хоть целыми сутками. И я тоже. Можешь бродить по миру, как легкая душа, которой ничего не надо, у которой всё есть. Убеди Мирэмай убрать эту шаманую. Убеди его оставить затею с верой. Я тебе помогу. Это будет легко. А перед этим мы спросим у нее всё, что посчитаем нужным.

Ринарита прижала уши, чуть отвернулась:

— А что там Мирэмай тебе говорил, когда прогонял от себя?

— Мол, я его обманула. Такого он не прощает, и всё такое. Местные старшие сестры — слышишь! — собрались меня вроде как судить, но потом очнулись, дуры такие, и решили, что это дело должна разрешить Высокая Мать.

— Что ж тут разрешать. Ты в сестринстве, конечно. Ты истинная Ашаи.

Нильзе не хватило пронизательности, чтобы полностью понять оттенок этих слов: «истинная Ашаи».

— Тогда нам стоит вместе, — Нильзе сделала сильное ударение на «вместе», — поговорить с Мирэмаем. Понимай, как хочешь, но я хочу и дальше быть Вестающей у него. Я не умею иначе, не могу и не хочу.

— Хорошо. Я всё объясню ему. Он точно погорячился, — пообещала Высокая Мать.

Ринарита чуть помолчала:

— Может... ты во многом и права, — молвила она.

— Пошли, допросим ее, — прыгнула на лапы Нильзе.

— Я не так хотела с нею говорить. Не так спрашивать, — опечалилась Ринарита. Ей было жалко Сэнзалли, от того самого чувства, которое не велит нам топтать красивый цветок; от того самого созидательного чувства, которое живет во всех хороших изнутри душах. — Оставим ее, пока не придет Мирэмай.

— Только не говори, что ты еще имеешь на нее какие-то виды, — даже как-то угрожающе молвила Нильзе.

— Не имею. Если Мирэмай прикажет ее убить — она умрет. Если отпустить — отпустим.

— Отпускать ее — безумие. Не вздумай!

Ринарита грустно посмотрела на Нильзе. Так мало истинно верного на свете, так и это немедля схватят и уничтожат.

Нильзе еще долго ходила вокруг Высокой Матери, убеждая ее в том, в какую пропасть могли ступить они с Мирэмаем, и потянуть в нее абсолютно всех. Поняв,

что Ринарита всецело на ее стороне (вроде как), Нильзе деловито и целеустремленно пошла в пещеру, где содержали Сэнзалли; но по пути встретила странную картину — пленница, та самая, что помогла выманить шаманаю, свободно куда-то уходила, склонив голову к земле. За ней неспешно шли два льва и кто-то из учениц. Тут же, рядом, оказался и Синарр.

— Чего это? Чего она рассказывает, как дома? — чуть зарычала Нильзе, обратившись к нему; странное дело, ведь по сути, Менани и была у себя дома. Это — ее земли.

Похоже, Синарр и сам не в восторге:

— Ринарита указала... Так, мол, надо. Я лично бы не отпускал ее. Пойдет к себе домой, и там ее такой увидят. Да и разболтает много лишнего. Нехорошо это.

— Вот именно. Побегу к Ринарите, постараюсь убедить ее не делать и эту глупость...

Только начала уходить, как обернулась:

— Ах да, Синарр. По старой дружбе: нужна твоя поддержка, — очень просто обратилась к нему Нильзе.

— В чем? — с легким подозрением спросил он, спохватившись.

— Ты ведь признаешь, что Мирэмай погорячился насчет меня?

Порученец долго взвешивал, что стоит сказать. Он не знал, как ему выгоднее.

— Ему виднее, — наконец, ответил. — Глупо вышло, конечно.

— Синарр. Я через несколько дней снова стану Востающей Мирэмай. Так или иначе. С твоей поддержкой. Или без.

Он чуть ухмыльнулся.

— Не надо втягивать меня в свою игру.

— Никакой игры. Ты просто скажи: ты со мной? Ты со мной так, как я с Мирэмаем? Гм? Или ты допустишь, чтобы из-за какой-то шаманай Нильзе стала никому не нужной? Поможешь мне — я когда-то помогу тебе... — искрой посмотрела Нильзе в его глаза.

— Возможно, — чуть нехотя согласился он.

Нильзе снова встретила с Ринаритой, которая, устав от этого дня, очень рано ложилась спать. Но здесь Ринарита проявила крайнюю твердость, объявив, что не нарушит своего слова: Менани будет свободна. Так она пообещала шаманаю, и так будет.

Нильзе начала наглеть, наседать, убеждать. Высокая Мать не выдержала:

— Прекрати, сказала я! Не утрачу я своей честности! — очень ясно и недвусмысленно посмотрела она на Нильзе. Та всё поняла, и перестала требовать своего. Ладно, пусть идет себе эта Менани. Большое дело.

Вернувшись вроде как ни с чем, бывшая (пока еще) любимица Мирэмая застала Синарра на прежнем месте. Он что-то обсуждал с мугангами Хустру и Дэнэнай; вдруг она заметила, как Менани спускается от пещеры. Худая, изможденная, она плакала. Вдруг Нильзе осенило, и она аж зло оскалилась от веселья. Ее обидели, растоптали в грязи, унизили! И всё из-за чего? Из-за шаманай и ее мерзкого рода. Мщение будет, должно быть, обязательно будет.

Бесцеремонно оторвав его от разговора, Нильзе отвела порученца в сторону и что-то прошептала на ухо.

— Зачем? — недоуменно спросил Синарр, внимательно ее выслушав. — Зачем это делать?

— Отпустили? Отпустили. Жива? Жива, — убеждала Нильзе. — Так ведь? Так. Шаманая ничего не заподозрит, ничего не ощутит. Ведь пленница будет жива!

Ринарита не скажет, что обещание нарушено. Рина вообще уперлась, мол, отпустите и всё. У нее свои странности. Но мы с тобой-то понимаем, как это глупо.

Синарр чуть скривился. Ему не хотелось связывать себя всем этим. Пусть бы эта Менани шла себе, куда смотрят глаза, раз такова ее судьба.

— Ну, и кому это поручить? — тоскливо спросил он, стараясь соскользнуть.

«Не зря ли я согласился поддержать ее?», — засомневался. Если Мирэмай не простит ее, то его явная или неявная поддержка, в итоге, бросит тень и на него.

— Да я сама сделаю, — решительно кивнула Нильзе. — Дай мне трех львов немедленно, и всё будет, как надо. И после этого пленница никакой опасности представлять не будет!

«Нельзя ей быть Вестающей. У них должен быть кроткий и спокойный нрав. И никакой подлости. Ее благодушие и леность я принял было за спокойствие. Может и хорошо, что Мирэмай прогнал Нильзе от себя», — рассудил Синарр.

Но Нильзе не унималась, желая чьих-то мучений и мщения без разбора. Синарр сказал ей:

— Я тебе никого не дам, успокойся. Вообще, ты мне разонравилась. Ненормальное что-то с тобой, беспокойная ты, мелочная и без достоинства. Ваал к таким не благосклонен. Уйди, не мешай.

— Это я запомню! И тебе вспомню! — зло молвила Нильзе, уходя.

**

Менани не желала просто уходить. Она очень хотела пообщаться с подругой-Сэнзалли, объясниться, слиться с нею душами хотя бы в самом маленьком разговоре, но прозвучал запрет:

— Или уходишь, или сдохнешь! — пригрозили. — Молись на Высокую Мать всю жизнь, что осталась жива!

Думать и решать уже не было силы, и Менани, печально отвернувшись, пошла прочь. Сначала ее сопровождали, а потом бросили в одиночестве, убедившись, что она спокойно уходит, никого не трогая.

«Куда идти-то?.. В Хартланд разве...».

Пребывая среди вольсунгов, она примерно представляла, что творится в Союзе. Вообще, за эти длинные-длинные дни Менани узнала о них много, неприлично много. Удивленная и обескураженная своей свободой, Менани осторожно ступала израненными лапами, желая нескольких вещей: попить, поесть, поспать, и вконец понять: что же будет со Сэнзалли. Не уверенная в своем уходе, она, тем не менее, не могла поступить иначе: усталость, изможденность брали свое. Менани сомневалась, что у нее получится на что-то поохотиться. Но ничего... Теперь — свобода, и как-нибудь можно выкрутиться. Главное — добрести до Хартланда, а там видно будет.

С каждым шагом свободы она обретала утраченную уверенность охотницы, с нее слетала забитость, запуганность, и Менани, невзирая на истощение, обретала хоть какой-то дух. Это совершенно усыпило всякую бдительность, и она не заметила в этих сумерках, что за нею следят двое: лев и львица. Львица следует первой, и следопыт из нее весьма неумелый — в иных условиях ее бы легко заметили; а лев — очень молодой, кстати — тащит в зубах некие длинные красноватые вещицы.

Когда Менани чуть прилегла, чтобы попить, отдохнуть и понять, как двигаться дальше, то поймать ее не составило большого труда.

**

Тишина.

Сэнзалли, в этих сумеречных потемках, прислушивается к ней и понимает, что даже у тишины есть свои оттенки. Есть тревожные, есть неопределенные; а есть прощальные.

Слабость от насильно данного ей снотворного медленно, но верно рассеивалась; но глупым будет считать, что действие прошло. В ней еще живет томящаяся слабость, и даже лапы не совсем послушны — похожее ощущение, будто долго спала и отлежала все четыре.

Ее молчаливые блюстителы ничего не говорят — боятся говорить, ибо не велено. Двое лежат прямо в пещере, в нескольких прыжках, справа и слева. Еще двое — возле входа. В глаза не смотрят. Только мельком бросают взгляды в ее сторону — тут ли, не задумала чего, мерзостная, неверная, неудобная? Где-то рядом есть какая-то Ашай-Китрах, весьма старая, но ее сейчас не видно.

Она бы попробовала использовать остатки собственных сил, вогнать окружающих в страх, но Сэнзалли слишком устала за все эти странные дни. Ее силам есть предел; сраженная голодом, снотворным и своим грустным положением, Сэнзалли не могла хорошо и верно собрать силы, волю и намерение. Для этого нужно уверенное настроение, твердая земля под лапами. Где теперь ее взять, если ты пленница, которой не суждено много жить?

«Все мы — пленники, которым не суждено много жить», — подумала Сэнзалли-шамани, нежно прислонившись щекой к холодной земле. — «Все носятся по этой земле так, будто им больно каждый миг. Мало кто хранит спокойствие; всем трудно жить, и всем что-то надо».

Ей стало казаться, что всё, что с нею происходит — сон. Сон во сне. Нереальность, которая приснилась ей, где-то спящей, в неизвестных мирах. Наверное, суть так: в этом мире всё так запутанно и сложно, что не может разобраться даже самый мудрый ум, а в настоящем мире, наверное, всё просто и ясно. Сновали полусны о ее детстве; они не мелькали перед глазами, стремясь предстать все и сразу, как иногда рассказывают. Они спокойно всплывали в своей дымке, спокойно погружались, и Сэнзалли не могла решиться: с нею это было, или нет?

«Сохраню остатки духа и силы до раннего утра. Там просто попробую вырваться. Нету смысла просто ждать на смерть», — решила Сэнзалли, не страшась. Ей вообще не страшно. Страх, он вообще смешон, делает из всякой души негодную жалость, легко делает из нее безобидную, всему доступную бессмыслицу.

«Хозяйка я страха. Всегда так думала, и всегда втайне гордилась. Разве это почетно? Да уж нет, можно признаться себе перед концом — это гадкое достижение, жалкое и смешное. А тем более полученное каким способом, ты вспомни. Была бы я хозяйкой красоты либо же добродетели — иное дело. А так... Мы всегда помним о себе правду; иные добились чего-то собственным намерением и упорством, и за это можно сделать последний вздох с небольшим почетом для собственного духа. А мне вирд подарил вот такое. И на том спасибо. Судьба вообще злобна, любит иронию».

— Тебе ничего не нужно? — спрашивает тот, кто справа.

Сэнзалли встрепенулась, посмотрела на него, смотрящего смутным взором с неким состраданием.

— Выйти, я имею в виду, — быстро исправляется он. Дабы ничего не подумали.

Сэнзалли отвернулась.

Нет, не нужно. Мы мало с чем приходим в мир, и ничего забрать не можем, когда уходим. Потому не нужно.

«Может, и хорошо, что скоро я забуду это слово «нужно». Как и остальные слова тоже».

Сэнзалли уверенна, что ее убьют. Она прислушивалась к чутью шамани, старалась понять — что будет? — но оно предавало, смешанность и спутанность царили в предчувствиях. Конечно же, она не пойдет навстречу Ринарите, не станет вольсунгой, и прочее, и прочее. А потому ее убьют. Можно, конечно, попытаться любым способом сохранить себе жизнь, но разве это стоит того? Конечно, нет. Ей просто не хочется вот так, таким способом. А вырваться не получится. Точно не получится. Как-то в ней всё кончилось, она не сможет.

Жаль, что многого не успела. Жаль, что никогда не придется давать имя своим детям. Жаль, что не увидит больше мать. Или сестру. Но сожаление преследует всякую жизнь, потому надо смириться. Горько видеть край жизни, но так было, есть и будет. Судьба не возжелала, не выручила — ну так значит велено, ничего не делать. Силы не беспредельны, силы иссякли. Теперь враги не боятся ее, а насмеваются над нею — утратили пугливость. Ну что ж, на то они и враги — злые, желающие смерти и насмешки; других нет.

«В моей душе немного силы было, да и ту я расточила», — вдруг подумала Сэнзалли и укрылась лапой. Она вовсе не думала о том, что ее предали; что не смогли, что прайд сразу сдался, что весь Союз пошел на попятную. Всё это можно понять, Сэнзалли теперь это вполне понимала: жить хочется всем.

Стемнело, зажглись звезды в еще неясной ночи.

У входа зашевелились, излились приветствиями. Значит, кто-то важный пришел. И действительно — зашла Ринарита.

— Менани свободна. Она ушла, — сообщила, присев.

— Пусть ее путь будет легким, — спокойно, бесцветно ответила Сэнзалли, не поднимая глаз, распластавшись по земле. Так и должно быть: обещано — исполнено. Теперь можно успокоиться.

Высокая Мать еще чуть постояла, видимо, ожидая продолжения разговора. Но, поняв бессмысленность такого ожидания, ушла.

Сэнзалли сопротивлялась, но не могла вполне решить — верно ли всё сделала? Да, именно так, начали одолевать даже такие сомнения. Верно ли то, что прогнала Сэнгая? Хорошо ли, что осталась здесь до самого конца, ведь можно было поступить хитрее? Ведь суть шамани — ум, хитрость... Верно ли, что вольсунги смогли использовать Менани, чтобы вытащить ее? Хорошо, хоть она свободна. Как там ей? Хорошо ли, не больно ли?

«О да, вольсунги умны. Знали, что делать, как меня выманить. Хорошо, что ты свободна, Менани. Хорошо. Я очень надеюсь, что нету лжи в словах Ринариты. Нет-нет, она не будет врать. Для нее это — мелочь...».

У Сэнзалли вдруг почему-то заболели глаза, и она утерлась лапой.

Вот и маленькая дорожка лунного света, что пробилась в пещеру. Он спокойный, бледный, не переливается и не искрит, как свет солнца. В нем покой и нежность, и Сэнзалли хочет коснуться их, подставив лапу под этот свет. Ей нельзя выходить за определенные границы, которые ей начертили когтем на земле, но к счастью, в эти границы входит маленький кусочек лунной дорожки. Потому можно поставить лапу и глядеть, как шерсть превращается в серебристую.

«У меня и так шерсть оттенка белой бледности луны. Вот же — всю жизнь прожила, и не знала, что я несу цвет лунного света. И если моя душа улетит после смерти к луне, то мне больше нечего желать. Куда еще улетать душе шамани, если не туда?».

У всех нас есть мечта, но жизнь лишь позволяет созерцать ее в лунном свете, но не дает коснуться; ведь воля к жизни желает лишь продолжать саму себя, свое вечное существование, а когда ты коснешься мечты, то зачем тогда что-то желать, что-то делать? Потому все мы спуем по земле без покоя. Сэнзалли желала жить во все не так, желала жить другим, но в итоге оказалась там, где оказалась; почему и зачем?

«Есть в этом моя вина?», — спросила себя, вытянув когти на левой лапе, что касалась лунного света. — «Зачем мы живем одним, но думаем о другом? Хотела я знать суть красоты и жизни, а получила лишь знание страха».

Ей подумалось, что жизнь, по сути — чья-то злая шутка. Как ни старайся жить верностью, не по лжи, знанием и красотой — она всё равно, рано или поздно, все изорвет и станет безвыходно пошлой.

Ей захотелось простоты, чистоты, красоты. Сэнзалли очень-очень захотелось взглянуть на луну. Как знать, может быть, она увидит ее в последний раз этими глазами.

— Э... Эй! — занервничал один из охранников, а второй так дернулся, что аж сухая трава разлетелась повсюду. — Ты куда собралась?!

Снаружи сразу же прибежало еще двое, пробудившись. Неизвестно откуда появилась еще и та самая старая Ашай-Китрах в компании молодой ученицы, которая глядела на всё с крайним любопытством.

— Хочу посмотреть на луну. Лунный свет, — сказала шамани.

— Какая луна, болезная? Где лунный свет? Новолуние сейчас. Нет луны, облака в небе, — ответила старая Ашай за всех.

Но... Да, так и есть, точно так! Сэнзалли вспомнила, что совсем недавно видела сильно убывающую луну, она была на исходе. Но откуда свет? Она выглянула вверх, и зрелище совершенно полной, неестественно ярко-серебристой луны совершенно потрясло ее, вызвало сильнейшее колющее волнение по всему телу. Сэнзалли поняла, насколько всё вокруг нее снопоподобно, ирреально, словно чья-то выдумка. Уйти, уйти в миры сновидения, забыться... Сэнзалли взмолилась:

«Луна-сестра. Забери мою душу к себе. Этот мир порочен и зол, а я его дочь; не вменяй мне это в вину, а просто снизойди ко мне, незнающей».

И тут же оно, то самое ощущение, совсем такое, как и в ту ночь.

**

Только под утро Ваал-сунги южного крыла авангарда чуть пришли в себя.

Все, кто ее охранял, рассказывали совершенно разные истории. Один молвил, что перед глазами вспыхнуло что-то белое с алым; второй, что просто взял и уснул, а когда проснулся — шаманаи не было. Третий вообще не мог говорить, лишь ответил:

— Это запрещено, не могу говорить, запрещено...

Ему приказывали сказать, во имя Ваала, но тот отказался.

Никто ничего не смог объяснить, но пленница просто... исчезла. На глазах у нескольких голов. Слово никогда не было. Была-была, и вот — не стало.

Ринариту разбудили только под утро. Она пришла, молча посмотрела на место, где ее содержали. Пообщалась с блюстителем. Подумала. Вздохнула.

В Хартланде, тем временем, жизнь текла новым потоком.

Велари отказались «искать взаимопонимание» с Ваал-сунгами. То же самое Юнити. Илларицы колебались. Хлаалу вообще не отвечал, словно его не было.

Делванни, Регноран, Хартланд же сделали первый шаг навстречу совсем новой жизни.

Бывший конунг Умтай с самого начала совершенно устранился от всяческого управления, дел прайда, передав весь груз сложнейшего положения сыну.

Мирэмаю пришлось основательно задержаться. Он лично распоряжался при соединении союзных, с большим энтузиазмом наводил новый порядок, кого-то назначал, кого-то наказывал. К Ману относился уже почти как к сыну, и этот завтрак разделял с ним.

— Убеди юнианцев, убеди! — распаялся Мирэмай, отбросив недоеденный кусок. — Смысл им сопротивляться? Это бесполезно!

За завтраком им и сообщили такое:

— О сиятельный, о Лапа Ваала, доброго утра! — прибежала посыльная.

— Чего там?

— Поймали, наконец, шаманю на землях Делванни. Имя ее — Сэнзалли.

— Сэнзалли?! — изумился Мирэмай этому имени. О да, он уже слышал его.

Слышал сегодня ночью. Во сне.

Сегодня у него был такой странный сон...

— Да, — ответила посыльная, чуть удивленная таким бурным чувством правителя.

— Когда?!

— Вчера днем.

— А почему я узнаю сегодня утром?! — с непониманием и злостью спросил Мирэмай, пнув пищу.

— Синарр не сразу распорядился, Лапа Ваала.

— Я Синарра в рог искручу. Подлец эдакий. Оставь кого-то после себя, так возомнит про себя шакал что. Да, Ману?

Ману кушал и слушал. Новость о том, что Сэнзалли жива, очень обрадовала его. Втайне конечно. Он осторожно спросил:

— Сэнзалли? Она жива?

— Знаешь ее? — с оживлением спросил Мирэмай.

— Да.

— Так, свободна, — это назначалось посыльной. Потом правитель Ваалсунгов обратился к Ману: — Ну-ка, расскажи мне о ней.

— Она... Она — хорошая львица. Она была со мной в группе...

— А... Так вот что! Вы были вместе в одной группе! — сразу смекнул Мирэмай, о чем речь. — Рассказывай.

И Ману рассказал, как они ходили разведывать северо-восток. Рассказал даже, что у них было завязались отношения. Но не вышло.

— Хочешь, как всё уладится, я тебе ее отдам? — смеялся Мирэмай. — Будете вместе жить, будете вместе любить!

Конечно, Мирэмай врет. У него на Сэнзалли свои намерения.

Правда, правитель всё равно никому не признался (да и некому), что снилось ему сегодня ночью.

**

«Меня настигла смерть, или еще суждено жить?», — спросила себя.

Пошевелилась через силу, открыла глаза. Поднесла лапу к мордочке — своя лапа, не чужая, и на месте — значит, жить можно. Лишь почему-то белее обычного.

Попробовала встать. Что, где, как? Так, похоже, она у себя в пещере, на Дальнем холме. Совсем рядом, у входа.

«Значит, еще живу».

Сказать, что она себя мерзко чувствовала — это ничего не сказать. Пришлось чуть отлежаться. Потом встала через силу, и решила идти к Хартланду. Не удивляясь, ничего не обдумывая, она просто шла туда, как ей подсказывало чувство. Не встретив ни одного вольсунга, Сэнзалли успешно ушла из своей земли.

Жутко, до невозможности хотелось пить. По дороге, прямо по запаху, нашла небольшое озерцо, в котором вода была явно плоха; но сейчас не выбирать. Правда, когда подошла к нему, то не смогла попить. Совсем.

Ладно, шакал с этим питьем. Она бросила это.

Вдруг Сэнзалли услышала чей-то унылый, грустный рев; потом еще, потом еще раз. Он выдался ей знакомым, крайне знакомым, потому она наострила уши и стала ждать, чтобы верно определить направление.

«Не так уж далеко...».

И когда она пришла к тому месту, откуда исходил рев, то увидела Менани.

Она сидит к шамани хвостом, низко склонив голову к земле.

— Менани, подруга!

— Сэнзалли... Сэнзалли? Это ты?

— Да, это я. Обернись и увидишь.

— Лучше дотронься ко мне, тогда я буду знать.

И Сэнзалли дотронулась к ее спине.

— Посмотри на меня.

— Не могу, Сэнзи. Я больше не могу видеть, — так ответила Менани.

— Почему? Что случилось?

Сэнзалли сама обошла ее, взяла Менани за подбородок и подняла голову.

Вздрогнула.

— Что они с тобой сделали... И зачем...

— Меня отпустили. И я шла с добрым чувством домой, но остановилась чуть отдохнуть, и меня поймали. Лев держал меня, а львица лишила зрения.

— Как?

— Изожгла глаза каким-то красным порошком.

Сэнзалли обняла подругу.

— Прости меня, Сэнзалли.

— И ты прости, Менани.

— Убей меня. Самой мне было страшно умирать, я боялась одиночества. Но теперь я с тобой, и мне не страшно. Хорошо умереть рядом с родной душой.

Сэнзалли нашла строфант, вскормила им Менани. Всплакнув, как полагается над мертвыми, вспомнила всё хорошее, а потом оставила — мертвых принято оставлять наедине с собой.

Потом она всё шла-шла, а ночь всё не кончалась.

«Укрыла ночь мир, ну и хорошо», — подумалось ей. — «Днем плохо, ночью — лучше».

Когда пришла в Хартланд, то первым делом нашла своих: мать, сестру. Отца не было.

— Дочь моя, где ж пропадала ты? — бросилась к ней Зарара.

— Сестра, родная, вот и ты, наконец! — побежала к ней Мааши.

— Простите, что так долго... Защищала наши земли, была верной дочерью прайда, вот и задержалась.

— Кому они нужны, эти земли. К чему верность? Новая жизнь пошла, нет теперь у нас земли, а верность — лишь слово. Успокойся, присядь и начинай привыкать к новому. Такая жизнь, что с ней спорить, — молвила мать.

— Не могу я так, мама. Не волнуйся обо мне. Отец где?

— Ушел тебя искать, да еще нет его.

— А вы оставайтесь. Дождитесь его и скажите, что со мною всё хорошо. А я пойду искать себе иную судьбу, — сказала Сэнзалли.

Вокруг ночь, но Сэнзалли пошла на скалу конунга — поговорить с правителем Ваал-сунгов. Желал видеть? Так вот она!

Охрана было хотела задержать ее: кто такая? к Лапе Ваала? без разрешения?! Но Сэнзалли взглядом пнула прочь их души из этого мира — пусть полетают в других, подумают о жизни, и увидят, что нет никакого Ваала. Те свалились с лап, и Сэнзалли взошла на скалу. Правитель не спал, он сидел. Размышлял о будущем, о великих планах. Рядом с ним — Ману.

— Звал меня? — так сказала ему, когда подошла.

Тот спохватился.

— Эй, как прошла ты без разрешения? Охрана! — засуетился Мирэмай.

— Тебе, лев, не стыдно звать на помощь при виде изящной львицы?

Ману сидел. Хотя вокруг ночь, он почему-то кушает.

Ну, пусть кушает. Дело полезное.

— Кто ты? — с удивлением спросил правитель Ваал-сунгов.

— Сэнзалли, дочь Делванни. Чего ты взял мои земли? Кто разрешил тебе?

— Твой прайд сам сдал мне их. Твой Союз сам отдался мне. Чего ж более? А раз ты дочь, так покорись воле своего Союза. Своего прайда. Иди ко мне, и стань Ваал-сунгой, как подобает, — с чувством правоты молвил Мирэмай.

— Невозможно это. Не нужен мне твой род. Теперь смотри в мой левый глаз.

— Что в нем я буду видеть? — недоверчиво спросил он.

— Потом расскажешь, мне не знать.

Мирэмай свалился с лап, как остальные, и Сэнзалли начала уходить прочь, куда глаза глядят; а земля под лапами стала мягчать, мягчать, мягчать... Ночное, сизо-темное небо исчертили алые линии и молнии, а потом всё, вместо рассвета, покрылось мраком, бездной, сияющей темной, и Сэнзалли ощутила это неизбывное стремление: вверх, вверх, вверх.

«Все мы гости в этом мире. Пора домой».

**

А этой самой ночью Мирэмаю приснилось, что к нему пришла эта Сэнзалли. Пришла и дала знать: не будет иметь с ним дела. А потом приказала посмотреть в левый глаз, и он посмотрел. От этого и проснулся с колотящимся сердцем и страхом. Страшный был сон, необычный.

Имя он запомнил. Как же удивительно было услышать его этим же утром!

«Наверное, я раньше слышал, просто не придавал значения», — рассуждал Мирэмай уже днем.

И этой ночью приснился Зараре и Мааши одинаковый сон: будто они общались со Сэнзалли, и будто у нее всё хорошо.

— И она тебе тоже сказала, что пойдет искать иную судьбу! — плакала мать без покоя.

— Точь-в-точь! — изумлялась Мааши, разбудив лежащего рядом Аталла, и рассказав ему о сне.

Ведь они, Аталл и Мааши, теперь — вместе.

А две старые львицы, что повидали очень многое, пугливо и быстро старались пройти земли Союза как можно скорее. Теперь тут беспокойно, всякое может случиться. И нашли возле маленького, грязного озера — болота для слонов — тело молодой львицы.

— Ох, смотри, смотри подруга... У нее лапы все изранены, она вся в царапинах, — подошла одна с одной стороны.

— Изможденная, худая, — заметила другая, подойдя с другой.

— И глаза, гляди... какие.

— Кто мог сделать такое? Уж совсем дурные времена, совсем бессердечные все стали.

Рядом лежали цветы строфанта.

— И отравилась.

— Отравили!

— Как знать... Тяжелая жизнь, нелегкая смерть. Пусть покоится с миром среди предков.

— Пошли, подруга. Страшные места, не стоит медлить.

**

Ее уши слышат, как нечто монотонно и ровно стучит. Похоже, что бьется камень о камень; или слезы падают на землю — совершенно невозможно сказать. Сначала звук был мягким, успокаивающим, но теперь в сонном, слабом, но крепнущем сознании становился всё назойливее.

Сэнзалли лежала, стараясь вспомнить и понять: где она? что она? Она помнила, что в последний раз видела лишь блеск луны среди врагов-вольсунгов. Но сейчас она точно не в пещере, если верить ушам.

Звук утих, послышался чей-то вздох. Потом, судя по звукам, кто-то отряхнулся. Снова сел. Монотонность повторилась снова. Тук-тук. Тук-тук.

Шамани пошевелила лапой. После того, как ее раз связали и пленили, появился страх: очнешься — и вот она, несвобода. Но нет, шевелится. Можно взмахнуть хвостом. Ох, слабость какая...

Сэнзалли посмотрела на мир и увидела, что лежит под деревом с огромной кроной; на земле и траве покоились капли дождя, и витал запах недавней грозы. Запахи были чужими, но слабо знакомыми. Хвостом к ней стройно лежала какая-то львица и мерно стучала коготком по панцирю, поставленному вверх дном.

Ворвались звуки всего мира. Птицы пели, ветер шумел, послышались чьи-то отдаленные голоса и смех. Рядом пролетел колтун перекаатиполя, шелестя травой. Как удивительно, что такой маленький, слабо слышимый звук стука когтя мог полностью поглотить сознание, перебить всё остальное, привлечь к себе нераздельное внимание и всю мысль.

— Эй... Мрррр, — доброжелательно мурлыкнула Сэнзалли, обращаясь к незнакомке. Она так устала от недружелюбных глаз; если и эти будут недружелюбны, то смысл жить в таком яростном мире, где нет приюта?

Чуть встряхнувшись, она пришла в себя; ее глаза прояснились, и Сэнзалли заметила, что вокруг нее — ах, нельзя верить! — горы. Не бескрайняя ровность саванны. Горы. Прямо возле нее куст, а на кусте — сень тончайшей паутины, и чуть желтые листья самого куста. Всё это, вместе с томным теплом солнца, давало покой и радость, и можно быть уверенной — судьба не так уж плоха.

— Наконец-наконец! Очнулась, — обернулась львица, и Сэнзалли сразу узнала ее. Это — Кара, амарах у чернолунцев.

— Коготь львицы так сильно стучал в моих снах! Я не слышала ничего остального, — почему-то пожаловалась Сэнзалли.

— Аааа, да. Так бывает, — подошла Кара. — Видим что-то одно, и не видим всего остального. Или слышим.

Подошла к Сэнзалли, пригладила ее, потом привычно дотронулась нос к носу — не от большой нежности, но по привычке ухода за больными.

— Особенно во сне, когда внимание слабо. А внимание — главное в шамани.

Поправила сухую траву вокруг нее.

— Ибо оно проводит намерение и волю, — поставила лапу на шею Сэнзалли, и не убрала.

Сэнзалли чуть привстала. Посмотрела на себя — в порядке ли? В порядке; видно даже, и по запаху слышно, что шерсть ей кто-то вылизывал, заботясь. Кому-то надо сказать спасибо, но сначала нужно понять, где находишься.

— Кара, боюсь вопроса. Но в моих странных днях трудно разобраться. Где я?

Амарах взглядела ей в глаза, чуть потрогала кончики ее ушей, а потом даже глянула на клыки.

— У нас ты. Во прайде Черной луны.

Боясь, что память то ли совсем отказалась ей служить, то ли она умерла и видит большую иллюзию, то ли так сильно сновидит, Сэнзалли всё же, осторожничая, излюбопытствовала:

— Как же я к вам попала? Лапы принесли, ветер принес?

Кара засмеялась.

— Ветер... Ветер и мог принести, легко. Исхудала ты, Сэнзалли. Помню я тебя с прошлого раза. Молодой львице не пристало так тощать — она охотница и мать.

И погладила Сэнзалли по загривку.

— Нашли на нашем большом утесе. Лежала ты без чувств, в плохом виде. Ой, в плохом! — похоже, амарах не слишком хотела распространяться, как выглядела Сэнзалли. Действительно неважно, наверное.

— Тот самом, где мы были вместе? Откуда летела к земле Аратта?

— Том самом.

Сэнзалли задумалась. Ох, да. Это был сон. Была пленницей у вольсунгов. Потом вроде как бродила по миру, возвращалась в Хартланд, нашла Менани и усыпила ее — жизнь подруги стала темной и пустой, — потом пошла к родным. И правителя вольсунгов с лап свалила — чтоб не думал, что нет правды в жизни и всё так просто... Сэнзалли, привычная к снам и сновидению, не смогла до последнего момента уловить, что это была ирреальность, сон. Почему? Ведь шамани всегда отличает сны от яви. Видимо, силы не хватило. Истощилась... Истощилась от некоего последнего рывка.

Теперь она здесь. Значит, или пришла лапами, не помня себя. Значит, ее отпустили вольсунги, и она послушно шла-шла, пока не пришла сюда. Но такого быть не может! Не могли вольсунги отпустить ее!

Либо снова сестра-луна что-то сделала с нею, и вот она здесь, вне опасности.

Но не сон ли *это*?

— И никто не видел, не учуял, как ты зашла во прайд. Что привело тебя сюда? Что снова привело к нам?

— Не знаю.

Но нужно объясниться. Этого ждет Кара, ее ясный взгляд говорит об этом. Нельзя придти куда-то, не зная, как и зачем... Ведь ее дом — в иной стороне. Хотя есть ли теперь у нее родина? Есть ли прайд? Родины нет — ее забрали; а прайда тоже нет — она одна осталась из прайда, хоть остальные и живы.

— Я хочу рассказать львице о себе; пусть Кара верит, но может не верить, — доверительно, с просьбой молвила Сэнзалли.

— Всегда готова услышать интересные судьбы... — легла Кара возле нее.

Томясь от слабости, Сэнзалли подробно рассказывала о своей жизни. Как ушла с благодарностью от прайда Черной Луны, как ее встретили трое львов; как она выжила, забрав их силу, сама того не желая; как пошла разведывать земли вольсунгов; как осталась одна против них на своей земле; как прогнала Сэнгая прочь, из любви; как стала пленницей. И как желала поглядеть на луну перед верной гибелью.

— Сейчас луна охотницы. Нет луны, — тут же отметила Кара.

— Знаю. Но для меня она была. Свет был. Он меня унес. Так уже со мной было...

Потом Сэнзалли рассказала, что видела в своем долгом сне непрерывной ночи. А потом — ну вот она, очутилась тут.

Кара, выслушав, сказала:

— Не врешь ты, но странно такое слышать. Такое под силу только очень сильным шамани-видящим — переноситься в нашем мире как душа, без лап, и то редко...

Она отвернулась:

— Хотя, как знать. Ты получила очень много силы, вот она тебе и послужила.

Потом Сэнзалли уснула, а вечером ее пришли наведать ученицы, и разные львы и львицы из прайда — просто так, из любопытства. Правда, Сэнзалли очень сильно попросила Кару:

— Прошу львицу, очень прошу. Пусть никому не рассказывает о моей жизни. Пусть скажет им, что я просто взобралась на вершину, а там мне стало плохо. А пробралась я во прайд, крадучись... Никому ничего. Никому...

Она не хотела, чтобы кто-то знал о ее судьбе и жизни. Слишком много в ней всего, чтобы рассказать другим.

— Хорошо, — чуть удивленная, Кара, тем не менее, сохранила тайну обо всем, что знала о Сэнзалли.

Оказалось, что это Сибила заметила ее на утесе. Дело в том, что этой ночью падал сильный дождь, а потом даже затрепетали молнии, и одна из них угодила прямо в вершину утеса, причем угодила так, что стала причиной маленького камнепада и оставила странные следы по камням. Сибила из любопытства и предчувствия не поленилась в такой дождь взобраться наверх и заметить там Сэнзалли.

— Лежала без чувств прямо возле края! Утратила ум! Даже дочери Больших гор прижимают уши от такой высоты! — сказала сразу, вместо приветствия.

Потом все спрашивали: с чем пришла ты, Сэнзалли? Ответ был прост: вольсунги вторглись на ее родные земли; выбор был невелик — либо оставайся и покоряйся, либо уходи, куда глаза глядят. Вот Сэнзалли и выбрала второе. А почему пришла сюда, тайком, и прямо на утес? А куда еще... Больше Сэнзалли не знала мест, куда пойти.

Сэнзалли, поговорив со всеми, изъявила желание охотиться. Нужно быть полезной во прайде.

— Но-но, охотиться... — сразу же запретила Кара. — Ты еще слаба. Мы тебя откормим немного, потом уж пойдешь с нами.

Так и поплыли дни. Дня четыре Сэнзалли просто сидела на месте, а Кара никуда ее не пускала. Чтобы ее занять, на Сэнзалли оставляли совсем маленьких львят, и она с них ни глаз, ни ушей не спускала, хорошо помня свое прошлое. Также очень много беседовали с Сибилой; они сдружились, и Сибила как-то сказала ей:

— В тебе я вижу опыт жизни, — призналась шамани-Саргали. — И след силы.

Но Сэнзалли лишь тихо улыбалась, никому не рассказывая о прошлом. Если спрашивали, то говорила такое: пришли вольсунги, прогнали прайд прочь, все ушли в Хартланд, а она решила уйти в мир — вот и весь сказ.

На самом деле, такое путешествие сквозь пространство совсем истощило силы Сэнзалли, и она даже задумывалась: вернется ли хоть толика былой силы; но потом думала: «Для чего? И так она не моя. Иметь ее, чтобы снова дарить ужас — так оно мне надо?».

Прошло семь дней, и Сэнзалли утром пришла кое-что сказать Каре:

— Милая Кара, спасибо львице за всё. Но мне пора.

— Куда ты уходишь? — очень внимательно спросила амарах.

— Мне пора в Союз.

А куда еще? Другого пути нет. Сэнзалли не знала, как и что будет делать. Она не знала, как будет сражаться, и будет ли. Наиболее верным она сочла сначала заглянуть в Хартланд, увидеть маму и сестру, а потом пойти в Юнити. Напрямую в Юнити она пойти не могла — плохо знала путь. Но туда стоит попасть. Скорее всего, там Сэнгай, если с ним всё хорошо... Он несколько раз снился ей. Он жив — это Сэнзалли знала — и надо бы с ним встретиться и пойти вместе по жизни.

— погоди. Ты вырвалась из всего этого. И снова хочешь вернуться? — удивилась Кара.

— А куда мне?

— Смотри, решение твое. Но не стоит. Посуди сама: о тебе все вольсунги уж точно знают. Ты придешь в Хартланд, и тебя снова могут схватить. В тебе уже нет прежней силы, и сделать ты сможешь немного. Смело это, но без ума.

Кара оставила длинный стебель сладкого тростника в покое.

— Правитель их зол и напуган тем, что ты так сбежала. Увидит — схватит, без пощады. Страх заставляет убивать, и он убьет тебя.

После долгого молчания Сэнзалли спросила:

— Но как же Сэнгай...

— Пусть живет себе на свете, своей жизнью. Никто не знает, что будет с ним, если найдешь. Как знать: может, Юнити уже прекратил сражаться, и тоже пошел вольсунгам навстречу. Кроме того, ты отвернула его; и неизвестно, примет ли он тебя хорошо. Не злись на него, и на меня, но есть так — если кого шамани с силой отвернет, то такой долго еще хранит обиду в сердце. Ты придешь к нему, и не будешь ему нужна — никому покоя не будет.

Она внимательно, упорно посмотрела Сэнзалли в глаза:

— Не иди туда, душа моя. Ты сделала больше, чем кто угодно. Тобой мог бы гордиться весь Союз, если бы он еще существовал. Только что чужая гордость, признание... Всё — чушь. Всё — тлен. Незачем дергать судьбу за хвост. Ты обессилела. Оставайся здесь пока — научись сама, подучишь других, и будешь просто жить.

Простые, незатейливые слова Кары нашли отклик в душе Сэнзалли. Она приняла приглашение и осталась.

Но ненадолго. Прошло всего пару дней, как во прайд пожаловали гости из прайда Нисна́ру-Саргали. Нисна́ру — настоящий горный прайд Саргали, на север от чернолунцев. Нисна́ру всегда довольно плохо ладили с Таллалу, потому поддержи-

вали весьма любезные отношения с прайдом Черной луны — ведь именно чернолунцы в свое время приняли ту землю, что ее бросили Таллалу.

Гостей было несколько: двое старейшин прайда и сын аршаха. Пришли они по делу: вежливо побеседовать с правителем Черной луны; узнать последние новости с юга (Ниснару уже давно знали, что в Союзе творится что-то страшное, и бродят в тех землях какие-то вольсунги); ну и самое главное — попросить Кару вылечить одну из молодых львиц прайда, которая заболела некоей странной, тяжелой болезнью.

В первую очередь они заглянули к правителю чернолунцев, как и полагается из вежливости. Но беседовали с ним недолго. Вообще же, во прайде Черной луны глава прайда лишь был таковым по названию, но не по делу. Он был настолько неважен, что Сэнзалли узнала его имя на третий или четвертый день пребывания здесь. Он так, «чтобы был», и по большей части отвечал за охрану не очень больших земель прайда. Всем на самом деле управляла амарах Кара и еще одна старая, опытная и мрачная шамани Азарí, которой сейчас не было во прайде — ушла в горы с ученицей. Прайд Черной луны всегда был прайдом шамани.

Потом пошли просить Кару, и та сразу же согласилась помочь. Собственно, тут же и узнали все последние новости. Дело было сделано, и можно уходить; только идти вот так, сразу, крайне невежливо. Потому снова пошли к главе прайда — занять разговорами время. Присоединилась к беседе и Кара.

Молодому сыну Аршаха — Ярису — быстро надоел пустой треп. Сначала он беспрестанно гладил гриву, забавляясь этим.

Потом под выдуманном предлогом отошел прочь, решив прогуляться. Медленно, вразвалку он пошел осмотреться во прайде Черной луны, в котором был лишь второй раз в жизни.

В это время Сэнзалли делала рамзану для снятия тяжелой боли. Вообще, все поражались ее хорошему умению делать различные снадобья, причем без трудности, а с ловкостью привычки; она же считала это самым обычным делом. Оказалось, что Ушала и Фриная были в этом очень хороши; так что не следует спешно судить тех, кто тебя воспитывал...

Ярис стокнулся с нею в самом прямом смысле слова. Он шел вниз, к воде горного ручья, а Сэнзалли — вверх. Глубоко задумавшись, столкнулся с нею нос к носу; он не заметил ее, а Сэнзалли думала, что лев удосужится ее обойти.

— Осторожней надо ступать, — сделала ему замечание.

— Прости.

Ах, ну как так. Вся работа пропала. Сэнзалли взяла панцирь, и пошла обратно к воде. Он, задержавшись, смотрел ей вослед, но она даже не обернулась. Что ж, Ярис пошел гулять дальше: побеседовал с двумя ученицами, которые изо всех сил старались понравиться; чуть осмотрелся на землях и, конечно же, взобрался на утес — посмотреть на всё сверху; решил, что надо всё ж таки сходить с отцом в Менаи по одному очень важному делу.

Но незнакомка заинтересовала, вспомнилась раз, потом еще. Его поразили ее повадки. Тихая, аккуратная походка, без выпускания когтей, как принято у молодых львиц-Саргали. «Скромный» хвост, как говорят северняки — незнакомка не играла им в разные стороны. Но еще больше — слова и голос, хотя слышал Ярис от нее лишь три слова. Ее голос был мягок и нежен, без наглости или смешливости; но за этой мягкостью и нежностью что-то скрывалось. Милая внешность; она весьма похожа на Саргали, но, скорее всего ее кровь смешана. Впрочем, ничего странного: такое часто встречается во прайдах Саргали, что близки к равнине. Например, Менаи. Или Таллалу.

Улучив момент, Ярис привел Кару и тайком указал на Сэнзалли, что сидела у воды и занималась делом.

— Кто эта маасси? Какой крови?

— Это Сэнзалли, она из Союза.

Кара заметила, как Ярис чуть отпрянул от удивления.

— Когда ее земли захватили вольсунги, то ее прайд сбежал, а потом договорился с ними жить в унижительном мире. Она же, несогласная, ушла прочь.

Сын аршаха пригляделся к ней; Сэнзалли учуяла чужой взгляд, и посмотрела на него, бросив тереть лапой корень трамы. К ней где-то пять десятков прыжков, но даже отсюда Ярису показалось, что ее глаза блеснули. Он не отвернулся, а улыбнулся.

— Но почему она пришла к тебе, амарах Кара? — спросил он, не отводя взгляда.

Кару все уважают. Если она кого-то приняла — значит, это достойная личность.

— Видишь наш утес?

— Как же не видеть, — посмотрел Ярис на него.

— Так вот, эта маасси — из того рода знания, что и Аратта, которая погибла здесь.

Ярису это сказало немногое — он не слишком разбирался во всех этих вещах. Но кое-что понял:

— Шамани она?

— Еще какая, — кивнула Кара.

— Расскажи мне о ней больше, амарах Кара.

— Не могу, ибо поклялась хранить ее судьбу в тайне. Захочет — сама расскажет твоим ушам.

— Ярис! — прорычали старейшины вдалеке. В общем-то, пора уходить.

— Амарах Кара, пойдешь ты с нами?

— Нет, завтра утром отправлюсь. Есть кой-какие дела.

В его глазах был некий немой вопрос-сомнение. Так бывает, если нам нужно что-то делать, куда-то уходить, уже пора, пора... но мы знаем, что есть одно маленькое и вроде неважное, но незаконченное дело; если мы его упустим, то как знать — может, жалеть будем всю жизнь.

— Иди, возьми с нею знакомство, — поняла его Кара и чуть подтолкнула.

— Так и сделаю.

Мать ему всегда говорила, что первое впечатление — оно не самое верное, но крайне важное; оно дает хорошее знание о повадках, разговоре, уме.

Он подошел к ней. Сэнзалли повернулась к нему, села и выжидающе, без робости, наострила ушки.

— Ты красива, львица, — начал он с похвалы. Так тут принято знакомиться.

Ей никто такого не говорил — так сразу, прямо и так искренне. Сэнзалли чуть улыбнулась.

Глядя на других львиц, можно оценить простоту помыслов, незатейливость намерений, плоскость души; в ней же Ярис увидел, прочувствовал не только чистоту души, но и быстротечность, неповторимость любой жизни. Ее ясные, чуть усталые глаза светились легкой печалью; в то же время, очень скрытно, очень глубоко, но хранили в себе свет души.

Вот они, глаза шамани.

— Спасибо, незнакомец.

— Я тут в горах вырос, нахватался дерзости. Так что прости, но спросить должен: скажи мне свое имя.

Хорошо. Почему бы и нет.

— Сэнзалли, незнакомец.

— Ярис — зови меня так, из прайда Ниснару. Шамани ты, Сэнзалли? — спросил он.

— Лишь ее тень, — ответила она.

— Нэй, почему лишь тень, Сэнзалли?

— Все наши души хранят в себе тени, — ловко и красиво извернулась она.

«Не желает об этом говорить», — понял Ярис.

— Твоя кровь — кровь Союза?

— Да, это так.

— Почему ты покинула родные места? — полюбопытствовал он, глядя на ее следы у речного ила.

— Уж не хочет ли лев, что спрашивает львицу о прошлом, знать все ее тайны? Зачем тебе это? Смотри на меня, настоящую.

Это «смотри на меня» Сэнзалли сказала вовсе не для игры, заигрывания; но прозвучало весьма маняще. Она не чувствовала к Ярису ничего, кроме спокойного любопытства.

— Следуй за мною, Сэнзалли. Мое время уходить, но мне грустно идти без тебя. Ты прямо в моей душе. Пошли со мною в мой прайд.

Сразу? Совсем сразу — невозможно. Нужен хоть маленький, но повод; хоть крошечная, но уверенность.

— Но почему я должна? Убеди меня.

— У всякого льва есть право на львицу. Так сложен мир. И каждая львица может из своего согласия идти за львом, но не иначе. Потому я предлагаю тебе пойти за мною.

Как говорила Атрисс? Есть смелые, и есть трусы. Иное — чушь, иного не дано душам мира.

— А не будешь ты бояться души шамани?

— Нет.

Сэнзалли не стала прислушиваться, гадать, а сделала просто — лишь на миг придала взгляду толику ярости, толику страха; это было почти незаметно.

Так и есть. Не будет. Он не отпрянул, не спрятал взгляда, а лишь прислушался к себе.

— Ладно, Ярис. Но я не могу решиться. Все мы любим сомневаться. Убеди меня.

Он подошел к ней, совсем близко.

— Без тебя мне будет печально в жизни. Если бы я прошел мимо, то ты снилась бы мне в неясные ночи, — без сомнения, но очень мягко пригладил он ее ушко.

— Хорошо. Но дай мне закончить обещанное, — дотронулась Сэнзалли лапой к панцирю, выслушав нежность до конца, — а тогда я пойду за тобой.

**

Вспомним же о тех, чьи судьбы видела Сэнзалли.

Ману. Он живет, здравствует. Он — настоящий Ваал-сунг, ринасу, помощник правителя прайда Мелаи. Что за прайд Мелаи? А это да, вспомнили очень древнее имя прайда Хартланд. Теперь он так называется, и теперь он прайд Ваал-сунгов. То же самое с Иллари, Регноран, Делванни. Все они теперь — в большой семье, а

большая семья — всегда хорошо. Младший брат Ману тоже при деле, в бывшем прайде Иллари. Что со старшим — неизвестно. Говорят, где-то из Юнити сбежал перед боем, ну да ладно. А может, пропал вместе с той частью юнианцев, что объединилась с Хлаалу и ушла в Большой мир.

Но иногда, после суетного дня и молитвы заката, он дотрагивался к щеке, где некогда, в прошлой жизни, поставила свой последний поцелуй Сэнзалли, и думал о том, что от жизни веет выжженной горечью.

Странно и смешно, но Ваалу-Харана, та самая Ашаи-Китрах, которую Мирэмай использовал как живой пример и символ новой жизни, стала его львицей; хотя у Ваал-сунгов и свобода отношений, но также укладываются и прочные союзы. Нет, это совсем не из любви. Ведь правитель Мирэмай приказал ей быть с Ману; а приказа не отменял. Значит, такова воля Ваала.

Раз Ману попросил ее, бережно храня у лап их уснувшего сына:

— Ты можешь мне достать марзары?

Харана нахмурилась:

— Что это?

— Трава такая... Или корень. Ты никогда не слыхала о таком?

— Нет. А тебе зачем?

— Хочу ощутить ее горечь.

Ману хотел хоть так вспомнить те странные дни, когда был он совсем иным.

Кстати, о Мирэмае. Он испугался сна со Сэнзалли; мрак и тени этого сна преследовали его по следам; он понял, что совершил нечто крайне плохое. Очень скоро Мирэмай покаялся, и стал еще более яростно верить во Ваала. Путем сложной интриги он убрал неверную, безверную Ринариту, несмотря на многие года хорошей дружбы и невероятную искренность в отношениях; и новой Высокой Матерью стала Амариссани. Не зная о неверии Нильзе, он простил ее и снова сделал Вестающей, которая первым делом припомнила старую обиду от Синарра. Покаявшись, Мирэмай решил обязательно найти злую, негодную шаману Сэнзалли, с которой, от помрачения ума и веры, желал связаться.

Умная Ринарита была дальновидной, потому, несмотря на самые доверительные отношения, в свое время рассказала Мирэмаю только о собственном неверии. Это и сохранило жизнь Нильзе и еще одной Вестающей, Сваале.

Мать и сестра Сэнзалли не дождались Ариная. Он ушел искать Сэнзалли, и где-то пропал в мире. Им ничего не оставалось делать, как продолжать жизнь дальше, в своем прайде Делванни, и превратиться в Ваал-сунгов.

Нихмуд. Когда в Хартланд пришли Ваал-сунги, то ушел к веларийцам вместе с Хизаей. Погиб, предварительно убив трех из них, когда те вторглись на земли Велари. Хизая же с небольшой частью прайда ушла скитаться на юг, в бедные земли.

Сарнисса. Та ушла ярче всех. Как только вольсунги пожаловали в ее родной прайд Иллари, так она сразу вышла и спросила у них:

— Чего надо? Идите вон.

На что пришедшие приказали ей умолкнуть.

Но Сарнисса вовсе не вздумала подчиняться такому приказу.

**

Уже три года она — львица аршаха прайда Ниснару-Саргали.

Ар-Ярис ни разу не сожалел, что взял ее.

Оказалось, что Сэнзалли умна, хитра, осторожна и проникательна — все те качества, что нужны львице аршаха, в ней жили полной жизнью. В ней не было не-

серьезной смешливости, как у многих львиц-Саргали; многие Ярису завидовали, но тайком — знали, что Сэнзалли еще как умеет тайное делать явным.

Сначала восприняли ее весьма настороженно — всё ж чужая, даже не Саргали; а если она не дочь гор, значит, вряд ли имеет *кхалу* — характер, душу Саргали. Но потом весь прайд Ниснару понял, что так считать — ох какая ошибка. Она стала верной помощницей, и Ярис решил, что не сделает своими еще несколько львиц, как это часто делают аршахи. Наоборот, станет лучше, если Сэнзалли будет одна такая. Тем более, что она — шамани, причем, как поведала ему одна *видящая*, очень непростая шамани.

Ярис гордился. Это считается среди аршахов достойным, солидным, если их львица — из чужой земли. Но здесь — еще и шамани.

Слухи о ней ходили разные. Всякие. Ярис никогда особо не расспрашивал ее о прошлом (с самого начала эта тема была у них под молчаливым запретом), а она тем более не имела привычки распространяться. Но мало-помалу проскакивал то один слушок, то другой; Ярис сквозь года с удивлением обнаруживал, что его Сэнзалли — весьма известная и необычная личность.

Выяснилось, что Сэнзалли хорошо знакома со знатной в Больших горах шамани Атрисс, которая вообще мало кому уделяла внимание. Та случайно зашла в Ниснару-прайд; встретившись, Сэнзалли и Атрисс, скрывшись от чужих глаз, говорили почти целый день, и это весьма удивило Яриса. От той же Атрисс, бросив случайный вопрос, Ярис узнал:

— Цанна, аршах, что ж ты за лев своей львице, если не знаешь свою Сэнзалли, что пронзала страхом врагов!

Ярис даже просился рассказать более подробно, но Атрисс лишь смеялась, а потом ушла.

Странные слухи были о Сэнзалли из прайда Черной луны. Там никто не знал, кто по своей сути есть Сэнзалли и чем она жила; но все говорили, что Сэнзалли — необычная шамани; как кратко говорила Кара, «знающая страх» и «наследница большого рода знания».

Потом Ярис случайно, через десятые лапы, узнал, что Сэнзалли — злейшая противница Ваал-сунгов, личный враг их правителя, и ее имя среди них — под строгим запретом; и, как ни странно, Ваал-сунги ее ищут до сих пор!

«Хорошо, что совсем недавно Ваал-сунги ушли с земель бывшего Союза», — думал Ярис.

Со временем тайны всякой самки развеиваются; очень часто, кроме тайн и загадочности, она ничего больше не несет. Тут же Ярис столкнулся с необычным, непостижимым — чем дальше текло время, тем более тайным становилось не только прошлое Сэнзалли, но и ее настоящая суть. Он иногда старался поговорить с нею, но она всегда с неуловимым изяществом сводила такой разговор на нет, а вопросы плавно обращались в ничто.

Она же, Сэнзалли-шамани, просто жила день за днем, заботясь о неродном прайде и родных детях — сыне и дочери от Яриса. Они еще маленькие, они еще плохо понимают общение, и с них еще не сошли пятна. Им надо много тепла, много заботы.

Сначала вообще было чуть трудновато и жить, и охотиться; в первую очередь пугали горы — незнакомые, угрюмые. Еще мешал жить постоянный холод, особенно в ночи, но через два сезона Сэнзалли с удивлением обнаружила, что ее короткая шерсть львицы равнины превратилась в более длинную; и, глядя на себя в отражении водной глади, она всё больше узнавала львицу-Саргали.

В один из таких дней, прекрасный и погожий, Сэнзалли вознамерилась отправиться со своими охотницами на добычу. Но пришлось задержаться и оставить планы: сообщили, что объявился некий равнинный лев, с запада, и просит входа во прайд. А с ним — некая старая шамани.

Главы прайда, Ар-Яриса, нет на месте. Как обычно, он пропадает где-то на обширных землях прайда. Принято, что аршаха заменяет какой-нибудь старейшина, но Ярис часто оставлял за главную Сэнзалли. С такими обязанностями она справлялась легко и непринужденно.

— Что ж, пусть предстанут эти двое здесь, — вздохнула Сэнзалли и оставила охотниц, пожелав им доброй охоты. — Посмотрю, с чем пришли.

Гостей посадили возле Межевых камней; вообще-то, это уже давным-давно не межевые, не граничные камни — их Ниснару звали так издревле, со старых времен. А земли не раз переходили из лап в лапы, их границы менялись, перекраивались; о них договаривались целыми днями, спорили до утраты рыка. Вообще, Сэнзалли здесь остро ощутила эту постоянную борьбу за земли, постоянные ссоры и схватки. Это ведь не ее обильная родина, где стада бродят круглый год, во все времена...

Ей вспомнилось, как год назад случился небольшой скандал между ее прайдом и Таллалу; точно так же, как сегодня, Сэнзалли осталась сама, а Ярис ушел. Утром от Таллалу пришло трое: двое львов, что молчали, и наглая, вызывающе уверенная в себе львица возраста силы. Она тут же начала наступать с речью, что Ниснару непрестанно нарушают границы их прайда, а еще охотятся на их землях, а еще третье, пятое и десятое. Видимо, Таллалу улучили момент, когда правителя нет во прайде; а Сэнзалли они не посчитали за серьезное препятствие. Очевидно, что Таллалу таким способом хотели добиться: дать пищу нервозности, суете, заставить Ниснару делать ошибки и чувствовать себя неудобно.

Но лапой без когтей Сэнзалли взять невозможно. Да и с ними — та еще проблема. Ей уже доводилось защищать земли; кроме того, львица Таллалу уверенно и бессовестно врал насчет нарушений границ и прочих посягательств.

— Говоришь, что Ниснару добычу крали. Это гнусно, это карается смертью. Но как же крали?

Львица повторила про себя вопрос, как бывает при лжи:

— Как же крали? Откуда ж знать нам, если в нашей крови нету воровства! Мы не знаем способов!

— А что есть в ней? То, что клонит врать без остановки?

— Как твой язык смеет так болтать?! Цанна!

— Твой обман не имеет смысла. Уходи прочь, дочь лжи.

— И смеешь ты говорить о мне, как о лживой?!

— Что мне говорить. Мне лучше чувствовать, — Сэнзалли развернулась и показала хвост, в знак окончания бессмысленного разговора.

— Ты стой, не уходи, — подскочила к ней львица и преградила путь; некоторые Ниснару дернулись, оскалившись. — Не беги от разговора! Или душа твоя в страхе?

Надо сказать, что отступление — любое — у Саргали воспринимается как поражение, признание своей неправоты, Саргали никому ничего не уступит, если чувствует за собой правоту: будет драться до конца или спорить целый день. Потому львы и львицы прайда Ниснару, что стали невольными свидетелями этой недружественной беседы, с беспокойством посмотрели на Сэнзалли.

А она смотрела на львицу, и та вдруг прильнула к земле, присела на всех лапах. Потом отпрянула, неуверенно качая головой, словно стараясь сбросить навязание.

— Что можешь знать ты о страхе, — сказала Сэнзалли негромко и ушла себе.

Вот после этого о ней еще сильнее, как змея в траве, поползли слухи, что она — не «спящая» шамани, не «прошлая», а очень даже настоящая. Ведь до этого мало кто воспринимал Сэнзалли как шамани: она не красила левую щеку; она редко кого лечила. В конце концов, у нее во прайде была своя шамани, по имени Ильвина́, с которой у Сэнзалли были сдержанно-вежливые отношения (по правде говоря, между ними никогда не было ощущения сестринства, но и вражды тоже). Ильвина вообще вела полусвободный образ жизни, и могла пропасть чуть ли не на целую луну.

Все поняли, что с львицей Яриса лучше не связываться враждой. В Больших горах очень уважают силу.

Так вот, неизвестных гостей усадили у Межевых камней. Сначала Сэнзалли ждала у своей пещеры, по недоразумению, и даже чуть истомилась ждать; потом же ей сказали, что сами гости сидят в ожидании — им было велено сидеть на месте.

— Цанна, ваши головы не смогли додуматься пригласить их сюда, — отчитала Сэнзалли львов-подростков. Те склонили головы — Сэнзалли злится редко, от нее сложно получить недовольство; но если уж злится, так тогда есть за что.

— Схожу сама к ним: судьба не идет, так стоит следовать к судьбе.

Но последующая встреча оказалась огромной неожиданностью.

У Сэнзалли не было никаких предчувствий. Она думала, что это пришел кто-то от свободных Саргали, либо еще кто... Например, те же Таллалу с новыми выдумками. Но их бы тогда пригласили; никто бы не решился оставить их возле Межевых камней.

Значит, это что-то не слишком важное.

Сэнзалли обошла один из них и... сделала несколько медленных шажков, а потом застыла.

Он сидел один. Медленно обернулся, заслышав шаги.

— Сэнгай?..

— Сэнзалли?! — с еще большим удивлением спросил он.

Шевеля в воздухе лапой, она действительно на миг утратила дар слов.

— Я просил разговора с главой... Я не думал... Как ты... — на нем играла радостная улыбка, осененная настоящим счастьем встречи.

— Это я и есть. Точнее, я вместо него, — отстраненно сказала Сэнзалли, рассматривая Сэнгаю, такого далекого в памяти, такого близкого наяву. — Яриса сейчас нет... о предки, Сэнгай, какими судьбами?!

Они обнялись.

— Как ты? — ходил он вокруг нее.

— Да хорошо! Но как ты? — и она вокруг него.

— Хорошо-хорошо... А ты?

Засмеялись.

— Как ты здесь очутился?

— Я всё это время искал тебя.

— Ты искал меня?

— А что мне оставалось?..

— И ты здесь лишь потому, что искал меня? Тебя не вело путешествие, нужда, не привел случай или рок, не привела судьба или изгнание? Ты просто искал меня? — изумлялась Сэнзалли, не помня себя.

— Тебе незачем удивляться. Удивляться надо мне. Удивляться тому, что я смог это сделать.

Молча Сэнзалли присела, не зная, что и сказать. Потом молвила:

— Пройдем... Я приму тебя, накормлю и дам попить. Если хочешь, то можешь уснуть.

— Я не смогу уснуть, пока не поговорю с тобой.

Кивнув головой, она повела его за собой. Они пошли среди приятной земли Ниснару.

— Сэнзалли, — растерянно позвал ее Сэнгай.

— Да, Сэнгай? — мурлыкнула она.

— Ты всё так же ласково зовешь меня — «Сэнгай».

— Просто потому, что я помню тебя. И помню свою любовь.

— Ты любила меня?

— А как ты думаешь?

Он смолчал.

— Я не хотела, чтобы ты там погиб... — сразу начала она, живо и ясно помня прошлое. Сэнзалли всегда мечтала объяснить ему свой поступок, хоть мельком, хоть чуть, чтобы он понял — там не было злобы, там не было глупости. Были лишь любовь и сострадание.

— Я знаю, — торопливо перебил он. — Расскажи мне: что с тобою потом было?

Сэнзалли взмахнула хвостом, посмотрела на него, улыбнулась, будто не зная, что сказать.

— Вольсунги схватили меня. Потом пленили. Старались использовать в своих целях. Но мне удалось сбежать.

— Как?

— Мне помогли, — кратенько ответила она.

Потом, понимая, что ее маленький рассказ вовсе не достоин такой встречи, продолжила:

— Я требовала, чтобы они отпустили Менани.

— Кто это?

— Та самая львица, моя подруга, которую они поймали ранее. И бросить которую я не могла...

— Ах да. Прости — я просто привык бросать имена в пропасть небытия.

— Ты стал необычно говорить, — заметила Сэнзалли без укора, а с любопытством.

— Это от дальних путей. В них начинаешь говорить сам с собой. И что дальше?

— Я добилась, чтобы ее отпустили. Вольсунги сделали это, но и сделали ее слепой, — остановилась Сэнзалли за большим камнем, где их не могли настичь любопытные взгляды и уши.

— Зачем? — без особого удивления спросил Сэнгай.

— В них живет бессмысленная вера в справедливость жестокости. Я не знаю, зачем. Наверное, из злорадства ко мне. Или к нам всем. Я не знаю.

— Ты видела ее? Ты говорила с нею?

Какой сложный вопрос.

— Да. Я дала ей строфант. Что за жизнь в бесконечной темноте...

Помолчала, дала волю чувству — утерла слезу.

— А потом лапы привели меня сюда. Теперь я львица аршаха прайда Ниснару-Саргали. У меня двое детей. И хороший прайд, — истерла вторую.

— Тебе хорошо здесь? — меланхолично спросил он.

— Да. Я обрела то, с чем могу жить.

— Значит. Значит, теперь ты львица-Саргали...

— Я не Саргали. И не союзная. И не дочь Делванни, которого нет. И даже не шамани.

— Но кто тогда?

— Лишь ее тень, — так ответила и ему, и себе.

Они пошли дальше.

— Расскажи мне о себе, Сэнгаи. Что ты делал? Как жил? Что случилось с тобой, когда я изгнала тебя? Поверь, я волновалась о тебе; мою душу всегда грело лишь то, что ты жив.

— Ты чувствовала это?

— Конечно. Я не одну ночь *сновидела*, чтобы уяснить это до конца. И... Как ты нашел меня?

— Когда ты прогнала меня... назовем это так? — не мог он подобрать слов.

— Пусть будет так, — согласилась Сэнзалли. Слова неважны.

— Когда ты прогнала меня, то я сначала пошел в Хартланд. Я не помню, как туда шел; я очнулся лишь тогда, когда кто-то из хартландцев заговорил со мной. Я не помню что думал, что переживал; ненавидел ли тебя или любил. Я решил вернуться за тобой... но потом понял, как это глупо. В Хартланде мне делать было нечего. Там сплошь были вольсунги. Как хозяева. Как родные этим землям. Словно жили здесь дольше, чем сам Союз. Мне ничего не оставалось, как уйти в Юнити.

— Ты ушел в Юнити? — Сэнзалли подошла к своей пещере и предложила улечься у входа.

— Да, — прилег Сэнгай. — Я не буду тебя утомлять рассказом. Часть Юнити — в основном, это молодые львицы и дети — объединилась с Хлаалу. А часть — осталась. Меня тоже заставляли, упрашивали, чтобы я ушел с ними.

— Зачем они остались? — зная ответ, всё же спросила Сэнзалли.

— Готовиться к приходу вольсунгов. Или ты думаешь, что Юнити сдал бы свои земли без боя?

— О, какой кошмар, — печально молвила Сэнзалли, прикрыв лапой глаза. Нетрудно догадаться, что стало дальше.

— Почему? — удивился он.

— За эти годы я познала цену боли. Лучше бы они ушли. Нет смысла цепляться за землю. Предки простят — если их души видят наши сердца, то простят — а жить нужно дальше. Нет смысла в славной смерти.

— А в чем тогда смысл?

— В жизни.

— Все мы, так или иначе, умрем, — с равнодушной сосредоточенностью сказал Сэнгай, глядя в пустоту. Потом взглянул на нее: — Ты не осуждала свой прайд, который ушел от вольсунгов, не пошевелив и когтем. А осуждаешь Юнити, который не сдал свою честь?

Сэнзалли покачала головой, закрыв глаза:

— Не осуждаю юнианцев. Я никого не осуждаю — я давно перестала это делать. Просто я теперь лучше понимаю своих. Раньше я недоумевала, а теперь понимаю.

— Тогда почему ты тогда оставалась на своих землях? Сейчас ты говоришь, что цепляться за землю глупо. Но тогда я застал тебя яркой защитницей, которую боялись все. Или ты не та Сэнзалли, которую я знаю? — в нем таилась какая-то

обида: то ли на ее слова, то ли на судьбу, то ли на время, то ли на нее. Или на всё вместе.

Она не стала ему отвечать. Тут нет ответа. Вместо этого спросила:

— Ты ушел вместе с Хлаалу?

— Нет. Я остался.

— Но ты выжил.

— Да. Меня кто-то ударил по затылку, в самом начале боя. Даже ничего толком не успел сделать.

— А что потом?

— А что потом... Потом я встал и увидел, что все, все кого я знал, и кто стоял рядом со мной — мертвы. Каким-то чудом я ушел оттуда, прихрамывая. Каким-то чудом я нашел Хлаалу с остатками Юнити. И за всё это время, Сэнзи... за всё это время, что мы ждали боя, никто из делваннийцев, илларийцев, регноранцев — слышишь! — никто не воспротивился. Никто нам не помог, никто к нам не перебежал. Все сидели друг на дружке возле Хартланда, корчили благодные рожи вольсунгам и тряслись от страха. Трясся от страха весь твой прайд, боясь за свои никчемные жизни.

Как и он, Сэнзалли невольно скривилась, а потом даже оскалилась от насмешки и презрения. Но эти чувства были мимолетны и слабы.

— Что с Велари? — поинтересовалась.

— Они тоже дрались, как мы. Я знаю, что часть из них выжила и ушла прочь, на южные земли.

— На скальные, голодные земли... — помнила Сэнзалли, что и где находится возле бывшего Союза.

— Да. Я не знаю, чем они сейчас живут. Пусть им поможет небо, — ткнул он когтем в небеса.

Вздыхнув, он свалился набок и желал было дотронуться к Сэнзалли; но потом понял, что всяким изливанием чувств может повредить ей — новая жизнь может такого не простить. Для остальных Саргали он — простой незнакомец.

— Когда я пришел к нашим, то они уже хорошо успели отойти. Они так и назвали прайд — Хлаалу-Юнити. Так, на время... И начали мы скитаться. Сейчас мы на запад от Морлая. Там небогатые земли, но жить можно...

Он начал водить лапой по теплomu камню, припоминая:

— Рядом со мной дралась наша шамани. Она даже стояла сзади меня перед боем. Благодаря ей мы знали, что вольсунги приближаются, и успели подготовиться. Погибла и она. Ее убеждали уйти, уйти с Хлаалу, чтобы хранить знание. Но она говорила, что ученица станет ее презирать.

— У нее была ученица... — вспомнила Сэнзалли прошлое; то самое прошлое, когда совсем юной пришла вместе с отцом в прайд Юнити, чтобы посмотреть весь Союз — такой большой, такой вечный, такой привычный... Да, у Ирраи была ученица, это Сэнзалли вспомнила; только та тогда была еще суть дитя, даже не подросток.

— Она мне и помогла узнать, что ты жива. Чему была очень рада — о тебе сущие легенды ходят, и все знают, кто такая Сэнзалли. Все знают, что ты та истинная шамани, что не сдалась вольсунгам. Как же говорила о тебе Малиэль! Говорила, что хотела бы взглянуть на тебя хоть чуть, хоть на миг. Как терзала меня расспросами о тебе; она бесконечно слушала один и тот же рассказ, как мы с тобою встретились на землях Делванни, и я ничего от нее не утаил, рассказывал совершенно всё — ибо невозможно утаивать при такой искренности. Вот, и она мне помогла, ибо очень хотела. Хотя с нее даже не совсем сошли пятна. Даже пятна не сошли...

— Как именно? — серьезно поинтересовалась Сэнзалли.

— Бросала вместе со мною кости. После чего сказала, что ты жива, и что вокруг тебя нечто высокое. Как сказала: «Наверное, горы». И больше ничего.

— Ах, какая молодчина, — вздохнула шамани.

— И с этим знанием я начал тебя искать. За эти годы я много чего успел. Обходить весь Морлай. Побывать на землях Союза... что теперь земли вольсунгов. Наша земля, кстати, им очень нравится. Уходить не очень желают. Успел подраться бесчисленное множество раз. Кое-что потерять, кое-что обрести. И вот... я здесь.

Он посмотрел на нее, улыбнулся, но с грустными глазами.

— Это странное чувство. Когда чего-то достигаешь, кого-то находишь и...

— Ты не рад тому, чем я стала и как изменилась? — спросила Сэнзалли и поняла, что ее вопрос весьма глуп и нерадив.

— Вообще нет. Просто не знаешь, что будешь делать дальше. Это словно догнать саму даль, достигнуть неба, и задаться вопросом — а что дальше?

Они молчали очень долго.

— Мне сказали, что ты пришел с какой-то шамани, — зачем-то посмотрела Сэнзалли по сторонам.

— А, да. Она мне очень помогла. Помогла найти тебя. Долго рассказывать.

— Нет, поведай, прошу.

— Чего тут рассказывать... В общем, мне посоветовал один лев к ней обратиться. Говорил, что она знает, как искать пропавших. Ты не представляешь, что мне стоило найти кто знает тех, кто знает, где она находится. Да-да, вот так. Не представляешь, — махнул он лапой, словно понимая, что Сэнзалли не оценит полностью всех его стараний.

— Как ее зовут? — спросила Сэнзалли.

— А я там помню. Ты не представляешь, сколько имен мельтешило перед моими глазами за эти годы... Я просто уже не запоминаю их — нет смысла. И так через день расставание, и так через день забудешь.

— Нэй, Сэнгаи, как тогда к ней обращался?

— Ты уже говоришь, как Саргали... — улыбнулся он. — Да знаешь, как оно бывает: она представилась в начале знакомства, а я угукнул и забыл. Потому лишь «львица то» да «львица сё». И вот она посмотрела на меня, потом сказала мне ждать. Я ждал почти целую ночь. Потом возвратилась и сказала, что знает, где тебя искать. Более того, согласилась к тебе провести. Сказала, что я потеряюсь сам в Больших горах. Я ей очень благодарен, этого не отнять. Помогла мне больше всех, чем кто либо за все эти годы.

— Где ты ее встретил?

— В Тошей Долине.

Сэнзалли подняла бровь.

— Это в восточном Морлае. Если долго где-то жить, то непременно нахватаешься всякого: привычек; слов; образа жизни.

Почесал гриву в задумчивости.

— Даже не знаю, как мне теперь вернуться.

— О чем ты? Почему не знаешь?

— Я обещал нашей маленькой шамани — Малиэль — что вернусь или с тобой, или не вернусь вовсе...

Сэнзалли приложила лапу к его лапе. Она не могла внятно ответить; ибо совершенно ясно — она действительно не может бросить всю эту жизнь, которую ей подарил вирд.

— Обещания и клятвы иногда приходится нарушать. Иногда от нас ничего не зависит. Совершенно ничего... — обреченно молвил он.

— Если хочешь — ты можешь остаться, — сделала Сэнзалли вежливое, не ловкое предложение, которое существовало лишь для того, чтобы отказаться.

Он ухмыльнулся.

— Сэнзалли, ты же знаешь — это бессмысленно и невозможно. Я первый раз вижу в тебе неискренность. Ты сама прекрасно понимаешь, что я не могу остаться. Как я смогу смотреть на тебя каждый день? На твоего льва? Детей? На твой прайд? Как я уживусь в душе с этим?

Поднявшись на лапы с новыми силами, он молвил:

— Нет. Я сделал то, что должен был сделать. Отыскал тебя и понял, что у тебя всё хорошо.

— Ты отыскал меня тогда. И отыскал сейчас... Сэнгай, я... Я не знаю, что мне говорить. Не знаю. Не знаю, что сделать, — сдалась Сэнзалли.

— Ответь мне на один вопрос.

— Хорошо, — с готовностью сказала Сэнзалли.

— Ты вспоминала меня?

Она молчала, не отводя взгляда, не двигаясь. Не дрогнуло ее ушко, не пошевелился хвост или коготь.

— Ладно, — отвернулся Сэнгай, поняв тщетность всяких стремлений. Всё — лишь пыль.

— Нет! Стой! Стой...

Сэнзалли, рискуя положением и жизнью, рискуя благополучием детей, рискуя быть увиденной и услышанной, всё же не могла не сделать этого. Ощувив теплую волну нежных воспоминаний, храня в себе прошлое, помня тех, кого любила и для кого сохранила мягкость души, она поцеловала его.

Пусть он возьмет это с собою в долгую память.

**

Сэнзалли уложила Сэнгая спать на Склоне гостей (так оно называется в Ниснару, особое место для гостей прайда), и села возле него; она была рядом с ним, пока не уснул. Завтра его ждет тяжелый, трудный путь обратно. Нужно набраться сил. Сэнзалли долго-долго смотрела на него; рассматривала измученные, усталые складки у рта; посеченные уши; шрамы на боках и лапах. Потом она плакала, вспоминая жизнь; и ощутила, что Сэнгай обманывает ее, что он не спит, а слушает и глядит, как она плачет. Но не разоблачила его маленький обман, ибо если разоблечь всю ложь на свете, то что нам останется?

Сэнзалли дотронулась до его гривы, а потом вышла.

Свечерело.

Она ушла искать ту самую шамани, что привела Сэнгая. Нужно показать благодарность сестре по пути, нужно отдать должное сестринству шамани. Выяснилось, что та уже вовсю освоилась и рассказывает что-то очень смешное охотницам, что притащили айранов — мелких косуль, которые в Больших горах чуть ли не основная пища. Львицы-Саргали мило смеются, как умеют только они; вообще, им только дай повод, они всегда готовы рассмеяться над какой-нибудь мелочью, даже старые и, казалось бы, важные. Это поначалу всегда поражало Сэнзалли, а потом она привыкла.

Сэнзалли видела ее со спины и приближалась; старый, но довольно сильный голос показался знакомым, слишком знакомым. Она не могла вспомнить, кому же он надлежит...

— Простите, сестры...

Все весело посмотрели на Сэнзалли, хорошую львицу их хорошего правителя. Обернулась и старая шамани.

Это совсем маленькое, несложное движение — обернуться. Но как долго это было для Сэнзалли!

С каждым мигмом узнавание ставало всё яснее, прочнее; еще чуть — и нет сомнений. Это — Градива. Сильно постаревшая, с обычным для пожилых львиц сухим носом, притухшим взором.

— Ах, подскажите мне, прошу: как зовут вашу милую аршасси́?

Аршасси — так иногда зовут львицу аршаха. Это слово больше употребляют Менаи, Ордосс или Таллалу; оно почему-то не прижилось в Ниснару, Сэнзалли сама не знала, почему.

— Мое имя неважно, — сдавленно ответила Сэнзалли, но быстро обрела волю. — Пойдем со мной, Градива.

— Ох, ты меня знаешь?

— Лев, которого ты привела, поведал твое имя, — солгала Сэнзалли. — Я с большой благодарностью хочу сказать тебе, что ты очень помогла и ему, и мне.

— Пустое это, пустое. Свой дар мы должны использовать. Что толку, если его прятать при себе?

— Градива, пойдем со мной, — настойчивее предложила она.

Старая львица пошла рядом с молодой. Сэнзалли чувствовала некую двойственность в себе; она не могла понять — *что* заставляет ее скрывать собственное имя, собственную личность? Но на такой вопрос у шамани всегда есть ответ. Если не знаешь, *что* заставляет тебя делать определенные поступки, значит это — твоя личная сила.

Всё-таки это Градива, что некогда дала ей непростое, но знание, что так повлияло на ее судьбу. Она не носит за собою никакой вины, просто так случилось...

— Так о каком таланте говорила ты? — спросила Сэнзалли.

— Аааа... Я издавна научилась этому, еще молодой. Научилась находить пропавших. И звать их. Кто он тебе, этот лев Сэнгай? Давняя любовь? Не бойся, я никому не скажу — слишком старая, чтобы подставлять. Или врать.

Тишина. Только птицы поют в закате.

— Молчишь... Да, наверное, любовь. Нет другой причины, чтобы так неистово искать львицу. Но, боюсь, поменялся и он... поменялась и ты, — вздохнула Градива.

— Откуда львица всё это знает? — Сэнзалли неосознанно перешла на принятое в Союзе уважительное обращение. Саргали говорят по-другому: они часто говорят о себе, как о ком-то другом.

— Частью говорила с Сэнгаем, частью догадалась, частью ощутила. Это не сложно, — по-старому тяжело засмеялась Градива.

Сэнзалли вдруг захотелось что-то знать о ней, оставаясь неузнанной:

— Какой львица крови и куда держит путь?

— О, моя родина далеко отсюда, далеко на юг. Не так уж давно я пришла в Морлай; думала, тут будет лучше жить.

— И лучше?

— Да как сказать. Всюду то же самое. Да и что мне искать лучшего: зубы стали тупыми, когти тоже. Стала хуже видеть, хуже слышать.

Простонала и пожаловалась, как обычно делают старые львицы.

— Жаль только Неру, мою подругу. Ей не дался этот Морлай, ох как не дался. Лучше бы мы остались...

— Нера — твоя подруга? — наострив ушки, спросила Сэнзалли. Она прекрасно помнила, что Нера была дочерью Градивы. Больной, безумной дочерью, что слаба умом.

По крайней мере, так говорила Градива *тогда*.

«Но можно ли верить словам?..», — скользнуло предчувствие в ее сердце, безмолвное знание дарило пронизательность, и Сэнзалли стала внимательнее слушать эту старую львицу.

— Именно. Никто не понимал ее лучше, чем я; и никто не понимал меня лучше, чем она. Как жаль, что ее больше нет.

— Что с нею стало?

— Она умерла при родах, — был краткий ответ.

«Умерла, рожая своих детей. Страшная смерть», — подумала Сэнзалли. Но большого сожаления почему-то не было.

— Нера была поздней роженицей. Она забеременела весьма поздно. Сказалось и это, но... Не это стало причиной.

— А что? — ухватилась Сэнзалли вопросом.

— Все мы не без пятен. У всех нас есть пороки. Нера имела свои, и поплатилась за них, — покачала головой Градива.

— Какие же?

— Она имела свой дар и свое проклятие, Сэнзалли. Она просто стала той, кем должна стать. Как и я, — остановилась Градива посреди высоких горных трав.

— Так тебе львицы сказали мое имя? — остановилась и Сэнзалли.

— Нет, Сэнзалли. Я давно помню его. Ты узнала меня? Узнаешь меня?

Прошли мгновения, во время которых спадало притворство, игра, увиливание.

— Да. Да, Градива. Я помню тебя, — темно сказала Сэнзалли.

— И ты не хочешь разорвать меня на куски? Ведь я пришла к тебе за избавлением.

«Разорвать... на куски? Зачем?».

— Я не знаю причины для этого, — правдиво ответила Сэнзалли.

— Ты мне врешь. Я не верю. Либо ты коварнее, изощреннее, чем я чувствую, — сузив глаза, говорила Градива, постоянно кивая головой в такт своему недоверию.

— Прекрати эти тайны, Градива. Говорю то, что думаю.

Старая, опытная шамани старалась понять, истинно ли это.

— Чистая душа. Чистая душа ты. Всем бы так.

Посмотрела в сторону.

— Вспомни тот день, — ровно, равнодушно начала Градива, не смотря ей в глаза.

— Я хорошо его помню.

— Помнишь, как я тебе дала знание, как красть силу у львов?

— Помню.

— Так вот, я тебе не сказала тогда, что это — смертельно опасное знание.

Сэнзалли приложила ей лапу на плечо.

— Это не страшно. Ты могла сама не знать о последствиях. Ты ведь не знала, так? — с уверенностью молвила Сэнзалли.

А Градива громко выдохнула воздух в горьком смехе:

— О нет, я прекрасно знала, что обрекаю тебя на непростую судьбу, если ты решишься применить такое знание. Или даже на смерть.

«Зачем? Отчего такой обман...», — отходила назад Сэнзалли.

— Тогда зачем... зачем ты утаила? Зачем такая полуправда? Смысл? Где смысл одной шамани давать ложное знание другой?

— Я вижу, какую удивительную силу ты имела. Конечно, ее в тебе осталось немного... Но всё же. Я вижу, что ты применяла мое знание, и вовсе не погибла; более того, ты стала много сильнее. Я слышала все те слухи, которые ходят о тебе. Но удивительно не это. Удивительно то, что ты не смогла понять, кто именно убил того львенка, которого ты искала.

Какой львенок? Кто убил? Кого? Где? Погоди... Градива говорит об Аярге? О нем?

Это сумасшествие. Не может быть. «На чем основана вся моя жизнь?!», — не хватало воздуха Сэнзалли.

— Я умею *звать*. Давать *зов*, — прозвучал голос Градивы, чисто и ясно среди сумерек. — А Нера была клянущей шамани, шамани-порченницей. Это был ее дар. И жизнь потекла так, что она потеряла всю родню. Всю, из-за одного правителя-самодура. Ее дар как нельзя лучше подходил для такого случая, словно сама судьба сделала ее когтем возмездия и мести. Она умела портить, и не боялась делать это; но для этого нужен один ритуал. Он ужасен — в нем нужно убить львенка. Но она делала это. А я умела звать.

Ах, вот оно как... Ясно. Ясно-ясно.

— Значит, Аярг ушел по твоему зову...

— Именно так.

— А Нера убила его.

— Когда ты беседовала со мной, то Нера держала его под водой, в болоте. Ты пришла совершенно верно, следуя своему чувству; но пришла и не увидела его — тебя обманули глаза. Мне пришлось отвлечь тебя, уйти с тобой в сторону и занять разговором; наш разговор, моя передача знания — не более, чем обманка. Уловка. Чтобы занять время.

Молчание. Говори. Говори дальше.

— Но когда я это сделала, то поняла, что перешла некую грань, упала в некий обрыв. Я нарушила вечное сестринство шамани. Не знаю, как это правильно назвать. Никогда я не была уже такой, как прежде. Ко мне начал красться страх: тихий, ночной... Но неумолимый. И тени каждую ночь все ближе подбираются ко мне.

Сама не зная почему, но Сэнзалли засмеялась: зло, жестоко, без капли сомнения или сострадания.

— Мне тебя пожалеть? — блеснули ее клыки.

— Нет. Тебе лучше убить меня. Я пришла к тебе за этим. Когда я повстречала этого Сэнгая — поняла, что это *знак*.

Сэнзалли хотела сказать, страшно хотела: «Мне плевать на то, что ты думаешь о сестринстве — тебе оно неизвестно; ты не знаешь сестринства шамани. Чихала я на тебя и твое чувство. Теперь я знаю одно — ты убила Аярга; а я так убивалась за ним, и так корила себя за эту смерть».

Вся жизнь, выходит, вся судьба Сэнзалли — лишь насмешка какой-то львицы, что желала спастись от возмездия. Но она могла занять ее простым разговором... Но нет! Градива изощренно, со знанием ввела Сэнзалли в обман, заблуждение; и в результате вся ее дальнейшая судьба, со всеми горестями и радостями, со всей силой и борьбой, была дочерью этого обмана.

Сэнзалли вдруг вспомнила, как в тумане, Умаллу, шамани Хлаалу; тогда она казалась ей пугающей, немилосердной, заставляющей учить всякую чепуху, хотя вроде как есть столько прекрасных вещей в жизни. Умалла желала научить Сэнзалли знать обман и видеть ложь, но она, по легкой мысли юности, решила, что жизнь — мягкая прогулка среди красоты мира.

Надо Градиву убить.

Или не надо?

Сэнзалли подумала немножко.

Вроде и надо.

Но... но. По-другому нужно действовать; и по-другому жить.

— Как ужасно ты использовала свой дар... Погляди — ты привела ко мне Сэнгая. И ты могла в жизни использовать дар не для плохого, но для хорошего.

— Ты же знаешь: первое, чему учится шамани — нет ни плохого, ни хорошего, — ответила Градива.

— Да уж? А если клык тебе, конкретной живой тебе вонзается в шею — это хорошо или нет для тебя?! — запыхал взгляд Сэнзалли алой молнией. — Где тогда будет твоя мудрость?!

Градива сжалась, готовясь принять ее нападение. Но его всё не было. Потому она спросила, воспрянув:

— А какой твой дар, Сэнзалли?

— Ты его уже знаешь. Это твой ночной страх. Он съест тебя, и это лишь твое. Мне всё равно. Поделом в жизни и тебе, и Нере. А теперь убирайся, — кивнула Сэнзалли, чтобы шла прочь Градива от нее, прочь.

— Если бы не я — то где была бы твоя сила? — вдруг, совсем внезапно, с кривой усмешкой тихо молвила Градива, чуть склонив голову набок.

Воспрянула. Почуяла «слабость». Ах, как эти душонки любят чужую слабость. Была такая, пришла сдаваться. Но тут поняла, что возмездия не будет, и принялась за старое.

Но Сэнзалли это совсем не задело. Она совершенно успокоилась, понимая, насколько полна фатализма и тихой иронии всякая, даже несложная судьба. Ах, да, эта старая шамани старается схитрить, задеть ее, намекая, что ее сила грязна, изошла из страха и грязи болота, из позора и насилия. В ее обретении не было ничего прекрасного, высокого, вышнего. Ничего мягкого, светлого. *Вурд* подарил ей вот такой непростой, мучительный и тяжелый способ стать тою, кем она стала.

В какой-то миг Сэнзалли решила, что нужно предательской хитростью, ловким обманом обвести эту Градиву вокруг когтя, убедить ее в том, что ее жизнь еще продолжится, а потом убить, видя удивление и страх в ее глазах. Но потом поняла, что это ничего ей не принесет: ни удовлетворения, ни пользы. Ничего.

Она сама заблудится в кошмаре своих поступков. Нужно лишь не мешать ей. Она еще может веселиться, ей еще наполовину страшно, наполовину смешно. Ну-ну. Знала она смельчаков, знавала Сэнзалли.

Но хозяйке страха виднее.

Ночной страх вползет в ее душу сквозь взгляд Сэнзалли; тот самый страх, хозяйкою которого она стала. Всё в мире возвращается по своей незаметной, тихой, но верной справедливости.

— Уходи из моего прайда.

Сэнзалли тут же громко позвала:

— Цанна! Львы, зовет вас Сэнзалли! — и прорычала зов.

Тут же прибежало целых четыре льва, всяких возрастов.

— За что звала нас, Сэнзалли?

— Проводите эту львицу, пусть идет куда возжелает. Смотрите за нею и приберегите ее — ей страшно ходить в ночи.

**

Хорошо знать, что твоя жизнь не проходит даром, что ты живешь для кого-то или ради чего-то; пустота вместо смысла истомляет душу, явно или неявно поджидая тебя в каждой тени. Рано или поздно пустота тебя поймает и начнет ставить такие вопросы, на которые ты не сможешь ответить.

«Хорошо знать, ради чего живешь, ради чего жила», — думала Сэнзалли, вглядываясь в сок хирайи на своей лапе.

Вместо былой силы у Сэнзалли теперь лишь ее остатки, лишь ее знание и память. Она никогда не была столь сильна, как прежде, после того как переместилась из Делванни к утесу Аратты. Сила в ней была чужая, не своя, не взятая собственным намерением и безупречностью души. Тем не менее, душа ее хранила главное — память о том, как быть сильной, и знание страха. Сэнзалли не желала брать здесь кого-то в ученицы, и никогда не собиралась; она понимала, что на это у нее не хватит ни знания, ни силы, ни терпения, ни того особого желания, которое непременно должно быть при таком начинании.

Но как же род знания и сестринство шамани, которое каждая из них хоть раз в жизни, но остро ощутит?

Вокруг сплошь ночь, но скоро рассвет. Сэнзалли ни мгновения не спала в этой ночи — готовилась к уходу Сэнгая.

«Моя милая, неизвестная мне Малиэль», — сновало в ее душе, пока она мешала сок хирайи с глиной. — «Я знаю, каково это — остаться одной, потеряться на заре пути и не чувствовать поддержки. Прости меня, что я тут, а ты — там, в неизвестности Большого мира, вместе с остатками родного тебе Союза. Я сбежала от него прочь, но ты — отнюдь», — Сэнзалли сделала себе первую полоску на левой щеке.

«Но такова судьба, по-другому не вышло и не обессудь».

Поглядела вверх, туда, где небо.

«Говорят, что для шамани нет ни хорошего, ни дурного; оно так, но не совсем. Так удобно рассматривать поступки других — это поможет тебе сберечь тишину души и безупречность. Но всякой из нас важно, из чего состоит наша душа: из каких намерений, желаний, стремлений. Путь шамани — это путь навверх, не забывай об этом».

Сэнзалли сделала себе вторую, а потом третью полоску.

Нет, она не может пойти и помочь Малиэль, она не может бросить ту жизнь, которая ее захватила; здесь у Сэнзалли свои обязанности, свои надежды, своя ответственность. Дети. И шамани долго думала, что может сделать для Малиэль; ничего в жизни не должно пропадать даром, и Сэнгай не зря сделал это длинное путешествие. Подумав, она решила передать Малиэль свою силу; она ей пригодится больше. У Сэнзалли еще есть кое-что в запасе, она не растрчивалась на пустяки, а бережно хранила силу, постоянно *сновидя*, чтобы та имела выход и применение.

«В моем обретении было полно страха и боли; но к тебе сила придет чистой, ясной, ведь все мы созданы для большего, чем просто сносить невзгоды жизни. Я сделаю ее чистой для тебя. Скользи с нею по древу мира, а не ужасай всякую бестолочь, как я, чтобы спасти свою шкуру и усмирить чувство своей важности. Я часто говорила о долге, но на самом деле я махала лапой против ветра; а всякий, кто так делает — безумен. Что ж, в каждом из нас сидит толика безумия. Лишь помни, что

долг шамани — совсем иной; это вовсе не борьба с другими душами и чужими поступками; это сражение с тенями ума».

Поглядела на себя в воде. Совсем взрослая львица с тремя черными полосками на щеке.

«Надеюсь, выйдет. А как иначе?».

Сэнзалли не будила, не тревожила Сэнгая. Пусть спит, сколько ему хочется.

Пришлось ждать до полудня.

— Ты поел, Сэнгаи? Не жаждешь? — проявляла она заботу, как самка.

— Твои львицы накормили меня. И воду хорошую показали. Какая у вас тут вода! — довольно сказал он.

— Так и есть. Горы.

— Что ж, Сэнзалли, — буднично молвил Сэнгай. — Безмерно рад, что нашел тебя

— Что ты теперь будешь делать?

— Домой пойду. К Юнити-Хлаалу. Надеюсь, я быстро их найду, если они не сошли с того места.

— Это хорошо. Ибо я хотела кое-что тебя попросить, — мягко сказала Сэнзалли.

— Конечно, говори.

— Дотронься левой щекой к моей. Давай... Вот так, — Сэнзалли потерлась о левую щеку Сэнгая, и на ней остался темный след. — Теперь закрой глаза и слушай. Всё, что сейчас я делаю — для Малиэль. Она продолжает род шамани Союза, потому что ей так начертано. Сквозь этот знак трех полос, что на моей щеке, я передам ей силу; когда ты придешь во прайд, найди Малиэль и скажи, что ты нашел меня. Скажешь ей, что я безмерно рада тому, что она есть, и пусть она будет навсегда. Скажи, что для нее есть скромный дар, и она вольна принять его либо же нет — это ее свободная воля, а нет ничего важнее в жизни, чем свободная воля. Скажи, что здесь для нее есть дар, и она может стать преемницей одного из родов знания Союза. Я знаю, как это трудно — остаться без наставницы, которая не успела тебе передать все знания и всю силу; но сила — суть знание, как и знание — сила. Я не могу дать ей знания, но дам силы. Если Малиэль согласится, то пусть дотронется до тебя щекой так, как мы сейчас; дотронется там, где знак трех полос. А потом пусть сновидит этой же ночью, а я встречу с нею.

— Сновидит? — Сэнзалли сказала так много всего, что Сэнгай попросту не успел толком запомнить.

— Да, она поймет, о чем я. Пусть сновидит в эту ночь. Пусть ничего не боится, хотя будет страшно.

— Почему? — спросил он.

— Принимать силу — всегда страшно. А теперь иди.

— Хорошо. Я всё сделаю. Знаешь, я не всё запомнил. Извини, если что забуду по дороге. И...

— Это неважно. Главное — предложи ей дотронуться до левой щеки.

— Да, Сэнзи.

— Прощай, мой милый Сэнгаи. Я никогда не забывала тебя. И никогда не забуду.

— Прощай, Сэнзи.

И он ушел, а она осталась.

Когда Сэнгай вернулся, то все изумились, и Малиэль — тоже. Все уже убрали его из мира теплой крови в своих мыслях; часто бывает — ушел в неизвестность, да там и пропал. Но после радостной, но непродолжительной встречи Сэнгай уединился с Малиэль, которая к этому времени превратилась в полную жизни молодую львицу.

«Какая странность», — подумала она, лежа на ветвях баобаба и глядя на закат. Переднюю левую лапу она свесила, и не от неги, а от боли, ведь пищи им давно уже не хватает, потому Малиэль не получает никаких привилегий — она тоже охотится каждый день наравне со всеми.

«Отчего я?», — думала она. Почему же Сэнзалли-шамани, львица силы, львица легенды, обратила на нее внимание? Она давно уже стала среди них легендой. Все знали историю Сэнзалли, которая вместе с правдой вмещала в себе кучу домыслов; тем не менее, все считали, что Сэнзалли погибла смертью (одна страшнее другой) пленницы среди злобных вольсунгов. И это даже несмотря на то, что их правитель, по слухам, ищет ее, Сэнзалли, чтобы отомстить. Но это воспринималось как иносказание: мол, настолько он зол и напуган, что старается даже уничтожить ее душу после смерти... Ну, вольсунги, что с них взять. Веруют в нелепости, так почему бы им не делать и такую нелепость?

Но когда Сэнгай вернулся, то не рассказал о том, что Сэнзалли жива... никому. Только поведал ей лично, Малиэль. А все уже по давности забыли, отчего и куда ушел Сэнгай, потому никто не спросил — нашел ли что; а кто не забыл, так тот устыдился спрашивать. Молчит — значит, пришел с пустым ртом, как говорят, без ничего.

Сэнгай сказал ей, изумленной:

— У тебя есть выбор: ты можешь принять либо отказаться от этого.

— Но что меня ждет? — спросила Малиэль, но не от сомнений, а из дрожащего любопытства.

— Она говорила, что это — сила рода. Но мне сложно понять. Я лишь несу эту отметину на щеке, что давно истерлась. Решай.

Она, конечно, решилась.

Малиэль умеет сновидеть, ведь Иррая успела научить ее; не уверенная в себе, она переживала — сможет ли этой ночью? А если всё упустит? А если ничего не выйдет? Сновидение для нее вещь непростая, еще поймать нужно...

Солнце ушло вниз.

Поймать...

Поймать...

«Как же уловить душу шамани, что так далеко от меня? Как уловить всё это, имея лишь тень ее знака у себя на щеке? Имея лишь тень шамани...», — терзалась она, прикрыв глаза.

Вздохнула. Повеяло холодом по левой щеке, озноб прокатился по спине и между ушей. Малиэль снова открыла глаза. Она всё так же глядела на закат, всё как всегда, ничего особенного. Хотя... как закат? Закат, солнце? Оно уже зашло!

«Так почему я вижу его? Значит я уже сновиджу?».

Стоило лишь возникнуть этому вопросу, как всё дрогнуло, расплылось, превратившись в пыль; осталась лишь темная, сверкающая темень.

«Сэнзалли», — смогла вспомнить Малиэль.

Тут же еле слышный звук, что тихо звенел в ушах, перерос в рёв безмерной силы; возникло чувство безмерного, страшного провала вниз. В какой-то миг Малиэль истинно поверила, что просто умирает — невозможно выдержать такое, сохранив саму себя.

Рев ушел, как пришел. Вокруг — странный белый мир, которого Малиэль еще не видала. Всё сияет серебристой белизной, лапы при ходьбе вздымают клубы белого, густого тумана, который повсюду. Малиэль осмотрелась: всё выглядело настолько странно, но в то же время реально, что легко можно испугаться. Это во-все не сновидение, где каждый образ — лишь плод твоего ума; нет, ее душа куда-то попала.

— Малиэль, — прозвучал тихий шепот, что в тоже время напоминал неистовый крик.

Она обернулась, а там львица. Ее лапы оставили алые следы по земле этого белого мира; Малиэль первый раз видит ее, но знает безмолвным знанием, что это — Сэнзалли.

— Ко мне иди, если согласна.

Малиэль медленно и неуверенно подошла к ней, избегая алого взгляда.

«Но страх не должен править», — решила молодая душа и взглянула в алые глаза своего страха; как только это сделала, то глаза Сэнзалли стали сиятельными глазами шамани.

Потом она дотронулась щекой к ее щеке. Сначала обожгло, но потом это перестало быть важным — душу начал насквозь пронимать неистовый вихрь, что цеплялся за любую тяжесть — неуверенность, страх, жалость к себе; и Малиэль поняла — чтобы выдержать такое, душа должна стать прозрачной и легкой, освободиться от лишнего; не то путь шамани станет для нее невозможен, ибо ветер унесет тяжелую душу прочь, не оставив шанса и покоя.

А потом она почти ничего не помнила, лишь стремительное чувство возврата домой — душа устремилась вверх.

С большим трудом Малиэль сошла с дерева на землю, чувствуя жжение на левой щеке. Чувствуя безмерную тяжесть и усталость, она прилегла у корней; она еще не знает, что пережив сомнение и страх, проснется с силой одного из родов знания Союза. Малиэль никогда не сможет узнать имена дочерей этого рода, кроме Сэнзалли, и даже не будет подозревать до самой смерти, что всё — суть одно и то же. Ведь всё идет из одного истока.

Ведь и род Малиэль, и род Сэнзалли, преемницей которого она стала, начинается с имени Анари.

2011–2012

